АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

XX

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том XX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

академик *М. Н. Тихомиров* (отв. редактор),
Б. Т. Горянов, член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лаварев*, *Е. Э. Липшиц*,
Г. Г. Литаврин (отв. секретарь), член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Е. Ч. Скржинская, *М. Я. Сюзюмов*, *З. В. Удальцова* (зам. отв. редактора)

СТАТЬИ

Н. К. КОНДОВ

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ПОЛЕВОДСТВА В БОЛГАРСКИХ И СОСЕДНИХ С НИМИ ЗЕМЛЯХ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Система полеводства, т. е. использование земли под зерновые или другие культуры, чередование различных культур во времени и по месту, представляет собой один из наиболее ярких показателей развития земледельческого хозяйства.

Система полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова привлекала внимание ряда ученых. Однако до сих пор по этому вопросу нет специальных исследований. В некоторых работах лишь попутно рассмотрены относящиеся к данной теме вопросы в связи с постановкой более широких проблем земледелия и земледельческого населения периода средневековья в указанных землях. При постановке этих более общих проблем вопрос о системе полеводства имел подчиненное значение и рассматривался лишь постольку, поскольку это было необходимо для решения проблемы в целом.

Прежде чем изложить нашу точку зрения на поставленный вопрос, постараемся дать краткий обзор того, что сделано в этом отношении до сих пор.

Насколько нам известно, первым, кто писал о системе полеводства на Балканах, в частности в средневековой Болгарии, был Иван Сакызов. В его работе «Bulgarische Wirtschaftsgeschichte» можно прочесть следующее: «При таком положении земледелие можно охарактеризовать как очень экстенсивное хозяйство. Земля давала далеко не то количество продуктов, которое она могла дать. Почва не удобрялась. Обычно для того, чтобы повысить производительность поля, его в течение долгого времени оставляли под паром. Это было возможно при незначительной плотности населения Болгарии и обширной площади необработанных земель. Наличие пара является надежным доказательством двухполья и даже, хотя и реже, трехполья, при котором данный участок земли засеивался попеременно озимыми и яровыми хлебами, а на третий год оставался под паром»[1].

В недавнем прошлом этот вопрос был рассмотрен Е. Э. Липшиц. Она пишет: «Ст. 20 (подразумевается Земледельческий закон.— *Н. К.*), рассматривающая случай самовольной обработки чужой земли без ведома владельца ее, гласит: «Вырубающий чужой лес без ведома его хозяина и возделывающий и засевающий ничего не получает из плодов»».

[1] *I.* Sakâzov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1929. S. 34.

Процессу распашки земли после ее расчистки предшествовало выжигание хвороста и сорных трав. В ст. 56 предусмотрено, что «если кто-либо развел огонь в своем лесу или поле и случилось, что огонь распространился и сжег дома или плодоносные поля, то он не осуждается судом, если не делал этого при сильном ветре». Техническое значение разведения огня в лесу выступает с еще большей яркостью при сопоставлении данной статьи с соответствующими статьями эклоги и эклоги, измененной по Прохирону. И в первой, и во второй указывается, что речь идет именно о выжигании жнива или сорных трав на своем участке. В славянском переводе, изданном А. С. Павловым, этим словам соответствует термин «стернище своей нивы». Как правильно отметил Б. А. Панченко, термин «стернище» в славянском переводе Земледельческого закона имеет два значения: в первом случае — для обозначения соломы, остающейся на корню после жатвы, для перевода греческого τήν καλάμην (ст. 66 Земледельческого закона); во втором — для обозначения лядины — леса, выжигаемого под пашню (ст. 56: ἐν ὕλῃ ἰδίᾳ ἢ ἐν ἀγρῷ).

Как первое, так и второе значение термина указывают на применение огня как на необходимое звено в системе подготовки земли для вспашки. Эта черта, характерная для так называемой подсечной, лядной или огневой системы полевого хозяйства, может быть констатирована не только в Земледельческом законе, но и в ряде других византийских законодательных памятников последующей (Прохирон, эклога, измененная по Прохирону, и др.) и предшествующей эпохи (Дигесты)»[2].

Вопросом о системах полеводства на землях Балканского полуострова, близких к болгарским, занимался также А. П. Каждан. В работе «Византийское сельское поселение», включенной впоследствии в изданную позднее монографию «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.», читаем по этому поводу следующее: «Геопоники рекомендуют севооборот: смену бобовых и хлеба, однако следов правильно организованного севооборота (двухполья или трехполья) проследить не удается»[3]. В той же монографии автор пишет: «В поздневизантийских документах мы не находим никаких свидетельств в пользу существования подсечного земледелия. По-видимому, в это время повсеместно распространяется трехполье. Никифор Григора определенно говорит о существовании ярового и озимого клина, когда отмечает, что на полях византийских земледельцев можно было одновременно видеть и молодой, зеленый еще хлеб, и уже совершенно созревший»[4].

Касался вопроса о системе полеводства в балканских землях, в частности в Македонии, и славист А. Соловьев. В работе «Кончанский практик» он пишет: «Необходимо остановиться на выражении «требеж». Оно говорит о том, что освоение новых земель посредством корчевания леса было очень распространенным способом у средневековых славян... В своей работе Е. Э. Липшиц высказывает мнение, что к тому времени, когда был составлен Номос Георгикос, т. е. к VIII в., в Византии была известна система корчевания леса для земледельческих нужд (подсечно-огневая система земледелия)... Данные же, относящиеся к Македонии, доказывают, что и в XIV в. эта система была хорошо известна в области, которая раньше была частью Византийской империи, и можно утверждать, что она была известна там и в XIII—XIV вв., в период византийского владыче-

---

[2] Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация ВС, стр. 111.
[3] А. П. Каждан. Византийское сельское поселение. ВВ, II, 1949, стр. 222.
[4] Его же. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 42.

ства»[5]. «Д. Ангелов также остановился на вопросах о значении термина «требеж» и о системе полеводства вообще. По мнению Ангелова, в XIV в. в Северной и Средней Македонии практиковалось трехполье, базирующееся на отсталой сельскохозяйственной технике»[6].

Приведенные выдержки из работ И. Сакызова, Е. Э. Липшиц, А. П. Каждана, А. Соловьева и Д. Ангелова дают возможность судить о взглядах этих авторов относительно системы полеводства не только в собственно болгарских землях, но и в соседних с ними районах Балканского полуострова. Необходимо, следовательно, определить, насколько эти мнения обоснованы данными источников, относящихся к рассматриваемой эпохе, и насколько эти данные правильно оценены. Что касается точки зрения И. Сакызова, то можно сразу же сказать, что она не основывается ни на каких непосредственных свидетельствах, относящихся к болгарскому земледелию, а является чисто априорным построением. Кроме того, мнение И. Сакызова выражено им недостаточно четко. Сначала И. Сакызов говорит о том, что пашня в Болгарии в период средневековья оставалась в течение долгого времени под паром, и из этого заключает, что «...наличие пара — надежное указание на наличие двухпольной или даже, хотя и редко, трехпольной системы, при которой данный участок земли засевается попеременно озимым и яровым зерном, а на третий год остается под пар»[7].

Как видно, Сакызов противоречит сам себе, говоря, что земля в течение долгого времени оставалась лежать под паром (явление, характерное для залежной системы полеводства, при которой поле дольше, чем год, находится под паром), и тут же заявляя, что в средневековой Болгарии господствовало двухполье, а также, хотя и в меньших размерах, было распространено трехполье (т. е. полеводческие системы, при которых земля стоит под паром только год). Характеристику полеводческой системы в средневековой Болгарии Сакызов завершает схемой трехполья: 1) озимые зерновые; 2) яровые зерновые; 3) пар, не делая при этом попытки дать схему преобладающей, по его мнению, двухпольной системы. Противоречивость высказываний Сакызова при объяснении одного из важнейших и сложных вопросов организации земледельческого хозяйства показывает, что автор не имел окончательно сложившейся точки зрения по этому вопросу. Поэтому, хотя в воззрениях Сакызова и содержится доля истины, мы не можем признать за ним существенной заслуги в разрешении вопроса о системах полеводства в истории болгарского земледелия.

Точка зрения Е. Э. Липшиц, согласно которой в VIII в. в землях Византийской империи, заселенных славянами, большая часть которых впоследствии вошла в состав средневекового Болгарского государства, господствовала подсечная или огневая система полеводства, представляется на первый взгляд оправданной, ибо автор, как это видно из приведенной выше выдержки, основывает свою точку зрения на данных Земледельческого закона. Закон же этот отражает тогдашнюю повседневную обстановку, в которой протекала жизнь славянского населения Византийской империи[8].

Рассматриваемая работа Е. Э. Липшиц вызвала, однако, вскоре после ее опубликования возражения А. П. Каждана и М. Я. Сюзюмова,

[5] А. Соловјев. Кончански практик. ЗРВИ, 3, 1953, стр. 99—100.

[6] Д. Ангелов. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, стр. 153.

[7] I. Sakâzov. Op. cit., S. 34.

[8] П. Мутафчиев. Селското земевладение в Византия. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. XXV, 1909, стр. 8; Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 105.

указавших на ошибочную интерпретацию Е. Э. Липшиц используемых ею материалов. Критическое отношение к выводам о существовании подсечного земледелия в пределах Византийской империи было высказано А. П. Кажданом и в упомянутой его монографии[9]. Вместе с тем А.П. Каждан сделал оговорку, носящую компромиссный характер. Он пишет, что в Каппадокии, если исходить из сведений, содержащихся в житии св. Ирины Каппадокийской, по-видимому, применялась подсечная (огневая) система земледелия, так как в этом житии обработка земли и расчистка леса как бы приравниваются в качестве необходимых предпосылок для получения хорошего урожая [10].

Приведенная выше цитата из работы Липшиц показывает, что автор делает свой вывод о применении на землях Византийской империи, занятых славянами, подсечной (огневой) системы земледелия, основываясь на ст. 20 и 56 Земледельческого закона, в которых упоминается: а) о вырубке леса с целью получения земли, годной для пахоты, и б) о применении огня для освобождения поля от стерни или о расчистке лесных площадей с целью получения новых комплексов земель, годных для обработки.

Е. Э. Липшиц приходит к своему выводу чисто формальным путем, основываясь на двух приведенных ею свидетельствах и не пытаясь определить место этих явлений в хозяйственном процессе. Как правильно отметил А. Каждан, освоение новых земель (появление «нови») не всегда можно объяснить применением подсечно-огневой системы земледелия в данном районе [11]. Данных Земледельческого закона недостаточно для заключения о применении этой системы в византийском земледелии той эпохи.

При подсечно-огневой системе полеводства огонь выполняет те функции, которые при более интенсивных системах осуществляет земледелец; иными словами, огонь выступает в качестве заменителя обработки почвы. Липшиц совершенно точно определила эту функцию огня в следующих словах: «...после того, как срубленные деревья вывезены, сжигается оставшийся из-под леса хворост, затем производится довольно поверхностная обработка почвы, а потом в течение ряда лет участок засеивается» [12].

Приведем также высказывание по этому поводу П. Н. Третьякова. Опираясь на этнографические материалы, относящиеся к сохранившемуся еще в начале XIX в. подсечно-огневому земледелию в Карелии и Белорусском полесье, Третьяков пишет: «Интересно отметить, что сжигание срубленного леса не являлось средством расчистки будущего поля, как это может показаться с первого взгляда. Подсечное земледелие по своим особенностям резко отличалось от всех других видов земледелия. Огонь являлся здесь своеобразным средством обработки земли, так как после сожжения огромной массы древесного материала, когда прогорал и превращался в рыхлую золу и верхний слой почвы, можно было землю не обрабатывать, а производить посев прямо в золу» [13].

Очевидно, первой характерной чертой подсечно-огневой системы полеводства является поверхностная обработка или вообще отсутствие всякой обработки почвы, предназначенной для засеивания. Однако у нас нет никаких сведений о том, что обработка (вспахивание) почвы в Византии и

---

[9] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 41.
[10] Там же, стр. 42.
[11] Там же, стр. 41.
[12] Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 111.
[13] П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. Сб. «История культуры древней Руси», т. I. М.— Л. 1951, стр. 52—53.

в землях Балканского полуострова, заселенных славянами, производилась недостаточно тщательно или не производилась вовсе. Напротив, даже в житии св. Ирины Каппадокийской (относящемся к южному побережью Черного моря), которое, по мнению Каждана, позволяет допустить существование в некоторых районах империи подсечно-огневой системы полеводства, заботливая обработка почвы подчеркивается наряду с расчисткой леса как необходимая предпосылка для получения хорошего урожая [14].

Второй характерной чертой подсечно-огневой системы полеводства является использование данного участка земли для засеивания сельскохозяйственными культурами в течение сравнительно недолгого времени — по мнению П. Н. Третьякова, в течение не более чем трехлетнего срока [15]. Е. Э. Липшиц пишет по этому поводу: «Таким образом расчищенное поле засеивается подряд два, три, четыре года и дольше» [16]. После использования земли в течение нескольких лет под земледельческой культурой, когда урожай начнет уменьшаться в результате истощения почвы, участок забрасывается и постепенно возвращается в первоначальное состояние, зарастая лесом и восстанавливая естественным путем свое плодородие. Е. Э. Липшиц говорит об этом так: «Когда почва истощается, участок забрасывают, и он снова зарастает лесом» [17]. Использование земли указанным выше способом в условиях оседлого земледелия, характерного не только для Византии, но и для других земель Балканского полуострова, делало бы возможным возвращение забрасываемых участков земли в культурное состояние лишь через 40—60 лет, как считает Третьяков [18].

Но и об этой второй характерной черте подсечно-огневой системы полеводства (о возвращении обрабатываемой земли в первоначальное состояние и повторном ее использовании) мы нигде не находим указаний в источниках.

Осуществление такой длительной ротации предполагает, безусловно, наличие огромного земельного резерва. Но у нас нет данных, что такими ресурсами владели крестьяне, о которых в первую очередь и говорит Земледельческий закон, не только в Византии, но и в других частях Балканского полуострова. «Сведения, прямые и косвенные, о размерах земледельческого хозяйства, которыми мы располагаем от разных периодов средневековья, показывают, что хозяйство велось в условиях крайнего малоземелья, которое никак не могло позволить проводить столь длительную ротацию (50—60 лет), которая необходима при подсечно-огневой системе.

От времени Первого Болгарского царства мы не имеем прямых данных о размерах земледельческого хозяйства. Но у нас есть достаточно убедительные указания, свидетельствующие, что эти размеры обычно были незначительны. Так, косвенное свидетельство этого можно видеть в рассказе героя «Чуда св. Георгия Болгарина», который повествует, что перед тем, как принять участие во втором походе царя Симеона против венгров, он, зарезав более десяти овец и свиней и лучшего своего вола, роздал мясо своим бедным соседям [19]. Таким образом, в этот период в болгарском селе были бедные крестьяне, хозяйства которых не могли дать достаточного количества средств пропитания.

[14] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 42.
[15] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 53.
[16] Е. Э. Липшиц. Указ. соч., стр. 111.
[17] Там же.
[18] П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 54.
[19] Й. Иванов. Старобългарски разкази. София, стр. 45; Ив. Дуйчев. Из старата българска книжнина, кн. I. София, 1943, стр. 73.

Для XI—XII вв. некоторые сведения о величине крестьянских хозяйств содержатся у Феофилакта Охридского. В письме к византийскому епископу Феофилакт отмечает, что сборщики налогов для того, чтобы получить налог, уводили крестьянских детей и продавали их в рабство, как скот [20]. Подобная нищета населения не могла бы иметь места, если бы крестьяне располагали достаточным количеством обрабатываемой земли. От XIII—XIV вв. имеются прямые данные источников о размерах крестьянских наделов. Эти данные имеются в описях византийских деревень, или находящихся в непосредственной близости от болгарских земель, или же являвшихся в прошлом болгарскими. Эти данные, приведенные в работах Б. Т. Горянова [21] и А. П. Каждана [22], показывают, что наиболее зажиточные крестьяне владели не более чем 100—150 модиями земли, что в переводе на современную систему мер площади едва достигает 10—12 гектаров.

Очевидно, что при таком малоземелье в крестьянском хозяйстве не существовало никаких возможностей для применения подсечно-огневой системы полеводства.

Исходя из отмеченных характерных черт подсечно-огневой системы полеводства, с одной стороны, а также из реальных данных о размерах сельского земледельческого хозяйства в землях Балканского полуострова, с другой стороны, считаем, что мнение Е. Э. Липшиц о наличии подсечно-огневой системы полеводства в балканских землях, заселенных славянами, несовместимо с объективными условиями сельского земледельческого производства в этих землях и построено на ошибочном толковании соответствующих текстов Земледельческого закона.

В таком случае возникает вопрос, как следует толковать приведенные Е. Э. Липшиц главы Земледельческого закона, в которых совершенно ясно говорится о расчистке лесных площадей посредством вырубания деревьев (ст. 20) и с меньшей определенностью — о расчистке новых земель с помощью огня (ст. 56). Отметим также, что изложенные ниже наши соображения являются одновременно и ответом А. Соловьеву, говорившему о наличии в XIV в. подсечно-огневой системы полеводства в некоторых областях Македонии.

Расчистка лесных площадей под сельскохозяйственные культуры осуществлялась не только в областях, где применялась подсечно-огневая система полеводства, но также и в районах, где господствовали более прогрессивные системы полеводства (двухполье, трехполье или даже многопольные полеводческие системы).

При интенсивных полеводческих системах необходимость в расчистке лесных или целинных площадей могла появиться, в частности, в результате роста земледельческого населения. В качестве источника большей части новых площадей культурной земли выступали в первую очередь леса, окружавшие деревню. О широком применении этого способа получения новых площадей земли свидетельствует, кстати, то обстоятельство, что в языке двух основных групп народов, населявших Европу, — славянской и германской — имеются специальные термины, обозначающие расчистку леса под пашню. В болгарском языке имеется даже два таких термина: а) коренеж — уничтожение старого леса, когда приходится выкорчевы-

---

[20] Симеон, митрополит варненски и преславски. Писмата на Теофилакта охридски, архиепископ български. София, 1931, стр. 18, 16-е писмо Б. Финетти.

[21] Б. Т. Горянов. Византийское крестьянство при Палеологах. ВВ, III, 1950, стр. 42—43.

[22] А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 60 сл.

вать деревья с большими и глубокими корнями, и б) требеж — расчистка земельных площадей, занятых молодым или низким лесом и кустарником [23].

В результате такой расчистки были почти полностью сведены обширные девственные леса, покрывавшие большие площади Балканского полуострова, включая и болгарские земли. О существовании таких лесов на упомянутой территории имеется немало свидетельств. Не вызывающие сомнений данные о расчистке территории от леса с целью увеличения земельной площади, используемой под сельскохозяйственные культуры в Северной Македонии, содержатся в Кончанском практике [24], а также в грамотах сербских правителей XIV в., как на это указал Д. Ангелов [25], и в грамоте краля Душана от 21.V 1349 г., приведенной А. Соловьевым. На основании этой грамоты и данных Кончанского практика, а также учитывая точку зрения Е. Э. Липшиц, А. Соловьев пришел к выводу о применении в македонских землях подсечно-огневой системы полеводства [26]. Из болгарских источников можно сослаться на Виргинскую грамоту, содержащую одно, правда, не очень ясное, свидетельство о расчистке леса с целью получения земли для земледельческих нужд: «Аще кто... лѣсь усѣщи» [27].

А. Каждан также отметил, что леса в течение жизни многих поколений были значительным резервом увеличения площадей земли, используемых для культурных целей, и что потребность в этом вызывалась непрестанным ростом земледельческого населения на Балканском полуострове, в частности в пределах Византийской империи [28].

Так как расчистка леса производилась при этом отнюдь не для того, чтобы пустить полученные таким способом земли во временное, эпизодическое пользование (как это делалось при подсечно-огневой системе), а с расчетом использовать их постоянно, то и функция огня в византийском балканском земледелии не носила характера агротехнического средства; она не являлась приемом земледельческого хозяйства, непосредственно связанным с созданием условий, благоприятных для развития земледельческих культур. Огонь был лишь мелиоративно-техническим средством.

Применение огня преследовало здесь цель превратить лесные пространства в культурные пахотные земли. При отсталой технике того времени огонь заменял земледельцу-мелиоратору современные технические средства.

Статья 17 Земледельческого закона, текст которой приводит и Е. Э. Липшиц, неопровержимо доказывает, что упомянутая в ст. 20 и 56 расчистка леса носила мелиоративный, а не агротехнический характер. То обстоятельство, что собственник лесного участка предоставлял расчистившему его земледельцу право безвозмездного пользования вновь освоенным участком земли в течение трех лет (ст. 17), свидетельствует о том, что перед нами длительная работа по освоению новой территории, а не подготовка ее к кратковременному использованию, как при подсечно-огневой системе, когда трехлетнее непрестанное пользование освоенной посредством расчистки землей вообще является чуть ли не максимальным сроком

[23] С. Младенов. Этимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 641; Л. Андрейчик, Л. Георгиев и др. Български тълковен речник. София, 1956, стр. 872.
[24] А. Соловјев. Указ. соч., стр. 99—100.
[25] Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 71—74.
[26] А. Соловјев. Кончански практик, стр. 99—100.
[27] Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 586.
[28] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 58.

пользования таким участком. Если же по истечении первых трех лет данный участок оставался по-прежнему годным для использования в земледельческих целях, то надо полагать, что его плодородие понизилось не столь значительно, иначе договор собственника с земледельцем и трехлетние льготы в пользу последнего не имели бы никакого смысла.

Выводы Д. Ангелова относительно требежа и лазов убедительно показывают, что это — мелиоративные мероприятия, средства для получения новых земель для длительного использования в сельскохозяйственных целях [29], а отнюдь не обработка поля с целью только кратковременного пользования им, как думает А. Соловьев.

Вместе с тем мы вовсе не отрицаем, что в известных случаях огонь в условиях византийского и вообще балканского земледелия мог выполнять и агротехническую функцию. Другими словами, его применение в земледелии имело прямую и непосредственную связь с созданием благоприятных условий для выращивания культурных растений. Колосья срезали в то время сравнительно высоко — на полях оставалось значительное количество соломы в виде высокой стерни, особенно от озимых зерновых. Эта стерня и солома, если ее не устраняли посредством сожжения, затаптывалась и смешивалась с почвой, образуя во время осенней слякоти твердую корку. Такое состояние почвы при несовершенстве орудий труда могло не только затруднить, но и сделать совершенно невозможным весенний сев. Вот почему огонь становился безусловно необходимым вспомогательным агротехническим средством.

О том, что сжигание совершалось осенью, можно заключить из следующих слов ст. 56 Земледельческого закона: «...если огонь не был зажжен во время сильного ветра...» А как известно, сильные ветры бушуют на Балканах обычно поздней осенью. При сжигании уничтожались также семена сорняков и спорынья.

Санитарная функция огня в земледелии надолго сохранилась в болгарских землях, особенно в районах крупного земледелия с зерновым уклоном. До первой четверти настоящего столетия во многих сельскохозяйственных районах Северной и Юго-Восточной Болгарии огонь был обязательной составной частью в системе агротехнических приемов, которые применял в своем хозяйстве болгарский земледелец.

А. П. Каждан в работах «Византийское сельское поселение» и «Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.» говорит также и о системе полеводства в Византии. В первой из упомянутых работ он высказывается очень сдержанно и кратко, ограничиваясь только замечанием, что нет возможности обнаружить какие-либо следы правильно организованного севооборота [30]. Во второй работе, опираясь на сообщение Никифора Григоры, который пишет, что на полях византийских земледельцев можно было одновременно видеть как полностью созревшие зерновые посевы, так и еще зеленеющие, А. П. Каждан пишет, что в этих словах византийского хрониста можно видеть доказательство существования зимнего и весеннего полей в севообороте, и придерживается взгляда *о повсеместном распространении трехполья* (озимые зерновые, яровые зерновые, пар) [31].

Вторая часть вывода А. П. Каждана, а именно, что византийские земледельцы выращивали на своих полях озимые и яровые хлеба, или, как выражается А. П. Каждан, имели зимние и весенние поля, не вызывает никаких возражений.

---

[29] Д. Ангелов. Аграрните отношения..., стр. 71—74.
[30] А. П. Каждан. Византийское сельское поселение, стр. 222.
[31] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 42.

Возражения могут быть сделаны, однако, в отношении первой части его вывода — о применении византийскими земледельцами на своих полях трехпольной системы [32].

Вывод А. П. Каждана о существовании в Византии трехполья сделан, *как нам представляется, с учетом условий земледелия не в южных, а* в северных областях Восточной Европы.

Вследствие специфических климатических условий севера Восточной Европы (короткая осень и быстро наступающая зима) и связанных с ними особенностей вегетационного периода при позднем посеве яровых хлебов и соответственно поздней их жатве земледельцу после снятия урожая яровых почти не остается времени для подготовки и засеивания поля озимым зерном. Поэтому он вынужден удлинить ротацию еще на один год, образовав наряду с занятыми озимым и яровым клинами еще одно занятое или пустующее поле. Это поле позволяет ему производить своевременный посев озимых хлебов, всходы получают возможность хорошо развиться и окрепнуть к наступлению зимы, чтобы безболезненно перенести морозы.

В климатических же и вегетационных условиях Балканского полуострова (особенно его южных окраин, входивших в состав Византийской империи), а *именно в условиях продолжительной и теплой осени*, когда вегетация гораздо более продолжительна и условия работы в поле долго остаются благоприятными, необходимость в третьем промежуточном поле, обычном для трехполья, отпадает. Исключение в этом отношении составляют только горные районы, где климат более суров. Там трехполье, безусловно, имело решающее значение для преуспевания земледельческого хозяйства и особенно для своевременного выполнения ряда земледельческих работ.

Таким образом, если третье промежуточное поле не выполняло никакой функции в полеводстве на землях Балканского полуострова, то оно не могло там и существовать. По тем же причинам и античное земледелие в этих местах, согласно имеющимся сведениям (Геопоники) [33], строилось на основе двухполья с занятым паром. Можно предполагать, что третье промежуточное поле представляло собой пережиток, принесенный славянами с их северной прародины, где они, безусловно, знали и выращивали *в условиях трехполья как озимые, так и яровые земледельческие культуры*. Но ведение хозяйства в условиях Балканского полуострова должно было постепенно убедить славянское население в том, что подобное усложнение севооборота (трехполье) не оправдывает себя и совершенно излишне. Поэтому новое славянское население на землях Балканского полуострова (независимо от того, в пределах какого государства оно жило — в Византии, Болгарии или, позднее, в Сербии) ввело двухпольную систему с занятым в большей или меньшей степени паром, несколько видоизменив традиции местного античного земледелия.

Но кроме этих чисто теоретических соображений в отношении полеводства на болгарских землях, мы имеем также совершенно определенные свидетельства современников, подтверждающие, что в Болгарии и соседних с нею областях в течение средневековья господствовало двухполье с полностью или отчасти занятым паром.

Эти свидетельства относятся к эпохе, на несколько столетий предшествующей той, *к которой относится сообщение Никифора Григоры, а одно* из них весьма близко ко времени составления Земледельческого закона.

---

[32] Впрочем, о трехпольном севообороте (озимые, яровые, пар) говорит и М. Я. Сюзюмов.

[33] А. П. Каждан. Византийское сельское поселение, стр. 222.

Первое из упомянутых свидетельств относится к концу IX и первой четверти X в. Оно принадлежит одному из наиболее выдающихся культурных сподвижников царя Симеона — Иоанну Экзарху. С удивительным мастерством, характерным для его крупного писательского дарования, он в нескольких словах в своем «Шестодневе» дает поразительно точное и художественно яркое описание обработки болгарских полей в его время: «...ѥще же ѥже по нивамъ лѣпота многоразличїа. Житнаа и сочивнаа»[34].

Ясно, что эпохе царя Симеона было совершенно чуждо представление об однополье, которое присуще подсечно-огневой системе, о двухполье с полностью незанятым паром или, наконец, о трехполье с двумя зерновыми и одним незанятым полем под паром.

Напротив, Иоанн Экзарх с полной определенностью говорит о полях, на которых зеленели зерновые и пестрели багряные бобовые растения[35]. Иначе говоря, в конце IX — начале X в. болгарский земледелец еще применял двухполье с занятым паровым полем при следующем сочетании культур: озимые зерновые (житнаа), бобовые летние (бабочкоцветные, «сочивнаа» Иоанна Экзарха).

Севооборот по указанной схеме следует признать возможным, ибо на Балканах (включая земли, занятые славянами) издревле возделывались бобовые растения (чечевица, бобы, горох, вика и др.)[36]. Позднее, в период средневековья, возделывали также турецкий горох. Это бобовое растение, согласно житию св. Ивана Рильского, написанному последним болгарским патриархом Евфимием, произрастало «по воле бога», чтобы-де старец в Рильской пустыне имел чем кормиться: «Повелѣ бо земли израстити слануток вь пропитаньѥ стго»[37].

Кроме двухполья с занятым паром (при сочетании озимые зерновые — летние бобовые), в болгарских, а вероятно, и в соседних с ними землях, как это следует из сообщения Никифора Григоры, применялось двухполье с занятым паром со следующим сочетанием культур: озимые зерновые — яровые зерновые. Из озимых зерновых сеялись пшеница и рожь, а из яровых — ячмень, просо, овес.

О наличии такого сочетания яровых и озимых зерновых при двухполье на землях Балканского полуострова свидетельствует также Иоанн Скилица, живший почти на три столетия раньше Никифора Григоры, сообщение которого использовал А. П. Каждан.

Скилица, говоря о системе управления Болгарией после ее подчинения Василием II, свидетельствует: «Император Василий, покорив болгар, не пожелал ни преобразовывать страну, ни изменять характер повинностей, но пожелал, чтобы болгары остались при тех же постановлениях и чтобы жили так, как некогда постановил Симеон, и каждый болгарин, *имеющий пару волов, должен был давать в государственную казну один*

[34] Иоанн, Экзарх Болгарский. Шестоднев. Издание императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.

[35] Л. Андрейчин, Л. Георгиев. Указ. соч., стр. 813; сочиво: бобы, фасоль, чечевица, горох.

[36] Н. Арнаудов. Растителни материали от предисторическото селище Караново, Н. Загорска. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1937/38; его же. Бележки върху предисторическите растителни храна у нас. «Известия на Ботаническото дружество», 1939; его же. Върху новооткритите предисторически растителни останки вь Южна България. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1940; его же. Принос за проучване предисторическия лимец. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1947/48; его же. Предисторически растителни материали. «Годишник на Софийския университет, физико-математическият ф-т», 1948/49.

[37] Й. Иванов. Указ. соч., стр. 375.

модий зерна и столько же проса» (ячменя) [38]. Распределение налогового бремени на земледельческое хозяйство поровну между озимыми и яровыми зерновыми культурами свидетельствует, что в структуре тогдашнего полеводства в болгарских землях эти сочетания культур были полностью разнозначны, площадь полей делилась в основном между ними, иными словами, существовало двухполье со следующим сочетанием культур: озимые зерновые — яровые зерновые. Таким образом, двухполье с занятым паром появилось не в позднее средневековье, как предполагает Каждан [39], а издавна практиковалось балканскими земледельцами.

Бесспорно, сведения о севообороте по схеме: озимые зерновые — яровые зерновые, сообщаемые Скилицей и Никифором Григорой, далеко не столь определенны, как сведения Иоанна Экзарха. Тем не менее они позволяют настаивать на выводе о двухполье, поскольку пережитки этого севооборота сохранились почти до наших дней в некоторых отсталых в аграрном отношении горных и полугорных районах (Тырновский, Провадийский, а также Разградский, Кубратский и др.) при сочетании культур: овес, пшеница, просо, пшеница, ячмень, пшеница, рожь [40].

Итак, в эпоху средневековья в болгарских и соседних землях Балканского полуострова, как об этом свидетельствуют Иоанн Экзарх, Иоанн Скилица и Никифор Григора, были распространены две разновидности двухполья с занятым паром, которые существовали как в чистом виде, так и сочетаясь друг с другом, что, по-видимому, было наиболее частым явлением. Использование обеих разновидностей двухполья с занятым паром было обусловлено прежде всего потребностями хозяйства в различных продуктах, а кроме того, необходимостью сохранить запас питательных веществ в почве.

Разумеется, было бы неверно полагать, что уже в средние века пар был полностью занят под соответствующие культуры, несмотря на то, что, кроме перечисленных выше, имелись еще и другие земледельческие культуры (лен, конопля, хлопок, мак, арбуз, дыня, тыква и др.), которые могли быть высеяны на поле, находящемся под паром. Некоторые из этих культур возделывались в болгарских землях еще в доисторические времена, как, например, лен [41], другие — во фракийский период, например конопля [42], третьи — уже в период средневековья (хлопок [43], культурный мак [44], арбуз [45], дыня [46], тыква [47]).

---

[38] В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 26—27.

[39] А. П. Каждан. Аграрные отношения..., стр. 42.

[40] Н. Тр. Атанасов. Трайчо-сеитообръщенията в България. София, 1939, стр. 26.

[41] Н. Арнаудов. Предистерически растителни материали; П. Детев. Селищната могила Банята при с. кап. Дмитрчево. «Годишник на Пловдиевския народен музей», т. II; Н. Петков. Предисторическото селище Обреща при с. Чалопечене Софийско. «Годишник на Народния археологически музей», 1922/25.

[42] Г. И. Кацаров. Очерк на историята и бита на древна Тракия. София, 1928, стр. 17.

[43] Д. Ангелов. По въпроса за стопанския облик на българските земи през XI—XIV в. ИП, 1951, ч. VII, № 4—5.

[44] В. Н. Златарски. История..., т. III. София, 1940, стр. 44.

[45] Б. Цонев. Славянски ръкописи в Българската Академия. «Сборник на Българската Академия на науките», кн. VI, 4, стр. 28.

[46] В. Н. Златарски. Указ. соч., т. III, стр. 128.

[47] Симеон, митрополит Варненски и Преславски. Писмата на Теофилакта Охридски, архиепископ Български. «Сб. на Бълг. Акад. и на науките», кн. XXVII, 15. София, 1931, стр. 11.

Э. ФРАНЧЕС

ВИЗАНТИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДУНАЯ В VI в.

Румынская историография, излагая историю Траяновой Дакии после ухода римских войск, справедливо утверждала, что в последующие века население бывшей римской провинции продолжало поддерживать связи с населением Балканского полуострова. Высказывалось, однако, и мнение, что Римская империя, а затем ее преемница — Византия продолжали с небольшими перерывами владеть левобережьем Дуная до самого начала VII в. Все историки, занимавшиеся этим вопросом, считают, что во время Константина I и Юстиниана Византия владела полосой земли на территории, расположенной по левому берегу Дуная [1].

В. Пырван утверждал даже, что во время правления Юстиниана была образована провинция на левобережье Дуная, охватывавшая часть территории Баната и Олтении [2]. Н. Йорга высказал мнение о «возобновлении» римской жизни на левом берегу Дуная в эту эпоху [3]. Существование византийского господства на левобережье Дуная в VI в. допускалось и в более поздних трудах, где утверждалось, что Юстиниан не отказался от мысли вновь захватить Траянову Дакию [4].

Выдвигались различные объяснения политики Византии, направленной на укрепление ее господства на обоих берегах Дуная. В частности, высказывалось предположение, что путем создания передовых укрепленных аванпостов на территории самих «варваров» обеспечивалась надежная оборона Балканского полуострова от нашествия мигрирующих народов; что эти укрепления являлись в случае необходимости укрытием

[1] A. D. Xenopol. Istoria Romînilor din Dacia Traiană, ed. III, vol. 2. Bucureşti, p. 100; V. Pîrvan. Contribuţii epigrafice la istoria creştinismului Daco-Roman. Bucureşti, 1911, p. 189; N. Iorga. La «Romania» Danubienne et les barbares au VI-e siècle. «Revue belge de philologie et d'histoire», III (1924), 1, p. 47; idem. Istoria Romînilor, II. Bucureşti, 1936, p. 228; idem. Danube d'Empire. «Etudes byzantines», II. Bucarest, 1940, p. 204; N. Bănescu. Bizanţul şi Romanitatea de la Dunărea de jos. Academia Romînă. «Discursuri de recepţie», LXXII, 1938, p. 18—19; I. Minea. Influenţa bizantină in regiunea Carpato-Dunăreană pînă la sfîrşitul secolului al XII-lea. «Bul. soc. numismatice romîne», XXVII—XXVIII (1933—1934), p. 107; C. C. Giurescu. Istoria Romînilor, ed. I, vol. I. Bucureşti, 1935, p. 204; R. Vulpe. The ancient history of Dobrogea. Bucharest, 1940, p. 113; I. Nistor. Romînii în Transdanuvia. «Anal. Acad. Romîne», seria III, tom. XXIII, p. 588; idem. Bizantinii în luptă pentru recucerirea Daciei şi Transdanuviei. «Anal. Acad. Romine», seria III, tom. XXV, p. 703; R. Ilie. Centăţiele de la Dunăre şi rostul lor în secolul al VI-lea. «Revista istorică», XI (1925), 1—3, p. 34; Al. Bărcăcilă. Une ville daco-romaine-Drubeta. Bucarest, 1938, p. 24.

[2] V. Pîrvan. Contribuţii..., p. 192.

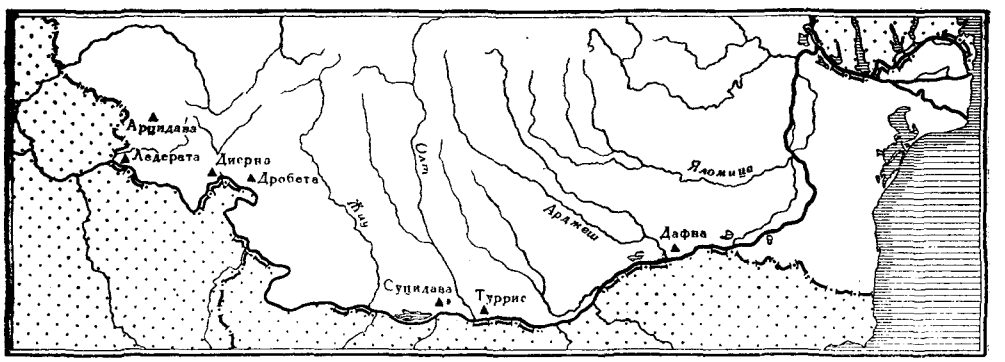
[3] N. Iorga. Istoria Romînilor, II, p. 118.

[4] D. Tudor. Oltenia romană, ed. II-a. Bucureşti, 1958, p. 363.

для византийского речного флота, наконец, что они служили для связей с романизованными элементами Траяновой Дакии [5].

К этому прибавлялись и доводы экономического характера. Предполагалось, что предмостные укрепления на левом берегу Дуная позволили римским гарнизонам контролировать богатую зерном Олтению и рыбные промыслы в Дунайских поймах [6].

В своих утверждениях о византийском господстве на левобережье Дуная в VI в. все историки опираются на сведения, содержащиеся в сочинении Прокопия Кесарийского «О постройках», и на данные новеллы XI



Карта Левобережья Дуная в VI в.

о распространении церковной власти вновь созданного архиепископства в Юстиниана Прима на местности, расположенные на левом берегу Дуная. В этой новелле с высокомерием, характерным для стиля юридических сочинений времени Юстиниана, утверждается, что оба берега Дуная находятся под римским господством [7].

На основании этих и других данных, которые представляются довольно точными, историки пришли к выводу, что в VI в. под византийским владычеством находились по крайней мере следующие укрепления на левом берегу Дуная: в Банате — Ледерата, Зернес, Арцидава и многие другие крепости, названия которых у Прокопия не приведены; в Олтении и Мунтении — Друбета, Суцидава, Туррис (который, вероятно, находился на месте современного города Турну-Мычуреле); наконец, Дафна — у впадения Арджеша в Дунай [8].

Во времена Константина существование передовых постов на левом берегу Дуная, связанных с правым берегом двумя мостами в Суцидаве и в Дафне, является совершенно бесспорным. Это объясняется наступательной политикой римлян в области Дуная. Совершенно иным представляется положение в VI в. Письменные источники и археологические раскопки говорят о том, что Балканский полуостров в VI в. был совершенно не защищен. Лишь к концу столетия император Маврикий предпринимает некоторые попытки восстановить порядок, но они полностью проваливаются в результате восстания войск в 602 г. Прокопий, выражавший официальную линию византийской политики первого периода правления Юстиниана,

[5] R. Ilie. Op. cit., p. 34.
[6] D. Tudor. Arderea cetății Sucidavă. «Revista istorică romînă», XV (1945), p. 150.
[7] Novellae, N XI, cap. II, ed. Schoell-Kroll. Berolini, 1904, p. 94.
[8] D. Tudor. Oltentia..., p. 363.

т. е. времени завоеваний на Западе, подчеркивает в различных местах своих сочинений, что граница империи проходила по Дунаю, но нигде у него нет хотя бы намека на намерение Византии отодвинуть дальше на север эту естественную границу. Наоборот, его удивляет то обстоятельство, что нашествия варваров не могут быть остановлены на Дунае. Так, он указывает, что Дунай, протекая мимо Дакии, отделяет варваров, проживающих на его левом берегу, от римлян, владеющих правым берегом [9]. По поводу назначения Хильвудия начальником войск во Фракии Прокопий уточняет, что Хильвудий получил приказ сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать варварам перейти через Дунай, и за все три года его командования варвары не осмеливались проникать на территорию империи. Наоборот, он сам атаковал их на противоположном берегу и даже захватил пленных [10].

Отсюда вытекает, что у Византии не было никаких наступательных планов в отношении левого берега Дуная и что в 530—533 гг., когда Хильвудий был военачальником Фракии, он предпринимал экспедиции лишь для устрашения народов, доходивших до левого берега Дуная. О том, что граница империи остановилась на Дунае, имеются свидетельства и в других произведениях Прокопия [11]. Более того, этот историк упрекает Траяна за то, что в силу своего горячего характера и честолюбия тот отважился на завоевание Задунайской Дакии [12].

Созданные византийцами весьма незначительные по размерам и отдаленные друг от друга на сотни километров предмостные укрепления на вражеской территории не имели серьезного военного значения. Эти укрепления, которые, по-видимому, действительно были воздвигнуты в VI в. у Друбеты и Суцидавы по инициативе Юстиниана, представляли собой очень небольшие импровизированные укрепления, для постройки которых были использованы остатки старых военных построек; они фактически предназначались для защиты местного населения во время вражеских нашествий и не являлись военными укреплениями в подлинном смысле слова. Так, крепость VI в. в Друбете — это лишь шестиугольная башня на юго-западном участке бывшей крепости [13]. Небольшие размеры этой военной постройки дали А. Баркачиле право сделать вывод, что Юстиниан отказался от восстановления укрепления по ту сторону реки против Понтеса, т. е. близ Друбеты [14].

То же самое можно утверждать и относительно Суцидавы. Восстановительные работы, которые приписывают времени Юстиниана, сводятся к построению одной башни [15].

Таким образом, становится ясным, что не может быть и речи о византийском господстве на левом берегу Дуная, поскольку такого рода укрепления, о каких мы говорили, не имели существенного значения, не могли ни помешать переходу врага через Дунай, ни обеспечить охрану навигации византийской речной флотилии.

---

[9] P r o c o p i u s, ed. Haury, III (2), p. 125, De aedificiis, IV, 5.
[10] P r o c o p i u s, II, p. 354, De bello Gothico, III, 14.
[11] Ibid., VIII, 5, p. 508.
[12] P r o c o p i u s, III (2), p. 128, De aedificiis, IV, 6.
[13] Gr. T o c i l e s c u. Fouilles et recherches archéologiques en Roumanie. Bucarest, 1900, p. 141; Al. B ă r c ă c i l ă. Op. cit., p. 23.
[14] Al. B ă r c ă c i l ă. Op. cit., p. 24. Данные Прокопия о населенных пунктах и укреплениях на левом берегу Дуная настолько приблизительны, что он использует для Друбеты вымышленное название, а именно — Теодора.
[15] D. T u d o r. Sucidava. «Materiale arhceologice privind istoria veche RPR». Bucureşti, 1953, p. 697.

Впрочем, на всем Балканском полуострове было так мало византийских войск, что варвары могли легко и в любое время переправиться через Дунай и проникнуть на территорию империи [16].

При такой немногочисленности войск кажется совершенно невероятным их распыление по пограничным пунктам без всякой пользы для защиты империи. Все это дает нам право искать другое объяснение созданию подобных укреплений, приписываемых Прокопием Юстиниану, и другой смысл текста новеллы XI. Эта новелла, бесспорно, является официальным документом, и ее категорическое утверждение о том, что Византия стала вновь господствовать на обоих берегах Дуная и что Литерата и Рецидава, расположенные на левом берегу, находились под церковной властью архиепископа Юстинианы Прима, требует внимательного исследования. У Прокопия имеется указание на то, что в Литерате, которая раньше называлась Ледерата, Юстиниан построил большую и мощную крепость [17]. Другая местность, поименованная в новелле, Рецидава, не упоминается больше нигде, и несомненно, что здесь неправильно названа какая-то другая местность. Были выдвинуты различные предположения. Одни считали, что речь идет об Арцидаве, расположенной несколько далее, в глубине страны [18]; другие — о Суцидаве в Олтении (современная область Крайова) [19]. Нам представляется более правдоподобным первое предположение, поскольку трудно допустить, что можно было считать соседними местности, расположенные на таком большом расстоянии друг от друга, как Ледерата и Суцидава.

Для полного выяснения этого вопроса необходимо представить себе историческое положение Балканского полуострова около 535 г., когда появилась новелла XI. Намного ранее 535 г. берега Дуная в Верхней Мезии по реке Мораве находились под господством гепидского или гуннского вождя Мундо [20]. Еще около 510 г. империя была вынуждена признать за ним занимаемую территорию [21]. После того как мощь остготов ослабела, Мундо, который до этого был их союзником, переходит на службу к Византии и становится magister militum per Illyricum. Как союзник Византии он разгромил и изгнал с Балканского полуострова в 530 г. протоболгар и гепидов [22]. После этого военного успеха, а может быть, и раньше, власть Мундо распространилась на территорию, занимаемую гепидами, т. е. на территорию нынешнего Баната, где находились Литерата и Рецидава, указанные в новелле XI. Так как Мундо перешел на службу к Византии и стал magister militum per Illyricum, Византия рассматривала территории, находившиеся под господством Мундо, как вошедшие в состав империи. Но это далеко не означало, что Византия фактически владела этими территориями. Хорошо известны условия, на которых другие «варварские» военачальники — Аларих и Теодорих — стали византийскими военачальниками на Балканском полуострове. Характер их власти над занимаемой ими территорией ни в чем не изменился, а племенные союзы, находившиеся под их господством, не признавали другой власти, причем

---

[16] Procopius, II, p. 354, De bello Gothico, III, 14; III, p. 114; Historia arcana, 18; Joannis Antiocheni. FHG, IV, p. 622; Agathias. Historiarum libri quinque, V. 10, p. 301; 12, p. 303; 14, p. 306. Bonnae, 1828.

[17] Procopius, III (2), p. 126, De aedificiis, IV, 6.

[18] V. Pîrvan. Contribuţii..., p. 187.

[19] D. Tudor. Sucidava, p. 701.

[20] C. Diculescu. Die Gepiden. Leipzig, 1922, S. 114—117; L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934, S. 349, 534.

[21] E. Stein. Histoire du Bas-Empire, vol. II. Bruxelles, 1949, p. 156.

[22] Malalas. Chronographia, Bonnae, 1831, p. 451.

коренные жители признавали византийское господство лишь номинально (и то более в религиозном, чем в административном отношении) и фактически подчинялись власти «варварских» военачальников. Тем больше оснований предполагать, что именно так обстояло дело на левом берегу Дуная: ни гепиды, ни сами коренные жители, подчиненные гепидам, не перешли фактически под власть империи. Византийское господство было здесь формальным.

В Византии настолько слабо были знакомы с обстановкой левобережья Дуная, что даже официальные лица не знали точных названий местностей, расположенных там. Этим и объясняется, что в таком официальном документе, как новелла XI, могло появиться искаженное название местности Рецидава. То же самое наблюдается и у Прокопия, написавшего свое произведение «О постройках» по официальным документам. Говоря об укреплениях на левом берегу Дуная, Прокопий указывает, что, кроме Литераты, по указу Юстиниана было воздвигнуто много крепостей, но названия их он не уточняет. Объясняется это просто. Империя выдавала *своему союзнику Мундо субсидии на постройку военно-оборонительных* пунктов на территории, находившейся непосредственно под его властью. Однако само византийское правительство не знало, где и какие именно укрепления были построены, а потому Прокопий, всегда очень точный в названиях местностей, на этот раз говорит о них весьма неопределенно.

Свидетельство об истинном политическом положении в этой области мы находим в самом содержании новеллы XI. Там говорится, что епископ Аквасский получает специальные полномочия для борьбы против боносианской ереси во всей провинции Dacia Ripensis. Это мероприятие вполне сообразуется с обычной религиозной политикой Юстиниана. Если бы Византия действительно осуществляла свою власть и на левом берегу Дуная, то она, естественно, должна была бы принять меры также против арианства, столь распространенного в областях к северу от Дуная, населенных германскими племенами.

В новелле CXXXI (545 г.), где приводится новый перечень провинций, находившихся под юрисдикцией архиепископа Юстинианы Примы, уже вовсе не упомянуты территории на левом берегу Дуная [23]. Здесь не может быть и речи о каком-либо пропуске, и это легко объяснить. В 536 г. умер Мундо. Политическое объединение, созданное им, распалось. Отношения между Византией и гепидами становятся напряженными; гепиды занимают Сирмий, а империя отказывает им в субсидиях и ищет союза с лангобардами. В 539 г. гепиды вторгаются в Иллирию и опустошают ее. Таким образом, представляется естественным, что Византия не сохранила даже чисто формальной власти на левобережье Дуная; наоборот, она оказалась даже во враждебных отношениях с проживающим на этой территории населением. Вот почему в официальных документах после 536 г. названия местностей Литерата и Рецидава уже не упоминаются.

Из остальных крепостей, о которых предполагали, что они были заняты и восстановлены византийцами, следует сразу же исключить Зернес, Друбету и Туррис. Зернес наши историки смешивают с Диерной — местностью, известной еще со времен римского господства [24]. В действительности Зернес, о котором упоминает Прокопий, расположен на правом берегу Дуная, о чем византийский историк говорит весьма определенно.

---

[23] Novellae, № CXXXI, cap. III, p. 655.
[24] D. T u d o r. Oltenia..., p. 363.

Название Зернес (в Dacia Ripensis) упоминается и в Notitia dignitatum [25], и Каниц отождествляет его с нынешним Шипом [26].

Подобным же образом нельзя утверждать, что в Друбете имелись укрепления, воздвигнутые византийцами в VI в. Прокопий довольно категорично утверждает, что напротив крепости Понтес, на левом берегу, находилась Теодора, которая не была восстановлена, потому что она слишком часто подвергалась набегам чужих народов [27]. По описанию этого автора, Теодора полностью совпадает с Друбетой. Прокопий, который был заинтересован в том, чтобы превозносить строительную деятельность Юстиниана, безусловно, не умолчал бы о восстановлении какой бы то ни было, даже самой незначительной, крепости.

Для доказательства, что Туррис находился под владычеством Византии, обычно ссылаются на соглашение между византийцами и антами, по которому Византия уступала им крепость Туррис и окружающую территорию. По утверждению Прокопия, крепость Туррис, воздвигнутая Траяном за Дунаем, была покинута после того, как ее опустошили варвары [28]. Тот факт, что Прокопий говорит об уступке Юстинианом крепости Туррис антам, еще не значит, что Византия до этого фактически владела ею. Концепция Прокопия, как и других византийских историков и географов VI в., об универсальности и вечности Римской империи основывалась на том, что любая территория, принадлежавшая когда-либо Риму, рассматривалась как временно утраченная, но формально принадлежавшая империи [29]. Вся политика того времени была направлена на восстановление империи, и во всем сказывается эта тенденция. Таким образом, формулировка, использованная Прокопием, ни в коем случае не предполагает фактической уступки со стороны Византии, а является лишь официальным признанием уже совершившегося факта. Впрочем, и сам Прокопий говорит о том, что крепость была опустошена варварами и потому покинута, причем византийский историк не преминул добавить, что она была уступлена антам на основании прежнего права над крепостью, принадлежавшей когда-то римлянам. Археологические исследования подтвердили отсутствие какого-либо укрепления, воздвигнутого в VI—VII вв. на предполагаемом месте расположения крепости Туррис [30].

Что касается вклада византийцев в укрепление Суцидавы и Дафны, то мы считаем убедительными высказывания Прокопия об отношениях, которые Византия устанавливала с народами, расселившимися по соседству с границами империи. Характерны, например, в этом отношении неоднократные упреки, которые делает Прокопий императору в связи с его щедростью к «варварским народам», вызванной стремлением заручиться их доброжелательством [31].

Ярким примером отношений империи с соседними народами Дунайской зоны является договор, заключенный с антами. Как уже было сказано, Византия признавала за ними владения на левом берегу Дуная в районе бывшей крепости Туррис и выдавала им денежную субсидию взамен союза, по которому анты должны были противостоять гуннам в случае попытки со стороны последних проникнуть на территорию империи.

[25] Notitia dignitatum, № 37, ed. O. Seeck. Berolini, 1876, S. 97.
[26] F. Kanitz. Römische Studien in Serbien. Wien, 1892, S. 52.
[27] Procopius, III (2), p. 128, 6, De aedificiis, IV, 6.
[28] Procopius, II, p. 359, De bello Gothico, III, 14.
[29] O. Veh. Zur Geschichtschreibung und Weltauffassung des Prokop von Caesarea, I. Bayreuth, 1951, S. 19.
[30] Gr. Florescu. Cetatea Turnu. «Revista istorică romînă», XV (1945), p. 439.
[31] Procopius. Historia arcana, 8, p. 51. 19; p. 121—123.

Вопрос защиты границ империи ставился не только в отношении какого-то ограниченного участка, а на всем течении Дуная, так как эти границы империя не могла бы охранять собственными, столь незначительными силами. Поэтому Византия стремилась заключить союзы и с остальными «варварскими» племенами левобережья Дуная, а следовательно, и с местным населением, представлявшим здесь постоянный элемент. Субсидии заключались не только в обычных дарах военачальникам, но и в обеспечении необходимых и достаточных средств для того, чтобы варварские племена и коренные жители, обитавшие вдоль побережья Дуная, могли защищаться и располагать надежными убежищами за стенами крепостей, если они отказывались помогать захватчикам в переходе через Дунай. Возведение укреплений было необходимо. Поэтому-то Бьюри и предполагает, что соглашение с антами предусматривало и восстановление за счет империи крепости Туррис [32]. Археологические доказательства отсутствуют, а Прокопий об этом умалчивает, поэтому можно предположить, что Византия не способствовала восстановлению крепости Туррис.

На других участках границы соглашение, вероятно, предусматривало построение укрепленных убежищ на средства, выданные византийцам. То обстоятельство, что Прокопий в сочинении «О постройках» приписывает эти мероприятия Юстиниану, объясняется тем же неизменным стремлением автора представить в лучшем свете строительную деятельность Юстиниана.

Археологические исследования в Суцидаве, которые в годы народной власти стали вестись тщательно и систематически, подтверждают эти гипотезы. Восстановление крепости Суцидава в VI в. ограничилось лишь постройкой оборонительной башни в юго-западной части старой крепости (при использовании материалов от развалин и весьма импровизированными средствами) [33]. В найденном при раскопках инвентаре очень мало железных предметов, остатки вооружения незначительны, а это говорит о том, что башня не служила постоянным местом пребывания в ней регулярной воинской части. Бо́льшая часть площади внутри укрепления была предназначена для укрытия скота. Найдены здесь бронзовые разменные монеты времени Юстина I и Маврикия или подделки, принадлежавшие, должно быть, местным военачальникам [34]. Все это позволяет сделать вывод, что восстановленное в VI в. укрепление было предназначено не для военных целей Византии, а для защиты местного населения, которое занималось скотоводством и проживало, вероятно, в близком соседстве. Не исключено, что эта крепость была воздвигнута на средства, предоставленные Византией в целях приобретения доверия и благожелательности населения, проживавшего вдоль границы империи. Интерес к такого рода союзам имелся вне всякого сомнения. Пример гепидов, которые помогли антам перейти через Дунай, получив взамен вознаграждение в золотых монетах [35], свидетельствует о том, насколько необходимо было для империи заручиться благожелательным добрососедским отношением со стороны жителей, населявших левобережье Дуная. Варварские народы не располагали судами для переправы через Дунай и могли приобрести их лишь у местных жителей. Весьма важно для захватчиков было обеспечить отступление через Дунай с награбленным имуществом в условиях обычного преследования императорских войск.

---

[32] J. B. Bury. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1923, p. 297, n. 2.

[33] D. Tudor. Sucidava, II. «Dacia», VII—VIII (1937—1940), p. 364; idem. Sucidava. «Materiale...», p. 697.

[34] Ibid., p. 734, 737.

[35] Procopius, II, p. 624, De bello Gothico, IV, 25.

Благожелательное отношение соседнего пограничного населения имело для империи значение и в том отношении, что таким образом империя могла воспрепятствовать переходу через Дунай беглецов с Балканского полуострова.

В VI в. Балканский полуостров был почти не населен. Прокопий объясняет это превращение Балканского полуострова в пустыню, подобную Скифии, частыми варварскими набегами [36]. Агафий же говорит о том, что Заберган продвигался через Скифию и Мезию, которые были безлюдными пространствами [37]. Трудно допустить, однако, что такое безлюдье было вызвано только частыми набегами варваров. Многие современники, как, например, Приск, утверждают, что жизнь под господством варваров была более терпимой, чем под византийским владычеством. Даже такие современники Юстиниана, как Прокопий и Иоанн Лид, писали, что нашествие врагов менее ужасно, нежели появление сборщиков податей, и что император страшнее, чем варвары. При учете таких условий, вполне понятно, что население Балканского полуострова покидало свои места во время набегов или в периоды, когда появлялись сборщики податей, и искало убежища на территориях, расположенных вне пределов византийского господства. Союз с населением, проживающим непосредственно у границ империи, был полезен Византии, поскольку таким образом можно было воспрепятствовать уходу населения за пределы империи. Выдача беглецов являлась одним из главнейших условий заключаемых с этими соседними народами соглашений.

Переселение жителей правобережья Дуная в Задунайскую Дакию можно проследить и по многочисленным кладам византийских монет, обнаруженным на территории Румынской Народной Республики. Большинство византийских монет — бронзовые разменные монеты времени Юстиниана [38]. Площадь распространения этих монет была обширной и доходила до Трансильвании и Молдавии [39]. Это говорит о том, что монеты принадлежали небогатому населению, которое со своими скромными средствами укрывалось за Дунаем от непосильных поборов.

В румынских народных традициях, относящихся к основанию Валахии (Цара Ромэняскэ), имеются сведения, связывающие образование страны с миграцией с юга; это, вероятно, отдаленный отклик на бегство населения с Балканского полуострова в Задунайскую Дакию [40]. Во всяком случае именно таким образом объясняется укрепление местного романского элемента.

Массовым уходом населения и объясняются постановления новеллы LXV (538 г.) и затем новеллы CLXIII (575 г.), изданной преемником Юстиниана. В первой новелле предписывается выкуп пленных и оказание помощи бедным из монастырских средств Мезии [41]. Во второй новелле предусматривается ряд мер, направленных на облегчение положения мелких налогоплательщиков в провинциях Скифии и Мезии и аннулируется податная задолженность [42]. Разумеется, принимая такие меры,

[36] Procopius, III, p. 114—115, Historia arcana, 18.
[37] Agathias, V, p. 301.
[38] Irimia Dimian. Cîteva descoperiri monetare bizantine în RPR. «Studii şi cercetări de numismatică», I (1957), p. 203—204; O. Iliescu. Despre tezaurele monetare şi viaţa economică în sec. III—XIV pe teritoriul ţării noastre. «Studii», V, 1952, № 3, p. 181.
[39] I. Minea. Influenţa bizantină..., p. 107.
[40] D. Onciul. Originele Principatului Tării Romîneşti. Opere complete, t. I, ed. Sacerdoţeanu. Bucureşti, 1946, p. 183—189.
[41] Novellae, № LXV, cap. I, 339.
[42] Novellae, № CLXIII, cap. II, p. 750.

господствующий класс руководствовался не чувством сострадания, а лишь стремлением таким способом удержать от ухода разоренное налогами и нашествиями варваров население, а быть может, даже побудить некоторых из ушедших ранее вернуться обратно.

В отношении даты восстановления крепостей на левом берегу Дуная нет единого мнения. Одни историки утверждают, что эти крепости были восстановлены в 540 г., до большого нашествия протоболгар на Балканский полуостров [43], другие — что это имело место после нашествия [44]. Никаких доводов в поддержку этих мнений не приводится. Некоторые исследователи, на том основании, что в Суцидаве было найдено несколько монет времен Юстина I [45], считают, что восстановительные работы начались еще в правление этого императора. Если учитывать, однако, что монеты императора сохраняли свою силу и при его преемниках, а также тот факт, что монеты, обнаруженные в задунайской Дакии, были найдены в большинстве случаев в кладах, зарытых людьми, бежавшими из южных территорий Дуная, то наличие монет времен Юстина I не может способствовать определению даты восстановления укреплений в VI в.

Что же касается Ледераты, то несомненно, что эта крепость была восстановлена в то время, когда Мундо был военачальником Иллирии, т. е. между 529 и 536 годами. После этого в результате ухудшения отношений с гепидами восстановление крепости с византийской помощью было лишено смысла.

В отношении крепостей Суцидава и Дафна вообще трудно прийти к какому-либо заключению; весьма возможно, что они восстанавливались между 530 и 533 годами, когда власть Византийской империи на Дунае была довольно прочной и военачальник Хильвудий имел большой престиж у славянского населения. Возможно также, что восстановление этих крепостей произошло во время кратковременного союза со склавинами.

Но ни в коем случае не может быть и речи о распространении власти Византии во второй половине VI в. на левобережье Дуная. Города Балканского полуострова получают в это время подлинную автономию, они содержат собственные войска, с помощью которых отстаивают свою независимость и против империи, как, например, город Дризипера [46], и осмеливаются даже изгонять войска императора, как это сделали, например, жители города Асемона [47]. Жители этого города даже утверждали, что они получили свои привилегии от Юстина II, преемника Юстиниана. Естественно, что в подобных условиях, когда города, расположенные на территории империи, приобретали самостоятельность, поселения на левобережье Дуная тем более находились в полной административной независимости от Византии, а склавины к тому же постоянно враждовали с империей.

[43] E. Stein. Histoire..., p. 310.
[44] Ch. Diehl. Justinien. Paris, 1901, p. 244.
[45] D. Tudor. Sucidava. «Materiale...», p. 740—741.
[46] Theophylactus Simocatta. Historiarum libri octo. Bonnae, 1834, VII, 14, p. 297.
[47] Ibid., VII, 3, p. 274.

Р. БЕНЕДИКТИ

ВЗЯТИЕ РИМА АЛАРИХОМ

(К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского)

Источники, сообщающие об осаде Рима в 410 г. н. э., содержат отрывочные и отчасти противоречивые сведения об этом событии. Данные известных историков-современников полностью утрачены, за исключением отрывков из труда Олимпиодора [1]; историки же более позднего времени основывались обычно на предшествующих авторах [2] (например Созомен [3] в точности следует изложению Олимпиодора). Некоторые авторы выражают церковную точку зрения на события 410 г.[4]; другие ограничиваются лишь беглым упоминанием об осаде Рима [5]. Изложение Зосима, подробнее всех занимавшегося этим событием, к сожалению, обрывается после описания второго (из трех) наступления Алариха на Рим [6].

Весьма важно в этой связи, что Прокопий Кесарийский дает нам два варианта описания осады Рима Аларихом [7], хотя большинство исследователей подвергает сомнению достоверность его сообщений [8]. Уже Э. Гиббон

---

[1] Olympiodoros, fr. 3, 4. Historici Graeci Minores, ed. L. Dindorf, vol. I. Lipsiae, 1870.

[2] Philostorgios. Historia Ecclesiastica, XII, 3, ed. J. Bidez. Leipzig, 1913. Marcellinus Comes. Chronicon, ad a. 410. MGH AA, XI, vol. 2, 1894; Georgius Cedrenus, vol. I. Bonnae, 1838, p. 587.

[3] Sozomenos. Historia Ecclesiastica, IX, 9, 10. PG, t. 67.

[4] Orosius. Historiae adversum paganos, VII, 39, ex rec. C. Zangenmeister. Lipsiae, 1889; Augustinus. De Civitate Dei, I, 1, 10; De urb. exc., V, 5, ed. J. Welldon. London, 1924; Hieronimus. Epist. CXXVII, 12. PL, t. 22; Cassiodorus. Variae, XII, 20. MGH AA, XII, 1894.

[5] Iordanes. Getica, 159. MGH AA, V, p. 1, 1882; Hydatius. Chronicon, ad. a. 410. MGH AA, XI, vol. 2, 1894; Auctarium Prosperi Havnensis, ad a. 410. MGH AA, IX, 1892. Характеристику этих сообщений см. в кн.: L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung, I. Teil. Die Ostgermanen. München, 1941, S. 448—449.

[6] Zosimus. Historia Nova, VI, 6, ed. L. Mendelsohn. Lipsiae, 1887.

[7] Prokopios. Hist., III. 2, 14—24 и 27—28, ed. J. Haury. Lipsiae, 1905—1913.

[8] Ch. Le Beau. Histoire du Bas-Empire. Nouvelle ed. par Saint-Martin, vol. V. Paris, 1826, p. 362; F. Dahn. Die Könige der Germanen, Bd. V. Würzburg, 1870, S. 53; F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Bd. I. Stuttgart — Berlin, 1922, S. 46—47; J. B. Bury. A History of the Later Roman Empire, vol. I. London, 1923, p. 183; Th. Hodgkin. Italy and her Invaders, vol. I. Oxford, 1892, p. 793—794; E. Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1859—1864, Bd. II, S. 375; P. Lot. Les destinées de l'empire en Occident de 395 à 888 (Histoire générale, Histoire du Moyen Age, I). Paris, 1928, p. 37—38; R. Tallman. Die Geschichte der Völkerwanderung, Bd. I. Gotha — Weimar, 1863, S. 311; L. Schmidt. Op. cit., I. Teil, S. 448—449.

пытался выявить историческую основу этих отрывков [9], а О. Зеек вообще считает сведения Прокопия достоверными [10].

Тщательное изучение текста Прокопия убеждает нас в справедливости предположения Э. Гиббона: несмотря на анекдотическую форму, в сообщении Прокопия явственно прослеживается историческая основа; с другой стороны, можно увидеть, как влияла на манеру изложения этого автора античная литературная традиция.

Два варианта описания Прокопием осады Рима весьма отличны друг от друга. Следует полагать, что они восходят к разным источникам. Первый вариант гласит [11]:

«Аларих долгое время осаждал Рим и, не имея возможности ни силою, ни какой-либо хитростью овладеть этой местностью, придумал следующее средство: он избрал из числа молодых людей, бывших в войске, триста человек, еще безбородых, но уже достигших юношеского возраста, которые были ему известны и по знатности рода, и по храбрости, превышавшей их возраст, и тайно объявил им, будто бы намерен подарить их некоторым римским патрикиям под видом рабов. Он предписал им, как только они окажутся в домах тех римлян, вести себя с крайнею скромностью и благонравием и исполнять с усердием все поручения, возлагаемые на них господами. В скором времени вслед за тем, в назначенный день, около полудня, когда после трапезы все их господа по обычаю предадутся сну, им всем надлежало броситься к воротам города, называемым Саларийскими, внезапно напасть на стражу, перебить ее и немедленно отворить ворота. Аларих дал молодым людям такое предписание и тотчас же отправил в сенат послов, объявив, что он удивляется приверженности римлян к своему императору и не намерен их больше беспокоить; из уважения же к мужеству и верности, которыми они столь явно отличились, и для того, чтобы оставить им, как доблестным и благородным людям, память о себе, он желает подарить каждому из них нескольких невольников. Вскоре за этим объявлением он отправил молодых людей, а варварам велел готовиться к отступлению, так, чтобы жители Рима могли это видеть.

А римляне с радостью услышали его слова, приняли дары и предались великому ликованию, ничего не зная о злоумышлении варвара. Крайняя покорность, оказываемая молодыми людьми своим владельцам, устраняла всякое подозрение. Часть войска покидала свое место и снимала осаду, а другая часть, казалось, была готова делать то же самое. Когда же настал условленный день, Аларих велел всему войску вооружиться для нападения и наготове расположился близ Саларийских ворот, где ему с самого начала осады пришлось стать лагерем. А все молодые люди в назначенный час дня собрались к этим воротам, внезапно напали на стражей, перебили их, беспрепятственно открыли ворота и впустили в город Алариха вместе с войском. И они сожгли стоявшие близ ворот дома, а среди них дом Саллюстия, писавшего некогда историю римлян...»

---

[9] E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Romain Empire, vol. III, ed. by J. B. Bury. London, 1940, p. 322, p. 102.

[10] O. Seeck. Geschichte des Unterganges der antiken Welt, Bd. V. Berlin, 1913, S. 313—314; H. von Eicken. Der Kampf der Westgothen und der Römer unter Alarich. Leipzig, 1876, S. 57.

[11] Prokop., Hist., III. 2, 14—24. Здесь использован перевод С. Дестуниса, исправленный по оригиналу. См. Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, вандилами и готами. История войн римлян с вандилами, книга первая. «Записки Ист.-фил. фак-та имп. СПб. ун-та», ч. 27. СПб., 1891, стр. 16—18. На основании этого сообщения С. Дестунис (стр. 17, прим. 15) полагает, что Рим был взят Аларихом из-за предательства рабов.

В этом рассказе обращает на себя внимание распространенный в древних литературах мотив: один из осаждающих перебегает к защитникам города, входит к ним в доверие и под конец предает вражеский город своим союзникам. Мотив этот частично использован уже в Одиссее [12]. Елена рассказывает Телемаху о том, как переодетый Одиссей прокрался во вражескую крепость и убил множество троянских бойцов. У Геродота, а затем у Дионисия Галикарнасского этот мотив получает дальнейшее развитие. Геродот [13] следующим образом рассказывает о взятии персидским царем Дарием восставшего Вавилона. Один из персидских вельмож Зопир изувечил себя и договорился с Дарием, что в определенные дни тот будет посылать к вавилонским воротам почти безоружные отряды воинов, которые легко можно будет победить. Вслед за тем Зопир перебежал к врагам и рассказал им, будто Дарий так изувечил его за то, что он советовал царю снять осаду с города. Вавилоняне поставили Зопира над войском, и он одержал несколько легких побед над плохо вооруженными персами. Тогда, доверившись ему, вавилоняне сделали его главнокомандующим. Воспользовавшись своей властью, Зопир вскоре предал город персам.

Дионисий Галикарнасский рассказывает [14] о следующей хитрости Тарквиния Гордого, который долго не мог взять город Габии. Притворившись разгневанным на своего сына Секста, он подверг его публичному бичеванию, после чего тот с несколькими товарищами перебежал к врагу. Благодаря успешным набегам на земли отца, Секст вошел в доверие к жителям Габий и, сделавшись их полководцем, открыл городские ворота отцу. Рассказ Дионисия Галикарнасского довольно точно повторяют Ливий [15], Овидий [16] и Флор [17], а в византийской литературе Зонара [18]. Следует отметить, что мотив этот использован и в легенде о троянском коне, упомянутой в Одиссее [19] и обработанной Вергилием [20].

Интересную параллель мы находим и в арабской литературе, хотя там и не идет речь об осаде города. Историк Табари сообщает, что, когда персидский царь Пероз выступил в поход против Ахшунвара, царя эфталитов, один из приверженцев Ахшунвара попросил, чтобы ему отрубили руки и ноги и положили его на дорогу, по которой шли персы. Найдя несчастного, Пероз поверил, что тот наказан Ахшунваром за ослушание, и приказал подобрать его. Воспользовавшись этим, калека вызвался показать персам более удобный путь, а сам увел их в сторону. Блуждая по безводной местности, многие персы погибли от жажды, и в конце концов Пероз был вынужден заключить мир с Ахшунваром [21]. Такое совпадение в греческой, римской, византийской и арабско-персидской литературах свиде-

---

[12] Odys., IV, 242.
[13] Herod., III, 150—160.
[14] Dionys. Halic., Ant. Rom., IV, 55—58.
[15] Livius. Ab urbe condita, I, 53—54.
[16] Ovidius. Fasti, II, 685.
[17] Florus. Epitomae, I, 1, 7.
[18] Zonaras, vol. II. Bonnae, 1844, VII, 10.
[19] Odys., IV, 265.
[20] Vergilius. Aeneis, II, 57.
[21] Th. Nöldecke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leyden, 1879, S. 123—125, Anm. 1. Т. Нольдеке указывает на связь между Табари и Геродотом. Эта связь заключается, вероятно, в том, что Геродот записал одну из древнеперсидских новелл, а Табари, излагая историю Сасанидов, воспользовался летописями персидских королей (ср. R. Paret. al-Ṭabari. «Encyclopédie de l'Islam», IV. Leyde, 1928, p. 608). А. Сабо (A. Szabó. Opersza novellák. Budapest, 1948, old. 156) относит эту повесть Геродота к так называемым «повестям о вассалах».

тельствует о том, что перед нами — бродячий сюжет. В отношении Одиссеи и Геродота аналогичное наблюдение было сделано К. Рейнхардтом [22].

Таким образом, между текстами Геродота, Дионисия Галикарнасского и Прокопия можно установить следующие соответствия:

Геродот	Дионисий Галикарнасский	Прокопий
1. Дарий безуспешно осаждает Вавилон	1. Тарквиний безуспешно осаждает Габии	1. Аларих безуспешно осаждает Рим
2. Изувеченный Зопир договаривается с царем и перебегает к вавилонянам	2. Секст подвергается биче-ванию и, согласно намеченному плану, бежит в Габии	2. Триста готских юношей по распоряжению Алариха отправляются в Рим под видом рабов
3. Зопир одерживает победы над персидскими войсками и, войдя в доверие к вавилонянам, становится главнокомандующим	3. Секст опустошает земли римлян и, войдя в доверие к жителям Габий, становится главнокомандующим	3. Готские юноши проявляют послушание в Риме и тем самым снимают с себя подозрение
4. В назначенный день Зопир впускает персов в город	4. Секст сдает город отцу	4. В определенный день готские юноши открывают ворота Алариху

Итак, литературным образцом для этого описания Прокопию служили Геродот и Дионисий Галикарнасский [23].

Второй вариант описания осады гласит [24]:

«А некоторые говорят, что Рим не так был взят Аларихом, но что одна женщина по имени Проба, знаменитая среди римских сенаторов богатством и славой, сжалилась над погибающими от голода и других бедствий римлянами, которые стали уже пожирать друг друга, и видя, что их оставила всякая надежда на спасение, ибо река и порт были во власти врагов, приказала своим служителям ночью отпереть городские ворота.

Намереваясь оставить Рим, Аларих провозгласил римским императором одного из патрициев Аттала; он надел на него диадему, порфиру и другие знаки верховной власти...».

Главные моменты второго варианта таковы: 1) Аларих пытается взять город измором, и осажденные начинают поедать друг друга; 2) в результате предательства Пробы Рим переходит в руки Алариха, который провозглашает императором Аттала.

То обстоятельство, что Прокопий передает два варианта одного и того же события, показывает, что он не располагал точными известиями об осаде, от которой историка отделяло более 100 лет [25]. Недостоверность его сообщений подчеркивается нерешительным зачином второго рассказа: «Τινὲς δὲ οὐχ οὕτω Ῥώμην Ἀλαρίχῳ ἁλῶναί φασιν».

Источники Прокопия были двух родов: исторические труды и устные свидетельства. Как уже говорилось, осаде Рима в 410 г. н. э. уделил внимание ряд греческих и латинских историков. Из них Иордан, Идатий и Проспер лишь бегло упоминают об осаде; Олимпиодор, Созомен, Зосим, Филосторгий, Марцеллин Комес и Кедрин более подробно описывают захват города; Орозий, Августин, Иероним и Кассиодор с церковной точки

---

[22] K. Reinhardt. Von Werken und Formen. Godesberg, 1948, S. 199.

[23] P. Талльманн (op. cit., S. 311) сопоставляет это описание с легендой об осаде Трои.

[24] Prokop., Hist., III. 2,27—28. Прокопия Кесарийского история..., стр. 19—20.

[25] F. Gregorovius. Op. sit., S. 146. По мнению этого исследователя, Прокопий располагал лишь малодостоверными сведениями об осаде 410 г., которая в его время была уже в значительной мере забыта.

зрения уделяют внимание отдельным частным событиям. По данным этих источников мы можем следующим образом представить себе осаду Рима [26]. Аларих рассчитывал не столько на планомерную осаду, сколько на голод среди осажденных римлян, доведенных до людоедства [27]; город попал в руки Алариха вследствие предательства, и готы подвергли Рим разграблению [28]. Прокопий совершает хронологическую ошибку, относя провозглашение Приска Аттала императором ко времени после завоевания Рима (т. е. после 23 августа 410 г.): провозглашение это состоялось в конце 409 г., когда Аларих во второй раз осаждал Рим [29]. Хотя Прокопий и не разграничивает события каждой из трех осад Рима готами, все же второй вариант его рассказа в целом совпадает с сообщениями других историков, чьи труды, по-видимому, служили ему источниками. В то же время лишь у него мы находим сообщение о том, что знатная римлянка Проба заставила своих рабов открыть ворота города [30]. Эту деталь Прокопий, вероятно, почерпнул из устных преданий. Об использовании Прокопием такого рода преданий говорят его неоднократные указания на то, что при всяком удобном случае он расспрашивал сведующих лиц [31]; влияние устных источников на его сочинение было в свое время отмечено Б. Рубином [32]. Учитывая, что Прокопий долго жил в Риме [33], мы можем предположить, что здесь он ознакомился с различными преданиями о событиях 410 г. и использовал эти предания в своем историческом труде.

Из двух разных вариантов описания осады Рима у Прокопия первый вариант не совпадает ни с одной из известных нам версий этого события и, следовательно, малодостоверен. Второй вариант, хоть и отличается от других свидетельств упоминанием о Пробе, все же во многом соответствует аналогичным рассказам других авторов.

Однако, несмотря на то, что первый вариант вряд ли соответствует действительным обстоятельствам взятия Рима и, по-видимому, представляет собой дань распространенному в античной литературе мотиву, отдельные детали этого варианта, как показывает исследование, соответствуют реальным событиям, засвидетельствованным другими источниками. Основные моменты здесь таковы: долгая и безуспешная осада Рима, перебежка трехсот готских юношей в город и, наконец, предательская сдача Рима готам.

Представление о долгой и безуспешной осаде Рима могло сложиться у Прокопия, если учесть, что на протяжении двух лет Аларих трижды

---

[26] L. Schmidt. Op. cit., S. 448, 449.

[27] Olympiodoros, fr. 4; Hieronymus. Epist. CXXVII, 12; Augustinus. De Civ. Dei, I, 1, De Excid. urb., V, 5; Philostorgios. Hist. Eccl., XII, 3.

[28] Sozomenos. Hist. Eccl., IX, 9.28; Hieronymus. Epist. CXXVII, 12; Augustinus. De Civ. Dei, I, 1; Orosius. Hist. adv. pag., VII, 39; Cassiodorus. Var., XII, 20; Marcellinus Comes. Chron. ad. a. 410.

[29] Zosimos, VI, 6.

[30] Об Anicia Faltonia Proba см. Hieronymus. Epist. CXXX, 7; O. Seeck. RE, Bd. I, col. 2204, s. v. Anicia. О. Зеек — единственный, кто считает достоверным сообщение Прокопия о Пробе (O. Seeck. Geschichte..., S. 413—414); остальные исследователи считают это легендой.

[31] Prokop., Hist., III. 3, 34; IV. 20, 47; ; VI. 15, 8—9; VIII. 1, 1; 20, 48; 21, 10; IV. 13, 29.

[32] B. Rubin. Prokopios von Cäsarea. Stuttgart, 1954, col. 25. По мнению Б. Рубина, это относится прежде всего к описанию итальянского похода.

[33] Прокопий сам пережил осаду Рима в 536—537 гг. На это указывают следующие обстоятельства: 1) он пишет о своем присутствии в Риме (Hist., VI. 4, 1); 2) описывая одно из событий, он ведет повествование в первом лице (Hist., V. 23, 27); 3) отдельные части его труда предполагают знакомство (αὐτοψία) автора с местом действия (см., например, Hist., VI. 15). Ср. B. Rubin. Op. cit., col. 174.

осаждал город и взял его лишь после третьей осады. Прокопий принял эти три осады за одну долгую и безуспешную осаду; за это говорит и то обстоятельство, что провозглашение императором Аттала, состоявшееся после второй осады [34], он отнес ко времени после опустошения города. Олимпиодор (Fr. 3) и Созомен (XIX. 9) сообщают, что зимой 410 г., когда между Аларихом и императором Гонорием велись переговоры о мире, Сарос, один из готских командиров, сильно враждовавший с Аларихом и Атаульфом (на это, в частности, указывает замечание Созомена о том, что Сарос еще раньше вызывал подозрение у Алариха), перебежал к римлянам вместе с тремястами товарищей и, выступив против готов, многих убил. Это и послужило для Алариха поводом к войне. О том же Саросе известно, что в 406 г., когда Аларих был еще федератом западноримского императора, он по поручению Стилизона стал во главе тридцати римских numeri и разбил в бою Радагаиса [35], а после смерти Алариха отпал от римлян и перешел на сторону Атаульфа [36]. Таким образом, сообщение Прокопия о переходе к врагу трехсот готских юношей, несомненно, имеет под собой историческую основу (характерно совпадение в числах — в обоих случаях выступают триста перебежчиков); такой основой, видимо, послужил рассказ о Саросе. Тот факт, что Рим был взят Аларихом в результате измены, подтверждает и Созомен; версия эта разделяется многими исследователями [37]. В обоих вариантах Прокопий подчеркивает роль рабов в сдаче города. После казни Стилихона в римском войске начались избиения служивших среди римлян готских солдат и их семейств. В результате этих погромов в войско Алариха перебежало около 30 тыс. готских солдат [38]. Когда Аларих разбил в Тусции зимний лагерь, к нему присоединилось большое число готских рабов из Рима [39]. Весьма вероятно, как это предполагал уже Э. Гиббон [40], что и в самом Риме были заговоры среди рабов, возможно, именно среди тех, которым не удалось бежать из города. Эти события могли послужить основой для слухов о том, что рабы сдали Рим Алариху.

Итак, можно обнаружить историческую основу описания осады Рима у Прокопия. Три осады города были превращены молвой в одну долгую и безуспешную осаду. Готский командир Сарос вместе с тремястами товарищей перебежал к римлянам, а затем снова вернулся к готам — последнее обстоятельство могло вызвать слухи о том, что переход этот был лишь маневром [41]. Наконец, массовые переходы готских рабов на сторону Алариха и заговоры среди них объясняют предание о том, что эти рабы и сдали Рим Алариху (возможность этого отнюдь не исключена). Позже все эти независимые друг от друга детали были сведены в одно целое. Говоря о легендах, сложившихся вокруг событий 410 г., следует помнить, что со времени захвата Рима галлами (390 г. до н. э.) город этот ни разу не попа-

---

[34] Zosimos, VI, 6—7.

[35] Marcellinus Comes. Chron. ad a. 406; Zosimos, V, 26; Orosius. Hist. adv. pag., VII, 37.

[36] Olympiodoros, fr. 17.

[37] См. прим. 8.

[38] L. Schmidt. Op. cit., S. 442.

[39] Ibid., S. 443. По мнению Л. Шмидта, не ссылающегося, впрочем, на какой-либо источник, их было 40 тысяч.

[40] E. Gibbon. Op. cit., vol. III, p. 321.

[41] Подобная же военная хитрость описывается и Феофилактом Симокаттой (Hist., III. 5, 11—13). В 589 г. персы взяли город Мартирополь благодаря тому, что 400 персидских воинов притворно перешли на сторону осажденных, а затем сдали город персам. Рассказ этот, хоть и лишен каких-либо подробностей, по своему характеру весьма напоминает сообщение Прокопия.

дал в руки врагов [42] и взятие Рима Аларихом представлялось современникам событием огромного значения.

Соединение таких независимых друг от друга сообщений с использованием литературного обрамления в духе античной традиции свидетельствует о сознательно проделанной работе какого-то составителя, хорошо знакомого с древней литературой. В этой связи возможны два предположения: 1) Прокопий заимствовал этот рассказ у одного из своих предшественников; 2) он сам является его составителем. Существуют аргументы в пользу каждой из этих гипотез.

Весьма вероятным источником Прокопия, как предположил Б. Рубин [43], может считаться прежде всего труд ритора Приска. Действительно, Приск — единственный историк, писавший вскоре после осады Рима; с другой стороны, ряд мест Прокопия (напр.,Hist., III. 3—6) свидетельствует об использовании им сочинения Приска [44], и, таким образом, вполне правомерно предположить, что Прокопий заимствовал у Приска и интересующий нас рассказ. Наконец, и у Приска мы встречаем сходный прием изложения — соединение нескольких независимых друг от друга событий с помощью новеллистического обрамления [45].

Однако в этом предположении есть ряд спорных моментов. Прежде всего, данная осада происходила в 410 г., а Приск начинает изложение событий, по-видимому, лишь с 411 г.[46], и возможно, что он вообще ничего не писал об осаде Рима. Далее, Приск мог располагать надежными источниками, освещающими это событие, и ему не было нужды прибегать к подобному литературному приему. Вряд ли можно предполагать, что Приск, зная действительный ход событий, сознательно исказил правду ради художественного эффекта. Неясно, далее, почему один лишь Прокопий заимствовал у Приска этот рассказ, а Иордан, например, который часто пользовался Приском и даже сохранил нам фрагменты его труда [47], ограничился лишь беглым упоминанием об осаде. Все эти соображения приводят к мысли, что рассказ об осаде Рима не восходит к Приску, а является продуктом творчества самого Прокопия.

Об авторстве Прокопия свидетельствует и то обстоятельство, что труд его на каждом шагу обнаруживает влияние древнегреческих историографов, прежде всего Геродота и Фукидида. Он перенимает у Геродота отдельные особенно употребительные выражения и формулы [48], вводит аналогичные ситуации[49], заимствует у него общие места (τόποι)[50] в этнографических описаниях. Так, говоря о частях, на которые делится мир, он

---

[42] C e d r., vol. I, p. 587.

[43] B. R u b i n. Op. cit., col. 129.

[44] Для параллелей с Приском характерны и другие места в труде Прокопия: Hist., III. 3, 12—17 (J. H a u r y. Prolegomena, p. XIII); Hist., III. 4, 30—35 [G. M o r a v c s i k. Acsodaszarras mondája bizánci írókná (Повесть о чудесном олене у византийских писателей). EPhK, 38, 1914, Separatim 13—14]; Hist., III. 6, 1—2. (J. H a u r y. Prolegomena, p. IX—X); Hist., III. 6, 6 (J. H a u r y. Prolegomena, p. VII).

[45] См. R. B e n e d i c t y. Egy Priskos-hely történeti hiteléröl (Об исторической достоверности одного места Приска). «Antik Tanulmányok», 5, 1958, old. 75—78.

[46] G. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, vol. I. Berlin, 1958, S. 480.

[47] Th. M o m m s e n. Proemium in Jordanem. MGH AA, V, pars 1, p. XXXIV—XXXVII.

[48] H. B r a u n. Die Nachahmung Herodots durch Prokop. Nürnberg, 1894.

[49] J. H a u r y. Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Prokopios von Cäsarea. München, 1896, S. 1—27.

[50] A. G r á f. Antik hatások a korai bizánci történetirodalom ethnographiai tudósításaiban [Влияние античной литературы на этнографические экскурсы ранневизантийских историков] EPhK, 58, 1933, old. 24—33, 100—105, 231—234.

цитирует Геродота[51], [причем неточность цитаты свидетельствует, скорее всего, о цитировании по памяти. Труд его обнаруживает знакомство и с Дионисием Галикарнасским [52]. Итак, уже у двух этих авторов Прокопий мог почерпнуть сюжет интересующего нас описания.

Отметим еще одну характерную для Прокопия особенность изложения — выражающую сомнение автора формулу, с помощью которой он переходит к изложению второго варианта: «Τινὲς δὲ οὐχ οὕτω Ῥώμην Ἀλαρίχῳ ἁλῶναί φασιν». Пример этот не единственный. О смерти вождя готов Тотилы в битве при Тагине в 552 г. Прокопий также сообщает две версии [53], причем вторая вводится такой же формулой. Согласно первому варианту, Тотила после поражения бежал с поля боя. Когда преследовавший его гепид Асбад приготовился поразить его копьем, один готский юноша, сопровождавший Тотилу, громко крикнул: «Что ты, собака, так стремишься убить своего господина!» Но, несмотря на это, гепид вонзил копье в Тотилу и убил его. Согласно второму варианту, Тотила был смертельно ранен, находясь в рядах войска. Первый вариант кое в чем напоминает рассказ Геродота о том, как сын Креза спас жизнь своего отца, закричав на перса, который угрожал жизни царя (I. 85). Прокопий и в этом случае использовал, вероятно, рассказ Геродота [54]. Как и в описании осады, первый из двух вариантов обнаруживает здесь влияние Геродота, а второй вводится уже известной нам формулой.

Можно привести и другие примеры того, как в описании исторических событий Прокопий использует сюжеты античных авторов, главным образом Геродота. Таковы рассказ Прокопия о воспитании Адергудунвадом малолетнего Кавада [55] и рассказ Геродота о том, как пастух воспитывал Кира — внука Астиага (I. 112); связь между двумя историями подтверждается и текстовыми совпадениями [56]. Другой пример — описание Прокопием бегства Кавада из крепости Забвения (φρούριον Λήθης): жена узника обменялась с ним одеждой и осталась в тюрьме, а тот убежал из крепости в женском платье [57]. Этот рассказ полностью соответствует сообщению Геродота о бегстве миниев из спартанской тюрьмы (IV. 146). Кстати, этот рассказ Прокопия подтверждается свидетельствами Агафия [58] и Феофилакта Симокатты [59], а также житием Иоанна Элеймосинария [60].

---

[51] Prokop., Hist., VIII. 6,15; Herod., IV, 15.

[52] B. Rubin. Op. cit., col. 258.

[53] Prokop., Hist., VIII. 32, 22—35.

[54] H. Delbrück. Geschichte der Kriegskunst, 2. Teil. Die Germanen. Berlin, 1909, S. 376. По мнению Г. Дельбрюка, Прокопий не располагал достоверными сведениями о битве при Тагине и поэтому сообщает о ней две версии. По мнению Т. Ходгкина (op. cit., IV, p. 639—640) и Б. Рубина (op. cit., col. 250), Прокопий предпочитает первый вариант и сам считает его более достоверным. К сожалению, другие источники (Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, vol. I. Lipsiae, 1883, p. 228. 20 sq.; Malalas. Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, p. 486. 15 sq.; Agnellus. Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis, ad a. 552. MGH. Scriptores rerum langobardicarum et italicarum saec. VI—IX, 1878; Cedr., I, p. 659. 15 sq.) лишь бегло упоминают об этом событии и не приводят обстоятельств смерти Тотилы, что затрудняет суждение об исторической достоверности каждого из двух вариантов, сообщаемых Прокопием.

[55] Prokop., Hist., I. 23, 7—11.

[56] H. Braun. Op. cit., p. 43 sq.; Prokop., Hist., I. 23, 8: δακρύσασα δὲ ἡ γυνὴ καὶ τῶν γονάτων τοῦ ἀνδρὸς λαβομένη ἔχρηζε τέχνῃ μηδεμίᾳ Καβάδην κτεῖναι. Ner., I, 113: ἥδε ... δακρύσασα καὶ λαβομένη τῶν γονάτων τοῦ ἀνδρὸς ἐχρῄζε μηδεμίᾳ τέχνῃ κατεῖναί μιν.

[57] Prokop., Hist., I. 6, 1—9.

[58] Agathias. Hist., IV, 28; ср. IV, 30.

[59] Theoph. Simoc., Hist., III. 5, 2—7.

[60] Vita S. Joannis Eleêmosynavii, cap. 48. PG, t. 114, col. 937.

Таким образом, использовав легенды, сложившиеся вокруг событий 410 г., Прокопий объединил их, следуя античным литературным образцам, что, по-видимому, представляет собой прием, характерный для его писательской манеры. Установление исторической основы описания осады Рима весьма важно для оценки достоверности сообщений Прокопия. В конце прошлого века некоторые исследователи считали, что подобное следование античным образцам приводит к фальсификации, к заимствованию от античных историков явно фиктивных сюжетов[61]. Против такой точки зрения возражают И. Хаури[62] и Г. Зойтер[63], полагающие, что следование Прокопия античным образцам касается лишь манеры его изложения. Вывод этот подтверждается и изучением рассказа Прокопия об осаде Рима. Подражание античным образцам не уменьшает исторической достоверности сообщений этого автора, оно лишь помогает ему связать воедино отдельные события и дать им традиционное обрамление.

---

[61] Ср. H. Braun. Op. cit.; idem. Procopius Caesariensis quatenus imitatis sit Thucydidem. Erlangen, 1886; M. Brückner. Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopius von Caesarea. Ansbach, 1896.

[62] J. Haury. Zur Beurteilung..., S. 1—27.

[63] G. Soyter. Die Glaubwürdigkeit des Geschichtschreibers Procopius von Caesarea. BZ, XLIV, 1951, S. 541 f.

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО БУРЖУАЗНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ XX века

(К. Н. Успенский)

Одним из наиболее талантливых представителей русской византиноведческой науки начала XX в. был Константин Николаевич Успенский (1874—1917). Вместе с тем именно в трудах К. Н. Успенского, пожалуй, наиболее ярко проявились черты кризиса буржуазной науки, захватившего и русское византиноведение того времени. При всей оригинальности мышления, умении не только по-новому прочитать хорошо известный источник, но и по-новому поставить сложный вопрос, при всем стремлении идти своим собственным путем, пересматривая общепринятые в науке точки зрения, К. Н. Успенский, как сын своего века, все же не избежал влияния некоторых «новомодных» в его время философских теорий. Начав свою научную деятельность как горячий сторонник позитивизма, как исследователь, углублявшийся преимущественно в изучение социально-экономической истории Византии, К. Н. Успенский в дальнейшем, в период первой мировой войны и февральской революции 1917 г., увлекся распространенной среди части русской буржуазной интеллигенции философией Маха и Авенариуса. Продолжая стоять в своей исследовательской работе на позициях позитивизма с его признанием роли экономики как одного из важных факторов развития общества, К. Н. Успенский в своих историко-философских построениях объективно все больше и больше скатывался к махизму, к отрицанию возможности понять, осмыслить какие-либо закономерности в хаосе исторических событий.

Отходя в своей философии истории от лучших достижений школы позитивизма, К. Н. Успенский приходит к весьма характерному пессимистическому выводу о невозможности определить причинность исторических явлений, их закономерность. Ссылаясь на Авенариуса и Маха, К. Н. Успенский проповедует прямой агностицизм в истории. К. Н. Успенский солидаризируется с Авенариусом в отказе от признания причинности явлений и принимает его теорию интроекции. Он подчеркивает, что «в этом стремлении различить причины и следствия, в разложении явления на силу и результат следует видеть фиктивную операцию...»[1]. Соглашаясь с Махом, что понятие причины скомпановано по понятию воли, К. Н. Успенский иронизирует по поводу бесплодных усилий историков, стремящихся определить причинную связь исторических событий. «Мы вообще,— пишет

[1] К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 65.

он,— охотно разнородные множества людей скучиваем в искусственные рубрики: общество, народ, человечество, и они у нас действуют как лица. Мы персонифицируем даже самые исторические явления и процессы и ведем речь о фигурах революций, реакций, падений, капитализмов как о сознательных и активно действующих организмах..., увлеченные этой условностью, мы иногда начинаем верить, что одно явление может стать причиной другого, т. е. создать другое явление»[2]. Отрицая возможность познать истинный смысл и причинную связь исторического процесса, К. Н. Успенский призывал к уходу от широких обобщений и «схем» в мир чистой фактологии. «Наш интерес,— говорил он,— должен переместиться с расследования и угадывания причин совершившегося изменения на изучение того, к а к (разрядка автора.— *З. У.*) происходили эти перемены...»[3] Иными словами, анализ причинности исторического развития должен быть заменен простым *о п и с а н и е м* фактов.

Общественная борьба и политическая действительность первого десятилетия XX в. не могла не отразиться в трудах К. Н. Успенского. Не мог он пройти мимо и не высказать своего отношения к марксизму.

В своих лекциях по истории древней Греции, прочитанных в 1910/11 г. на Московских высших женских курсах, К. Н. Успенский довольно подробно останавливается на разборе исторического, или, как принято было тогда говорить, «социального», материализма.

Влияние марксизма на буржуазную науку было уже столь значительным, что К. Н. Успенский не может не признать появление «социального материализма» крупным поворотом в сфере исторической науки и соглашается с тем, что это направление «можно назвать господствующим и в наши дни». Интерес к социальной истории, создание особой науки об обществе — социологии — автор возводит к О. Конту. Он признает, что появление марксизма было обусловлено самой исторической действительностью, которая «выдвинула в общем движении социальной жизни важность экономических отношений и вопросов». Рост капитализма «с его дикой борьбой за богатство» «усиливал значение хозяйственных интересов в общественной и частной жизни. Огромные успехи политической экономии и статистики явились прямым ответом на эти новые запросы общественной мысли. В области исторического изучения эта перемена выразилась в том, что при исследовании социальной жизни особенную важность приобрел вопрос о хозяйственной организации общества». Однако, признавая тот неоспоримый факт, что с последней четверти XIX в. в умах воцаряется «материалистическое понимание истории», К. Н. Успенский искажает сущность марксизма, обедняет его, утверждая, будто это учение «все движение социальной жизни пытается свести к одному хозяйственному фактору». Не принимая историко-философскую теорию К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Н. Успенский, противореча самому себе, утверждает, что это учение, якобы не получив при своем появлении в свет законченного логического развития, мало привлекло к себе внимания, что лишь после смерти К. Маркса к нему пробудился интерес и «исторический материализм стал предметом бесчисленных толкований, применений и популяризаций со стороны так называемых марксистов»[4].

Весьма характерно, что эти критические высказывания о марксизме, включенные К. Н. Успенским в его лекционный курс, читавшийся в годы

---

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 67.

[4] К. Н. У с п е н с к и й. История древней Греции. Курс лекций, читанный на Московских высших женских курсах в 1910/11 г. М., 1910, стр. 31—32 (далее — Лекции по истории древней Греции)

реакции, отсутствуют в «Очерках по истории Византии» (1917 г.), где Успенский просто обходит молчанием свое отношение к марксизму. В этом, видимо, сказалось влияние общего революционного подъема, охватившего даже либеральную интеллигенцию России в период февральской революции 1917 г.

Новым и весьма характерным явлением в идейно-политической направленности византиноведческих работ XX в. был подчеркнутый эволюционизм — отрицание всяких «переворотов и поворотов» в истории Византии. Наиболее ярко это стремление отказаться от всякого признания возможности революций, «скачков» в историческом развитии проявилось опять-таки у К. Н. Успенского, основной труд которого, по словам автора, должен был доказать, что история Византийской империи свидетельствует «...не о совершившемся перерождении Римской империи в иную, новую, не о нахлынувшей вдруг реакции эллинизма или Востока, а как раз об отсутствии таких переворотов и поворотов и о живучести старых, выработавшихся еще в античной среде укладов и жизненных форм»[5]. Идее эволюционизма подчинена вся концепция истории Византии, изложенная К. Н. Успенским первоначально в цикле его лекций, читавшихся на Московских высших женских курсах в 1912—1915 гг.[6], а затем почти без изменений вошедших в главный труд его жизни — «Очерки по истории Византии».

В основных чертах концепция К. Н. Успенского состоит в следующем: между Восточноримской и Византийской империями не существовало никакой реальной исторической грани; разделение империи на Восточную и Западную в IV в.— чистая фикция[7]. К. Н. Успенский хотя и не отрицает известных этнографических и экономических изменений, происшедших в империи в V в., но все же настойчиво утверждает, что история Византии — это единый непрерывный исторический процесс эволюции Римской империи[8].

Правильно критикуя схоластическое понятие «византинизма», К. Н. Успенский доходит, однако, до отрицания самого понятия «Византия», «Византийская империя», стремясь изобразить византийскую историю как единый плавный процесс эволюции Римской империи[9].

Эволюционистская концепция, безусловно, порожденная страхом русской либеральной буржуазии перед революцией, проходит красной нитью через весь труд К. Н. Успенского и особенно отчетливо проявляется в освещении им судеб Поздней Римской империи и вопроса об образовании Византии[10].

Изложение истории Поздней Римской империи К. Н. Успенский в силу своих монархических и идеалистических взглядов начинает с по-

---

[5] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 11.

[6] К. Н. Успенский. История Византийской империи, вып. I—II, 1912/13 уч. год; его же. История Византийской империи, вып. I—II, 1913/14 уч. год; его же. История Византийской империи, ч. I—II, 1914/15 уч. год. (литогр. курсы лекций; далее — Курс лекций по истории Византийской империи). Кроме того, на Московских высших женских курсах К. Н. Успенский в 1910—1911 гг. читал курс лекций по истории древней Греции.

[7] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 6.

[8] Там же, стр. 9.

[9] Там же, стр. 7. Ср. К. Н. Успенский. Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати. «Голос минувшего», № 6, 1913, стр. 5 (эта статья почти текстуально вошла в «Очерки»).

[10] Подобные же эволюционистские теории господствовали в то время и в западноевропейской буржуазной историографии, что особенно ярко проявилось в общих трудах английского византиниста Дж. Бэри.

литической эволюции империи, выразившейся, по его мнению, прежде всего в эволюции императорской власти. Эта эволюция в главных чертах завершается в IV в. и состоит в перестройке императорской власти на началах восточной деспотической монархии и новой христианской религии [11]. Особенно характерно для эволюции по восточному образцу «слияние государственного дела с государевым, признание государя полным господином и хозяином всего огромного объединения стран и людей»[12]. В том же направлении торжества «восточных начал» происходит эволюция и в административном строе империи, выразившаяся в бюрократизации и централизации государственного управления, разделении гражданской и военной властей, иерархизации государственного аппарата по образцу административной системы управления Птолемеевского Египта [13]. В результате этой эволюции Римская империя становится абсолютной монархией, покоящейся на централизованной бюрократии. При этом восточные монархические порядки захлестнули сначала греческие народные политии, а потом и римское республиканство [14].

Исходя из ошибочного представления о доминирующей роли именно политической эволюции императорской власти и государственного управления, К. Н. Успенский рассматривает социальную эволюцию Римской империи лишь как производное явление, зависящее от политической эволюции.

Вместе с тем надо отметить, что в отличие от многих историков Римской империи К. Н. Успенский совершенно правильно подчеркивает неправомерность нивелировки общественного строя на протяжении всей империи и указывает на наличие существенных этнических и культурных различий не только между Западной и Восточной империями, но и внутри этих частей Римского государства. Он совершенно справедливо призывает изучать не горизонтальные общественные пласты на протяжении всей империи, а вертикальные разрезы на несколько обществ, живших в ней и проходивших свою эволюцию, несмотря на уравнительную и нивелирующую политику государства [15].

Тем самым автор правильно подчеркивает крайнюю важность локальных исследований социально-экономического развития отдельных областей империи. Однако и в этом правильном конкретном выводе он исходит опять-таки из неверной посылки — из отказа дать какое-либо обобщение о социальной эволюции всей империи.

Социальную эволюцию Римской империи К. Н. Успенский усматривает прежде всего в распадении ее на отдельные княжества, отрывавшиеся от государственного центра. Эти феодализирующие процессы в V в. с одинаковой силой действовали в западной и в восточной областях империи. В социальной эволюции важную роль сыграла ненормально развившаяся и превратившаяся в антигосударственную силу земельная аристократия, состоящая из имперских сенаторов. В ее «устроении» — в превращении ее в крупную экономическую и политическую силу на местах, по мнению К. Н. Успенского, тоже сказалось влияние наследия эллинистического Востока [16].

Именно на Востоке к V в. образовались многочисленные и самые крупные в империи имения — сальтусы сенаторской знати, обладавшие,

---

[11] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 17.
[12] Там же, стр. 23.
[13] Там же, стр. 18 и сл.
[14] Там же, стр. 23.
[15] Там же, стр. 24.
[16] Там же, стр. 28—29.

подобно императорским землям, автономией и удельностью; постепенно они почти перестали зависеть сперва от муниципальной, а затем и от государственной власти [17]. В тесной связи с ростом экзимированного крупного землевладения находилось, по мнению К. Н. Успенского, и *«закрепощение* сельского населения империи, принявшее формы *колоната»*. В своей трактовке римского колоната К. Н. Успенский находится под большим влиянием концепции М. И. Ростовцева. Подобно М. И. Ростовцеву, К. Н. Успенский сильно «ориентализирует» весь общественный строй Поздней Римской империи, ищет корней римского колоната на эллинистическом Востоке и предшественниками римских колонов считает эллинистических и доэллинистических «царских земледельцев» Египта и Малой Азии [18]. По его мнению, восточные формы закрепощения сельского населения были «всецело и покорно восприняты Римским государством» [19]. Характерными особенностями колоната в Восточной Римской империи, воспринятыми у эллинистического Востока, К. Н. Успенский (вслед за Ростовцевым) считает: 1) сочетание основ крепостничества с юридическими формами свободной земельной аренды; 2) применение к населению деревни и города учения об ἰδία (origo), «которое обязывает каждого человека нести в своем р о д н о м у г л у (разрядка автора.— *З. У.*), в своем к р у г у определенные личные и имущественные тяготы...» [20]. В дальнейшем развитие этого учения привело к появлению литургий и к прикреплению населения по месту приписки к тяглу; 3) наконец, третью особенность восточноримского колоната К. Н. Успенский усматривает в существовании на Востоке «государственных крестьян» [21]. Но параллельно (и отчасти против воли государства) складываются отношения, ведущие к экономической зависимости крестьян от крупных собственников. Явно преувеличивая степень распространения «крепостничества» на Востоке, К. Н. Успенский полагает, что в IV в. все сельское население империи было прикреплено к земле [22]. Вместе с тем большим достоинством раздела труда К. Н. Успенского о колонате является то, что автор отказывается от стремления многих ученых изобразить римских колонов единым «общеимперским классом» закрепощенных крестьян [23]. Он правильно указывает на то, что колонат — явление бесконечно разнообразное как по своему происхождению, так и в сложившемся виде, а колоны IV — V вв. — не единая закабаленная и закрепощенная масса, но различные разряды и группы сельского населения (оригинарии, адскриптиции, coloni liberi и др.), в статусе которых по-разному сочетаются элементы свободы и зависимости [24].

Приходя к этому интересному и вполне обоснованному выводу, К. Н. Успенский, однако, впадает в противоречие: в одном месте своего труда он утверждает, что основной тенденцией как экономического развития, так и государственной политики в IV—V вв. являлось з а к р е п о щ е н и е в с е г о с е л ь с к о г о н а с е л е н и я. «В IV в.— пишет автор,— все сельское население империи оказывается прикрепленным к земле» [25]. В другом же месте своей работы К. Н. Успенский, как бы забывая свои собственные выводы, утверждает, вслед за П. Г. Виноградовым, что «положение вещей в империи IV—V вв. было именно бла-

[17] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 28—29.
[18] Там же, стр. 34.
[19] Там же.
[20] Там же, стр. 35.
[21] Там же, стр. 36.
[22] Там же.
[23] Там же, стр. 38.
[24] Там же.
[25] Там же.

гоприятным для мелких фермеров и крестьян и, наоборот, очень неудобным для установления прав крупных землевладельцев»[26]. При этом автор доказывает, что, начиная с V в., в среде крестьян (особенно в Восточной Римской империи) росли элементы и тенденции свободы и расширялись и налаживались общинные учреждения[27].

Весьма существенным изъяном в трактовке социально-экономической эволюции Поздней Римской (а затем и Византийской) империи является почти полное игнорирование К. Н. Успенским роли города. История городов, состояние ремесла и торговли в империи IV—V вв. интересуют его лишь в одном плане — в плане их перестройки по восточному образцу[28]. При этом на первый план выдвигаются лишь два явления: 1) закрепощение государством торговых и ремесленных коллегий в городах империи и 2) образование огромных государственных фабрик и заводов (!)[29], на которых используется труд рабов и приписанных к этим предприятиям ремесленных коллегий. И та и другая линии перестройки античного города-полиса, по мнению автора, восходят своими корнями к организации ремесла и торговли на эллинистическом Востоке. Так, закрепощение торгово-ремесленных коллегий — результат распространения на города восточного учения об ἰδία, а государственные мастерские в Римской империи — это младшие сестры «крупных царско-домашних производств» Птолемеевского Египта[30].

Весьма важным звеном в исторической концепции К. Н. Успенского и его философии истории является оценка роли христианства в историческом развитии римского и византийского общества.

Понимание эволюции Римской империи и становления средневекового общества, по мнению Успенского, невозможно без изучения нового фактора огромной важности — христианства[31]. Крайне преувеличивая историческое значение возникновения христианской религии, К. Н. Успенский рассматривает появление христианства как огромный поворот в религиозном сознании античного мира, в своем развитии сыгравший определяющую созидательную роль во всей дальнейшей истории Европы. В вопросе о происхождении христианства К. Н. Успенский отказывается, однако, от конфессиональной точки зрения и подвергает сомнению реальное историческое существование основателей религий, в том числе и основателя христианства, ибо «мы имеем дело не с подлинными следами их деятельности, а с позднейшими и весьма сложными литературными созданиями и вариациями на философские и нравственные темы. Любой из них как личность реальная настолько закрыт систематическим символико-поэтическим и церковно-устроительным творчеством, что мы не можем сказать о нем как человеке, жившем в такую-то эпоху, почти ни одного слова...»[32]. Поэтому, справедливо утверждает автор, надо полностью отказаться от богословско-биографической трактовки происхождения хри-

---

[26] Там же, стр. 173.
[27] Там же, стр. 174—175.
[28] Там же, стр. 40—41.
[29] Подобная модернизация в терминологии свойственна всем работам К. Н. Успенского, особенно его «Очеркам», где он употребляет в приложении к Римской империи термины: империализм, пролетариат (стр. 13), индустриальные элементы, промышленность (стр. 39), государственные рабочие (стр. 40 и 77) и др. Модернизация в терминологии в той или иной степени присуща и другим буржуазным ученым того времени.
[30] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 40—41.
[31] Там же, стр. 42.
[32] Там же, стр. 43.

стианства и перенести центр тяжести на изучение христианства как с и н к р е т и ч е с к о й р е л и г и и, «т. е. видеть в нем взаимопроникновение и смешение религиозных верований и представлений различных стран и культур, входивших в состав Римской империи...»[33].

Критикуя стремление некоторых ученых дать полный перечень причин возникновения христианства, Успенский, поддаваясь и в этом вопросе влиянию философской концепции Маха и Авенариуса, хочет показать всю бесплодность попыток доискаться причин появления христианства, ибо многие факторы, выдвигаемые в качестве причин, на самом деле при ближайшем рассмотрении оказываются различными сторонами самого же христианства, «только вытянутыми в перспективу». «В значительной мере причинами, предварительными условиями выставляются здесь явления, входящие в состав сложного момента, который желательно объяснить»[34]. Однако, как бы забывая декларированные им положения, автор вскоре сам обращается к выяснению условий появления христианства.

Из множества причин возникновения христианства, высказанных в современной ему науке, К. Н. Успенский выделяет лишь ряд условий, создавших предпосылки для появления христианства как синкретической религии. Из них на первое место он ставит «эллинистическое культурное объединение средиземноморских стран и римское политическое объединение их в единую империю»[35]. «Христианский универсализм должен был иметь несомненный успех при тех объединительных стремлениях, которые одушевляли римский мир»[36].

Исчезновение политических перегородок внутри империи, стирание этнических различий, единство языка, удобство сообщения и общительность, характерные для античного мира, создавали условия для распространения идей единобожия. «Римская империя была или хотела быть вселенской. Римский гражданин сознавал себя гражданином мира». Вместе с падением национальной обособленности падало и значение национальных религий. «Вместо греческого Зевса, римского Юпитера, египетской Исиды всемирному гражданину нужен был просто бог»[37].

Наряду с политическими условиями возникновения христианства, автор выдвигает и чисто религиозно-этические: 1) разложение идеи многобожия в греческой религии и одухотворение этой религии орфизмом подготовляло ее сближение с христианством; 2) римская религия, не знавшая отчетливого многобожия, по своей природе тяготела к единобожию, а культ императора предвосхищал учение о богочеловеке; 3) восточные религиозные течения — иудаизм, культ Митры Непобедимого, Великой Матери Идейской, Исиды, Ма Каппадокийской — с их культами воскресающего и умирающего бога также вошли важной составной частью в христианскую религию. Неоплатонизм с его учением о Логосе и бессмертии души придал своеобразную философско-этическую окраску христианскому учению.

Правильно характеризуя синкретизм христианской религии, К. Н. Успенский вместе с тем подчеркивает, что своими корнями христианство всецело уходит в античный мир: он представляет христианство «совсем не в виде извне налетевшей, чуждой и неожиданной античному миру волны, а, наоборот, как воссоединение, одухотворение и выяснение тех смутных, робких и незаконченных религиозно-нравственных запросов, стремлений

---

[33] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 43.
[34] Там же, стр. 44.
[35] Там же.
[36] Там же, стр. 47.
[37] Там же.

и настроений, которые бродили в умах и сердцах языческого общества, пережившего свое язычество»[38]. Справедливо отметив, что христианство родилось и развилось в недрах античного мира, К. Н. Успенский в своем анализе происхождения христианства не доходит, однако, до понимания социальных причин, породивших христианскую религию, умозрительно отрывает его от той социальной среды, которая его родила и вскормила. В этом отношении он делает шаг назад даже по сравнению с некоторыми представителями русской буржуазной медиевистики конца XIX в., например П. Г. Виноградовым, который признавал, что христианство было порождено общественными условиями разлагавшейся Римской империи, было своего рода идеологическим выходом для античного мира, запутавшегося в противоречиях [39]. В отличие от того же П. Г. Виноградова, признававшего народные массы вплоть до III в. главными носителями христианства [40], К. Н. Успенский всячески стремится «аристократизировать» христианскую религию, боясь отдать христианство «черни», «простонародью». По его утверждению, уже во II в. «христианство перестало быть достоянием исключительно простонародья», а привлекло к себе интеллигенцию и знать [41]. Прослеживая образование и эволюцию христианской церкви, К. Н. Успенский всячески затемняет ее социальные функции по отношению к народным массам, рассматривает этот вопрос лишь в плане взаимоотношений церкви и государства. По его мнению, «грандиозная уния церкви и государства» имела отрицательные последствия для христианской церкви, приведя к ее подчинению государственной власти, обмирщению, превращению в одну из «служебных сил земного мира»; однако этот компромисс, приведший по существу к «профанации религии», был подготовлен (как и само зарождение христианства) предшествующим развитием, эволюцией епископата, понижением его нравственного уровня, появлением ересей [42].

Вместе с тем «великий союз государства и церкви» и «грандиознейшая реформа Константина», превратившая христианство в государственную религию, «не дала и самой империи (разрядка автора.— *З. У.*) того спасительного обновления, от которого она заиграла бы живыми творческими силами» [43]. Процесс политического раздробления, поворота экономической жизни к упрощенным формам не был приостановлен примирением государства и церкви.

В чем же состояли причины упадка империи? Был ли этот упадок столь глубоким и всеобъемлющим, как его рисуют многие историки?

Поставив первый вопрос, К. Н. Успенский, придерживаясь философской системы махизма, снова декларирует отказ от попыток объяснить причины упадка Римской империи. Обрушиваясь на тех ученых, которые, подобно Э. Мейеру и М. Веберу, выводят упадок империи из целого комплекса причин, К. Н. Успенский объявляет их теории «голой и пустой схемой». Не поиски причин, а изучение фактов — вот ключ к пониманию того, как Римская империя превратилась в Византийскую [44].

---

[38] Там же.

[39] П. Г. Виноградов. История Римской империи. Курс лекций (Высшие женские курсы). М., 1884—1885, стр. 249.

[40] Там же, стр. 218.

[41] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 50.

[42] Там же, стр. 59.

[43] Там же, стр. 61.

[44] Там же, стр. 67. Развивая эту мысль, автор утверждает, что фактическое исчезновение в империи единой императорской власти — результат фактического варварского завоевания; отнюдь не надо искать причин варварских вторжений, а следует лишь изучать фактические взаимоотношения Рима и варваров (там же, стр. 67—77).

Более того, К. Н. Успенский ставит под сомнение и самый тезис об «упадке», «кризисе» Римской империи, полагая, что в трудах многих ученых этот упадок неправомерно преувеличен, краски при его описании слишком сгущены [45]. Ведь нельзя, по его мнению, сбрасывать со счетов такие прогрессивные явления, как сложение христианства, совершенствование администрации и др. При столь мрачной картине упадка становится, кроме того, совершенно непонятным сохранение и последующее процветание такого «живого трупа», как Восточная империя — Византия. Вряд ли можно признать эти аргументы К. Н. Успенского вполне убедительными и согласиться с его отрицанием кризиса империи в IV—V вв. Вместе с тем необходимо признать, что в трактовке этого вопроса автор выдвигает очень разумную и весьма плодотворную мысль о неправомерности тезиса о всеобщем упадке всей Римской империи в эту эпоху.

К. Н. Успенский справедливо подчеркивает, что империя никогда не была единым, цельным организмом ни в хозяйственном, ни в социальном, ни даже в политическом отношении. Поэтому можно говорить не о каком-то едином, общем упадке империи, а лишь о частных изменениях в экономическом и политическом состоянии отдельных областей. Пролагая путь локальным исследованиям отдельных частей империи, К. Н. Успенский указывает на то, что по разным причинам различные области империи переживают то периоды подъема, то упадка, например, в то время как Запад в IV—V в. быстрыми шагами шел к более простым формам жизни и его хозяйство становилось натуральным, Восток сохранял свои позиции культурного и экономического центра и почти не был охвачен упадком, а продолжал развиваться [46].

Считая правильным призыв К. Н. Успенского к изучению особенностей развития отдельных областей империи, мы все же не можем согласиться с его отрицанием того факта, что и Восток был захвачен кризисом рабовладельческой системы и вследствие этого, хотя и в меньшей степени, чем Запад, тоже переживал упадок.

При рассмотрении различия исторических судеб Западной и Восточной империи К. Н. Успенский подходит, наконец, вплотную к центральному вопросу своей социологической и исторической концепции — к вопросу о феодализме.

Как же понимает автор сущность феодализма, как объясняет его происхождение?

Изучение как исследовательских работ, так и лекционных курсов К. Н. Успенского показывает, что он, подобно другим представителям русской либеральной школы медиевистики (П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский и др.), признает, что «подпочвой» феодализма являлись глубинные экономические процессы — натурализация хозяйства, рост крупного экзимированного землевладения [47] и закрепощение сельского населения [48].

В курсе лекций по истории древней Греции К. Н. Успенский так формулирует свое понимание процесса феодализации: «В хозяйственной жиз-

---

[45] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 65.

[46] Там же, стр. 66. В своих лекциях по истории древней Греции К. Н. Успенский в соответствии с этой своей точкой зрения указывает, что «античный мир не есть нечто цельное, однообразное и неподвижное. Его история распадается на целый ряд обществ, из которых каждое проходило различные ступени экономического и социального развития. Поэтому прежде всего не представляется возможности огулом говорить о древнем мире как о фазисе в хозяйственном развитии проблематического человечества» (Курс лекций по истории древней Греции, стр. 42).

[47] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98.

[48] Там же, стр. 37; ср. стр. 66.

ни — поворот к преобладанию натурального хозяйства и сосредоточение центра тяжести ее на землевладении и земледелии; в социальной области — резкое противоположение землевладельцев и земледельцев; в политической области — государственное распадение, дробление государственной территории и расход государственной власти по частным сильным рукам, замена общего закона частноиндивидуальным договором в сфере людских отношений, замена отношений подданства и гражданства отношениями личной зависимости»[49].

Однако для К. Н. Успенского, как и для почти всех буржуазных медиевистов, феодализм — это *прежде всего политическое явление — раздробление единого государства, распадение его на замкнутые хозяйственные и политические мирки, рассеяние государственного суверенитета между представителями власти на местах*[50]. Процесс феодализации Римской империи, по К. Н. Успенскому, и состоял прежде всего в ее распаде на независимые княжества крупных земельных магнатов[51]. Не принимая феодализм как систему определенных производственных отношений, Успенский далек и от понимания прогрессивности феодализма как важной ступени развития человеческого общества. Более того, для него феодализм — это регресс, возврат к старым, более отсталым формам общественной жизни. Упадок государственной централизации и развитие феодализма в Восточной Римской империи в IV—VI вв. привели к тому, что «вся хозяйственная и иная культурная энергия в обществе была убита, и оно, естественно, двигалось назад, в стадию натурального хозяйства»[52]. По мнению автора, «...прорастание феодализирующих процессов еще в глубине Римской империи становится естественной реакцией, необходимым рецидивом одичания». При этом римляне здесь играют роль своего рода варваров по сравнению с «внешнеподчиняемыми» древнекультурными восточными странами[53].

Как же ставит и разрешает К. Н. Успенский вопрос о причинах и времени возникновения феодализма? Этот вопрос является важным звеном в его общей концепции и тесно связан с идеалистическими социологическими и философскими взглядами автора. Стремясь подчеркнуть плавный, эволюционный характер исторического процесса, К. Н. Успенский не признает, что рождение нового феодального общества было связано с какими-либо крупными политическими и социальными катаклизмами, «поворотами» и «революциями». Вслед за П. Г. Виноградовым и другими буржуазными медиевистами К. Н. Успенский решительно отрицает революционный характер перехода от рабовладения к феодализму. Для этого, как известно, П. Г. Виноградов переносил рубеж, отделяющий античность от средневековья, с бурного V века крушения империи в III в., а другие исследователи в VII—VIII вв. К. Н. Успенский вообще стремится стереть эту грань и всячески затушевать крупнейшие перемены, происходившие в империи в IV—V вв.

В этом отношении он идет даже дальше П. Г. Виноградова, Ф. И. Успенского и других буржуазных медиевистов и по существу провозглашает вслед за Э. Мейером, Брэстедом и Виппером извечность феодализма на Востоке. Если для Западной Римской империи К. Н. Успенский в какой-то степени допускает поворот к элементарным

---

[49] К. Н. Успенский. Курс лекций по истории древней Греции, стр. 66—67.
[50] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 8—9; ср. стр. 110, 145, 198.
[51] Там же, стр. 29.
[52] Там же, стр. 103; ср. стр. 66.
[53] Там же, стр. 23.

формам жизни в период феодализации, а варварам-германцам отводит роль активного фактора, вносящего «решительные перемены» в строй западных государств, то для Востока он не допускает никакой прерывности исторического процесса[54].

По утверждению К. Н. Успенского, на Востоке феодализирующие процессы (появление княжеств-сальтусов, закрепощение населения) — это *отнюдь не переход к новой общественной формации*, а возобновление старинных, доримских форм жизни. Поэтому-то Восток и не был захвачен тем упадком, который переживал Запад, именно поэтому «там шли и развивались свои процессы, явившиеся продолжением старой эллинистической жизни»[55].

Теория извечности феодализма с особенной ясностью была сформулирована К. Н. Успенским в его лекциях по истории древней Греции. Постулируя сильное воздействие восточных форм жизни на Грецию, автор широко применяет термин «гомеровский феодализм», называя гомеровскую эпоху эпохой феодальной, причем подчеркивает, что делает это не нечаянно, не метафорически, а вполне сознательно. Автор считает вполне правомерным применение понятия феодализма к любой этнической группе и в любое историческое время. «Если представлять феодализм как необходимую стадию общественного развития, через которую проходит каждая общественная группа, было бы, пожалуй, увлечением, то во всяком случае его уже смело и бесповоротно можно не считать явлением специфически средневековым и западноевропейским»[56].

Условиями для повсеместного возникновения феодализма К. Н. Успенский считает «слабость культуры, еще недоразвившейся и оттягивающейся в варварство или переразвившейся, т. е. разлагающейся и возвращающейся к дикости. Феодализм развивается, когда при ненадежности или дряблости культуры в социальной группе слишком вяло действуют хозяйственность и общественность. При таких условиях большие социально-политические тела или не могут образоваться, или рыхлеют и рассыпаются. Могут держаться лишь малые местные организмы, жизнь которых фиксируется в тесном пространстве»[57]. Все признаки феодализации уже налицо, по мнению автора, в гомеровской Греции: 1) царская власть (власть басилевса) в упадке, она тускла, одностороння, малоавторитетна, едва ли нужна населению[58]; 2) в это время возникают вассальные отношения, «союзы верности и дружбы» между басилевсом и его дружиной; «одни и те же условия: политическое раздробление, распределение государственной власти среди частных, сильных людей, приводили к тождественному результату — к замене отношений подданства и гражданства отношениями личного договора и личной зависимости»[59]; 3) в хозяйственной жизни видны натурализация хозяйства[60], преобладание земледелия, появление земельной аристократии, причем «основу материальной силы и господства

---

[54] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 66. Кстати сказать, именно для отрицания «поворота» в истории Восточной империи при переходе от рабовладения к феодализму К. Н. Успенскому понадобилось принизить роль славян (в противовес германцам) как активного и важного фактора перестройки общественной жизни Восточной Римской империи (там же, стр. 6, 143, 151—153, 159, 161—162, см. ниже).

[55] Там же, стр. 66.

[56] К. Н. Успенский. Курс лекций по истории древней Греции ч. I стр. 66.

[57] Там же, стр. 67.

[58] Там же, стр. 72.

[59] Там же, стр. 78.

[60] Там же, стр. 98—102.

такой аристократии составляет земля как средство, обеспечивающее потребление замкнуто хозяйствующих групп»[61]. Ойкос крупного землевладельца гомеровской эпохи — это «чисто феодальный организм, типичная сеньория с замком и доменом сеньора, с вассальным окружением, с министериалами во дворе и массой вилланов на их цензивах»[62]; «простые свободные люди, вся масса гомеровского населения владела своими клерами только условно»[63], вследствие этого К. Н. Успенский рисует положение земледельческой массы гомеровской Греции «в формах, близких к крепостничеству»[64]. К. Н. Успенский представляет себе иерархическую структуру земельной собственности гомеровской Греции в следующем виде: «Перед нами и полные собственники — владыки целых стран, являющиеся как бы государями в своих землях, и крупные благородные держатели, верные друзья и соправители главного вождя, наконец, простые смертные — земледельцы, подданные верховного властелина земли, повинные ему данями и оброками»[65].

Вывод автора вполне безоговорочен и красноречив. Оценивая гомеровскую Грецию, он пишет: «Перед нами типичный процесс феодализации с ясно выразившимися своими господствующими течениями»[66].

Лишь с VIII в., с периода колонизации, передовые области Греции, по мнению автора, переживают «знаменательный переворот (!), заключавшийся в переходе от феодальных форм жизни и замкнутонатурального хозяйства к государственному быту и хозяйству меновому и денежному»[67].

Эти изменения в дальнейшем выразились также «в переходе от быта феодальных сеньорий — поместий государств — к строю городских общин, городов-государств, в исчезновении старой царской власти, переливающейся сначала в политическое господство аристократии»[68].

Признание К. Н. Успенским, вслед за Э. Мейером, феодализма в гомеровской Греции и перенесение феодальных отношений на самые отдаленные эпохи, иными словами, проведение теории извечности феодализма, направленной по существу против марксистского учения о смене социально-экономических формаций, проливает свет и на его концепцию падения Римской империи и становления Восточной — Византийской — империи. В Восточной империи переход к феодализму — это возврат к исконным восточным формам жизни, к натурализации хозяйства, преобладанию деревни над городом. Отсюда понятно, почему город, сыгравший столь важную роль в истории Византии, фактически совершенно выпадает из социологической схемы К. Н. Успенского и нужен ему лишь как пример разложения полисного строя в империи, знаменующего переход к земледельческому натуральному хозяйству[69].

Вопрос о феодализме является центральным в трудах К. Н. Успенского и, в частности, в его трактовке периода правления императора Юстиниана. В изображении автора правление Юстиниана — это время острого напряжения борьбы *«централизующей» государственности в лице императора с носителем децентралистских феодализирующих тенденций* —

---

[61] Там же, стр. 91.
[62] Там же, стр. 95.
[63] Там же, стр. 96.
[64] Там же, стр. 97.
[65] Там же, стр. 98.
[66] Там же, стр. 115.
[67] Там же, стр. 117.
[68] Там же, ч. II, стр. 17.
[69] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 40—41.

сенаторским сословием[70]. Эта борьба не являлась чем-то новым, а началась в империи еще в IV в. Императорское законодательство, лицемерно прикрываясь заботой о «благе мелкоты», выступало против роста крупной земельной собственности, заботясь прежде всего о сохранении казенных и императорских имуществ. «Под маской защиты мелкой и казенной собственности от незаконных захватов посредством наложения титулов со стороны крупных землевладельцев законодательством Юстиниана предпринят был поход против расширения магнатского землевладения»[71].

Одним из важнейших результатов этого «похода» было расширение казенного и императорского землевладения за счет крупного, частного; при этом императорское правительство широко использует различные незаконные средства: вынужденные завещания, дарения и, наконец, конфискации земель сенаторов, подвергшихся обвинениям в политических преступлениях[72].

Чрезвычайно преувеличивая размеры и мощь сенаторского землевладения, ошибочно приписывая уже отживающему сенаторскому сословию огромное политическое влияние в стране, К. Н. Успенский доходит, например, до полного отрицания социального характера восстания Ника, рисуя его исключительно сенаторской «революцией», давшей основание для «великого царского террора», обрушившегося после неудачи восстания на сенаторские круги. Автор даже соглашается с домыслами Прокопия, что восстание Ника якобы было спровоцировано самим правительством Юстиниана с целью расправы с сенаторским сословием[73].

Но основной ошибкой К. Н. Успенского является то, что он не хочет видеть в сенаторском сословии представителей с т а р о г о, отживающего рабовладельческого мира, а приписывает ему роль н о в о й, ф е о д а л ь н о й з н а т и — носителя феодализирующих, децентралистских тенденций[74]. Он не пытается расчленить землевладельческую знать на отдельные группировки, отделить старую аристократию от действительных носителей феодализационных процессов, игнорирует использование рабского труда в доменах старой аристократии, распространяет на всю землевладельческую знать единое понятие — *сенаторская аристократия*. Членение внутри землевладельческой знати идет у К. Н. Успенского не по признаку того, носителями какого способа производства являлись те или иные группировки, а лишь по линии разделения светского и церковного землевладения[75]. Причем, как выясняется, и сенаторское сословие, и представители церковно-монастырского землевладения являются носителями феодализации.

Крайне преувеличивая масштабы развития феодализма в Восточной Римской империи VI в., К. Н. Успенский считает, что в этот период феодализирующие течения уже глубоко и прочно проникли в общественную жизнь, а крупное землевладение как экономическая опора расчленения, стало надежно возобладавшей хозяйственной формой. Это привело к тому,

---

[70] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 92.

[71] Там же, стр. 94. Правление Юстиниана и его борьба против сенаторской аристократии рассматриваются К. Н. Успенским в его статье «Юстиниан и крупное землевладение сенатской знати».

[72] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 96—97; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 16—17.

[73] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 97; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 17.

[74] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 98; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.

[75] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 98; е г о ж е. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.

что победа Юстиниана над сенаторской аристократией хотя и окончательно подорвала экономическую основу политической власти сенаторского сословия [76], все же не означала полного торжества «централизующей государственности» [77]. Само государство нуждалось в поддержке крупного землевладения; после выступления Юстиниана против сенаторов крупное землевладение как хозяйственная форма осталось. «Только оно стало передвигаться на иной социальный состав носителей, оно начало переходить в иные руки, казавшиеся правительству пока более покорными и верными. То были церкви и, главное, монастыри» [78].

Не приводя каких-либо убедительных доказательств из источников, К. Н. Успенский декларирует, что правление Юстиниана было «золотым веком» церковно-монастырского землевладения, периодом расцвета монастырей и монашества. И хотя рост экзимированного церковно-монастырского землевладения представлял серьезную опасность для самого государства, правительство Юстиниана в пылу борьбы с сенаторским землевладением пошло на этот риск, причем решающую роль здесь сыграла не личная вражда «выскочки» Юстиниана к сенаторам, а существенные политические и материальные интересы. Здесь проявляются «первые признаки складывающегося антагонизма между духовенством и частью светского общества на почве имущественных интересов, причем правительство считает для себя выгодным склониться на сторону первого» [79], т. е. монастырей.

Таким образом, К. Н. Успенский приходит к выводу, что время правления Юстиниана — это период бурной борьбы между двумя силами: церковно-бюрократическим императорским правительством, с одной стороны, и сенаторской знатью, опиравшейся на свое автономное, крупное землевладение, с другой [80].

Натиск Юстиниана на старую сенаторскую аристократию имел успех, сенаторские княжества-вотчины стали дробиться, а сами сенаторы так и не смогли оправиться от царского террора [81]. Однако одна сила, тянувшая к феодализации, заменяется другой, еще в большей степени способствующей феодализации империи,— место сенаторской знати занимает крупное монастырское и церковное землевладение, также строившееся по типу автономных сальтусов.

Невольно встает вопрос, почему же государство, носитель централизации, борется против феодализации, опираясь фактически тоже на носителей феодализации? Почему против представителей феодализационных течений не выступает старая рабовладельческая знать? Ответ на эти вопросы можно искать лишь в теории «извечности» феодализма, при допущении которой не остается места для рабовладения и рабовладельческого класса в Византии VI в., сбрасывается со счетов борьба нового со старым, гибнущего рабовладельческого строя с нарождающимся феодальным.

Поскольку развитие феодализационных процессов в империи зашло уже так далеко, К. Н. Успенский считает, что, несмотря на победу над сенаторами, реформы Юстиниана как в административной, так и в финансовой сфере были обречены на неудачу. В области административного управления реформы Юстиниана, направленные к централизации, потерпели

---

[76] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 101.
[77] Там же, стр. 98; его же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 18.
[78] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 98.
[79] Там же, стр. 100.
[80] Там же, стр. 98.
[81] Там же, стр. 101. Автор правильно подчеркивает разницу между сенаторами-князьями VI в. и властелями X в., но не вскрывает сущности этого различия.

крах из-за того, что *сам государственный аппарат, особенно в провинциях, уже феодализировался*: государственные чиновники, присвоившие ряд административных и судебных функций, превратились в самостоятельных господ в своих областях [82]. Феодализация проникла и в другие сферы общественной жизни: с ней был связан упадок курий [83] и особенно коренная перестройка армии, выразившаяся в ее варваризации, в наделении солдат землей, в замене государственного войска (легионов) частными дружинами вождей, в разрыве личной связи императора с армией. По мнению Успенского, не подкрепленному, однако, данными источников [84], крах завоевательной политики Юстиниана был вызван тем, что в его правление империя уже якобы не имела своих военных сил, «она ведет борьбу и защищается посредством организаций, устроенных на чисто феодальных началах» [85].

Исходя из ошибочного тезиса о том, что феодализация равнозначна децентрализации — основе основ экономического, политического и социального упадка империи, К. Н. Успенский все бедствия, постигшие византийское государство в конце правления Юстиниана и при его преемниках, объясняет тем, что в обществе *помутнела идея государственности* и императорская власть, единственная носительница этой идеи, не могла руководить обществом, распавшимся на мелкие мирки, феодализированные группы [86].

В оценке правления Юстиниана особенно отчетливо выявляется идеалистическое понимание К. Н. Успенским самой государственной власти в Византии. Как и у многих других буржуазных ученых, государство для К. Н. Успенского — некая надклассовая, отвлеченная сила, почти абстрактно-юридическое понятие, хотя сам автор, как мы видели выше, высмеивает ученых, оперирующих абстрактно-социологическими, а не конкретно-историческими категориями. Государство как надклассовая сила, носитель централизации, великого политического единства, все время противопоставляется у К. Н. Успенского разлагающемуся феодализирующемуся обществу. В упадке империи отнюдь не виновна государственная власть: «не злая воля» Юстиниана, как думал Прокопий, привела Византию на край гибели, а само общество, измученное, бедневшее, терявшее органические связи с государством, разбивавшееся на замкнутые местные группы [87]. Автор даже оправдывает тот факт, что государство «невольно» (?) пошло по пути закрепощения и насилия, поскольку в обществе не нашлось сил, которые оказались бы в состоянии сознательно и охотно поддержать великое государство или столь же сознательно и бескорыстно принять на себя роль руководящего слоя [88]. В оценке характера императорской власти, личности самого Юстиниана и его государственной деятельности К. Н. Успенский отказывается от традиционной схемы, господствующей в научной литературе его времени. Он совершенно справедливо восстает против преувеличения роли личности Юстиниана и считает господствующий взгляд на этого императора, приписывающий ему роль основного творца всех дел и вершителя всех судеб, «неестественным и мертвенным», так как в нем нет места «обществу Римской империи VI в., с его группировками, движениями и борьбой различных его ча-

---

[82] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 110.
[83] Там же, стр. 120.
[84] Кроме традиционной ссылки на дружину Велисария.
[85] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 127.
[86] Там же, стр. 110.
[87] Там же, стр. 123.
[88] Там же, стр. 125.

стей, отражением или выражением которых и могла лишь быть правительственная деятельность даже самого выдающегося государя»[89]. Однако, к сожалению, как мы видели, всю борьбу в византийском обществе VI в. К. Н. Успенский сводит лишь к столкновению государства в союзе с церковно-монастырскими кругами с сенаторской аристократией, совершенно оставляя в стороне классовую борьбу в империи того времени. Да и декларируемый им отказ от идеализации личности Юстиниана на деле осуществляется весьма непоследовательно, и оценка Юстиниана в конечном счете противоречива. С одной стороны, следуя своей концепции об «извечности» феодализма на Востоке, К. Н. Успенский полагает, что борьба Юстиниана против «сенаторского феодализма» не является чем-то принципиально новым, а лишь продолжает политику империи IV—V вв.; поэтому он полагает, что в деятельности Юстиниана преобладали консервативные черты и его правление не может быть признано «крупным переломом», «яркой эпохой» и не является ни концом старого, ни началом нового, оно лишь продолжение развития старых феодализирующих течений и «дальнейшее потускнение и расползание государственности» [90].

С другой стороны, К. Н. Успенский восхваляет Юстиниана за создание теории священной власти императора, равного апостолам, за проведение им и объединение в единую доктрину [91] римской «идеи всемирной монархии и христианской идеи царства Божьего» [92].

Именно «такое римско-христианское построение власти», по мнению автора, «вдохнуло в деятельность Юстиниана широкую инициативу, сделало его волю притягательным и всенаправляющим центром, благодаря чему его царствование достигло значительных результатов» [93].

Весьма характерным для общего резко отрицательного отношения К. Н. Успенского к классовой борьбе народных масс является то, что он восхваляет Юстиниана за подавление народных движений в империи VI в. Для К. Н. Успенского народные восстания в Константинополе при Юстиниане не что иное, как «волнения распустившегося, легко возбуждавшегося населения огромного города» [94]. Признавая упадок империи в VI в., К. Н. Успенский одним из основных результатов «помутнения государственности» считает «мятежи обнищавших масс» [95], рост народного «неудовольствия и смут». Автор считает, что важнейшей целью административных реформ Юстиниана было подавление «опасных элементов неудовольствия и смуты» [96], борьба с разбоями, кровавыми распрями в провинциях [97]. Фактический провал административных реформ и централистской политики Юстиниана привел к дальнейшему обострению смут и возникновению новых мятежей, в которых часто принимали участие и «дикие банды» феодальных дружин военных вождей [98].

Вся история Восточной Римской империи при ближайших преемниках Юстиниана в конце VI—VII в. рисуется К. Н. Успенским как мрачная картина дальнейшего упадка и разложения. Императорская власть «становится все менее авторитетной и нужной в жизни империи», император

---

[89] Там же, стр. 87—88; его же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 7.
[90] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 125—126.
[91] Там же, стр. 85; его же. Курс лекций по истории Византийской империи, 1912/13 уч. год, стр. 126, 1914/15 уч. год, стр. 140.
[92] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 85.
[93] Там же, стр. 86.
[94] Там же; его же. Юстиниан и крупное землевладение..., стр. 8.
[95] К. Успенский. Очерки..., стр. 86.
[96] Там же. Ср. стр. 126.
[97] Там же, стр. 104.
[98] Там же, стр. 127.

обожествляется, все больше растет несоответствие между государством (опять-таки как надклассовой силой) и состоянием феодализирующегося общества [99]. Вселенско-претенциозная власть государей становится анахронизмом, дисгармоничной надстройкой над общим укладом жизни, утратившей с ним органические связи [100]. Преемники Юстиниана, ставленники новой дворцовой аристократии, пришедшей на смену сенаторской знати, ведут себя, в отличие от своего предшественника, не как государи единого государства, а как феодальные правители. Их политическое сознание «феодализируется», они даже пытаются делить государство между наследниками, как свое личное достояние, подобно Меровингам на Западе [101]. Рядом с «потускнением и распылением» центральной власти в обществе все сильнее развиваются «деморализующие и диссоциирующие процессы, ослабевают связи провинций с центром и между собой, возникают экзархаты в Италии и Северной Африке, наступает «бесповоротная нецельность империи» [102].

Тенденции разъединения как выражение и развитие давних феодализационных процессов приняли в VII в. форму организации фем. В вопросе о фемном устройстве империи К. Н. Успенский исходит из своих общих социологических идей: 1) идеи о *непрерывности развития всех политических институтов*, особенно на Востоке; 2) идеи феодализации как процесса, по существу единого для Запада и Востока, но имеющего на Востоке свои особенности. Следуя первой идее, К. Н. Успенский со всей определенностью подчеркивает, что введение фемного строя было результатом не отдельной правительственной реформы, а *длительного развития*, происходившего иногда и без прямого вмешательства центральной власти [103], хотя и имевшего своей целью прежде всего удовлетворение военных нужд государства. Такой основной, по мнению К. Н. Успенского, признак фемного строя, как наделение стратиотов землей за несение военной службы, является также лишь развитием *типичной для Востока* системы организации военной службы на основе пожалования воинам наделов земли [104]. Колонизация славян и армян отнюдь не способствовала самому созданию этой системы, а лишь увеличила контингент лиц, которым правительство раздавало пустующие земли за несение военной службы [105].

Вторая идея, проводимая К. Н. Успенским в применении к вопросу об организации фем, это утверждение об *общности фемного строя как яркого выражения процесса феодализации* и военно-административной организации Византийской и Каролингской империй [106]. И там и тут введение военно-бенефициальной системы и фемного строя были не попытками «национализации» военных сил, а способом их приспособления к успехам феодализации. Подобно западным баронам и герцогам, стратиги фем в Византии были связаны с центральной властью не государственной службой, а лишь узами вассальных отношений. И там и тут в военно-землевладельческое сословие входили как «землевладельческая мелкота», так и магнаты-динаты — на Востоке, герцоги и бароны — на Западе;

---

[99] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 134.

[100] Там же.

[101] Там же, стр. 143. Автор приводит в качестве примера попытки чисто феодального раздела империи завещание императора Маврикия.

[102] Там же, стр. 135—143. Интересно, что Армения VI—VII вв. изображается К. Н. Успенским как чисто феодальная страна.

[103] Там же, стр. 148.

[104] Там же, стр. 151. Полного развития, однако, система военноземледельческих поселений, по К. Н. Успенскому, достигла лишь в X в.

[105] Там же, стр. 151—152.

[106] Там же, стр. 144—145.

и там и тут основная масса военных поселенцев были выходцами из крестьян, но, в отличие от Запада, императорская власть на Востоке, по мнению К. Н. Успенского, начиная с VII в. не перестает сосредоточивать свое внимание на устройстве крестьянского сословия, ибо ей крайне необходимо сохранить этот класс населения как основного плательщика налогов и пополнений армии [107].

Переходя к вопросу о положении крестьянства в Византийской империи VII—VIII вв., К. Н. Успенский опять с большой настойчивостью и прямолинейностью проводит свои общие методологические концепции, прежде всего идею «эволюционизма», отрицания каких-либо коренных сдвигов, перемен в истории Византии. Этой основной идее подчинена у него трактовка вопроса не только о положении византийского крестьянства, но и тесно связанная с этой темой проблема славянской колонизации. К. Н. Успенский начисто отрицает существование коренного переворота, «*пропасти*», как он выражается, между крепостным (колонатным) состоянием римских колонов IV—V вв. и положением свободного византийского крестьянства VII—VIII вв., объединенного в общины. Именно для подкрепления теории плавного непрерывного развития и понадобилось К. Н. Успенскому вслед за Б. А. Панченко объявить поход против славянской колонизации, которая, по его мнению, неправомерно рассматривалась в науке как источник крупных перемен, повлекших за собой коренные изменения в общественном строе Византии [108].

К. Н. Успенский решительным образом выступил против господствовавшей в его время теории Цахариэ фон Лингенталя — В. Г. Васильевского о привнесении славянами общины в Византию и о воздействии общинных отношений славян на весь социальный строй империи [109]. К. Н. Успенский прямо утверждал, что вопрос о положении земледельческого класса в Византии является «фальшиво освещенным, особенно в работах наших византологов, главным образом им и занимавшихся» [110]. Свое «опровержение» теории Лингенталя — Васильевского К. Н. Успенский, естественно, начал с отрицания значительности масштабов славянской иммиграции в Византию, утверждая, что размеры славянских поселений были якобы крайне преувеличены в русской науке [111].

Не без влияния немецкой и греческой националистической историографии (Гопф, Герцберг, Папаригопуло и др.), К. Н. Успенский (как, впрочем, и А. А. Васильев и Ю. Кулаковский) пытается пересмотреть данные византийских источников (Прокопия, Иоанна Эфесского, Евагрия, Исидора Севильского, «Бревиария» Никифора, хроники Феофана, трудов Константина Багрянородного и др.) [112] с целью доказать, что славян в Греции «оказалось слишком мало, чтобы они сделались здесь господствующей этнографической силой» [113]. Совершенно правильно заявив, что в вековом споре о масштабах славянской колонизации Византии «истина лежит посредине» [114] и надо воздерживаться от крайностей, сам автор волей-неволей в угоду своей общей концепции все же склоняется на сторону тех ученых, которые явно преуменьшали размеры славянской иммиграции. Он полагает, что *никоим образом нельзя говорить о заселении значительной территории империи славянами, а тем самым и о привнесении ими нового*

[107] Там же, стр. 152.
[108] Там же, стр. 153—154.
[109] Там же, стр. 158.
[110] Там же, стр. 153.
[111] Там же, стр. 154.
[112] Там же, стр. 158—161.
[113] Там же, стр. 161.
[114] Там же, стр. 158.

уклада. По мнению автора, «самое переселение славян в пределы империи едва ли было настолько значительно, чтобы славянство могло стать одним из видных этнических элементов ее» [115]. Можно высказать предположение, что «поход против славян», начатый К. Н. Успенским, был связан также с его «западническими» взглядами — в противовес «славянофильству» некоторых русских буржуазных византинистов.

Второй тезис, который выдвигает К. Н. Успенский для отрицания правоты теории Лингенталя — Васильевского, связан с принижением уровня общественного развития славян, проникавших в Византию. В изображении К. Н. Успенского славяне — это дикие «орды», «варварский сброд», «банды», способные лишь разрушать, а не созидать [116]. Славянские орды, по К. Н. Успенскому, «способны были опустошать, разрушать, разгонять, распугивать, доставлять государству хлопоты и беспокойства, но и только» [117]. Славяне якобы не могли оказать какого-либо влияния на переустройство Византии, ибо они сами были слабы в хозяйственном отношении [118]; у них еще не было в VII—VIII вв. четко сложившихся, определенных общественных порядков [119]. «Перед нами,— пишет автор,— сплошь проходят стихийно-бессознательные кружения и толкания нерасчлененных, хаотических масс (славян.— *З. У.*), *еще недоразвившихся до оседлости и хозяйственности*» (курсив мой.— *З. У.*) [120].

«И трудно допустить,— настаивает автор,— чтобы рыхлые, беспомощные в хозяйственном отношении славянские п я т н а (разрядка автора.— *З. У.*) могли властно влиять на переустройство давно налаженных порядков организованного государства» [121].

Принижение уровня общественного строя славян прежде всего понадобилось К. Н. Успенскому для нанесения основного удара против теории славянской общины и ее оживляющего влияния на Византию [122]. Категорически отрицая «проблематическую», по его словам, «общинность славян» [123], К. Н. Успенский доходит даже до утверждения (кстати, вполне укладывающегося в его общую махистскую социологическую схему), что «самый «о б щ и н н ы й с т р о й», как и его социологический соперник, р о д о в о й с т р о й, ирреальны» (разрядка автора.— *З. У.*) [124].

Именно отказ от выяснения общих закономерностей исторического развития, признание их «непостигаемости» и «непознаваемости» в духе махизма и могли привести К. Н. Успенского к полному отрицанию самих понятий «общинный» и «родовой» строй, как характеризующих определенные стадии развития человеческого общества.

Нападки на «общинную теорию», столь распространенную в конце XIX в. в буржуазной медиевистике, в том числе и русской, вместе с тем были весьма характерным явлением в русской буржуазно-либеральной историографии периода кризиса исторической науки в России. Весьма симптоматично, что именно в начале XX в., в период вступления России в стадию империализма, появились работы, пытавшиеся пересмотреть лучшие достижения русской византинистики в угоду новым политическим требованиям буржуазии — требованиям апологетики и утверждения «из-

---

[115] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 6.
[116] Там же, стр. 143, 151, 159, 161, 162 и др.
[117] Там же, стр. 162.
[118] Там же, стр. 6.
[119] Там же, стр. 162.
[120] Там же.
[121] Там же, стр. 6.
[122] Там же, стр. 162.
[123] Там же, стр. 166.
[124] Там же, стр. 162.

вечности» капитализма. Как известно, именно в это время вышла в свет книга Б. Панченко «Крестьянская собственность в Византии», тенденциозно отрицавшая существование в византийской деревне общинной собственности. И это не было «голосом одиночки». Во время революции 1905 г., в обстановке бурного роста крестьянских волнений, взгляды Б. Панченко встретили восторженную оценку А. А. Васильева [125]. Большое влияние работа Б. Панченко оказала и на К. Н. Успенского. Но еще большее, по-видимому, воздействие на него оказали политические события его времени, в особенности борьба против общинного землевладения в России, связанная с проведением столыпинской реформы в 1907 и 1909 гг. «Антиобщинные» высказывания стали весьма модными в это время среди русской либеральной буржуазии, особенно западнического направления, так же как несколькими десятилетиями ранее либеральная интеллигенция буквально с пеной у рта защищала «общинную теорию». В спорах, развернувшихся среди русской интеллигенции, о судьбах крестьянской общины К. Н. Успенский не занял, однако, крайне правой позиции, подобно Б. Панченко. Восприняв во многом взгляды Б. Панченко о наличии частной крестьянской собственности в Византии — по данным «Земледельческого закона» [126] (он, например, согласен с тем, что, по данным «Земледельческого закона», в Византии не было других аграрных отношений, кроме отношений, основанных на личной крестьянской собственности) [127], К. Н. Успенский, вместе с тем, сам видит о д н о с т о р о н н о с т ь и о г р а н и ч е н н о с т ь построений этого ученого и прислушивается внимательно к голосу его критиков, в частности П. В. Безобразова и П. Мутафчиева [128]. Он сам призывает отказаться от «общинобоязни», которой был заражен Б. Панченко, и согласен признать некоторые пережитки общинных отношений в Византии VII—VIII вв., однако их истоки он видит совсем в иных исторических явлениях, чем его предшественники — русские византинисты, сторонники «общинной теории».

Прежде всего К. Н. Успенский решительно отрицает всякую связь общинной собственности в Византии со славянской иммиграцией [129]. Для этого он выступает против общепринятой в науке датировки «Земледельческого закона» временем правления первых Исаврийских императоров и переносит создание «Земледельческого закона» на VII в., датируя его правлением Юстиниана II [130]. Аргументация К. Н. Успенского в пользу датировки «Земледельческого закона» VII в. крайне скудна и в конечном счете в основном сводится к отрицанию близости «Земледельческого закона» к Эклоге [131]. Кроме того, по мнению автора, «варварский» и «наивно эмпирический» характер «Земледельческого закона» дает якобы основание отнести его к VII в.— периоду «наибольшего упадка образованности в империи» [132]. В качестве аргументов против связи «Земледельческого закона» со славянской колонизацией К. Н. Успенский, кроме того, выдвигает «*южный, греческий*» характер хозяйства по «Земледельческому закону» (наличие садов и виноградников, отсутствие лугов, использование волов, а не л о ш а д е й в качестве рабочего скота и т. п.), якобы

[125] См. его рецензию на книгу Б. Панченко (ЖМНП, № 6, 1905, стр. 444—454).
[126] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 168—169.
[127] Там же.
[128] Там же, стр. 176.
[129] Там же, стр. 164—165.
[130] Эту датировку «Земледельческого закона», как известно, принимают Т. Вернадский, Г. Острогорский и некоторые другие исследователи.
[131] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 163—165.
[132] Там же, стр. 164; Б. А. П а н ч е н к о. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903, стр. 30.

находившийся в полном противоречии с «северным» характером хозяйства славян [133].

С той же целью отрыва общины в Византии от славянской колонизации К. Н. Успенский стремится доказать «недоказуемость» общинных отношений по данным «Земледельческого закона».

Большинство своих аргументов против наличия общины по «Земледельческому закону» К. Н. Успенский, естественно, черпает у Б. Панченко. В основных чертах они сводятся к толкованию раздела земли по «Земледельческому закону» не как раздела общинной территории, а как «заимки крестьянами еще не взятой пока под культуру земли» [134]; к пониманию многих статей закона в плане ограждения личной крестьянской собственности в случаях, не предусмотренных Кодексом Юстиниана и Эклогой [135]; к отрицанию наличия круговой поруки в византийской деревне, ибо уплата подати за ушедшего из села крестьянина — результат не общинности, а «системы эпиболе»; к трактовке термина κοινότης не как «община», «общая земля» и т. п., а как «сельское общество», село, как «собственник территории, *еще не поступившей в частную собственность отдельных хозяев*» [136], и т. п. В целом К. Н. Успенский солидаризируется с выводом Б. Панченко о том, что «Земледельческий закон» освещает *положение лишь одной категории византийского крестьянства — свободных собственников, живших на государственных землях*» [137].

Оторвав общину в Византии от славянской колонизации и «Земледельческого закона», К. Н. Успенский, однако, не соглашается полностью исключить наличие общинных отношений из аграрной истории Византии VIII—IX вв. Прислушиваясь к критике Мутафчиевым «частнособственнической» теории Б. Панченко (например, К. Н. Успенский соглашается с утверждением Мутафчиева, что наличие неразделенной земли во владении села — доказательство существования общины, а не наоборот, как старался доказать Б. Панченко), К. Н. Успенский, однако, в угоду своей теории эволюции отказывается видеть в пережитках общинных отношений, по «Земледельческому закону», «первоначальную», «первобытную» общину, а усматривает лишь вторичное образование на почве индивидуального права общинных отношений [138]. При этом, по его мнению, речь должна идти *не об общинной собственности как таковой, а о порядках распоряжения и хозяйственного пользования землей*, которые в Византии якобы «развивались *в коллективном, общинном направлении еще со времен Римской империи*» [139]. Основываясь на трудах М. И. Ростовцева и П. Г. Виноградова, К. Н. Успенский вслед за ними утверждает, что свободные крестьяне-собственники, применявшие в хозяйстве общинные порядки, в *Византии явление отнюдь не новое*, а генетически восходящее ко времени господства римского колоната [140]. Остатки общинных угодий — явление, имевшее место и при римском колонатном быте и строе, причем это отнюдь «не признаки первобытной общины, а результат так называемого вторичного, производного образования общинных связей и отношений» [141].

К. Н. Успенский поддерживает мнение о существовании в Византии общинных порядков еще задолго до славянской колонизации. Общинная

[133] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 171.
[134] Там же, стр. 167—168; Б. А. Панченко. Указ. соч., стр. 36—38.
[135] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 169.
[136] Там же, стр. 168.
[137] Там же, стр. 171—172.
[138] Там же, стр. 176.
[139] Там же.
[140] Там же, стр. 172—173.
[141] Там же, стр. 166.

организация крестьянства если и не подтверждается с очевидностью «Земледельческим законом», то отчетливо засвидетельствована другими, более ранними памятниками, в частности Кодексами Феодосия и Юстиниана, где упоминаются общины (метрокомии, комитуры), объединяющие независимых крестьян, ведущих хозяйство на основах общинности [142]. Появление этой общинной организации К. Н. Успенский объясняет тем, что в особенности с V в. среди крестьян империи усиливались элементы и тенденции свободы и налаживались общинные учреждения не из-за этнографических перемен, а «вследствие необходимости для помещиков организовать свои владения не по принципу абсолютной власти управляющих, а по принципу самоуправляющихся общин, платящих оброк владельцу» [143]. К. Н. Успенский, таким образом, не хочет видеть того, что община в своем развитии проходит различные стадии от родовой до сельской территориальной общины-марки. Вместо этого он считает, что общинные связи в империи «в т о р и ч н о» создавались исключительно п о в о л е помещика. В данном вопросе выводы К. Н. Успенского перекликаются отчасти с утверждениями представителей так называемой «государственной школы» (в частности Герье) о том, что община может создаваться и отменяться по воле государства и помещиков. Вывод К. Н. Успенского прост и вполне категоричен — община в Византии имеет древние корни и понятна без славянской колонизации и реформ иконоборцев. В свою очередь «становится понятным происхождение и назначение... Крестьянского закона без принятия недоказуемой славянской иммиграции и без предположения вызванной ею крупной реформы, перестраивавшей крестьянскую жизнь на новых общинных началах» [144].

В эскизном очерке К. Н. Успенского, дающем набросок дальнейших судеб византийского крестьянства с VIII по XI в.[145], можно отметить два основных положения: 1) выступая против теории так называемого «вторичного закрепощения» (согласно которой крепостничество в Византии XIII—XV вв. являлось результатом вторичного закрепощения крестьянства, ставшего под влиянием славянской колонизации свободным в VII—VIII вв., а с IX в. и особенно в X в. не устоявшего перед натиском властелей, несмотря на противодействие императоров Македонской династии), К. Н. Успенский сам фактически становится на сторону ф и с к а л ь н о й т е о р и и п р о и с х о ж д е н и я к р е п о с т н и ч е с т в а. Крестьяне-парики для него — собственники земель, находившиеся не в личной, а в податной, тягловой зависимости [146]. Пожалования в вотчину или пронию не колебали собственности париков, ибо эти пожалования заключались лишь в уступке казной феодалу тягла (τέλος) париков с второстепенными повинностями [147]. Лишь при отсутствии у крестьян наследственной стаси, при поселении безземельных пришлых людей крепостничество изменяет свою сущность — перестает быть территориальной зависимостью и превращается в личный союз [148]; 2) вновь и вновь возвращаясь к своей излюбленной идее эволюционизма, К. Н. Успенский тенденциозно и

[142] При этом крестьянское землевладение на общинных основаниях приспособлялось к римским законам, ибо для римского права общинные отношения были известной формой совладения (К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 175). Появление общин автор относит даже к еще более раннему времени, в частности к правлению императора Константина (там же, стр. 175).

[143] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 174—175.

[144] Там же, стр. 175—176.

[145] Там же, стр. 177—182.

[146] Там же, стр. 178.

[147] Там же, стр. 178—179. Ср. Б. А. П а н ч е н к о. Указ. соч., стр. 233.

[148] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 179.

голословно утверждает, что «...в многовековом процессе развития крестьянства империи с VI по XI в. мы не вправе предполагать каких-нибудь крупных поворотных пунктов, привхождений новых, значительно изменяющих естественное течение факторов» [149]. Византийские парики XII—XIII вв., по мнению автора,— отдаленные, но все-таки прямые потомки coloni liberi и адскриптициев юстиниановского Кодекса [150].

Одним из краеугольных камней исторической концепции К. Н. Успенского является теория так называемого монастырского феодализма. Ее важное значение в цепи общеисторических построений К. Н. Успенского видно из того, что основным отличием, специфической особенностью византийского феодализма по сравнению с западноевропейским К. Н. Успенский считает именно «монастырский феодализм» [151].

В Византии, по мнению К. Н. Успенского, уже с VI—VII вв. носителями феодального расчленения империи были монастыри-сеньории, в этом отношении игравшие ту же роль, что герцогства и графства Западной Европы. Однако в Восточной Римской империи монастыри с самого начала строились как элементы антифеодальные по своей внутренней организации, в то время как западноевропейские сеньории возникали как феодальные государства в миниатюре [152]. В Византии монастыри представляли собой, по мнению Успенского, централизованные мирки внутри феодализирующегося государства; в этом и состояла их непреоборимая сила и живучесть. Процесс феодализации на Западе и Востоке аналогичен: «Большое социально-политическое тело... разлагается и размыкается на малые, живучие, доступные до понизившегося политического сознания организмы» [153]. Но повсюду эти малые мирки имеют свои особенности: главным своеобразием восточноевропейского «византийского» феодализма и было именно то, что Византия распалась на централизованные мирки-монастыри. Сила этих мирков-монастырей состоит в том, что они сами стремятся избавиться от слабостей и недостатков, свойственных феодализированной организации [154].

Чрезвычайно идеализируя монастырство и монастырскую организацию, в частности монастырское общежитие — киновию, К. Н. Успенский полагает, что именно монастыри были «одной из форм, в которой отливались попытки самоорганизации людей при помутнении идеи государственности» [155]. Деспотически-монархический характер построения киновий с неограниченной властью игумена, строжайшей дисциплиной и послушанием, ее воинствующий характер в борьбе за идеалы монашества, проповедь активного аскетизма и обязательного труда и, наконец, социалистический(?) характер монастырского общежития, в хозяйственном отношении построенного по принципу солидно обоснованной

---

[149] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 181.

[150] Там же. Правда, на стр. 177 автор, противореча себе, отрицает этот тезис и не признает в париках XI—XII вв. даже отдаленных потомков колонов и адскриптициев VI в.

[151] Там же, стр. 199—200.

[152] Там же, стр. 198.

[153] Там же.

[154] Там же, стр. 199.

[155] Там же, стр. 200.

коммуны [156],— все это делало монастыри очагами централизации и строгой организации в распадавшемся феодальном мире.

«Монастыри являлись именно в силу своего внутреннего устроения наиболее мощными и жизнеспособными организмами в феодализированном обществе и государстве, теми убежищами для угнетенных и растерянных, с л а б ы х (разрядка автора.— *З. У.*) элементов, теми притягательными центрами для тянувших к обособлению с и л ь н ы х элементов общества, в форме и посредством которых развивалась феодализация и распадение большого государства на малые политические миры» [157].

Экономические основы могущества монастырей в Византии, как полагает, без достаточных, правда, доказательств, К. Н. Успенский, были заложены еще в VI в., а в VII в. уже чуть ли не половина земель империи якобы находилась в руках церковных учреждений [158]. Экономической и политической независимости, экзимированности монастырей способствовало то, что они с самого начала создавались на экзимированных землях императора и фиска и уже с VI в. пользовались неограниченным иммунитетом [159].

Чтобы убедительнее обосновать свою теорию «монастырского феодализма» и сделать правдоподобной картину необычайной мощи монастырей-княжеств, К. Н. Успенский прибегает к совершенно явным натяжкам и домыслам. Он всячески стремится доказать, что экскуссия (равнозначная, по его мнению и мнению некоторых других византинистов, в частности П. А. Яковенко, западноевропейскому иммунитету) всегда, начиная с царствования Юстиниана, была существеннейшей чертой крупного монастырского землевладения [160]. Монастырскую экскуссию VII—VIII вв. автор выводит непосредственно из экзимированности крупных вотчин Римской империи, считая их если и не вполне тождественными, то однохарактерными явлениями [161]. Правильно подчеркнув своеобразие византийской экскуссии и совершенно правомерно критикуя теорию заимствования этого института в Византии с Запада [162], К. Н. Успенский, однако, теряет исторический подход к этому явлению, стараясь на основании данных источников XI—XII вв. доказать существование широкой монастырской экскуссии в империи уже с VI в. С этой же целью он прибегает к различным недоказуемым домыслам, утверждая, что хрисовулы XI—XII вв. содержат данные уже о «сужении монастырской привилегированности»; в этот период «прежняя неограниченная и хаотическая экзимированность (монастырей-княжеств VI—VIII вв.) якобы уже сжалась до отчетливо ограниченной и канцелярски расчерченной дипломированной экскуссии [163]. Из-за отсутствия источников никаких положительных дан-

---

[156] Там же, стр. 202.

[157] Там же, стр. 207—208.

[158] Там же, стр. 102. Правда, в другом месте своего труда автор говорит, что монастырям принадлежала к VIII в. всего $^1/_3$ земель (там же, стр. 183). Того же мнения придерживался и В. Г. Васильевский. М. Я. Сюзюмов в работе «Проблемы иконоборчества в Византии» (Свердловск, 1948, стр. 80 и сл.) прекрасно показал на данных источниках всю неосновательность преувеличения К. Н. Успенским размеров и мощи монастырского землевладения в Византии в VI—IX вв.

[159] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 101 и 186—190; ср. критику этого положения: М. Я. С ю з ю м о в. Указ. соч., стр. 82 и сл.

[160] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 187 и 190. Вопросу об экскуссии посвящена специальная статья К. Н. Успенского «Экскуссия-иммунитет в Византийской империи». ВВ, XXIII, 1923. По своим выводам работа эта совпадает с основными положениями автора в его «Очерках».

[161] К. Н. У с п е н с к и й. Очерки..., стр. 186.

[162] Там же, стр. 186, 190.

[163] Там же, стр. 196.

ных о монастырской экскуссии VI в. автор, конечно, привести не может [164]. Причиной сужения монастырской экскуссии в XI—XII вв. по сравнению в VII—VIII вв. автор считает борьбу государства с успехами диссоциации, и эта постоянная борьба, идущая с переменным успехом, задерживала полный разлив феодальных сил [165].

Вывод автора вполне категоричен и сводится к тому, что «золотой век» монастырской «самодержавности» надо искать в VII—VIII вв., «когда империи действительно грозило превратиться в слабое, рассыпчатое сцепление княжеств-монастырей» [166].

Итак, отрицательно относясь к самому процессу феодализации, понимаемому им прежде всего как процесс диссоциации единого государства, и всегда сочувствуя силам централизации, К. Н. Успенский в монастырях-княжествах неожиданно и парадоксально видит одновременно и силы, тянущие к распадению империи, и центры ее внутреннего объединения. В период расползания единой государственности лишь своеобразные феодальные миры — монастыри-княжества — были могучи и «как крупнейшие землевладельцы особого привилегированного типа», и как центры внутреннего сцепления распадающегося общества. Неприкрытая идеализация монастырской жизни и монастырей-княжеств с большой силой звучит у Успенского как заключительный аккорд в характеристике особенностей «монастырского феодализма».

«Среди политических смут, социального хаоса, хозяйственного оскудения и культурного огрубения, характеризующих жизнь империи в VI—VII вв., монастыри стояли, как неприступные крепости со своими укладами и порядками. Только здесь были элементы благоустроения, организованности, общительности и сотрудничества; только здесь в складе и движении жизни была целесообразность и сознательность; только здесь, наконец, было общее подчинение определенному закону и власти» [167].

Итак, согласно концепции К. Н. Успенского, к началу VIII в. в Византии лицом к лицу противостояли две силы — надклассовое государство, оторванное от феодализирующегося общества, ослабленного феодализацией, и мощные централизованные монастыри-княжества, носители «порядка в беспорядке» и одновременно центры диссоциации, страшный враг единой империи, грозившие самому ее существованию [168].

И это государство в лице стоявших во главе его императоров неминуемо было обречено на столкновение с монастырским феодализмом, столкновение, принявшее форму иконоборчества [169]. Необходимо признать, что именно новая для своего времени трактовка сущности иконоборчества принесла К. Н. Успенскому наибольшую известность, имела бесспорный успех у современников и оказала значительное влияние на последующее изучение этого вопроса. И действительно, трудно отрицать, что для своего времени попытка К. Н. Успенского прямо и недвусмысленно изобразить иконоборчество не чисто догматической религиозной борьбой, как было принято рисовать его в буржуазной науке, а столкновением различных социально-политических

---

[164] В качестве довода в пользу существования широчайшей экскуссии для монастырей в VI—VIII вв. автор выдвигает лишь гипотезу об утере документов раннего времени, а также предположение о том, что в VI—VIII вв. экскуссия еще не оформлялась, а в XI в. она была уже давним и хорошо известным институтом («Очерки...», стр. 187).

[165] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 196.

[166] Там же.

[167] Там же, стр. 197.

[168] Там же, стр. 208.

[169] Там же.

сил на основе борьбы реальных имущественных интересов являлась бесспорным шагом вперед в развитии византиноведения. Свое научное кредо по вопросу об оценке сущности иконоборчества К. Н. Успенский сформулировал следующим образом: «Спор по вопросу об отношении к иконам и св. изображениям должен выясняться как идеологическая надстройка, или даже, точнее, пристройка (разрядка автора.— *З. У.*) более реального и, я бы сказал, социального столкновения: иконоклассия и иконодулия — только символы, идейные маски, прикрывающие собой действительные, живые лики боровшихся в VIII в. в империи общественных сил» [170].

Но какие же общественные силы и по каким причинам, по К. Н. Успенскому, приняли участие в столь длительной и упорной борьбе, раздиравшей империю в течение двух веков и облеченной в форму религиозных споров иконоборцев и иконопочитателей? Выводы Успенского кратко можно сформулировать так: нуждаясь в военных контингентах и налоговых поступлениях, необходимых для борьбы с арабами, а позже с болгарами, императоры Исаврийской династии начали наступление на монастыри и монашество, отвлекавшие «под свой покров» как людей, способных служить в армии, так и уклонявшихся от уплаты государственных налогов. В своей борьбе против монастырства и монашества уже первые императоры-иконоборцы искали себе союзников и нашли их прежде всего в военно-служилых людях, затем в епископате и отчасти в народных массах [171]. Для императорского правительства с самого начала основным вопросом борьбы было отнюдь не отношение к иконам, а борьба с монастырями и монашеством, тогда как вопрос об иконах оставался второстепенным. В действительности же, по мнению автора, пресловутый вопрос о почитании икон был искусственно раздут самими иконодулами — патриархатом и особенно монашеством, которым было крайне выгодно перевести борьбу в плоскость чисто богословских споров, чтобы дискредитировать императоров как еретиков и подорвать доверие широких народных масс к правительству [172].

Проводя борьбу с «монастырским феодализмом», иконоборческое правительство Льва III [173] и особенно Константина V начинает активно выступать с требованием отмены монашества и возвращения в мир монахов; монахи должны вернуться в мир прежде всего для того, чтобы работать на государство и платить налоги. В этой борьбе против «монастырского феодализма» запрещение почитания икон не играет существенной роли [174]. У монастырства же вначале нечем было защищаться от натиска правительства, и поэтому монахи должны были перевести борьбу в сферу религиозного спора — выдвинуть на первый план «проходной» вопрос об иконах, для отвлечения общества от сущности движения [175]. По мнению автора, Лев III и его окружение по существу еще не выступали «иконоборцами», а таковыми их сделали их противники, которые «вызвали иконоборческое богословствование, и движение расщепилось: с одной стороны, шла, напрягалась реформационная попытка и при Константине, с другой —

[170] К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его Хронография. ВВ, III, 1950; IV, 1951. Эта работа была написана К. Н. Успенским еще в 1917 г., но издана уже посмертно, спустя более 30 лет.

[171] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 254—255.

[172] Там же, стр. 213.

[173] По мнению К. Н. Успенского, Лев III был еще далек от иконоборчества, а его реформы являлись походом против монастырства и монашества («Очерки...», стр. 252).

[174] Там же, стр. 256—258.

[175] Там же, стр. 259. Ср. К. Н. Успенский. Феофан и его Хронография. ВВ, III, 1950, стр. 436.

и параллельно этой борьбе с монастырским феодализмом — пылал уже специально богословский, притянутый к старинной Христологии спор об описуемости Христа и поклонении святым» [176].

Однако, не отрицая бесспорной заманчивости этого построения К. Н. Успенского, следует все же отметить наличие важного противоречия: если почитание икон, как доказывает сам автор, было существенным фактором укрепления власти монастырей и монашества, придающим им силу и обособление [177], то как же можно сводить вопрос о почитании икон к чисто богословским спорам и считать его незначительным и второстепенным? Мы полагаем, что и сама борьба вокруг почитания икон была для VIII—IX вв., периода полного господства религиозного мировоззрения, немаловажной составной частью той сложной социально-политической борьбы, которая восприняла ее название. Для привлечения на свою сторону военно-служилого сословия и для подрыва экономической мощи монастырей-княжеств, по мнению К. Н. Успенского, императоры-иконоборцы (особенно Константин V) приступают к секуляризации церковно-монастырских земель и раздаче их в виде харистикиев (аналогичных западноевропейским бенефициям) преимущественно военному сословию в награду за службу и верность [178]. Монастыри превращаются в мирские учреждения, нарушается экскуссия, освобождавшая их от постоя войск.

Таким образом, основной линией иконоборчества, по К. Н. Успенскому, являлась борьба императорской власти, опиравшейся на военно-служилое сословие, против монастырского феодализма и его экономической базы — экзимированного церковно-монастырского землевладения [179].

[176] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 248. По мнению К. Н. Успенского, позднейшие иконодульские писатели, особенно Феофан, а отчасти и Никифор, следуя созданной монашеской партией традиции, также всячески выдвигали на первый план спор об иконах и вуалировали истинные причины иконоборчества. Подтверждению этой мысли посвящена превосходная источниковедческая работа К. Н. Успенского о Хронографии Феофана, где автор показывает, как Феофан (и отчасти Никифор) фальсифицировал в определенном политическом духе использованную им не дошедшую до нас иконоборческую хронику правления Льва III и Константина V. Показав полный произвол Феофана в использовании исторического материала и его крайнюю тенденциозность, К. Н. Успенский, произведя тщательнейший источниковедческий анализ труда Феофана, обнаруживает, что все места Хроники Феофана, где говорится о собственно иконоборчестве Льва III и Константина V,— явная фальсификация, сообщения же Хроники о борьбе этих императоров против монахов и монастырства при проверке оказываются более достоверными (К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения. Феофан и его Хронография, стр. 430 сл., 434—438; ВВ, IV, 1951, стр. 210—262). Однако, на наш взгляд, и сам К. Н. Успенский в известной степени тенденциозно подбирает данные источников для отрицания значения собственно борьбы против икон, которую все же нельзя сбрасывать со счетов при изучении всего движения в целом.

[177] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 222—226.

[178] Там же, стр. 258.

[179] В курсе лекций по истории Византии, прочитанных в 1912/13 г. на Высших женских курсах, К. Н. Успенский чрезвычайно высоко оценивает труды В. Г. Васильевского по истории иконоборчества, считая, что тот — единственный из всех исследователей, занимавшихся этим вопросом, «сумел осветить это движение с социально-политической его стороны, которая и составляла его сущность». К. Н. Успенский присоединяется к мнению В. Г. Васильевского, что между иконоборчеством и знаменитой секуляризацией церковных богатств, проведенной Каролингами, имеется аналогия и что они совпадают не только по времени, но и по мотивам, их вызвавшим («Курс лекций 1912/13 г.», стр. 328—329). Однако в курсе лекций 1914/15 г. и в «Очерках», изданных в 1917 г., К. Н. Успенский уже не упоминает об аналогии между иконоборчеством и каролингской секуляризацией; это заставляет думать, что он пересмотрел свои взгляды. Ср. критику теории тождественности иконоборчества и каролингской секуляризации: М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества ..., стр.78—81.

Параллельно с императорской реформацией, по мнению К. Н. Успенского, в Византии в период иконоборчества происходила и так называемая «епископская реформация», составившая одну из существенных линий социально-политической борьбы того времени. Истоки «епископской реформации» автор ищет опять-таки в феодализации самой церковной организации: она была вызвана сопротивлением епископов, не желавших превращаться в простых вассалов крупных церковных сюзеренов и выступавших против роста монастырской аутодеспотии, подрывавшей власть епископов на местах. «Епископская реформация» первоначально составляла вполне самостоятельное течение в иконоборчестве, существовавшее отдельно от правительственной «реформации», и лишь позднее обе эти линии в иконоборчестве сближаются и объединяются в общей борьбе против монастырей и монашества [180].

Для общей оценки трактовки иконоборчества у К. Н. Успенского является очень важным его освещение позиции народных масс в иконоборческом движении. Как совершенно правильно указывала уже Е. Э. Липшиц [181], наиболее слабым местом концепции К. Н. Успенского в вопросе об иконоборчестве, кроме крайней идеализации монастырства, является резко отрицательное отношение к народным массам и недооценка их роли в иконоборческом движении. Характерное для буржуазной историографии эпохи ее кризиса глубоко презрительное и враждебное отношение к народным массам, проходящее красной нитью через все труды К. Н. Успенского, в оценке роли широких масс в иконоборческом движении проявляется с особой силой. Высокомерно третируя «невежественную чернь», автор подчеркивает, что вопрос о почитании икон был доступен даже для понимания грубых народных масс, ибо это вопрос чисто культовой внешности, религиозных привычек, традиций, так сказать манер христианского общества, захвативший все социальные слои населения [182]. Иконодульские писатели, в частности Феофан, следуя традиции, созданной в монашеской среде, всячески пытались доказать, что иконоборческие мероприятия исаврийских императоров встретили «демократический» отпор со стороны широких народных масс. Действительно, монашество вело агитацию среди «темного и легко возбудимого простонародья столицы и других крупных городов», и эта агитация кое-где имела успех: «...сбитая с толка, терроризованная гневом божьим толпа производила скандал, устраивала шумную манифестацию. *Но сознательного, планомерного участия в поднявшейся борьбе народ не принимал*» (курсив мой. — *З. У.*) [183]

---

[180] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 251—252.

[181] Е. Э. Липшиц. Предисловие к работе К. Н. Успенского «Феофан и его Хронография». ВВ, III, 1950, стр. 395. Е. Э. Липшиц справедливо указывает, что, сводя социальные столкновения в империи в период иконоборчества лишь к борьбе императоров против монастырского феодализма, К. Н. Успенский чрезвычайно суживает задачу исследования, ибо такая постановка вопроса «выбрасывает из рассмотрения решающие движущие силы, проявляющиеся в классовой борьбе угнетенных классов византийского общества, т. е. именно те силы, которые своей борьбой против господствующей церкви и правительства в значительной степени определили необходимость для последнего вступить на путь реформ». В своих трудах Е. Э. Липшиц позитивно, на основании данных источников, показала участие народных масс в иконоборческом движении. См. Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, VI, 1952, стр. 69—70 и сл.

[182] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 221.

[183] Там же, стр. 253. Автор подчеркивает, что вопреки утверждению монашеской партии иконоборческие, вернее, «монахоборческие» мероприятия Льва III не подняли народного движения, ибо народный протест мог бы вылиться в «революцию», а сведений об этом в источниках нет. Следует указать, что под «революцией» К. Н. Успенский всегда понимает лишь государственный переворот в узком смысле слова, только смену правящей династии (см. «Очерки...», стр. 253, ср. стр. 192).

Таким образом, отбросив утверждение монашеской партии о том, что народ был активным участником иконоборческого движения на стороне иконодулов, К. Н. Успенский, однако, лишь вскользь упоминает и о выступлении народных масс на стороне иконоборцев, об их участии в «погромах» монастырей и антимонашеских демонстрациях [184]. Для Успенского «народ» остается единой аморфной массой, он не видит (а скорее, не хочет замечать) его расслоения, распадения на определенные социальные группировки, которые по своим социальным причинам в определенные периоды поддерживали то иконоборцев, то иконопочитателей. К. Н. Успенского совершенно не интересует классовая борьба народных масс, тесно переплетающаяся с иконоборчеством; недаром вне поля его зрения остаются и движение павликиан, и восстание Фомы Славянина, и другие народные выступления той эпохи.

В чем же видит К. Н. Успенский причины неудачи иконоборческого движения в Византии и на чьей стороне его сочувствие — на стороне иконопочитателей или иконоборцев?

Основную причину провала иконоборческой реформации автор усматривает прежде всего в далеко зашедшей феодализации византийского общества. «Империя и ее общество в достаточной степени были феодализированы: правительственным распоряжениям не хватало надлежащей авторитетности, а разомкнувшимся частям общества — сознания принадлежности к единому государству и стремления к его пользе и поддержанию его»[185]. Отсюда — отсутствие систематичности и уверенности в действиях правительства, несмотря на то, что его поддерживали епископат, войско и часть народных масс [186]. К тому же «носители феодальной мощи в империи — монастыри-сеньории — были еще крепки и жизнеспособны», и после некоторой растерянности они вновь воспрянули духом и «забронировались до неуязвимости» [187]. Недаром вскоре после восстановления иконопочитания, во второй половине IX и первой половине X в., начинается новый рост «монастырского феодализма» [188].

Итак, в изображении К. Н. Успенского вся история Византии с IV по XI в. по существу является борьбой центральной государственной власти с силами феодального расчленения, диссоциации. При этом византийская история знает «приливы и отливы» государственности, победы и поражения то сил централизации, то сил феодализации. Наиболее напряженной эта борьба была в период правления Юстиниана, когда она приняла форму столкновения правительства с феодальными силами в лице сенаторского землевладения, и в период иконоборчества, когда центральная власть напрягает все свои усилия в борьбе с «монастырским феодализмом». И в том и в другом случае, несмотря на временные успехи централизации, верх берут, в конечном счете, феодальные силы, победа которых неизбежна.

На чьей же стороне симпатии автора? Если в борьбе Юстиниана с сенаторским сословием К. Н. Успенский в силу своего преклонения перед крепкой государственной властью всецело на стороне императора и его союзника — церковно-монастырского землевладения, то в оценке

---

[184] К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 260.
[185] Там же.
[186] Там же.
[187] Там же.
[188] Там же, стр. 264.

иконоборчества симпатии автора склоняются на сторону носителя феодализации — монашества. Правда, он далек от конфессиональной точки зрения, восхваляющей иконопочитателей, так же как и от идеализации реформаторской деятельности иконоборческих императоров, свойственной некоторым представителям буржуазной историографии XIX в. (Папаригопуло, Финлей и др.). Однако он говорит тоном явного осуждения о конфискации Константином V земель монастырей и о превращении самих монастырей в «мирские убежища» (!)[189]. Он против попыток искоренения монастырства и монашества иконоборческими императорами именно в силу того, что считает монастыри не только носителями феодализации, но, как мы видели выше, центрами объединения и благоустроения империи. Поэтому, будучи сторонником сильной государственной власти и централизации, он все же признает неизбежность победы феодализма и считает, что лучшим его видом был именно «монастырский феодализм», по пути развития которого и следовало идти Византийской империи.

Трактовка К. Н. Успенским иконоборческого движения в Византии привлекала уже внимание советских ученых, но получила у них противоречивую оценку. Многие медиевисты, а из византинистов — Е. Э. Липшиц и М. В. Левченко, поддержали основной тезис К. Н. Успенского о борьбе иконоборческого правительства в союзе с военно-служилым сословием против церковно-монастырского землевладения[190]. В то же время, как известно, М. Я. Сюзюмов в своей интересной работе «Проблемы иконоборчества в Византии» подверг эту теорию К. Н. Успенского суровой и весьма фундированной критике[191].

На наш взгляд, при всей справедливости многих аргументов М. Я. Сюзюмова, которые вряд ли есть необходимость здесь повторять, все же невозможно совершенно отбросить то рациональное зерно, которое имеется в трактовке К. Н. Успенским иконоборчества: нельзя не видеть, что в основе этой борьбы лежали реальные материальные интересы борющихся социальных групп — борьба за церковно-монастырские земли, а не только за церковные сокровища, как полагает М. Я. Сюзюмов. Для своего времени эти попытки К. Н. Успенского найти материальную основу социально-политических столкновений были прогрессивной стороной его концепции. В этих поисках К. Н. Успенский шел ощупью, часто уклонялся от прямого пути, но все же он искал. И именно поэтому его теория, выдвигавшая, пусть недостаточно четко и последовательно, социально-экономические основы иконоборчества, пережила ее автора и не была забыта в науке.

Вместе с тем в научном творчестве К. Н. Успенского как нельзя более остро проявились противоречия, свойственные всей буржуазной историографии в России в период кризиса буржуазной науки. Для русской буржуазно-дворянской историографии революция 1905 г. была таким же поворотным моментом, как для западноевропейской — Парижская Коммуна. В среде либерально-дворянских историков произошел раскол: большинство ученых открыто отшатнулось от революции и перешло в стан реакции, проповедуя самые реакционные идеи и прежде всего борьбу

---

[189] Там же, стр. 258—259.

[190] См. «История средних веков», т. I, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938, стр. 210; изд. 1940 г., стр. 47—48; изд. 1952 г., стр. 213 сл.; Е. А. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в., стр. 69 и сл.; М. В. Левченко. История Византии. М., 1940, стр. 123.

[191] М. Я. Сюзюмов Проблемы иконоборчества в Византии, стр. 78 и сл.

с марксизмом; лучшая же часть буржуазно-либеральной интеллигенции, наоборот, стала искать путей к марксизму, вольно или невольно испытывая воздействие передовых идей.

Нельзя представлять себе кризис русской буржуазно-дворянской историографии первого десятилетия XX в. как полную победу реакции, хотя, безусловно, страх перед революционным движением и ростом влияния марксизма толкал значительную часть буржуазной интеллигенции на путь отказа от передовых теорий, от постановки широких проблем, к уходу в «чистую науку», в эмпиризм, голую фактологию. Но это отнюдь не означает, что и в это время в буржуазной науке не оставалось ничего передового, прогрессивного, что всякое научное творчество, всякие поиски нового прекратились.

Кризис буржуазной исторической науки и состоял прежде всего в чрезвычайном обострении идеологической борьбы, борьбы передовых и реакционных идей, причем по существу ни один крупный историк не мог остаться в стороне от этих столкновений. Очень часто эта идеологическая борьба преломлялась в творчестве ученых крайне противоречиво, до полного и окончательного размежевания прогрессивных и реакционных элементов было еще далеко; поэтому-то в трудах некоторых историков того времени так противоречиво, причудливо сплетаются реакционные идеи с прогрессивными теориями, с поисками новых точек зрения.

На примере научного творчества К. Н. Успенского эти противоречивые черты, свойственные русской буржуазной историографии эпохи ее кризиса, прослеживаются весьма наглядно. Действительно, в области методологии К. Н. Успенский открыто декларирует свою приверженность к реакционной, идеалистической философской системе махизма и исторического агностицизма, то прямо, то завуалированно борется против марксизма. Эта борьба против исторического, или, как он называет его, «социального», материализма проявляется прежде всего в стремлении противопоставить марксистской теории прогрессивной смены социально-экономических формаций теорию «извечности» феодализма, эволюционизм, отказ от признания революционной смены рабовладения феодализмом узкоюридическое понимание самого феодального строя. Особенно враждебно относится К. Н. Успенский к марксистской теории классовой борьбы — отсюда его пренебрежительное отношение к народным массам, принижение роли народных движений и фактический отказ от их изучения. С этим, конечно, теснейшим образом связаны идеализация государства как надклассовой силы и христианства как двигателя исторического прогресса. Вместе с тем, как это ни парадоксально на первый взгляд, К. Н. Успенского притягивают именно те проблемы, те вопросы, которые ставились марксистской наукой. Ведь не случайно вопрос о феодализме в Византии является центральным в его творчестве; ведь не случайно, что вывод о развитии феодальных отношений звучит как рефрен ко всем основным разделам его «Очерков». И пусть он дает неверное, порой эклектическое, порой просто идеалистическое понимание сущности феодального строя, но от постановки этой проблемы он уйти не может. Провозглашая отказ от широких обобщений и «схем», считая, что всякие поиски причин исторических явлений заранее обречены на неудачу, сам К. Н. Успенский строит по существу свою «концепцию», если угодно, «схему» истории Византии, причем фундаментом построенного им здания, хочет он того или нет, все же является социально-экономическое развитие. Сторонник фактологии, он сам часто рисует историю Византии широкими мазками, оперируя социологическими категориями. Отказываясь от позитивизма, он в своих конкретно-исторических исследованиях, скорее невольно, чем

вольно, выдвигает социально-экономическое развитие в качестве равноправного и даже весьма важного фактора истории. Ведь недаром в освещении основных тенденций развития Восточной Римской империи при Юстиниане и в вопросе об иконоборческом движении на первый план им выдвигается именно столкновение различных социально-политических сил на почве реальных имущественных интересов.

Все сказанное делает К. Н. Успенского одной из характернейших фигур русской буржуазной историографии периода кризиса исторической науки в России.

Л. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК

ИЗ ИСТОРИИ АРМЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

(«Маврикиевы легенды» в памятниках культуры древней Армении)

«Что ты сидишь беззаботно,
точно во дни Маврикия?»
(Древнеармянская поговорка)

Армения и Грузия, как известно, изобилуют памятниками материальной культуры категории так называемых стоячих камней (преимущественно монолитов) и стел того или иного назначения (по функции), различной формы и давности (по генезису), начиная от времен первобытно-общинного строя (в частности, от стадии матриархата) и до зрелого и позднего средневековья (феодальной формации) включительно.

Это — менгиры, вишапы и вишапоиды, столбы-колонны, напоминающие до некоторой степени обелиски, и, наконец, стелы в виде крестных камней (хачкаров)[1].

Одни из этих памятников — культовые, другие — мемориальные, третьи — некропольные, некоторые же по совокупности признаков носят «комплексный» характер[2].

Среди этих памятников выделяется группа одиноко стоящих монументов, относящихся, безусловно, к феодальной эпохе и напоминающих конструктивно аналогичные византийские памятники, хотя они выглядят не такими монументальными и торжественными, как последние[3].

Монументы последней группы, представленные в Армении в нескольких экземплярах (один — в Ошакане[4], другой — в hОваннаванке[5], третий — в Дсеге-Туманяне[6], четвертый — в Ардви[7]), состоят из четырех элементов, а именно: 1) основания, или цоколя, в три ступени по квадрату или восьмиугольнику в плане; 2) базы-постамента, или пьедестала,

---

[1] Опыт классификации этих памятников см. в нашей статье в КСИИМК, XV, 1947, стр. 27—37.

[2] Л. Меликсет-Бек. Мегалитическая культура в Грузии. Материалы для истории архаического монументального искусства. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.); его же. Вишапы и вишапоиды Грузии. КСИИМК, XV, 1947.

[3] Например, обелиск Феодосия, колонны Аркадия, Константина, Маркиана и др. в Константинополе, дошедшие до нас, разумеется, не в своем первоначальном, а в реконструированном виде.

[4] См. ниже, прим. 9 (не считая, конечно, того экземпляра, который, по словам И. Стриговского, вделан в постройку одного крестьянского дома в Ошакане).

[5] К. Кафадарян. hОваннаванк и его надписи. Ереван, 1948, рис. 30, стр. 44 (на арм. яз.); Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. II. Ереван, 1948, рис. 14, стр. 55 (обе работы на арм. яз.).

[6] В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, рис. 54.

[7] Б. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VII вв. Ереван, 1949, рис. 4 (на арм. яз.).

в форме призмы в четыре или восемь граней в сечении; 3) ствола-фуста в форме столба (но не колонны) в четыре или восемь граней в сечении; 4) увенчания, или венца [8], в виде креста (по предположению Г. Алишана) или капители с корзиночным плетением, розеткой в центре и спиралью по сторонам последней (по реставрации, предложенной для Ошакана выдающимся исследователем архитектуры Армении Торосом Тораманяном).

Один из этих монументов, который мы намереваемся рассмотреть в настоящем сообщении,— это так называемая «Маврикиева колонна», или, вернее, «колонна матери Маврикия», в с. Ошакан Аштаракского района Армянской ССР, которая по своему названию не может не привлечь внимания византинистов (см. рис. 1 и 2) [9].

Ошаканский памятник, как и все прочие монументы подобного типа [10], сделанные из базальта, дошел до нас в дефектном виде, поскольку от основания-цоколя, состоявшего, по проекту реставрации архитектора Тораманяна (1864—1934), из трех ступеней уцелела одна лишь верхняя ступень, а на месте капители, неизвестно когда и кем снятой, некогда красовалось, по выражению архитектора, «как более чарующее взор посетителя украшение, гнездо аиста, ежегодно прилетающего сюда» [11]. По словам венецианского мхитариста-армениста Г. Алишана, располагавшего данными корреспондента из Армении задолго до 1890 г. (год издания его книги), «возвышающийся к западу от [Ошаканской] церкви столб в два обхвата на ступенях в квадрате по плану» должен был быть увенчан «крестом, который сорван или же свалился» [12].

Что же касается остальных уцелевших частей монумента, то размеры их таковы: база имеет в ширину 1,10 м и в высоту 0,92 м, ствол (столб) восьмигранный, высотой 3,72 м.

Описанный монумент по тому или иному поводу и в том или ином контексте упоминается в специальной арменоведческой литературе в связи с императором Маврикием (582—602), имя которого по-армянски звучит «Маврик», «Морик» и «Мурик», или, еще чаще, с не называемой по имени матерью того же императора, почему большинство исследователей считает этот монумент памятником мемориального значения или даже некропольного характера, якобы установленным на месте погребения матери Маврикия. Впрочем, некоторые ученые, например Г. Алишан и И. Стжиговский, на связь памятника с императором Маврикием даже не намекают.

В путеводителе по историческим местам Аштаракского района памятник этот охарактеризован как «надгробие» с такой аннотацией: «Влево от новой церкви, у края шоссе, ведущего из Ошакана в Аштарак, на высоком постаменте стоит колонна. Здесь, по преданию, погребена мать императора

[8] Такой венец ни в одном из названных четырех памятников, к сожалению, не сохранился; в частности, Дсегский (Туманянский) поврежден в верхней части ствола.

[9] J. Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, I. Band. Wienne, 1918, S. 320—321 (там же и рис. 365 — по фотоснимку 1910 г. Я. И. Смирнова, который, кстати сказать, является менее удачным, чем воспроизводимый нами здесь по экземпляру Т. Тораманяна). Фоторепродукция К. Месропяна «Ошакан» в газете «Хорурдаин Айастан», Ереван, I. IV, 1936; «Исторические памятники Армянской ССР», IV. Аштаракский район. Ереван, 1949, рис. 11 на стр. 42; Т. Тораманян. Указ. соч., т. II, рис. 12 на стр. 54 (в двух последних — по проекту реставрации Т. Тораманяна); «История армянского народа», ч. 1. Ереван, 1956, стр. 163.

[10] К этому типу мы не причисляем все те экземпляры, о которых так подробно и часто трактуется в литературе: Т. Тораманян. Указ. соч., т. II, рис. 5—8, 16—23, 25—31; А. Ш. Мнацаканян. Армянское орнаментальное искусство. Ереван, 1955, рис. 181 (стр. 62), 210 (стр. 75), 215 (стр. 77) и др. (на арм. яз.).

[11] Т. Тораманян. Указ., соч., т. II, стр. 54.

[12] Г. Алишан. Айрарат. Венеция, 1890, стр. 191 (на арм. яз.).

Маврикия (Морика). Капитель — с корзиночным плетением [13]. Сооружение, по всей вероятности, VII в.»[14].

По вопросу о паспортизации ошаканского памятника имеются разновременные, притом разноречивые высказывания Т. Тораманяна, из которых одно датировано 4 августа 1924 г., другое же, без даты, относится к несколько более раннему периоду.

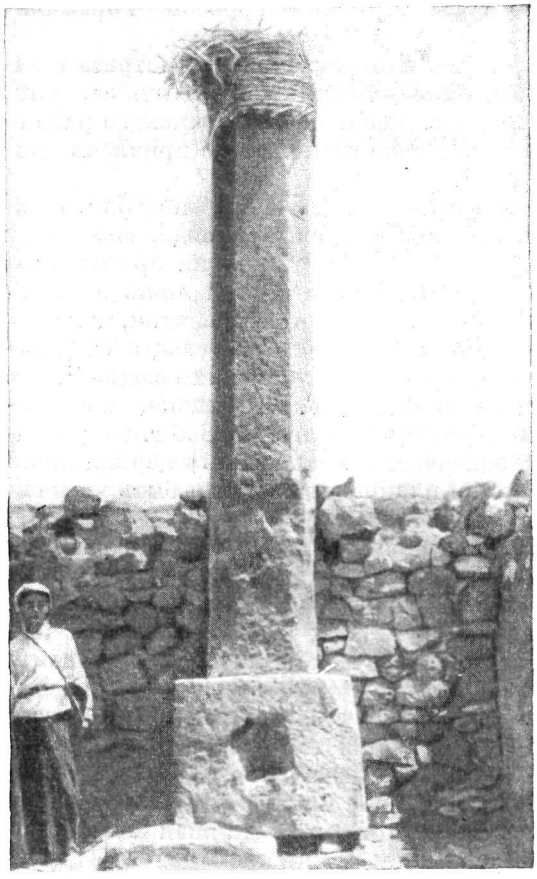


Рис. 1. «Маврикиева колонна» в Ошакане (Армения). Фотоснимок начала XX в.

Признав, что ствол памятника должен был быть увенчан капителью типа Звартноца (храма Бдящих сил), т. е. с корзиночным плетением, розеткой посредине и спиралью по сторонам последней, датируемой VII в. н. э., Т. Тораманян задает вопрос: «Для чего воздвигнута эта колонна в Ошакане и надмогильный ли она памятник или монумент победы?» Отмечая далее, что «среди крестьян существует всеобщее убеждение в том, что это — могила матери императора Маврикия (Морика)», Т. Тораманян заключает, что это убеждение «находится в соответствии с преданием, зафиксированным одним из наших (т. е. армянских) историков, о том, что император Маврикий (Морик) был армячином из Ошакана»[15].

«Во всяком случае,— продолжает далее архитектор,— это единственное [в своем роде] явление в Армении, притом довольно странное», ибо «если памятник не является монументом в знак какой-то победы, одержанной в древние времена ромейской империей, но местом могилы, должен сказать, что это, очевидно, могила некоего выдающегося ромейца, оформленная в ромейском стиле». «Когда сооружен монумент, не знаю, как не знаю был ли Ошакан до VII в. значительным центром, где необходимость вынудила похоронить некоего ромейского полководца или царевича. Следовательно, если правильно армянское, притом из Ошакана, происхождение Маврикия (Морика), то в таком случае было бы вероят-

---

[13] На самом деле капители на памятнике нет. Она мыслится лишь по догадке Т. Тораманяна.

[14] «Исторические памятники Армянской ССР», IV. Аштаракский район. Ереван, 1949, стр. 42, рис. 11. Ср. аналогичную аннотацию в справочнике «Кавказ. Туристская карта». М., 1957, стр. 30: «[В Ошакане] колонна Морика (Маврикия) на высоком постаменте (VII в.)».

[15] Т. Тораманян. Указ. соч., т. II, стр. 54.

ным увязать этот памятник с именем Маврикия (Морика), нежели с другими»[16].

В очерке, написанном в 1924 г., т. е. за 10 лет до своей смерти, Т. Тораманян, вернувшись к вопросу о паспортизации ошаканского памятника, говорил: «Ошаканскую колонну, будь она надмогильным памятником или воздвигнутым с иною целью, трудно увязать с именем Маврикия (Морика)», поскольку, «судя по архитектурному стилю, она носит на себе отпечаток несколько более позднего времени, чем [период] царствования (582—602) и смерти Маврикия (Морика)»[17].

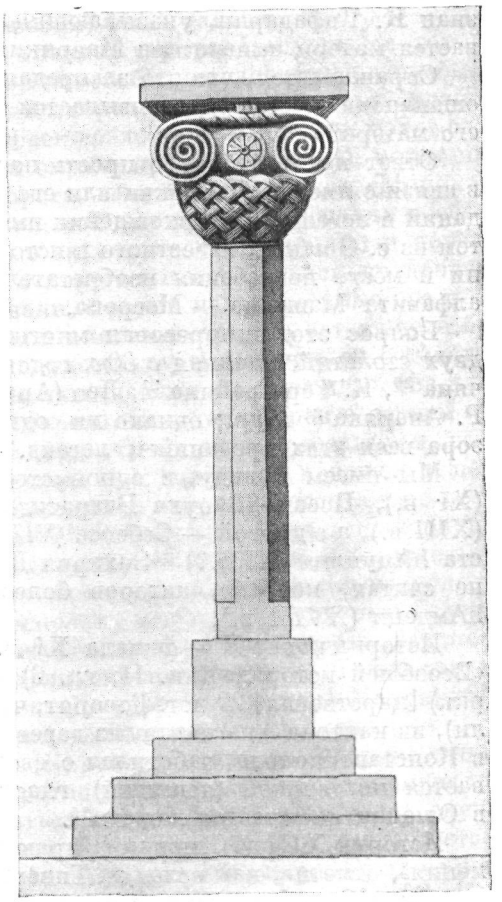


Рис. 2. «Маврикиева колонна» в Ошакане (Армения). Проект реставрации архитектора Тороса Тораманяна (1924 г.)

Предполагая, что ошаканский монумент должен был быть увенчан капителью с корзиночным плетением, наподобие капителей храма Звартноц, Т. Тораманян отмечает, что сооружение Звартноца (предположительно — 642—652) имело место на 40—50 лет позже смерти Маврикия и, следовательно, не капители ошаканского монумента могли послужить образцом для капителей Звартноца, а наоборот.

Опровергая далее предания, основанные на данных армянского историка XIII в. Кириака (Киракоса) Гандзакского, об армянском (притом из Ошакана) происхождении императора Маврикия, архитектор заключает, что воздвижение ошаканского монумента должно быть приурочено ко времени «после сооружения Звартноца, однако не позже VII века».

При этом архитектор находит бесспорным, что, поскольку «воздвижение подобного рода колонны свойственно Византии, эта колонна безусловно является делом рук человека, имевшего политическую связь с Византией или получившего византийское образование»[18].

Кстати, отметим в качестве курьеза, что еп. И. Шахатунян, давший подробный обзор исторических памятников Армении в двухтомном труде «Описание кафедрального Эчмиадзина и пяти кантонов Айрарата», при описании Ошакана (т. II, Вагаршапат, 1842, § 398—401, стр. 76—83) обходит полным молчанием этот монумент, между тем как Г. Алишан,

[16] Там же, стр. 54—55.
[17] Там же, стр. 224.
[18] Там же.

никогда не бывавший в Армении, дает его аннотацию (хотя и со слов некоего своего корреспондента) в своем капитальном труде «Айрарат» (стр. 191).

Что же касается других специалистов-археологов и искусствоведов Армении, то выразителем их позиции в данном вопросе может быть признан К. Кафадарян, указывающий, что «ошаканский монумент приписывается матери императора Маврикия (Морика)»[19].

Спрашивается, что это за предания и легенды, на основании которых ошаканский монумент связывается с именем императора Маврикия или его матери?

Ответ на этот вопрос прост: паспортизация ошаканского монумента в связи с именем Маврикия или его матери имеет предпосылкой цикл преданий и легенд о происхождении императора Маврикия из Армении, притом из с. Ошакан, известного в истории Армении как удел князей Аматуни и место погребения изобретателя (вернее, реформатора) армянского алфавита Маштоца — Месропа.

Вопрос этот интересовал многих арменоведов на протяжении почти двух столетий, начиная с 80-х годов XVIII в. и до наших дней: М. Чамчяна [20], К. Тер-Саакяна [21], Лео (Аракела Бабаханяна) [22], Н. Г. Адонца [23], Р. Ачаряна [24] и др.; однако ни один из них не дал исчерпывающего обзора всех этих преданий и легенд.

Мы имеем в виду, с одной стороны, Стефана Таронского Асохика (XI в.), Псевдо-Шапуха Багратида (XI в.?) и Кириака Гандзакского (XIII в.), а с другой — Себеоса (VII в.), анонимного автора «Истории креста hАцуняц» (XI в.?) и Захария Диакона hОваннаванкского (XVII в.), не считая, конечно, авторов более позднего времени, вроде Минаса hАмдеци (XVIII в.).

Историк конца X — начала XI в. Стефан Таронский Асохик в своей «Всеобщей истории» (кн. II, гл. 6) пишет: «[Император] Маврикий (Морик) [царствовал] 20 лет. Говорят, что он был из Армении (армянской земли), из кантона Арагацотн, из деревни, называемой Ошаканом. Он, [сидя] в Константинополе, заботился о своей деревне. И это [мнение] оправдывается поговоркой (легендой), гласящей: «Отсюда (из Константинополя) в Ошакан посылается ладан»»[25].

Историк XIII в. Кириак (Киракос) Гандзакский в своей «Истории Армении», отметив, как вслед за Тиверием (578—582) царствовал Маврикий, пишет: «[Одни] говорят, что он (Маврикий) был из Армении (армян), из деревни Ошакан; другие же — что из Тарона. Ввиду нищенского состояния он отправился в Константинополь и там в результате счастливого случая сделался царем при следующих обстоятельствах».

Далее Кириак (Киракос) подробно излагает обстоятельства воцарения Маврикия в Константинополе:

---

[19] К. Кафадарян. Указ. соч., стр. 44.

[20] М. Чамчян. История Армении, т. II. Венеция, 1785, стр. 294 (на арм. яз.).

[21] К. Тер-Саакян. Армяне — императоры в Византии, т. 1. Венеция, 1905, стр. 25—125, 261—314; изд. 2-е. Венеция, 1927, стр. 27—121 (на арм. яз.).

[22] Лео. История Армении, т. II. Ереван, 1947, стр. 213—214 и сл. (на арм. яз.).

[23] N. Adontz. Les legendes de Mauric et de Constantin V empereures de Byzance. «Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales», t. II, 1933—1934. (Mélanges Bidez). Bruxelles, 1933, p. 1—9. (1. L'empereur Maurice).

[24] Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, т. III. Ереван, 1946, стр. 478—479 (на арм. яз.).

[25] Степаноса Таронского Асохика Всеобщая история, 2-е изд. СПб., 1885, стр. 141 (на арм. яз.); Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, писателя XI столетия, пер. Н. О. Эмина. М., 1864, стр. 333; французский перевод см. N. Adontz. Op. cit., p. 1—3.

«После смерти императора Тиверия вельможи [империи] восстали друг против друга, не подчиняясь друг другу, и возгорелась между ними страстная борьба из-за того, кто, выйдя победителем, воцарится. К ним явился патриарх [26], который убедил их бросить жребий, с тем, что кому достанется жребий, тот и станет царем, остальные же покорятся ему. [Свое согласие на] это [вельможи закрепили] присягой, [на что] все [дали] расписки. И суть жеребьевки (метания жребия) была такова.

На рассвете надлежало открыть главные ворота, [ведущие] в город, и кто бы [в тот момент] ни попался и какой бы неродовитый он ни был, должен был быть доставлен в царский дворец. Здесь все князья должны были сесть, и на чью голову тот человек возложил бы корону, тот и сделался бы царем. Все одобрили это, и смуты прекратились. И когда наступил назначенный час, открыли ворота, заметили Маврикия (Морика), стоявшего у ворот и нагруженного соломой для продажи в целях обеспечения своего существования. Военные захватили его (Морика) и повели в баню, выкупали и, переодев его в дорогие платья, ввели во дворец. И когда Маврикию (Морику) рассказали, с какой целью военные его привели, он потребовал от них письменной клятвы в том, что оставшиеся без короны не убьют его. И те дали сильную клятву в том, что он останется невредимым. Все сидели с суетной мыслью (надеждой), и каждый [из князей] мечтал о том, как самому стать [царем]. Поставили трон и на нем корону и близ трона туфли. Маврикий (Морик) прошел в середину и, взяв корону, начал обходить присутствующих. Как только он подошел к первому из них, тот обрадовался, но опечалился второй. Когда же он оставил первого, тот опечалился, а другой обрадовался. И так по порядку. Так он обошел всех дважды и трижды, опечалив [одних] и обрадовав других. Тогда он сам воссел на трон и возложил корону на свою голову. И все, увидев это, удивились. Но, поскольку все присягнули ему, говоря: «На чью голову ты возложишь [корону], тому мы и покоримся», патриарх подошел к нему и, надев на ноги туфли, поклонился ему. Точно так же поклонились все [остальные], говоря: «Да здравствует царь Маврикий!»»

Утвердившись на троне, Маврикий вспоминает своего отца.

«Говорят,— продолжает Кириак (Киракос),— что он (Морик) отправил [посланцев] к своему отцу [с предложением] оставить странничество и, придя к нему (Морику), насладиться славой, в противном же случае прислать ему наставление. Служилые люди, явившись к отцу, застали его, как он ухаживал за садом, и передали ему приказ царя. Отец же в ответ сказал: «Я, отец царя, не блаженствую». При этом он стал вырывать с корнем крупные кочаны капусты, бывшие в том саду, засыпал их места землею, за мелкими же стал бережно ухаживать. Посланцы, заметив это и признав его безумным, бросили его и ушли. Однако те не вникли в смысл поступка отца. Вернувшись к царю, они рассказали ему обо всем и о безумии, совершенном [отцом] в саду. Маврикий (Морик) же, услыхав их рассказ, улыбнулся, ничего не говоря им. Он арестовал вельмож, в которых усмотрел врагов своего царства, и удалил их, дабы в царстве не было смуты, на места же их назначил людей из низов. И, призвав к себе посланцев, которые от его имени ходили к отцу, сказал им: «Вот это — наставление моего отца, которое он дал в саду, а вы его не поняли»».

«Некоторые говорят,— замечает далее историк,— что он (Морик) был из каппадокийской деревни Арпсус [27], которую впоследствии превратил в город, и что он был полководцем Тиверия.

[26] Речь идет, очевидно, об Иоанне IV Постнике (582—595).

[27] Т. е. Арпасус, или Арабисус.

Однако Маврикий (Морик) вследствие грубости нрава погиб со всем родом и потомством, притом мучительной смертью, от своего же войска, ибо против него восстало его войско, предводительствуемое Фокою, что в переводе значит огонь, и убили его, а сам (Фока) воцарился вместо него»[28].

Несколько более кратко, чем Кириак (Киракос), о происхождении Маврикия сообщает писатель предположительно XI в. Псевдо-Шапух Багратид в своей «Истории», где мы находим, однако, и некоторые детали, отсутствующие у Кириака или же (поскольку Псевдо-Шапух — предшественник Кириака) опущенные Кириаком (например, имя отца Маврикия — Давид, его пребывание в Ани и пр.).

Вот содержание легенды о Маврикии по тексту Пс.-Шапуха Багратида:

«После того как Маврикий (Мурик) воцарился в Константинополе, он послал своего посланца [к отцу своему] в Армению, в город Ани. Отец же его был садовником. И посланец-ромеец, придя [туда], разыскал Давида, отца Маврикия (Мурика). И, призвав Давида к себе, он сказал: «Сын твой Маврикий (Мурик) зовет тебя [к себе], ибо он сделался царем ромеев». Услыхав это, Давид, отец Маврикия (Мурика), улыбнулся и ответил: «Приехать не могу! Предпочитаю царству ромеев свой небольшой сад, ибо кто даст царствовать чужестранцу?».

И, принеся хлеб, положил он это перед посланцем, а сам вошел в свой сад и стал вырывать из земли с корнем самые крупные овощи, взамен же их стал сажать помельче. Заметив это, посланец-ромеец сказал: «Что ты делаешь?» Последовал ответ: «Так следует!».

И посланец вернулся [в столицу] и явился к царю Маврикию (Мурику), не приведя отца его. И рассказал он царю обо всем том, что делал отец. Тогда царь Маврикий (Мурик) опомнился и сказал: «Он (отец мой) дал мне наставление насчет моих вельмож». И арестовал [Маврикий] всех вельмож греческой страны»[29].

Таким образом, согласно преданиям и легендам, зафиксированным армянскими историками X—XIII вв., Маврикий происходил: по Асохику — из Ошакана[30], по Кириаку — не то из Ошакана, не то из Тарона, не то из Каппадокии (эту версию считает приемлемой Г. Алишан), а по Псевдо-Шапуху Багратиду — из Ани. Имя отца Маврикия, по Псевдо-Шапуху, было Давид, имя же матери вообще умалчивается.

Между тем по греко-византийским источникам установлено, что родиной Маврикия была Каппадокия (Арабисос), где его дядя по матери был епископом; отца звали Павлом[31], мать — Иоанной, одного из сыновей — Феодосием.

Армянскому происхождению ряда императоров Византии буржуазно-националистическая историография Армении придавала большое значение; это, по меткому замечанию Лео, «льстило национальному тщеславию армян»[32], хотя неопровержимые данные свидетельствовали о каппадокий-

[28] История Армении Киракоса Гандзакского. Тифлис, 1909, стр. 46—50 (на арм. яз.); ср. Киракос Гандзакеци. История. Пер. Т. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, стр. 32—34; Deux historiens arméniens. Kiracos de Gandzac, XIII-e s. Histoire d'Arménie etc., traduit par M. Brosset. SPb., 1870, p. 25—26; то же — во французском переводе у Н. Адонца (op. cit., p. 1—3).

[29] История Шапух Багратида. Эчмиадзин, 1921, стр. 3—4 (на арм. яз.); французский перевод — у Н. Адонца (op. cit., p. 3—4). Ср. P. N. Akinian. Das Apophtegma des Vaters von Kaiser Maurikius. «Handes amsorya», 1930, № 5—6, стр. 364—366 (на арм. яз.).

[30] По М. Чамчяну (указ. соч., т. II, 294), данные Асохика восходят к греческому хронографу Иоилю с указанием даже страниц самого издания «Хронографии» — 173 и 136. Нам, к сожалению, не удалось удостоверить правильность этого указания.

[31] Ср. Агафий. О царствовании Юстиниана. М.— Л., 1953, стр. 134

[32] Лео. Указ. соч., стр. 214.

ском, а не армянском происхождении Маврикия и о неисчислимых бедствиях, которые он причинил армянскому народу. Нашлись даже авторы, которые в 1896 г. отмечали наличие «в Ошакане рода Морикян» [33].

Особого внимания заслуживает указание Псевдо-Шапуха Багратида на связь Маврикия с Ани, разумеется, не с Камахским или Дараналийским, а Ширакским, впоследствии (с Хв.) превратившимся в столицу армянских Багратидов.

Тот же Псевдо-Шапух Багратид, а также анонимный автор «Истории креста hАцуняц» (значительно же позднее и армянский историк XVII в. Захария Диакон hОваннаванкский) сообщают об участии Маврикия в строительстве крепостей Армении. Псевдо-Шапух Багратид пишет: «Некоего Махаза из армянской земли, мужа злого и нечестивого, [Маврикий] назначил [правителем] Востока. Последний построил крепость на берегу реки Ахурян и назвал ее Магасиберд. Вообще же он (Маврикий) умиротворил всю страну [до такой степени], что некоторые пустили поговорку: «Чего он сидит беззаботно, точно во дни Маврикия (Мурика)»» [34].

Версию о Махасе и Магасиберде, или, что то же самое, Магасаберде, повторяет историк XVII в. Захария Диакон hОваннаванкский, который в своей «Истории Армении» (т. II, гл. 9), рассуждая на тему о взятии Магасиберда османами в 1638 г., дает историческую справку об основании Магасиберда в следующей редакции: «Греческий царь Маврикий (Морик) был по происхождению армянином из кантона Арарат, из деревни Ошакан [35]. И по счастливому случаю он воцарился в Константинополе [и царствовал] 42 года (sic) [36]. Он послал на свою родину, в Армению, некоего армянина родом, по имени Магас, дабы построить город на армянской земле его имени, к югу от Ани, на берегу реки Ахурян, между двумя горами, на равнине, которая с третьей стороны была скалистая, а с западной стороны немного ровная, но частично покатая. Место это, понравившееся, ему, он обнес стеной и повесил двери, назвав крепость Магасиберд» [37].

К свидетельству Пс.-Шапуха Багратида о строительской деятельности Маврикия в ущелье Ахуряна близко примыкает сообщение «Истории креста hАцуняц» X—XI вв., однако с той разницей, что Псевдо-Шапух говорит о построении Махасом Магасиберда, а «История креста», умалчивая о Махасе и Магасиберде, трактует о строительстве в Ани: «Во дни греческого царя Маврикия (Морика) во всей нашей (т. е. армянской) стране царил такой мир, что впоследствии некоторые пустили поговорку: «Что ты сидишь беззаботно, точно во дни Маврикия?». Дело в том, что Маврикий сделался хозяином Римской империи, Египта и Месопотамии, Сирии и Армении, Картли и Абхазии, наложил дань на персидского венценосца Хосроя и сестру его взял в жены. Построил он крепость на берегу Ахуряна» [38].

Комментируя первое историческое сведение о строительстве византийцев в районе р. Ахуряна (Арпачая), Н. Я. Марр отмечал, что «крепость

[33] Месроп С м б а т я н. Описание Гехаркуника и т. д. Вагаршапат, 1896, стр. 254 прим. 1 (на арм. яз.); ср. Р. Л ч а р я н. Указ. соч., стр. 479 (на арм. яз.).

[34] История Шапух Багратида, стр. 4—5.

[35] Захарии вторит историк XVIII в. Минас hАмдеци в сочинении «Генеалогия армянских царей» (Вагаршапат, 1870, стр. 99, на арм. яз.), говоря про Маврикия, что «он был ошаканцем и армянином по происхождению».

[36] Тут очевидная ошибка — должно быть 20.

[37] История Захарии Диакона, т. II. Вагаршапат, 1870, стр. 15 (на арм. яз.); ср. французский перевод: M. B r o s s e t. Collection d'historiens arméniens, t. II. SPb. 1876, p. 68 (Prise de Maghas-Berd).

[38] «История креста, который называется hАцуняц». «Арарат», 1888, № 7, стр. 399—401, особенно 399 (на арм. яз.); ср. русский перевод: Н. Я. М а р р. Ани. М — Л., 1934, стр. 20, 126.

Ани существовала, конечно, и раньше», причем «греческий император мог лишь возвести новые укрепления или реставрировать старые», хотя, впрочем, «раскопки пока не дали нам возможности для выделения греческих построек начала VII в.» [39].

Как бы то ни было, «остатки построек Маврикия можно усмотреть в развалинах стен древнего Магасберда, крепости около Ани, и как сравнительный материал древний их слой надлежит использовать при анализе слоя ранневизантийского строительства в укреплениях Ани» [40].

Прямого отношения к нашей теме не имеет зафиксированная историком VII в. Себеосом в главе XII его «Истории» и повторенная историком XII в. Мхитаром Анийским легенда о том, как «император Маврикий просит у царя Хосрова тело пророка Даниила», и о «знамениях», которые при этом совершились [41]; однако легенду эту нам приходится отметить ввиду ее связи с армянской действительностью, поскольку в ней как в естественном продолжении рассказа о «благочестии царицы Ширин», приведенного в предыдущей (XI) главе, выявляется одна из начальных версий поэмы «Хосров и Ширин» в редакции VII в. — за 500—600 лет до использования той же темы гениальным Низами Гянджеви [42].

Помимо рассмотренных выше преданий и легенд, в древнеармянской исторической литературе имеются также материалы об административно-политической деятельности Маврикия в отношении Армении и армян до и после заключения мирного договора с Персией от 591 г., по которому значительная часть так называемой Персидской Армении была уступлена Византии [43].

Это, во-первых, преследование армянских нахараров, которые, по словам Себеоса (гл. XIII), покидали Византийскую Армению и переходили на сторону персов; во-вторых, мероприятия по насильственному приобщению армян к христологии Халкедонского собора, о чем повествуют тот же Себеос (гл. XVIII) и Кириак Гандзакский [44], в результате чего произошло так называемое «раздвоение патриаршего престола» (по выражению Себеоса, там же) с учреждением контркатоликосата — в противовес Двину, в Аване, о чем свидетельствуют Себеос (там же) и Иоанн Драсханакертский [45].

Что же касается реформы административного управления, якобы проведенной Маврикием в Византийской Армении, согласно версии Иоанна Драсханакертского [46], которую М. Орманян вопреки сомнению, высказанному задолго до него М. Чамчяном [47], считает достоверной [48], то здесь,

---

[39] Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 20.

[40] Там же.

[41] История епископа Себеоса. 4-е изд. Ереван, 1939, стр. 48—49 (на арм. яз.); История епископа Себеоса, пер. С. Малхасянца. Ереван, 1939, стр. 44—45. Отдаленный отголосок этой легенды налицо, между прочим, в поэме Симеона Абаранского (XVI в.) «О роде Пахлавуни и потомстве Мамиконидов» (Вагаршапат, 1870, стр. 84—86, на арм. яз.).

[42] Л. Меликсет-Бек. Архетип поэмы «Хосров и Ширин» в армянской редакции VII века. «Сообщения АН Груз.ССР», т. III, № 10, 1942, стр. 1091—1098 (I. По Себеосу — стр. 1094—1095; II. По Мхитару Анийскому — стр. 1096).

[43] Ср. Ф. И. Успенский. История византийской империи, т. I (ч. II). СПб., 1914, стр. 628.

[44] См. литературу в прим. 28.

[45] Иоанна католикоса Драсханакертского История Армении. Тифлис, 1912, стр. 72—73 (на арм. яз.).

[46] Там же.

[47] М. Чамчян. Указ. соч., стр. 524.

[48] М. Орманян. Азгапатум, т. I. Константинополь, 1912, § 388—394, стр. 576—598 (на арм. яз.).

конечно, не может быть двух мнений, поскольку историк X в. перепутал Маврикия с Юстинианом: реформы Юстиниана, по смыслу 31-й новеллы «Об учреждении четырех правителей в Армении»[49], он приписал Маврикию.

Остается еще упомянуть полулегендарный рассказ Себеоса (гл. XVIII) об эпизоде, относящемся к 595 г. в Константинополе, когда на арену цирка был выведен провинившийся в чем-то перед Маврикием князь Смбат Багратид по прозвищу Хосров-Шум. Он боролся с медведем, быком и львом, которых по очереди убивал, а под конец, утомленный борьбой, воссел на труп убитого им льва. Ввиду того, что этот Смбат «когда-то был любимцем царя и его жены и был ими усыновлен», «царь, удивленный его силой и крепостью, услышав мольбы жены и всего двора, подал знак помилования». Этого Смбата «повели в баню мыться, вымыли и одели его и, пригласив к царскому ужину, накормили», после чего Смбат получил новое назначение [50].

Возвращаясь к вопросу о паспортизации ошаканского памятника, мы не можем не признать, что из приведенных выше преданий, легенд, сказов и поговорок, сохраненных в древнеармянской литературе в связи с именем Маврикия и его родом, непосредственное отношение к Ошакану имеют те, которые считают Маврикия сыном крестьянина-ошаканца. Это — версии Асохика и Кириака, которые на четыре— шесть столетий отдалены от времени Маврикия и не могут быть использованы для решения вопроса о паспортизации, в частности датировки, названного памятника, тем более что армяно-ошаканское происхождение Маврикия и его матери вообще отвергается. Важно также, что ошаканский монумент, как, впрочем, и все другие памятники данной категории, является делом рук м е с т н о г о мастера или м е с т н ы х мастеров, которые порой не ставили на своих произведениях своих каменотесных знаков.

Не может ли анализ имени «Маврикий» дать нам основания для тех или иных умозаключений?

Касаясь существа армянских легенд о Маврикии, Н. Г. Адонц полагал, что «имя Маврикия, возможно, есть перевод армянского С е в - у к (или С е в - и к) [51], происходящего от с е в «черный» вкупе с суффиксом - у к» [52]. Но Н. Г. Адонц идет дальше, когда в подкрепление своего тезиса о происхождении греческого Μαυρίκιος от армянского проводит аналогию, подмеченную бельгийским болландистом П. Петерсом, который находил возможным имя С т и л и а н о с, которое носил знаменитый посланник (министр-резидент) Льва VI [53], производить от слова с и у н — «колонна» [54]. Другими словами, здесь проводится идея, будто понятие «стилита», т. е. «столпника» (мы прибавим от себя: «сюнакан» — по-армян., «мэсвете» — по-груз.), восходит к армянскому.

---

[49] Н. А д о н ц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 165—178, особенно 165—171.

[50] *История епископа Себеоса*, арм.— стр. 55—58; рус.— стр. 50—52; Р. М. Д ж а н п о л а д я н. Смбат Хосров-Шум Багратуни. Ереван, 1934 (на арм. яз.).

[51] Можно отметить также этимологию имени Μαυρίκιος, предложенную Р. Ачаряном («Словарь армянских личных имен», т. III, стр. 478): по его мнению, оно происходит от слова μαῦρος («черный»), что соответствует армянскому «севук». «Мавр-ик» (соответственно «Мор-ик») с уменьшительным суффиксом -ик, по нашему мнению, мог быть формой род. падежа арм. «майр» в значении м а т е р и, т. е. м а т у ш к а.

[52] N. A d o n t z. Op. cit., p. 8—9.

[53] 886—912 гг.

[54] N. A d o n t z. Op. cit., p. 9. Приводим соответствующее место из статьи: P. P e e t e r s. Une sainte arménienne oubliée, Sainte Marie le Jeane(† 902—903). «Hand es amsorya», 1927, № 11—22, p. 726—727 (=«Monumenta armenologica». Wien, 1927, p. 59—60); «Le protomagister et basilopator Zaoutzes est connu des chroniqueurs byzantins sous le surnom de Στυλιανός, qui pourrait être une traduction par calembour de l'éthnique Siwnezi le Siounien».

Другой вопрос: не было ли в Армении и вне ее пределов до и после императора Маврикия «национальных» деятелей с именем «Маврикий»?

Действительно, под именем «Маврикос», или «Маврикиос», известен один из 45 армян-мучеников, которые в 319 г. пострадали за христианство в Никополе (в Малой Армении), причем он упоминается в соответствующем мартирологическом памятнике в числе шести главарей (Леонтий, Синиос, Маврикос, Аниктос, Даниил и Антониос) [55].

Под именем «Мурик», по свидетельству Фавста Бюзанда, известен также архидиакон патриарха Нерсеса Великого (353—373), который сопровождал патриаршего местоблюстителя Хада в поездке на престольный праздник в Багаван [56].

Но мы считаем весьма и весьма сомнительным, чтобы никопольский мученик Маврикос или архидиакон армянского патриарха (католикоса) Нерсеса Мурик, как деятели IV в., имели какое-нибудь, даже самое отдаленное, отношение к ошаканскому памятнику, который никак не может быть датирован столь ранним периодом, как IV и даже V в.

Как бы то ни было, основным аргументом в вопросе если не паспортизации, то во всяком случае датировки ошаканского памятника Т. Тораманяном признается деталь ствола с корзиночным плетением, в центре которой помещена розетка с вьющимися листьями и спиралью по сторонам последней. Эта капитель, которую И. Стжиговский видел после 1910 г. в Эчмиадзинском музее, куда она неизвестно кем и когда была перенесена непосредственно из Ошакана [57] и на основании которой Т. Тораманян и разработал свой проект реставрации всего памятника, конечно, очень близко стоит к капители храма Звартноц [58]. Разница, очевидно, заключается в том, что ошаканский памятник является одиноко стоящим монументом, не колонной, а столбом, в то время как в Звартноце мы имеем дело с подлинной колонной, которая сочетается с прочими конструктивными деталями и декоративным оформлением здания культового значения. Быть может, этим и объясняется разница в оформлении розетки Ошакана и Звартноца, в первой из которых даны вьющиеся листья, а во второй крест. И. Стжиговский отмечает также (со ссылкой на Я. И. Смирнова) меньший размер капители Ошакана по сравнению с капителью Звартноца [59].

Однако датировка ошаканского памятника (по методу аналогии) временем, близким к сооружению Звартноца, т. е. серединой или второй половиной VII в., с чем мы вполне согласны, конечно, не предрешает вопроса о связи его с именем императора Маврикия или его матери; этот вопрос пока не поддается разрешению.

---

[55] Полные жития и мученичества святых, т. IV. Венеция, 1813, стр. 106—133 (107) (на арм. яз.); Le Synaxaire Arménien par Ter-Israel, publiée et traduit par D-r G. Bayan. «Patrologia orientalis», t. XXI. Paris, 1930, p. 691—694 (691—692) (на арм. и франц. яз.).

[56] История Армении Фавста Византийского. СПб, 1883, стр. 100 (на арм. яз.); История Армении Фавста Бузанда, пер. М. Геворгяна. Ереван, 1953, стр. 92.

[57] J. Strzygowski. Op. cit., S. 320.

[58] Месроп Тер-Мовсесян. Эчмиадзин и древние армянские церкви. СПб., 1905, табл. VIII; J. Strzygowski. Op. cit., рис. 111 (S. 112), 358 (S. 318), 454 (S. 422); В. Арутюнян. Звартноц. Ереван, 1947 (на арм. и рус. яз.), а также общие и специальные труды по армянской архитектуре Т. Тораманяна, Н. М. Токарского, А. Л. Якобсона, В. А. Арутюняна, С. А. Сафаряна, К. Кафадаряна, С. Мнацаканяна, А. Саинян а и др.

[59] J. Strzygowski. Op. cit., S. 320—321.

Л. Н. ГУМИЛЕВ

ВЕЛИКАЯ РАСПРЯ В ПЕРВОМ ТЮРКСКОМ КАГАНАТЕ В СВЕТЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Попытки использования византийских источников для уточнения темных вопросов истории Центральной Азии делались давно. Однако опыты Дегиня[1] в середине XVIII в., имевшие значение для своего времени, ныне устарели. Значительно более удачен комментарий Вивьен де Сен-Мартена к работе Лебо[2], в ряде случаев не потерявший ценности. Середина XIX в. была эпохой накопления материала, и только на рубеже XX в. И. Маркварт[3] и Э. Шаванн[4] занялись сравнением западных и восточных источников и идентификацией содержащихся в них сведений. Однако многие поставленные ими вопросы остались нерешенными. В 30-х годах эту работу продолжал М. И. Артамонов[5], но он не касался непосредственно интересующего нас вопроса, который попал в сферу интересов другого советского ученого — С. П. Толстова[6]. С. П. Толстов привлек для уточнения истории тюркского каганата сочинения персидских историков Наршахи и Табари и вступил в полемику с И. Марквартом, которая не увенчалась успехом лишь потому, что он оставил без внимания византийский источник — «Историю» Феофилакта Симокатты, являющуюся ключом к решению поставленной задачи. Помимо этого, не все отождествления С. П. Толстова могут быть приняты при строгой проверке.

Последующие работы ученых были скорее шагом назад по сравнению с ранее достигнутыми результатами. Огромная статья Хауссига содержит в себе утверждения сплошь и рядом фантастичные[7].

Еще более печально, что даже давно устаревшее мнение Маркварта, опубликованное в его посмертной книге «Wehrot und Arang» (1938 г.), попало в нашу научную литературу уже не как гипотеза, а как доказанный факт. Я имею в виду главу «Средняя Азия в VI—VII вв.» в «Очерках истории СССР», написанную А. М. Мандельштамом, который отбрасывает как недоказанную гипотезу правильное отождествление Абруя и Абохана, сделанное С. П. Толстовым, и отрывает сведения Наршахи от их хронологического места в истории. Аргументация у него следующая: «Глава

---

[1] D e g u i g n e s. Histoire générale des Huns, des Turks, des Mogols et des autres Tartars Occidentaux avant et depuis J. C. jusqu'à présent, t. I, II. Paris, 1756.

[2] Ch. L e b e a u. Histoire du Bas-Empire, éd. II. Paris, 1828.

[3] J. M a r q u a r t. Historische Glossen zu den Alttürkischen Inschriften. «Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes», Bd. XII, 1898.

[4] E. C h a v a n n e s. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. «Сборник трудов Орхонской экспедиции» (далее — Тр. Орх. эксп.), VI. СПб., 1903.

[5] М. И. А р т а м о н о в. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

[6] С. П. Т о л с т о в. Тирания Абруя. «Исторические записки», 1938, № 3, стр. 3—39.

[7] H. W. H a u s s i g. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker. Byz., XXIII, 1953. См. М. И. А р т а м о н о в. История хазар. Л., 1961. Примечания.

пришельцев из Туркестана, т. е. обосновавшихся здесь эфталитов, Абруй совершил незадолго до падения эфталитского государства переворот, вынудивший знать эмигрировать в Семиречье и основать там город Джамукат. Смысл этих событий заключается в попытке эфталитов в союзе с обедневшей частью общинников ликвидировать основу могущества аристократии, отняв у нее захваченные знатью земли и возвратить их общинам» [8]. Переворот Абруя А. М. Мандельштам датирует концом 40-х — началом 50-х годов VI в. По существу мы имеем тут концепцию Маркварта, но в ухудшенном варианте, так как Маркварт датировал эти события 60-ми годами, когда тюрки уже заняли Семиречье. Эфталитское происхождение Абруя доказывается тем, что он выходец из Туркестана, но эфталиты заняли Бухару с юга, из Афганистана. Отождествление Кара Джурина Турка Биягу с каганом Истеми, взятое у Маркварта, не подтверждается при проверке, а «социальный смысл» противоречит тексту, на который он опирается. А. М. Мандельштам заявляет далее (стр. 352), что при победе тюрок над эфталитами в 565 г., «вероятно, был ликвидирован бухарский узурпатор», а царь эфталитов Гатфар, «очевидно», убит в сражении. Второе неверно, так как в том самом описании, на которое Мандельштам ссылается, указано, что эфталиты Гатфара низложили, а первое противоречит источникам, так как имена Абруй и Гатфар у Наршахи, с одной стороны, и у Табари, Балями и Фирдоуси, с другой, не совпадают. К тому же нет оснований называть узурпатором князя, действовавшего в пользу народа.

Еще больше проблема была запутана в той же книге в главе «Западнотюркский каганат», написанной А. Н. Бернштамом и Ю. А. Заднепровским. Там разделение тюрок на два каганата вообще не датировано и ни к чему не приурочено, якобы из-за отсутствия данных, хотя эти данные есть. По контексту можно понять, что авторы считают, будто в 70-х годах каганат был уже разделен, хотя это противоречит и Менандру, и Феофилакту, и Суйшу; там же они называют европейских авар жужанями (стр. 381), вопреки точному разъяснению Феофилакта Симокатты, что пришедшие в Европу «псевдоавары» ничего общего не имеют с азиатскими абарами [9]. Распрю 80-х годов авторы считают внешней войной, а ход ее неясным, хотя для определения его есть две совпадающие версии — греческая и китайская. События 584 г. они считают поводом для «окончательного отделения», а последующее единство каганата относят за счет усиления западного кагана. Все это совершенно не соответствует фактам и источникам, а вместе с тем имеется возможность и датировать сведения источников и, сведя их воедино, восстановить ход событий.

* *
*

Мы имеем три описания великой распри 581 — 583 гг. 1) китайское, которое легло в основу всех имеющихся историй; 2) персидское — текст Наршахи, который, как было доказано С. П. Толстовым в его первой работе «Тиранния Абруя», имеет отношение к нашему сюжету, и 3) собственно тюркское, сохранившееся в «Истории» Феофилакта Симокатты как письмо кагана тюрок к императору Маврикию.

Это письмо в изложении Феофилакта Симокатты было комментировано Шаванном в 1903 г. Интересующий нас отрывок из него гласит:

«Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал вождя племени колхов на истребление мечу.

---

[8] «Очерки истории СССР (III—IX вв.)». М., 1958, стр. 351.
[9] Феофилакт Симокатта. История. М., 1958, стр. 160.

Из этого племени во время войны было уничтожено триста тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути. Когда победа столь явно улыбнулась кагану, у тюрок началась междоусобная война. Один человек по имени Турум, по роду близкий кагану, задумав государственный переворот, собрал большие силы. Когда в битве перевес оказался на стороне этого захватчика власти, каган отправил посольства к другим трем великим каганам. Их имена следующие: Спарзевгун, Кунаксолан и Тулдих. Когда все войско собралось у Икара (это местечко окружено большими равнинами) и когда в этом же месте противники выступили против них и геройски сражались, пал в этой битве сам захватчик власти, и союзные силы заставили противников обратиться в бегство. Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли. Сообщение о всех этих победах каган и послал императору Маврикию через послов. Этот Икар находится на расстоянии четырехсот миль от так называемой Золотой горы...

Закончив благополучно гражданскую войну, каган тюрок стал приводить в порядок свои дела; он заключил договор с жителями Тавгаста, чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть».

Разбирая этот текст, Шаванн пишет: «Много пунктов остаются темными в тексте Феофилакта. Кто такие колхи? Кто такие Спарзевгун, Кунаксолан и Тулдих, которые помогли хану, и кто такой его враг Турум? Где находилась местность, называемая Икар, ...и город Тавгаст, название, ставшее у тюркских народов именем, которым они называли китайцев?

Вот сколько вопросов, на которые мы не можем дать научного ответа и которые мы предпочитаем не разрешать при помощи хрупких гипотез»[10].

С того времени, когда Шаванн написал эти слова, прошло полстолетия, и ныне эти вопросы поддаются разрешению.

На последний вопрос, что такое «Тавгаст», ответил Маркварт, который доказал, что этот синоним Северного Китая берет начало от названия части города Чанъань, столицы Бэй-Чжоуской и Танской империй [11]. Само название — этноним древнемонгольского народа «табгач», которое китайцы произносили «тоба». В конце IV в. табгачи овладели северной половиной Китая и еще в VIII в. тюрки в орхонских надписях именуют китайцев табгачами. О начале тюрко-византийской войны в 576 г. говорит Менандр, и текст Феофилакта Симокатты дополняет его сообщение. Под термином «колх» кроется тот же смысл, что и в древности, хотя этот народ уже назывался «лазы», а страна у устьев Риона — «Лазика». Подтверждение этому мы находим у Феофана Византийца, Прокопия Кесарийского, Менандра и Эвнапия Сардийца [12].

---

[10] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 251.

[11] J. Marquart. Eranšähr nach Geographie des Ps. Moses Xorenaei. «Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen». Berlin, 1901, S. 317. О значении слова «Тавгаст» см. также: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.— Л., 1951, стр. 210.

У Моравчика (G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 162) колхи названы угорским племенем, но приведенный текст не дает к тому оснований. Там сказано, что после разгрома угров (Οὐγώρ) каган предал мечу вождя народа колхов, т. е. отмечена последовательность, а не тождество событий. В той же работе (t. I, S. 546) при перечислении племен, покоренных тюрками, автор не упоминает колхов, что было бы обязательно, если бы они действительно жили между Нижней Волгой и Уралом в числе угорских племен.

[12] Феофан Византиец. В кн.: «Византийские историки». Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861, стр. 494; Прокопий. История войн римлян с персами, I. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1862, стр. 222; II, стр. 278; Менандр. В кн.: «Византийские историки», стр. 320, 339, 340; Эвнапий Сардиец. Там же, стр. 160.

Самый трудный вопрос — о гражданской войне — требует дополнительного исследования.

Прежде всего встает проблема хронологии. Письмо было доставлено в Константинополь в 598 г.[13] и написано, если учесть время на дорогу, приблизительно в 597 г.; это предельная верхняя дата. Восстание Турума вспыхнуло одновременно с кульминационным пунктом продвижения тюркютов на запад. Тюркюты [14] вторглись в Лазику в начале 80-х годов VI в.; это нижняя дата. Восстание, следовательно, развивалось в первой половине 80-х годов VI в. Именно тогда произошло восстание Абохана Далобяня, который, как и Турум, был родственником «великого хана».

Обратимся теперь к китайскому источнику и посмотрим, что же именно произошло.

* *
*

Пролог этой трагедии развернулся в степях Монголии в декабре 581 г.[15], когда умирал великий хан тюркютов Тобо-хан. Тогда уже вступил в силу закон о престолонаследии от дяди к племяннику и от брата к брату, и Тобо-хан, обращаясь к своему сыну Яньло, сказал: «Известно, что самое близкое родство есть между отцом и сыном. Но мой старший брат не уважил сего родства, а мне поручил престол. По смерти моей ты должен уклониться от Далобяня»[16] (т. е. уступить место Далобяню). Далобянь был двоюродный брат Яньло, сын Мугань-хана, фактического основателя тюркютского могущества, но вельможи заявили, что мать его «низкого происхожения», и этого было достаточно для того, чтобы они воспротивились его вступлению на престол [17]. Спор был решен вмешательством третьего двоюродного брата, Шету. Явившись на курултай позже всех, он сказал: «Ежели поставите Яньло, то я со своими братьями буду служить при нем, ежели поставите Далобяня, то я буду, охраняя границу (своего удела), с острою саблею и длинным копьем ожидать его к себе»[18].

Это были сильные аргументы, противоречить им никто не решился, и слабый, безобидный Яньло был поставлен ханом.

Но не смирился сам Далобянь. Его сторонники поносили и оскорбляли Яньло, и последний отказался от престола в пользу своего заступника Шету. Вновь обойденный Далобянь получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старший хан).

---

[13] Эту дату приводит Э. Шаванн (Тр. Орх. эксп., VI, стр. 245). Моравчик называет другую дату — 600 г., но не обосновывает этого (G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 546). Датировке Шаванна следует отдать предпочтение потому, что в 599 г. тюркюты вели активную войну в Китае и оба хана, восточный и западный, находились во главе своих войск, а не заключали «договора с жителями Тавгаста (Китая.— *Л. Г.*), чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть» (Феофилакт Симокатта. История, стр. 162). Более поздние даты исключены, так как в 604 г. каганат распался и власть ханов восстановилась лишь в 616 г.

[14] Тюркютами я называю тюрок первого каганата, ибо термин «тюрк» ныне стал полисемантичен, и требуется условный термин для того, чтобы избегнуть постоянно возникающей путаницы. Раньше употреблялось их китаизированное название «тукюссцы» или «тюрки-тугю», но оно не в духе языка и, как доказал Пельо, произносилось «тюркют». См. Л. Н. Гумилев. Алтайская ветвь тюрок-тугю. СА, 1959, № 1, стр. 105.

[15] Иакинф. История Китая. Рукопись. ИВАН, фонд 7. См. под годом.

[16] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.— Л., 1950, стр. 234.

[17] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 354—355. Анализ текстов см. С. Толстов. Указ. соч., стр. 11.

[18] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 235; Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost - Türken (T'u-Küe). Wiesbaden, 1958, S. 44.

Шету Шаболио чувствовал, что его положение заставляло предпринять решительные действия. Войско, поставившее его ханом, требовало добычи, а с другой стороны, политические соображения вынуждали его к войне. Китай после долгих неурядиц объединился под властью талантливого боевого генерала Ян Цзяня, основателя династии Суй. Ян Цзянь хорошо знал тюркютов и ненавидел их [19]. Поэтому летом 582 г. Шаболио, поддерживая восстание Гао Бао-нина, правителя пограничного района Ин-чжеу, вторгся в Китай. Далобянь Або-хан и западнотюркютские удельные ханы Дяньгу Дату-хан и Таньхан-хан сопутствовали ему. Китайские пограничные войска были разбиты и отступили, обнажив границу. Только в декабре 582 г.[20] китайцам удалось отразить тюркютов, но и тут главную роль сыграла дипломатия: на западе поднялись хотанцы и эфталиты, поддержанные Персией [21], а агент Суйского дома Чжан-сунь Шэн сумел посеять зерно раздора между самими тюркютскими ханами. Дату-хан, сильнейший из удельных князей, обеспокоенный судьбой своих расположенных на западе владений, заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая [22].

Лето 583 г. принесло китайцам облегчение: тангуты, напавшие на Линтхао, были наголову разбиты [23], и вслед за этим потерпел поражение Абохан [24]. Победа самого Шаболио спасла от разгрома тюркютскую армию, но Чжан-сунь Шэн сумел поссорить Шаболио и Абохана.

Через доверенное лицо он обратился к Шаболио с такими словами: «Не странно ли, что когда во главе тюркютских войск стоите вы, их всегда ожидает победа, когда же руководство боем переходит в руки Або-хана, то их поражение неизбежно? А между тем численность войск, которыми располагаете вы и Або, в сущности одинакова. Ведь этот позор покрывает стыдом и вашу особу. И что же теперь, когда вы, нанося ежедневные поражения врагу, находитесь в ореоле славы, а Або, ведя дело к проигрышу кампании, покрывает тюркютов бесславием, вы по-прежнему полагаете возможным ограничиться одними лишь замечаниями? Когда-то вы мечтали уничтожить северное ханство (т. е. удел Далобяня). Не дерзнете ли вы это сделать теперь?» [25]

В то же время Чжан-сунь Шэн внушал Або-хану: «Так как Дату-хан заключил союз с домом Суй, то Шету не в состоянии будет удержать за собой верховную власть над тюркютским народом. Не лучше ли было бы вам поэтому своевременно примкнуть к этому союзу и стать под покровительство императора? Это дало бы вам большую силу и было бы благоразумнее избранного вами пути — терять свои войска, исполняя волю Шету, и, точно преступник, сносить его оскорбления» [26].

Слухи о возможной измене Далобяня достигли ушей Шету, и он решился на шаг, повлекший за собой гибельные для тюркютской державы последствия.

В феврале — марте 584 г., когда Далобянь находился в походе, Шету напал на его ставку. Во время резни погибла и мать Далобяня, а сам он бежал на запад к Дяньгу Дату-хану. Необузданность и несправедливость

---

[19] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 232.
[20] Иакинф. История Китая.
[21] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 49.
[22] St. Julien. Documents sur les Tou-kiue. «Journal Asiatique», 6-me serie, № 3, 1864, p. 365; Г. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л., 1926, стр. 229.
[23] Иакинф. История Китая.
[24] Там же.
[25] St. Julien. Op. cit., p. 365.
[26] Ibid., p. 366.

Шету, видимо, вызвали возмущение в орде. Дяньгу дал Далобяню войско, сверх того к нему присоединились его сторонники из его бывшего аймака и удельные ханы Таньхань-хан и Дилеча [27]. Далобянь имел под своим начальством такие силы, что Шету не мог надеяться на успех. Даже брат его Чулохеу оказался на стороне повстанцев [28], а кидани в тылу у него готовили восстание [29]. Осенью 584 г. Шету Шаболио-хан обратился с просьбой о помощи к Китаю, принял императорскую грамоту на коленях и признал себя вассалом Суйского дома. Между тем Далобянь овладел Восточным и Западным Туркестаном, от оазиса Хами до Аму-Дарьи [30]. Однако разгром Шету не входил в расчеты китайцев. Они признали его ханом и выслали армию, которая осенью 585 г. нанесла поражение Далобяню. В то же время племя абар напало на незащищенную ставку Далобяня и захватило в плен его жену и детей. Китайские войска разбили абаров, отбили у них семью Далобяня и передали ее Шету [31], который снова стал хозяином степей к востоку от Тянь-Шаня. Поражение Далобяня было, несомненно, обусловлено тем, что в 584 г. Дяньгу Дату-хан признал себя вассалом Суйского дома, т. е. стал на сторону врагов Далобяня. Грумм-Гржимайло пишет, что причины, побудившие Дяньгу к такому шагу, нам неизвестны [32], но новый материал, привлекаемый нами, поможет разобраться в сложнейшей политической ситуации в раздираемой распрями тюркютской державы. Мы переходим ко второму акту трагедии. На этот раз местом действия будет город Пайкенд в области Бухара [33].

* *
*

Або-хан Далобянь вместе со своими ветеранами оказался в Средней Азии. Резиденцией его стал Пайкенд; имя Або-хана (в форме Абруй) известно Абуль-Хасану Абд-ар-Рахману Мухаммеду ан Нишабури, автору книги «Сокровищница знаний», отрывок из которой вошел в «Историю Бухары» Наршахи [34].

О появлении в пределах Бухарской области тюркютов он рассказывает так: «Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это очень нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше людей, и переселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали из своей среды одного и сделали его амиром. Имя его было Абруй» [35].

Легко представить себе, как вели себя воины Або-хана на беззащитной, подвластной им земле. О состоянии дисциплины в тюркютской армии

---

[27] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 236. Люй Мао-цай (Op. cit., S. 808, 498) транскрибирует это слово как «Тегин-шад» и считает титулом.

[28] St. Julien. Op. cit. p. 257; Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 230—231.

[29] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 237.

[30] Там же, стр. 279.

[31] Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 232.

[32] Там же, стр. 233.

[33] См. С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 4.

[34] Там же, стр. 10—11; Мухаммед Наршахи. История Бухары, пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897.

[35] Наршахи. История Бухары, стр. 12. Слова «из своей среды» в тексте отсутствуют. Имя Абруя легко понять как композитум, в котором первая часть тюркская, а вторая — перевод ее на персидский язык по типу «султан Малик-шах».

нам достаточно определенно сообщил Ян Цзянь, тогда еще генерал Чжоуского государства: «Тюркютские ратники пренебрегают и наградами, и наказаниями, мало уважают своих начальников и по большей части не соблюдают порядка»[36].

Но тюркютские ратники отнюдь не пренебрегали добычей и грабежом. Не удивительно, что Нишабури сообщает нам следующее: «По прошествии некоторого времени власть Абруя возросла, он стал жестоко править этой областью, так что терпение жителей истощилось. Дехканы и богатые купцы ушли из этой области в сторону Туркестана и Тараза, где выстроили город и назвали его Хамукат... Оставшиеся в Бухаре послали к своим вельможам послов и просили защищать их от насилия Абруя [37]. Вельможи и дехканы обратились за помощью к кагану тюрок по имени Кара Джурин Турк, которого за величие народ прозвал Биягу. Биягу тотчас послал своего сына Шири Кишвара с большим войском. Тот прибыл в Бухару, в Пайкенде схватил Абруя и приказал, чтобы большой мешок наполнили красными пчелами и опустили туда Абруя, от чего он и умер»[38].

Китайские летописи относят плен Далобяня к 587 г. и сообщают о нем так: «Чулохеу [брат Шаболио, умершего в январе 587 г.], получив от дома Суй знамена и литавры, пошел воевать на запад против Або. Неприятели полагали, что Чулохеу получил из Китая вспомогательное войско, почему многие перешли в подданство к нему, и Або взят в плен. Чулохеу тотчас донес двору и просил у него разрешения: убить ли Або или даровать ему жизнь? Государь отдал это на рассмотрение чинов. Старший министр Гао-Фань подал следующее мнение: «Когда родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым, то надобно щадить их, чтобы показать великодушие». Государь сказал: «Хорошо»»[39].

Сопоставляя оба текста и учитывая обстановку VI в., мы легко можем воссоздать происходившие события.

Транзитная торговля, служившая основным источником дохода для тюркютских, в особенности западнотюркютских, ханов, контролировавших участок караванного пути от Хами до границ Персии, была немыслима в условиях военного времени. Дяньгу поддержал Далобяня для того, чтобы ослабить Шаболио, но как только Далобянь оказался хозяином караванного пути и его голодные солдаты сделали невозможной торговлю, Дяньгу сообразил, что ошибся, и быстро переориентировался на союз с Китаем. В то время война питала войну. Воины Або-хана, не имея средств к существованию, кормились за счет подчиненной области, а когда эта область с осени 585 г. ограничилась южной частью Мавераннахра, то прокорм стотысячной орды стал непосильным бременем. Кто имел средства, эмигрировал к Дяньгу [Кара Джурину Турку, впоследствии принявшему титул Бугя (Бильге)-хана] [40]; беглецы просили помощи для борьбы против отрядов Або-хана, которые при всем желании не могли вести себя иначе. Но, вероятно, ненависть Дяньгу к Шаболио задержала решительные действия до смерти последнего [41]. Когда же на престол вступил друг и соратник Дяньгу Чулохеу (начало 587 г.), то судьба Далобяня была решена. Согласно персидской версии, Далобянь был взят в плен сыном

[36] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 232.

[37] По тексту — именно бедняки просят помощи против Абруя, а не богачи, как полагает А. М. Мандельштам. Однако краткость и отрывочность текста не позволяют на одном отрывке строить социологические гипотезы.

[38] Наршахи. История Бухары, стр. 12—13.

[39] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 239.

[40] О тождестве Дяньгу Бугя-хана и Кара Джурина Турка Биягу см. ниже.

[41] См. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 227.

Кара Джурина — Шири Кишваром (Шири Кишвар — это персидский перевод тюркского имени Иль-Арслан. С. П. Толстов полагает, что это имя отражено в имени сына Дяньгу — Янсу-тегина) [42].

Как видим, персидская версия не противоречит китайской, согласно которой не сам Чулохеу лично берет в плен Далобяня, а это происходит лишь в его царствование [43]. Лицемерие двора, сделавшего намек насчет ядовитых насекомых, вероятно, определило способ казни Далобяня.

Чулохеу не надолго пережил своего врага. Он был убит стрелой «в западном походе, в декабре 587 г.», вероятно, подавляя сопротивление последних сторонников Далобяня. Дяньгу, ставший самой крупной персоной империи, посадил в Пайкенд своего внука Нили-хана [44] или, скорее, своего сына Янсу-тегина. Вместе с тюркютским царевичем в Пайкенд вернулись богатые купцы и дехканы. Они стали его «ближними людьми, а бедные люди стали их слугами»[45]. Очевидно, они внушили тюркютскому кагану мысль о смене внешнеполитической линии, так как новая политика полностью совпала с их интересами.

В 589 г. тюркютский каган не только не возобновил войны против Византии, но, наоборот, как ее союзник начал войну против Ирана. Целью тюркютского князя, именуемого в персидской истории Савэ-шах, было пройти через Иран в Константинополь для установления прямых и непосредственных торговых связей [46].

Первая война между Ираном и тюркютским каганатом в 568—569 гг. явилась следствием неудачи посольства в Иран Маниаха, главы согдийских купцов, которые были приближенными тюркютских ханов и стремились добиться отмены ограничений на их торговлю шелком по караванному пути, шедшему через Иран; Маниах, получив отказ, сумел убедить Истеми-хана изменить персидскую ориентацию на византийскую. Но при Хосрое Ануширване Иран был так могуч, что тюркюты не пошли на решительную агрессию.

Однако в 589 г. террор против аристократии и изнурительная война с Византией значительно ослабили позиции Сасанидского дома, и пайкендские купцы сочли момент благоприятным для того, чтобы осуществить свою заветную идею — освободить торговлю от иранских таможен и стеснений.

Попытки обойтись без Ирана, делавшиеся в конце 60-х годов VI в., оказались безрезультатными, так как путь вокруг Каспийского моря не только намного длиннее, но проходит по бесплодным степям. К тому же Пайкенд оказался бы в стороне от этого пути, что отнюдь не устраивало пайкендских купцов, и мы видим, что через полтора года после прекращения внутритюркютской распри в Средней Азии Савэ идет войной против Ирана.

Разработанный в Константинополе [47] план кампании был тщательно продуман: хазарская и арабская диверсии должны были отвлечь персид-

---

[42] J. Marquart. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, S. 151; С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 10.

[43] Весьма примечательно, что китайская версия приписывает победу над узурпатором Турумом-Далобянем восточному хану Чулохеу, персидская — южному удельному князю Шири Кишвару-Янсу-тегину, греческая — западному хану Дяньгу. Все три версии основаны на сообщениях тех государей, которые общались с данными народами и каждый приписывал победу себе.

[44] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 279.

[45] Наршахи. История Бухары, стр. 13.

[46] Л. Н. Гумилев. Война 589 г. и Гератская битва. ИАН Таджикской ССР. Отд. общественных наук, № 2 (23), 1960, стр. 72.

[47] M. Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I. SPb., 1849, p. 220—221.

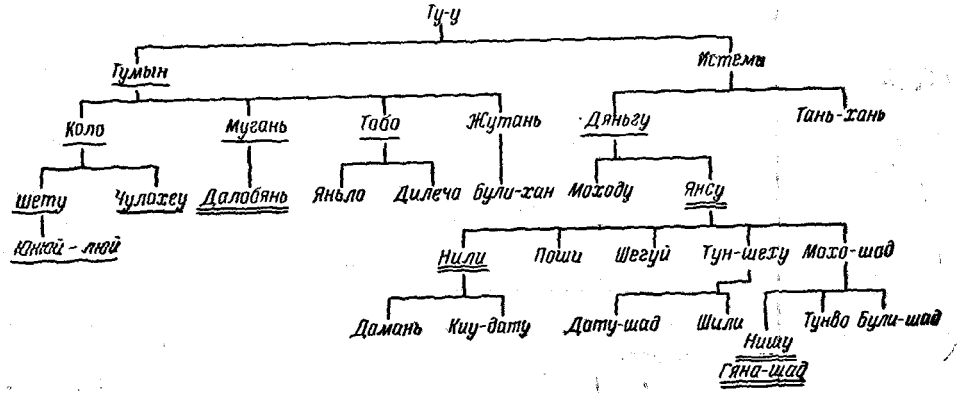
скую армию на Кавказ и в Месопотамию, а главные силы Савэ нанести смертельный удар.

Однако в августе 589 г. персидская армия наголову разбила тюркютов при Герате и, развивая успех, взяла Пайкенд. Савэ-шах [48], которого я отождествляю с Янсу-тегином (см. ниже), пал в бою; пайкендские дехканы поплатились за свои аппетиты; вождь западных тюркютов Дяньгу убедился, что его собственных сил не может хватить на решение всех политических задач, и пошел на полное примирение с сыном Шаболио и преемником Чулохеу — Юнюйлюем, который в 593 г. восстановил единство тюркютской державы [49].

Таков ход событий, согласно нашей реконструкции, расходящийся с мнениями наших предшественников. Разберем теперь со всем вниманием их выводы и доказательства, чтобы не оставалось и тени сомнения.

* *
*

Исходным пунктом нашего исследования является сумма сведений по истории тюркского каганата, почерпнутая из китайской династической хроники империи Суй (581—619). Родственные отношения между ханами династии Ашина представлены на прилагаемой генеалогической таблице.



Извлечение из генеалогической таблицы рода Ашина древнетюркских ханов.

Подчеркнуто одной чертой — общетюркские ханы; подчеркнуто двумя чертами — удельные князья, владевшие Бухарой

составленной мною в результате работы на основании всех известных указаний на имена ханов Ашина [50]. Однако трудность пользования этой таблицей заключается в том, что обозначенные в таблице персоны носили не одно имя, а по три и даже четыре: 1) личное имя, которое не всегда известно; 2) княжеский титул; 3) ханский титул; 4) иногда прозвище. Кроме этого, наряду с китайским произношением имен, ставшим уже в науке традиционным, обнаружены в ряде случаев тюркские имена, по звучанию весьма непохожие на китайские искажения. Однако именно тюркские звучания легли в основу имен в персидских и греческих текстах.

[48] У Табари он назван Шаба. T. N ö l d e k e. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leiden, 1879, S. 269, Anm. 1.

[49] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 50; Г. Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Указ. соч., стр. 233.

[50] Л. Н. Г у м и л е в. Удельно-лествичная система у тюрок VI—VIII веков. «Советская этнография», 1959, № 3, стр. 11—25.

Здесь фонетика ближе к тюркской, чем у китайцев, но все же имеет различия с прототипом.

Таким образом, каждый персонаж может носить до шестнадцати имен, хотя практически до этого числа варианты никогда не доходят. В связи с нашей темой нас интересуют не все имена ханов династии Ашина, а только те, которые упоминаются в западных (греческих, персидских и арабских) источниках. Все они так или иначе становились предметом исследования, но общего мнения до сих пор создать не удалось. Разногласия ученых, занимавшихся разрешением проблем идентификации имен, сведены нами в прилагаемую таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Разногласия исследователей

Наршахи; Табари; Фирдоуси	Шаванн; Вивьен де Сен-Мартен	Маркварт, II, 1938; Мандельштам, 1958	Маркварт, I,1898; Толстов, 1938	Гумилев
Кара Джурин Турк Биягу		Истеми-каган Ябгу	Шеху Чулохеу	Дяньгу Бугя (Бильге)
Шири Кишвар		Старший сын Истеми-Иль-Арслан (*в хрониках не упомянут*)	Янсу-тегин	Янсу-тегин
Абруй		Последний царь эфталитов	Абосхан Далобянь	Або-хан Далобянь
Кана		Гяна-шад (ошибочно назван сыном Даманя)		Гяна-шад, впоследствии Нишу-Дулу-хан (умер в 634 г.)
Шаба (Савэ)	Чжао-ву (титул согдийского князя)	Шаук, кушанский князь	Чулохеу	Янсу-тегин (Янг-соук, Савэ)
Бармуда (Пармуда)	Иль-тегин	Париовк, кушанский князь	Янсу-тегин	Нили-хан (Буюрук)

Как видно из таблицы, идентификация Табари и китайских летописей, предлагаемая мною, резко отличается как от идентификации Шаванна [51] и примыкающей к ней второй версии Маркварта [52], так и от идентификации Толстова [53], опирающегося на первую версию Маркварта [54]. Идентификация данных Наршахи и Суй-шу у Маркварта [55], Толстова [56] и в этой работе также совершенно различна.

Разногласия проходят по двум линиям:

1) кто был Шаба, погибший в борьбе с Бахрамом Чубином, и его сын Бармуда, правивший в Пайкенде после его смерти;

[51] Тр. Орх. эксп., стр. 242—243.
[52] J. Marquart. Wehrot und Arang, S. 145.
[53] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 9.
[54] J. Marquart. Historischen Glossen..., S. 188—189.
[55] J. Marquart. Wehrot und Arang, S. 145 f.
[56] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 9.

2) кто были Абруй и его враги — Кара Джурин Турк и сын его Шири Кишвар.

Рассмотрим каждый из этих вопросов.

1. Маркварт (I) и Толстов отождествляют Шаба с Мохо-ханом Чулохеу, так же как и с Шаба, убитым стрелой «в западном походе». Однако Шаба был убит на одиннадцатом году царствования Хормизда; год этот начинается 30 июня 589 г.[57], тогда как Чулохеу был убит в декабре 587 г.[58] Этого одного достаточно, чтобы отказаться от поисков в этой области и оставить без внимания косвенные доказательства ложности высказанного отождествления.

Предположение Толстова о том, что Бармуда = Иль-тегин = Янсу-тегин и вместе с тем это сын Чулохеу, не находит подтверждения как в генеалогии тюркютских ханов [59], так и в ходе исторических событий: Иль-тегин Бармудá, освободившись из персидского плена, довольно долгое время царствовал в Пайкенде, тогда как Янсу-тегин царствовал всего лишь несколько месяцев, а с 589 по 604 г. царствовал его сын Нили-хан. Сопоставляя Бармуду Табари с преемником Шири Кишвара Наршахи, мы видим, что этот князь был женат на китайской царевне [60]. А на китайской царевне Сянь-ши был женат сын Янсу-тегина Нили-хан, и правил он до 603 г. Поэтому Иль-тегин соответствует Нили-хану китайских источников.

В Гандхаре (Индия) имелся храм Или-тегина, сына тюркютского кагана. В имени этого Или-тегина, может быть, можно узнать Иль-тегина; как его называет Динавери [61], который был не кто иной, как Пармуда, князь Бухары, побежденный и плененный Бахрамом Чубином. Наличие индийских связей объясняет до сих пор темный факт, почему на вооружении войска тюркютского князька оказались слоны.

Это также объясняет, куда делся Янсу-тегин и почему он не царствовал. Янсу — отец Нили-хана, т. е. Бармуды. Значит, он известен Табари как Шаба, и он был убит осенью 589 г., во время борьбы с Бахрамом Чубином. Концепция Шаванна [62] и Маркварта (II) [63], согласно которой Шаба = Шаук = Чжао-ву (мелкий кушанский князек), противоречит титулу Бармуды Иль-тегин и указанию, что этот самый Иль-тегин был сыном «турецкого царя»[64]. Шаванн, по всей вероятности, заимствовал эту гипотезу от Вивьена де Сен-Мартена [65], который полагает, что Шаба арабское = Чжао-ву китайскому, т. е. что это — титул согдийских князьков. Но этот титул был известен арабам не в китайской, а в тюркской форме (-чуб), а такое искажение поэтому не могло возникнуть. Точно так же сын убитого Шабы Бармуда, вступив на престол, этого титула не принял, что определенно показывает, что это — не титул, а имя. Обращаясь к Себеосу, мы видим, что данный автор великолепно отличает кушанских царей от «маскутских», т. е. тюркских (массагеты), с которыми воевал Мехревандак (Бахрам Чубин); к тому же оба кушанских князя, Шога и Париовк, участвуют в событиях много времени спустя, при Хосрое II, так что отождествления Шога-Шаба и Париовк-Бармуда отпадают.

---

[57] T. Nöldeke. Op. cit., S. 269.

[58] Иакинф. История Китая. По византийским данным, война с Савэ была в 590 г.

[59] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 3.

[60] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 14.

[61] T. Nöldeke. Op. cit., S. 272, Anm. 2.

[62] Тр. Орх. эксп., IV, стр. 242—243.

[63] J. Marquart. Wehrot and Arang, S. 145.

[64] См. T. Nöldeke. Op. cit., S. 272, Anm. 2.

[65] См. Lebeau. Op. cit., t. 9, p. 395.

Предлагаемые отождествления показывают, что Бахрам Чубин воевал с удельным тюркютским князем на Аму-Дарье почти в то же время, когда другой удельный князь вторгался в Дагестан [66]. Тюркютская держава была едина. Палеофонетика подтверждает мое отождествление. По определению А. А. Драгунова и М. Ф. Хвана иероглиф 素 -су в суйское время читался как соу. Фирдоуси передает имя тюркютского хана как سلوه (souh), Янг-соук по-тюркски значит «Новый (или Большой) мороз» — собственное имя. В стихах оно исказилось на Савэ, в соответствии с ритмом муттакариба.

2. Второй вопрос еще сложнее. Маркварт отождествляет Кара Джурина Турка с Истеми-каганом орхонских надписей, а Абруя — с последним эфталитским царьком и относит события, описанные Наршахи, к 60-м годам VI в. Но кто же тогда Шири Кишвар = Иль-Арслан? Маркварт гипотетически предполагает, что у Истеми-хана был сын с таким именем, и следовательно, старший брат Дяньгу Дату-хана, хорошо нам известного по китайским источникам [67]. Основание для этой гипотезы он видит в том, что Менандр среди восьми тюркютских удельных князей старшим называет Арсилу (Арслан)[68], хотя (Арсила) назван единодержцем еще до смерти Истеми в 576 г.[69]

Эта гипотеза не может быть принята. В Арсиле Менандра мы должны видеть Тобо-хана, так как разделение тюркютов на Восточный и Западный каганаты еще не состоялось. Затем совершенно немыслимо, чтобы китайцы при их осведомленности о тюркютских делах не отметили бы такого крупного князя, каким должен был бы быть старший сын Истеми-хана. Наконец, Канà, сменивший в Пайкенде преемника Иль-Арслана, царствовал 30 лет и умер в 634 г.[70] Это Гяна-шад, впоследствии Нишу Дулу-хан, личность вполне историческая. Маркварт не может объяснить сорокалетнего хронологического разрыва между предполагаемым временем гибели Абруя при вступлении на престол гипотетического Иль-Арслана и вступлением на престол Гяна-шада в 600-х годах. К тому же Нишу Гяна-шад Марквартом ошибочно назван сыном Нили-хана, тогда как на самом деле он сын Мохо-шада, брата Нили-хана [71].

На основании всего вышеизложенного можно отвергнуть отождествления Марквартa и перейти к разбору отождествлений С. П. Толстова.

Концепция С. П. Толстова значительно сильнее концепции Марквартa. Я вполне согласен с тем, что Абруй = Або-хан Далобянь. Но предположение С. П. Толстова о том, что Янсу-тегин был сыном Чулохеу-хана, является необоснованной гипотезой, тогда как мнение Шаванна о том, что он был сыном Дяньгу Дату-хана, покоится на тщательном исследовании источников. А раз так, то отпадает и сопоставление Кара Джурина Турка с Чулохеу. С. П. Толстов полагает, что китайцы словом «Чулохеу» транскрибировали турецкое имя Кара Чури [72], а «биягу» означало «ябгу» [73]. Но

[66] М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 136.

[67] J. Marquart. Wehrot und Arang, S. 148. Менандр называет его Тарду (ср. тюркское тардуш-хан) и родным братом Турксанфа, сына хана, умершего в 576 г., т. е. Истеми-хана (Менандр. В кн.: «Византийские историки». Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861, стр. 422).

[68] J. Marquart. Wehrot und Arang, S. 150—151.

[69] Менандр, стр. 418.

[70] J. Marquart. Wehrot und Arang, S. 151; Наршахи. История Бухары, стр. 48.

[71] Тр. Орх. эксп., IV, p. 3.

[72] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 8—9. Но это невозможная грамматически перестановка. На самом деле хоу = граф (кит.), а чуло соответствует čollig (тюрк.) или чулу (монг.)— «каменистая пустыня», титул, часто встречающийся. Имя «Чур» китайцы передавали иероглифом «Чжо».

[73] Там же.

Дяньгу, став общетюркским ханом, принял титул Бугя-хан, в понимании Шаванна — Бильге каган [74], т. е. «Мудрый», а самое его имя, по моему мнению, является не транскрипцией, а переводом. Тюркское слово «чури» значит «гнить, заржаветь, тлеть» [75]. *ŋ* конечное, по определению А. Н. Кононова, — суффикс единичности. Китайский иероглиф, которым передается это имя 珐 — Дянь, значит «отлом, трещина в дорогом камне, недостаток». Второй иероглиф: 厥 — «цзюе», означает вторую часть имени «Турк» [76]. Таким образом, мы имеем в имени Дяньгу Бугя-хан перевод прозвища Кара Джурин Турк Бильге-хан [77]. Действия же его против Далобяня-Абруя вполне понятны, если мы учтем, что в 584 г. он перешел на сторону китайцев. Отсюда понятно, что бежавшие от Абруя дехканы направились в сторону Тараза, где была ставка не Чулохеу, а именно Дяньгу, который, расправившись с Абруем-Далобянем, сажает на его место своего сына Янсу и внука — Нили-хана. Янсу пробыл на троне столь мало, что китайские анналы его не отметили, а сын его Нили-хан действительно правил до самой смерти, происшедшей около 603 г., и его сменил его племянник Гяна-шад, известный Наршахи под именем Кана.

Идентичность безымянного преемника Шири Кишвара с Нили-ханом подтверждается одним бесспорным фактом. Известно, как неохотно китайцы давали своих царевен в жены варварам и как тщательно фиксировали подобные случаи. Для нашей эпохи мы имеем один определенно зафиксированный случай — женитьба Нили-хана на китаянке Сянь-ши [78]. Тот же факт описан у Наршахи [79]. Личное имя Нили-хана неизвестно, но, учитывая ход событий, возможно, что оно передано Табари, как Бармуда, который недолгое время пробыл в плену у персов и был освобожден Хормиздом. Надо думать, что Бармуда, так же как Шири Кишвар, — не транскрипция, а перевод тюркского имени Буюрук на персидский язык [80]. Дальше, появление в Бухаре не сына Нили-хана Даманя, а племянника, Нишу Гяна-шада, вполне объяснимо, исходя из тюркютского закона о престолонаследии по старшинству. Даман имел ставку в «древней Усуньской земле» [81], а маловажный окраинный удел был поручен его двоюродному брату.

В заключение необходимо вернуться к вопросу о личности самого Савэшаха. Ряд косвенных соображений доказывает, что он не кто иной, как Янсу-тегин, западнотюркютский царевич. Персидская историческая традиция подтверждает это категорически: «Савэ-шах, сын хакана, который был Хормизду дядей по матери» [82]. Хакан — это Истеми-каган, на дочери которого в 570 г. женился Хосрой Ануширван. Но и здесь не обошлось без путаницы. Янсу-тегин, по биографическим данным совпадающий с Савэшахом, был не сыном, а внуком Истеми и, следовательно, двоюродным братом Хормизда. Предположение, что Данишвар прав и что в Герате мы видим истинного дядю Хормизда, сына Истеми — Дяньгу Дату-хана,

---

[74] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 355.

[75] В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1—4. СПб., 1893—1911.

[76] Китайско-русский словарь Палладия и Попова, т. I, стр. 207.

[77] Совершенно неожиданное подтверждение моего предположения имеется у Люй Мао-цая (op. cit., S. 67, 543), где этот хан назван просто Дянь.

[78] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 279.

[79] Наршахи. История Бухары, стр. 14.

[80] Буюрмак = фармудан — приказывать.

[81] Иакинф. Собрание сведений..., стр. 341.

[82] Mirkhond. Histoire des Sassanides. Paris, 1845, p. 257. Bel'ami. Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben-Djarir-ben Jazid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mo'hammed Bel'ami d'après les manuscrits de Paris de Gotha, Londres et de Canterbury par Hermann Zotenberg, t. II. Paris, 1869, p. 248.

недопустимо, так как последний погиб в Тогоне в 604 г. Следовательно, Данишвар, уделяя недостаточно внимания генеалогии дома Ашина, пропустил одно поколение и сместил систему родства. Это легко могло получиться, если учесть, что в 570 г. замуж выходила младшая дочь Истеми-хана, почти девочка [83], а Янсу-тегин был сыном старшего сына хана, так что весьма вероятно, что они с девочкой были ровесниками, вследствие чего персидские послы решили, что это брат и сестра.

Ошибку, очевидно, усугубило и то, что врагом Ирана был действительно сын Истеми-хана Дяньгу, но он сидел у себя в ставке, а персы, увидев главнокомандующего, облаченного в ханские регалии, приняли его за самого хана. Но во всяком случае путаница, допущенная Данишваром, незначительна и существенных изменений в ход событий не вносит.

Теперь мы можем вернуться к тексту Феофилакта Симокатты. Тождество Турума и Або-хана Далобяня не возбуждает сомнений. Сам Шаванн доказал, что под «великим ханом» надо видеть Дяньгу Дату-хана, так как, во-первых, ставка его помещается в Золотых горах, в которых Клапрот видит Алтай, а Шаванн Северный Тянь-Шань, а не в Халхе, где кочевали восточные ханы, и, во-вторых, потому, что в 598 г. именно он являлся фактическим главой империи [84].

Турум-Далобянь сначала действительно имел преимущество над противниками, но когда против него объединились и западные, и северные ханы, а это случилось после смерти Шаболио-хана в 581 г., он потерпел поражение в области Бухаре, которая в записи Феофилакта Симокатты названа «Икар». Бухара действительно расположена «на широких равнинах» и на изрядном расстоянии от «Золотых гор».

Для того чтобы прояснить вопрос о трех союзниках «великого хана» Дяньгу, необходимо обратиться к изучению уделов в державе тюркютов. Около 582 г. было восемь удельных князей. Из них активное участие в восстании Далобяня приняли двое — Таньхань-хан и Дилеча; оба они больше ни разу в истории не встречаются. Чулохеу успел вовремя отойти от восстания, и его удел продолжал существовать даже после его смерти — под властью его сына Жаньганя. Также остался улус Шету Шаболио-хана, где правил сын Шету Юнюйлюй. У Дяньгу было два сына: младший, Янсу-тегин, командовал его собственной армией и впоследствии укрепился в Согдиане, но старший, надо думать, имел свой удел. Личное имя его нам неизвестно; в китайских хрониках он назван «богатырь» (моходу хэу). Впоследствии, в 630 г., он вступает в борьбу со своими племянниками, что было бы невозможно, если бы у него не было своей орды. Его удел располагался на Кубани и Северном Кавказе.

Итак, при подсчете мы видим действительно именно трех удельных князей. Наконец, в 90-х годах VI в. между тюркютами и китайцами был мир, как и сказано в письме кагана.

Несравненная ценность этого документа заключается в том, что он прекрасно подтверждает факты, известные из китайских и персидских источников. Совпадение трех не зависящих друг от друга исторических традиций свидетельствует о правильности изложения истории великой распри — наиболее темного и запутанного события за все время существования Первого тюркютского каганата. Остается неясным только одно, как распределить между Чулохеу, Юнюйлюем и Моходу-хэу имена Спарзевгун, Кунаксолан и Тулдих, но это и не так существенно, ибо ход событий ясен.

---

[83] Chronique de Tabari, t. II, p. 254—255; Mirkhond. Op. cit., p. 259.
[84] Тр. Орх. эксп., VI, стр. 250.

Как видно из проделанного исследования, наши предшественники не уделили должного внимания сведениям, содержащимся в византийских источниках, что отразилось на достоверности их гипотез и выводов.

Теперь мы имеем право свести все полученные результаты в таблицу отождествлений и согласования всех известных источников, причем письмо кагана к императору Маврикию является связующим звеном (табл. 2).

Таблица 2

Согласование источников

Суй-шу	Фиофилакт Симоката	Менандр Протиктор	Наршахи, Динавери	Табари, Фирдоуси
Истеми джабгу-каган		Диазивул		Синджибу, хакан тюрков, который был Хормизду дядей по матери
Тобо-хан		Арсила		
Далобянь Або-хан	Турум	Абруй		
Таньхань-хан		Турксанф		
Дилеча=Тегин-шад (титул)				
Дяньгу Дату-хан, Бугя-хан	Каган тюрков	Тарду	Кара Джурин Турк Биягу	
Янсу-тегин			Шири Кишвар	Шаба(Савэ-шах)
Нили-хан			Или-тегин	Бармуда(Пармуда)
Гяна, впоследствии Ишу Дулу-хан. Умер в 634 г.			Кана	
Чулохеу Шеху (Мохэ)-хан	Спарзевгун			
Юнюйлюй Дулань-хан	Кунаксолан			
Моходу (богатырь)-хэу (князь)	Тулдих			

На основании вышеизложенного мы имеем право отвергнуть предложенные нашими предшественниками даты распадения каганата в 50, 70, 80-х годах VI в. и остановиться на реальной дате — зиме 603/4 г., когда тюркюты были разбиты китайскими войсками, их хан пропал без вести, а между их восточными и западными кочевьями возникло самостоятельное Телеское ханство [85]. Хотя это ханство оказалось недолговечным (606—619), оно, однако, сыграло свою роль. Пути западных и восточных тюркютов с этого времени оказались разными. Но это уже другая проблема.

[85] Г. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 237. К аналогичному заключению пришел китайский ученый Чэн Чжун-мянь, написавший «Дополнения к материалам по истории западных тукюе (тюркютов)». Шанхай, 1958 (на китайском яз.). К сожалению, его работа для меня недоступна.

Н. Я. ПОЛОВОЙ

О МАРШРУТЕ ПОХОДА РУССКИХ НА БЕРДАА и РУССКО-ХАЗАРСКИХ ОТНОШЕНИЯХ в 943 г.

Изучение внешней политики Руси до образования централизованного государства является одной из важных задач советской исторической науки. Ее решение во многом зависит от выяснения отношений Руси с величайшей державой средневековья — Византией [1]. Однако нельзя не признать вместе с М. В. Левченко [2] и А. Флоровским [3], что, несмотря на наличие большого числа работ по отдельным вопросам истории Руси и Византии, именно русско-византийские отношения изучены еще крайне недостаточно.

Русско-византийские отношения нельзя понять без выяснения отношений Руси и Византии с другими соседними странами, и в первую очередь, если это касается X в., с Болгарией и Хазарией. Однако если отношениям Руси с Болгарией, особенно периода балканских войн Святослава, все же посвящена некоторая литература, то и поныне остаются справедливыми слова В. Мошина о том, что в области «русско-хазарских отношений мы ходим в потемках» [4]. Причиной этого является или полное отсутствие источников, или их фрагментарность и противоречивость. Ведь даже не раз подвергавшаяся сомнению подлинность таких основных источников по истории Хазарии вообще и по истории русско-хазарских отношений в частности, как документы, относящиеся к еврейско-хазарской переписке X в., окончательно была доказана лишь несколько лет назад [5].

Выяснение русско-византийско-хазарских отношений в конце княжения Игоря, несомненно, помогло бы раскрыть ту великую роль, которую в это время играло молодое Русское государство. Походы, предпринятые тогда русскими на Византию и на Каспий, во многом отличавшиеся от прежних походов Руси, ярко продемонстрировали возросшую мощь Русского государства и побудили все окрестные страны пересмотреть свою политику по отношению к Руси и либо пойти ей на уступки, как это было с Византией, или, напротив, подобно Хазарии и мусульманским го-

[1] См. изложение доклада акад. В. П. Волгина «О перспективном плане в области исторической науки» («Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 66).

[2] М. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 3—5; его же. Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной и советской историографии. ВВ, VIII, 1956, стр. 8.

[3] А. Флоровский. К изучению истории русско-византийских отношений. BS, 13, № 2, 1952, стр. 307.

[4] В. Мошин. Русь и Хазария при Святославе. «Seminarium Kondakovianum», VI, 1933, стр. 187.

[5] D. M. Dunlop. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954, p. 116—170.

сударствам Каспия, повести еще более ожесточенную борьбу с традиционным стремлением Руси утвердиться на великих торговых путях Каспия и Причерноморья.

О русском походе на Бердаа в 943 г. долго помнили на Востоке. Этот поход заставил говорить о себе не только современников, живших поблизости от Бердаа, но и авторов, писавших столетия спустя после этого похода и живших далеко от Азербайджана [6].

Однако, несмотря на наличие довольно значительного и разнообразного круга источников о походе русских на Бердаа в 943 г., в науке до сих пор не выяснены отношения Руси с мусульманскими государствами Каспия в это время и даже вопрос об отношении хазар к этому походу. Попытка А. Н. Насонова [7], поддержанная многими историками [8], доказать, что Хазария в 943 г. препятствовала походу на Бердаа и что этот поход является результатом соглашения между Русью и Византией, не может считаться успешной, потому что она находится в прямом противоречии с источниками. Одной из важнейших задач в этой связи является тщательный анализ всех источников по истории взаимоотношений Руси и Хазарии [9].

Вопрос о роли хазарской дипломатии в походе 943 г. в исторической литературе еще не поднимался. Однако только решение этого вопроса поможет выяснить русско-хазаро-мусульманские отношения на Каспии в это время.

Настоящая статья является попыткой выяснить русско-византино-хазаро-аано-мусульманские отношения в связи с походом русских на Бердаа л 943 г.

Истовричѐская роль Хазарского каганата и его влияние на жизнь древней Руси очень долго преувеличивались в литературе, и это, несомненно, сыграло свою роль в том, что многие историки согласились с мыслью А. Н. Насонова о враждебном отношении Хазарии к походу 943 г. Хазария была небольшим полукочевническим,полуоседлым государством [10], которое «не могло и думать о соперничестве с Византией или Халифатом» [11]. Постоянная забота Хазарии заключалась в том, чтобы как-нибудь протянуть в повседневной борьбе с окружающими ее народами.

Однако не следует забывать, что это полукочевническое государство просуществовало около 400 лет! Причина живучести Хазарии заключалась в том, что она «превратилась в огромную таможенную заставу, запиравшую пути по Северному Донцу, Дону, Керченскому проливу

---

[6] Обзор источников о походе русских на Бердаа имеется в работах: В. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. ЖМНП, 1835, февраль (переиздана в кн.: В. Григорьев. Россия и Азия. СПб., 1876); Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875; А. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 322 г.= 943/4 г. ВВ, XXIV, 1926. См. также: А. Флоровский. Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейха X—XI вв. и его продолжателя. «Seminarium Kondakovianum», I, 1927.

[7] А. Насонов. Тмуторокань в истории Восточной Европы X в. «Историч. зап.», 1940, № 6, стр. 86—87.

[8] В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955, стр. 54; «Очерки по истории СССР», т. 1. М., 1953, стр. 83—84. Проф. С. Семенов-Зусер утверждает, что в 943 г. русских разгромили именно хазары, а Святослав якобы во время своего восточного похода жестоко отомстил хазарам за это поражение (С. Семенов-Зусер. Князь Святослав. Харків, 1946, стр. 12).

[9] Б. Рыбаков. К вопросу о роли хазарского каганата в истории Руси. СА, т. 18, 1953, стр. 132.

[10] А. Якубовский. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. Изв. АН СССР, т. III, № 5, 1946, стр. 469; Б. Рыбаков Указ. соч., стр. 130, 131, 150.

[11] Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 130.

и Волге» [12]. «Заняв важнейшие торговые магистрали — Дон, Керченский пролив и Волгу, — хазары хищнически пользовались выгодами своего положения» [13]. Это положение Хазарии, как транзитной державы, налагало отпечаток не только на ее торговлю, но и на военную политику. Через свои заставы хазары пропускали не только торговые караваны, но и военные отряды, направлявшиеся грабить те народы, которые находились во враждебных отношениях с хазарами. В IX в. гузы по наущению хазар воевали против печенегов, в X в. турки громили возмутившихся против хазар аланов; аланы же после их усмирения, согласно свидетельству Кембриджского документа, помогли хазарам «навести страх на все народы», живущие поблизости от Хазарии. Хазария некоторое время умело использовала в своих интересах и движение русских на Каспий. Хазарский каган брал с русских не только пошлину за провозимые через ее территорию товары, но также половину добычи за то, что пропускал их на Каспий для грабежа враждебных Хазарии мусульманских государств. Следовательно, русским очень трудно было бы проникнуть на Каспий как для торговли, так и для военных действий без разрешения хазарских властей.

При враждебном отношении хазарского кагана к походу русских на Каспий им пришлось бы выбирать совсем другой маршрут, нежели маршрут похода 912—913 гг., который описан у Масуди, когда русские шли на Каспий Доном и Волгой через Итиль. Вопрос о маршруте на Бердаа в 943 г. приобретает особую важность именно потому, что он тесно связан с дипломатической обстановкой 943 г. и позволяет определить отношение Хазарского кагана к этому походу. Если каган покровительствовал этому походу, то русский флот, бесспорно, мог свободно воспользоваться водным путем через Дон — Волгу — Итиль — Каспий, как это было в 913 г. Если же, наоборот, поход на Бердаа явился следствием соглашения Руси с Византией и встретил противодействие со стороны Хазарии, то маршрут этого похода должен был быть иным. Вот почему исследователь русско-хазаро-византино-алано-мусульманских отношений в 943 г. должен подробно остановиться на вопросе о маршруте похода на Бердаа.

Относительно маршрута этого похода нет единой точки зрения. Одни историки (В. В. Григорьев, А. Н. Насонов, В. В. Мавродин) полагали, что русские на Бердаа шли сушей, т. е. «пересекли материк от Азовского моря до Каспийского к северу от Кавказского хребта» [14]. Другие исследователи (Карамзин [15], Б. Дорн [16], А. Ю. Якубовский, А. А. Куник) утверждали, что русы на Бердаа шли Доном — Волгой.

Самое подробное исследование о маршруте похода русов на Бердаа принадлежит А. Н. Насонову, который писал: «Каким путем решили руссы выйти к Каспию? Шли они Доном и Волгой, мимо хазарской столицы Итиля, или же пересекли материк к северу от Кавказского хребта, как это сделал во второй половине IX в. Кирилл Философ, вышедший к Дербенту? Существует ли материал, позволяющий сделать определенный вывод по данному вопросу? Такой материал существует. Его рассмотрение не приводит к противоречивым выводам. Такой материал мы на-

---

[12] Б. Рыбаков. Указ. соч., стр. 150.
[13] Там же, стр. 131.
[14] А. Насонов. Указ. соч., стр. 85.
[15] Н. Карамзин. История государства Российского, т. 1. СПб., 1818, стр. 158—169.
[16] Б. Дорн. Указ. соч., стр. 501. В этой книге заметка А. Куника о походе на Бердаа.

ходим, во-первых, в некоторых восточных источниках, трактующих о походе руссов на Бердаа 944 г. и содержащих данные о пути руссов; во-вторых, в некоторых восточных источниках, относимых к середине X в. и содержащих указания на движение руссов к берегам Каспийского моря; в-третьих, данные для решения интересующего нас вопроса мы получаем при рассмотрении общей ситуации на путях из Каспийского моря к Черному, сложившейся к середине X в.» [17]. Остановимся на системе доказательств А. Н. Насонова и рассмотрим прежде всего сообщения восточных источников о походе русов на Бердаа. Об этом походе пишут Ибн-Асир, Ибн-Мискавейх, Абуль-феда, Якут, Хазиф Абру, Ибн-Хадльдун, Айни, Бар-еврей, Низами [18], Моисей Каганкатваци [19]. Из этих авторов только Низами и Бар-еврей своим указанием на этническую принадлежность участников похода «дают материал для суждения о пути руссов» [20]. Что касается Низами, то А. Н. Насонов, равно как и В. В. Григорьев [21], использовал не все данные, содержащиеся в «Искендер-Намэ», которые позволяют судить о пути русских. Оба эти историка привели только послание абхазского правителя Дувала Александру Македонскому: «Русские, жаждущие войны, пришли ночью из страны алан и греков (герков, или арков), чтобы на нас напасть, как град. Так как они не смогли пробиться через Дербент и его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение» [22]. Однако в другом месте Низами дает более важное указание: «Кинталь, который шел во главе руссов, заметив, что небо принимает зловещий вид, собрал войско в семи провинциях, зависевших от России (буквально: семь Россий) [23], из коих он как бы сделал семь молодых невест. Его войско, составленное из пертасов (буртасов), аланов и хазар, образовало поток, обширный, как океан, и внушительный, как гора. Вооруженное мечами и панцирями, оно устремилось по странам, лежащим между областью Ису и степью Кефтшак (Кипчак)» [24]. Это место у Низами заставило уже академика Б. Дорна сделать такой вывод: «Так как у поэта (Низами. — *Н. П.*) союзниками русских являются буртасы и хазары, с которыми они проходят чрез земли, лежащие между Ису и Кефчаком, то он, должно быть, предполагал, что они шли с Волги» [25].

Приводя только первое известие Низами о приходе русских «из страны алан и герков» (вариант: «равно как и аланы и герки»), историки, между тем, не имели четкого представления о том, кто такие герки (арки) и где находится их страна. Это обстоятельство, конечно, позволяло в

---

[17] А. Насонов. Указ. соч., стр. 84—85.

[18] Б. Дорн. Указ. соч., стр. 123, 497, 515, 516.

[19] Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб., 1861, стр, 275—276. Характеристику Каганкатваци см. А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 72.

[20] А. Насонов. Указ соч., стр. 85.

[21] В. Григорьев. О древних походах руссов на Восток. ЖМНП, 1835, ч. II, стр. 250, 265.

[22] Б. Дорн. Указ. соч., стр. 498; М. Тебеньков. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма Низами «Искандер-Намэ» как источник характеристики этих сношений. Тифлис, 1896. Абхазами Низами называл не жителей современной Абхазии, а жителей Грузии, Дагестана и Ширвана. В. Гольцев. Шота Руставели. М., 1952; В. Григорьев. Указ. соч., стр. 286.

[23] Во втором походе Игоря на греков тоже участвовало семь народов: печенеги, варяги, русы, словены, кривичи, тиверцы, поляне. Такое совпадение, несомненно, свидетельствует о связи двух походов,

[24] М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 50; Б. Дорн. Указ. соч., стр. 501; см. также: Низами. Искандер-Намэ, пер. К. Липскерова, т. 1. Баку, 1953, стр. 351, 363.

[25] Б. Дорн. Указ. соч., стр. 499.

герках (арках) усматривать различные народы и давало обширную пищу для самых фантастических предположений. Ф. Эрдман, полагавший, что все восточные известия о походе на Бердаа есть не что иное, как перифраз Игорева похода на Константинополь, утверждал, что «арки» — это исковерканное «варяги» [26], а сам город Бердаа в этих источниках есть не что иное, как переделка имени Варды Фоки, воевавшего с русскими в 941 г. [27] Ф. Шармуа и В. В. Григорьев полагали, что арки (герки) — это грузины (георги). А. Ю. Якубовский вообще вместо «из страны алан и герков (арков)» пишет: «из земель греков и аланов» [28]. Но и до сих пор название арков как исторического народа считается неизвестным [29]. Разгадать, какой народ скрывался под названием арки (герки), историкам в значительной степени помешало то обстоятельство, что они обращали мало внимания на остальной текст Низами. Между тем в другом месте своей поэмы Низами дал перечень народов, воевавших против Бердаа: это — русские, аланы, хазары и буртасы [30]. Мы видим, что хотя здесь указываются аланы, однако арков нет и вместо них указаны хазары и буртасы. Не скрываются ли у Низами под именем арки именно хазары или буртасы? Для решения этого вопроса нужно выяснить, не названы ли в каких-нибудь источниках хазары или буртасы арками (герками), а их страна Арканией (Гирканией). Положительный ответ на этот вопрос мы находим в известном Кембриджском документе, где говорится: «Вот сообщаю я моему господину: имя нашей страны (т. е. Хазарии. — *Н. П.*), как мы нашли (это) в книгах, Ар-к-нус» [31]. П. К. Коковцов полагал, что это «своеобразное и ни в одном из известных источников о хазарах не встречающееся» название Хазарии Арканией (Гирканией) взято автором Кембриджского документа из «Книги Иосиппон», в которой имеется легендарный рассказ о народе urqanus, жившем по соседству с аланами, запертыми в горах Александром Македонским [32]. Однако Данлоп указал, что и в Сирийской хронике Бар-еврея Hugcania отождествляется со «страной хазар» [33]. Следовательно, Хазария, хотя и очень редко, называлась Арканией или Гирканией. Может быть, и в самом деле это было книжное название Хазарии, и Низами мог его встретить в тех многочисленных источниках, шедших из Византии, Сирии, Ирана, которые он тщательно изучал для написания поэмы «Искендер-Намэ»: «Кроме новейших историй [изучал я и книги] еврейские, христианские и пехлевийские» [34].

Что касается алан, то русские вполне могли их встретить, идя Доном — Волгой, так как из сообщения Константина Багрянородного о том, что аланы могут закрывать хазарам пути в Саркел и Крым [35], следует, что

---

[26] F. Erdmann. De expeditione Russorum Berdaam versus. Casani, 1826, pars II, p. XIX—XXX.

[27] Ibid., pars I, p. 72.

[28] А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 83.

[29] См. комментарии Е. Э. Бертельса к «Искендер-Намэ», т. 1, стр. 476.

[30] К этому перечню, может быть, следовало бы добавить и лезгин, об участии которых в походе на Бердаа указывает Бар-еврей.

[31] П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 120.

[32] Там же, стр. 120—121, прим. 16.

[33] D. M. Dunlop. Op. cit., p. 163.

[34] Е. Э. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.— Л., 1948, стр. 53; А. Султанлы. Искандер-Намэ и западноевропейская литература. Сб. «Низами Гянджеви. Материалы научной конференции». Баку, 1947, стр. 68.

[35] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, greek text ed. by G. Moravcsik, English translation by R. J. H. Jencins. Budapest, 1949, § 10, 11, p. 62—64.

«аланы контролировали византийские коммуникации на Нижнем Дону» [36] и их, следовательно, можно было встретить в донских степях.

Но если это так, то слова Низами «из страны алан и арков (герков)» следует понимать «из страны алан и хазар». Такое толкование находит полное подтверждение в другом месте поэмы Низами, где указывается, что на Бердаа напали русские, аланы и хазары с буртасами.

Следовательно, согласно Низами, русские напали на Бердаа из Алании и Хазарии, и хазары не только не препятствовали походу на Бердаа, но даже участвовали в нем со своими союзниками — аланами и данниками — буртасами. Зачем же русским было бросать свой флот в Черном море и «пересекать материк» от Черного до Каспийского моря, если хазары не только покровительствовали их походу на Бердаа, но даже сами участвовали в нем?

Может быть, исторические сведения, сообщаемые Низами, вообще не заслуживают внимания, как полагал, например, А. В. Флоровский [37]? Однако мы уже видели, что указание Низами на участие алан в походе на Бердаа находит подтверждение и в «Сирийской хронике» Бар-еврея, умалчивающего о хазарах, но указывающего не упоминающихся у Низами лезгов. Таким образом, относительно участия алан в походе русских на Бердаа в 943 г. мы имеем положительные свидетельства у Низами и у Бар-еврея. Но как можно проверить или подтвердить сообщаемый только Низами факт участия хазар в походе на Бердаа? На этот вопрос можно было бы ответить исходя из общей ситуации, сложившейся в 943 г. на путях от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия. Если эта общая ситуация характеризовалась дружественными отношениями Хазарии и Алании и враждебными отношениями между Хазарией и мусульманскими государствами Каспия, то конечно, сообщаемый Низами факт об участии хазар в походе на Бердаа вполне мог иметь место.

А. Н. Насонов в своем анализе «общей ситуации 40—50-х годов X в. на путях от Черного моря к Каспийскому» старается доказать близость алан к грекам и их враждебность к хазарам: «При покровительственном отношении империи и при дружественном отношении «владетеля Алании» к императору ромеев руссы могли пересечь материк от Азовского до Каспийского моря, не испрашивая разрешения хазарского кагана» [38]. Иными словами, А. Н. Насонов стремится доказать, что поход на Бердаа был всецело делом византийской дипломатии и не только не допускает мысли об участии хазар в походе на Бердаа, но даже заявляет о враждебном отношении хазар к этому походу.

Можно ли в действительности говорить о «дружественном отношении «владетеля Алании» к императору ромеев» в 943 г. и его враждебном отношении к хазарам? Конечно, нет.

Позиции греков в Алании укрепились в начале X в. [39] Но «дружественная» связь Византии с Аланией продолжалась недолго [40] и к интересуемому нас времени (к 943 г.) произошел полный разрыв. Масуди писал

---

[36] T. Lewicki. Zródła arabskie do dziejów słowiańsze zyzny, t. I. Wrocław — Krakow, 1956, стр. 38.

[37] А. Флоровский. Указ. соч., стр. 182.

[38] А. Насонов. Указ. соч., стр. 87.

[39] Ю. Кулаковский. Христианство у алан. ВВ, V, 1898, стр. 7.

[40] Она существовала всего лишь несколько лет. Инициатором крещения алан был патриарх Николай Мистик; посредником между аланами и византийцами был абхазский царь Георгий (921—925). Крещение могло произойти между 921 и 925 гг., т. е. в период от начала царствования Георгия Абхазского (921) до кончины патриарха (925). Уже через каких-нибудь 7—10 лет (в 932 г.) греков изгнали из Алании.

в 943—947 гг.: «После 320 (932) г. аланы отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых они (раньше) приняли и которых к ним отправил царь греков» [41]. Отношения Византии с Аланией оставались прерванными и в его время, радуя душу правоверных последователей пророка.

Еврейско-хазарская переписка также опровергает предположение, что в 943 г. между Византией и Аланией существовали дружественные отношения, а между Хазарией и Аланией враждебные.

В Кембриджском документе этой переписки сообщается: «И во дни царя Аарона воевал царь аланский против казар, потому что подстрекнул его греческий царь. Но Аарон нанял против него царя турок, так как тот был [с ним дружен], и низвергся царь аланский перед Аароном, и тот взял его живым в плен. И оказал ему [царь большой] почет и взял дочь его в жены своему сыну Иосифу. Тогда [обязался] ему аланский царь в верности, и отпустил его царь Аарон [в свою землю]. И с того дня напал страх пред казарами на народы, которые [живут] кругом их. [Также и] во дни царя Иосифа, моего господина,... (аланский царь был. — *Н. П.*) [ему подмогой], когда было гонение [на иудеев] во дни злодея Романа» [42].

Таким образом, вместе с поражением аланского князя в войне с хазарами и браком аланской принцессы с иудейским царевичем Иосифом «должны были прекратиться успехи христианской миссии в Алании» [43]. И они действительно, как сообщает Масуди, прекратились в 932 г.

Согласно Кембриджскому документу, «дружба алан составляла главную основу хазарской дипломатии» [44]. Поэтому понятно стремление греков подорвать эту основу.

Указание Константина Багрянородного своему сыну, приведенное А. Н. Насоновым, о необходимости жить в мире с «владетелем Алании» направлено не на дальнейшее у к р е п л е н и е уже существующей связи двух народов, а лишь на в о с с т а н о в л е н и е этой связи, прерванной в 320 г. хиджры (13.I 932 г. — 31.XII 932 г.). В царствование Константина Багрянородного эта связь так и не была восстановлена.

Во времена Масуди «властитель Алании» вместо сближения с греками решил сблизиться с их врагами — хазарами. «Восстановление хазарского влияния в Алании может быть точно датировано 932 годом» [45]. Константин Багрянородный знал это, но он знал также, какую огромную помощь могли бы оказать грекам аланы, сменив свою дружбу с хазарами на вражду. Вот почему, пользуясь выражением Ю. Д. Бруцкуса, «византийский двор в то время... очень ухаживал за аланским князем» [46]. Однако заигрывания византийской дипломатии с аланским князем еще не свидетельствуют о ее успехах в этом деле.

Когда Константин Багрянородный пишет о печенегах, то он указывает, что печенеги уже навели и продолжают наводить страх на венгров, русских и хазар своими неоднократными набегами. Но об аланах Константин Багрянородный сообщает лишь, что они могли бы навести страх на хазар, если бы захотели: «И если этот владетель Алании постарается (*καὶ εἰ ποιήσεται σπουδήν*) чинить им препятствия, то Херсон и Климаты будут

---

[41] А. В а с и л ь е в. Византия и арабы. СПб., 1902, приложения, стр. 24 (A. A. V a s i l i e v. Byzanz et les arabes, t. II. Bruxelles, 1950, p. 33).

[42] П. К о к о в ц о в. Указ. соч., стр. 117—118.

[43] Ю. Д. Б р у ц к у с. Письмо хазарского еврея от X века. Берлин, 1924, стр. 17—18.

[44] Там же, стр. 16.

[45] Там же, стр. 18.

[46] Там же, стр. 17.

пользоваться долгим и прочным миром» [47]. Смысл поучений Константина Багрянородного заключается в том, что византийская дипломатия должна сделать все возможное, чтобы рассорить алан и хазар, чтобы возможность алан вредить хазарам стала действительностью.

Во время Константина Багрянородного аланы для Византии не были тем же, чем были для нее ранее печенеги, но греки страстно желали и из алан сделать наемных стражей империи.

Таким образом, владетель Алании вовсе не был в дружбе с Византией и во вражде с Хазарией, как полагает А. Н. Насонов, и не думал стоять на страже интересов империи.

Мы видим, что при выяснении отношения аланского князя к походу русов на Бердаа А. Н. Насонов пошел неправильным путем. Вместо того, чтобы пользуясь материалами, относящимися к 943 г., убедительно доказать, что это покровительственное отношение явилось результатом такого же покровительственного отношения хазар к походу на Бердаа, А. Н. Насонов, используя данные, относящиеся к началу X в. (факт обращения алан в христианство в 921—925 гг.), попытался доказать, что оно явилось следствием дружественных отношений с Византией.

В 943—944 гг. «владетель Алании» был в союзе с русским князем, и это сближение должно быть признано всецело делом русско-хазарской дипломатии, а не византийской. Хазар и алан сблизило с русскими стремление разгромить усиливающиеся государства Каспия. Образовавшийся в 943 г. русско-алано-хазарский союз усиливал все эти три государства за счет мусульманских государств Каспия, а поэтому, конечно, был нежелателен Византии, которая в 943 г. враждовала с хазарами и аланами. Мы видим, насколько независимо вела себя русская дипломатия в 943 г. Заключение перемирия на Дунае и выгодный торговый договор с Византией не помешал русскому государству заключить военный союз с врагами греков — хазарами и аланами. Таким образом, общая ситуация 943 г. убеждает в том, что поход на Бердаа является всецело делом русско-алано-хазарской дипломатии, а не византийской. Разгром Бердаа, бесспорно, был очень выгоден Хазарии и никакой пользы не давал Византии. Поход на Бердаа не был «походом на Хазарию и в Закавказье» [48] — это был поход в Закавказье с помощью Хазарии. Этот поход не только не «ослаблял Хазарию» [49], а, напротив, усиливал ее, потому что ослаблял мусульман Каспия.

Рассмотрим, какие отношения были у Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, имелись ли причины, побуждавшие хазар к походу против этих государств в 943 г.?

Таких причин было больше чем достаточно. Масуди сообщает, что в 943 г. евреи бежали в Хазарию не только из византийских областей, но и из мусульманских стран [50]. Он подчеркивает враждебность Хазарии мусульманам: хазары потому пропускают русских на Каспий, что «царь хазарский не имеет судов и его люди непривычны к ним; в противном случае мусульмане были бы в великой опасности с его стороны» [51]. И это писалось в 943—947 гг.!

Весь ход исторического и экономического развития обусловливал непримиримую противоположность хазарских и мусульманских интересов.

[47] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, p. 64.

[48] В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949, стр. 56.

[49] Там же, стр. 57.

[50] A. A. Vasiliev. Op. cit., p. 31—32.

[51] А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 133.

Арабы постепенно вытеснили хазар из Закавказья, и ко второй половине VIII в. хазары были отброшены за Кавказские горы.

Борьба с арабскими странами была одной из постоянных государственных забот Хазарии. Арабы хотели «превратить Хазарию в мусульманскую страну» [52]. «В случае победы мусульман в Хазарии политическое положение на берегах Каспийского моря, конечно, резко изменилось бы в пользу Халифата» [53].

«Хазарское царство преграждало самый удобный и легкий путь для торговли с далеким Севером» [54]. И наоборот, такое мусульманское государство, как Булгария, стояло Хазарии поперек дороги. «Ввиду географического положения хазарского и булгарского царств интересы их находились в непримиримом противоречии» [55].

В мусульманских странах неоднократно, как сообщают Ибн-Фадлан и Масуди, разрушали еврейские синагоги, а хазарский каган отвечал разрушением мечетей в своих городах [56].

Могли ли хазары отказаться от искушения использовать силу русских в своих жизненных интересах, причем не только даром, но даже получая огромную добычу? Конечно, нет.

Масуди сообщает, что в 913 г. русских на Каспий пропустил именно хазарский каган, которому русские пообещали половину добычи, награбленной у мусульман Каспия. Когда русские в 913 г. закончили свои грабительские операции на Каспии и возвращались на родину, мусульманская гвардия кагана потребовала, чтобы он разрешил им разгромить русских. И Масуди с иронией замечает, что каган потому отпустил арсийцев (мусульманская гвардия кагана) на битву с русскими в 913 г., что «не мог им препятствовать» [57]. Однако его ненависть к мусульманам была столь сильна, что он и здесь попытался им вредить: «...послал к русам и известил их, что мусульмане намереваются воевать с ними» [58]. Следовательно, в разгроме русских близ Итиля в 913 г. повинны, собственно, не хазары, а «именно мусульмане Хазарского царства» [59].

Хазария являлась державой транзитной и хищнически пользовалась выгодами своего географического положения. Русские, пробивающиеся на Каспий с торговыми или с грабительскими целями, должны были платить пошлину и отдавать половину награбленной добычи. В 913 г. русские ничуть не удивили кагана своим предложением пограбить прикаспийские страны. Хазария уже привыкла видеть в этом один из источников государственных доходов и одно из средств борьбы с мусульманским продвижением на север.

Русские своими мощными ударами по арабским странам в 880, 909, 910, 913 и 943 годах объективно помогли хазарам устоять не только против арабского продвижения, идущего с юга Каспия на север, но и против самого русского продвижения на Каспий, потому что эти удары в сущности приводили к укреплению Хазарского каганата. В самом деле, хазары, пропуская русских на Каспий, получали не только половину добычи, но, что гораздо важнее, не пролив ни капли крови, наносили такие страш-

[52] А. Ковалевский. Посольство халифа к царю волжских булгар в 921—922 гг. «Ист. записки», № 37, 1951, стр. 194; его же. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 15.
[53] А. Ковалевский. Посольство халифа..., стр. 210.
[54] Там же, стр. 195.
[55] Там же, стр. 207; его же. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 29.
[56] А. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 33.
[57] А. Гаркави. Указ. соч., стр. 133.
[58] Там же.
[59] А. Ковалевский. Посольство халифа..., стр. 195.

ные удары мусульманам Каспия, от которых те долго не могли оправиться. Таким образом, анализ русско-арабско-хазарских отношений на Каспии показывает, что русские, очередной задачей которых являлось уничтожение Хазарского каганата как государства, сами укрепляли его, нанося тяжкие удары злейшим врагам Хазарии — мусульманам. Для мусульман же Каспия русские были такими же врагами, как и хазары. Понятно поэтому, какие горькие основания имел Балами в своем персидском переводе Табари сделать интересную для историка X в. интерполяцию: царь Дербента Шахриар говорил в 644 г.: «Хазары и русы суть враги целому миру, в особенности же арабам» [60]. Балами переводил историю Табари в 963 г. и, конечно, знал не только о походе русских на Бердаа, но и об остальных походах русских на Каспий, осуществлявшихся с согласия хазар.

Еврейско-хазарская переписка X в. также указывает на вражду Хазарии с мусульманскими государствами Каспия, в частности с Дербентом [61]. У Масуди имеется известие, что правитель Ширвана Мухаммедбен Иезид, овладев Баб-аль Абвабом (т. е. Дербентом) и другими областями, велел в Дербенте выстроить стены. Академик Б. Дорн делает из этого справедливый вывод: «В таком случае можно было бы предположить, что он принял эти меры после вторжения русских в Дербент — начало его правления относится приблизительно к 944 году, — чтобы обеспечить себя от подобных неожиданных нападений» [62]. Но Низами тоже сообщает, что русские и хазары, прежде чем захватить Бердаа, пытались взять Дербент: «Так как они (русские. — *Н.П.*) не смогли пробиться через Дербент в его окрестности, они отправились в море на судах и совершили нападение» [63].

Все эти сообщения подкрепляют и дополняют друг друга и заставляют верить сообщению Низами о попытке русских и хазар захватить в 943 г. Дербент.

Не потому ли, как свидетельствует Масуди, евреи в 943 г. бежали из мусульманских стран, что мусульмане объявили на них гонение в связи с участием хазар в походе на Бердаа?

Итак, общая ситуация 943 г., сложившаяся на огромном пространстве от Византии и Руси до Хазарии и мусульманских государств Каспия, свидетельствует, во-первых, о том, что Хазария и Алания находились во враждебных отношениях с Византией и в дружественных отношениях между собой, и, во-вторых, о том, что Хазария находилась во враждебных отношениях с мусульманскими государствами Каспия. Следовательно, Низами прав, утверждая, что хазары в союзе с аланами и русскими напали сперва на Дербент, а затем на Бердаа, а А. Н. Насонов ошибается, утверждая, что хазары препятствовали походу на мусульманский Бердаа и находились во враждебных отношениях с аланами, которых якобы только «дружественное расположение» к византийскому императору побудило помогать русским в походе на Бердаа. Поэтому у нас нет никаких оснований сомневаться в исторической ценности сообщаемых Низами сведений относительно похода на Бердаа.

В доказательство враждебного отношения хазар к походу на Бердаа и сухопутного продвижения русов на Каспий в 943 г. А. Н. Насонов приводит письмо хазарского царя Иосифа, в котором тот говорит, что «не

[60] Б. Дорн. Указ. соч., стр. XLIII—XLIV; А. Гаркави. Указ. соч., стр. 74.
[61] П. Коковцов. Указ. соч., стр. 123.
[62] Б. Дорн. Указ. соч., стр. 498.
[63] Там же, стр. 497—499; М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 45.

пускает русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян» [64].

Однако письмо Иосифа, написанное почти 20 лет спустя после похода на Бердаа, бесспорно, не может служить основой для суждения о хазарской дипломатии в 943 г.

Известно, что раньше хазары пропускали русов на Каспий, например в 913 г. Известие Низами, что хазары вместе со своими вассалами — аланами и буртасами — участвовали в походе русов на Бердаа, убеждает нас в том, что и в 943 г. хазары пропустили русов на Каспий. Свое письмо Иосиф писал около 960 г., следовательно, свою традиционную политику по отношению к пробивающимся на Каспий русским дружинам хазары изменили в промежутке между 943 и 960 гг.

Почему это произошло? Почему хазарский каган, ведя непрерывные войны с мусульманскими странами Каспия, отказался использовать в этой борьбе русов, не только не платя им за погромы этих стран, но даже получая половину награбленной добычи? Ведь нельзя же допустить, что каган стал отстаивать интересы Саманидов?!

Мы уже видели, что Хазария и мусульманские государства Каспия находились в непримиримых противоречиях [65], поэтому впечатление, которое на первый взгляд можно было бы вынести из письма Иосифа, что Хазария защищала мусульман Каспия от русских, так же ложно, как и подвергнутое уничтожающей критике Б. А. Рыбаковым представление о том, что Хазария являлась защитницей русских племен от кочевников.

В настоящее время твердо установлено, что «в истории морских походов русских на Каспийское море следует отметить два этапа: на первом этапе, до середины X в., походы русских на Закавказье и Каспийское море носили характер налетов с целью захвата военной добычи; с середины X в. наблюдаются изменения в организации походов, меняются их цели. Русские дружинники стремятся обосноваться в Закавказье, восстановить прерванные войной связи и наладить хозяйственную жизнь, установив дружеские отношения с населением завоеванных ими городов и областей» [66].

Хазарская дипломатия на этих двух совершенно противоположных этапах истории походов русских на Каспий не могла оставаться одной и той же. Новый по характеру и задачам русский поход не мог не вызвать и изменений в хазарской дипломатии. Анализ особенностей похода русских на Бердаа в 943 г. заставляет нас признать, что именно эти особенности явились причиной изменения отношения хазар к походам русских на Каспий.

В литературе вопрос о роли хазарской дипломатии в походе русов на Бердаа не поднимался. Между тем несомненно, что разгром Бердаа, который находился во власти мусульман уже около двухсот лет [67], был прежде всего выгоден хазарам, которые поэтому охотно участвовали в этом походе.

Во время всех предшествующих походу на Бердаа набегов случалось так, что выгоды от русских ударов по мусульманам Каспия доставались хазарам, помогая им бороться с арабским продвижением на север. Прежде русы в течение лета заканчивали свои грабительские операции и пе-

---

[64] П. Коковцов. Указ. соч., стр. 83, прим. 6; стр. 102.
[65] А. Ковалевский. Посольство халифа..., стр. 194, 210; его же. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана..., стр. 15, 33.
[66] В. Мавродин. Начало мореходства на Руси, стр. 43—44.
[67] А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 76.

ред заморозками возвращались домой, но в 943 г. они впервые зазимовали в завоеванной мусульманской стране.

Поход русских войск на Бердаа в 943 г. качественно отличался от всех прежних русских набегов на Каспий, предпринимавшихся исключительно с целью грабежа и захвата добычи. Последний грабительский набег зафиксирован в 913 г. Поход 943 г. был завоевательным походом [68]. Об этом свидетельствуют несколько фактов, имеющихся в рассказе Ибн-Мискавейха о походе на Бердаа: «Рассказали мне (Ибн-Мискавейху. — *Н. П.*) Абу-Аббас-ибн-Нудар, а также некоторые из исследовавших, что люди эти (русы) вошли в город, сделали в нем объявление, успокаивали жителей его и говорили им так: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, — это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас — хорошо повиноваться нам». Подступили со всех окрестных земель к ним (русам) мусульманские войска. Русы выходили против них и обращали их в бегство. И бывало, не раз так вслед за ними (русами) выходили и жители Бердаа, и, когда мусульмане нападали на русов, они кричали «Аллах велик!» и бросали в них камни. Тогда русы обратились к ним и сказали, чтобы они заботились только о самих себе и не вмешивались в отношения между властью и ими (русами). И приняли это во внимание люди, желающие безопасности, главным образом это была знать. Что же касается простого народа и большей части черни, то они не заботились о себе, а обнаруживали то, что у них в душах их, и препятствовали русам, когда на них вели нападение сторонники (войска) власти» [69].

Мы видим, что русам была нужна не добыча, а власть, не грабеж населения, а покорение. «Подробности рассказа показывают, что взятие Бердаа было совершено более стройными и дисциплинированными силами, чем во время набегов норманнов на христианские и мусульманские города Европы. В рассказах об этих набегах норманны изображаются беспощадными варварами, истребляющими и сжигающими все на пути. Едва ли в Европе был случай, чтобы язычники-норманны при взятии большого города объявляли жителям, что будут охранять безопасность их жизни и имущества» [70].

В Бердаа русские «стремились восстановить порядок в занятом городе, а это для языческих войск, какими являлись русские, есть замечательное явление. Известно, что в Западной Европе норманские войска, которые в это время совершали набеги, были дикими ордами, огнем и мечом уничтожавшими все. Здесь же было наоборот» [71]. Итак, русские «стремились использовать завоевание, стремились захватить город, пользоваться его доходами, но не уничтожать его» [72].

Таким образом, в 943 г. русские, разгромив мусульман, не только не ушли на родину, предоставляя хазарам воспользоваться результатами своих побед, но, напротив, остались в Бердаа, проявили стремление к умиротворению населения и стали проводить политику создания рядом с Хазарией независимого русского княжества. Традиционная русская политика грабежа мусульманских государств Каспия, выгодная хазарам, превратилась в завоевательную политику. Вместе с этим, конечно,

---

[68] В. Бартольд. Арабские известия о русах. «Советское востоковедение», т. 1, 1940, стр. 34; его же. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 40—41.

[69] А. Якубовский. Ибн-Мискавейх, стр. 65—66.

[70] В. Бартольд. Арабские известия о русах, стр. 34.

[71] В. Бартольд. Место прикаспийских областей..., стр. 40.

[72] Там же, стр. 41.

изменилась политика Хазарии по отношению к русским отрядам, пробивавшимся на Каспий.

Интересна мотивировка каганом Иосифом своего нежелания пропускать русов на Каспий: «Если бы я их (русов. — *Н. П.*) оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [73]. Так говорится в краткой редакции письма Иосифа. Пространная редакция добавляет: «Если бы я их оставил (в покое) на один час» [74].

Таким образом, хазары лишь тогда перестали пропускать русских на Каспий, когда последние стали настолько сильны, что «за один час» (т. е. за довольно короткое время) смогли бы «уничтожить всю страну исмаильтян до Багдада». Когда русские были послабее, их использовали и пропускали на исмаильтян. Но теперь это было гибельно для самой Хазарии. Ведь русские, покорив мусульманские народы, могли вступить с ними в союз для последующего разгрома Хазарии. То, что грозные завоеватели в Бердаа вместо грабежей и убийств обращались к жителям с мирными, преисполненными сдержанности и терпения речами, конечно, не порождало иллюзий у хазар, усмотревших в этой политике угрозу.

Низами тоже указал на опасность утверждения Руси на Каспии для восточных стран. Абхазский правитель Дувал в поэме Низами советует Александру Македонскому уничтожить русское завоевательное движение в самом зародыше: «Если наш державный повелитель отомстит за нас нашим врагам, пусть божество ему в том поможет своим содействием; если же нет, то ты увидишь через малое число лет — русы внесут опустошение и в Грецию, и в Армению... Так как они уже осмелились опустошать эти страны, то и Хоросан, и Греция точно так же возбудят их алчность» [75]. Отсюда ясно видно, как на Востоке была воспринята дерзкая попытка Руси утвердиться на Каспии. Восточные дипломаты считали, что завоеванием Бердаа русские подготавливали плацдарм для будущих завоеваний.

Поход 943 г. многому научил хазар, которые не могли не сделать выводов из новой тактики русских. Новая политика Иосифа в период между 943 и 960 гг., заключавшаяся в том, что он не пропускал русов на Каспий, могла родиться только после одного из завоевательных походов Руси, когда хазары почувствовали всю силу русской опасности. Но после 943 г. мы не знаем ни одного завоевательного похода Руси на Каспий, поэтому не подлежит сомнению, что именно поход 943 г. заставил Иосифа изменить эту традиционную политику хазар. Старым, идеальным, в понимании хазар, отношениям пришел конец. И как ни выгодны были кагану могучие русские удары по мусульманским странам, ему пришлось отказаться от них после 943 г. из-за боязни испытать их на себе.

Диалектика русско-хазаро-мусульманских отношений на Каспии после 943 г. приводила к тому, что хазары, препятствуя русскому проникновению на Каспий, невольно этим самым отстаивали мусульманские интересы и укрепляли своих злейших соперников — мусульман Каспия.

Утверждение Иосифа о том, что он не пускает русских, прибывающих на судах, чтобы идти на мусульман, заставляет нас признать, что в промежутке между 943 и 960 гг., т. е. в княжение Ольги и Святослава, русские снова не раз пытались проникнуть на Каспий. Возможно, это были еще более мощные вооруженные силы, чем войско, захватившее Бердаа;

---

[73] П. Коковцов. Указ. соч., стр. 84.

[74] Там, же, стр. 102.

[75] М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 46—47. Насколько дальновидным оказался Низами, подтверждает завоевательная деятельность Святослава. Свои завоевания Святослав начал с похода на Восток и сразу вслед за тем вступил в войну с Византией.

об этом свидетельствует уверенность Иосифа, что русские легко могли бы завоевать всю страну мусульман вплоть до Багдада. То обстоятельство, что каган Иосиф перестал пропускать русские вооруженные силы на Каспий, явилось, может быть, тем поводом, которым воспользовался Святослав, чтобы уничтожить каганат.

Иосиф писал свое письмо за несколько лет до восточного похода Святослава. Чтобы понять, насколько опасно было для Хазарии в 960 г. пропускать русские вооруженные силы завоевывать мусульманские государства Каспия, стоит только представить себе, что произошло бы с мусульманскими государствами Каспия, если бы Святослав пожелал, подобно русским в 943 г., пройти на Каспий и если бы хазарский каган не препятствовал ему в этом. Святослав легко завоевал бы мусульманские области сплоть до Багдада и, таким образом, на юге Хазарии появился бы еще более грозный сосед, нежели арабы, которому уже никакого труда не представляло бы покончить с Хазарией. Но Святослав не стал спрашивать у кагана разрешения для выхода на Каспий, он решил уничтожить эту вековую преграду и прочно утвердиться на Каспии не на месте отдаленных мусульманских государств, а на месте самой Хазарии. Может быть, следующим шагом в воинственной деятельности этого князя было бы «уничтожение страны измаильтян до Багдада», однако поход в Болгарию отвлек его от восточных дел. Если во время похода на Бердаа русские только создавали плацдарм для завоевания Хазарии, то Святослав без всякого плацдарма завоевал Хазарию. Местное население смотрело на власть русского князя как на законную и покорилось ей без сопротивления [76].

Итак, анализ русско-хазарских отношений на Каспии в 943 г. приводит к следующим выводам.

1. Поход на Бердаа в 943 г. явился следствием русско-хазаро-аланского союза против мусульман Каспия. Поэтому русский флот из Черного моря в Каспийское, бесспорно, шел Доном — Волгой.

2. Новая завоевательная политика русских в Бердаа, пришедшая на смену прежней грабительской политике на Каспии, свидетельствует о том, что русские хотели создать в Бердаа княжество, в котором местное население поддерживало бы их власть.

3. Стремление русских создать рядом с Хазарией новое русское княжество вызвало ожесточенное сопротивление Хазарии, которая после 943 г. перестала пропускать русские войска на Каспий.

* *
*

В. В. Бартольд, признавая, что второй поход на греков и поход на Бердаа были в 944 г., пришел к выводу, что, «вернувшись к концу 945 г. на родину, русы, вероятно, уже не застали в живых Игоря» [77]. Однако мы в одной из своих статей[77а] доказали, что русы ушли из Бердаа весной — летом 944 г. Таким образом, русское войско имело полную возможность встретиться с Игорем, который отправился в полюдье, где он нашел свою смерть осенью 944 г.

Анализ одного места в летописи, может быть, прольет свет на судьбу участников похода на Бердаа. Как раз перед отправлением Игоря в полюдье «рекоша дружина Игорева: отроки Свенельжи изоделися суть

[76] В. Бартольд. Место прикаспийских областей..., стр. 42—43.
[77] Там же, стр. 34.
[77а] Н. Я. Половой. О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Бердаа. ВВ. XIV, 1958, стр. 144.

оружьем и порты, а мы нази; поиде, княже, с нами в дань: да и ты добудеши и мы. Послуша их Игорь, иде в Дерева в дань».

Уже С. М. Соловьев отметил, что «за год только Игорь возвратился из греческого похода, взявши с греков и золото и паволоки и «на вся воя», а между тем дружинники его жалуются, что они наги» [78]. Это сравнение противоречивых показаний летописи о богатстве Игоря и его бедности заставило С. М. Соловьева даже сомневаться в счастливом исходе второго похода на греков.

Многие историки ограничивались простым признанием буквального смысла выражения «мы нази». Однако Н. Знойко в своих выводах пошел значительно дальше. «В год смерти Игоря, — писал он, — положение киевского князя было весьма незавидно. Торговля Приднепровья благодаря несчастным походам Игоря оказалась в критическом положении...

Казна княжеская благодаря тем же походам опустела. Дружина, получавшая гроши, роптала, завидовала дружинникам Свенельда, готова была бросить своего князя.

Игоря заставила горькая необходимость, а не алчность брать еще дань с древлян: дружинники были «нази», оборваны.

Преемники Игоря Ольга и Святослав всю жизнь бились над этим печальным наследством, пытаясь хоть как-нибудь отстоять былую экономическую и политическую мощь страны» [79].

Вот что неизбежно вытекало из признания, что воины Игоря действительно были оборваны. Поэтому выражение «мы нази» нельзя понимать в буквальном смысле, а только в переносном: одежда и оружие воинов Свенельда, видимо, были настолько роскошными, что воины Игоря почувствовали себя в сравнении с ними просто оборванными, несмотря на греческие дары.

Справедливо возникает вопрос, где мог Свенельд обогатиться так, что стал богаче князя? Летопись не указывает: 1) ни места, где Свенельд добыл оружие и одежду, 2) ни способа обогащения. Она только констатирует факт обогащения.

Богатства Свенельда бросились в глаза воинам Игоря именно осенью, перед полюдьем, следовательно, он добыл их не в полюдье, не «в древлянах». Это давно уже было отмечено А. А. Шахматовым: «Конечно, Игорь пошел в Дерева не тогда, когда годовая дань была уже собрана Свенельдом, а тогда, когда наступил срок для сбора этой дани; дружина Игорева выбрала, конечно, удобный для себя момент, а таковым была осень, когда вообще собирали дань» [80]. Это значит, что осенью, когда Свенельд с богатой добычей возвратился в Киев, он пришел из какого-то далекого обогатившего его похода.

Летопись не указывает ни места, где обогатился Свенельд, ни способа обогащения, но в ней указывается, чем он обогатился: «Изоделись суть оружьем и порты», а Архангелогородская летопись, которая дает более полные сведения относительно захваченной добычи, сообщает, что Свенельд не только изоделся «оружием и порты», но и наполнил эти порты монетами, добыл себе коней и всякие доспехи: «Рекоша боляре Игореви: «Княже, отроцы Свинъделовы изоделися суть коньми, и оружии, и всяким доспехом, и порты полны, а мы нази, неконны и неоружны»» [81].

---

[78] С. Соловьев. История России, т. 1. СПб., 1874, стр. 326.

[79] Н. Знойко. О походах Святослава на Восток. ЖМНП, 1908, № 12, стр. 293—294.

[80] А. Шахматов. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 363.

[81] Устюжский летописный свод. М.— Л., 1950, стр. 23.

Свенельд не мог обогатиться в земле древлян или вообще у какого-либо другого племени Руси. Древляне были бедным земледельческим племенем, и у них не было ни роскошных тканей, ни драгоценного оружия. Раскопки в древлянской земле обнаружили только примитивные топоры, ножи и стрелы. «Почти полное отсутствие оружия в древлянских могильниках свидетельствует лишь о том, что воинственность им была чужда» [82]. Раскопки не обнаружили в земле древлян ни одной монеты! Это дало возможность В. Б. Антоновичу предполагать, что «торговые сношения носили характер торговли меновой» [83].

Если Свенельд обогатился в полюдье, во время сбора дани, то как объяснить, что дань эту составляли оружие и одежда? С другой стороны, нельзя допустить, что Свенельд во время полюдья награбил шкуры, воск, мед, рабов и т. д. и продал все это в Царьград, а на вырученные деньги накупил одежд и оружия, потому что с 941 г. до заключения договора 944 г. русские и греки находились во враждебных отношениях и, конечно, не торговали друг с другом.

Итак, в пределах Русского государства Свенельд не мог награбить столько оружия (конечно, драгоценного) и одежд (бесспорно, роскошных), чтобы возбудить зависть у воинов Игоря.

Исследователями давно уже было отмечено то удивительное обстоятельство, что имени Свенельда нет в договоре 944 г. Свенельд в X в. был такой политической фигурой, которую не могли обойти или «забыть» при заключении договора. Ведь договор Святослава с Цимисхием заключен от имени Святослава и Свенельда, а при Игоре Свенельд играл в политической жизни Руси не менее важную роль, чем при Святославе. По этому если в договоре Игоря, в котором перечислено почти 50 послов, о которых больше нигде не упоминается, нет имени Свенельда, то это говорит о том, что его в момент заключения договора не было в Киеве.

Обращаясь к русской истории, мы видим, что именно в 944 г. был предпринят поход на далекий и богатый Бердаа, причем русские из Бердаа ушли весной — в начале лета этого года и могли прийти в Киев осенью, т. е. тогда, когда было обращено внимание на богатство Свенельда. Поэтому есть основания предполагать, что Свенельд и его разбогатевшие воины прибыли в Киев осенью 944 г. именно из Бердаа [84]. Этой мысли не противоречит даже имя русского князя, захватившего Бердаа. Это имя сохранилось только у Низами, и оно очень напоминает имя Свенельда: Кинтал. На фонетическое родство имен Кинтал и Свенельд давно уже указал М. Тебеньков, который, основываясь только на созвучии имен Свенельд — Сфенкал — Кинтал (или Квинтал) предположил, что поход на Бердаа возглавил Свенельд [85]. Теперь мы видим, что эту мысль М. Тебенькова подтверждают, во-первых, анализ летописного известия об обогащении Свенельда, а во-вторых, отсутствие имени Свенельда в списке послов, заключивших с Византией договор 944 г. Следовательно именно Свенельд, по нашему мнению, являлся вождем похода русских на Бердаа.

---

[82] В. Антонович. Древности юго-восточного края. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, 1893, стр. 20.

[83] Там же, стр. 21.

[84] Ибн-Мискавейх сообщает, что русы, покидая Бердаа, захватили с собой «все, что могли, из своего имущества, драгоценностей и прекрасного платья». См. А. Якубовский. Указ. соч., стр. 69.

[85] М. Тебеньков. Указ. соч., стр. 67.

А. П. КАЖДАН

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ X в.

2. ИСТОЧНИКИ ЛЬВА ДИАКОНА И СКИЛИЦЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ X СТОЛЕТИЯ *

События третьей четверти X столетия описаны преимущественно в двух исторических сочинениях: в «Хронике» Иоанна Скилицы и в «Истории» Льва Диакона. Остальные византийские хронисты, затрагивающие историю этого периода, почти ничего не прибавляют к сведениям наших двух авторов.

Иоанн Скилица, как он сам говорит в предисловии к «Хронике», был современником известного византийского писателя и политического деятеля Михаила Пселла (около 1018—1096/7) и, следовательно, жил в середине и второй половине XI в. Возможно, что именно ему принадлежало составленное в 1092 г. юридическое сочинение, адресованное Алексею I Комнину. Изучение хроники Скилицы затруднено тем обстоятельством, что ее греческий текст, несмотря на наличие большого числа рукописей, до сих пор еще не издан и она известна и доступна исследователю лишь в старинном переводе Габия, сделанном по одной (ватиканской) рукописи [1]; эта рукопись к тому же, как выяснилось в дальнейшем, не является наилучшей.

Правда, эта трудность до некоторой степени может быть преодолена благодаря тому, что византийский хронист Георгий Кедрин, живший на рубеже XI—XII столетий, в соответствующих частях своего исторического сочинения полностью переписывает Скилицу, поэтому принято пользоваться Кедриным вместо Скилицы [2].

Рукописи Скилицы были обследованы рядом ученых (Л. Мабиллисом, П. В. Безобразовым, Ф. И. Успенским, К. де Боором, Б. Прокичем, Д. Моравчиком) [3]; на основании их работ можно выделить следующие важнейшие рукописи.

1. Охридская № 79, которую Ф. И. Успенский склонен был датировать самым концом XI в., т. е. временем, почти совпадавшим с периодом жизни самого Скилицы. Впрочем, более осторожно было бы отнести охрид

---

* См. ВВ, т. XIX, 1961.

[1] Gabius. Skylitzae Historiarum compendium. Venetiis, 1570.

[2] Georgius Cedrenus Ioannis Skylitzae ope. Bonnae, 1838—1839. В этом издании отмечены некоторые разночтения между Скилицей и Кедриным.

[3] L. Mabillis. Zwei Wiener Handschriften des Johannes Skylitzes. Breslau, 1890; П. Безобразов. Рецензия на книгу Л. Мабиллиса. ЖМНП, 1891, ноябрь; Ф. И. Успенский. Охридская рукопись куропалата Иоанна Скилицы. ИРАИК, т. 4, 1899, вып. 2; C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes. BZ, Bd. 13, 1904; idem. Weiteres zur Chronik des Skylitzes. BZ, Bd. 14, 1905; B. Prokić. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Skylitzes. München, 1906; Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. Berlin, 1958, Bd. I, S. 337.

скую рукопись к несколько более позднему времени — к началу XII в. К. де Боор, обследовавший ряд рукописей Скилицы, не знал о существовании охридской рукописи. В настоящее время рукопись утеряна.

2. Венская № 35, которую К. де Боор относил к первой половине XII в., а более осторожный П. В. Безобразов — к концу XII в. [4]

3. Коаленевская № 136 (XII в.), на основании которой изданы предисловие, разночтения и продолжение хроники Скилицы в боннском издании Георгия Кедрина.

4. Мадридская № 2 (XIII в.), украшенная миниатюрами и содержащая ряд вставок, представляющих собою стихотворения, посвященные Льву VI, Константину VII, Феофано, Никифору II Фоке и другим [5].

5. Венецианская (Marc. Cl. VII, col. 12), которую П. В. Безобразов относил ко времени около 1283 г. [6].

6. Венская № 74 (XIII—XIV вв.), с многочисленными пропусками, а также содержащая вставки, принадлежащие епископу Михаилу (Девольскому?) [7].

7. Неаполитанская III. B. 24 (XIV в.).

8. Ватиканская № 161 (XIV в.), по которой сделан перевод Габия.

9. Миланская (Ambros. 912, XIV в.).

Кроме того, известен ряд рукописей XIV—XVII вв., большинство из которых представляют собой лишь копии какой-либо из указанных выше рукописей. Так, например, существует не менее семи рукописей, зависящих от мадридской [8].

Хроника Скилицы — это продолжение хроники Феофана, начинающееся с того места, где останавливается Феофан, — с 811 г. Вопрос о том, каким хронологическим моментом завершалась хроника Скилицы, решается не так просто.

Уже давно было высказано предположение, что хроника Скилицы существовала в двух редакциях: одна из них, более краткая, заканчивалась провозглашением Исаака I Комнина императором (1057 г.), вторая же доводила повествование до воцарения Никифора III Вотаниата

[4] П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 231; C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes, S. 356.

[5] C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 411. Полный текст трех стихотворений, посвященных Льву VI, издан (правда, по поздним рукописям) П. В. Безобразовым (указ. соч., стр. 233 сл.). Об иллюстрациях к этой рукописи см. Н. П. Кондаков. Греческие изображения первых русских князей. «Сборник в память св. равноапостольного князя Владимира», вып. I. Пг., 1917, стр. 10 сл.; N. Mavrodinov. Le dessin byzantin d'après les miniatures de la chronique de Skylitzès «Sixième congrès international d'études byzantines. Résumés». Paris, 1940, p. 224 (к сожалению, это лишь краткое резюме).

[6] П. В. Безобразов. Указ. соч., стр. 232.

[7] Б. Прокић. Јован Скилица као извор за историју Маћедонске словенске државе. «Глас Срп. Акад.», 84, 1910. Други разред № 50, стр. 76 нсл. Ср. Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 426 f.

[8] C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 420. См. также V. Laurent. «L'histoire byzantine» de Georges Pachymère. Byz., vol. 6, 1931, p. 357. Помимо полного текста, сохранились эксцерпты из хроники Скилицы, с которыми мы имели возможность познакомиться благодаря любезности проф. М. Ришара по микрофильму туринской рукописи [Turin. Bibl. nat. 203 (B. V. 13) XV—XVI вв., лл. 556 об.— 576]. В туринской рукописи эти эксцерпты примыкают непосредственно к хронике Феодора Скутариота (см. Georgii Acropolitae Opera, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, vol. I, 1903, p. 302. 14 = Турин. рукоп., л. 556 об.) и предваряются небольшим введением, озаглавленным Περὶ τοῦ ἔθνους τῶν Τούρκων. Далее следуют четыре отрывка из Скилицы (с некоторыми сокращениями и соединительными связками): о турках, печенегах, о нападении испанских арабов на Крит и о грузинах. О туринской рукописи см. также С. Г. Каухчишвили. Туринская компиляция (на груз. яз.). «Изв. Тбилис. ун-та», т. 4, 1924, стр. 351 сл. Ни один из этих отрывков, содержащих подчас интересные разночтения, не относится к избранному нами периоду.

(1078 г.) или даже Алексея I Комнина (1081 г.). Рукописи распространенной редакции давно уже были известны; так, коаленевская и охридская рукописи доходили до правления Никифора Вотаниата; в надписании венской рукописи № 35 указывалось, что она доведена до воцарения Алексея Комнина. Что же касается рукописей краткой редакции, то они не были известны вплоть до самого конца XIX в. Однако и тогда уже высказывались два соображения в пользу существования краткой редакции хроники Скилицы:

1) хроника Кедрина, рабски следующая за Скилицей, доходит до 1057 г.;

2) византийский писатель Феодор Газа в сочинении «О происхождении турок» отметил, что Скилица (Σκύλαξ) рассказывал о событиях от Никифора I до воцарения Исаака Комнина [9].

Предположение о существовании краткой редакции хроники Скилицы отверг К. Крумбахер, утверждавший, что Кедрин довел свою хронику только до 1507 г. не потому, что на этом годе обрывалась рукопись Скилицы, но по своей собственной воле: ведь если бы он хотел продолжать далее, в его распоряжении были другие источники, например сочинение Атталиата. Далее, по мнению К. Крумбахера, Феодор Газа спутал хроники Кедрина и Скилицы, приняв хронику Кедрина за хронику Скилицы [10].

Однако дальнейшие исследования выяснили несостоятельность точки зрения К. Крумбахера. К. де Боор показал, что неаполитанская рукопись Скилицы действительно доходит лишь до воцарения Исаака Комнина [11]; детальное изучение венской рукописи привело его к выводу, что имя «Алексей» в надписании этой рукописи вписано на месте стертого «Исаак»; значит, и этот текст первоначально доходил лишь до воцарения Исаака Комнина [12]. Таким образом, первоначально Иоанн Скилица написал хронику, охватывающую период от 811 до 1057 г. [13] В дальнейшем один из читателей (переписчиков) Скилицы сделал на полях своего экземпляра ряд интересных пометок; эти пометки сохранились в венской рукописи № 35. В них мы нередко находим критические замечания в адрес Скилицы. Так, Скилица пишет, что будущему императору Константину VIII в момент вступления на престол Иоанна Цимисхия было пять лет. К этому месту анонимный читатель делает следующую пометку: «Как же ты говоришь, что Константину было пять лет, если по твоим словам [Никифор] Фока правил 6 лет и 4 месяца, да и [как могло ему быть пять лет] в XIII индикт, когда ты сам писал, что он родился в четвертом?» [14].

Анонимный читатель не ограничивается только внутренней критикой текста Скилицы, а отмечает и его расхождения с другими историками;

---

[9] PG, t. 161, col. 997. C.

[10] K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 365. См. русский перевод: В. Н. Бенешевич. Очерки по истории Византии, вып. III. СПб., 1913, стр. 109.

[11] C. de Boor. Weiteres zur Chronik..., S. 410.

[12] C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes, S. 357.

[13] Ср. Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 336. К сожалению, в работах советских историков предпочтение обычно отдается гипотезе К. Крумбахера (см. А. Д. Люблинская. Источниковедение средних веков. Л., 1955, стр. 272). Это относится даже к специальной работе П. О. Карышковского («Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе». ВВ, VI, 1953, стр. 42), несмотря на то, что в ней мы находим ссылки на труды К. де Боора. Ср. также: П. О. Карышковский. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава. КСИС, вып. 9, 1952, стр. 53 сл.

[14] C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes, S. 360 f.

так, Скилица указывает, что Василий II был коронован в декабре — анонимный читатель исправляет эту дату, ссылаясь на известие Феодора Севастийского — автора, сочинение которого не дошло до нас [15].

По мнению К. де Боора, этот экземпляр с пометками был использован Михаилом Атталиатом; затем «История» Атталиата в свою очередь послужила источником «Продолжателю Скилицы», который присоединил к краткой редакции хроники описание событий 1057—1079 гг. [16] Впрочем, эта часть хроники в данной связи нас не интересует.

Переходим к рассмотрению вопроса об источниках хроники Скилицы в тех частях ее, которые относятся к 945—976 гг. Для разрешения этого вопроса на первый взгляд первостепенное значение должно иметь предисловие к хронике Скилицы, где автор останавливается на характеристике сочинений своих предшественников.

В предисловии Скилица отзывается с похвалой о хрониках Георгия (Монаха или Амартола) и Феофана, которые, по его мнению, представляют собой образцовые сочинения беспристрастных историков, рисующих большие исторические полотна. После них, продолжает Скилица, никто уже не создавал подобных трудов, хотя отдельные писатели и пытались это сделать, как, например, Сикелиот или современник Скилицы ипат философов Пселл и кое-кто еще [17]. Но попытки их не были удачны: некоторые составляли только перечень императоров и ограничивались заметками о том, кто после кого вступал на престол; иные же останавливали свое внимание на частных проблемах: один сочинял похвалу императору, другой возводил хулу на патриарха, третий прославлял друга, и под видом исторического сочинения каждый преследовал собственную цель [18].

Скилица называет имена этих историков. Среди них — Никита Пафлагон, известный писатель и ересиарх конца IX — начала X в., составитель «хулы на патриарха» Фотия; Лев Азиат, в котором обычно видят Льва Диакона, автора сочинения, посвященного истории императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия [19]; Иосиф Генесий, тождество которого с автором «Книги царей» вызывает некоторые сомнения [20]. Многие из названных Скилицей историков известны нам лишь по именам; таков Мануил, посвятивший историческое сочинение в восьми книгах Иоанну Куркуасу, византийскому полководцу середины X в., — его, видимо, подразумевает Скилица, когда говорит о «прославлении друга». Очень мало известно нам и о Феодоре Севастийском, современнике Василия II: три отрывка, сохранившиеся от его сочинения, затрагивают правление Василия II, прославлению которого, видимо, и был посвящен его труд [21]. Еще меньше мы знаем о других историках, названных Скилицей.

---

[15] I b i d., S. 361 и особенно A. 1.

[16] C. d e B o o r. Weiteres zur Chronik..., S. 462 ff. В отличие от К. де Боора Б. Прокич («Јован Скилица...», стр. 67) считал, что автором «Продолжения» был сам Скилица. Доказать это невозможно (Прокичу удалось показать лишь, что автором «Продолжения» был современник событий); самое же наличие двух частей хроники и Б. Прокич не ставит под сомнение.

[17] Ф. И. У с п е н с к и й. Указ. соч., стр. 3. 1—4.

[18] Там же, стр. 3. 6—8 и 16—19.

[19] K. K r u m b a c h e r. Op. cit., S. 266. Серьезные возражения против этого отождествления высказывает М. Я. Сюзюмов («Об источниках Льва Диакона и Скилицы». ВО, т. 2, 1916, вып. 1, стр. 112, прим. 3).

[20] Ф. Ш т е й н м а н. Вопрос о личности автора «Истории царей» Генесия. ВВ, XXI, 1914, стр. 16 сл.

[21] C. d e B o o r. Zu Johannes Skylitzes, S. 361, A. 1.

Итак, Скилице был, несомненно, известен ряд византийских историков, сочинения которых в значительной части утеряны. Но использовал ли Скилица сочинения этих историков — вот существенный вопрос, на который предисловие к хронике не дает ответа. Во всяком случае, можно утверждать что Скилица *не* использовал направленного против Фотия «Жития патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона; нет в его хронике и следов использования сочинения Мануила о Куркуасе; деятельность патриархов Фотия и Игнатия и деятельность Иоанна Куркуаса изложены Скилицей в точном соответствии с хроникой Продолжателя Феофана, которая была его основным источником для времени от 811 до 945 г. То же самое относится и к более поздним историкам: то немногое, что мы знаем о Феодоре Севастийском, свидетельствует о наличии известных расхождений между ним и Скилицей [22].

Таким образом, нет оснований предполагать, что названные Скилицей историки были действительно использованы им при составлении хроники. К тому же из самого предисловия видно, что Скилица говорит о них с осуждением, подчеркивая их тенденциозность [23].

Мы уже говорили, что первая часть хроники Скилицы представляет собой переработку хроники Продолжателя Феофана (ее первых трех частей); возможно, что в некоторых главах Скилица использовал Генесия. Незначительные вставки в этот текст иной раз — плод фантазии Скилицы (например, судьба Амория после взятия его арабами [24]), иногда сомнительны (рассказ об учителе Льва Математика Михаиле Пселле Старшем [25]) и лишь в немногих случаях более достоверны, нежели соответствующие известия Продолжателя Феофана. Таков в первую очередь рассказ Скилицы об убийстве Василием Македонянином императора Михаила III, выгодно отличающийся от тенденциозного описания событий в хронике Продолжателя Феофана [26].

Если история правления Василия I и Льва VI изложена Скилицей в соответствии с хроникой Продолжателя Феофана, то уже в повествовании об Александре, малолетстве Константина VII и Романе I Лакапине мы обнаруживаем значительные дополнения, свидетельствующие об использовании Скилицей, помимо этой хроники, еще и другого источника. Эти дополнения относятся по преимуществу к истории болгаро-византийской войны и содержат иные версии сражений при Ахелое и Катасиртах [27].

Начиная с падения Романа Лакапина, Скилица перестает пользоваться хроникой Продолжателя Феофана; возможно, что условно приписываемое Дафнопату сочинение [28] не входило первоначально в состав этой хроники. Эта вторая часть хроники Скилицы, охватывающая 945—976 гг., и является в настоящей статье предметом исследования. Последняя часть хроники Скилицы не имеет точек соприкосновения с «Историей» Льва Диакона и выходит за пределы избранной нами темы.

---

[22] Предположение М. В. Левченко («Очерки по истории русско-византийских отношений». М., 1956, стр. 278), следующего за В. Г. Васильевским, будто Скилица использовал труд Феодора Севастийского, ни на чем не основано.

[23] Традиционное представление о том, что в предисловии Скилица приводит «имена использованных им писателей», повторено и в работе П. О. Карышковского («Балканские войны...», стр. 44).

[24] F. Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 369.

[25] Е. Э. Липшиц. Византийский ученый Лев Математик. ВВ, II, 1949, стр. 130.

[26] F. Hirsch. Op. cit., S. 370.

[27] Ibid., S. 372.

[28] См. об этом: А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. ВВ, XIX, 1961, стр. 91 сл.

Этот период (945—976) освещен также и в поздних хрониках, которые, однако, не прибавляют в соответствующих частях почти ничего существенного в сравнении со Скилицей, ибо их авторы для описания событий 811—1057 гг. опираются именно на хронику Скилицы.

Это в первую очередь относится, как мы уже знаем, к хронике Георгия Кедрина, составленной на рубеже XI—XII вв. и охватывающей период от сотворения мира до 1057 г. Эта хроника — почти механическая копия некоторых сохранившихся до нашего времени источников. Для ранней части хроники Кедрина основным источником была хроника Псевдо-Симеона, а не хроники Георгия Амартола и Феофана, как в свое время утверждал Ф. Гирш [29]. Последняя же часть хроники Кедрина (811—1057) есть не что иное, как пересказ Скилицы. При этом можно заметить, что текст хроники Кедрина несколько больше отклоняется от хроники Продолжателя Феофана, чем текст Скилицы: те места, в которых Скилица более подробен, нежели Кедрин, имеются и у Продолжателя Феофана; добавления к тексту Скилицы, которые мы обнаруживаем у Кедрина, отсутствуют и у Продолжателя Феофана. Впрочем, К. де Боор отметил, что расхождения между и з д а н н ы м текстом Кедрина и рукописями Скилицы объясняются несовершенством той фуггеровской рукописи, по которой был издан Кедрин: лучшие рукописи не содержат этих расхождений [30]. Итак, хроника Кедрина не сообщает какого-либо нового материала, отличного от данных Скилицы, и имеет значение лишь для текстологической критики византийских хроник.

Хроника Иоанна Зонары, видного сановника XII в., сохранившаяся в огромном числе рукописей (их известно свыше сорока), начинается с сотворения мира; в соответствующих частях она представляет собой сокращенную переработку хроники Скилицы [31]. Отдельные вставки редко имеют серьезное значение. Из таких вставок следует отметить в первую очередь полемическое замечание о происхождении императора Василия I: Зонара полемизирует с официозной в X в. версией о происхождении Василия от Арсакидов и подчеркивает, что император был сыном незнатных родителей (IV, p. 17, 21).

Другая вставка содержится в той части хроники Зонары, которая посвящена правлению императора Романа Лакапина. Зонара, опуская рассказ Скилицы о восстании под руководством Василия Медной руки, вставляет на его место подробное повествование о низложении малограмотного патриарха Трифона, которого обманом заставили подписать отречение [32]. Вслед за тем Зонара вступает в прямую полемику со своим основным источником. Продолжатель Феофана и следующие за ним хронисты рассказывают, что в 941 г. русский князь Игорь совершил набег на Византию, приведя к Босфору флот, состоявший из 10 тыс. кораблей [33]. В отличие от них Зонара пишет: «Флот состоял не из 10 тысяч кораблей, как говорят (ὡς λέγεται), но количество кораблей достигало 15 тысяч» (IV, p. 63. 6—8). Весьма вероятно, что для времени Романа Лакапина

---

[29] F. H i r s c h. Op. cit., S. 376. См. K. P r a e c h t e r. Quellenkritische Studien zu Kedrenos (Cod. Paris. 1712). SBAW, phil.-hist. Kl., II, 1897; K. S c h w e i n b u r g. Die ursprüngliche Form der Kedrenchronik. BZ, Bd. 30, 1929—1930, S. 76; Gy. M o r a v c s i k. Op. cit., Bd. I, S. 273 f.

[30] C. d e B o o r. *Weiteres zur Chronik...*, S. 431, 434.

[31] J o a n n i s Z o n a r a e Epitome historiarum, ed. L. Dindorfius. Lipsiae, 1868—1875. См. о нем: П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Балканские войны..., стр. 59 сл.; Gy. M o r a v c s i k. Op. cit., Bd. I, S. 344 f.

[32] См. об этом: А. П. К а ж д а н. «Великое восстание» Василия Медной руки. ВВ., IV, 1951, стр. 75.

[33] T h e o p h a n e s C o n t i n u a t u s. Bonnae, 1838, p. 423.16.

Зонара пользовался каким-то источником, передавшим известия, отличные от рассказа хроники Скилицы. Кто был этим автором и каковы были его политические убеждения, на основании кратких фрагментов установить, разумеется, невозможно.

Для целей нашего исследования чрезвычайно существенным представляется наличие в повествовании Зонары ряда вставок о правлении Никифора Фоки [34], к анализу которых мы еще возвратимся в свое время. Однако в целом и этот период освещен на основании хроники Скилицы, которую Зонара местами сокращает, выбрасывая то, что уже не может заинтересовать современных ему читателей.

В значительно большей степени, нежели Зонара, являются простыми компиляторами другие, более поздние хронисты: Михаил Глика, Константин Манасси, Иоиль и Ефрем. Они компилируют известные нам источники — Скилицу и Зонару, а немногочисленные вставки в их сочинениях не имеют существенного значения [35].

Таким образом, сочинения поздних хронистов ничего не прибавляют к повествованию Скилицы, за исключением одного только Зонары, который, хотя и опирается в основном на текст Скилицы, все же привлекает какие-то иные источники для истории Василия I, Романа Лакапина и Никифора Фоки.

Переходим теперь к анализу самого текста Скилицы. Как показал М. Я. Сюзюмов [36], Скилица использовал два источника, различающиеся между собой преимущественно своим отношением к Никифору Фоке: один (источник *А*, как называет его М. Я. Сюзюмов) передавал враждебную этому императору традицию, другой (источник *Б*) — благожелательную.

Основную часть хроники Скилицы (за 945—976 гг.) характеризует неблагоприятное отношение к Никифору Фоке, ко всему роду Фок и поддерживавшему этот род императору Константину VII. В хронике Скилицы мы находим очень резкую характеристику Константина VII как вялого правителя, пристрастного к вину, беспощадно каравшего за малейшие преступления (II, p. 325. 19—23). Единственная добродетель Константина, которую признает Скилица, — его образованность и занятия науками (II, p. 326. 8—13). Особенно резко порицает Скилица Константина за то, что он не подбирал высших сановников *по знатности* (οὐκ ἀριστίνδην), но первому попавшемуся (τῷ παρατυχόντι) вручал высшие военные и гражданские должности (II, p. 325. 23—326. 3). Любопытное дополнение к этому месту мы находим у Зонары, который говорит, что Константин VII продавал должности (IV, p. 67. 25).

Такая критическая характеристика Константина VII нуждается в объяснении. Мы могли бы ожидать критического отношения к Константину со стороны тех кругов, интересы которых выражал в свое время Роман Лакапин, — со стороны высшего константинопольского чиновничества. Но Скилица в части, посвященной Константину VII, передает традицию, враждебную Роману Лакапину, что проявляется прежде всего в отрицательной характеристике патриарха Феофилакта, сына и ставленника Романа I (II, p. 332. 10 sq.).

Далее, неожиданным оказывается утверждение Скилицы о том, что Константин VII был якобы враждебен интересам знати; это утверждение противоречит не только той характеристике, которую дает Константину

---

[34] G. Wartenberg. Leo Diaconus und die Chronisten. BZ, Bd. 6, 1897, S. 301.

[35] См. о них: П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 62 сл.; Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 430 f., 353 f., 348 f., 256 f.

[36] М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы, стр. 107 сл. Ср. П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 46.

«Дафнопат», не только той тенденции, которая прослеживается в сочинениях историков, близких к Константину (Продолжатель Феофана), но и собственным высказываниям Константина в «Жизнеописании Василия» [37].

Это противоречие объясняется, как нам кажется, тем, что Скилица (или, вернее, его источник *A*) критикует политику Константина с аристократических позиций, с позиций человека, для которого политика Константина оказалась уже недостаточно аристократической. Аристократизм источника *A* особенно резко проявляется во враждебном отношении к Феофано, супруге Романа II: Скилица подчеркивает ее низкое происхождение (II, p. 329. 9), приписывает ей подготовку отравления Константина VII (II, p. 337. 3—6), обвиняет ее в убийстве Стефана, сына Романа Лакапина (II, p. 346. 18—20).

Естественно, что источник *A* резко отрицательно относится к крупнейшим вельможам Константина VII: о Константине Гонгиле, например, он говорит как о женоподобном человеке, как о неопытном в военных делах царедворце, наделавшем много ошибок во время своего похода на Крит (II, p. 336. 9—10) [38].

Как мы уже отметили, источник *A* неблагосклонно относится к Фокам: Варда Фока, заявляет, например, Скилица, «не совершил ничего достойного упоминания» (II, p. 330. 4). О Мануиле Фоке, посланном во главе войск в Сицилию, Скилица говорит, что ему пристало скорее служить стратиотом (рядовым), чем стратигом (II, p. 360. 11—12). Но с особенной враждебностью отзывается Скилица о Никифоре Фоке. Он говорит, что Никифора толкало к захвату императорского престола давнишнее желание присвоить власть, сочетавшееся со страстью к презренной дочери торговца — Феофано (II, p. 348. 13—15); он изображает Никифора лицемером, считая удаление Феофано притворством (II, p. 351. 14—15). Он приводит список совершенных Никифором преступных дел: Никифор поощрял распущенность стратиотов и разрешал им грабить константинопольских горожан; во время походов взимал чрезмерные поборы; уменьшил размеры раздач, которые получали церкви и члены синклита; запретил церквам расширять их земельные владения; запретил назначать епископов без своего согласия; ввел испорченную монету (тетартерон) и т. п. (II, p. 367 sq.). В результате этого он сделался для всех ненавистным и был вынужден, опасаясь покушения, окружить свой дворец стеной (II, p. 369. 20—21).

В хронике Зонары мы находим несколько дополнительных замечаний, которые еще сильнее подчеркивают враждебное отношение автора к Никифору Фоке [39]. Зонара подчеркивает, что первоначальный отказ Никифора от предложенной ему короны был лицемерным (IV, p. 76. 10); еще большее внимание уделяет он эротическому элементу в истории захвата престола Никифором (IV, p. 78. 14. p. 79. 27 и др.). Он сообщает далее о замысле Никифора оскопить сыновей Романа II, чтобы лишить их возможности иметь наследников и тем самым закрепить императорскую власть за родом Фок (IV, p. 89. 18). Гораздо более подробно останавливается Зонара на преступных деяниях Никифора: очень детально повествует он об увеличении податного гнета (IV, p. 82. 11—23). По-

[37] Theoph. Cont., p. 456. 14.

[38] М. Я. Сюзюмов (указ. соч., стр. 132) необоснованно считает, что рассказ об экспедиции Гонгила почерпнут Скилицей из источника *Б*, благоприятного по отношению к Фокам.

[39] G. Wartenberg. Op. cit., S. 301; М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 133 сл.; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 62.

видимому, источник *А* был известен и Зонаре, изложение которого в отдельных местах, может быть, ближе к оригиналу, чем изложение Скилицы.

Таким образом, возможно видеть, что хроника Скилицы чрезвычайно широко использует источник *А*, не дошедший до нас; этот источник был пронизан тенденцией, враждебной Фокам, причем критика Фок и близких к ним лиц велась с аристократических позиций.

Чтобы уточнить политические симпатии автора источника *А*, мы должны обратить внимание на то, что его любимым героем является патриарх Полиевкт. Скилица подчеркивает мудрость и нестяжательство патриарха (II, p. 334. 8), восхищается его смелым выступлением против жадности многочисленной родни Романа Лакапина (II, p. 334. 16—17), его сопротивлением императору Никифору Фоке (II, p. 352.2—6), его мужественным поведением после переворота Иоанна Цимисхия (II, p. 380. 6—10). Таким образом, весьма вероятно, что автор симпатизирует патриарху Полиевкту и его политическим взглядам.

Более сдержанно, но явно благосклонно говорит Скилица о преемнике Никифора Фоки — знатном феодале Иоанне Цимисхии. Скилица не только подробно рассказывает о военных успехах Цимисхия, но и с одобрением отзывается о его покорности патриарху Полиевкту (II, p. 380. 10), о том, как Цимисхий, едва придя к власти, немедленно сослал Феофано (II, p. 380. 18—19), о щедрости Цимисхия к беднякам (II, p. 381. 7—8).

Мы могли бы допустить, что с приходом Иоанна Цимисхия к власти, когда укрепилось могущество и влияние провинциальной феодальной аристократии, та политика централизации и укрепления государственного аппарата и общеимперского войска, которую проводили и Константин VII, и Никифор Фока (опиравшиеся к тому же в известной степени на мелких феодалов) [40], оказалось совершенно не удовлетворяющей верхушку феодальной знати. Интересы крупных феодалов как раз и отразились в источнике *А*, направленном против Константина VII и Никифора Фоки и прославляющем патриарха Полиевкта, активного защитника крупного церковного землевладения. С этим прославлением Полиевкта хорошо гармонирует и тот факт, что Скилица осуждает Никифора II именно за его выступления против земельных богатств церкви.

Следовательно, один из источников Скилицы для истории 945—976 гг. (источник *А*) отражал интересы феодальной знати, причем, может быть, более точно было бы говорить о его церковном характере [41]. Защищая интересы крупной знати, в частности церковной, источник *А* отрицательно оценивает деятельность константинопольских сановников, которых он обвиняет в ограблении провинций (II, p. 357. 18).

Мы не в состоянии ни точно восстановить очертания этого источника, ни назвать его автора. Относительно же времени его составления можно высказать следующие соображения. Автор источника *А* жил либо в конце X, либо в начале XI в. — иначе он не мог бы описать события середины X столетия и в то же время послужить источником для Скилицы. Для уточнения этой датировки следует обратить внимание на то, что период правления Константина VII был известен автору источника *А* недостаточно хорошо, и в описании событий этого времени автор допускал грубые хронологические ошибки. Так, например, у Скилицы мы находим известие о том, что «рука Иоанна Предтечи» была перенесена из Антиохии в Константинополь в первый год патриаршества Полиевкта (II, p. 335. 10—18).

[40] Ср. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 413.

[41] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 127 сл.; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 49.

Однако это противоречит известию Феодора Дафнопата, современника празднества и автора специального «Слова на перенесение руки Иоанна Предтечи»: по словам Дафнопата, это событие произошло 5 января при патриархе Феофилакте (умер 27 февраля 956 г.)[42]. Мы могли бы предположить, что автор источника *А* рассказывает о перенесении «руки Иоанна Предтечи» (5 января 956 г.) не на основании каких-либо письменных источников, а по личным воспоминаниям, хотя и весьма смутным; в результате он смешал с патриархом Феофилактом своего любимого героя Полиевкта, вступившего на патриарший престол лишь некоторое время спустя после переноса мощей. Весьма возможно, что автор источника *А* был в то время мальчиком и что он, следовательно, родился около 945 г.

Если это допущение верно, то автор был современником Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Это подтверждается и содержанием хроники Скилицы: ее подробный и обстоятельный рассказ о правлении этих императоров, несомненно, восходит к известиям современника. Таким образом, мы приходим к вероятному предположению, что источник *А* был составлен около 1000 г.

Хроника Скилицы содержит и другую версию событий, восходящую, как уже было сказано, к источнику *Б*. Существование двух версий, а следовательно, и двух источников, проявляется прежде всего в раздвоении рассказа, в наличии в нем противоречий. Так, заявив прежде всего, что Варда Фока не совершил ничего достойного упоминания (II, p. 330. 4), Скилица, тем не менее, немного спустя рассказывает об успешном походе Варды Фоки против агарян (II, p. 336. 1—3); сообщив о смерти болгарского царя Петра (II, p. 347. 1) [43], Скилица уже после этого передает содержание письма, направленного Никифором II Петру Болгарскому (II, p. 372. 5) [44]. В ряде случаев Скилица приводит версии обоих своих источников: так, он передает две версии смерти Романа II (II, p. 345. 2—4), две версии переворота 963 г. (II, p. 348. 12) и т. д. Наконец, в отдельных случаях наличие второго источника Скилицы проявляется в том, что некоторые известия (преимущественно известия о деятельности Фок) предваряются вводными словами. Такова, например, большая вставка о Варде Фоке и его сыновьях, начинающаяся словами: «Как мы сказали» (II p. 330. 3—332. 3). К этой же группе вставок из источника *Б* принадлежит, по-видимому, и пространный отрывок, который содержит неожиданно подробное описание итало-византийских отношений, начиная со времени Василия I (II, p. 353. 12—356. 5). Эта вставка вводится словами 'αλλ' 'αναγκαῖον εἰπεῖν («необходимо поведать») и уделяет большое место *действиям Никифора Фоки Старшего в Италии* [45].

Источник *Б* отличается от источника *А* благожелательным отношением к Фокам. Если автор источника *А* писал, что Варда Фока не совершил ничего, достойного упоминания, то источник *Б* рассказывал о победах Варды Фоки. Это расхождение особенно отчетливо проявилось в рассказе о перевороте 963 г., когда одна версия (источник *А*) рисует Никифора Фоку человеком, давно уже стремившимся овладеть престолом и прекрасной Феофано, а другая (источник *Б*) представляет константино-

[42] В. В. Латышев. Две речи Феодора Дафнопата. «Православный Палестинский сборник», т. IX, 1910, стр. LXI—LXIII.

[43] Он умер 30 января 969 г. (В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните векове, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 592, бел.).

[44] П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 45, прим. 2. Ф. Дэльгер относит это письмо к июню 967 г. (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. I. München und Berlin, 1924, № 710).

[45] См. об этом: H. Grégoire. La carière du premier Nicéphore Phocas. «Προσφορὰ εἰς Στ. Κυριακίδην». Θεσσαλονίκη, 1953, p. 252 sq.

польского сановника Иосифа Врингу виновником междоусобной войны, Никифора же заставляет принять императорскую власть лишь под давлением его полководцев.

Благожелательная по отношению к Фокам версия событий сохранилась и в некоторых других памятниках, которые, возможно, также восходят к источнику *Б*. К числу этих памятников относится прежде всего «История» Льва Диакона.

Лев Диакон является автором «Истории в X книгах», сохранившейся в единственной парижской рукописи № 1712; его сочинение впервые было издано Б. Газе в 1819 г. [46] Имеющий серьезное значение для древнейшей истории Руси труд Льва Диакона был уже на следующий год переведен на русский язык [47].

В своем сочинении Лев Диакон сообщает о себе некоторые сведения: он родился в малоазийском селении Калой, в плодородной долине у подножья Тмола, учился в Константинополе, где был рукоположен в диаконы (p. 5), и принимал участие в губительном походе Василия II на болгар, которые разгромили армию византийского императора в Ихтиманском проходе в 986 г. (p. 172. 24). Льву Диакону, помимо «Истории», принадлежит также «Похвальное слово» императору Василию II, опубликованное И. Сикутрисом; издатель датировал его 980 г. и считал, что там имеются намеки на восстание Варды Склира в 976 г. [48].

В. Фишер отождествлял Льва Диакона со Львом Азиатом (или Карийцем), упомянутым в предисловии к хронике Скилицы [49]. Для этого отождествления В. Фишеру пришлось допустить известную натяжку, ибо Калой расположен не в Карии, хотя и неподалеку от ее границ. Предположение В. Фишера, ставшее традиционным, попытался пересмотреть М. Я. Сюзюмов [50]. В настоящее время вопрос этот остается открытым; во всяком случае из упоминания Льва Азиата в предисловии к хронике Скилицы мы еще не можем сделать вывод, что «История» Льва Диакона послужила источником хроники Скилицы.

«История» Льва Диакона охватывает время правления трех императоров: Романа II, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (959—976), затрагивая также и начало царствования Василия II. Лев прямо говорит, что он не считал нужным излагать историю правления Константина VII, так как она была уже описана в большом числе исторических сочинений (*p. 5. 14—19*). *Какие исторические сочинения он имел в виду, установить*, разумеется, трудно: Лев вполне мог читать сочинение Феодора Дафнопата, составившее в дальнейшем последнюю часть хроники Продолжателя Феофана; однако сочинение Дафнопата охватывало и время Романа II. Вряд ли мог он иметь в виду и хронику Симеона Логофета, завершающуюся событиями 948 г., т. е. первыми годами правления Константина VII (945—959). Остается предположить, что такие исторические сочинения действительно существовали, но не дошли до нашего времени, хотя не исключена возможность и того, что это заявление Льва является просто риторической фразой, подражающей какому-то древнему образцу

---

[46] Мы пользуемся боннским изданием: Leonis Diaconi Historiae libri X. Bonnae, 1828.

[47] История Льва Диакона, перевод Д. Попова. СПб., 1820.

[48] I. Sykutris. Λέοντος τοῦ Διακόνου ἀνέκδοτον ἐγκώμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β'. ΕΕΒΣ, т. 10, 1933, σελ. 431 ἑξ.

[49] W. Fischer. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diaconus und Michael Psellos. «Mitteilungen des Instituts für österr. Geschichtsschreibung», Bd. 7, 1886, S. 376. Так и П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 47.

[50] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 112, прим. 3.

и служащей формальным оправданием выбранного Львом исходного момента повествования.

Большие трудности порождает вопрос о времени составления «Истории» Льва Диакона. Твердый terminus post quem дает уже упомянутый нами рассказ о поражении Василия II в Ихтиманском проходе (986 г.). Попытки более точно определить время составления «Истории» были предприняты В. Фишером, который обратил внимание на рассказ Льва Диакона о землетрясении, разрушившем купол св. Софии, восстановленный Василием II лишь шесть лет спустя (p. 176. 4—7). Так как это землетрясение, по расчетам Фишера, следует отнести к 29 октября 986 г., то можно считать новым terminus post quem 992 г. [51] Расчеты В. Фишера были уточнены В. Розеном. По его мнению, упомянутое Львом Диаконом землетрясение имело место не в 986 г., как полагал В. Фишер, а в 989 г.; соответственно и дата восстановления купола св. Софии отодвигалась примерно к 995 г. Расчеты В. Розена относительно времени землетрясения и восстановления купола нашли серьезное подтверждение в источниках другого рода, оставленных им без внимания: исследуя греческие этимологиконы, А. И. Пападопуло-Керамевс пришел к выводу, что восстановление купола св. Софии следует отнести к 13 мая 994 г. [52]

Однако эту дату нельзя безоговорочно принять за terminus post quem. *М. Я. Сюзюмов убедительно показал, что весь пессимистический тон* «Истории» Льва Диакона заставляет относить ее завершение ко времени *до* успешных походов Василия II против болгар (991—995 гг.). Исходя из этого, он предлагал считать заметку о восстановлении купола св. Софии позднейшей вставкой [53].

Итак, наиболее вероятной датой окончания «Истории» Льва Диакона следует признать время между 989 г. (землетрясение) и 991 г. (начало успешных войн с болгарами).

Сочинение Льва Диакона испещрено восторженными похвалами Никифору Фоке. Автор называет его «мужем деятельным, отважным, опытным в делах воинских и силою непобедимым» (p. 7. 13—14). Он вырос в сражениях (p. 44. 3) и был любим своими воинами (p. 44. 1—2), которые ценили его личную храбрость (p. 29. 20—23) [54]. Подробно говорит Лев Диакон и о подвигах брата Никифора—Льва Фоки, называя его благородным и разумным (p. 18. 14) и утверждая, что божья помощь сопутствовала ему в битвах (p. 18. 16—18). Таким образом, общая тенденция «Истории» Льва Диакона чрезвычайно близка к общей тенденции источника *Б*. Естественно, что возникает вопрос о соотношении этих источников.

На сходство между Львом Диаконом и Скилицей обратил внимание уже издатель Льва Диакона Б. Газе, который в комментариях к изданию отметил ряд мест, где, по его мнению, Лев Диакон послужил источником Скилицы. Однако это мнение Б. Газе было подвергнуто критике Г. Вартенбергом, утверждавшим, что Лев Диакон передает совершенно не-

---

[51] W. Fischer. Op. cit., S. 355. Ср. также Н. П. Благоев. Критичен поглед върху известията на Лъв Дякон за българите. «Македонски преглед», т. 6, 1930, стр. 26.

[52] В. Розен. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883, стр. 225, прим. 176; А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории греческих этимологиков. ЖМНП, 1898, сентябрь, стр. 115; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 41.

[53] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 137 сл.

[54] П. Сырку. Византийская повесть об убиении императора Никифора Фоки. СПб., 1883, стр. 7 сл.

зависимую от Скилицы версию [55]. Однако даже проделанное Г. Вартенбергом сопоставление текстов Льва Диакона и Скилицы не может привести к тому произвольному выводу, который он сделал. В ряде случаев сам Г. Вартенберг оказывается вынужден признать сходство в повествовании обоих авторов: он отмечает сходные места в описании похода Никифора на Крит, переворота 963 г., убийства Никифора и в некоторых других эпизодах [56].

Неправильный вывод, к которому пришел Г. Вартенберг, объясняется трудностью, заключающейся в том, что даже в передаче одних и тех же эпизодов расхождение между Львом Диаконом и Скилицей все же было значительным и, в частности, местами Скилица приводил такие подробности, которых у Льва Диакона не было; короче говоря, нельзя было, не прибегая к натяжкам, признать в Льве Диаконе источник Скилицы, как чересчур поспешно предложил Б. Газе. Эта трудность была успешно разрешена М. Я. Сюзюмовым, который высказал предположение, что Лев Диакон и Скилица пользовались о б щ и м источником; при внимательном анализе оказалось, что «настроенный в общем враждебно к Никифору Скилица, наоборот, в тех местах, которые имеют сходство со Львом Диаконом, благоволит к императору и обнаруживает склонность оправдывать его» [57]. Иначе говоря, те места хроники Скилицы, которые по своей тенденции должны быть отнесены к источнику *Б*, обычно оказываются текстуально близкими к «Истории» Льва Диакона. А это позволяет предполагать, что Лев Диакон не только передает тенденцию, сходную с тенденцией источника *Б*, но и о п и р а е т с я на него.

Взгляды М. Я. Сюзюмова были приняты подавляющим большинством современных византинистов, в том числе и такими авторитетными исследователями, как Г. А. Острогорский, Ф. Дэльгер, Д. Моравчик [58]. Один лишь М. В. Левченко продолжал держаться старой точки зрения, полагая, что Лев Диакон был очевидцем описанных им событий или современником, писавшим на основании рассказов очевидцев, и что Скилица непосредственно пользовался сочинением Льва Диакона, привлекая, помимо того, другой ценный источник — возможно, работу Феодора Севастийского [59]. К сожалению, М. В. Левченко не рассматривает доводов Г. Вартенберга и М. Я. Сюзюмова, противоречащих его концепции, и не приводит собственной аргументации.

В 1953 г. вышло новое исследование, в котором вновь подробно рассматривался вопрос о соотношении Льва Диакона и Скилицы, — не раз уже цитированная статья П. О. Карышковского; автор этого исследования также принял все основные выводы М. Я. Сюзюмова. Если не говорить о некоторых деталях, новым в статье П. О. Карышковского было лишь признание того, что Лев Диакон пользовался подлинными документами — посланиями византийских политических деятелей [60].

[55] G. W a r t e n b e r g. Op. cit., S. 317.

[56] Ibid., S. 303, 304—305, 309.

[57] М. Я. С ю з ю м о в. Указ. соч., стр. 110.

[58] F. D ö l g e r. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kaisers Johannes Tzimiskes gegen die Russen. BZ, Bd. 32, 1932, S. 274; G. O s t r o g o r s k y. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 188, n. 1; Gy. M o r a v c s i k. Op. cit., Bd. I, S. 336. Впрочем, Д. Моравчик считает, что общим источником Льва Диакона и Скилицы мог быть даже «какой-то дневник военных действий» (Д. М о р а в ч и к. Κομέντον — печенежское или русское слово? «Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae», T. I. 1951, p. 227).

[59] М. В. Л е в ч е н к о. Указ. соч., стр. 279. О том, что Феодор Севастийский не был источником Скилицы, см. выше, стр. 110.

[60] П. О. К а р ы ш к о в с к и й. Балканские войны..., стр. 52. Ср. е г о ж е К истории балканских походов Руси при Святославе. КСИС, вып. 14, 1955, стр. 29.

Таким образом, может казаться, что вопрос об источниках Льва Диакона и Скилицы является решенным, однако мы постараемся показать, что это не совсем так. Принимая основной вывод М. Я. Сюзюмова о наличии общего источника для Льва Диакона и Скилицы, мы попытаемся по-иному определить как время составления этого памятника (источник *Б*), так и его характер и политическую направленность.

Описание правления Романа II в «Истории» Льва Диакона заполнено рассказами о подвигах Никифора и Льва Фок. Это позволяет догадываться, что в изложении событий до воцарения Никифора Фоки автор источника *Б* интересовался исключительно семейной историей Фок. Это предположение подтверждается некоторыми дополнительными фактами. «История» Льва Диакона содержит рассказ о поражении византийцев при Ахелое, происшедшем задолго до описываемых Львом событий — в 917 г. Внимание Льва Диакона к сражению болгар и византийцев при Ахелое не оправдано внутренней структурой его книги — оно объясняется исключительно тем, что византийскими войсками в этом сражении командовал Лев Фока Старший. При этом Лев Диакон стремится снять со Льва Фоки вину за поражение византийских войск (p. 122 sq.). Вслед за тем Лев рассказывает о восстании, поднятом Львом Фокой (p. 124. 15).

Естественно предположить, что история Льва Фоки Старшего была заимствована Львом Диаконом из источника *Б*, интересовавшегося, как мы уже знаем, судьбой Фок. Это тем более вероятно, что сходную трактовку событий, связанных с битвой при Ахелое, мы найдем и у Скилицы. Хотя в общем Скилица излагает историю начала X в. вслед за хроникой Продолжателя Феофана, у него наряду с «феофановской» версией этих событий (p. 285 sq.) [61] имеется и вставка, начинающаяся словом «говорят» (φασί) и изображающая виновником поражения при Ахелое Романа Лакапина (p. 287. 5sq.).

К версии битвы при Ахелое, изложенной в источнике *Б*, восходит, по-видимому, и рассказ Лиутпранда о том, что доместику Фоке удалось отбить натиск болгарского царя Симеона [62].

Далее, мы видели, что одна из вставок в хронике Скилицы, восходящая к источнику *Б*, посвящена подвигам Никифора Фоки Старшего, полководца императора Василия I, в Италии. У нас есть основания предполагать, что источник *Б* содержал о нем больше сведений, нежели сохранилось в данной вставке. Дело в том, что в середине X в. Никифор Фока Старший стал очень популярной фигурой: автор военного трактата «Об устройстве лагеря», изданного в приложениях к «Истории» Льва Диакона, передает несколько рассказов о военных подвигах Никифора Фоки Старшего [63]; составитель второй редакции хроники Симеона Логофета имел в своем распоряжении данные не только о подвигах, но и о личной жизни Никифора Фоки. Он внес в хронику Симеона Логофета, составленную до 963 г., ряд вставок, заимствованных из произведения, написанного после 963 г., когда Никифор стал императором [64]. В этом произведении большое внимание уделялось Никифору Фоке Старшему. Весьма вероятно, что этим произведением пользовался и анонимный автор трактата «Об устройстве лагеря». Таким сочинением, использованным и составителем второй редакции хроники Симеона Логофета, и автором трак-

---

[61] Ср. Theoph. Cont., p. 388 sq.

[62] Liudprand von Cremona. Die Werke. Hannover und Leipzig, 1915, S. 85 f.

[63] Leo Diac., p. 242. 2 sq.

[64] См. об этом: H. Gregoire. Op. cit., p. 240 sq.; А. П Каждан. Хроника Симеона Логофета. ВВ, XV, 1959, стр. 131.

тата «Об устройстве лагеря», был, скорее всего, источник *Б*. Возможно, наконец, что к этому же сочинению восходят подробности относительно Никифора и Льва Фок, сохраненные в «Ватиканском анониме» (Vatic. 163 [65]).

Если это так, то источник *Б* содержал сведения о Никифоре Фоке Старшем, о Льве Фоке Старшем, о Варде Фоке и его сыновьях Никифоре и Льве, т. е. представлял собою нечто вроде истории малоазийского феодального рода Фок; мы могли бы условно назвать его «Историей Фок» [66]. Эта «История Фок» начиналась по крайней мере с Никифора Фоки Старшего; его отец Фока также был упомянут.

Теперь следует выяснить, описанием каких событий это сочинение завершалось.

Бесспорно, «История Фок» затрагивала события 963 г. Хроника Скилицы, как мы уже знаем, сохранила две версии переворота 963 г.: одну — почерпнутую из источника *А*, и другую — благоприятную для Никифора и восходящую, следовательно, к источнику *Б*, к «Истории Фок». Эта благожелательная к Фокам версия отражена и в рассказе Льва Диакона, где вся ответственность за кровавые события в Константинополе возлагается на Иосифа Вринги. Наконец, сходная версия отражена еще в одном источнике — во вставке в книгу Константина Багрянородного «О церемониях», где содержится подробное и благоприятное для Никифора Фоки описание переворота 963 г. [67]

Благорасположение автора этой вставки (или его источника) к Никифору Фоке проступает прежде всего в характеристике действующих лиц: Никифор назван здесь благочестивым и христолюбивым императором (p. 434. 4), императорский титул он принимает (как и в источнике *Б*) против собственного желания (p. 434. 10). Наоборот, его противник Вринга наделен отрицательными чертами: он завистлив (p. 434. 17 и 435. 2), готов пойти на тайное убийство (p. 435. 6); близкие к Вринге люди прямо названы порочными (p. 435. 17).

Далее, мы можем видеть, что последовательность в описании событий, которую мы находим в книге «О церемониях», соответствует основным чертам повествования Скилицы — с тем существенным отличием, что в книге «О церемониях» отсутствует начало рассказа Скилицы, где шла речь о событиях до провозглашения Никифора императором. Оба источника рассказывают о походе Никифора в Хрисополь [68], о попытке Иосифа Вринги арестовать родственников Никифора и их бегстве [69], об угрозах Вринги поднять цены на хлеб [70], о разграблении домов [71] и т. д.

Впрочем, следует отметить, что текстуальные совпадения редки. Это обстоятельство может быть объяснено, в частности, тем, что Скилица передает чрезвычайно сокращенную версию событий.

---

[65] Отрывки из этой рукописи опубликованы в приложении к «Истории» Льва Диакона (Leo Diac., p. 418—432). См. о ней: С. Шестаков. О рукописях Симеона Логофета. ВВ, V, 1898, стр. 43 сл.; Gy. Moravcsik. Op. cit., Bd. I, S. 516.

[66] Не следует ли допустить, что из этой «Истории Фок» историк XI в. Михаил Атталиат заимствовал свои фантастические сведения о генеалогии Фок, которых он возводил к Константину Великому (Michaelis Attaliotae Historia. Bonnae, 1853, p. 217.19) и даже к «знаменитым Фабиям» (ibid., p. 218. 11—12)? Атталиат упоминает далее, что о Никифоре Фоке рассказывали многочисленные сочинения (ibid., p. 229. 4—5).

[67] Constantini Porphyrogeniti De cerimoniis aulae byzantinae. Bonnae, 1829, p. 433 sq.

[68] Ibid., p. 435. 11 (=Cedr., II, p. 348. 23).

[69] Ibid., p. 435. 6 sq. (=Cedr., II, p. 349. 4—7).

[70] Ibid., p. 436. 1 (=Cedr., II, p. 349. 14—17).

[71] Ibid., p. 437. 13 (=Cedr., II, p. 350. 1—2).

Хотя рассказ в книге «О церемониях» в целом гораздо более подробен, чем версия Скилицы, он все же содержит некоторые пропуски: в нем совершенно опущены все известия, относящиеся к деятельности Иоанна Цимисхия и паракимомена Василия Нофа, выступавших в 963 г. на стороне Никифора. Возможно, это объясняется тем, что вставка была составлена уже после убийства Никифора в 969 г., когда эти политические деятели выступили его противниками. Единственное и случайное упоминание Василия Нофа (p. 437. 21) позволяет догадываться, что в источнике, переработанном автором вставки, Василию было уделено известное место.

Итак, представляется весьма вероятным, что вставка в книге «О церемониях», посвященная описанию переворота 963 г., была составлена на основании данных «Истории Фок».

«История Фок» описывала переворот 963 г., но не завершалась его описанием. В пользу этого предположения говорит прежде всего сохранение Львом Диаконом благоприятной для Фок тенденции в рассказе о первой *половине правления Никифора Фоки. Это подтверждается и хроникой* Скилицы, где описание подготовки войны с Болгарией составлено на основании двух источников, ибо, как мы уже видели, известия о Петре Болгарском противоречивы.

М. Я. Сюзюмов полагал, что общий для Льва Диакона и Скилицы источник *Б* описывал не только историю царствования Никифора Фоки, но и правление Иоанна Цимисхия; более того, он даже был склонен считать, что для Скилицы в разделе, посвященном истории Цимисхия, именно источник *Б* был основным [72]. В соответствии с этим М. Я. Сюзюмов предпринял попытку определить время составления источника *Б*: по его мнению, враждебное отношение Льва Диакона и Скилицы к паракимомену Василию *в конце их повествований о правлении Цимисхия свидетельствует*, что источник *Б* был составлен уже после изгнания Василия, которое на основании известий Яхъи Антиохийского следует отнести к 985 г. [73] Итак, по мнению М. Я. Сюзюмова, источник *Б* был составлен после 985 г. *и доводил изложение по крайней мере до смерти Иоанна Цимисхия* (976 г.).

Однако этому суждению М. Я. Сюзюмова противоречит следующее обстоятельство: несмотря на то, что источник *Б* представлял собою «Историю Фок» (а это в той или иной степени склонны принять и М. Я. Сюзюмов, и П. О. Карышковский), ни у Льва Диакона, ни в хронике Скилицы после рассказа о смерти Никифора мы не найдем следов использования семейной истории рода Фок: даже когда речь идет о восстаниях Фок против Иоанна Цимисхия, мы не чувствуем, что симпатии авторов на их стороне.

Более того, нельзя допустить, что источник *Б* был составлен после переворота Цимисхия в 969 г.: если бы автор «Истории Фок» знал об убийстве Никифора Фоки клевретами Цимисхия, то было бы совершенно необъяснимым благожелательное отношение к Цимисхию в первых книгах «Истории» Льва Диакона и в восходящих к «Истории Фок» частях хроники Скилицы. Мы уже обращали внимание на то «очищение» рассказа *о событиях* 963 г. *от Цимисхия и Василия Нофа*, которое можно наблюдать в повествовании книги «О церемониях», — ни у Скилицы, ни у Льва Диакона этого нет. Значит, этого не было и в источнике *Б*. Следовательно, автор источника *Б еще не знал* об убийстве Никифора Фоки.

---

[72] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 133; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 48 сл.

[73] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 126; П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 48.

Такое наблюдение приводит нас к выводу, что «История Фок» написана до 969 г., а это значит, что она обрывалась на изложении истории правления Никифора Фоки. В пользу такого предположения можно привести еще несколько аргументов.

1. Составление «Истории Фок» естественно отнести к царствованию Никифора, который должен был проявлять интерес к истории своих предков. И наоборот, чрезвычайно трудно ожидать появления подобного сочинения в правление Василия II (976—1025), враждебно относившегося к Фокам.

2. И трактат «Об устройстве лагеря», и вторая редакция хроники Симеона Логофета возникли в правление Никифора. Однако, как мы видели, представляется вероятным, что оба эти памятника в какой-то мере базировались на источнике *Б*. Если это заключение справедливо, то возникновение источника *Б* не может быть отнесено ко времени после смерти Никифора II.

3. В «Истории» Льва Диакона можно заметить переход от благожелательного отношения автора к Фокам к неблагоприятному. В конце раздела, посвященного истории Никифора II, Лев Диакон рассказывает о спекуляциях брата Никифора — Льва Фоки (p.64.3—7), о недовольстве константинопольского плебса императором (p.63.24). Не следует ли предположить, что изменение отношения автора к Фокам обусловлено тем, что для конца этого раздела Лев Диакон уже не мог пользоваться «Историей Фок»?

4. В «Истории» Льва Диакона обнаруживается одно любопытное противоречие: там рассказывается, что Лев Фока (брат Никифора) и его сын Никифор были ослеплены после восстания Варды Фоки против Иоанна Цимисхия в 970 г. Затем Лев Диакон еще раз говорит об их ослеплении.

Известие об ослеплении Льва Фоки и его сына не почерпнуто Львом Диаконом из общего источника со Скилицей, ибо Скилица знает, что ослепление их в 970 г. было мнимым. Скорее всего, об ослеплении Льва Фоки, равно как и обо всем восстании 970 г., Лев Диакон писал на основании рассказов и слухов. При этом, как предположил Г. Вартенберг, история восстания 970 г. должна была быть написана до второго мятежа Фок. Иначе говоря, Лев Диакон начал писать «Историю» еще в правление Иоанна Цимисхия [74]. Следовательно, послужившая ему источником (особенно в начале его труда) «История Фок» не могла быть написана после смерти Иоанна Цимисхия.

5. Наконец, следует отметить, что и М. Я. Сюзюмов вынужден был признать, что в описании правления Иоанна Цимисхия Лев Диакон перестает быть близким к Скилице: его известия становятся более самостоятельными и подробными, порядок изложения отличается от порядка Скилицы [75]. Это наблюдение делает маловероятным его собственный вывод о том, что в описании истории правления Цимисхия оба автора опираются на общий единственный источник — на источник *Б*.

При этом М. Я. Сюзюмов упустил из виду, что между рассказом Скилицы о правлении Цимисхия и теми частями его повествования о царство-

[74] G. Wartenberg. Das Geschichtswerk des Leon Diakonos. BZ, Bd. 6, 1897, S. 110. П. О. Карышковский («Балканские войны...», стр. 41), не учитывая наблюдения Г. Вартенберга, относит начало работы Льва Диакона над «Историей» к 989 г. Предисловие, из анализа которого он исходит, могло быть написано после всего труда (или даже восходить к Агафию).

[75] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 123 и сл. Правда, в другом месте он, противореча самому себе, говорит (стр. 147) о большом сходстве между обоими источниками в части, касающейся Иоанна Цимисхия.

вании Никифора Фоки, которые, несомненно, восходят к источнику *А*, имеется определенная общность. Так, например, Скилица сохраняет то же отношение к патриарху Полиевкту, которое было присуще источнику *А*. Следовательно, и в этом разделе своей хроники Скилица пользовался источником *А*.

Все эти соображения, как нам кажется, противоречат гипотезе М. Я. Сюзюмова о том, что Лев Диакон в части, посвященной царствованию императора Иоанна Цимисхия, пользовался одним источником — общим со Скилицей источником *Б*, составленным после 985 г.

Отвергнув гипотезу М. Я. Сюзюмова, мы можем создать довольно последовательное — хотя и остающееся гипотетическим — представление об объеме и содержании «Истории Фок». Скорее всего, она начиналась с подробного описания походов Никифора Фоки Старшего в Италию, Болгарию и Сирию; затем шла речь о доместике схол Льве Фоке, причем «История Фок» излагала благоприятную для него версию о причинах поражения при Ахелое. Далее описывалось восстание, которое Лев Фока поднял против Романа Лакапина. В следующих главах шла речь о Варде Фоке и его сыновьях — Никифоре и Льве. Эту часть «Истории Фок» довольно точно отражает начало «Истории» Льва Диакона, посвященное правлению Романа II, но на деле рассказывающее о Никифоре и Льве Фоках. Подробно повествовала «История Фок» о перевороте 963 г., причем, разумеется, излагалась благоприятная для Никифора Фоки версия переворота. Наконец, завершалась «История Фок» описанием походов императора Никифора II. Написана она была, по-видимому, незадолго до 969 г.

Переходим теперь к рассмотрению политических воззрений автора этого сочинения. Основная его тенденция — прославление знатного малоазийского рода Фок — проступает отчетливо в сохранившихся фрагментах и пересказах. Однако, помимо этой тенденции, следует отметить своеобразное отношение «Истории Фок» к плебсу. Говоря о поведении Иосифа Вринги во время событий 963 г., Скилица (источник *Б*) подчеркивает, что основной причиной его поражения было неправильное отношение к константинопольскому плебсу (ὄχλος), который он должен был привлекать на свою сторону, а вместо того раздразнил и разгневал (II, p. 349. 9—12).

Такая оценка роли плебса не была случайной фразой, оброненной автором «Истории Фок» и повторенной за ним сановником XI в. Скилицей: Фоки и в самом деле стремились обеспечить себе поддержку константинопольского плебса, что особенно отчетливо проявилось во время переворота 963 г. (тогда именно поддержка плебса обеспечила Фокам победу) [76]. Такое отношение к городскому плебсу определило в значи-

[76] В этой связи заслуживает упоминания то обстоятельство, что благожелательная оценка правления Никифора Фоки сохранилась, помимо современного диалога «Филопатрис», также в некоторых более поздних памятниках византийской литературы, рассчитанных на сравнительно широкий круг читателей. Так, в «Повести об убиении Никифора Фоки» император изображается как «народный царь». Вопреки исторической действительности там говорится: «Не было в его царствование ни севастократоров, ни прахторов, ни войска, и никаких властей царских; жило царство безмятежно» (П. Сырку. Византийская повесть..., стр. 111). Положительную характеристику Никифора встречаем мы и в «Видении Анастасии», составленном, скорее всего, на рубеже X—XI вв. (см. М. Сперанский. Малоизвестное византийское «видение» и его славянские тексты. BS, vol. 3, стр. 1931, 121 сл.; там же указана литература). К этим легендам восходит, возможно, и вставка в хронике Зонары, где рассказывается, что Никифор создал войско из земледельцев (βωλοκόποι): вопреки пророческому слову он превратил серпы в мечи, а плуги в копья (Zonaras, IV, p. 74. 12—16). Ср. К. Romaios. Τρεῖς βυζαντινοὶ ἄρχοντες στὰ σημερινὰ δημοτικὰ

тельной степени упреки в адрес Никифора Фоки, которые раздавались в аристократических кругах, близких к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию; эти упреки отразились, в частности, в том не дошедшем до нас сочинении, которое легло в основу хроники Скилицы при описании периода 945—976 гг. (источник *A*). Сторонники крупной феодальной знати упрекали Никифора за то, что он не захотел приостановить плебейское движение в Константинополе, которое повлекло за собой разграбление домов знати и купцов; Иоанн же Цимисхий с самого начала своего правления выказал себя открытым противником плебса: после переворота 969 г. он, как сообщает Лев Диакон (p. 94.18), первым долгом издал простагму, строго каравшую за «грабеж» [77]. Это дало возможность, по словам Льва Диакона, удержать народ «в удивительном и полнейшем спокойствии» (p.98. 5).

Таким образом, можно видеть, что в основе хроники Скилицы в части, посвященной периоду 945—976 гг., лежат два исторических сочинения. Первое из них имело отчетливо выраженную тенденцию, направленную против Константина VII и Никифора II; оно вышло из аристократических кругов, близких к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию. Хронологические рамки этого сочинения нам неизвестны: быть может, оно начиналось раньше 945 г. и кончалось после 976 г. Во всяком случае представляется вероятным, что оно было написано около 1000 г. человеком, родившимся около 945 г. Именно э т о сочинение, автор которого враждебно отзывался о паракимомене Василии Нофе, было написано после изгнания Василия в 985 г. Кроме Скилицы, отдельные части этого сочинения использовал и сохранил Зонара.

Второй источник Скилицы в этой части — «История Фок», написанная в период правления Никифора II незадолго до 969 г. Она охватывала период от Никифора Фоки Старшего (?) до подготовки болгаро-византийской войны и представляла собой семейную историю знатного малоазийского рода Фок. Традиция «Истории Фок», помимо хроники Скилицы, запечатлена в «Истории» Льва Диакона, в добавлениях второй редакции хроники Симеона Логофета, в трактате «Об устройстве лагеря» и, наконец, в одной вставке в сочинении Константина Багрянородного «О церемониях».

Переходим теперь к источникам Льва Диакона. Сам Лев Диакон утверждал, что он был очевидцем описанных им событий, а о том, чего сам не видел, слышал от видевших это людей; об этом он говорит и в предисловии (p. 5.19), и в самом тексте своего сочинения (p. 65.8 и др.). Многие историки были склонны принимать на веру это заявление Льва Диакона и считали, что он на самом деле писал свою «Историю» как очевидец [78]. В. Фишер полагал даже, что Лев Диакон был официальным историографом византийских императоров [79].

τραγούδια. «Πεπραγμένα Θ' Διεθν. Βυζαντινολ. Συνεδρίου», τ. III, 1958 (нам недоступно). Апологетическая оценка Никифора дана и в некоторых церковных стихах; см. А. А. Дмитриевский. Служба в честь византийского императора Никифора Фоки· «Труды Киевской духовной академии», 47, 1906, февраль (то же самое в «Сборнике в честь Ю. А. Кулаковского». Киев, 1911); ср. L. Petit. Office inédit en honneur Nicéphore Phocas. BZ, Bd. 13, 1904.

[77] F. Dölger. Regesten..., T. I, № 725.

[78] K. Krumbacher. Op. cit., S. 267; G. Wartenberg. Leo Diaconus..., S. 312. Других авторов (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич) указывает П. О. Карышковский («Балканские войны...», стр. 37, прим. 3).

[79] W. Fischer. Op. cit., S. 377. Эту точку зрения принял и П. О. Карышковский («Балканские войны...», стр. 52).

Это положение В. Фишера является весьма сомнительным. Лев Диакон завершил свой труд в правление Василия II. Он нарисовал мрачную картину состояния Византийской империи в 80-е годы X в., печальное положение государства, упомянул о поражении в Ихтиманском проходе. Все это он противопоставил блеску и могуществу империи при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Такое направление мыслей вряд ли могло быть свойственно сочинению официального историографа.

Не соответствует действительности и широко распространенное представление, будто Лев Диакон писал исключительно на основании устных источников и собственных наблюдений. Он пользовался письменными источниками и, в частности, использовал для истории царствования Никифора общий со Скилицей источник *Б* («Историю Фок»). Гораздо более сложен вопрос об источниках для второй части его труда.

Основная трудность, возникающая в этой связи, состоит в том, что Лев Диакон и в этой части имеет ряд совпадающих мест с хроникой Скилицы, хотя несомненно, что порядок изложения у обоих историков совершенно различен. Среди этих общих мест, отмеченных Г. Вартенбергом и М. Я. Сюзюмовым, важнейшими являются рассказ об убийстве Никифора Фоки [80] и некоторые эпизоды из истории русско-византийских войн, особенно рассказ о поединке Анемы и Икмора. Возможно, что эти места восходят к каким-то устным или письменным преданиям, которые вполне могли стать известными обоим авторам. Значительные расхождения как в последовательности изложения, так и в трактовке отдельных эпизодов заставляют сомневаться в существовании какого-то единого, общего для Льва Диакона и Скилицы источника в части, касающейся истории правления Иоанна Цимисхия.

Сравнительно недавно П. О. Карышковский высказал предположение, что включенный в раздел о правлении Иоанна Цимисхия рассказ Льва Диакона о походе Игоря на Константинополь восходит к «Житию Василия Нового» [81]. Даже если это предположение справедливо, все же оно касается эпизода, относящегося к событиям прошлого. Что же касается современных событий, то в этой части, по-видимому, Лев Диакон использовал различные слухи, рассказы очевидцев и собственные наблюдения. Значение устных свидетельств и личных наблюдений особенно возрастает к концу «Истории», где Лев Диакон рисует хорошо ему известное тяжелое положение Византийской империи в первые годы правления Василия II.

П. О. Карышковский поднял очень важный вопрос об использовании Львом Диаконом официальных документов — писем и даже византино-русских договоров [82]. Однако доказать это предположение можно будет только в том случае, если удастся найти оригиналы приведенных у Льва Диакона писем [83].

Несамостоятельность, проявляющаяся особенно в начале книги Льва Диакона, заставляет критически отнестись к его произведению. К тому же самому выводу приводит и рассмотрение литературных приемов и миро-

[80] См. об этом также: R. Guilland. Le palais du Boukoléon. L'assassinat de Nicéphore II Phokas. BS, vol. 13, 1952, p. 128—133. Р. Гийан выясняет некоторые различия в рассказе хронистов об этом событии.

[81] П. О. Карышковский. Лев Диакон о Тмутараканской Руси. ВВ, XVII, 1960, стр. 47.

[82] П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 52 сл. Еще до него Д. Моравчик предположил, что Лев Диакон пользовался дневником военных действий (см. выше, стр. 118, прим. 58).

[83] Именно находка такого рода подтвердила гипотезу К. де Боора о том, что анонимный автор «Псамафийской хроники» пользовался официальными документами; см. Sp. P. Lambros. Die Abdankungsurkunde des Patriarchen Nikolaus Mystikos. BZ, Bd. I, 1892.

воззрения этого историка. Лев Диакон — прежде всего рассказчик, заботящийся о занимательности своего труда, а не о его достоверности. Чтобы сделать свое изложение более занимательным, Лев Диакон щедро черпает сведения из древних писателей. М. Я. Сюзюмов совершенно правильно писал о его творческой манере: «Желая описать какое-либо событие, он пользуется фактическими данными лишь в общих чертах, подробности же обстановки придумывает сам, стараясь по возможности находить их у Агафия» [84]. Зависимость Льва Диакона от Агафия Миринейского особенно отчетливо проступает в предисловии и в первой половине «Истории», где Лев Диакон изображает отдельные эпизоды военных действий теми же словами, какими Агафий рисовал походы византийского полководца VI в. Нарсеса [85]. Во второй половине книги зависимость от Агафия чувствуется меньше — она проступает главным образом в описании войны с Русью [86].

Лев Диакон не пользуется древними авторами, непосредственно (кроме Агафия). Однако влияние античной традиции чувствуется в его сочинении постоянно. Лев Диакон, например, называет печенегов «вшеядным» племенем (p. 157.17) — этот эпитет восходит к античной традиции: о существовании скифского племени, будто бы питавшегося вшами, говорило эллинское предание, сохраненное Геродотом и Аррианом [87]. Известия о многочисленности византийских войск при Никифоре Фоке (400 тыс. человек — p. 56.7 и 57.2) резко противоречат данным многочисленных авторов современных трактатов по военному делу [88] и, повидимому, восходят к известиям ранневизантийских писателей. Затосообщая о большом походе Иоанна Цимисхия, Лев Диакон приводит совершенно иные цифры: он насчитывает всего лишь 15 тыс. гоплитов и 13 тыс. всадников, помимо обоза и арьергарда (p. 132.19).

Повествование и самый язык Льва Диакона испорчены стремлением к торжественности, вырождающейся в пустую напыщенность. Его рассказ в духе Агафия Миринейского пересыпан вымышленными речами действующих лиц, занимающими чуть ли не шестую часть всего текста[89], и изобилует пространными посланиями, быть может, столь же вымышленными. Лев Диакон уснащает речь вычурными описаниями природы (p. 51.6; 95.20 и др.), неожиданными сравнениями (p. 37.8; 60.12). Он избегает живой народной речи, зато любит употреблять редкие слова: например, вместо простого слова ἀδελφός он употребляет описательные выражения σύναιμος или ὁμαίμων [90].

Традиционные средневековые представления определяют мировоззрение Льва Диакона [91]: он восхваляет христианский аскетизм и верит-

---

[84] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 144.

[85] Многочисленные примеры см. в комментарии Б. Газе и в указанной статье М. Я. Сюзюмова. Ср. также П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр. 50.

[86] Критические замечания относительно достоверности известий Льва Диакона о Руси см. также: V. Grecu. La valeur littéraire des oeuvres historiques byzantines. BS, vol. 13, 1952/53, p. 252 sq.; Gy. Moravcsik. Zum Bericht des Leon Diaconus über den Glauben an die Dienstleistung im Jenseits. «Studia antiqua A. Salač septuagenario oblata». Pragae, 1955, S. 75.

[87] Аррриан. Объезд Эвксинского понта, § 27 (ВДИ, 1948, № 1, стр. 271).

[88] А. П. Каждан. Византийская армия в IX—X веках. «УЗ Великолук. пед. ин-та», 1954, стр. 23 и сл.

[89] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 145.

[90] Leo Diac., p. 24.9; 45.20 и др. См. предисловие Б. Газе (p. XIX). К этому следует добавить, что слово ὁμαίμων употребляет Скилица (II, p. 349.7) в месте, восходящем к источнику *Б*.

[91] Ср. П. О. Карышковский. Балканские войны..., стр 39.

в чудеса; падающая звезда, по его мнению, предвещает гибель войска (p. 172. 6). Эту мысль он подкрепляет примерами, начиная от Троянской войны. Особенно примечательны его воззрения на землетрясение, которое он, полемизируя с «эллинскими математиками», не хочет объяснять естественными причинами (p. 68.9). В этом отношении он отступает назад в сравнении с передовой византийской мыслью IX в.: Фотий, по сообщению хроники Псевдо-Симеона (третья редакция хроники Симеона Логофета), утверждал, что «землетрясения вызываются не обилием [наших] грехов, но избытком воды» [92].

Некоторые писатели IX—X вв. пришли к выводу, что историческое развитие общества не следует объяснять божественным промыслом, что оно определяется волей самих людей и даже их материальными потребностями. Тот же Фотий писал: «Ты слеп и глуп и спишь глубоким сном..., если не понимаешь того положения, что господь наш и спаситель не предопределил типов государства и их устройства. Ясно ведь, что люди обладают достаточным опытом для этого (т. е. для устройства государства. — *А. К.*)» [93]. Ученик Фотия Николай Мистик утверждал, что бог помогает лишь тому, кто сам проявляет энергию: не бывает так, чтобы человек, не посеяв, собрал большую жатву или, не заложив прочный фундамент, построил устойчивый дом. После этого он переходит к аргументации из области истории и, рассмотрев ход событий в правление Василия I и Льва VI, заявляет, что не состояние церкви, а энергия полководцев определяла удачи и неудачи Византийской империи во внешних делах [94]. Еще дальше идет Продолжатель Феофана, который полагает, что испанские арабы напали на Крит потому, что страна, в которой они жили, была бедной, а население ее — густым: многочисленность жителей и нехватка продуктов принуждали их нападать на чужие земли [95].

Политические взгляды Льва Диакона (насколько вообще можно говорить о политических взглядах такого несамостоятельного автора) определялись его принадлежностью к придворным кругам: отсюда проистекают неумеренное восхваление императоров и пренебрежение к народу. Вместе с тем его политические взгляды не могли не испытать влияния, обусловленного бедственным положением империи. Современному состоянию он противопоставлял положение Византии при Никифоре II и Иоанне Цимисхии. В период обострения феодальных смут Лев Диакон мечтал о восстановлении сильной государственной власти и идеализировал могущественных императоров недавнего прошлого, совершенно не замечая не только различия их политических позиций, но и того, что они были выдвинуты феодальными группировками и их деятельность в конечном итоге предопределила те феодальные смуты, которые развернулись в первые годы правления Василия II.

Идеализация Никифора Фоки в «Истории» Льва Диакона не может считаться свидетельством широты политических взглядов автора, как предполагал М. Я. Сюзюмов. Сравнивая «Историю» Льва Диакона с источником *А*, он утверждал, что автор источника *А* с его узкими церковными взглядами не мог понять значения широкой политики Никифора Фоки, тогда как Лев Диакон стоял на государственной точке зрения [96].

---

[92] Theoph. Cont. p. 673. 10. С этим утверждением прямо полемизирует Аталиат (Attaliota, p. 88.22—89.21).

[93] PG, t. 103, col. 625. C. При этом из послания к Захарии Антиохийскому следует, что необходимым опытом обладают лишь избранные, лишь «вожди (PG, t. 102 col. 944. A).

[94] PG, t. 111, col. 277. B.

[95] Theoph. Cont., p. 74. 5.

[96] М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 131 и 158

Нам кажется, что такая оценка соотношения источника *А* и «Истории» Льва Диакона обусловлена некоторой идеализацией Никифора в работе М. Я. Сюзюмова; поэтому отрицательное отношение к этому императору в источнике *А* представляется ему узостью взглядов, а восхваление Никифора Львом Диаконом — широтой взглядов и проявлением государственных интересов. Не следует забывать и того, что идеализация Никифора была найдена Львом в уже готовом виде в источнике *Б*.

Для того чтобы выяснить соотношение Льва Диакона и источника *А* в этом вопросе, мы рассмотрим те объяснения причин падения Никифора, которые дают эти источники.

Источник *А* (в пространной версии Зонары) подробно останавливается на рассмотрении тех причин (αἰτίαι), которые сделали Никифора ненавистным всем византийцам (IV, p. 81.7). Он высказывает при этом вовсе не узкоцерковную точку зрения, а обнаруживает понимание общественных отношений, ибо подчеркивает, что Никифора стали ненавидеть люди всех социальных группировок: он уменьшил выдачи синклитикам, урезал права церкви, ухудшил монету, введя тетартерон, увеличил податное бремя (IV, pp. 81—83).

В отличие от этого — по тем временам довольно серьезного — рассмотрения причин падения Никифора рассуждения Льва Диакона кажутся просто наивными. По его словам, Никифор устроил военные упражнения, византийцы же, не привыкшие к виду войска, испугались блеска мечей и бросились по домам; во время паники погибло большое количество народа (p. 63.14). «Это происшествие, — с поразительной серьезностью утверждает Лев Диакон, — стало причиной ненависти Константинополя к императору» (p. 63.24). К этому Лев Диакон добавляет лишь ненавистные народу спекуляции брата императора Льва Куропалата (p. 64).

Самое бегство константинопольского населения от воинов в описании Льва Диакона, поскольку он прямо начинает с этого эпизода, остается непонятным: вряд ли толпа могла обратиться в бегство оттого, что не привыкла к виду обнаженных мечей. Иное дело версия источника *А*, где весь этот эпизод выступает как завершение целого рассказа: он предстает там лишь как последняя капля, переполнившая чашу терпения константинопольских жителей. Мы узнаем, что после ряда уличных «беспорядков», накаливших атмосферу в Константинополе, в городе разнесся слух, что император, гневаясь на плебс, хочет наказать его (IV, p. 86.17). Поэтому-то, как только засверкали мечи, народ бросился бежать.

Таким образом, сравнение оборачивается не в пользу Льва Диакона, явно не сумевшего разобраться в политических событиях своего времени.

Итак, для истории 959—976 гг. существовали по меньшей мере три современных источника:

1) источник *Б* («История Фок»), составленный незадолго до смерти Никифора II Фоки (969 г.) и выражавший интересы сторонников Фок;

2) источник *А*, который был составлен, по-видимому, позднее 985 г. и отражал интересы феодальной знати, близкой к патриарху Полиевкту и Иоанну Цимисхию;

3) «История» Льва Диакона, представляющая собой компиляцию (главным образом из источника *Б* и Агафия Миринейского) в первой половине и содержащая более или менее оригинальный материал в части, посвященной Иоанну Цимисхию.

А. Я. СЫРКИН

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭПОСА О ДИГЕНИСЕ

Если отдельные исторические и географические реминисценции поэмы о Дигенисе Акрите давно уже служат предметом пристального изучения, то вопрос об идеологической направленности этого источника, если не говорить о самых общих характеристиках, фактически остался вне поля зрения византинистов. Проблема идеологии византийского эпоса в общих чертах была затронута советскими учеными. В. Д. Кузьмина подчеркивает народные черты эпоса; к сходной точке зрения склоняется М. Я. Сюзюмов, А. В. Банк и А. П. Каждан в большей мере обращают внимание на феодальные черты памятника[1]. До сих пор вызывает споры вопрос об отношении эпоса к императору, об элементах павликианской идеологии в поэме. Ряд конкретных данных памятника, свидетельствующих о мировоззрении его автора, до сих пор так и не был выделен. В настоящей статье мы попытаемся остановиться на отношении поэмы к императорской власти, на том, как обрисованы представители различных социальных слоев, на отношении к религии, а также на некоторых других особенностях мировоззрения автора.

I

Отношение поэмы к императорской власти во многом соответствует официальной правительственной идеологии. Особа императора окружена преклонением. Василий назван в *ГФ*[2] IV, 56 «великим акритом»[3]. Славословия императору мы находим и в сцене его встречи с Дигенисом. Император — счастливый и великий завоеватель (εὐτυχὴς καὶ μέγας τροπαιοῦχος — *ГФ* IV, 973 сл.; ср. *Т* 1477, *А* 2343). Дигенис уничижительно именует себя последним из рабов императоров (Ἐγὼ μὲν δοῦλος ἔσχατος τοῦ σοῦ κράτος ὑπάρχω — *ГФ* IV, 988 сл.; *Т* 1497 сл., *А* 2363 сл.),

[1] Соответствующие работы будут отмечены ниже В. Д. Кузьмина в подготовленной к печати монографии «Деяние прежних времен и храбрых человек (Девгениево деяние)» дает критический очерк истории исследования древнерусской повести и византийской поэмы, указывая в этой связи на невнимание зарубежных исследователей к идейной стороне памятника. Ср. также А. Я. Сыркин. К истории изучения «Дигениса Акрита». ВВ, XVII, 1960, стр. 223—224.

[2] В статье приняты следующие сокращения: *ГФ* — Гротта-Ферратская версия поэмы (ed. J. Mavrogordato. Oxford, 1956); *Т* — Трапезунтская (ed. C. Sathas, E. Legrand. Paris, 1875); *А* — Андросская стихотворная (ed. P. Kalonaros. Athine, 1941); A_1 — Андросская прозаическая (ed. D. Paschales, Λ, IX, 1928); *Э* — Эскуриальская (ed. P. Kalonaros. Athine, 1941); *О* — Оксфордская (ed. S. Lampros. Paris, 1880).

[3] Ср. обращение Феодора Продрома (XII в.) к Мануилу I Комнину (1143—1180) — τὸν νέον τὸν Ἀκρίτην. D. Hesseling, H. Pernot. Poèmes prodromiques en grec vulgaire. VAWL, D. XI, № 1, 1910, p. 61.

недостойным его милости. Император, по его словам, получил власть от бога, нечестие язычников сделало его господином над всеми (*ГФ* IV, 1014—1015). Похвалы расточают императору Никифору и *T* (3107 сл.), и *A* (4344 сл.). Здесь поэма полностью следует официальному этикету [3а]. Более интересно проследить за этими формальностями истинное отношение Дигениса к императору и его войскам и остановиться на советах, которые он дает своему гостю.

Герой приглашает царя самого прийти к нему на Евфрат с немногими бойцами (*ГФ* IV, 994; ср. *T* 1499, *A* 2365) — у царя есть неопытные (ἀπείρους) воины, и, если они скажут что-либо неподходящее, он, Дигенис, наверняка лишит их жизни (ποιήσω σε εἰς τὸ βέβαιον ἄμοιρον τῶν τοιούτων — *ГФ* IV, 999; ср. *T* 1503, *A* 2369). Речь эта весьма характерна для провинциального феодала: свидетельствуя свое уважение императору, он в то же время держится гордо и независимо и с недоверием относится к императорским войскам.

Письмо Дигениса вызывает у императора восхищение и радость (*ГФ* IV, 1002 сл., *T* 1505 сл., *A* 2371 сл.) [4], и он отправляется с сотней воинов и немногими копейщиками к Евфрату (*ГФ* IV, 1005—1006; *T* 1510 и *A* 2376 говорят лишь о сотне воинов). Деталь эта перекликается с книгой «О церемониях», где говорится о том, что, приближаясь к пограничным малоазийским областям, император оставлял позади бо́льшую часть своей свиты и продолжал путь лишь с небольшим числом акритов [5].

Интересны советы, которые дает Дигенис императору (*ГФ* IV, 1030 сл.). Герой говорит, что ему не надо наград и достаточно одной лишь любви повелителя. Ведь брать — несправедливо и куда лучше — давать, а император и так безмерно тратится на войско (ἔχεις...ἐν τῷ στρατῷ ἐξόδους ἀνεικάστους — еще одна характерная для IX—X вв. деталь) [6]. Дигенис умоляет царя любить поданных (τὸ ὑπήκοον), жалеть нуждающихся (πενομένους), спасать бедствующих от угнетателей (ἐξ ἀδικούντων ῥύεσθαι τοὺς καταπονουμένους) [7], прощать невольно согрешивших, не поддаваться клевете, избегать несправедливости, искоренять еретиков, поддерживать православных — этим оружием справедливости император одолеет всех врагов. Власть и царство, продолжает Дигенис, не зависят от силы; это — дар божий, десница всевышнего.

Примерно то же наставление произносит Дигенис в *T* 1520 сл. и *A* 2386 сл. Кроме этого, он просит здесь, чтобы предназначенные для него дары и почести император пожаловал бедным стратиотам (πένεσι στρατιώταις). В полном соответствии с духом поэмы Дигенис убеждает императора любить обращенных в христианскую веру (ἀγαπᾶν προσηλύτους — *T* 1526). Он советует ему не гневаться при разборе дел, прежде чем тот не разберется во всем (*T* 1529, *A* 2395). В заключение своей речи Дигенис обещает императору освободить его от огромных расходов, которых требует защита границ (*T* 1534—1535; в соответствующем месте *ГФ* IV, 1043— более позднее упоминание о дани Иконию). Наконец, своего рода

[3а] Ср. F. Dölger: Die Kaiserurkunden der Byzantiner als Ausdruck ihrer politischen Anschauungen. «Byzanz und die Europäische Staatenwelt». Ettal, 1953, S. 22f.

[4] В Тихонравовской редакции «Девгениева деяния» (М. Сперанский. Девгениево деяние. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7. Пг., 1922, стр. 145) ответ Девгения, напротив, вызывает гнев царя. Ср. А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы византийского эпоса. ВВ, XIX, 1961, стр. 98.

[5] Constantinus Porphyrogenitus. De Ceremoniis, vol. I. Bonnae, 1829, p. 489. 6 sq.

[6] Ср. М. В. Левченко. История Византии. М.— Л., 1940, стр. 140—141.

[7] *ГФ* IV, 1034 исправлено по *T* 1527 и *A* 2393.

идеальным царствованием предстает в поэме правление самого Дигениса на границах. Величайшей заслугой он с женой считает раздачу милостыни беднякам (*ГФ* VIII, 184—185; ср. *Т* 2929—33; *А* 4141—4145). При нем утверждается прочный мир, все видят в нем своего благодетеля и великого защитника (εὐεργέτην, ἀντιλήπτορα μέγιστον...— *ГФ* VII, 225—227).

Подобное отношение к императорской власти — далеко не единственный пример в источниках того времени. Так, Продолжатель Феофана восхваляет в императоре Феофиле любовь к справедливости и соблюдению законов [8]. В жизнеописании Василия I прославляется его милосердие к бедным и одинаково справедливое отношение ко всем подданным [9]. Здесь же говорится о мире (γαλήνης) и процветании (θάλλοντος βίου), достигнутых при Василии I [10], а Генесий сообщает о любви этого императора к беднякам [11]. Следует отметить, что для указанных источников характерна и другая параллель с нашей поэмой — внимание к образам знатных воинов [12]. Параллели с Продолжателем Феофана в данном случае тем более интересны, что произведение это, по-видимому, направлено против столичной аристократии и выражает интересы провинциальной военной знати [13]. Характерны в этом отношении восхваления здесь представителей знатных родов, например Аргиров [14], Куркуасов [15], Фок [16].

Разумеется, восхваление в императоре справедливости, милосердия, призыв к соблюдению законов можно объяснить и данью традиции, восходящей еще к позднеримскому и ранневизантийскому периодам [17]. Нам, однако, кажется, что в данном случае дело не столько в традиции, сколько во вполне актуальной тенденции ограничить центральную власть и тем самым усилить независимость провинциальных динатов [18]. С другой стороны, слова *Т* 1523 и *А* 2389 о помощи бедным стратиотам, вполне возможно, являются отзвуком настроений и требований широких стратиотских масс, игравших, вероятно, большую роль в создании и распространении эпоса о Дигенисе [19].

---

[8] Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838, p. 85. 1—2.

[9] Ibid., p. 315. 11—12. Ср. ibid., p. 443. 13—18.

[10] Ibid., p. 344. 19—345. 2.

[11] Genesius. Bonnae, 1834, p. 128. 6—8. См. также: F. Dölger. Die Kaiserurkunde..., S. 26 f.

[12] Анализ текстов Генесия и Продолжателя Феофана приводит к предположению, что историки эти использовали не дошедшие до нас повести о жизни и подвигах византийских воинов: Мануила — современника императоров Феофила и Михаила III, Феофоба — полководца Феофила, Андрея — полководца Василия I (ср. H. Grégoire. Manuel et Théophobe. Byz., IX, 1934, p. 183 sq., 201 sq.: P. J. Alexander. Secular Biography at Byzantium. «Speculum», vol. XV, № 2, 1940, p. 197). На эту параллель любезно обратил мое внимание А. П. Каждан. См. А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. ВВ, XIX, 1960, стр. 83 сл. В этой связи важно свидетельство Продолжателя Феофана (Theoph. Cont., p. 427. 21—428. 2) о не дошедшем до нас сочинении в восьми книгах, посвященном описанию подвигов Иоанна Куркуаса. Ср. K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 399.

[13] Ср. А. П. Каждан. Из истории..., стр. 83.

[14] Theoph. Cont., p. 368. 22; 399. 9; 400. 3 и др.

[15] Ibid., p. 426.3 sq.

[16] Ibid., p. 459. 17—18; 462. 7—8; 473. 19 и др.

[17] Ср. W. Ensslin. Der Kaiser in der Spätantike. «Historische Zeitschrift», Bd. 177, 1954, H. 3, S. 464 f; J. Karayannopulas. Der frühbyzantinische Kaiser. BZ, XLIX, 1956, S. 377 f.

[18] Весьма далека от такого понимания приведенных текстов А. Хаджиниколау-Марава, рассматривающая слова Дигениса с точки зрения христианской морали и видящая здесь лишь «disposition de l'âme byzantine» (A. Hadjinikolau-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin. Athènes, 1950, p. 80).

[19] Ср., М. Я. Сюзюмов. *Проблемы иконоборческого движения в Византии.* «УЗ Свердловского гос. пед. ин-та», вып. 4, 1948, стр. 78, прим. 62. См. ниже, стр. 154.

Еще более интересные параллели к приведенным текстам содержит «Стратегикон» Кекавмена, написанный около 1075—1078 гг.[20] и отразивший мировоззрение византийской провинциальной знати. Точно так же как Дигенис, Кекавмен призывает заступаться за бедняков и помогать безвинно страждущим [21]. Он учит не соблазняться богатством и титулами; топарх должен держаться за свою землю и не отдавать ее царю. Во всем следует довольствоваться собственным достоянием (Дигенису тоже ничего не надо от императора); тот же, кто пришел поклониться царю, «с тех пор уже раб, а не друг»[22].

Схожие по содержанию и настроению советы (в издании В. Васильевского и В. Ернштедта — De officiis regiis libellus), примыкающие к «Стратегикону» и принадлежащие, по-видимому, тому же автору [23], адресованы уже самому императору — πρὸς τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν ὄντα βασιλέα [24]. Их автор далек от обожествления императора. Разумеется, императору следует повиноваться, но лишь тогда, когда сам он руководствуется законами и поступает достойно. Нечего слушаться царя, приказывающего выпить яд или вплавь переправиться через море. «Царь — человек и подлежит благочестивым законам»; и автор советует повелителю смотреть на всех одинаковыми глазами, быть ко всем справедливым [25]. Он должен оказывать милости достойным [26], заботиться о воинах [27] и не задерживать им жалованье [28]. Пусть он судит справедливо, не вступается за дурных людей и защищает обиженных от притеснений [29]. Императору следует, наконец, путешествовать по фемам своей страны, следить, не терпят ли обид бедняки, и исправлять все несправедливости [30].

Как мы видим, советы византийского провинциального «боярина» содержат много общего с теми советами, которые вложил в уста своему герою автор [или один из ранних (XI в) редакторов] «Дигениса». По меткому замечанию Дж. Бури, Дигенис ведет себя перед императором, «как независимый западный барон» [31]. Здесь, очевидно, отразилось в какой-то мере мировоззрение византийской провинциальной земельной знати, стремившейся к независимости от центральной власти и выступавшей за ее ограничение [32]. Именно в этом и следует, как нам кажется, искать объяс-

[20] Ср. Ив. Дуйчев. Няколко бележки към Кекавмен. ЗРВИ, кн. 5, 1958, стр. 60, прим. 5; P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. Bruxelles, 1960, p. 20.

[21] Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus, ed. W. Wassilewsky, V. Jernstedt. Petropoli, 1896 («Записки ист.-филол. фак-та имп. СПб. ун-та», ч. 38, § 2). Русский перевод этого памятника дал В. Г. Васильевский («Советы и рассказы византийского боярина XI в.». ЖМНП, 1881, ч. 215, стр. 242—299; ч. 216, стр. 102—171, 316—357).

[22] Cec., § 218, 221; ср. D. C. Hesseling. Essais sur la civilisation byzantine. Paris, 1907, p. 219—220.

[23] Ср. P. Lemerle. Op. cit., p. 5—8.

[24] По-видимому, имеется в виду Михаил VII Дука (1071—1078). См. В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 250; ср. V. Valdenberg. Nicoulitsa et les historiens byzantins. Byz., III, 1926, p. 95—121.

[25] Cec., § 235.

[26] Ibid., § 238—239.

[27] Ibid., § 241—242.

[28] Cec., § 247.

[29] Ibid., § 248—249.

[30] Ibid., § 259.

[31] J. B. Bury. Romances of Chivalry on Greek Soil. Oxford, 1911, p. 20.

[32] См. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 443 сл. Характерная параллель из IX в.— позиция патриарха Фотия (ср. А. П. Каждан. Социальные и политические взгляды Фотия. «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. II. М.— Л., 1958, стр. 127 сл., 132—133).

нение известной сдержанности и даже враждебности к императору и его спутникам — черт, характерных для поведения Дигениса. Показательна в этом отношении и судьба деда Дигениса — стратига Андроника, сосланного императором и умершего в ссылке (*ГФ* I, 270—271, IV, 55—56; ср. *Т* 835—836, *А* 1368—1369, *Э* 140) [33]. Отметим в этой связи, что первоначальная редакция «Дигениса», как нам представляется наиболее вероятным [34], оформлялась в период ожесточенной борьбы между провинциальной земельной знатью и центральной властью (восстания Варды Склира и Варды Фоки в 70—80-х годах X в.).

С недоверчивостью к центральной власти, к императорским войскам перекликается и стремление героя к уединению (*ГФ* IV, 958 сл.; V, 22 и др.), его желание совершать свои подвиги без помощников. И хотя Дигенис предстает в поэме как «ромей» (ρωμαῖος) и защитник «Романии» (τῆς Ρωμανίας), видеть в нем вслед за Г. Шрайнером [35] идеал патриота (в современном понимании этого слова) ни в коей мере не следует. Автор вообще подчеркивает не столько государственную общность, сколько общность веры и неоднократно говорит о каппадокийском происхождении героя (ср. *ГФ* III, 106; VII, 2). Отметим, кстати, что слово πατρίς в связи с Дигенисом встречается лишь в *А* 4162: герой печалится, что не оставил сына для родины. Стих этот отсутствует в остальных версиях и является, по-видимому, позднейшей вставкой [36]. Если Дигенису и свойственен патриотизм, то это патриотизм скорее областной, сепаратистский, чем общегосударственный.

II

Среди персонажей «Дигениса Акрита» встречаются лица самых разных положений — от водоноса, служащего апелатам, до византийского императора. Но в центре повествования — образ знатного и богатого византийского воина, каким предстает в эпосе Дигенис. К этой социальной категории и относятся почти все детали быта и свидетельства о памятниках материальной культуры, содержащиеся в тексте памятника. Сама по себе такая тематика еще не дает оснований заключать о феодальной идеологии эпоса [37]: знатность и богатство, так же как отвага и сила,— нередкие атрибуты фольклорных героев у самых различных народов, в том числе и в греческих народных песнях [38]. Для нас важна в данном случае не столько общая тематика произведения, сколько отдельные его эпизоды и даже отдельные выражения. Именно здесь, как нам кажется, можно найти примеры как народной, так и феодальной идеологии.

---

[33] Подробнее об этом см. А. Я. Сыркин. Об историчности персонажей «Дигениса Акрита». ВВ, XVIII, 1960, стр. 132 сл. Быть может, характерна в этом отношении и другая параллель — между прадедом Дигениса Муселомом (*Т* 56, *А* 491, *Э* 146) и некоторыми представителями знатного рода Муселе, вступавшими в конце VIII — первой половине IX в. в конфликты с императорским двором.

[34] А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 115 сл.

[35] H. Schreiner. Die Helden der Mittelgriechischen Volksdichtung als Wehrer des Volkstums und Retter des Vaterlandes. ИБАИ, т. IX, 1935, стр. 204 сл., 211.

[36] P. Kalonaros. Βασίλειος Διγενὴς Ἀκρίτας, τ. I. Ἀθῆναι, 1941, p. 229; Ἀ. Μηλιαράκης. Βασίλειος Διγενὴς Ἀκρίτας... Ἐν Ἀθήναις, 1881, σελ. ιβ'. В другом месте словом «πατρίς» называет свой родной город дочь Аплорравда (*ГФ* V, 122; *Т* 1720, *А* 2609).

[37] Фактор этот, в частности, склонен, по нашему мнению, переоценивать А. П. Каждан («Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии». ВВ, V, 1952, стр. 86).

[38] Ср., например, Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, № 1, 8, 14, 21, 23.

Можно предположить, что феодальная идеология отразилась не в самой знатности героя, а в неоднократном подчеркивании этого обстоятельства. В предыдущей статье мы останавливались уже на генеалогии Дигениса [39]. Благородное происхождение героя одинаково подчеркивается во всех версиях поэмы, и мы ограничимся здесь примерами из *ГФ*. Вступление называет Дигениса «храбрейшим» и «благороднейшим» (γενναιοτάτου — I, 3). Ἦν ἀμηρᾶς τῶν εὐγενῶν — так начинается (I, 30) повествование об отце героя. «Мы... из благородных ромеев» (ἐξ εὐγενῶν Ρωμαίων),— говорят эмиру братья похищенной девушки — потомки Дук и Киннамадов (I, 265 сл.). Мать их (бабка Дигениса) происходит от Константина (I, 267), по-видимому, императора Константина Великого [40]; она тревожится, усвоит ли жених ее дочери нравы «благородных ромеев (II, 23). «Благороднейшей» зовет эмир свою супругу — мать Дигениса (II, 277; ср. III, 13). Сам Дигенис назван «благородным цветком» (III, 54); он «отпрыск благородных ромеев» (IV, 63), «благородный ребенок» (IV, 91, 229, ср. 101), «благородный Акрит» (IV, 104; ср. также IV, 324, 689; V, 11; VII, 178, 202; VIII, 224, 234, 253, 300, 302); Благородством отличается и жена Дигениса (IV, 264— Παράδοξον τὸ γένος; ср. IV, 347, 360, 457, 562, 579, 813; VI, 29; VII, 178; VIII, 234, 300). К ней сватается множество благородных вельмож и царских родичей (πολλοὶ... τῶν εὐγενῶν ἄρχοντες μεγιστᾶνες καὶ βασιλέων συγγενεῖς...καὶ τέκνα βασιλικέν παράταξιν ἔχοντες — IV, 486—488; ср. 292). Знатны и родичи отца героя (VIII, 17), и все греки и арабы, собравшиеся на похороны Дигениса и Евдокии (ἄρχοντες — VIII, 203; δόκιμοι —205; ἐκλεκτοί —206; εὐγενεῖς —207; μεγιστᾶνες, ἄρχοντες —246).

Поэма говорит и о богатстве Дигениса; род его, по словам Евдокии, из самых богатых (τῶν πλουσιωτάτων — IV, 324). Герой живет в роскошном дворце. Он владеет землями, слугами, получает за женой поистине царское приданое (характеристика свидетельств поэмы о памятниках материальной культуры выходит за рамки настоящей статьи). Однако богатство отнюдь не является для героя высшим идеалом. Дигенис говорит стратигу Дуке, что берет его дочь ради красоты; ему нет дела до богатств и владений — все это он готов уступить ее братьям, ему же нужна красота, а не приданое [41]. Посылать людям богатство и бедность — во власти одного бога (IV, 743 сл.). Об этом же напоминает он супруге и в своей предсмертной речи (VIII, 77 сл.). Когда император предлагает герою взять у него все, что тот пожелает, Дигенис отвечает, что с него довольно одной императорской милости, ибо «несправедливо брать...» (IV, 1030). Наконец, советуя молодой жене не оставаться одинокой после его смерти и взять себе другого мужа, герой наказывает ей не соблазняться богатством или славой, а идти за отважного и благородного отрока (ἀνδρεῖον ἄγουρον τολμηρὸν καὶ γενναῖον — VIII, 139—140).

В поэме рядом с основными героями выступают и сопровождающие их воины; обычно речь идет о сравнительно небольшом отряде бойцов,

---

[39] А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 132 сл..

[40] Ср. Nicephorus Bryennius. Bonnae, 1836, p. 13. 5—13. Следует отметить, что подчеркивание знатности и родовитости вообще характерно для византийской исторической литературы того периода (см. R. Guilland. La noblesse de race à Byzance. BS, vol. IX, 1948, p. 307 sq., 313). Ср., например, легендарный рассказ о происхождении Василия I от парфянских царей (Theoph. Cont., p. 212. 20 sq.; ср. ibid., p. 216. 2—4; 458. 9 и др.). Ср. А. П. Каждан. Из истории..., стр. 84. В данном случае характерно и указание поэмы на знатность героев не только по отцовской линии, но и по материнской (см. R. Guilland. Op. cit., p. 310—311).

[41] Столь же бескорыстным предстает Дигенис и в народных песнях (ср. P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 119).

следующем за самим Дигенисом, эмиром и т. д. И здесь перед нами характерная деталь жизни византийского вельможи, окруженного обычно свитой слуг, часто — слуг-воинов[42]. Впрочем, лица эти, особенно там, где действует главный герой не играют в повествовании почти никакой роли. Здесь мы, разумеется, имеем в виду не войско, с которым полководец отправляется в поход (например, войско эмира — I, 45 сл.; IV, 38; его дяди — II, 76; стратига Дуки — IV, 609 сл.; императора — IV, 1086; Максимо и Филопаппа — VI, 440 сл.), а именно свиту, сопровождающую вельможу в разных случаях. Так, небольшой отряд бойцов (ὀλίγους στρατιώτας — I, 87) следует за братьями, разыскивающими сестру; эмир едет в Романию в сопровождении юных слуг-воинов (ἄγουρος — II, 2). С теми же «отроками» отправляется он к матери в Сирию (II, 295, 300; III, 22); к ним он обращается в пути (III, 40 сл.), прося их быть порасторопнее. Он называет их: ἄρχοντες, φίλοι, ἀδελφοί — III, 41; *A* 929, намекая тем самым на их знатность. Интересно, что, по его словам, они вступили с ним в договор, поклявшись умереть за него, если придется (συνταγὰς γὰρ ποιήσατε καὶ πολλὰς ὑποσχέσεις, ἃς ὑπέσχετε λέγοντες δι' ἐμοῦ ἀποθνήσκειν — III, 43 — 44), и он напоминает, как он спас их в битве при Меллокопии (III, 65 сл.) Он намного превосходит отвагой своих спутников: когда им встречается страшный лев, то воины эмира в ужасе убегают, лишь он один остается на месте и ударом дубинки убивает зверя (III, 93 сл.). Отроки беспрекословно повинуются ему и стараются как можно скорее достичь Сирии (III, 84 сл.; 108 сл.). Ἄγουροι сопровождают эмира и юного Дигениса на охоту (IV, 105, 247). Здесь они не играют никакой роли и лишь восхищаются Дигенисом. Герой берет с собой спутников (λαὸν... ἰδιόν του — *T* 1042, *A* 1580; ср. *T* 1088, *A* 1653), выезжая на поиски апелатов, но и здесь его слугам нечего делать. Три тысячи отроков выезжают вместе с эмиром навстречу новобрачным — Дигенису и Евдокии (*ГФ* IV, 790). Что касается последующих подвигов Дигениса, то здесь он вообще обходится без спутников (см. выше, стр. 133).

Итак, Дигенис — во многом типичный византийский вельможа, но вместе с тем он наделен рядом фольклорных черт и мало похож на полководца, воюющего с арабами. Обращает на себя внимание, что он ни разу не становится во главе войска, а, наоборот, всячески избегает его и предпочитает одиночество[43].

Одновременно Дигенис является идеальным образом пограничного воина, акрита. Акриты[44] владели небольшими участками земли и в отличие от других стратиотов находились в несколько более привилегированном положении. Согласно книге «О церемониях», когда император находился на границах, обычная его свита заменялась отрядами

---

[42] О такой свите сообщают и другие источники X в. Например, Лев Диакон (Leonis Diaconi Caloensis Historiae. Bonnae, 1828, p. 94. 12—13) пишет о благородных юношах, следовавших за Василием Нофом (μετὰ σπείρας γενναίων νεανίσκων ἐπισπόμενος). Знатный каппадокийский вельможа Михаил Малеин имел при себе в пути слуг, следовавших за ним для помощи (συνεπόμενον αὐτῷ πρὸς ὑπηρεσίαν λαόν — см. «Vie et office de Saint Michel Maléinos», publ. par L. Petit. «Revue de l'Orient Chrétien», an. 7, 1902, p. 552. 28—29). Ср. А. П. Каждан. Формирование феодального поместья в Византии X в. ВВ, XI, 1956, стр. 117—118.

[43] Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности . . . , стр. 129.

[44] См. о них: Σ. Κυριακίδης. Ἀκρίτας. «Ἐγκυκλοπαιδικὸν Λεξικόν», τ. I. Ἐν Ἀθήναις, 1927, σελ. 650—651; K. Krumbacher. Geschichte . . . , S. 832. Об акритах — командирах пограничных областей — см. P. Lemerle. Op. cit. p. 81—82. Характеристика воинской среды, в которой возник «Дигенис Акрит» и тематики песен акристского цикла дана в упомянутом исследовании В. Д. Кузьминой.

акритов из 500 воинов[45]. Системе покровительства акритам приходит конец лишь при Палеологах. Имя «Акрит» было нарицательным для византийского героя — только так можно объяснить упоминавшееся уже обращение Феодора Продрома к Мануилу Комнину[46]. Милости императора, оказанные Дигенису Акриту, С. Кириакидис сопоставляет со свидетельством Георгия Пахимера[47] о посещении границ Михаилом VIII Палеологом, который призывает к себе акритов, раздает им подарки и вслед за тем отправляется в Ахайю (ср. *А* 2419—2420). Дигенис олицетворяет силу, отвагу и стойкость акритов[48], вокруг которых сложился цикл народных греческих песен[49]. Его прозвище дважды объясняется в поэме. Дигенис был прозван Акритом, так как подчинил себе границы (τὰς ἄκρας ὑποτάξας — *ГФ* IV, 53; *Т* 833 говорит об охране границ — τὰς ἄκρας φυλάσσων; *А* 1366 — ἐφύλα γεν τὰς ἄκρας), а также потому, что правил на границах (εἵνεκα τοῦ ἄρχειν εἰς τὰς ἄκρας — *ГФ* IV, 1089) согласно хрисовулу, пожалованному ему императором. Поэма свидетельствует об ореоле, которым было окружено это имя в Византии. Император Василий, как уже говорилось, назван в *ГФ* IV, 56 «великим акритом». Вместе с тем из поэмы видно, что имя это употреблялось и для обозначения воинов-мусульман, живущих у границ: *ГФ* I, 155 говорит об одном дилебите[50] из сарацинов в войске эмира, называя его акритом — τῶν Σαρακηνῶν ἀκρίτης Διλεβίτης.

Дигенис и его родичи постоянно окружены прислугой — деталь эта тоже характерна для быта византийского феодала, хотя сама по себе не свидетельствует о феодальной идеологии. Ценными в этом отношении были бы указания на то или иное отношение к слугам, но здесь, к сожалению, из поэмы почти ничего нельзя почерпнуть. Слуги в «Дигенисе Акрите» — это, как правило, немые персонажи, детали обстановки, окружающей героев; ни хорошего (если не считать нескольких ласкательных обращений), ни плохого поэма о них не говорит. Так, при братьях, отправившихся на поиски сестры, есть переводчик (δραγουμάνου — — *ГФ* I, 217; А 418). Мать Дигениса окружена в своих покоях служанками (βάγιαι — III, 267; ср. *Т* 704, *А* 1225). Служанки есть и у Евдокии, в доме ее отца, стратига Дуки (IV, 281, 319 — βάγια; ср. IV, 282 — ласкательное βαγίτζα μου; IV, 320 — βάγια μου καλή; ср. также IV, 607,613 — οἰκετίδες). Невесте Дигениса стыдно, что на встречу с родителями жениха она едет одна, без служанок (IV, 810). Новобрачных Дигениса и Евдокию встречают οἰκετίδες (IV, 845, 878). Во время свадебного пира (IV, 886 сл.) их развлекают мимы (μίμων), флейтисты (αὐλητῶν), танцовщицы (χορευτρίων). У Дигениса есть главный конюший (πρωτοστράτωρ — IV, 375; *Т* 1302 и *А* 1790 говорят просто о конюшем — στράτορι). Стратиг обещает дать ему в приданое (IV, 717 сл.; *Т* 1311 сл.; *А* 2120 сл.) восемьдесят конюхов (IV, 717; ср. 903), четырнадцать поваров (μαγείρους), четырнадцать пекарей (μάγκιπας) и полтораста других слуг (ψυχάρια); в перечне свадебных подарков упомянуты двенадцать молодых

[45] De cerim., I, p. 489. 6 sq; ср. K. Krumbacher. Op. cit., S. 832; C. Sathas, E. Legrand. Les exploits de Digénis Akritas. Paris, 1875, p. CXXIX—CXXX.

[46] Ср. Г. Дестунис. Указ. соч., стр. 62 сл.

[47] Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri 13, vol. I. Bonnae, 1835, p. 98. 14—108. 1; ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht zum Akritas-Epos. München, 1958, S. 23 f.

[48] Ср. N. Baynes, H. Moss. Byzantium. Oxford, 1949, p. 299.

[49] Ср. Σ. Κυριακίδης. Ἀκρίτας, σελ. 651.

[50] Название это сопоставляется с названием одного из тюркских племен («дилемиты»). Ср. E. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1935, S. 164.

слуг (οἰκέτας νέους — IV, 903) и десять юношей-евнухов (ἀσκευάστους — IV, 924—925). В *T* 1397 и *A* 2261 речь идет также о девочках-прислужницах (τζουπάτας), в *T* 1409 и *A* 2273 — о рабах и рабынях (δούλους καὶ δουλίδας). Отправляясь с женой на границы, герой берет с собой ἰδίους οἰκέτας (IV, 957) и двух прислужниц для жены (βάγιαι — IV, 962), живших в отдельной палатке (ср. VI, 722 сл. — θαλαμηπόλους). Во дворце Дигениса среди других слуг есть мальчик-виночерпий (παῖς οἰνοχόος — — VIII, 199) и стольничий (τραπεζίτης — VIII, 200). Имеется свидетельство о слугах апелатов (см. о них ниже). Так во время первой своей встречи с апелатами Дигенис сталкивается с их водоносом (ὑδροφόρον — *T* 1053 сл., *A* 1591). В тексте упоминаются и рабы (δοῦλοι). Поэма говорит, что в результате побед Дигениса ромеи, томившиеся в плену, сами стали владеть своими бывшими хозяевами как рабами (ὡς δούλους — —*ГФ* VII, 218). Впрочем, характер употребления δοῦλος в «Дигенисе Акрите» вряд ли позволяет сделать какие-либо заключения. Словом этим поэма неоднократно называет пленников (*ГФ* II, 61,189; VI, 278; VII, 209,218). *В ряде случаев оно употреблено в переносном смысле* (*ГФ* IV, 47, 98, 505, 680, 755, 988). Более характерно отмеченное уже упоминание *T* 1409 и *A* 2273 о δούλους и δουλίδας в свадебном приданом.

Единственное место, свидетельствующее о жестоком обращении Дигениса со слугами, содержится лишь в *T* 1460 сл. и *A* 2326 сл. Однажды повар его рассердился (*T* 2460 — χολιάζει; согласно *A* 2326, он стал возражать — ἀντεῖπε), и Дигенис так ударил ослушника, что вышиб ему глаза и сделал слепым на всю жизнь. После этого, впрочем, он запретил кому-либо, кроме Евдокии, приближаться к себе. Жестокость эта не встречает у автора никакого осуждения. Не исключено, что поэма отразила здесь феодальную идеологию [51]. Следует, однако, сказать, что эпизод этот вряд ли является оригинальным и самостоятельным — весьма возможно, что он был вставлен в отдельные редакции поэмы под влиянием схожего предания об Александре Македонском и его поваре, нашедшем и потерявшем «воду жизни» [52].

В поэме широко представлен еще один социальный слой. Это апелаты [ἀπελάται — буквально: «угонщики» (скота)] [53], которые скрывались в потайных местах и отрядами совершали свои нападения. Римское и византийское законодательство предусматривало для апелатов жестокие наказания [54]. Судя по поэме, все они живут на границах (*A* 2421—2422) в страшных ущельях (κλεισούρας — *T* 3096, *A* 4333) и похищают, по-видимому, не столько скот, сколько людей (ср. *T* 1078, *A* 1616). Манера, в которой говорится в «Дигенисе Акрите» об апелатах, весьма своеобразна: *ГФ* IV, 33 сл. ставит их главарей в один ряд с древнегреческими героями, которых затмил эмир. Предводитель апелатов Филопапп вспоминает о том, сколько земель он покорил в былые времена и сколько врагов склонилось перед ним (*ГФ* VI, 355 сл.; *T* 2227 сл.; *A* 3304 сл. — он не уточняет, были ли его соперники византийцами или арабами). Это делает весьма сомнительным проводившееся всеми исследователями полное отождествление апелатов поэмы с теми самыми

[51] А. П. Каждан. Крестьянские движения.., стр. 86—87.

[52] Ср. J. Mavrogordato. Digenes Akrites. Oxford, 1956, p. XL.

[53] Подробнее о значении этого слова и неправильном его толковании некоторыми исследователями («изгнанный») см. K. Krumbacher. Geschichte..., S. 833; J. Mavrogordato. Op. cit., p. XXXVI — XXXVII; N. A. Βέης. Ἀπελάτης. «Ἐγκυκλοπαιδικὸν Λεξικόν», τ. II, σελ. 279—280.

[54] Dig., XLVII, 14; Ecloga, XVII, 13; Prochiron, XXXIX, 56; Epanagoge, XL, 73; Basilika, LX, 25, 4. Ср. K. E. Zachariä von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Aalen, 1955, S. 340.

«угонщиками», которых преследовали византийские законы. В связи с этим важно отметить, что это название отнюдь не всегда употреблялось в византийских источниках в отрицательном значении. Так, у Константина Багрянородного под апелатами подразумеваются легковооруженные воины, предназначенные для грабительских набегов на вражеские земли [55]. Отнюдь не столь враждебно относится к ним и наша поэма. Судя по стихам *ГФ* IV, 33 сл., песни об апелатах, по-видимому, предшествовали песням о Дигенисе, но были вытеснены акритскими песнями; на смену старым героям пришли новые (ср. *Т* 801 сл.; *А* 1333 сл.) [56]. Однако, несмотря на превосходство эмира и в особенности Дигениса над апелатами, популярность апелатов, отразившаяся в фольклоре, сказалась и в нашем памятнике. В поэме отсутствует какая-либо предвзятая вражда к апелатам или осуждение их. Рассказ о первой встрече героя с апелатами начинается с того, что он слышит об этих отважных (πολλὰ ἀνδρειωμένους) людях, которые держатся в теснинах и совершают подвиги (ἀνδραγαθίας — *Т* 1044 сл., *А* 1582 сл.), и отправляется на их поиски. Видя льва, убитого «чудесным» (τοῦ θαυμαστοῦ) Иоаннакисом, Дигенис произносит с восхищением: «Когда же, глаза мои, вы увидите этих храбрецов!» (*Т* 1052; *А* 1590). Не зная еще, насколько он превосходит силой апелатов, юноша сам стремится стать одним из них — так говорит он их водоносу (*Т* 1058; *А* 1596; *Э* 643 сл.) и самому Филопаппу (*Т* 1068 сл.; *А* 1606 сл.; *Э* 654 сл.). В *А* 1921 и *Э* 891 Дигенис, уверяя Евдокию в своей любви, клянется ей «святым Феодором, великим апелатом» (μὰ τὸν ἅγιον Θεόδωρον, τὸν μέγαν ἀπελάτην; A_1 355 дает здесь: μέγαν στρατιώτην; *ГФ* IV, 477 говорит о святых мучениках Феодорах). Интересно, что *Э* 622 называет Дигениса: φῶς τῶν ἀπελάτων, а двумя стихами ниже (624) апелаты характеризуются как εὐγενικοί и ἀνδρεῖοι. Апелаты в войске Максимо названы μέγιστοι (*ГФ* IV, 547). Вообще поэма неоднократно награждает лестными эпитетами главарей апелатов — Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, восхваляя их доблесть и боевое искусство (ср. *ГФ* VI, 207 сл., 218, 237, 355 сл.). Разумеется, превосходство Дигениса над апелатами неоднократно подчеркивается во всей поэме; герой не раз побеждает их и держит их в страхе (*ГФ* IV, 965 сл.; VI, 116 сл.; *Т* 2002 сл.; *А* 2966 сл.; *Э* 1151 сл. и др.). Но это и понятно — ведь он приходит им на смену и «послан самим богом на страх апелатам» (*Т* 932, *А* 1469).

Приведенные примеры вряд ли дают основание характеризовать отношение автора поэмы к апелатам как резко отрицательное и делать отсюда вывод о феодальной идеологии поэмы [57]. Если и видеть в отдельных стихах «Дигениса Акрита» следы враждебного отношения к апелатам (например, описание их убежища как λῃσταρχεῖον... τὸ φοβερὸν καὶ ξένον — *Т* 1060, *А* 1598; сравнение Киннама и Иоаннакиса с лающими псами — *ГФ* VI, 242 и т. д.), то оттенок этот естественно вытекает из идеи превосходства Дигениса (причем превосходства физического, душевного, но отнюдь не сословного) и вряд ли связан с феодальной идеологией автора. Последнее, тем менее, вероятно, если иметь в виду значение ἀπελάτης у Константина VII — значение, как нам кажется, во многом близкое характеристике апелатов в «Дигенисе». Но если даже допустить, что поэма

[55] De cerim., I, p. 696. 4; ср. ibid., II, p. 820—821. См. также: H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire Byzantin aux IX-e — XI-e siècles. Paris, 1960, p. 121.

[56] Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 145.

[57] А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 367.

отождествляет апелатов с разбойниками (это, кстати, не подтверждается известными нам версиями)[58], то и враждебность к разбойникам знакома фольклору — взять хотя бы русские народные былины об Илье Муромце. С другой стороны, и в самих греческих акритских песнях отношение к Филопаппу отнюдь не всегда благожелательно [59]. Так, в одной из песен Дигенис нападает на Филопаппа, посланного сватом и не выполнившего данного ему поручения [60]. Замена старых народных героев новыми (с естественным принижением первых) вполне могла совершаться в рамках фольклора, откуда и перешла в ученую поэму; видеть здесь результат феодальной антипатии вряд ли есть необходимость.

Заметим в этой связи, что текст поэмы не дает достаточных оснований и для трактовки апелатов как «представителей трудящихся, поднимавших возмущения против несправедливости существующих порядков» [61]. А. П. Каждан, на наш взгляд, несколько переоценивает стих *T* 1078, прямо свидетельствующий, по его мнению, «о том, что апелаты выступают против архонтов» [62]. В этом месте, однако (после стиха 1078 в *T* лакуна, восстанавливаемая с помощью *A* 1617 сл.), Филопапп лишь предлагает Дигенису (тоже «архонту») подстеречь знатную свадебную процессию, ворваться в середину, похитить жениха и невесту (или только новобрачную) и доставить их апелатам — так докажет он свою силу: ὅταν περνοῦν οἱ ἄρχοντες μετὰ πολλοῦ τοῦ πλήθους ἔχοντες νύμφην καὶ γαμβρὸν νὰ ἔμπῃς εἰς τὸ μέσον, νὰ πάρῃς νύμφην... ἐδῶ νὰ τὴν ἐφέρῃς... и т. д. Здесь, конечно, Филопапп говорит об одном из характерных «подвигов» апелатов, но видеть в этом задании или в упоминавшихся уже попытках апелатов похитить жену Дигениса борьбу против социальной несправедливости вряд ли есть основания. Поэма, как уже отмечалось, и самих апелатов называет «благородными» (*Э* 624); говорит она и о славном происхождении Максимо (*ГФ* VI, 386 — 387) — родственницы Филопаппа, Киннама и Иоаннакиса. Вспоминающий о своих победоносных походах Филопапп (*ГФ* VI, 355 сл.; *T* 2227 сл.; *A* 3304 сл.) весьма похож на знатного византийского военачальника. То же можно сказать и о первом воине Максимо — Мелимидзисе, набирающем в ее войско апелатов (*ГФ* VI, 427 сл.); не исключено, кстати, что возможным историческим прототипом этого предводителя апелатов был стратиг фемы Ликанд Мелиас [63].

Все это вряд ли дает возможность ставить апелатов «Дигениса» в один ряд с latrones и scamarae [64] или видеть в отношении к апелатам какие-либо следы феодальной идеологии. Следует еще раз подчеркнуть, что для Дигениса апелаты — не слуги и не бунтовщики, а неудачливые соперники. Исследователи не без оснований сопоставляли апелатов, выведенных в «Дигенисе Акрите», с клефтами — любимыми героями новогреческих

---

[58] Поэма нигде не называет апелатов разбойниками (λῃσταί) — последние упоминаются здесь совершенно самостоятельно (*ГФ* I, 296 — подчинение эмиром разбойников; *ГФ* III, 308 — слова эмира Дигенису о том, что тот подчинит разбойников; *ГФ* V, 216, *T* 1617, *A* 2504 — о Мусуре, нигде не названном апелатом).

[59] Ср. А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 88; его же. Деревня..., стр. 367—368.

[60] P. Kalonaros. Op. cit., I, p. 175—176.

[61] А. П. Каждан. Крестьянские движения..., стр. 87.

[62] Там же; ср. его же. Деревня..., стр. 367.

[63] H. Grégoire. Notes epigraphiques, VII. Mélias le Magistre. Byz., VIII, 1933, p. 79—88; N. Adontz. Les fonds historiques de l'épopée byzantine Digénis Aktitas. BZ, XXIX—XXX, 1929—1930, S. 216.

[64] А. П. Каждан. *Крестьянские движения...*, стр. 87.

песен [65]. И действительно, поэма сохраняет следы популярности, которая некогда окружала этих «угонщиков скота»; они сражались с тысячными войсками, завоевывали города и страны, стыдились нападать вместе на одного и уступили место одному лишь непревзойденному Дигенису.

III

«Дигенис Акрит» в полной мере отразил религиозную идеологию своей эпохи — восхваление православия занимает в поэме значительное место [66]. Автор не чужд религиозного прозелитизма, связанного, по-видимому, с событиями 920—930 гг.— обращением отдельных арабских вождей и целых племен в христианство [67]. В христианство переходят эмир (*ГФ* I, 306; II, 41), его мать (III, 228 сл., 330), его родичи и соплеменники (III, 236 сл., 332; VIII, 9 сл.), дочь Аплорравда (V, 226 сл.). Надо, впрочем, отметить, что эмира и дочь Аплорравда толкнуло на это отнюдь не благочестие, а любовная страсть. Зато обращение родичей эмира совершается по всем правилам. Эмир выступает с длинной речью о преимуществах христианства (*ГФ* III, 160—227; *Т* 565—613; *А* 1081—1130; *Э* 543—559). Он произносит никейский символ веры, восхваляет троицу, говорит о страшном суде, о царствии небесном, ожидающем праведников, и о геенне огненной, уготованной для грешников. Обращенный в христианство араб сам становится ревностным поборником православия. Живя со своей супругой и сыном, эмир проводит все дни, «размышляя над путями господними» (*Т* 1032). Полон благочестия и Дигенис: он выстраивает рядом со своим домом храм св. Феодору (VII, 104 сл.), неоднократно призывает на помощь и благодарит господа, богородицу, святых. Та же религиозность свойственна и жене героя, его матери, дядьям, тестю. «Пусть не будет мне места среди христиан!»— такова самая страшная клятва в устах эмира (II, 259). «Пусть в христианстве не умру!»— так клянется Дигенис Евдокии, уверяя ее в своем постоянстве (IV, 560). Около сотни раз упоминается в *ГФ* бог (θεός, κύριος). Он — творец земли, неба, всего сущего (*ГФ*, III, 171 сл.; VI, 275; VIII, 153 сл.); он знает все скрытое и справедливо воздает за все (*ГФ* II, 274; *Т* 2663, 2666); он — податель всех благ (*ГФ* IV, 948). Власть — это «дар божий, десница всевышнего» (*IV*, 1041). Господь дарует Дигенису силы (IV, 146 сл.) и победу над врагами (VI, 690 сл.). Он посылает сны людям, чтобы сделать тайное явным (II, 134 сл., 177). Поэма неоднократно упоминает троицу, Христа, богородицу, ангелов, а также святых воинов, покровителей Дигениса,— Георгия (I, 23; VI, 701), Димитрия (I, 25; VI, 701), Феодора Стратилата и Феодора Тирона (I, 21—22; IV, 477, 907; VI, 700; VII, 105). Обращение к Христу содержится и в заключительных стихах (*ГФ* VIII, 301 сл.; *А* 4776 сл.), которым предшествуют рассуждения о тщете всего немного, о том, сколь непрочны юность, наслаждения и все блага в этом

---

[65] Ср. C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. CL, n. 2; А. Н. Веселовский. Отрывки византийского эпоса в русском. «Вестник Европы», ч. 10, т. II, 1875, стр. 753; Ch. Gidel. Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. Paris, 1878, p. 299; A. Eberhard. Über ein mittelgriechische Epos vom Digenis. «Verhandlungen der 34. Versammlung Deutscher Philologen und Schulmänner in Trier, vom 24 bis 27 September 1879». Leipzig, 1880, S. 50; A. Rambaud. Une épopée byzantine au X-e siècle. «Revue des deux mondes». XLV an., pt. 3, t. X, 1875, p. 929.

[66] Ср. Α. Μηλιαράκης. Op. cit. σελ.. τά; P. Pavolini. L'epopea bizantina di Digenes Akritas. «Atene e Roma», XIV, 1911, p. 323; A. Eberhard. Op. cit., S. 57; Ш. Диль. Византийские портреты. Вып. 2, М. 1914, стр. 349—350 и др.

[67] Ср. А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 139.

мире (*ГФ* VIII, 286 сл., *А* 4727 сл.)[68]. Дигенис глубоко убежден, что к грехам его толкает сатана —«покровитель мрака, враг и ненавистник нашего рода» (V, 251—252). Он верит, что на том свете его ждет расплата за грехи (V, 254), и кается в своих проступках (V, 15 сл.; VI, 605 сл.). Как возмездие за грехи воспринимают они с женой свою бездетность (VII, 187—188). Поэма содержит и ряд библейских реминисценций[69], на которых мы здесь не будем останавливаться[70]. Возможно, что *ГФ*, принадлежащая, по-видимому, какому-то монаху, в несколько большей степени, чем другие версии, сохранила налет религиозной идеологии. Однако разница между версиями поэмы в этом отношении не так уж велика. Уже М. Сперанский отметил, что благочестивые места в обоих текстах (*ГФ* и *Т—А*) почти всегда совпадают. Это, по его мнению, дает возможность «предполагать выраженным то же настроение и в их архетипах»[71]. Вполне благочестива и наиболее близкая к фольклору *Э*.

В этой связи следует еще раз вернуться к поднятой А. Грегуаром и Н. Адонцем проблеме «павликианства» «Дигениса Акрита». Разбирая вопрос об историчности отдельных персонажей поэмы, мы уже имели случай отметить полное отсутствие в поэме каких-либо следов павликианского настроения[72]. Если прототипами некоторых предков Дигениса и служили вожди павликиан (Хрисохир, Карвеас), то в поэме эти лица полностью слиты с мусульманами; как уже говорилось, это характерно для византийской традиции X в. Поэма не содержит абсолютно ничего «еретического» ни в связи с Хрисовергом и Кароесом, ни в каком-либо другом месте и является вполне ортодоксальной. По остроумному замечанию Дж. Маврогордато, тому, кто ищет в «Дигенисе» следы павликианской доктрины, остается разве только увидеть в имени героя проповедь манихейского дуализма[73]. Не учитывают Грегуар и его сторонники и того существенного обстоятельства, что павликианство как влиятельная в Византии сила было в значительной мере уничтожено задолго до создания

---

[68] Заметим в этой связи, что слова врачей умирающему Дигенису о том, что тот никогда уже не возьмется за оружие, что исчезли его сила, богатство, отвага, что душа его скоро оставит тело и могила скроет могучего героя (*Т* 3152—60, *А* 4407—15), не так далеки от христианской идеологии и вряд ли свидетельствуют о языческом восприятии смерти (ср. А. П. Каждан. Рец. на кн. А. Грегуара «Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας». ИАН СССР, серия ист. и филос., т. V, № 2, 1948, стр. 212—213). Стихи эти — в полном соответствии с благочестивой концовкой *ГФ*, *А*, *Э* (конец *Т* утрачен) — говорят лишь о бренности всего земного, о смерти тела; они вполне созвучны по настроению стихам *А* 4727 сл., которые никак нельзя назвать еретическими (при этом не следует забывать, что поэма о Дигенисе при всей ее благочестивости — все же не житие святого). Кстати, отмеченные отрывки *Т* и *А* отнюдь не свидетельствуют об ином настроении этих версий в сравнении с *ГФ* (указ. рец., стр. 212). Достаточно сравнить это место со сценой плача по умершему Дигенису (*ГФ* VIII, 249 сл.), содержащей те же самые мотивы (гибель могущества, отваги, красоты; гробница, стерегущая героя, и т. п.). Загробный мир воспринимается в указанных версиях поэмы как конец плоти, но отнюдь не духа, и вряд ли можно в этом отношении говорить о «свободомыслии» автора поэмы (А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 138). При этом черты язычества отнюдь не чужды «Дигенису Акриту» — речь о них пойдет ниже.

[69] Ср. A. Eberhard. Op. cit., S. 57.

[70] А. Любер усматривает даже в биографии Дигениса влияние евангельского образа Христа (проявление его силы в возрасте 12 лет и смерть в 33 года). См. A. Luber. Digenis Akritas. Salzburg, 1885, S. 9. Вряд ли есть необходимость в таком предположении. Перед нами, скорее всего, дань символике чисел, столь распространенной в средние века. Если же говорить здесь о влиянии какого-либо образа, то речь может идти, вероятней всего, об Александре Македонском.

[71] М. Сперанский. Указ. соч., стр. 92 сл.

[72] А. Я. Сыркин. Об историчности..., стр. 139 сл. 148; ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. XLV.

[73] J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXIV.

«Дигениса Акрита»— вряд ли меньше сотни лет должно было пройти между разгромом павликианского движения в 70-х годах IX в. и возникновением первоначальной редакции поэмы (см. выше, стр. 133), разумеется, соответствующей в основных своих чертах *ГФ*, *Т* и *А*, ибо какое-либо иное понимание этой не дошедшей до нас редакции делает обсуждение вопроса совершенно беспредметным.

Несколько в иной плоскости лежит вопрос об участии павликиан в византийском эпическом творчестве. Такие уже отмечавшиеся нами [74] сцены, как восхваление устами Панфии подвигов Хрисоверга (*ГФ* II, 60—69; *Т* 187—195; *А* 642—653) и Кароеса (*ГФ* II, 76—79), убийство Дигенисом Судалиса (*А* 2024 сл.; *Э* 928 сл.), при всех своих неясностях вполне могли восходить к павликианской традиции, к песням, слагавшимся самими павликианами [75]. К сожалению, памятники подобного рода до нас не дошли, а известные нам тексты «Дигениса Акрита» не дают возможности судить о степени такого участия. Ссылаться же на *неизвестные* тексты поэмы, как это склонен делать А. Грегуар [76], вряд ли убедительно. Строго говоря, отмеченные эпизоды не позволяют с уверенностью констатировать и самый факт использования в «Дигенисе Акрите» павликианской традиции. Свидетельство Масуди (умер ок. 956—957 гг.) о том, что среди изображений знаменитых воинов в одной из греческих церквей находились изображения нескольких мусульманских полководцев и павликианского вождя Карвеаса [77], показывает, что восхваления павликиан, поскольку речь шла не о догматике, а о военной доблести, вполне могли исходить из уст ортодоксальских византийцев; об этом же говорит и отношение автора поэмы к мусульманам (ср. ниже). Крайне сомнительны поиски павликианства и во взаимоотношениях Дигениса с императором (основной аргумент А. Грегуара). Битва между ними известна лишь из Тихонравовской редакции русской повести, лишенной и тех скудных павликианских реминисценций, которые приводят греческие тексты. В предыдущей статье [78] мы уже останавливались на том, сколь ненадежна проекция этого эпизода в неизвестный нам греческий оригинал и тем более в архетип поэмы. Но если и допустить такую проекцию, то нет никакой нужды объяснять это столкновение павликианской тенденцией. Враждебно-недоверчивое отношение героя к императору и его войскам действительно прослеживается в греческих версиях поэмы, и оно вполне соответствует некоторым чертам идеологии этого памятника — идеологии провинциальной военной знати, отстаивавшей свою независимость от центральной власти. Если мы учтем, что первоначальная редакция поэмы о Дигенисе оформлялась примерно в тот период, когда борьба эта достигла высшего напряжения (восстания 70—80-х годов X в.), то станет ясно, насколько естественнее объяснять отношение Дигениса к императору (да и предполагаемую битву между ними) современной автору обстановкой, чем давно уже миновавшими конфликтами с павликианами. При непредвзятом подходе проблема павликианства в византийском эпосе в лучшем случае сводится к допущению в о з м о ж-

---

[74] А. Я. С ы р к и н. Об историчности..., стр. 139 сл., 147 сл.

[75] Ср. Е. Э. Л и п ш и ц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX в. ВВ, V, 1952, стр. 61.

[76] См., например, H. G r é g o i r e. Note sur le Digénis slave. Byz., X, 1935, p. 335 sq.; i d e m. Notes on the byzantine epic, Byz., XV, 1940, p. 96 sq.

[77] M a s ʿū d ī, in: «Bibliotheca Geographorum arabicorum», pars VIII, ed. De Goeje. Lugduni, 1884, p. 74; цит. по кн.: A. A. V a s i l i e v. Byzance et les arabes, t. I. Bruxelles, 1935, p. 232, n. 1.

[78] А. Я. С ы р к и н. Некоторые проблемы. . . . .стр 104.

ности использования и переработки каких-то неизвестных нам павликианских текстов в неизвестном объеме. Строить на этом допущении какие-либо конструктивные выводы представляется невозможным.

Прославление христианской веры — слишком общее место в памятниках византийской литературы, чтобы останавливаться здесь на каких-нибудь параллелях. Важнее отметить, что, защищая православие и утверждая его превосходство над другими религиями, поэма совершенно лишена религиозного фанатизма [79]. Представители ислама столь же привлекательны, как и христиане; принадлежность их к мусульманству не вызывает у автора никакой предвзятой ненависти (ср. ниже, стр. 144 сл.). Еще в меньшей мере знакомо поэме чувство национальной вражды, что видно уже из одного имени главного героя. Совершенно нелепыми выглядят в этой связи профашистские построения Г. Шрайнера, пытавшегося в своем выступлении на IV византиноведческом конгрессе в Софии в 1934 г. говорить о Дигенисе как о «символе расовой чистоты» [80].

При всей своей ортодоксальности «Дигенис Акрит» отразил живучесть в византийском народе языческих верований, восходящих к дохристианской эпохе, сохранил следы античной мифологии. Важно подчеркнуть, что в данном случае речь идет отнюдь не об увлечении образованных византийцев тех лет античной культурой (мы не останавливаемся здесь на реминисценциях из античной литературы — они свидетельствуют не столько о религиозном мировоззрении, сколько о литературных вкусах), а именно о народных поверьях, многие из которых сохранились до наших дней. Интересны упоминания об Аиде (ᾅδης — *ГФ* II. 278; III, 74; VIII, 2, 126, 270) и Хароне (VIII, 2, 125, 269): вместе со смертью (θάνατος — VIII, 268) они безжалостно губят красоту и славу, не щадят ни молодых, ни старых и обращают все в грязь и пепел (VIII, 271 сл.). «Меня, непобедимого, Харон одолевает», — говорит жене умирающий Дигенис (*ГФ* VIII, 125) — здесь вспоминаются многочисленные народные песни о борьбе Дигениса с Хароном, закончившейся смертью героя [81]. Перед нами отзвук народных поверий о Хароне, переживших античность и сохранившихся в современном фольклоре. Народная фантазия представляет Харона в виде всадника на вороном коне, приближающегося к юным героям и уносящего их души [82]. Другой отголосок народных суеверий — упоминание о трехглавом драконе, напавшем у источника на Евдокию и убитом Дигенисом (*ГФ* VI, 47 сл.). Чудовище это, известное еще гомеровскому эпосу (например, «Илиада», II, 308), также сохранилось в греческих верованиях. Согласно народным преданиям, драконы похищают девушек; они живут у источников и охраняют их (κύριοι τῶν πηγῶν) [83]. Единоборство героя с драконом — распространенный мотив в народных песнях и в агиографии (святой Георгий). Другое поверье, отразившееся в поэме, — представления о духах, обитающих в различных местностях. Потрясенные невиданной

---

[79] Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXIX.

[80] См. H. Grégoire. Ὁ Διγενὴς Ἀκρίτας. New York, 1942, p. 76, n. 2.

[81] См. N. Πολίτης. Ἀκριτικὰ ἄσματα. Ὁ θάνατος τοῦ Διγενῆ. Λ, I, 1909, σελ. 109—275.

[82] Ср. N. Πολίτης. Μελέτη ἐπὶ τοῦ βίου τῶν νεωτέρων ἑλλήνων, τ. I, Νεοελληνικὴ μυθολογία. Μέρος Β'. Ἀθῆναι, 1874, σελ. 237 ἑξ.; D. Hesseling. Charos. Leiden — Leipzig, 1879, S. 23 f.; O. Waser. Charon, Charun, Charos. Berlin, 1898. S. 92 f.

[83] N. Πολίτης. Μελέτη..., τ. I, μέρος Α', σελ. 154 ἑξ.; ср. C. Sathas, E. Legrand. Les exploits..., p. 281—282; P. Ioannou. Les croyances démonologiques au XI-e siècle à Byzance. «Actes du VI-e Congrès International d'études byzantines», t. I. Paris, 1950, p. 253.

отвагой Дигениса, Киннам и Иоаннакис думают, что перед ними чародей (γόης) или дух этой местности (στοιχεῖον τοῦ τόπου — *ГФ* VI, 320, 326)[84]. Пережиток язычества содержится, по-видимому, и в жалобах братьев, отчаявшихся найти похищенную эмиром сестру: они со слезами обращаются к солнцу (κὺρ ἥλιε — *Э* 91, 94; ср. *Т* 9 сл., *А* 444 сл.), к земле (*Э* 97 сл.) и лишь потом (*Э* 103 сл.) взывают о помощи к Христу, к богу и богородице. В соответствующем месте *ГФ* солнце тоже персонифицировано — братья упрекают его за то, что оно позавидовало красоте их сестры и бесчестно убило красавицу, затмившую его своим блеском (I, 253 — 254). В *Э* солнце призывается в свидетели и дальше (*Э*, 383 сл.). Подобные обращения к солнцу были также весьма характерны для античных верований[85].

Поэма отразила и обычаи, связанные с народными поверьями. Так, например, когда Дигенис омывается после своей первой охоты, спутники юноши жадно пьют воду, текущую из источника, чтобы и самим стать отважными (*ГФ*, IV, 217—218). Это поверье, как отмечает Дж. Маврогордато, известно и у других народов[86]. Приведенные примеры свидетельствуют о распространенности в Византии различных пережитков языческих верований. Верования эти, как известно, отлично уживались с христианством[87]; об этом говорит и «Дигенис Акрит».

Большую роль играют в поэме арабы — главные соперники Византии в IX—X вв. Вместе с тем Дигенис почти не сталкивается с арабами. О борьбе византийцев с арабами лишь вкратце говорится в воспоминаниях действующих лиц, в предыстории поэмы. Почти все противники Дигениса — христиане. Отношение к мусульманам достаточно объективно, а подчас и дружелюбно, свидетельства тому — образы эмира, его матери, дочери Аплорравда. Автор восхваляет отвагу и достоинства эмира (*ГФ* I, 30 сл.), а устами его матери даже прославляет подвиги отца эмира, который одерживал победы над византийцами и предпочел умереть, чем оставить свою веру (II, 60 сл.). Точно так же восхваляются подвиги его дяди (II, 75 сл.); передана, наконец, речь в защиту ислама, которую произносит перед эмиром его мать (III, 132 сл.). Разумеется, многое здесь могло перейти в поэму из арабских источников[88], но и в таком случае характерно, что автор и редакторы поэмы сохранили настроение этих источников. Мы видим (в особенности это относится к *ГФ*) известное знакомство с исламом, с его реликвиями, с обычаями мусульман.

Так, в обращении к эмиру (*ГФ* I, 100 сл.) братья говорят о «висящем камне» (κρεμάμενον λίθον). Не совсем ясно, какая святыня имеется здесь в виду — быть может, речь идет об огромном камне, находящемся под куполом мечети Омара в Иерусалиме и служившем некогда алтарем стоявшего на этом месте храма Соломона[89]. Дальше следует упо-

[84] Ср. N. Πολίτης. Μελέτη..., τ. I. Μέρος Α', σελ. 154.

[85] Ср. H. Grégoire, M. Letocart. ΕΝΤΥΧΙΑ ΠΡΟΣ ΗΛΙΟΝ. L'invocation au soleil vengeant dans l'épopée byzantine. «Revue des études anciennes», t. 42, 1940, p. 161—164. Культ этот отразился и в клятвах византийцев. Ср. Ф. Κουκουλές. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός, τ. Γ'. Ἀθῆναι 1949, σελ. 372.

[86] J. Mavrogoradato. Op. cit., p. 78.

[87] Ф. К. Κουκουλές. Op. cit., τ. Α', II, σελ. 123 sq.; Ср. Ф. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874, стр. 43 сл., 62 сл. О влиянии античной мифологии на византийское искусство см. K. Weitzmann. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951, p. 3, 198 sq.

[88] Мы не считаем себя компетентными для специального рассмотрения подобных параллелей. Ряд интересных наблюдений в этой области был сделан Р. Гоосенсом, М. Канаром, А. Грегуаром. Ср. А. Я. Сыркин. К истории изучения..., стр. 210, 214.

[89] P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 7; J. Mavrogordato. Op. cit., p. 8—9.

минание о гробнице пророка Мухаммеда в Медине (I, 103 — μνῆμα τοῦ Προφήτου). Обращаясь к эмиру, мать его также говорит об этой гробнице и о совершающихся около нее чудесах (*ГФ* III, 139 сл.): когда она с сыном ходила туда на молитву, среди ночи их взорам предстали медведи, львы, волки, овцы, мирно пасущиеся рядом и не причинявшие друг другу вреда. Перед нами отзвуки легенд о чудесах, совершавшихся будто бы у этой мусульманской святыни. Дальше мать говорит эмиру о хранящемся у них платке Неемана (τὸ Νέευμα...τὸ μανδίλι — 150 сл.). Нами отмечалось уже[90], что здесь, быть может, идет речь о платке, по преданию, посланном Христом эдесскому царю Абгару (так называемый ἅγιον ἐκμαγεῖον), но не исключено также, что имеется в виду какая-то неизвестная нам мусульманская реликвия, связанная с легендой об исцелении сирийского военачальника Неемана пророком Елисеем (IV Книга царств, 5). Поэма неоднократно упоминает о «великом пророке», т. е. Мухаммеде. До своего обращения в христианство эмир клянется: μὰ τὸν μέγαν Προφήτην (I, 307). Упрекая его за то, что он преступил заповеди пророка (II, 58), мать напоминает ему, как отец его соблюдал προστάγματα...τοῦ Προφήτου (II, 70); она грозит ему материнским проклятьем и говорит, что нет мечети (μασγιδίον — *ГФ* II, 83), где бы его не проклинали за отступничество. Поэт влагает в ее уста бранное выражение по адресу христиан. «Ты лишился всего ради любви к поедательнице свинины» (χανζυρίσσης — *ГФ* II, 82, от араб. hanzir — «свинья»; ср. *Э* 269 — χατζιροφαγοῦσα), — говорит она, намекая на запрет мусульманам употреблять в пищу свинину[91]. Поэма сообщает характерную деталь биографии эмира: живя в Сирии, он как мусульманин имел много жен. Мать пишет ему, что эмиры могут убить его детей — детей вероотступника, а его прекрасных жен (τὰ τερπνά σου κοράσια — II, 87) отдадут другим. Прочтя это, эмир горюет о детях, и при мысли о том, что жен его ждут чужие объятия, в нем загорается ревность (II, 108). Деталь эта говорит о том, что, несмотря на крещение и брак с возлюбленной-христианкой, в эмире жив еще мусульманин. «Ведь никогда новая страсть не заставит забыть старой...» (II, 109 сл.), — поясняет при этом автор поэмы, как бы оправдывая своего героя. Эти жены и дети встречают его в Рахабе, обнимают, целуют, не в силах оторваться от него (III, 127 сл.). По-видимому, вместе с другими его родственниками они принимают христианство и переселяются в Романию; о дальнейшей их судьбе поэма ничего не говорит.

Возможно, еще один мусульманский обычай отразился в сцене сражения эмира с Константином. Признавая свое поражение, эмир «по обычаю» показывает противнику палец (*А* 391 — τὸν δάκτυλον ἔδειξεν κατὰ τὴν τάξιν ὁπού ᵓχαν; *ГФ* I, 194 дает несколько иной вариант: τοὺς δακτύλους ἐσταύρωσεν ὡς ἦν αὐτοῖς τὸ ἔθος; *ср. Э 53). П. Бернхард сопоставляет это* с традиционным жестом мусульман (tauhîd) — поднятием указательного пальца правой руки, что является своего рода символом веры, признанием единства бога[92].

---

[90] А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 00.

[91] Слово это было в свое время неправильно истолковано Д. Хесселингом (D. Hesseling. Le roman de Digénis Akritas d'après le manuscrit de Madrid. A, III, 1912, p. 552 — «mauvaise menagère»). Ср. Σ. Ξανθουδίδης. Διγενὴς ᵓΑκρίτας κατὰ τὸ χειρόγραφον ᵓΕσκουριάλ. «Χριστιανικὴ Κρήτη», I, 1913, σελ. 549; M. D. Petruševski. Quid significet ΧΑΤΖΙΡΟΦΑΓΟΥΣΑ. «Živa Antika», № 1, god II, 1952, str. 97.

[92] P. L. Bernhard. Eine heute noch in der islamitchen Welt gebräuchliche Form des Tauhid in dem Epos von Dijenis Akritas. «Actes du X-e Congrès International d'études byzantines». Istanbul, 1957, p. 260. Не исключено, впрочем, что здесь

Как уже говорилось, несмотря на известный прозелитизм, чувство религиозной и расовой нетерпимости чуждо поэме о Дигенисе. Исследователи отмечали, что в греческом фольклоре сарацины-арабы вообще обрисованы гораздо мягче и дружелюбнее, нежели турки. Следует учесть, что для византийцев IX—X вв. арабы были не столько хозяевами и угнетателями, сколько равноправными соперниками [93]. Арабская культура, как и византийская, много почерпнула из эллинистических источников, из Библии; она вызывала у византийцев живой интерес. Многим средневековым авторам «от Иоанна Дамаскина до Данте»[94] ислам представляется лишь христианской ересью, близкой к арианству[95]. Известное ожесточение против арабов, связанное с их успехами, уступило к середине X в. место более терпимому отношению, когда империя вступила в полосу военных удач. Годы тяжелых поражений Византии отошли в прошлое; в памяти свежи были походы византийских полководцев, неоднократные обращения в христианство отдельных арабских вождей и даже целых племен и их служба в византийских войсках[96]. Дух реванша, характерный для IX — начала X в. и отразившийся, быть может, в «Сыне Армуриса»[97], в целом сменился более спокойным, иногда даже дружелюбным отношением к арабам. Характерно, что Византии был чужд дух «священной войны», дух крестовых походов [98], и такое отсутствие «крестоносного духа» в полной мере отразилось и в нашей поэме [99]. Это, разумеется, не исключало религиозной полемики, которая велась между двумя воюющими сторонами [100]. Дань такой полемике представляет собой значительная часть III книги *ГФ*, *Т*, *А*. Интересно, однако, что, по наблюдению специально занимавшегося этим вопросом К. Гютербока, в X—XI вв., по-видимому, под влиянием военных успехов византийцев, полемика с исламом затихает. У известного полемиста второй половины IX в. Никиты Византийского, по словам исследователя, фактически не было последователей [101].

Религиозные разногласия отнюдь не мешали дружеским отношениям византийцев с арабами. Характерно в этом отношении письмо Николая Мистика сыну критского эмира, содержащее, между прочим, интересные строки о Фотии. Последний, по свидетельству Николая, хоть и призна-

---

имеется в виду греческий обычай (ср. Ф. Κουκουλές. Op. cit., τ. Γ′, σελ. 101—102, n. 12).

[93] D. C. Hesseling. Essais..., p. 220, sq.

[94] J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXVI—LXXVII; ср. К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. М., 1917, стр. 229 сл.

[95] Дж. Маврогордато (ibidem), по-видимому, прав, предполагая, что обстоятельство это также помогает объяснить полное смешение павликианских предков Дигениса с мусульманами.

[96] Ср. H. Grégoire, R. Goosens. Les recherches recents sur l'épopée byzantine. «Antiquité classique», I, 1932, p. 423; J. Mavrogordato. Op. cit., p. LXXIII.

[97] Ср. H. Grégoire. Études sur l'épopée byzantine. REG, XLVI, 1933, p. 33 sq.

[98] Ср. M. Canard. La guerre sainte dans le monde islamique et dans le monde chrétien. «Revue africaine», 79, 1936, p. 605 sq.; V. Laurent. L'idée de guerre sainte et la tradition byzantine. «Revue historique du Sud-Est européen», XXIII, 1946, p. 71 sq.; P. Lemerle, Byzance et la Croisade. «Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche», vol. III. Storia del Medioevo. Firenze, 1955, p. 617 sg.

[99] Ср. H. Grégoire. L'épopée byzantine et ses rapports avec l'épopée turque et l'épopée romane. BCLSMP, ser. 5, t. 17, 1931, p. 466; V. Laurent. Op. cit., p. 87.

[100] См. об этом: C. Güterbock. Der Islam in Lichte der byzantinischen Polemik. Berlin, 1912; G. Vismara. Bizanzio e l'Islam. Milano, 1950, p. 79, sq.; H.-G. Beck. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 337 f.

[101] C. Güterbock. Op. cit., S. 33; ср. H.-G. Beck. Op. cit., S. 530 f.

вал, что различие в религиях препятствует общению, однако умел ценить во всех людях доброту и другие возвышенные качества и, несмотря на различие в вероисповедании, любил критского эмира, обладавшего этими достоинствами [102]. Терпимое отношение к арабам прослеживается и во «Взятии Фессалоники» Иоанна Камениаты, написанном вскоре после 904 г. Несмотря на то, что автор сам явился жертвой арабского нападения, он (быть может, впрочем, следуя литературной традиции) отдает должное мужеству врагов, их находчивости и человеколюбию. Интересно, что, будучи клириком, он, тем не менее, не уделяет внимания религиозному соперничеству между христианами и мусульманами [103]. И греческие, и арабские источники сходятся на том, что византийцы встречали обычно хорошее обращение в плену у мусульман и в свою очередь сами хорошо обращались с пленными мусульманами и уважали их веру [104]. Так, например, арабский поэт Абу Фирас (932—968) попал в плен к грекам, провел в Константинополе четыре года (962—966) и был затем отпущен на родину [105]. Византийское правительство поощряло обращение пленных мусульман в христианство и поселение их на землях Византии. Один из указов Константина VII Багрянородного на три года освобождал от налогов тот дом, в который вступал обращенный в христианство араб, женившийся на дочери хозяина. [106]

Но в Византии жили не только обращенные арабы. В Константинополе и Афинах существовали в X—XI вв. мусульманские колонии [107]; между византийцами и арабами велась оживленная торговля [108]. Смешанные браки не были в то время редкостью в восточных областях Византии [109], что нашло отражение и в нашей поэме — брак эмира с Ириной, брак сына стратига Антиоха с дочерью эмира Аплорравда. «Двоерожденным» предстает, по всей видимости, и сам эмир: мать его — дочь араба Амброна, а отца его сопоставляют с павликианином Хрисохиром — греком или армянином [110].

Любопытно, что поэма различает светловолосых и черных арабов — последних она называет эфиопами (Αἰθιόπες — *ГФ* I, 32; IV, 970; V, 223; VII, 206; *Т* 1795; *А* 2741; *Э* 545). Именем этим византийцы

---

[102] PG, t. 111, col. 36D — 37A. Ср. Ch. D i e h l. Le Monde oriental de 395 à 1081. Paris, 1936, p. 332—333.

[103] I o a n n e s C a m e n i a t a. De excidio Thessalonicensi cin Theoph. Cont.), p. 523. 10—524. 11; 527. 3 sq.; 553. 9 sq.; 563. 3 sq.; С. В. П о л я к о в а. О некоторых художественных особенностях «Взятия Фессалоники» Иоанна Камениаты (в кн.: «Две византийские хроники X века». М., 1959), стр. 246.

[104] Интересно в этом отношении и письмо Николая Мистика арабскому халифу (PG, t. 111, col. 312D). Ср. M. C a n a r d. Quelques «à côté» de l'histoire des relations entre Byzance et les arabes. «Studi orientalistici in on. di G. Levi Della Vida», I. Roma, 1956, p. 111 sq.

[105] А. К р ы м с к и й, М. А т т а я. Художественные представители пограничной Сиро-Месопотамии времен византийского героя X века Дигениса Акрита. Поэт-витязь Абу-Фирас (932—968) и панегирист Мотанаббий (915—965). «Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского». М., 1914, стр. 30. Авторы предполагают, не приводя, впрочем, убедительных аргументов, что судьба Абу Фираса могла послужить материалом для образа эмира в византийском эпосе (там же, стр. 28 сл.). Следует, однако, указать на существенную разницу в судьбах этих лиц: отец Дигениса отнюдь не был взят в плен, а Абу Фирас не перешел в христианство и остался верен исламу.

[106] De cerim., I, p. 694. 22—695. 7; ср. J. M a v r o g o r d a t o. Op. cit., p. LXXIII.

[107] Ср. А. П. К а ж д а н. Деревня..., стр. 272 сл.

[108] Ср. Е. Э. Л и п ш и ц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, VI, 1953, стр. 114 сл.

[109] Ср. S. R u n c i m a n. Byzantine civilisation. New York, 1956, p. 234; D. H e s s e l i n g. Essais..., p. 220.

[110] А. Я. С ы р к и н. Об историчности..., стр. 141.

обозначили мусульман Египта и Северной Африки [111]. Употребление этого слова, характерного лишь для *ГФ*, показывает, что «эфиопам» поэма в отличие от «арабов» (Ἄραβοι, Ἀραβῖται) придает одиозный характер [112]. Так, рисуя портрет эмира, автор говорит, что тот был «не черный, как эфиоп, но русый» (ξανθός — I, 32). Эфиопы названы δεινοί (IV, 970), αἰσχροί (*ГФ* V, 223; ср. *Т* 1795. *А* 2741 опускает этот эпитет). В *ГФ* VII, 206 говорится о жестоких набегах племени эфиопов, названных двумя стихами ниже «потомками рабов» (οἱ τῶν δούλων ἔκγονοι). Ни разу Αἰθιόπες не употреблено здесь в положительном значении. В то же время арабы названы в поэме ἐκλεκτοί (*ГФ* I, 46; II, 99; *Т* 227; *А* 677), εὐγενεῖς (*Э* 276, 333, 431), καλοὶ ἄγουροι (*Т* 752; *А* 1278; *Э* 603), ἀνδρεῖοι (*А* 2681; в *Т* здесь лакуна). И в остальных местах они упоминаются без каких-либо уничижительных эпитетов; лишь в *Э* 170 названы ἄνομοι. То же относится и к другому имени, которым в средние века называли арабов — σαρακηνοί. Помимо нейтральных упоминаний этого слова, *ГФ* I, 155 называет одного из сарацинов почетным именем акрита — это один из воинов эмира, воздающий должное отваге младшего из братьев — Константина. Выступает здесь и сарацин-земледелец (σαρακηνῷ ἀγροίκῳ — *ГФ* I, 216; ср. *А* 417); это — повстречавшийся братьям сарацин, который относится к ним с сочувствием и показывает им тела убитых греческих пленниц. *Э* 333, 431 употребляет σαρακηνοί рядом с εὐγενεῖς Ἀραβίτας. Враждебный оттенок можно предположить лишь в *ГФ* II, 166 сл., где младший из братьев—Константин—бранит эмира, подозревая его в измене, и грозит ему изгнанием; впрочем, и здесь слово «сарацин» не сопровождается какими-либо бранными эпитетами. Таким образом, почти вся вражда к исламу находит выход в нападках на далеких «эфиопов», а непосредственные соседи греков — Ἄραβοι или σαρακηνοί — обрисованы гораздо доброжелательнее [113]. Без вражды упоминает поэма и о других народах, вероятно, имея в виду тех же арабов или служащих в их войске наемников — персов, турок. С отсутствием религиозной и расовой нетерпимости должно быть связано и то, что арабы иногда носят здесь греческие имена: мать эмира в *ГФ* и *А*, — Панфия (в *Т* и *А* — Спафия); жена Аплорравда — Меланфия; наконец, сам Аплорравд зовется в *О* Евдоксием.

IV

Главное, что прославляет автор в Дигенисе, в его родичах, даже в его соперниках,— это сила и отвага [114]. Об этих чертах героя говорится уже в первых строках поэмы (*ГФ* I, 3 сл.). Мальчик получает в дар от бога невиданную доблесть; с детства герой овладевает искусством верховой езды (*ГФ* IV, 70). На своей первой охоте двенадцатилетний Дигенис душит медведицу (IV, 127), разрывает пополам газель (IV, 145) и т. д. Герой побивает в состязании на дубинках всех апелатов (*Т* 1080 сл.). Его не страшат отец и братья Евдокии, не пугают войска стратига Дуки — для него они словно дети (IV, 469). Герой истребляет всех воинов

[111] Это — употребительный в Византии прием обозначения современников с помощью старого этнического наименования. Ср. S. Kyriakides. Forschungsbericht..., S. 7.

[112] Ср. H. Grégoire. L'épopée byzantine..., p. 467 sq.; H. Grégoire, R. Goossens. Les recherches..., p. 428; J. Mavrogordato. Op. cit., pp. LXXIV.

[113] Дж. Маврогордато (op. cit., p. LXXIV) предполагает, что такое противопоставление сирийских мусульман египетским было связано с политическими мотивами.

[114] Ср. Ἀ. Μηλιαράκης. Op. cit., σελ. ια'; P. Pavolini. Op. cit., p. 323.

стратига Дуки (в *A* 2024 сл. он, сверх этого, одерживает победу над сарацином Судалисом, служащим стратигу) и ловко сбрасывает с коней сыновей стратига, щадя их жизнь по просьбе Евдокии.

Победы неизменно сопутствуют Дигенису: он побеждает апелатов, задумавших похитить его жену (*ГФ* IV, 965 сл.), завоевывает земли «эфиопов» (IV, 968 сл.), выказывает ловкость и отвагу перед императором — укрощает дикого коня и голыми руками убивает льва (IV, 1054 сл.). Дигенис убивает разбойника Мусура, наводившего страх на путников (*ГФ* V, 215; ср. *T* 1623 сл., *A* 2510 сл.); он обращает в бегство свыше сотни вооруженных арабов (*ГФ* V, 178 сл.), побеждает Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, Максимо, Мелимидзиса. Незадолго до смерти Дигенис снова, как в дни детства, изумляет всех охотничьим искусством (*ГФ* VIII, 23 сл.). Некоторые из подвигов героя носят сказочный характер — убийство дракона, напавшего на Евдокию (VI, 47 сл.)[115]. Лишь в одном случае герой терпит поражение, но и то через год с лихвой отплачивает своему врагу [эпизод с Анкилой, отсутствующий в *ГФ* (*T* 2071 сл., *A* 3068 сл.)]. Впрочем, победа не всегда легко дается Дигенису; так, он долго не мог справиться с Киннамом и Иоаннакисом — лишь слова жены дали ему силы одолеть врагов (*ГФ* IV, 234 сл.). Дигенис —«венец отваги» (τῆς ἀνδρείας στέφανον — VII, 214), принесший спасение от врагов, освободивший пленных и установивший прочный мир. Доблесть и могущество — вот что прежде всего оплакивают в Дигенисе собравшиеся на его похороны (VIII, 224 сл., 249 сл., 289 сл.).

Те же качества прославляются и в других действующих лицах. Отваги и силы полон эмир — он совершает успешные походы, спасает своих воинов в опасности, охотится на хищников, убивает дубинкой льва (*ГФ* I, 39 сл., 162 сл., 292 сл.; III, 65 сл., 92 сл.; IV, 22 сл.; VII, 129 сл.). Замечательными подвигами прославились и его отец Хрисоверг, презревший смерть, и его дядя Кароес (II, 60 сл.). Поэма воспевает также отвагу братьев Евдокии, дядьев Дигениса, прежде всего младшего из них — Константина, побеждающего эмира в единоборстве (I, 146 сл.; II, 164; IV, 60 сл.). Велико могущество и стратига Дуки, отца Евдокии (IV, 299, 330). Как уже говорилось, в поэме восхваляется и отвага противников Дигениса — предводителей апелатов: Филопаппа, Киннама, Иоаннакиса, а также Максимо (VI, 388 сл., 565 сл., 751 сл.), Мелимидзиса (VI, 492 сл.), Леандра (VI, 549)[116]. Прославляются, наконец, отважные подвиги древних героев, изображения которых украшают дворец Дигениса,— подвиги Самсона (VII, 63 сл.), Давида (VII, 71 сл.), Ахилла (VII, 85), Одиссея (VII, 88), Беллерофонта (VII, 89), Александра Македонского (VII, 90 сл.).

Этот культ силы и отваги, пронизывающий всю поэму и столь характерный для памятников фольклора (не только византийского), вряд ли следует относить за счет творчества автора поэмы или ее редакторов. Скорее всего, идеалы эти перешли в «Дигениса Акрита» из народных песен, послуживших — на этом сходятся почти все исследователи памятника — основным источником поэмы. Именно эти черты больше всего сближают нашу поэму с песнями «О сыне Армуриса», «О сыне Андроника», с многочисленными песнями акритского цикла[117].

---

[115] Еще больше таких элементов фантастики в «Девгениевом деянии».

[116] Погодинская редакция «Девгениева деяния» в отличие от греческой поэмы наделяет отвагой и жену Дигениса («стратиговна мужескую дерзость имеет» — изд. Сперанского, стр. 164).

[117] Сопоставлению «Дигениса Акрита» с этими песнями уделила внимание В. Д. Кузьмина („Деяние прежних времен...").

Характерно уважение, с которым Дигенис относится к своим врагам — к апелатам (*Т* 1044 сл.), к их вожакам, к Максимо. Герой жалеет побежденных врагов: «Не в моем обычае бить упавшего» (τὸν πεσόντα οὐδέποτε ἔθος ἔχω τοῦ κρούειν — *ГФ* IV, 236), — говорит он поверженному Киннаму, предлагая ему встать, взять оружие и возобновить сражение. Дигенис говорит, что обычай его — жалеть бегущих, не злоупотреблять победой (νικᾶν καὶ μὴ ὑπερνικᾶν) и любить противников (*ГФ* VI, 641—642; ср. *Т* 2510—11, *А* 3678—79). Кстати, это напоминает его слова императору о справедливости и милосердии[118].

Поэма уделяет большое внимание описанию внешности действующих лиц[119]. Физическая красота — неотъемлемая деталь в портретах героев, описание ее встречается почти во всех характеристиках — как женщин, так и мужчин. Таковы стихи, посвященные эмиру (*ГФ* I, 32 сл.; IV, 22; VII, 128), матери Дигениса (I, 61, 298, 305, 336; VII, 196), самому Дигенису (IV, 196 сл., 283), его супруге (IV, 263 сл. 295, 349 сл., 786; VI, 29 сл., 126 сл., 410 сл.; VIII, 230, 303), дочери Аплорравда (V, 36, 56 сл.), Максимо (VI, 782 сл.; *Т* 2645). И здесь можно предположить, что поэма следует канонам народного творчества, хотя в отдельных описаниях сильно сказывается влияние позднеантичного романа (ср., например, *ГФ* I, 35 сл. и роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт», I, 4; *ГФ* VI, 782 сл. — Ахилл Татий, I, 1 и т. д.). Вместе с тем воспевание физической красоты весьма характерно как свидетельство усиления светских мотивов в византийской литературе того периода.

Характерно для подобных мотивов и воспевание любви в «Дигенисе Акрите». Наряду со стремлением к боевым подвигам это — сильнейшая страсть, владеющая Дигенисом и отцом его — эмиром[120]. Поэма изобилует рассуждениями о могуществе и неодолимости любви, которые также обнаруживают влияние позднеантичной литературы (ср. *ГФ* III, 1 сл.; IV, 4 сл., 276 сл., 342 сл., 525 сл. — Ахилл Татий, I, 7 и II, 5, а также роман Гелиодора «Эфиопика», I. 2, 9). Ни хищные звери, ни разбойники, ни вражеские войска не могли одолеть эмира — его сразила женская красота. Ради этой красоты он оставляет родину, близких, веру и становится христианином (*ГФ* I, 296 сл., 335 сл.; II, 188 сл., 226; III, 9 сл.; IV, 44 сл.). Когда эмир возвращается из Сирии к жене, то встретившиеся супруги едва не теряют сознания от счастья, и автор замечает по этому поводу: «Ведь часто так случается из-за любви чрезмерной» (III, 284).

Та же неодолимая страсть овладевает Дигенисом и Евдокией, увидевшими друг друга. Мучимый любовью Дигенис не в состоянии притронуться к еде во время обеда (IV, 380 сл.) и дает выход своим чувствам, играя на кифаре (IV, 397 сл.). Восклицание любимой придает ему силы в битве с врагами (VI, 243 сл.). Глубокой любви полны предсмертные слова героя, обращенные к жене (VIII, 64 сл.): он вспоминает все подвиги, совершить которые дала ему силу любовь (VIII, 88, 102, 116, 121 сл.). Умирающий советует жене не оставаться вдовой и взять другого мужа, чтобы ей было легче жить (VIII, 137, сл.; ср. *А* 4544 сл.). Евдокия и слышать не хочет об этом; видя любимого в агонии, она падает бездыханной на его ложе, а умирающий Дигенис благодарит бога за то, что жена его не узнает одиночества (VIII, 192 сл.). В *Э* 1783 сл. умирающий Дигенис не столь альтруистичен — он выражает желание, чтобы жена его никому

---

[118] Ср. J. Mavrogordato. Op. cit., p. LV.

[119] А. Μηλιαράκης. Op. cit., σελ. ια'.

[120] Ср. Ш. Дилль. Указ. соч., стр. 357; Ф. Κουκουλές. Op. cit., τ. *Α'*, II, σελ. 21.

больше не принадлежала. В акритских песнях тема эта выражена с предельной силой — герой душит любимую в своих объятиях и умирает вместе с ней [121].

Любовная страсть заставляет дочь Аплорравда бежать с возлюбленным из родного города, оставить умирающую мать, изменить своей вере (V, 90 сл., 205 сл., 226 сл.) и, несмотря на вероломство юноши, стремиться к нему. В порыве страсти Дигенис забывает о своей супруге. Изо всех сил он борется с искушениями, «но неспособен никогда огонь с травой ужиться» (V, 236), и Дигенис дважды нарушает верность Евдокии — сначала с дочерью Аплорравда [122] (V, 231 сл.), затем с побежденной им девой-воительницей Максимо (*ГФ* VI, 781 сл.; *Т* 2636 сл.).

Описания любовных сцен, речи любящих дышат подлинным чувством. Они принадлежат к лучшим в художественном отношении местам поэмы. Несмотря на известный налет риторики, здесь сплошь и рядом звучит язык подлинно народной поэзии [123]. Приведем, например, слова эмира, возвратившегося к жене из Сирии: «Голубка моя милая, прими своего сокола и утешь его после скитаний на чужбине» (περιστερά μου πίντερπνε, δέξαι τὸ σὸν γεράκιν καὶ παραμύθησον αὐτὸ ἀπὸ τῆς ξενιτείας — *ГФ* III, 265—266), или слова Дигениса Евдокии: «Поднимись, прекрасная роза, душистое яблочко! Взошла утренняя звезда, и нам пора в путь» (ἀνάστα, ῥόδον πίντερπνον, μῆλον μεμυρισμένον· ὁ αὐγερινὸς ἀνέτειλεν, δεῦρο ἂς περιπατῶμεν — IV, 434—435).

Уже говорилось о благородстве Дигениса в обращении с противниками. Эта учтивость и рыцарство особенно проявляются во время встречи с Максимо [124]. Дигенис предупреждает девушку, желающую переправиться к нему на другой берег: «Максимо, не двигайся! Мужчины должны сами приближаться к женщинам, и я сам подойду к тебе — так будет справедливо» (VI, 569—571). Во время первого столкновения с Максимо герой щадит девушку и поражает лишь ее коня (VI, 587 сл.). Боится он нанести ей рану и при второй встрече. «Позорно для мужчин,— говорит Дигенис,— не только убить женщину, но даже вступить с ней в борьбу» (VI, 749—750). «Я жалею тебя, как женщину, полную красоты» (VI, 757),— говорит он Максимо, выбив у нее из рук оружие. И даже оправдываясь перед женой, подозревающей о его измене, Дигенис объясняет свою задержку тем, что он должен был помочь раненой Максимо, «чтобы не встретить осуждения за убийство женщины» (VI, 831). Рыцарское отношение к женщине в «Дигенисе Акрите» представляет собой интересную параллель с куртуазностью западноевропейского рыцарства; тем не менее нет никаких оснований видеть здесь (вслед за Н. Иоргой) влияние крестоносцев [125]. «Рыцарство» Дигениса проявляется в ряде эпизодов, наверняка входивших в первоначальную редакцию памятника, созданную задолго до крестовых походов. Гораздо проще видеть здесь черту, характерную для жизни на восточных границах Византии [126].

Лишь под действием любви становятся героини поэмы смелыми и решительными; главное же, что отличает их, — это скромность и

---

[121] Ср. Г. Дестунис. Разыскания..., № 11, стр. 53—54.

[122] Отметим в этой связи интересную психологическую деталь повествования: при встрече с дочерью Аплорравда пораженному ее красотой герою кажется, что перед ним двойник его супруги (ὥστε δευτέραν τῆς ἐμῆς ταύτην εἶναι νομίσαι—*ГФ* V, 57).

[123] Ср. Ш. Дилль. Указ. соч., стр. 353 сл.

[124] Там же, стр. 353.

[125] N. Iorga. Histoire de la vie byzantine, t. II. Bucareste, 1934, p. 270 sq.

[126] А. Грегуар (H. Grégoire. Le sultanat d'Iconium dans l'épopée byzantine, Byz., IX, 1934, p. 365), не приводя убедительных доказательств, усматривает здесь влияние арабов.

застенчивость. Большого труда стоит Евдокии побороть свой стыд при встрече с Дигенисом. Отец ее, стратиг, никому не разрешал взглянуть на нее. «Я ни разу не высунулась из окошка, оберегала себя от взгляда чужих глаз, и, кроме моих родичей, моих близких знакомых, никто ни разу не видел даже черт моего лица»,— говорит девушка Дигенису (IV, 495—498). Она всегда держала себя строго, и теперь даже разговор с юношей представляется ей бесстыдством (IV, 503 сл.). Черта эта весьма характерна для быта знатных византийских семей, где девушек держали под неослабным надзором, лишь изредка разрешая им покидать женские покои [127].

Интересно, что наряду с положительными чертами автор наделяет своего героя и рядом отрицательных. Дигенис — отнюдь не воплощенная добродетель. Дважды изменяет он жене [128], причем то обстоятельство, что каждому падению предшествуют борьба героя с самим собой и неудачные попытки подавить страсть (*ГФ* V, 234 сл.; *Т* 2638 сл.), лишь свидетельствует о его слабости. Если можно еще найти оправдание эпизоду с Максимо, предстающей в роли искусительницы, то насилие над беззащитной дочерью Аплорравда, любящей другого и изо всех сил сопротивляющейся Дигенису, рисует героя в довольно неприглядном виде — от его рыцарства и учтивости не остается и следа. Создается впечатление, что герой заботится здесь лишь о том, чтобы совершить не очень тяжелый, с точки зрения религии, грех. Только так можно объяснить стихи, где автор говорит о взрыве страсти, охватившей Дигениса, когда тот узнает, что его спутница уже оставила ислам и перешла в христианство (*ГФ* V, 226 сл.). Дело в том, что прелюбодеяние с христианкой хотя и считалось грехом, но все же не столь непростительным, как незаконная связь с женщиной другой веры [129]. Лицемерно звучат слова Дигениса, который, совершив насилие и отведя девушку к покинувшему ее возлюбленному, приказывает последнему не обижать ее (V, 280). Одновременно, «чтобы не оскорбить юношу», он умалчивает «о том, чего не должно говорить» (274—275) [130]. Столь же бессилен герой и перед страстью к Максимо, причем после второй измены он снова полон лицемерия. Расставшись с Максимо и вернувшись к жене,

[127] См., например, Сес., § 102, 121, 131; ср. С. Шестаков. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра. ВВ, VIII, 1901, стр. 50—51.

[128] Эпизоды эти отсутствуют лишь в *Э*, дошедшей, впрочем, в сильно искаженном и далеко не полном виде.

[129] P. Kalonaros. Op. cit., II, p. 79—80.

[130] А. П. Каждан (Крестьянские движения...,стр. 87) считает этот эпизод свидетельством феодальной идеологии поэмы, видя здесь «поступок, которого нельзя ожидать от героя народного эпоса, но который отнюдь не оскорблял нравственности византийского феодала». Следует, однако, сказать, что насилие героя над девушкой — распространенный сюжет в фольклоре и новеллистической литературе разных времен и народов. Из греческого фольклора можно указать здесь на песнь о Харзанисе (ср. S. Trenkner. Les aventures de Šarkan-Charzanis. Byz. XX, 1950, p. 264—266; eadem. The Greek Novella in the classical period. Cambridge, 1958, p. 117—120; H. Grégoire. Echanges épiques arabo-grecques. Sharkan-Charzanis. Byz., VII, 1932, p. 371 sq. Ср. также: S. Thompson. Motiv-index of Folk-litterature, vol. IV. Helsinki, 1934, p. 399 sq. (K 1300 sq.); vol. V. Helsinki, 1935, p. 300 (T 471). Видеть в этой сцене нечто специфически феодальное, как нам кажется, нет оснований. Жертва Дигениса отнюдь не принадлежит к низшим слоям, по своему социальному положению она не уступает герою: отец ее тоже эмир, а жених—сын стратига. Наконец, насилие это отнюдь не одобряется в поэме, а осуждается устами самого героя. V книга *ГФ* если и не переложение какой-то из песен о Дигенисе, то, скорее всего, дань распространенному сюжету; для благочестивого же редактора поэмы сцена эта—лишняя иллюстрация всемогущей, часто пагубной, силы страсти, на которой он неоднократно останавливается в своих нравоучительных отступлениях.

он осыпает ее поцелуями и говорит: «Гляди, душа моя, какой у тебя мститель, какого помощника даровал тебе творец» (*Т* 2657—58, в рукописи *ГФ* здесь вырван лист). И когда жена подозревает Дигениса в измене, он «обманул ее», придумав, будто задержался лишь для того, чтобы перевязать рану Максимо (*Т* 2671 сл., *ГФ* VI, 826 сл.). Евдокия верит оправданиям Дигениса, но тот задумывается над ее подозрениями, и сознание своего проступка облекается у него (любопытный психологизм) в гнев против Максимо — он отправляется вдогонку за ней и убивает девушку, которую, вряд ли имея на то моральное право, называет «распутницей» (*ГФ* VI, 834 сл.)[131]. Дигенис так и не открывает жене своих проступков, хотя и верит, что все равно они откроются «на страшном суде» (V, 254 сл.). Даже умирая, он далек от покаяния. В своей предсмертной речи он останавливается лишь на подвигах, совершенных им ради супруги, а в *ГФ* после воспоминания о победе над Максимо продолжает, явно не договаривая: «Затем, убежденный твоими словами, я снова поспешил назад и тайно, без твоего ведома, убил ее» (VIII, 119—120).

В связи со сказанным выше вряд ли есть основания видеть в Дигенисе воплощенный идеал семьянина [132]. Разумеется, семейные добродетели не чужды герою. Самая сильная страсть, испытанная им в жизни,— это любовь к Евдокии. Герой любит и чтит своих родителей — достаточно вспомнить сцену оплакивания эмира (*ГФ* VII, 115 сл.), скорбь его по матери (VII, 191). Дигенис с почтением относится к родителям своей невесты (IV, 673 сл., 742). Он страстно желает иметь детей, и бездетность — самое тяжелое горе в жизни супругов (VII, 179 сл.). Больше всего печалит умирающего героя, что он оставляет жену одинокой и беззащитной. И все же трудно, вспомнив поступки героя, говорить о его «совершенном благородстве», о том, что он «отдает всего себя семье»[133]. Г. Шрайнер видит это противоречие и в угоду своей схеме, представляющей Дигениса «идеалом семьи, веры, народа и отечества», пытается поставить под сомнение оригинальность указанных выше эпизодов. Разумеется, до тех пор, пока нам неизвестна первоначальная редакция поэмы, мы не можем быть полностью уверенными в оригинальности этих сцен, хотя наличие их в довольно схожем виде в *ГФ*, *Т* и *А* делает это очень вероятным. Тем не менее Шрайнер склонен видеть здесь «насильственное превращение нравственно чистого предания в непристойное», явившееся результатом воздействия венецианских народных книг в начале XVI в.[134] Произвольность последнего утверждения ясна, если принять во внимание, что уже в рукописи XIV в. (*ГФ*) имеются оба эти эпизода; вырванный здесь в VI книге лист лишний раз свидетельствует о характере сцены с Максимо в этой версии.

Итак, образ Дигениса предстает перед нами куда более живым и человечным, чем та схема, в которую стремится втиснуть его Г. Шрайнер. При всех своих достоинствах Дигенис далеко не хрестоматийный герой— в его образе своеобразно сочетались эпическая гиперболизация и психологический реализм, который в значительной мере следует отнести за счет литературной обработки фольклора. Сочетание это дало нам один из интереснейших образцов византийского литературного творчества.

---

[131] Впрочем, эта жестокость совершается Дигенисом только в *ГФ*. Возможно, здесь редакторская вставка.

[132] H. Schreiner. Die Helden..., S. 205 f., 219 f.

[133] Ibid., S. 211.

[134] Ibid., S. 220, 224.

* * *

Выше мы остановились на некоторых чертах мировоззрения поэмы — на отношении ее к императорской власти, к представителям отдельных социальных слоев населения, на политических, религиозных, этических воззрениях ее автора. Исследование памятника в этом аспекте приводит нас к заключению, что для идеологии поэмы характерна определенная свойственность [135].

Отдельные черты образа Дигениса — прежде всего, отношение его к императору и советы, которые он дает ему, — находят себе параллель в некоторых других византийских источниках и позволяют говорить об отражении в поэме феодальной идеологии, точнее, идеологии провинциальной земельной знати, стремившейся к независимости от центральной власти. В этом отношении, по-видимому, не случайны судьба сосланного императором деда Дигениса и неоднократное подчеркивание (а не просто упоминание) знатности и богатства героев.

Однако, как нам кажется, все это не дает еще оснований безоговорочно считать эпос о Дигенисе феодальным. Мы говорили уже, что такие атрибуты героя, как знатность и богатство, такие, например, эпизоды как борьба с разбойниками, сами по себе отнюдь не чужды памятникам фольклора. Правда, вопрос осложняется тем, что в данном случае нас интересует не сам акритский фольклор и не те не дошедшие до нас сказания, которые, как это признают почти все исследователи, генетически предшествовали поэме. Речь идет о социальной природе самóй поэмы, точнее, известных нам текстов, ибо первоначальная редакция «Дигениса Акрита» утрачена. Но и в тех текстах, в которых эпос о Дигенисе дошел до нас, т. е. в сравнительно более поздних ученых монашеских обработках легко проследить фольклорную основу; народная песенность сплошь и рядом проступает сквозь ученую риторику [136]. Пример Эскуриальской версии убедительно говорит о существовании устной традиции Дигенида; с другой стороны, мы знаем о распространенности песенного творчества в народных массах Византии [137]. Все это дает основание полагать, что Дигенис мог быть н а р о д н ы м героем для средневековой Греции так же, как и для современной, что такими качествами, как отвага, безмерная сила, благородство, уважение к врагам, сострадание к бедным, могли уже наделить героя безвестные народные сказители, а не ученые диаскевасты, обрабатывавшие их песни. Образ воина, обладающего всеми этими качествами, вполне мог быть идеалом широких слоев стратиотов, несомненно, принимавших участие в создании акритского эпоса.

---

[135] Этой двойственности в идеологии «Дигениса Акрита» соответствует фольклорно-ученая двойственность, свойственная поэме как литературному памятнику; отдельные ее черты мы уже имели случай отметить (ср. выше, стр. 150; см. также: А. Я. Сыркин. Некоторые проблемы..., стр. 00). Анализ поэмы с этой стороны выходит за рамки настоящей статьи.

[136] Отдельные черты стиля «Дигениса Акрита» разобраны в работе В. Д. Кузьминой «Поэтическая стилистика греческих поэм о Дигенисе и русских списков «Девгениева деяния» (ТОДРЛ, XV, 1958, стр. 73 сл.).

[137] Ср. свидетельство епископа Кесарийского Арефы о «попрошайках или шарлатанах — проклятых пафлагонцах, которые сочиняют песни о подвигах знаменитых мужей и ради обола распевают их у каждой двери» (Σ. Κουγέας. Αἱ ἐν τοῖς σχολίοις τοῦ Ἀρέθα λαογραφικαὶ εἰδήσεις. Λ, IV, 1913, σελ. 239). Ср. A n n a C o m n e n a. Alexiadis libri XV, vol. I. Bonnae, 1839, p. 98. 6—19; vol. II, 1878, p. 158. 20—259. 7; M i c h e l P s e l l o s. Chronographie, t. I. Paris, 1926, p. 109. 11—13 (V XXXVIII); Z o n a r a s, vol. III. Bonnae, 1897, p. 612. 12—14; N i c e r p h o r i Gregorae Historia Byzantina, vol. II. Bonnae, 1830, p. 377. 5—8; Griechischer Humor von Homers Zeiten bis heute... hrsg. von G. Soyter. Berlin, 1959, S. 106 и др.

Характерно и отношение поэмы к героям народных песен — апелатам. Выше упоминались отразившиеся в поэме различные поверья и пережитки язычества, широко распространенные среди народа Византии. И эти свидетельства, скорее всего, перешли в поэму из народных песен. Следы народной идеологии делают этот памятник тем более ценным, что подобные свидетельства приходится собирать из византийских источников буквально по крупицам.

Итак, по нашему мнению, оба определения дошедшего до нас эпоса о Дигенисе — как «народного» или как «феодального» — страдают односторонностью и лишь частично отражают природу памятника. Это — н а р о д н ы й в с в о е й о с н о в е э п о с, о т р а з и в ш и й в и з в е с т н ы х н а м л и т е р а т у р н ы х о б р а б о т к а х ч е р т ы ф е о д а л ь н о й и д е о л о г и и[138]. Отсутствие необходимых источников не позволяет нам определить, какие из этих черт привнесли ученые редакторы, какие отразились непосредственно в народном творчестве.

Еще на заре изучения «Дигениса» К. Крумбахер удачно сказал, что памятник этот заново открыл перед нами византийскую культуру, от которой повеяло не только сухой ученостью, но и «свежим лесным ветром»[139]. Хотя, строго говоря, «Дигенис Акрит» в этом отношении не совсем одинок, его неповторимое своеобразие делает замечание выдающегося византиниста во многом справедливым. Поэма о Дигенисе открывает нам такие черты мировоззрения византийцев, которые не могут не привлечь внимания наших современников. Это прежде всего уважение к другим народам, терпимость к иноверцам, отсутствие чувства расовой исключительности. Одной из высших заслуг героя автор поэмы считает уничтожение бедственных последствий предыдущих войн — освобождение всех пленных византийцев, томившихся на чужбине. Дигенис восстанавливает повсюду мир и спокойствие; восхваление автором мира — еще один близкий и понятный нам мотив. Глубокая человечность отличает героев повествования, прежде всего главного героя. Дигенису, как ни условен его образ, отнюдь не чужды многие людские слабости, которые автор рисует с несомненным психологическим мастерством. Эпос о Дигенисе Акрите, этот единственный в своем роде памятник среднегреческой культуры, широко известный еще древнерусским читателям и незаслуженно забытый у нас, содержит немало интересного и для человека наших дней.

---

[138] О «Дигенисе Акрите» как народном эпосе убедительно говорит В. Д. Кузьмина («Деяние прежних времен. На народную основу «Дигениса Акрита» указывает в своем определении социальной природы памятника А. В. Банк (Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский. «Давид Сасунский». Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939, стр. 146); она склонна, однако, как нам кажется, несколько переоценивать феодальные напластования эпоса.

[139] K. K r u m b a c h e r. Geschichte..., S. 830.

Ш. И. НУЦУБИДЗЕ

О НАЧАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ «КНИГИ О ПРИЧИНАХ» (LIBER DE CAUSIS)

Когда ставится вопрос о первоисточниках «Книги о причинах» (Liber de causis), то дискуссию об источниках ее латинского перевода с арабского языка, выполненного около 1187 г. Жераром из Кремоны, как и об ее переводе с арабского на еврейский язык в 1284 г., сделанном Серахием бен Исааком, можно было бы оставить в стороне, так как нас интересует источник самого арабского перевода, выполненного около середины IX в. неизвестно кем и неизвестно с какого языка. Важно только одно: заглавие еврейского перевода «Книги о причинах» уже не содержит указания на ее автора, имевшегося в арабской версии (по всем данным — с X в.) и сохранившегося в латинском переводе: Liber Aristotelis de expositione bonitatis purae [1]. Трудно установить, что могло побудить переводчика на еврейский язык игнорировать приписывание «Книги о чистом добре» Аристотелю, как это было в арабской версии, и вообще умолчать об этом вопросе. Возможно, здесь было влияние Альберта Великого (ум. в 1280 г.), который в своем труде «De causis et processu universitatis» отрицал авторство Аристотеля в отношении книги, известной дотоле как работа Аристотеля о «чистом добре», и называл ее уже «Книгой о причинах» [2].

Можно также оставить в стороне указание того же Альберта Великого, что книга эта является собранием высказываний (dicta) Аристотеля, Авиценны, Алгацеля и Алфараби, выполненным «неким иудеем Давидом» [3].

В другом случае вместо «высказываний» Аристотеля указывается на его «писания» [4]. Тут же имеется примечательное указание, что положения, приписываемые Аристотелю и составляющие содержание «Книги о причинах», «были усвоены и истолкованы Алфараби, Авиценной и Аверроесом» [5].

В другой работе Альберт Великий пишет, что «в некоторых пассажах Аристотеля, которые вошли в «Начала универсума» и о которых упоми-

---

[1] Заглавие еврейского перевода: «Книга об изложении высшего добра». См. O. Bardenhewer. Die pseudo-aristotelische Schrift. «Über das reine Gut». Freiburg in Breisgau, 1882, S. 141.

[2] Глава I второй части труда Альберта Великого носит название «О заглавии, которым древние называли книгу о первых причинах» (Albertus Magnus. De causis et processu universitatis, t. V. Lion, 1651, p. 528—655).

[3] Ibidem.

[4] Ibid., tract. I, cap. 6.

[5] Ibidem.

нает в «Метафизике» Авиценна, говорится о «познаваемой силе» (de cognitione) [6].

Из приведенных мест ясно одно: аристотелизм арабов от Алфараби до Ибн Рошда (Аверроэса), т. е. с X по XII в., базировался на «Книге о причинах». Взгляд, что «Книга о причинах» (под названием «Книга о чистом добре») принадлежит Аристотелю, держался очень долго; эта работа включалась в сочинения Аристотеля и в таком виде издавалась до XVI в.[7] Будучи переведена с арабского на латинский язык в последней трети XII в. Жераром из Кремоны (Испания), она проникла во Францию, где существовали особенно благоприятные условия для социально-идеологической борьбы, развернувшейся вокруг Парижского университета. Острота борьбы отразилась в радикализме и известном церковном демократизме, воспринявшем идеи пантеистического материализма, который был развит в сочинениях Амальрика Бенского и Давида Динанта. Эти авторы в свою очередь основывались на произведениях Псевдо-Дионисия, переведенных на латинский язык в том же IX в. Иоанном Скотом Эриугеной, а также на книге последнего «О делении природы» (De divisione naturae).

Следовательно, если арабские компендии, или комментарии, были составлены ex epistola quedam Aristotelis, которые касались «Начал», совпадающих с трактатом о причинах, то из этого во всяком случае следует, что арабские философы — Алфараби, Авиценна и Аверроэс — исходили из какой-то арабской книги, приписываемой Аристотелю. Но со временем стало известно, что сочинение о причинах, которое под названием De expositione bonitatis purae приписывалось Аристотелю до XIII в., могло возникнуть лишь на основе работы Прокла (ум. в 485 г.) «Στοιχείωσις θεολογική», написанной ок. 462 г. Нет надобности подкреплять этот взгляд ссылками на его сторонников и противников, так как тут все решают тексты. В этом отношении Фома Аквинат превосходил Альберта Великого, так как в своем «Комментарии» к «Книге о причинах» тщательно сопоставил ее тексты с Elementatio theologica [8].

Во введении к «Комментарию» Фома Аквинат делает необоснованное заявление, будто книга Прокла Elementatio theologica переработана в «Книгу о причинах» одним из арабских философов [9], причем Фома считает, что эта книга, qui apud latinos de causis dicitur едва ли имеется на греческом языке. Отсюда он заключает, что elementatio составлено ab aliquo philosophorum arabum из извлечений из Прокла [10]. Но Фома Аквинат ошибается: из того, что первоисточника «Книги о причинах» не было на греческом языке, вовсе не следует, что он был на арабском языке.

Неверное умозаключение Аквината ввело в заблуждение многих ученых, в том числе и большого знатока данного вопроса — Отто Барденхевера [11]. Само собой разумеется, что, когда речь идет о первоисточнике «Книги о причинах», обычно не говорят о книге Прокла «Στοιχείωσις

---

[6] Albertus Magnus. De intellectu et inteligibilis, lib. I, tract. I, cap. 2, Ed. Jammy, t. V, p. 534.

[7] Последнее, венецианское издание появилось в 1552 г. в VII томе латинского издания вместе с арабскими аристотеликами, Авиценной и Аверроэсом.

[8] «Комментарий» Фомы Аквината впервые издан в 1493 г. в Падуе вместе с текстом Прокла. Во втором издании Комментария (Венеции, 1507) в оглавлении указано: altissimi Procli de causis.

[9] Из-за незнания греческого языка Фома Аквинат читал στοχείωσις как elementatio, что, разумеется, ошибочно.

[10] Thomas Aquinatus. Opera. Parma, 1852—1873, lib. 21; цит. по О. Барденхеверу (O. Bardenhewer. Op. cit., S. 270).

[11] O. Bardenhewer. Op. cit., S. 40 f.

θεολογική»; вопрос ставится *о первой переработке учения Прокла в специальную «Книгу о причинах»*, представляющую самостоятельный труд, основанный на негативной диалектике, до которой Прокл не дошел. Поэтому «Книги о причинах», по всем данным, действительно не было на греческом языке, но она представляла переработку эксцерптов из Στοιχείωσις θεολογική». Кто же сделал эксцерпты из Прокла, касающиеся учения о причинах, и собрал их вместе в качестве материала для автора «Книги о причинах»? Эти эксцерпты могли быть сделаны на греческом языке как извлечения из «Элементов» Прокла, но их переработка могла и должна была быть сделана, если ее не было на греческом, на любом другом языке из тогдашнего круга культурных народов. Искать у арабов эту переработку выдержек из Прокла в V в., пожалуй, рано, но она могла быть у более ранних цивилизованных народов Востока — сирийцев, армян и грузин. В сведениях о появлении «Книги о причинах» на арабском языке точно указывается 850 г. Сомнение вызывает только то, будто этой переработке предшествовал перевод книги Прокла также на арабский язык, причем время составления этих выдержек не указывается.

В немецкой «Истории философии» сообщаются на этот счет путаные и неверные сведения. Автором выдержек из книги Прокла там объявляется араб, который «должен был иметь под рукой «Элементы теологии» Прокла, произведение ученика Прокла, в арабском переводе»[12], иными словами, будто бы у Прокла был ученик-араб, который якобы и написал сочинение «Στοιχείωσις θεολογική», из перевода с которого другой араб в 850 г. составил сборник выдержек— «Книгу о причинах».

Эти сведения не заслуживают серьезного рассмотрения, хотя бы потому, что «Στοιχείωσις» написал не араб, а Прокл около 462 г., да и вообще вся эта версия не имеет никакой опоры в арабских источниках, в которых до самого позднего времени (до XII в.) отмечалось, что в основе арабской версии в каком-то виде лежала работа о «чистом добре», приписываемая Аристотелю. Что же касается арабских дополнений к псевдоареопагитской работе, то они были комментариями к Аристотелю, вроде его «Метафизики», приписываемой Алфараби (X в.)[13].

Таким образом, сведения о первоначальных источниках «Книги о причинах» на арабском языке либо очень путаны, либо относятся к более позднему времени (не раньше X в.), тогда как арабская версия нашей «Книги» существовала уже в середине IX в. С некоторым основанием можно допустить, что признание «вероятной» оригинальности арабской «Книги о причинах» вызвано недоступностью более ранних источников Liber de causis, которые вовсе не обязаны быть греческим текстом, для нахождения которого О. Барденхевер ждет «счастливца»[14].

Необходимо рассмотреть вопрос о сирийской версии «Книги о причинах»: известно, что Сирия намного опередила арабов в области развития философии и выступала в этом отношении в качестве учителя последних. Здесь следует прежде всего отвергнуть возможность какой-либо связи с «Книгой о причинах» сочинения под заглавием «О причине всех причин», приписываемого Исааку из Ниневии (конец VI в.), так как догадки об этой связи построены лишь на сходстве в заглавиях[15].

Это, однако, не означает, что на сирийском языке не могло быть другого сочинения, которое имело бы отношение к «Книге о причинах», как

---

[12] Ср. Überweg. Grund. d. Gesch. d. Philosophie, 1928, S. 303.
[13] O. Bardenhewer. Op. cit., S. 140 f.
[14] Ibid., S. 38.
[15] A. Pöhlmann. Über die syrische Schrift «Liber generalis ad omnes gentes». «Zeitschrift für Deutsche morgenländische Gesellschaft», 1861, S. 648—663.

думает, например, О. Барденхевер. Он, в частности, заявляет: «Равным образом поэтому не может быть речи о также неопубликованном труде монофизита или якобита Сергия из Решаина середины VI в.»[16].

Но непосредственное отношение к делу имеет как раз сирийский источник V—VI вв., а не середины VI в., как пишет О. Барденхевер, и именно — Сергий из Решаина (ум. в 536 г.). Он не был ни монофизитом, ни якобитом, как думает О. Барденхевер, а учеником и последователем майумского мыслителя в Палестине Петра Ивера (411—491), автора так называемых ареопагитских книг, согласно положению Нуцубидзе[17] и Э. Хонигмана[18]. После многолетнего пребывания в сирийской школе в Палестине, где Сергий учился под руководством Петра Ивера, он после смерти последнего вернулся в Сирию, где достиг сана епископа, продолжая поддерживать связь с грузинами из сирийской школы. Он составил «Слово» (λογος), которое читалось ежегодно в день поминовения Петра Ивера, а также перевел на сирийский язык все сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита (Петра Ивера), присоединив к ним сочинение о причинах, составленное им на основе греческих материалов из De divinis nominibus и бесед в Майуме[19].

Рукопись Сергия в каталоге отмечена как «Tractatus de causis universi iuxta mentem Aristotelis, quo demonstratur universum circulum efficere». Под таким заглавием знают эту рукопись и Ренан[20], и Райт[21].

Это заглавие работы Сергия, разумеется, описательного характера и составлено в библиотечном порядке, но оно основано на содержании самой книги и отражает все его элементы, а именно, что это работа о причинах мира, что она базируется на положениях Аристотеля и что в ней доказывается постоянное круговое движение мира[22]. Учение о круговороте связано в трактате Сергия с учением о первоначальной причине[23]. Признание же круговорота предваряет идею вечности мира: мир приводится в движение единой причиной, которая существовала до его начала; единый всемогущий творец превыше существования[24].

Эти отдельные положения краткого трактата сопровождаются указанием на преодоление противоречия для постижения высшей причины и на связь этих рассуждений с основной теологической проблемой того времени (V—VI вв.) о взаимоотношениях божественной и человеческой природы.

---

[16] O. Bardenhewer. Op. cit., S. 40.

[17] Ш. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1941.

[18] E. Honigmann. Pierre l'Iberien et les écrits du Pseudo-Denis l'Aréopagite. Bruxelles, 1952; см. русский перевод с предисловием Ш. Нуцубидзе (Тбилиси, 1955, изд. Гос. ун-та).

[19] «Книга о причинах» Сергия из Решаина на древнесирийском языке хранится в рукописях Британского Музея. В 1958 г. ее микрофильм любезно был прислан библиотеке Академии наук Груз.ССР и лежит в основе наших суждений о ней. Текст трудно поддается расшифровке, но при помощи профессора Гос. ун-та им. Сталина в Тбилиси ассириолога Г. Церетели нам удалось восстановить ее основные положения.

[20] Renan, in: «Journal Asiatique», 4 série, t. 19. Paris, 1852, p. 320.

[21] Wright. Catalog of Syriac Manuscripts in the British Museum. London, 1870—1872, vol. III, 1156b — 1157a.

[22] Упоминание Аристотеля в сирийском тексте всегда имеет добавление «философ»: «обучен учению Аристотеля, философа», «сочинение Аристотеля, философа», «все это доказывает философ Аристотель» и т. п. Составитель заглавия рукописи, по всем данным, имел под рукой сирийскую рукопись Сергия из Решаина.

[23] «Этот вид познания — познание по причинам. Мир, вращаясь вокруг себя без перерыва, по этому учению,— выше всех». «Он имеет изменения по природе и общую природную причину этого движения как круговращения» (микрофильм).

[24] «Мир, планеты созданы всесотворяющим единым существом: оно познано как единое, и другого (против него) нет, но движущее начало было до этого». «Мир не имеет начала и не будет иметь конца, ибо по совершенному доказательству они (конец и начало) связаны между собой» (там же).

Сергий отвергает мнение тех, «которые говорят о многих богах... в книге, которая нас настраивает против того, что не может быть бога в теле человеческом. Наш ответ и наше слово: да будет так, как нам преподано»[25].

Мы специально привели это место из текста книги Сергия из Решаина, так как оно прямо указывает на связь между его работой и второй главой сочинения Псевдо-Дионисия «De divinis nominibus», которая содержит, согласно указанию автора главы, краткое изложение тезисов *сочинения о причинах, написанного ранее тем же* Псевдо-Дионисием [26].

Ясно, что именно в это время, на грани V—VI вв., возникает тот узел, развязка которого, вполне возможная и реальная, могла бы привести к решению проблемы о первоисточниках Liber de causis. Исследователи, ставившие вопрос о том, нет ли на сирийском языке памятника, указывающего на «Книгу о причинах», прошли, как ни странно, мимо самого главного и надежного свидетеля — Сергия из Решаина.

Двадцать лет назад, предлагая науке новое решение проблемы о подлинном авторе так называемых ареопагитских книг, мы писали: «Биограф Петра Ивера, сообщая о факте перевода Сергием из Решаина книг Дионисия, передает, что он сделал «точный перевод». Там же указывается, что Сергий из Решаина составил слово (λόγος) к поминальному дню знаменитого Петра»[27].

В 1941 г. нам еще не было вполне ясно отношение работы Сергия о причинах к ареопагитским книгам. В настоящее время мы можем совершенно точно установить ряд положений, имеющих решающее значение в уяснении этого вопроса.

Сергий из Решаина не мог перевести свою книгу о причинах с греческого языка, так как она не была написана на этом языке. Хороший знаток ареопагитских книг, он знал, что во второй главе книги Псевдо-Дионисия «De divinis nominibus» содержатся тезисы «Книги о причинах», о которой там же упоминает сам Псевдо-Дионисий. Получив немало специальных знаний в результате длительного научного общения со средой, окружавшей Петра Ивера, Сергий кое-что добавил к тому, что он мог извлечь из этих тезисов, написанных на греческом языке.

Доказательством этого является то, что Сергий, следуя по существу при составлении своего трактата о причинах за этими тезисами, заимствовал из них и указание, что проблема соединения божественной и человеческой природы была поводом как для его работы о причинах, так и для всех так называемых ареопагитских писаний.

Приведем эти места по тексту «De divinis nominibus» и по трактату Сергия из Решаина:

De divinis nominibus	*Трактат о причинах Сергия из Решаина;*
Воплощение бога подобно нам..., и принятие им человеческой природы мы принимаем как тайну...[28]	Напрасно говорят впустую..., что не может быть бог в теле человеческом. Мы не обсуждаем это: да будет так, как нам преподано [29]

[25] Wright. Catalog of Syriac Manuscripts in the British Museum. London, 1870—1872, vol. III, 1156b — 1157a.

[26] «De divinis nominibus», II, 9.

[27] Захарий Ритор. История церкви (англ. изд.), 1899, стр. 266; ср. Ш. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия, стр. 42.

[28] «De divinis nominibus», II, 10.

[29] Трактат Сергия из Решаина, 8-й лист сирийского текста Британского музея (микрофильм).

К приведенному отрывку из «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия прибавлено его указание на особые работы, составленные как им («все это рассмотрено мной в достаточной мере в другом месте»), так и его «великим учителем, превосходно восхваляющим все в своем переложении «Элементов теологии» [30]. Что это является отсылкой не к какому-то другому месту того же сочинения «De divinis nominibus», а к самостоятельной книге, ясно из того, что эта работа поставлена рядом с работой его «великого учителя». Встает вопрос: кто же был учителем Псевдо-Дионисия? Известно, что он неоднократно говорит о нем, а здесь, во введении к «De divinis nominibus», называет его Иеротеосом, что составлено из двух слов: τὸ ἱερόν (храм) и ὁ θεός (бог), т. е. «храм божий». Это — прозвище, которое приобретает особое значение, когда Псевдо-Дионисий называет своего учителя «настоящим Иеротеосом»[31]. Учитель этот — Иоанн Лаз (до монашества Митридат Лаз).

В другом месте Псевдо-Дионисий, переходя к изложению тезисов сочинения о причинах, говорит, что он передает то, что его «учитель с чарующим разумом сказал в составленных им «Элементах теологии» [32].

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что речь идет не о сочинении Прокла, а о «составленных» из него «Элементах теологии» учителя Псевдо-Дионисия — Иоанна Лаза.

Сирийский вариант «Книги о причинах» преданного ученика Петра Ивера Сергия из Решаина, мимо которого прошли сторонники арабского («вероятного») оригинала IX в., чисто текстуальным путем привел нас к двум «Элементам теологии»: к написанным Проклом (в 462 г.) и к «составленному» (до 465 г.) из него сочинению «Теологические элементы», которое было гораздо короче первого.

Сирийская версия Сергия из Решаина содержит все основные элементы введения к «De divinis nominibus». Кроме указанных выше, здесь содержится учение о преодолении противоречия и о сверхбытии [33].

Сергий, разумеется, мог без особых затруднений перевести работу Псевдо-Дионисия, если бы она была написана, как и другие ареопагитские книги, на греческом языке. Но он не сделал этого. На каком же языке она была написана? Ответить на этот вопрос помогает грузинский философ Иоанн Петрици (ум. ок. 1125 г.). Он написал в конце XI — начале XII в. работу о «Στοιχείωσις θεολογική» Прокла с целью воссоздания учения о первой причине. Исходным пунктом Иоанну Петрици служила при этом работа Псевдо-Дионисия на ту же тему на грузинском языке. Иоанна Петрици не удовлетворяла ее краткость, и он решил дать более подробную переработку сочинения Прокла, однако с точки зрения тезисов Псевдо-Дионисия.

В *послесловии к своей работе Иоанн Петрици пишет*: «Причиной того, что я второй раз занялся переработкой этой книги («Элементов теологии». — *Ш. Н.*), является то, что возникла бесконечная разноголосица в ее толковании, и случилось так, что некоторые были не сведущи, а иной, овеянный славой величия, поленился разъяснить незнание, и в нашем народе не было правильного понимания даже сказанного в евангелии и

[30] «De divinis nominibus», II, 10—11.
[31] Ibid., II, 11.
[32] Ibid., II, 10.
[33] Трактат Сергия из Решаина, л. 12: 1) «Что подчиняется природному внутреннему содержанию..., не имеет противоречия». «Противоречивое в отношении друг друга, как направленное одно против другого, не может образовать единое, первое движение которого вне творения». «Высшее единое не может содержать противоречия»; 2) «Имеющее необходимость бытия через самого себя существует согласно своей природе... и своим величием выше всего сущего».

у апостолов о действии начального логоса, или выражения «в начале было слово», так как не знали, что первое есть в отношении последующих первое и не разной от них, а одинаковой природы...»[34]

Поскольку Иоанн Петрици говорит «о нашем народе» (ჟამთა ჴორაჲს ჩუენთა), которому краткое сочинение о первой и прочих причинах не могло разъяснить все, то не остается сомнения, что речь идет о сочинении с переложением учений Прокла о причинах, выполненном на грузинском языке. Следовательно, сохранившаяся до XI—XII вв. работа «овеянного славой величия» грузина (о котором в другом месте косвенно сказано, что это был Дионисий) была под рукой у Иоанна Петрици. Лишь впоследствии, по-видимому, в связи с тяжелыми событиями, происшедшими в стране, след этой работы постепенно затерялся.

Отсюда понятно, что Сергий из Решаина, переводя греческие сочинения Псевдо-Дионисия, не сумел перевести его грузинскую работу о причинах и составил ее ex epistola Дионисия — на основании введения к сочинению «De divinis nominibus»[35]. Греческие работы Псевдо-Дионисия проникли в Западную Европу и в IX в. были переведены, как указывалось, на латинский язык Иоанном Скотом Эриугеной (в 858 г.)[36] и способствовали развитию пантеистического материализма, приведшего к идеологическому кризису во Франции в 1210 г.[37]

«Книга о причинах» выпала, таким образом, в силу особенностей языка (грузинского), на котором была написана, из круга остальных ареопагитских сочинений и могла быть переведена на арабский язык только после установления арабского господства в Грузии. За триста лет (VII—IX вв.) арабско-грузинское общение в области культуры развилось настолько, что переводы с одного языка на другой стали обычным явлением. Такие памятники, как «Або Тбилели», «Мудрость Балавара», «Лимонарий» и многие другие, свидетельствуют об оживленных взаимосвязях грузин и арабов в области литературы. В это время был сделан перевод с грузинского на арабский язык и «Книги о причинах», которая существовала на грузинском, как мы в этом убедились, еще с середины V в. и была составлена на основе переработки извлечений из «Элементов теологии» Прокла, «собранных», согласно заявлению Псевдо-Дионисия, его учителем Иоанном Лазом в «Теологических элементах»[38].

Этот учитель Петра Ивера — Иоанн Лаз (Евнух) — был близок к Проклу и тотчас же по написании Проклом «Στοιχείωσις θεολογική» составил свое «собрание» из него. Для Псевдо-Дионисия это не было секретом: он, как мы убедились, знал, что все это было записано «в собранных им (Иоанном Лазом. — *Ш. И.*) «Теологических элементах» (ἐν ταῖς συνηγμέναις αὐτῷ θεολογικαῖς στοιχειώσεσι[39]). Это указание на «с о б р а н и е» извлечений из «Элементов теологии» не оставляет места для сомнения в том, что Псевдо-Дионисий имел в виду эксцерпты из книги Прокла. Отсюда совершенно очевидна ошибка Э. Хонигмана, который пишет: «Петр нашел среди бумаг своего покойного друга извлечения из произведений Прокла, которые он ошибочно принял за сочинения самого Иоанна Евнуха — Иеротеоса. Как и Иеротеос, Прокл на-

[34] И о а н н П е т р и ц и. Труды. Тбилиси, 1937, стр. 219.
[35] «De divinis nominibus», II, 9—11.
[36] Эриугена снабдил свои переводы комментариями, а в 867 г. на основании этого написал работу «Περὶ φύσεως μερισμοῦ» в пяти книгах.
[37] Вильгельм из Бретани сообщает о книгах, которые были «deludi a Constantinopoli et a graeco in latinum translati» («Gesta Philippi Augusti. Rerum Gallicarum et Franciscanum Scriptores». Paris, 1818, p. 84).
[38] «De divinis nominibus», II, 11.
[39] Ibid., II, 10.

писал «Στοιχείωσις θεολογική» и т. д.[40] Но о «Στοιχείωσις» Прокла, во всяком случае в связи с указанием самого Петра (Псевдо-Дионисия), здесь не может быть речи. Что же касается фактической стороны дела, то, конечно, не «Прокл писал, как Иеротеос», а наоборот.

Итак, остается факт составления собраний эксцерптов из «Στοιχείωσις» Иоанном Лазом и переработки их Псевдо-Дионисием в сочинение о причинах (первой и последующей) на грузинском языке (очевидно, для членов сирийской школы грузин в Майумах в V в.) с его последующим конспективным изложением во введении к «De divinis nominibus». Иоанн Петрици подтверждает факт существования такой работы на грузинском языке (с косвенным указанием на ее автора), а сирийская работа о причинах, принадлежащая Сергию из Решаина, является первой попыткой на грани V—VI вв. передать на сирийском языке «Книгу о причинах» Псевдо-Дионисия. Что арабы исходили из книги Сергия из Решаина, видно из попыток увязать учение о причинах «со взглядами Аристотеля», на что нет никаких указаний во введении к «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия. Точно так же указание на две книги одного и того же наименования («Элементы теологии»), встречающиеся в некоторых арабских источниках, заимствовано, как из более раннего, из введения к «De divinis nominibus», на основании которого устанавливается и время — ок. 465 г., и автор «Собрания» извлечений (т. е. второго «Στοιχείωσις»)— Иоанн Лаз —«действительный Иеротеос».

Эта всесторонняя точность сведений делает бесспорным вывод, что на арабской версии («вероятно», оригинальной) исследование первоначальных источников «Liber de causis» остановиться не может.

Остается вопрос о заглавии арабской версии (где Liber de causis фигурирует как исследование Аристотеля о «чистом добре»), продержавшемся до XIII в., после чего оно было окончательно заменено заглавием «Книга о причинах».

Во введении к «De divinis nominibus» Псевдо-Дионисия Аристотель не назван, но высказаны его идеи о вечности материи, о круговом движении, о сознательной и «деятельной» душе и др., которые побудили Сергия из Решаина упомянуть об Аристотеле как об авторе этих учений. Заглавием сочинения Псевдо-Дионисия о причинах, согласно его же указанию во введении к «De divinis nominibus», было: Τοῦ ἁγιωτάτου Ἱεροθέου ἐκ τῶν θεολογικῶν στοιχειώσεων. [41]

Основанием для заглавия арабской версии эти слова послужить не могли. Упоминание имени Аристотеля в книге Сергия послужило лишь поводом, остальное обусловила эпоха бурного увлечения Аристотелем, которое в известной мере определялось и «Книгой о причинах».

---

[40] E. Honigmann. Op. cit., S. 56.

[41] В контрольном латинском тексте издания Кордериуса (XVI в.) это заглавие переведено как «Sanctissimi Hierothei verba ex theologicis elementis»

М. М. КОПЫЛЕНКО

О ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

(Глагольно-именные фразеологизмы)

Среди многочисленных языковедческих дисциплин фразеология занимает особое место. Будучи одной из самых молодых отраслей языкознания, находясь в стадии становления, она еще не выработала метода исследования и не установила четких принципов отграничения воспроизводимых словосочетаний, являющихся объектом ее изучения, от невоспроизводимых словосочетаний и от слов. Если эти слабые стороны молодой языковедческой науки ощущаются при изучении современных живых языков, то тем более они сказываются в исторических исследованиях. Отсутствие данных о живом словоупотреблении чрезвычайно затрудняет изучение фразеологизмов древних текстов. Ничто не может полностью заменить непосредственного восприятия активных, действующих в языке связей и противопоставлений. Но в некоторой степени этот пробел может восполнить сравнение разноязычных текстов, передающих одно и то же содержание.

Сравнение разноязычных текстов в гораздо большей степени, чем изучение оригинальных источников, позволяет выявить структурно-семантическое своеобразие, идиоматичность словосочетаний. Это делает исследование переводных сочинений древности особенно привлекательным для специалистов по диахронической фразеологии.

* *
*

Среди других переводных памятников древности «Истории иудейской войны», переведенной на древнерусский язык с греческого в Киевской Руси не позднее XI в., принадлежит выдающееся место.

Н. А. Мещерский, который положил начало серьезному изучению языка этого произведения, характеризует его как «поэтическое переложение» оригинала. Автор этого «поэтического переложения», как отмечает Н. А. Мещерский, «сумел применить в своем труде все богатства лексики, фразеологии, словообразовательных возможностей, которые к тому времени были уже накоплены в языковой культуре Киевской Руси»[1].

В другом месте Н. А. Мещерский указывает, что «древнерусский перевод был сделан с греческого оригинала с редкой для того времени свободой»[2]. Полностью присоединяясь к мнению Н. А. Мещерского, мы мо-

[1] Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л., 1958, стр. 121.
[2] Там же, стр. 75.

жем со своей стороны подчеркнуть, что упомянутая свобода перевода проявляется в наибольшей степени в области словосочетания. Случаев замены одиночных слов греческого текста словосочетаниями значительно больше, чем указано самим Н. А. Мещерским[3]. Многие из этих словосочетаний являются устойчивыми. Они, таким образом, свидетельствуют о большой фразеологической насыщенности древнерусского текста.

Можно ли считать все фразеологизмы, не повторяющие греческий оригинал, исконно русскими? Определение исконного славянского фразеологического фонда было бы наиболее ценным результатом сличения греческих текстов с их древними переводами. Но конструктивное различие между древнерусским и греческим текстами не может, к сожалению, служить доказательством того, что данный фразеологизм является оригинальным, а не калькированным.

Так, например, в соответствии с греческим πείθομαι (доверяться, верить) в древнерусском тексте выступает словосочетание *дати уши*:

οὐ γὰρ ἐπιλείψει τοὺς καταφευσομένους αὐτῶν, ἕως ἂν ὁ πειθόμενος ᾖ.

Не оскудѣють бо, молвяче на наю лъжю рѣчь, ни престануть клеветающе, донде же *уши имъ даеши*. I, XXIV, IV; 214, 36—38[4].

Можно ли с уверенностью утверждать, что *дати уши* не скалькировано переводчиком или кем-либо из его предшественников с другого греческого текста? Даже в том случае, если бы удалось доказать, что в греческом языке такого оборота нет (а это нелегко сделать ввиду того, что мы не располагаем сводом греческих фразеологизмов), сохраняется возможность калькирования этого оборота с другого языка[5].

Исключить возможную зависимость от иноязычного текста можно лишь в том случае, когда фразеологизм оказывается художественным средством, совершенно не связанным с оригиналом, например:

καὶ τοσαύτην τοῖς ἀπειλοῦσιν ἐνεργάσατο κατάφληξιν, ὥστε ῥίψαντος τὰ ὅπλα φεύγειν.

И тако ужасъ възложи на люди, яко пометавше оружиа, разбѣгошася, *камо кого очи несяшета*. II, XXI, V; 289, 39—40. (В оригинале: «бросив оружие, убежали»);

ἀλλὰ μὴν τό γε νῦν ἐλευθερίας ἐπιθυμεῖν ἄωρον, δέον ὑπὲρ τοῦ μηδὲ ἀποβαλεῖν αὐτὴν ἀγωνίζεσθαι πρότερον.

Аще же нынѣ свободы ожидаете, то безврѣменно дѣло творите. Подобаше преже всяк труд и потъ приимати и кровь проливати за свободу, негли *простирати шия под ярем работный*. II, XVI, IV; 275, 12—15. [В оригинале: «Но теперь добиваться свободы несвоевременно; нужно, для того чтобы не лишиться ее (вовсе), сражаться прежде...»].

Ср. также:...οὕτως ἀγεννῶς τὴν περιμάχητον Ἰουδαίοις ἐλευθερίαν προεμένους καὶ δουλείαν αἱρεῖσθαι;

...предаваютъ достоино бранную свободу и *под работный яремъ уклоняются*. VII, VIII, I; 455, 5—6. (В оригинале: «предпочитают рабство»).

τόπος τ'ἐπὶ τῆς πόλεως οὐδεὶς γυμνὸς ἦν, ἀλλὰ πᾶς λιμοῦ νεκρὸν εἶχεν ἢ στάσεως.

---

[3] Там же, стр. 131—132.

[4] Римские цифры здесь и в дальнейшем указывают книгу, главу и абзац греческого текста по изданию: Flavii Josephi Opera, edidit et apparatu critico instruxit Benedictus Niese. Volumen VI. De bello Judaico lib. VII, edid. J. a. Destinon et B. Niese. Berolini, MDCCCXCIV. Арабские цифры указывают страницы и строки древнерусского текста по изданию: Н. А. Мещерский. «История иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.— Л., 1958.

[5] Ср., например, *Date* vocivas *aures*, dum eloquor у Плавта (Trinummus, 11), правда, с иным значением: «Слушайте внимательно, пока я буду говорить».

И по всему граду *не бысть кдѣ иглы повредщи на голѣ мѣстѣ*, зане всюду валяхутся трупиа, овы от глада, овы же от брани (VI, VII, II; 427, 4—6. В оригинале: «В городе не было ни одного голого места, так как повсюду были умершие от голода или раздоров»).

С другой стороны, конструктивное совпадение перевода с оригиналом само по себе не может служить доказательством того, что перед нами калька с греческого. Почти всегда можно предположить параллельное возникновение оборота в греческом и в русском (старославянском, общеславянском) языках. Только в том случае, когда при идентичности структуры в древнерусском тексте отражена характерная лишь для оригинала реалия, мы можем с большей или меньшей степенью уверенности утверждать, что данная конструкция является калькой с греческого, например:

μὴ... τὸν οἶκον τοῦ θεοῦ περιδεῖν φλεγόμενον.
да не пожгуть... *дому божиа* VI, II, I; 405, 16—17;
ἔγνω...βασιλέα καθιστᾶν —
думаше *цесаремь* его *поставити* I, XIV, IV; 191, 15—16;
...'Αριστόβουλος...περιτίθεται μὲν διάδημα.
...Аристаулъ...*возложи* на ся *вѣнець* I, III, I; 171, 15—16.

Таким образом, исследуемый нами материал лишь в ограниченной степени позволяет судить о происхождении древнерусских фразеологизмов. Другие проблемы, связанные с изучением древнерусских фразеологизмов, решаются более успешно. К ним относятся: а) выявление фразеологического своеобразия перевода; б) определение фразеологической активности компонентов устойчивых словосочетаний.

* * *

Однако прежде всего необходимо установить критерий отграничения устойчивых словосочетаний от свободных. Этот критерий должен варьироваться в зависимости от структурных особенностей сочетаний. Обратившись к наиболее распространенному в древнерусском переводе «Иудейской войны» структурному типу сочетаний, мы попытались отыскать принцип определения их устойчивости, который исключал бы такие признаки, как «добавочное значение» или «возможность замены одним словом». Эти признаки абсолютно неприменимы к древним текстам. Наиболее часто в исследуемом нами памятнике встречаются сочетания глаголов с существительными в винительном или родительном падеже без предлога [6]. Анализируя эти словосочетания, мы отчетливо видим, что во многих из них происходит перемещение семантического центра от глагола к существительному. См., например, *творити прѣлюбы*, *улучити спасения* и т. п. В таких словосочетаниях грамматический центр не совпадает с семантическим, потому что грамматическая зависимость существительного от глагола сохраняется [7]. Эта особенность указанных словосочетаний усиливается в тех случаях, когда глагол сочетается с абстрактными существительными: происходит почти полная десемантизация глагола; он на-

[6] Это, согласно нашим наблюдениям, относится и к другим переводным и оригинальным памятникам литературы X—XII вв. В современном же русском языке, как утверждают А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, количественно преобладают атрибутивные сочетания типа прилагательное + существительное (см. О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 189).

[7] О. С. Ахманова. Указ. соч., стр. 181; А. П. Мордвилко. Глагольно-именные описательные выражения в современном русском литературном языке. Кандидатская диссертация (машинопись). М., 1955, стр. 63 сл.

ходится на пути к превращению в лишенный конкретного лексического значения показатель предикативности. В словосочетаниях *сътвориτи сосуды цркъвныя* и *сътворити брань* мы имеем дело с глаголами-омонимами. Первый из них сохраняет лексическое значение, а второй его не имеет. Мы отмечаем в таких случаях особую фразеологическую функцию глагола. В нашу задачу входит выявление таких глаголов в исследуемом тексте. Поскольку не все глаголы обладают фразеологической функцией, мы считаем возможным говорить о фразеологической активности глаголов. Ниже мы покажем, что фразеологическая активность древнерусских глаголов далеко не всегда совпадает с фразеологической активностью соответствующих им греческих слов. Исследуемый материал представляет возможность и для установления различной степени фразеологической активности глаголов, выступающих во фразеологической функции.

Подлежащие анализу словосочетания «Иудейской войны» мы группируем по глаголам, образующим их грамматические центры. Для сравнения привлекается материал из евангелия (по Остромирову кодексу) и из некоторых других переводных и оригинальных текстов.

1. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ *ТВОРИТИ* (*СЪТВОРИТИ*) И *ДѢТИ*

В греческом тексте евангелия глаголу *творити (сътворити)* в большинстве случаев соответствуют ποιέω («делать») и, таким образом, при переводе на старославянский язык полностью сохраняются структурно-семантические особенности греческих словосочетаний:

Ἰδόντες δὲ οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ γραμματεῖς τὰ θαυμάσια, ἃ ἐποίησε ὁ Ἰησοῦς...

Видѣвъше же архиереи и кънижьници *чоудеса* юже *сътвори* іис. Мат., XXI, 15 (141—141 об.)[8];

Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ συμβούλιον ἐποίησαν πάντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ κατὰ τοῦ Ἰησοῦ...

Въ врѣмѧ оно *съвѣтъ сътвориша* вьси архиереи и старьци людьсти на іи҃са. Мат., XXVII, 1 (196);

Ἐποίησαν οὖν αὐτῷ δεῖπνον ἐκεῖ, καὶ ἡ Μάρθα διηκόνει.

...*сътвориша* же ѥмоу *вечерѫ* тоу и Марѳа слоужааше... Ио., XII, 1 (141 об.);

...ἤκουσαν τοῦτο αὐτὸν πεποιηκέναι τὸ σημεῖον.

...слышаша и *сътворьша се знамениѥ* ... Ио., XII, 18 (143—143 об.);

Ἰδοὺ γὰρ ἀπὸ τοῦ νῦν μακαριοῦσί με πᾶσαι αἱ γενεαί. Ὅτι ἐποίησέ μοι μεγαλεῖα ὁ δυνατός· καὶ ἅγιον τὸ ὄνομα αὐτοῦ.

Се бо отъселѣ блажѧть мѧ вьси роди ꙗко *сътвори* мънѣ *величиѥ* сильныи и сто има ѥго. Лук., I, 48—49 (217);

...ἐγὼ τὰ ἀρεστὰ αὐτῷ ποιῶ πάντοτε.

...азъ *оугодьна творѫ* ѥмоу вьсегда. Ио., VIII, 29 (222).

Но в двух случаях *сътворити* употребляется вместо греч. λαμβάνω («обрать») при полном сохранении значения словосочетания:

Συμβούλιον δὲ λαβόντες ἠγόρασαν ἐξ αὐτῶν τὸν ἀγρὸν...

...съвѣтъ же сътворьше коупиша имъ село... Мат., XXVII, 7 (196 об.);

Καὶ συναχθέντες μετὰ τῶν πρεσβυτέρων, συμβούλιον τε λαβόντες...

...и събьраша сѧ старьци. *съвѣтъ* же *сътворьше*. Мат., XXVIII, 12 (203 об.).

[8] Цифры в скобках указывают листы издания «Остромирово евангелие 1056—1057 г. с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым». СПб., 1843.

Словосочетание же *прѣлюбы творити (сътворити)* в трех случаях выступает вместо одиночного греч. глагола μοιχεύω (μοιχάω) со значением «прелюбодействовать»:

Μὴ μοιχεύσῃς.

...не *прѣлюбы сътвори*... Лук., XVIII, 20 (110 об.);

Καὶ ὁ ἀπολελυμένην γαμήσας μοιχᾶται.

и женѫи сѧ потьбѣгоиⷢ *прѣлюбы творить*. Мат., XIX, 9 (74 об.);

...ὃς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ παρεκτὸς λόγου πορνείας, ποιεῖ αὐτὴν μοιχευθῆναι.

...аще иже поустить женⷭ своⷢ развѣ словесе любодѣаньнааго творить ⷢ *прѣлюбы творити*. Мат., XIX, 9 (74 об.).

Таким образом, уже в славянском евангелии наблюдается тенденция к усилению фразеологической активности глагола *творити (сътворити)*. Он становится универсальным обозначением неконкретного и не осложненного дополнительными оттенками «действия вообще», а более точная характеристика действия представляется зависимому от него существительному. Эту функцию разделяет с глаголом *творити (сътворити)* лишь еще один глагол дѣяти, который в славянском евангелии в одном случае соответствует греч. глаголу παρέχω («доставлять»):

Τί κόπους παρέχετε τῇ γυναικί; ...почьто троуды дѣите женѣ. Мат., XXVI, 10 (153)[9],

а в двух других случаях образует словосочетания, выступающие вместо одиночных греческих глаголов κολαφίζω («бить по щекам»):

Τότε ἐνέπτυσαν εἰς τὸ πρόσωπον αὐτοῦ καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν.

...тогда запльваша лице ѥмоу и пакости ѥмоу дѣяша... Мат., XXVI, 67 (163).

и προσεύχομαι («молиться»):

...ἀπῆλθεν ὁ Ἰησοῦς εἰς ἔρημον τόπον, κἀκεῖ προσηύχετο.

...изиде и҃съ въ поусто мѣсто и тоу *молитвⷢ дѣаше*... Мат., I, 35 (129).

Еще в большей степени эти особенности свойственны глаголам *творити (сътворити)* и *дѣяти* в древнерусском переводе «Иудейской войны». Глагол *творити (сътворити)* соответствует здесь не только глаголу ποιέω («делать»):

...πρὸς Ῥωμαίους... ἐποιήσατο φιλίαν...

...с римляны *миръ творяше*. I, I, IV; 168, 8;

λαμπροτέρας δὲ καθ' ἡμέραν ἐποιεῖτο τὰς διαδόσεις...

...Свѣтлѣиша же по вся дьни *творяше дарованиа*. I, XXVIII, I; 225, 23; но также глаголу ἐνσκευάζω («готовить», «приготовлять»);

...δόλον ἐνσκευάζονται τοιόνδε

...таку *лесть створиша*... VI, III, I; 410, 3 и ἐργάζομαι («причинять», «доставлять»):

...ἐργάζεσθαι δὲ ὅσα ἂν δύνωνται κακὰ Ῥωμαίους ἕως ἐμπνέωσι...

...*творяще злаа* римляном, елико можем, донде же дышемъ. V, XI, II; 388, 17.

Нередки случаи перевода одиночных греческих глаголов словосочетаниями с глаголом *творити (сътворити)*:

не творити пакости — ἀπέχομαι («оставлять нетронутым», «щадить»):

προστάξας ἀνόπλου μὲν ἀπέχεσθαι, κτείνειν δὲ... εἰ μετὰ τῶν ὅπλων προσίοι...

---

[9] Ср. в другом месте иной перевод того же греческого предложения: «чьто троуждаѥте женⷭ». Мат., XVII, 10 (156).

...повелѣ... да ж идѣть безъ оружиа... не *творяще пакости* ему. Аще ли с оружиемь будеть, то убите и. I, III, III; 172, 3—6.

брань сотворити — πολεμέω («воевать», «сражаться»):

...ἀνεχώρησεν εἰς Ἱεροσόλυμα καὶ παρεσκευάζετο πολεμεῖν πρὸς Πομπήιον.

...бѣжа во Иерусалимъ и скуплѣваше воя, хотя *брань сотворити* с Помпием. I, VI, V; 178, 11—12.

Особенно характерно употребление словосочетаний с глаголом *творити* (*сътворити*) в перифразах, которыми очень богат древнерусский перевод „Иудейской войны". Так, словосочетание *„сътворилъ убийство"* выступает вместо σεσωρεῦσθαι νεκρῶν πλῆθος („нагромоздить множество трупов"):

καὶ τοσοῦτον ἐν τῷ ἱερῷ σεσωρεῦσθαι νεκρῶν πλῆθος, ὅσον οὐδ' ἂν ἀλλόφυλος ἐσώρευσεν πόλεμος ἐπελθὼν ἀκήρυκτος.

И тако еси *сътворилъ убийство*, якого же ни иноплеменници не сътвориша. II, II, V; 246, 5—6;

добро творилъ — вместо существительного εὐποιίας („благие дела"):

...εὐποιίας δι' ὧν μοι γράφει καὶ Βεντίδιος...

И Вентидии писал мнѣ о тобѣ, како еси *добро творил*... I, XX, II; 28—29.

Словосочетания с глаголом *творити* употребляются также вне всякого соответствия с греческим текстом в творческих отступлениях переводчика от оригинала:

Подобаше бо преже *миръ сътворити*... 335, 3;

И посла къ Кестею, *творя* на июдѣя *вражство*... 273, 11;

Побѣду сътворив... 168, 10.

Что же касается глагола *дѣяти*, то он лишь в одном случае соответствует греческому ποιέω:

κοινὸν δ' ἑκάτεροι τὸν κίνδυνον ἰδόντες κοινὴν ἐπενόουν ἤδη ποιεῖσθαι καὶ τὴν ἄμυναν.

И видѣвше, яко си бѣда всѣмь обща есть, начаша и *мѣсть* обои общю *дѣяти*. V, VI, IV; 375, 16.

Обычно употребление словосочетания с *дѣяти* вместо обозначающего соответствующее действие глагола:

повѣсть дѣяти — συνομιλέω («беседовать»):

κηρύττουσι δὲ μηδένα τῶν κατὰ τὴν πόλιν μήτε συνομιλεῖν μήτε ἐπὶ ταὐτὸ συναθροίζεσθαι δέει προδοσίας...

...заповѣдаша да никто же с другы своими *повѣсти не дѣеть* и не съвокупляются на купь. V, XIII, I; 393, 3—4;

ловы дѣяти — κυνηγέω («охотиться»):

...παραφυλάττει κυνηγοῦντα κτείνας εἰς Ῥώμην ἀποδρᾶναι.

...ловяшета убити ею, *ловы дѣюща*. I, XXV, VIII; 216, 22;

проходы дѣяти — ἀποπατέω («ventrum exonerare»)

...οὐδὲ σκεῦός τι μετακινῆσαι θαρροῦσιν οὐδὲ ἀποπατεῖν.

...ни сосуды движуще, ни же *прохода дѣюще*... II, VII, IX; 255, 9; или очень далекое от греческого текста, независимое от него употребление словосочетаний:

приложи, яко видѣ своего мужа Иосифа, *блудъ дѣюща*. 210, 17—18;

...рече им: И многажды думаше на вы Иванъ с своими, но азъ размолвях я и всяко *промыслы дѣя*, да быша не погубили вас. 333, 8.

Для обозначения конкретного действия («изготовлять», «строить») в древнерусском переводе «Иудейской войны» употребляется глагол *създати*. Этот глагол обычно соответствует греческому κτίζω. Он, в отличие от *творити* (*сътворити*) и *дѣяти*, не ослабляет своего конкретного

значения. Общее значение словосочетаний с этим глаголом не сосредоточивается в существительном, а распределяется между обоими компонентами:

...πολίχνην τε τοῖς Ἱεροσολύμοις ἀπεικασμένην καὶ ναὸν ἔκτισεν ὅμοιον.
И *созда град и цьркъвь*, подобну Иерусалиму. I, I, 1; 168, 11;

...ἵνα ὑμῖν περιβάλωμαι τεῖχος.
да *съзижю* вам *стѣны*. II, XX, III; 289, 17;

πύργον... κτίσας — *созда сынъ*... I, XXI, IX; 207, 19.

Такие словосочетания следует считать свободными. Лишь в одном случае в свободное словосочетание входит глагол *сътворити*, соответствующий греческому κατασκευάζω («сооружать», «строить»).

κυριεύσας δὲ τοῦ ἱεροῦ τόν τε χῶρον ἐκάθηρε πάντα καὶ περιετείχισε καὶ τὰ πρὸς τὰς λειτουργίας σκεύη καινὰ κατασκευάσας...
И обуемъ цьркъвь, и все мѣсто освятив, и созда, и *сосуды* цьркъвны *сътвори* новы. I, I, IV; 168, 12—13.

Таким образом, в древнерусском переводе «Иудейской войны» глаголы *творити и дѣяти* специализируются во фразеологической функции, а сходный с ними по значению *създати* образует свободные словосочетания. Аналогичная картина наблюдается и в других переводных сочинениях древнеболгарской и древнерусской письменности. См. в «Хронике» Иоанна Малалы: «*жрьтвъ сътворивъ*» (42), *творять память* (33) но *създавъ град* (43);[10] в «Хронике» Георгия Амартола: *праздьньство творяху* (64), *съвѣт створи* (513), *створить изъмѣну* (547), но *создавъ подърумие* (40), *дом и капище великое создав Диеви* (39)[11]. Эти наблюдения согласуются с показаниями словаря И. И. Срезневского. В нем *съзьдати* (*създати*) сочетается только с обозначениями строений: *црквь*, *храмину*, *стѣны*, *градъ*, *манастырь*; в богослужебных и богословских сочинениях также с существительными *сердце*, *жену*, *животы* (в значении «животные»)[12]

В современном русском языке глагол *создать* сохранил конкретное значение «строить» в сочетаниях с существительными, обозначающими собирательные объекты: создать железнодорожную сеть, химическую промышленность, новый вид оборудования. В приподнятом стиле возможно сочетание глагола *создать* с наименованиями конкретных объектов определенного рода: создать машину, аппарат, произведение искусства, памятник, картину, поэму. Глагол *создать* образует в приведенных примерах, как и в древнем языке, свободные словосочетания. Но теперь уже невозможно употребление этого глагола с существительными, обозначающими здание, постройку[13]. Вместе с тем глагол *создать* приобрел не присущую ему в древности фразеологическую активность. Он образует множество устойчивых словосочетаний (создать условия, обстановку, настроение, иллюзию, впечатление) и вытеснил в этой роли глагол *творить*, который употребляется лишь в нескольких архаических выражениях: творить (сотворить) добро, суд и расправу, себе кумир, молитву.

---

[10] В. М. Истрин. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. II. Одесса, 1903; кн. VI—IX. Сб. ОРЯС, т. 89. Цифры в скобках указывают номер абзаца.

[11] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Пг., 1920. Цифры в скобках указывают страницы перевода.

[12] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стр. 708—711.

[13] Ср. ироническое звучание глагола созидать — архаического видового коррелята глагола создать: «...начал он от избытка средств двухэтажный приют для старушек созидать, здание с домовой церковью и прочее...» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

2. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ *ИМѢТИ* И *ЯТИ* (*ПОЯТИ, ПРИЯТИ, ВЪЗЯТИ*)

Глагол *имѣти* в евангелии в подавляющем большинстве случаев соответствует греческому глаголу ἔχω (иметь). В сочетании с абстрактными существительными этот глагол утрачивает конкретное значение обладания и приобретает фразеологическую функцию. Он образует устойчивые словосочетания:

ταῦτα λελάληκα ὑμῖν, ἵνα ἐν ἐμοὶ εἰρήνην ἔχητε.

...си глаахъ вамъ да в мьнѣ *миръ имаате*... Ио., XVI, 33 (173 об.);

ἐξουσίαν ἔχει ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐπὶ τῆς γῆς ἀφιέναι ἁμαρτίας...

...*власть имаатъ* снъ чловѣчьскыи на земли отъпоущати грѣхы... Мат., II, 10 (130 об.);

...ὁ παραδιδούς μέ σοι μείζονα ἁμαρτίαν ἔχει.

прѣдавыи мѧ тебѣ болии *грѣхъ имать*...Ио., XVIII, 11 (184);

...ἐμοὶ μαθηταὶ ἔστε ἐὰν ἀγάπην ἔχητε ἐν ἀλλήλοις.

...мои оученици ѥсте аще *любъве имаате* межѫ собою. Ио.,XIII, 35 (164 об.);

Ἡ γυνὴ ὅταν τίκτῃ, λύπην ἔχει, ὅτι ἦλθεν ἡ ὥρα αὐτῆς·

...жена ѥгда раждаѥть *печаль имаать* ѩко приде годинаѧ Ио., XVI, 21 (172 об.)

.,.πᾶς ὁ πιστεύων εἰς αὐτὸν μὴ ἀπόληται, ἀλλ' ἔχῃ ζωὴν αἰώνιον.

...вьсѧкъ вѣроуѧи вь нь не погыбнеть нъ *имать животъ вѣчьныи* Ио., XIII, 15 (219).

Особого рассмотрения заслуживает словосочетание *имѣти вѣрѫ*. В греческом тексте евангелия абсолютный эквивалент этого оборота (ἔχω πίστιν) встречается только один раз при расчлененном обозначении степени веры учеников Иисуса в своего учителя:

ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον συνάπεως, ἐρεῖτε τῷ ὄρει τούτῳ· Μετάβηθι ἀντεῦθεν ἐκεῖ· καὶ μεταβήσεται·

...аще *имате вѣрѫ* и ѩко зрьно гороушьно речете горѣ сеи прѣиди отъ сѫдоу тамо и прѣидеть. Мат., XVII, 20 (73 об.).

В самостоятельном же значении в греческом тексте употребляется только одиночный глагол πιστεύω (верить), который переводится на старославянский язык посредством словосочетания имѣти (ꙗти) вѣрѫ:

καὶ πιστεύσωμεν αὐτῷ.

...и вѣрѫ имемъ ѥмоу... Мар., XV, 32 (189);

...ἵνα μὴ πιστεύσαντες σωθῶσιν.

...да не *вѣры имъше* спасени бѫдѫть. Лук., VIII, 12 (95)

πιστεύεις τοῦτο; Λέγει αὐτῷ·

...*имеши ли вѣроу* семоу гла ѥмоу. Ио., XI, 26 — 27 (138 об.)

καὶ πιστεύων τῷ πέμψαντί με...

...*и вѣроу* ѥмлѧ посълавъшоумоу мѧ. Ио., V, 24 (13 об.)

В древнерусском переводе «Иудейской войны» словосочетание *имѣти* (*яти*) *вѣру* употребляется вместо πιστεύω:

...μὴ πάνυ πιστεύσας διεμέλλησεν...

...не *емъ вѣры*, умѣдьли... II, XIX, V; 285, 6;

...ὁ βασιλεὺς 'επίστευσεν ἡδέως...

...*вѣру ятъ* Цесарь... I, XXIV, VIII; 216, 23—24. См. также I, XIII, 6; 190, 25—26; I, XXX, IV; 231, 18; II, XIX, V; 285, 6 и мн. др.;

вместо συναινέω («соглашаться»):

Συνήνει τοῖς λεγομένοις Ἡρώδης...

Иродъ же *вѣру ятъ* тѣмь словесем. I, XXV, III; 217, 20;

вместо πειθαρχέω («слушаться», «повиноваться»):

...παράγγελμα τῶν φρουράρχων ἐχόντων μόναις πειθαρχεῖν ταῖς αὐτογράφοις ἐπιστολαῖς.

Съвѣщаль бо ся бяше со своими, яко иному не *яти вѣры*, но токмо пѣчати своеи. I, VI, V; 178, 9—10.

Не имѣти (инати) вѣры употребляется вместо оборота πίστις οὐδὲ ἦν («веры не было»):

πίστις... οὐδὲ τοῖς θνήσκουσιν ἦν...

...*не имѣахуть вѣры* ни умирающимъ...; VI, III, III; 412, 4—6;

в соответствии с глаголом διαπιστέω («не доверять»):

τὰ μὲν δὴ πρῶτα διηπίστει.

...и тьи спѣрва *не имяшеть вѣры*...; I, III, II; 171, 26,

и в перифразе вместо оборота μὴ... πίστιν παρασχεῖν («не вызывать доверия»):

...ὡς μηδεπώποτ' οἰκηθῆναι πίστιν ἂν ἔτι παρασχεῖν τοῖς προσελθοῦσιν.

И аще бы кто пришелъ из нынѣхъ земль и быша ему показали, глаголюще, яко ту град бѣ, и *не инялъ бы вѣры*. VII, I, I; 434, 11—13.[14]

Но фразеологическая активность глагола *имѣти* (*яти*) в древнерусском тексте «Иудейской войны» не ограничивается словосочетанием *имѣти* (*яти*) *вѣру*. Выступая во фразеологической функции, он может соответствовать, как и в евангелии, греч. глаголу ἔχω:

καθαρὰν δὲ τὴν ψυχὴν ἔχων πάθους παντός.

...*душю имѣа* чисту от всякиа страсти. II, II, V; 246, 11;

...μίαν ἐλπίδα σωτηρίας εἶχον...

...едино *упование* на спасение имѣша[15]. VI, II, VIII; 409, 10.

Но иногда словесная ткань и значение древнерусского фразеологизма изменяются благодаря введению отсутствующего в подлиннике выражения «в сьрдьци»:

...ἔχων δὲ πατρόθεν ἔμφυτον τὴν ἀνδραγαθίαν.

...*имѣя отьче храбъство в сьрдьци*. VII, IV, II; 442,10;

Συναπῄει δὲ τοῖς ἀδελφοῖς ἡ στάσις καὶ χείρους τὰς ἐπ' ἀλλήλοις ὑπονοίας ἔχοντες ἀπηλλάγησαν...

Разидоша же ся братия, *имуще в сьрдьци злобу велику и мысль друг на друга*. I,XXIV,I; 213, 8—9.

То же «в сьрдьци» выступает в перифразе: «Сулѣово казание имущи в сьрдьци» вместо Συλλαίου πραγματευσαμένου («так как Силлей об этом позаботился»):

...δεδωκέναι δὲ ἀντὶ τούτου θανάσιμον Συλλαίου πραγματευσαμένου.

---

[14] Нередок оборот *имѣти* (*яти*) *вѣру* в других переводных и оригинальных произведениях древнерусской письменности (см. И. И. Срезневский. Материалы..., т. I. СПб., 1893, стр. 490—491). Ср. также совр. укр. *не йняти вiри* (не верить), прилагательное *не-ймо-вiр-ний* и русск. (старосл. по происхождению) *не-имо-верный* и *веро-ят-ный*.

[15] См. также случаи, когда это же словосочетание выступает вместо греч. глагола ἐλπίζω («надеяться»): ... παραδοὺς δ'αὐτῷ δύο τάγματα κατὰ τάχος ἔπεμψεν εἰς Συρίαν, ταύτην τε ῥᾳδίως ἐλπίσας καὶ τὰ περὶ τὴν Ἰουδαίαν δι'αὐτοῦ προσάξεσθαι.

...поручивъ ему два полка большая, и посла на Сурию, упования имѣя на нь, яко тѣмь поработить Сурию и Июдѣу. I, IX, I; 182, 30—183,1, и в перифразе в соответствии с предложнопадежной формой существительного ἐλπίς («надежда»):

...ἄγων δεσμώτην Ἀντίγονον...τοῦτον μὲν οὖν φιλοψυχήσαντα μέχρις ἐσχάτου διὰ ψυχρᾶς ἐλπίδος...

...Водя Антигона связана, его же малодушнаго, до конца суетно упование имоуща. I, XVIII, III; 199, 16—17.

Нельзя не обратить внимания на пример обратного порядка: древнерусское *упавати* соответствует греч. словосочетанию ἐλπίδας ἔχειν («иметь надежды»):

οὐκ ἐν Ἡρώδῃ δέοι τὰς ἐλπίδας ἔχειν.

...не подобает им на Ирода уповати. I, XXIV, VII: 215, 33.

Она же *Сулѣово казание имущи в сьрдьци*, в любовнаго мѣсто смьртьное вда. I,XXIX, I; 230, 3—4.

Другие примеры свидетельствуют о том, что древнерусский переводчик оказывает предпочтение словосочетаниям с глаголом *имѣти*, заменяя ими разнообразные конструкции греческого текста. Так, структурная схема «им. пад. имени+имѣти+вин. пад. существ.» выступает вместо структурной схемы оригинала: «дат. пад. имени+εἰμί («быть»)+им. пад. существ»:

Οὐιτελλίῳ δὲ Πρίμου μὲν ἐλάττων φροντὶς ἦν.

Иутилии же малу *печаль имяше* о Антонии... IV,XI,IV; 357, 8—9;

...τοῖς δὲ δι' εὐγένειαν πᾶν τὸ νοηθὲν ἦν ἐπὶ γλώσσης.

Она же, надѣющися на свое благородство, всяк *помыслъ* на языцѣ *имяста*. I, XXIV, I; 213, 15—16;

τάς γε μὴν κατὰ τὴν πόλιν συμφορὰς ῥωμαίοις πλέον εἶναι συνέβαινε πρὸς ἀθυμίας ἢ τοῖς ἐν αὐτῇ.

И большю *печаль имяхуть римляне* от градныя напасти, нежели гражане. VI,I,II; 398, 5—6.

Причастие от глагола имѣти+вин. пад. существ.: соответствует сочетанию предлога с вин. пад. существ.:

προσήλουν δὲ οἱ στρατιῶται δι' ὀργὴν καὶ μῖσος τοὺς ἁλόντας ἄλλον ἄλλῳ σχήματι πρὸς χλεύην...

Воини же, *гнѣвъ имуще* на нѣ, ни единѣмь образом распинахуть я, но различьными, поругающеся. V,XI, I; 388, 5—6;

κατὰ χὰρ ἔχυραν ἡ μῖσος ἴδιον ἕκαστος ἔπλασσεν τὰς διαβολάς, καὶ πολλοὶ πρὸς τοὺς διαφόρους φονῶντι τῷ βασιλικῷ θύμῳ κατεχρῶντο.

Мнози бо, *имѣюще вражду или ненависть* на друга, тѣмь клевета ниемъ погубливахуть. I, XXIV, VIII; 216, 6—8;

διὰ τὴν πρὸς Ἀντίοχον ἔχυραν...

...*гнѣвъ имѣа на* Антиоха... VII, VII, I; 452, 27

Имѣти в качестве сказуемого придаточного предложения+вин. пад. существ.—вместо вин. пад. существ. с замкнутым определением.:

Κέστιος δὲ τὴν πρὸς ἀλλήλους αὐτῶν ταραχὴν εὔκαιρον ἰδὼν...

...Кестии, разумѣвъ, *яко межи собою сваръ имѣють*...[16] II, XIX, III; 284, 30—32.

Аналогично употребляются словосочетания с глаголом *прияти*. Ряд таких словосочетаний соответствует одиночным глаголам оригинала:

смерть прияти—πίπτω («упасть мертвым»):

...οἷς εὐχὴ μὲν τὸ σιδήρῳ πεσεῖν...

им же молятся от желѣза *смерть приати*. V, XII, I; 390,23,

и ἀναιρέομαι («быть убитым»):

...ὁμοίως ἀνῃροῦντο...

...равно *смерть приаша*. VI, V, I; 418, 25;

а также ἀποσφάττομαι («быть заколотым») VI, I, VIII; 404, 10—11;

страсти приимати — πάσχω («терпеть», «страдать»)

...καθ' ἡμέραν οἰκτρότερα πάσχειν

...по вся дьни *приимають страсти* злые... IV, VI, II; 340, 7—9;

слово приати — ὑπάγομαι («быть введенным в обман», «обмануться»):

τούτοις ὑπαχθεὶς Πάκορος αὐτὸς μὲν ἦει κατὰ τὴν παράλιον, Βαζαφρὰ τῆς μεσογείου προσέταξεν ἐμβαλεῖν.

Сего *слово приемь* Пакоръ, и иде самъ подлѣ моря, а Варзафана пусти посрѣди земля. I, XIII, I; 189, 26—27.

---

[16] Порядок следования элементов указанных структурных схем как в оригинале, так и в переводе произволен.

Интересно употребление словосочетания *надѣжю болшю приаша* в соответствии с греч. глаголом προτσφαλίσθαι — «обеспечить, укрепить, предохранить (себя)». VI, I, IV; 399, 12.

Приати + вин. пад. существ. — предлог + вин. пад. существ.:

Ὑρκανὸς οὖν μὲν καὶ καθ'ἑαυτὸν ἡσυχῇ πρὸς τὸ κλέος τῶν νεανίσκων ἐδάκνετο...

Урканъ бо... тужаше и завистию уязвенъ бысть, понеже *славу* велику *приаста* уноши от всѣх людии. I, X, VI; 185, 9—11;

...διὰ τὸν περὶ τῆς πατρίδος φόβον τὴν ἐπὶ τοὺς ἀλλοφύλους ὁρμὴν ἄωρον ἐνόμιζον.

...*страх приемше* о отьчествѣ невременно мнѣша битися на чюжеи земли. IV, IX, II; 348, 16—17.

Приати + вин. пад. существ. заменяет собой конструкции с другими глаголами:

приимъ власть — παρελθὼν εἰς τὴν ἐξουσίαν («придя к власти»). I, IV, I; 173, 2;

лютую страсть прия — δεινὸν... πάθος αὐτὸν εἰσῄει («ужасная страсть в него вошла»). IV, I, V; 321, 31;

приатъ силу большу и страшенъ бысть — δύναμει φοβερὸς ἦν («силой страшен был»). I, X, VIII; 186, 4—5;

толико труда приемлюще — διὰ τοσούτων κεχωρεκότες [«через столько (трудов) прошедшие»]. IV, X, III; 353, 27;

μέγιστον οὐ παρὰ Ῥωμαίους καὶ Καίσαρι μόνον ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς πολεμίοις κλέος καταλιπών...

И *приа* велику *славу* не токмо от римлянъ, но и от иноплѣменникъ. (В оригинале: «славу сохранив»). VI, I, VII; 404, 12—13.

К этим примерам перифрастического перевода посредством словосочетаний с глаголом *прияти* можно прибавить следующие, более далекие от оригинала:

πρῶτον μὲν ἐνθυμούμενοι τὴν ἱερὰν φύσιν, ἧς καὶ παρὰ θηρίοις αἱ στοργαὶ μένουσιν...

...первое, поминающе священно естество, от него же и звѣрие *приали любовь*. I, XXIII, V; 212, 35—37 (в оригинале: «...от которого и у зверей сохраняются проявления любви»);

ἀναρεῖν αὐτὸν ἠπείλουν, εἰ μὴ βούλοιτο ζῆν ἀξίως.

...убити и запрещаху, аще не *приметь сана*... IV, X, IV; 354, 20—21 (в оригинале: «если не хочет жить достойно»).

Все эти факты неопровержимо свидетельствуют о большой фразеологической активности глаголов *имѣти* (*яти*, *прияти*).

Фразеологической функцией обладает также глагол *пояти*, но он употребляется чаще всего в устойчивом словосочетании со значением «жениться»[17] в соответствии с греч. γαμέω («жениться», «брать в жены»)

τούτῳ γήμαντι γυναῖκα τῶν ἐπισήμων ἐξ Ἀραβίας Κύπρον τοὔνομα τέσσαρες μὲν υἱεῖς γίνονται...

...*поемь жену* от Аравиа, именем Купросъ, и роди от нея 4 сына. I, VIII, IX; 182, 24—25;

ἄλους δ'ἔρωτι γαμεῖ τὴν ἑτέραν...

...нятъ похотию, и *понялъ меншюю* за себе. I, IX, II; 183, 10—11.

---

[17] Нам встретился лишь один пример употребления *пояти* в другом устойчивом словосочетании: Ῥωμαϊκὰς δυνάμεις συνήγαγε καὶ συχνοὺς παρὰ τῶν γειτνιώντων βασιλέων συμμάχους. ... събрав римскую силу, от ближних цесарев *поя помощь*. III, I, I; 292, 20—21 и один пример использования этого глагола в свободном словосочетании в соответствии с греч. παραλαμβάνω («брать»): ... παραλαμβάνει μὲν ἐφ' ἣν ἔσταλτο δύναμιν. ...*поем воя*, казанныя ему. III, IV, II; 295, 32.

3. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛОМ *ДАТИ, ВЪДАТИ, ВЪЗДАТИ, ОТЪДАТИ, ПОДАТИ*

Большой фразеологической активностью обладают и глаголы *дати, въдати, въздати, отъдати, подати*. Словосочетания с этими глаголами, как и рассмотренные выше сочетания, могут точно соответствовать оригиналу.

Так, в евангелии встречаются следующие конструкции:

дати знамение — δίδωμι σημεῖον:

Ὁ δὲ παραδιδούς αὐτὸν ἔδωκεν αὐτοῖς σημεῖον λέγων. Ὃν ἂν φιλήσω, αὐτός ἐστι· κρατήσατε αὐτόν.

прѣда=и же ѥго *дасть* им *знамениѥ* гл҃ня · ѥго же аще лобъбѫ҃ть. ѥсть имѣте ѥго. Мат., XXVI, 48 (161);

отъвѣта не дати — οὐ δίδωμι ἀπόκρισιν:

Ἰησοῦς ἀπόκρισιν οὐκ ἔδωκεν αὐτῷ.

Иіс же *отъвѣта* ѥмоу *не дасть*. Ио, XIX, 9 (219 об.):

въздати хвалѫ҃ — δίδωμι αἶνον:

ἔδωκεν αἶνον τῷ Θεῷ.

ВъздашѦ хвалѫ҃ богови. Лук., XVIII, 43 (112 об.).

То же и в «Иудейской войне»:

дати прощение — δίδωμι συγγνώμην:

...συγγνώμην ἔδωκε...

да ему *прощение*...VI, VIII, III; 428, 32;

дати волю и вѣру — δίδωμι ἄδειαν καὶ πίστιν:

...διδοὺς ἄδειάν τε ἐξόδου καὶ πίστιν σωτηρίας...

и *даях* вам *волю* выхода и *вѣру* на спасение... VI, VI, II; 424, 29—30;

ни дати врѣмени — οὐ δίδωμι χρόνον:

...οὐ γὰρ ἐδίδου χρόνον ταῖς παρασκευαῖς...

...*ни дадяше врѣмени* скупити ему воя...I, VI, VI; 178, 13.

подати слух — παρέχω τὰς ἀκοάς:

...παρασχεῖν δέ μοι τὰς ἀκοὰς ἀκεραίους εἰς τὴν ἀπολογίαν...

но *подаждь* ми *слух* свой с цѣломудрием на отвѣтъ. I, XXXII, I; 236, 2—3.

Но уже в евангелии встречается перевод одиночного глагола словосочетанием с глаголом *въздати*. Из четырех случаев употребления конструкции *въздати хвалѫ҃* только один раз наблюдается соответствие оригиналу (см. выше). В трех других случаях эта конструкция соответствует глаголу εὐχαριστέω («быть благодарным», «благодарить»):

Πάτερ, εὐχαριστῶ σοι, ὅτι ἤκουσάς μου.

оче. *хвалѫ҃* тебѣ *въздаѫ҃* ꙗко оуслышѦ мѦ...Ио., XI, 41 (136 об.) См. также: Лук., XVIII, 11 (116); Мат., XXVI, 27 (158 об.).

В «Иудейской войне» наблюдается универсализация глагола «*дати*» и производных от него. Они выступают в устойчивых словосочетаниях в соответствии с разнообразными глаголами оригинала:

отдати вины — ἀφίημι τὰς αἰτίας («отпускать вины»):

Οὔαρος δὲ τῷ πλήθει μὲν ἠφίει τὰς αἰτίας.

...Уаръ же народом *отдасть вины*...II, V, III; 247, 10;

въдати первеньство — κυρόω τὸ πρεσβεῖον [«определять (назначать) привилегию»]:

Ἀλέξανδρος μὲν καὶ Ἀριστόβουλος ὀδυνώμενοι κεκυρωμένου Ἀντιπάτρῳ τοῦ πρεσβείου.

Александръ же и Аристовулъ опечалистася, аже цесарь *въдасть* Антипатрови *первеньство*. I, XXIV, I; 213, 11 — 12;

дати плечи (в значении «обратиться в бегство») — ὑποδείκνυμι τὰ νῶτα («показывать спины»):

...ὡς δ' ὑπέδειξαν τὰ νῶτα, πολλοὶ μὲν ὑπὸ τῶν Ἰουδαίων, πολλοὶ δὲ ὑπὸ σφῶν αὐτῶν συμπατούμενοι διεφθείροντο·

А им же *плечи даша*, мнози падоша от иудѣискых рукъ, и мнози сами ся потоптываху. I, XIX. VI: 202, 23—24.

Словосочетания с глаголом *дати* (*въдати*) выступают вместо одиночных глаголов греческого текста:

вдати волю — ἐπιτρέπω («позволять»):

...ἐπιτρέπων δρᾶν ὧν ἕκαστος ἐπεθύμει.

...*вдасть* имъ *волю* творити, яко же кождо их хощеть. IV, IX, X; 351, 24—25;

дати уши — πείθομαι («доверяться», «верить»):

οὐ γὰρ ἐπιλείφει τοὺς καταφευσομένους αὐτῶν, ἕως ἂν ὁ πειθόμενος ᾖ.

Не оскудѣють бо, молвяче на наю лъжю рѣч, ни престануть клевегающе, донде же *уши имъ даеши*.[18] I, XXIV, IV; 214, 36—38.

Словосочетание *вдати помощь* соответствует словосочетанию ἐπίκουρος ἔρχομαι («прийти на помощь»):

...συχνοὶ... ἐπίκουροι συνῆλθον.

Вдаша же и окрьстнии... *помощь*. V, I, VI; 360, 34—361, 1.

Словосочетание *отдати вйну* употребляется в далеком от оригинала перифразе:

καὶ πολλὰ δεηθεὶς ἑαυτῷ διαλλάττει.

И помолися ему *отдати вину* его. И умиристася. I, XVI, VII; 194, 36—195, 1 (в оригинале: «после долгой мольбы мирится с ним»).

Словосочетание *дати (въдати)* + наименование особы женского пола + *за* + наименование особы мужского пола соответствует одиночным глаголам греческого текста:

γαμέομαι — «выдать замуж»:

...ἱκετεύουσαν γαμηθῆναι τῷ Ἄραβι Συλλαίῳ...

...Молящися... а бы *дал ее за* аравитского *воеводу* Сулея. I, XXVIII, VI; 227, 3—4;

συζεύγνυμι — «сочетать, соединить»;

...ἐφ' ᾧ χαλεπήνας Ἡρῴδης τὴν μὲν θυγατέρα τῷ πρὸς Πάρθων ὕστερον ἀναιρεθέντι συνέζευξεν ἀδελφιδῷ...

Им же цесарь, разгнѣвався, *вда ю за* иного *брата*, его же убиша парфи. I, XXIV, V; 215, 11—12;

συνοικίζω — «сочетать браком»:

τὴν Ἀριστοβούλου δὲ Βερνίκην συνῴκισεν θείῳ πρὸς μητρὸς Ἀντιπάτρου. [sic!].

И *Верникею*, Аристовулову жену, *вда за Антипатра*, своего стрыя. I, XXVIII, I; 225, 12—13.

Особого рассмотрения заслуживает фразеологизм *дати* (*въдати*) *руку* в значении «дать заверение в безопасности».

В большинстве случаев это словосочетание эквивалентно греч.: δίδωμι δεξιάν (χεῖρας):

...Καῖσαρ ἔπεμπε παρεστῶτα τὸν Ἰώσηπον δοῦναι τῷ Κάστορι δεξιάν.

И посылаша Иосифа, близ его стояща, да *вдасть десницю* Кастерови. V, VII, IV; 379, 9—10;

...δίδωμι μὲν Ῥωμαίοις τὰς χεῖρας ἐκών...

...*даю руцѣ* римляном волею. III, VIII, III; 307, 25—26. См. также VI, VI, I; 422, 25—26; VI, VI, IV; 425, 29 и др.

---

[18] Ср. схожую конструкцию в соответствии с греч. глаголом πιστεύω («верить»): ... μὴ πιστεύειν ῥᾳδίως ...*не подавати ушию* своею клевещущим. I, XXIV, 4; 214, 36.

Встречается, однако, несоответствие структурно-семантическим особенностям оригинала. *Дати руку* (*десницю*) выступает вместо δίδωμι πίστεις («дать заверения»):

...πίστεις περὶ σωτηρίας ἐδίδοσαν

...на спасение *десницю даяста*... III, VIII, II; 307, 3—4 и в более или менее свободных перифразах:

...καταβῆναι πρὸς αὐτοὺς ἐπὶ δεξιᾷ παρεκάλουν...

даяхуть ему *руку*, молящеся, да слѣзеть к ним. VI, III, II; 411, 17—18 [в оригинале: «...спуститься к ним, обязуясь (сохранить безопасность) звали...»];

βουληθεὶς δὲ ἐξ αὐτῶν καὶ περισῶσαι τινας Ἡρώδης ἐκήρυξεν ἀναχωρεῖν πρὸς αὐτόν.

Хотя же Ирод живых изимати неколко их славы ради, *даяше* имъ *руку*. I, XVI, IV; 194, 3—4 [в оригинале: «Желая некоторым из них спасти жизнь, Ирод предложил (им) перейти к нему»].

Наиболее же любопытно употребление словосочетания *дати* (*въдати*) *руку* (*десницю*) в соответствии с греч. словосочетанием λαμβάνω δεξιάν (δεξιάς), означающим буквально «взять руку»:

...καὶ δεξιὰς ἔλαβον καὶ παρεδέξαντο φρουράν.

...и *десницю вдаша* и приаша засаду. III, II, IV; 293, 36—37;

παρὰ Ῥωμαίων δεξιὰν λαβεῖν ἱκέτευσε...

...помолися римляномъ, да *вдадять руку*. VI, IX, IV; 432, 18—19;

...λαβόντων δὲ τούτων τῷ δήμῳ δεξιάς.

дасть руку им... III, IX, VIII; 313, 9.

Такая антонимическая замена свидетельствует о значительной степени десементизации входящего в устойчивое словосочетание глагола.

Таким образом, для глаголов *дати*, *въдати*, *вздати*, *отъдати*, *подати* фразеологическая функция характерна не в меньшей степени, чем для глаголов *творити* и *имѣти*.

4. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ГЛАГОЛАМИ *ВЪЗЛОЖИТИ, ОТЪЛОЖИТИ, ПОЛОЖИТИ, ПРИЛОЖИТИ*

Предшествующие разделы мы начинали с анализа примеров, в которых глагольный компонент греческого фразеологизма переводился древнерусским глаголом, соответствующим данному греческому глаголу, и в свободных словосочетаниях: ποιέω—*творити*, ἔχω—*имѣти*; δίδωμι—*дати*. Естественно было бы обнаружить, что в определенном числе устойчивых словосочетаний древнерусские производные от *-ложити* являются эквивалентами греческих производных от τίθημι. Однако такие соответствия встречаются крайне редко и почти исключительно в евангелии:

положити дш҃ѫ *за* — τίθημι τὴν ψυχήν:

...τὴν ψυχὴν μου ὑπὲρ σου θήσω.

дш҃ѫ мо҃ѭ *за* та *положѫ* Ио., XIII, 37, (164 об.). См. также: Ио., X, 15—16 (214); Ио., XIII, 13 (169).

В «Иудейской войне» мы встретили лишь один случай соответствия производного от *-ложити* производному от τίθημι:

возложити вѣнець — περιτίθημι διάδημα:

...Ἀριστόβουλος τὴν ἀρχὴν εἰς βασιλείαν μετατιθεὶς περιτίθεται μὲν διάδημα.

...Аристаул власть на цесарьство преврати и *возложи на ся вѣнець*. I, III, I; 171, 15—16.

Гораздо более обычным является употребление производных от *-ложити* вместо других глаголов греческого текста. Один случай такого рода встретился и в евангелии:

възложити рѫкы — ἐπιβάλλω τὴν χεῖρα (собственно: «набрасывать руку»):

Καὶ οὐδεὶς ἐπέβαλεν ἐπ᾽ αὐτὸν τὴν χεῖρα ὅτι οὔπω ἐληλύθει ἡ ὥρα αὐτοῦ.

...и никъто же не възложи рѫкы на нь. ꙗко не оу бѣ пришьла година ѥго.[19] Ио., VII, 30 (27).

В «Иудейской войне»:

възложити ужасъ — ἐνεργάζομαι κατάπληξιν [«внушить (собств. «внести») ужас»]:

καὶ τοσαύτην τοῖς ἀπειλοῦσιν ἐνειργάσατο κατάπληξιν, ὥστε ῥίφαντος τὰ ὅπλα φεύγειν.

И тако *ужасъ възложи* на люди, яко пометавше оружиа разбѣгошася, камо кого очи несяшета. II, XXI, V; 289, 39—40;

възложити печаль — ἐμποιέω ἀθυμίαν [«причинить (собств. «произвести») тревогу»]:

τοῦτο τὸ πάθος πρὸς καιρὸν μὲν Ῥωμαίοις ἐνεποίησεν ἀθυμίαν...

Си лесть *печаль възложи* на римляны за мало время. VI, III, II; 411, 27—28;

возложити лъжю рѣч — λέγω ψευδεῖς («произнести ложь»):

οἱ δὲ τὰς μὲν διαβολὰς ἀπεσκευάζοντο ψευδεῖς εἶναι λέγοντες...

Она же клѣветную рѣчь отложиста от себе, глаголюще, яко *лъжю рѣч возложиша* на наю. I, XXIV, IV; 214, 33—34;

положити страсть — λαμβάνω τὸ πάθος [«воспринять, ощутить (страшное) происшествие»]:

...καὶ πρὸ ὀμμάτων ἕκαστος τὸ πάθος λαμβάνων ὥσπερ αὐτῷ τολμηθὲν ἔφριττε.

И кождо пред своима очима *положи страсть* сию, яко сам твори, въстрѣпеташе. VI, III, IV; 413, 27—28[20];

положити душю—ἀφίημι τὴν ψυχήν («испустить дух»):

...ὑπὲρ οὗ τις ἠφίει τὴν ψυχήν...

...за него же кождо *душю полагаша*. VI, III, I; 411, 10;

приложити беду — συνδέομαι τοῖς κινδύνοις («связать опасностями»):

ταύτην γὰρ συνδήσασθαι τοῖς κινδύνοις ὁ Ἀριστόβουλος θέλων...

Аристоул бо, хотя *приложити беду* на нее... I, XXVII, I; 222, 17;

отложити вину—ἀπολύομαι τὰς αἰτίας [«отпустить (собств. «снять») провинности»]:

...ἀπελύσατο μὲν τὰς εἰς τοὺς βασιλεῖς αἰτίας

...*отложи* от цесаря *вину*... II, VI, II; 248, 27.

В двух случаях словосочетания с производными от *-ложити* соответствуют одиночным глаголам оригинала:

приложити нужю — ἀναγκάζω («принуждать»):

...ἠνάγκαζεν Ἰουδαίους καταλύσαντας τὰ πάτρια βρέφη...

...*нужю приложи* на жиды, раздрушити отчьскыи законъ... I, I, II; 167, 14;

положити рядъ — διαλάττομαι («помириться», «прекратить вражду»):

ἐπὶ τούτοις διαλλαγέντες ἐν τῷ ἱερῷ καὶ τοῦ λαοῦ περιεστῶτος φιλοφρόνως ἀλλήλους ἀσπασάμενοι διήμειφαν τὰς οἰκίας.

---

[19] Показательно свидетельство словаря И. Х. Дворецкого: во всех пяти примерах, в которых ἐπιβάλλω имеет значение «класть», «накладывать» или другие, связанные с последним переносные значения — «грубо прикоснуться», «покарать», «схватить» (у Эсхила, Аристофана, Плутарха и в евангелии), этот глагол сочетается с существительным χεῖρα (χεῖρας). См. И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь, т. I. М., 1958, стр. 601.

[20] Слово «страсть» (πάθος) в переводе применяется к следующему событию: одна из жительниц осажденного римлянами Иерусалима, доведенная до отчаяния голодом, заколола своего ребенка и, изжарив труп, половину его съела, а другую половину спрятала.

Тако *рядъ положиша*, людѣмъ стоящимъ, и с любовию целовавшеся, и измѣниша домы. I, VI, I; 176, 25.

Очень часто употребляются словосочетания с производными от *-ложити* в перифразах:

не возложити тягость на ся:

πολλὰ δὲ πρὸς αὐτοὺς διατεινάμενος ἐξ ὧν διωθεῖτο τὴν ἀρχὴν τελευταῖον...

...много с ними превся, да бы *тягость* сю *не возложил* на ся. IV, X, IV; 354, 21—22 (в оригинале: «чтобы отказаться от высшей власти»);

възложити упование:

...ὅλος γίνεται τῆς ἐλπίδος.

... и все *упование* на того *възложить*... VI, V, II; 419, 33 [в оригинале: «весь (он) превращается в надежду»];

Ὅ τε γὰρ φόβος καὶ ἡ σάλπιγξ φαντασίαν αὐτοῖς τοῦ πλήθους ἀναβεβηκέναι πολεμίων παρεῖχε.

Глас бо трубный *възложи* на ня *страх*, мняще, яко множество ратных възлѣзоша. VI, I, VII; 402, 24—26 [в оригинале: «Ведь страх и звук трубы внушили им представление, будто (на них) движется множество врагов»].

Исключительно в перифразах употребляется словосочетание *възложити вину лживу*:

κ'απὶ τῷ ψεύδεσθαι... τὴν πρόφασιν ἐξελεγχόμενοι...

...и лъживаа *вины възложиша* на нѣ... VII, VIII, I; 455, 11 [в оригинале: «они были изобличены в том, что мотив (обвинения) оказался ложным»];

προφάσεις [ἀνέπλαττον] διαλεχθῆναι γὰρ αὐτοὺς Ῥωμαίοις περὶ παραδόσεως τῶν Ἱεροσολύμων...

...*вину лживу възложив* на них, яко послаша к римляном о прѣдании Иерусалима. IV, III, V; 328, 30—31 (в оригинале: «...и выдумали предлог, будто они вступили в переговоры с римлянами о сдаче Иерусалима»);

...ἐθαυμάσαμεν τοὺς ἀλιτηρίους τῆς... ψευδοῦς ἐπινοίας.

Дивлюся безбожным како *възложиша* на нас *вину лживу*. IV, IV, III; 334, 30—31 (в оригинале: «мы удивились виновным в лживом замысле»).

Особое место занимают словосочетания *възложити руку* (руцы) в значении «совершить насилие» и *«възложити рукы на ся»* в значении «покончить жизнь самоубийством». Эти словосочетания никогда не являются точными соответствиями греческим оборотам. Встречается лишь приблизительное соответствие — наличие слова χείρ (δεξιά) в греческом тексте:

...παρελύοντο μὲν αἱ δεξιαί...

...никто же *возложи рукы* на него. III, VIII, VI; 309, 34 (в оригинале: «отстранились руки»);

ὅσον τε ἀπὸ Ῥωμαίων ἀνέπνεον εἰς ἀλλήλους τὰς χεῖρας ἐπέστρεφον.

Елико же, от римлянъ, избивше (по другому списку—избывше) дыхаху, *сами на ся рукы въскладаху*. IV, III, II; 327, 29—30 (в оригинале: «друг на друга руки обращали»);

ὅσοις δὲ καθ' ἑαυτῶν ἐμάνησαν αἱ χεῖρες, τούτων ἅδης μὲν δέχεται τὰς ψυχὰς σκοτεινότερος.

И пакы иже *на ся возложивша рукы*, то душа их адъ темныи приемлеть. III, VIII, V; 309, 16—17 [в оригинале: «по отношению к ним самим буйствовали (их) руки»] [21].

[21] См. также приведенный выше (стр. 177) пример из евангелия.

Но и такое приблизительное соответствие не обязательно:

Ὁ δὲ μεμφάμενος αὐτῶν τὸ πρὸς τοὺς βασιλικοὺς βίαιον...

Онъ же, поносивъ имъ, зане *възложиша насилныя рукы* на цесарскаа съкровища. II, XX, III; 288, 21—22 (в оригинале: «за насильственный захват царского имущества»);

...Ῥωμαίους μὴ μετὰ μεγίστης ἀνάγκης καταφλέξαι τὰ ἅγια.

Римляне бо не *възложать руку* на святое без великы нужда. VI, II, III; 406, 19—20 (в оригинале: «римляне же не... сожгут святыню»).

В данном случае мы, по-видимому, имеем дело со славянским фразеотворчеством. Фразеологизм, лишь складывавшийся на греческой почве, приобрел чёткую структурно-семантическую характеристику в древнерусском тексте. Что же касается древнерусских глаголов, производных от *-ложити*, в целом, то их фразеологическая активность нисколько не уступает фразеологической активности глаголов «творити», «имѣти» и «дати».

5. СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С МЕНЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Наряду с глаголами приведенных выше четырех групп в устойчивых сочетаниях древнерусского перевода «Иудейской войны» употребляются и другие глаголы, но их фразеологическая активность проявляется в значительно меньшей степени.

а) *преступити*

Этот глагол в устойчивых словосочетаниях соответствует трем греческим глаголам аналогичного значения. В евангелии: *прѣступити заповѣди* — παρέρχομαι ἐντολήν:

οὐδέποτε ἐντολήν σου παρῆλθον·

николи же заповѣди твоеѧ не прѣстѫпихъ... Лук., XI, 29 (119).

В «Иудейской войне»:

не *преступити закона* — μὴ... παραβαίνω τῶν ἐθῶν:

μέγα δὲ κέρδος αὐτοῖς τὸ μηδὲν παραβῆναι τῶν πατρίων ἐθῶν.

Нам велика польза, иже *не преступим* отъчьскаго *закона* и обычаа. IV, II, III; 326, 2—3;

не *преступити повелѣниа* — οὐ μεταβαίνω τὸ πρόσταγμα:

οὐ μετέβαινεν τὸ πρόσταγμα...

...*не преступаше... повелѣниа*... I, XXIX, II; 228, 31.

В одном случае словосочетание с глаголом *преступити* употребляется в соответствии с предложнопадежной конструкцией греческого текста:

...κατέβη παρὰ τοὺς ὅρκους ἐμπρῆσαι τὸν ναόν...

...*преступив роту*, прииде... и цьркъвь зажже. V, IX, IV; 385, 27—28 (в оригинале: «вопреки клятвам»).

б) *принести*

В четырех случаях этот глагол в устойчивых сочетаниях соответствует трем греческим глаголам аналогичного значения в евангелии:

принести рѣчь — φέρω κατηγορίαν:

εἶπε· Τίνα κατηγορίαν φέρετε κατὰ τοῦ ἀνθρώπου τούτου·

...рече кѫ҃ж *рѣчь приносити* на чл҃ка сего. Ио., XVIII, 29 (181 об.);

принести службѣ — προσφέρω λατρείαν:

...πᾶς ὁ ἀποκτείνας ὑμᾶς, δόξῃ λατρείαν προσφέρειν τῷ Θεῷ.

...вьсакъ иже оубиѥть вы мьнить сѧ *слоужьбѫ приносити* бо҃у. Ио., XIV, 2 (171).

В «Иудейской войне»:

принести молитву — προσφέρω εὐχήν:

...προσφέρει τῷ θεῷ λελῃθυῖαν εὐχήν...

принесе к богу таиную *молитву*... III, VIII, III; 307, 20—21;

принести гнев — μεταφέρω ὀργάς:

καὶ ἀπὸ μὲν τῶν ζώντων ἐπὶ τοὺς ἀνῃρημένους, ἀπὸ δὲ τῶν νεκρῶν ἐπὶ τοὺς ζῶντας τὰς ὀργὰς μετέφερον.

...и от живых на умершая *приносяху гнѣвъ*, а умерших на живыя. IV, VI, III; 340, 29—30.

В двух случаях словосочетания с глаголом *принести* употребляются вместо одиночных глаголов греческого текста «Иудейской войны»:

принести вѣсть — διαγγέλλω («возвестить»):

Ταχέως δὲ καὶ Ῥωμαίοις διηγγέλθη τὸ πάθος.

Скоро же и к римляном *принесоша вѣсть* о страсти сеи... VI, III, V; 413, 31;

принести жертву — θύω (с тем же значением):

...ἔπειθα θύσας ἐν εὐωχίᾳ μετὰ τῶν φίλων ἦν.

...потом, *жертву принесе* к богу и възвратися на веселие с своими властели... II, I, II; 244, 3—4.

Принести жертву употребляется также в перифразе:

τοὺς... λειτουργοῦντας ἀναπείθει μηδενὸς ἀλλοφύλου δῶρον ἢ... θυσίαν προσδέχεσθαι.

...повелѣваше жерцемь да не приемлють от иноплѣменникъ, ни же *жертвы приносять* за цесаря. II, XVII, II; 279, 24—26 (в оригинале:

«убедил совершающих богослужение не принимать ни у одного чужестранца ни подарка, ни жертвы).

в) *просити*

В одном примере точное соответствие греческому словосочетанию:

...συγγνώμης αἰτούμενος...

прося прощениа... I, XXV, IV; 217, 32.

В другом *просити* соответствует греческому λαμβάνω («брать»):

...ἀποκρίνοντα δεξιὰν μὲν μὴ δύνασθαι παρ'αὐτοῦ λαβεῖν.

...отвѣщаша, яко *руцы* от тебе не можем *просити*... VI, VI, III; 425, 12—13.

г) *въздвизати* (*въздвигати*)

Этот глагол употребляется преимущественно в составе словосочетания *въздвизати рать*. В одном случае — точное соответствие греческому словосочетанию:

...τοῦ πρὸς Ῥωμαίους συνήραντο πολέμου...

...*рать въздвигоша* на римляны. VII, VIII, I; 455, 10—11.

В других случаях *въздвизати рать* употребляется в перифразах:

...τοὺς αἰτίους τιμωρήσασθαι τῆς ἀποστάσεως...

...*воздвизающих рать* мучити. III, IX, VIII; 313, 7—8 (в оригинале: «наказать виновных в мятеже»);

...σαλευομένης τῆς Ῥωμαίων ἡγεμονίας

воздвижеся рать в Римѣ. IV, IX, II; 348, 15—16 (в оригинале: «расшатывается власть римлян»);

...στασιασταὶ καὶ φυγάδες καὶ οἷς τὰ τῆς εἰρήνης ὀνείδη τὸν πόλεμον προυξένει...

...иже мира поносяху и *рать воздвигоша*... III, X, X; 348, 19—22 (в оригинале: «мятежники и беглецы, и те, у которых признание мира влечет за собой призыв к войне»).

Фразеологизм *руцѣ въздвигати* в значении «просить о помощи» употребляется вне всякого соответствия греческому тексту:

...ἀλλὰ τὴν αὐτοῦ τύχην ὀδυρόμενος ὅτι δέοι παθεῖν ὑπέμενε.

...но в собе рыдаа, терпяше и изволи всяку страсть приати, нежели *руцѣ въздвигати*. VII, VII, II; 453, 13—14 (в оригинале: «оплакивая свою судьбу, пережил то, что необходимо было терпеть»).

д) *держати*

Употребляется в словосочетании *рѣч держати*. В греческом тексте этому словосочетанию соответствует сложный глагол ἐχεμυθέω, имеющий то же значение:

...ἐχεμυθεῖν... ἤδει.

...*рѣч* имяше *держати*... I, XXIV, I; 213, 13—14.

е) *улучити*

Словосочетание *не улучити упование* (*упованиа*) употребляется в соответствии с греческим словосочетанием ἁφαμαρτάνω (διαμαρτάνω) τῆς ἐλπίδος («обманываться в надежде»):

...τῆς ἐλπίδος ἁφήμαρτεν...

...*не улучи упование* свое. III, IV, I; 295, 25. См. также III, VI, I; 299, 12.

Улучити спасения не имеет точного соответствия греческому тексту:

...οὔτι ἄξιοι σωτηρίας εἶεν...

...не достоини суть *улучити спасения*...III, X, X; 317, 29—30 (в оригинале: «не достойны спасения»).

Улучити побѣду употребляется в перифразе:

...τὸ μετὰ ἡσυχίας κατόρθωμα λυσιτελέστερον.

И лѣпле *улучити побѣду* с молчаниемь. IV, VI, II; 340,4 (в оригинале «безмолвный успех полезнее») [22].

ж) *обрѣсти*

Словосочетание *обрѣсти спасение* и *обрѣсти славу* не имеют точных греческих соответствий:

...παρὰ Ῥωμαίοις ἧς ἀπήλπισαν ἐν τοῖς ἰδίοις σωτηρίας ἠξιοῦντο.

...бежавше от своих, приидоша к иноплѣменником и *обрѣтоша* в в них *спасение*, его же от своих не улучиша. IV, VII, I; 341, 19—20 (в оригинале: «у римлян удостаивались спасения, на которое потеряли надежду у своих»);

οἱ δ' ἑλόντες αὐτὴν κατώρθωσαν τι μεῖζον.

...иже взяша, *славу обрѣтоша*. V, VI, I; 373, 31 (в оригинале: «...имели большой успех»).

з) *отвратити*

Фразеологизм *отвратити лице* употребляется в соответствии с греческим глаголом ἀποστρέφομαι («отвернуться от чего-либо»)...

...ἀπεστραμμένος ὁ θεὸς ἤδη καὶ τὰ ἅγια...

...*отврати лице* свое от святыня...II, XIX, VI; 285, 24.

---

[22] См. указание Н. А. Мещерского на фразеологическое употребление глагола *улучити* в других текстах (Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 510)

и) *простирати*

Словосочетание *простирати десницю* употребляется в далеком от греческого текста перифразе:

...ἡ δὲ παρὰ Ῥωμαίοις δεξιὰ βέβαιος.

Римляне же *десницю простирають* намъ истинну и спасену. V, XI, II; 393, 13—14 (в оригинале: «у римлян рука надежная»).

к) *строити* (*устроити*)

Строити клеветы соответствует греческому тексту:

...διαβολὰς δὲ κατὰ τῶν ἀδελφῶν ποικίλας ἐνσκευαζόμενος...

...а на братию *строяше* разноличные клеветы...I, XXIII, II; 211, 10.

Устроити обѣд употребляется вместо греческого глагола ἑστιάω («угощать», «давать пир»):

τὴν δὲ πρώτην Ἡρῴδῃ τῆς βασιλείας ἡμέραν Ἀντώνιος εἱστία.

Въ первый же дьнь цесарьствия названия его Антонии же *обѣд* ему *устрои*. I, XIV, IV; 192, 1—2.

* *
*

Изученный нами материал позволяет выявить глаголы, отличающиеся наибольшей фразеологической активностью. Это — творити (*сътворити*) и *дѣяти; имѣти, яти и=яти; дати и =дати; =ложити*.

Из этих глаголов только творити (сътворити) дѣяти не сохранил своей фразеологической активности в современном русской языке[23]. Вполне вероятно, что степень фразеологической активности глаголов остальных трех групп и других, менее распространенных в изученном тексте глаголов, изменилась в современном русском языке. Этот вопрос требует дополнительного изучения. Но уже сейчас можно говорить о значительном фразеологическом своеобразии литературного языка древней Руси, об очень малой степени зависимости структурно-семантической ткани фразеологизмов переводных сочинений из греческих образцов.

Фразеологическая самостоятельность литературного языка славян, ощутимая уже в евангелии, неизмеримо возрастает в таком высокохудожественном произведении, каким является древнерусский перевод «Истории Иудейской войны».

---

[23] Вместо *дѣяти* в совр. русском языке во многих фразеологических сочетаниях выступает отыменный глагол *делать*: делать вид, анализ, заметки, заем, предупреждение, замечание и т. п.

С. А. КАУФМАН

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ СВОДЧАТЫХ ПОКРЫТИЙ С ПОЗДНЕРИМСКИМИ

Первое систематическое описание римских и византийских сводчатых конструкций и их сопоставление составляет содержание двух исследований О. Шуази, опубликованных в 80-х и 90-х годах прошлого века [1]. Несколько позднее (в 1899 г.) они были положены в основу соответствующих глав его «Истории архитектуры» [2]. В русском переводе «История архитектуры» Шуази выходила трижды, последнее издание появилось в 1937 г.[3] Было переведено и его исследование о строительном искусстве римлян [4].

Большое распространение трудов Шуази в русских переводах, прекрасное выполнение иллюстративных таблиц способствовали и способствуют по сей день популяризации его взглядов. Скончавшийся полвека назад (в 1900 г.), Шуази продолжает жить в своих трудах, как если бы он лично активно боролся за свои идеи. Этому способствует то прискорбное обстоятельство, что ни в предисловиях к советским изданиям его «Истории архитектуры» [5], ни в примечаниях к XII гл. первого тома («Архитектура древнего Рима») и к гл. I второго тома («Обновление античного искусства в IV—X вв.») нет ни оговорок, ни поправок, которые отражали бы наше, современное отношение к трактовке Огюстом Шуази технических принципов римского и византийского строительства. Ни слова нет об этом и в «Предисловии» редактора к переводу «Строительного искусства древних римлян». Все эти обстоятельства препятствуют учету многочисленных, притом часто принципиальных поправок, вносимых в труды Шуази современной археологией.

Шуази обращал мало внимания на хронологическую последовательность изучаемых сводов и рассматривал их преимущественно по типологическому признаку: римские в целом и византийские — тоже в целом. Тогда, в конце XIX в., это отчасти оправдывалось состоянием археологии. В основе его исследований, и особенно соответствующих глав «Истории архитектуры», лежит убеждение, что бетонные своды получили значение только при римской империи, что они были тяжелыми и что неза-

---

[1] A. Choisy. L'art de bâtir chez les romains. Paris, 1873; idem. L'art de bâtir chez les byzantins. Paris, 1883.
[2] A. Choisy. Histoire de l'architecture, t. I—II. Paris, 1899.
[3] О. Шуази. История архитектуры, изд. 2-е, т. I—II. М., 1937.
[4] О. Шуази. Строительное искусство древних римлян. М., 1938.
[5] О. Шуази. История архитектуры, т. I, стр. VII—IX.

висимо от времени постройки и структуры их утопленные в бетон кирпичные арки, а также внутренние кирпичные настилы должны были способствовать уменьшению роли кружал и опалубки. Византийские же строители тоже независимо от даты памятников будто бы неизменно сооружали легкие своды и купола по принципам древней восточной традиции.

Небезынтересно отметить, что с течением лет эти утверждения приобретали у Шуази все более категорический характер. Так, если в «Строительном искусстве древних римлян» (1873) все же были две странички (стр. 78—80 русского издания), посвященные применению римлянами легких материалов при конструировании сводов, то в «Истории архитектуры» (1899 г.) об этом уже нет ни слова.

Правильное, но недостаточно развитое указание Шуази на то, что свойство римского раствора «объясняется употреблением *в самом Риме* (курсив наш.— *С. К.*) вулканического пепла, или пуццоланы» (т. I, стр. 502) в сочетании с упоминанием о «растворе извести и песка с добавлением толченой черепицы» в византийских постройках (т. II, стр. 8), обычно интерпретируется, как будто бы имевшее место изобретение византийцами раствора с примесью кирпича. А между тем давно стало общеизвестным, что «розовый» раствор (сигнин) применялся уже римлянами везде, где не было пуццоланы, т. е. в большей части империи и притом как в особо ответственных частях зданий, так и в гидротехнических устройствах. Таким образом, из простой неточности в работе более чем 60-летней давности все еще делаются исторические, а вернее, неисторические выводы.

В обширной работе Дурма [6], как и в работах Шуази, обращено недостаточно внимания на историческое развитие римских конструкций; поскольку они рассматриваются в целом, по типологическому принципу, характерными для древнего Рима оказываются конструкции тяжелые. Однако Дурм внес существенные поправки к данным Шуази относительно конструкций из керамических трубок.

Если период 1900—1921 гг. может считаться временем сбора некоторых фактических данных для выводов, противоположных концепции Шуази в отдельных частях, то с 1921 г. начался полный пересмотр его концепции на базе внимательного исследования отдельных памятников и основных фаз в развитии римской и ранневизантийской строительной деятельности. Советские исследователи тоже должны рассматривать отдельные вопросы истории архитектуры не вообще, типологически, а в их историческом развитии и в связи с конкретными условиями отдельных районов.

Учитывая большое распространение трудов Шуази, изданных без необходимых оговорок, мы вынуждены признать, что старшее поколение наших строителей получило превратное представление о вкладе римских и византийских зодчих в мировую строительную технику, а тем самым и в историю мировой архитектуры.

В таком вопросе, как положение и роль Равенны, ее культуры и строительства в их взаимоотношении с культурой и строительством других частей поздней Империи и ранней Византии, требуется четкое знание фактов, добытых наукой за последние годы. Общие сведения, полученные *из ставших классическими трудов конца прошлого и начала нашего века*, уже ничем не могут помочь в разрешении сложнейших проблем позднеримской, равеннской и ранневизантийской археологии и архитектуры,

[6] J. Durm. Baukunst der Römer. Stuttgart, 1905.

без чего невозможна и относительная оценка их культурного вклада в мировое развитие.

Некритическое принятие некоторых идей и далеко не всегда точных данных Шуази недопустимо, поскольку многие из этих данных уже опровергнуты новыми и новейшими исследованиями римских и византийских памятников на территории почти всех государств Европы, Передней Азии и Северной Африки.

* *
*

В настоящее время можно считать установленным, что постройка бетонных сводов разнообразной формы и со сложным декором является достижением по крайней мере позднереспубликанского периода. Уже тогда строители знали и использовали замечательные свойства вулканического пепла — пуццоланы; добавляя пуццолану в раствор, получали водоустойчивые и прочные конструкции. Чрезвычайно убедительным примером является Пренестинский комплекс, почти целиком застроенный средневековой Палестриной.

Бомбежки в январе и в июне 1944 года снесли всю последующую застройку [7]; устояли только римские бетонные сооружения. Подробное исследование сохранившихся частей и возникшая по поводу их датировки полемика не оставляют в настоящее время сомнений относительно раннего времени их возникновения (для нижних террас это, возможно, конец II в. до н. э., для верхних — первая половина I в. до н. э.[8]

В частности, в боковых экседрах средней террасы сохранились цилиндрические бетонные своды, полукруглые в плане и украшенные сложнейшими в этих условиях кессонами [9]. В храме Геркулеса в Тибуре, на акрополе Террачины и в римском Табуларии могли быть столь же слож-

---

[7] S. Aurigemma, F. Fasolo, G. Gullini. Palestrina. Scopetre e restauri nel complesso templare della Fortuna Primigenia. BA, Anno XXXIII, № IV 1948, p. 348.

[8] Апсидальный зал и реконструкция всего нижнего святилища были отнесены ко времени Суллы уже раньше (R. Delbrück. Hellenistische Bauten in Latium, Bd. I. Strassburg, 1907, S. 48, Bd. II, 1912, S. 1—4). Расчистка после бомбежки 1944 г. позволила не только уточнить датировку нижнего святилища, но и окончательно установить, что почти весь грандиозный ансамбль датируется республиканским периодом. В предварительных сведениях о раскопках создание верхних террас и сооруженных на них построек отнесены «ко времени Суллы» (S. Aurigemma. FA, I. Firenze, 1946, № 1062; в обзоре AJA, vol. 52, 1948, № 4, p. 507—508). Ф. Фазоло и Г. Гуллини, непосредственно производившие работы по расчистке и реставрации, предложили еще более раннюю датировку. В предварительных отчетах они относили сооружения нижней террасы (апсидальный зал, реконструкцию грота и расположенного между ними перистильного двора) к досулланскому времени (F. Fasolo, G. Gullini. Urbanistica.... di Palestrina. «Arti figurative.» Anno, 1946, № 1—2, p. 89), а сооружения верхних террас — ко времени Суллы (S. Aurigemma, F. Fasolo, G. Gullini. Palestrina..., p. 353).

В окончательной публикации (Ie Santuario della Fortuna Primigenia a Palestrina», Roma, 1953) авторы пошли еще дальше, стремясь отнести ко II в. до н. э. весь грандиознейший комплекс. Возникшая по этому поводу полемика (F. Fasolo. Questioni di metodo. «Palladio». Anno IV, 1954, № 4, p. 174—177) и ответ Лульи (G. Lugli. Ibid., p. 178) приводит к совершенно ясному выводу: все наиболее сложные своды комплекса созданы по крайней мере со II в. до середины I в. до н. э., т. е. до принципата и, вероятно, до времени Помпея и Цезаря. Реконструкция святилища на основании новых данных была воспроизведена нами («Всеобщая история архитектуры», т. I. М., 1958, рис. 191).

[9] Полукружия расположены по бокам большой террасы, которая лежит над обоими пандусами. Подробно см. G. Lugli. La tecnica edifizia romana, vol I. Roma, 1957, p. 676; датировка «между 100 и 70 гг. до н. э.»— p. 693. Фото свода — vol. II, табл. CCIX. План см.: BA, Anno XXIII, 1948, № IV, рис. 12.

яные своды, поскольку своды, сохранившиеся в нижних их частях, вполне аналогичны пренестинским [10].

Эти обстоятельства имеют большое значение для последующих периодов в развитии строительной техники. Имея уже ко времени Августа богатый опыт предшествующих поколений, римские строители могли смело экспериментировать на базе ранее достигнутого.

Исследуя римское сводостроение не в целом, как Шуази, а в его последовательном становлении, мы можем поэтому выделить первый период его развития, примерно соответствующий времени римской республики (до середины I в. до н. э.) Уже тогда умели создавать бетонные и бетоноподобные своды самой различной формы (Пренеста) и довольно значительного пролета (9 м в субструкциях храма Геркулеса в Тибуре) [11]. Уже тогда стены и своды воздвигались с полным учетом замечательных свойств вулканического пепла — пуццоланы, которую добавляли в раствор для крепости и гидравличности бетона. В это время, еще почти никогда не учитывали удельного веса пород, используемых для инертного заполнителя или для кладки клинчатого свода.

Сознательное применение в сводах и особенно в куполах легких материалов является отличительным признаком второго п е р и о д а в развитии римского сводостроения, который начинается не позднее второй половины I в. до н. э.

Развитие куполостроения протекало преимущественно в термальных и бальнеологических сооружениях, самый «мокрый» процесс толкал к их созданию. Однако в самом Риме совершенствование типа терм проходило с быстротой, наглядное представление о которой дает общеизвестное указание Сенеки. Поэтому в самом Риме не сохранилось остатков терм ни республиканского, ни раннеимператорского времени; как установлено исследованиями XX в., термы Агриппы и Нерона были полностью заменены постройками III в. н. э.; самыми ранними являются следы построек Тита и Траяна. Вместе с ранними термальными зданиями должны были исчезнуть в Риме и ранние купольные ротонды их кальдариев. В силу этого изучение ранних куполов, подготовивших грандиозные купола II в. н. э., должно производиться вне Рима; без такого изучения нельзя понять возникновение величайшего купола античности — Пантеона.

Особенно интересны бальнеологические здания и сооружения на берегах Альбанского озера и в окрестностях Байского залива, возникавшие с середины I в. до н. э. Все они использовали воду горячих целебных источников, которыми пользовалась римская знать. Можно думать, что сохранившиеся сводчатые сооружения Альбано и когда-то обширной байской группы в значительной мере отражают одновременные, почти не дошедшие до нас, купольные конструкции самого раннего Рима. Вместе с тем весьма возможно, что изобилие на месте как пуццоланы, так и легчайших пород вулканического происхождения способствовало созданию здесь передовых конструкций даже несколько раньше, чем в столице [12]. Специ-

[10] См. С. К а у ф м а н. Раннеримская архитектура. Диссертация. М., 1946 (т. I, стр. 267—315; т. II, стр. 221—254; т. III — иллюстрации). С публикацией расчистки и реставрации пренестинского комплекса концепция автора получила новое конкретное подтверждение («Всеобщая история архитектуры» (учебное пособие), т. I, М., 1958, стр. 192, 198—203).

[11] С. К а у ф м а н. Указ. соч., т. I, стр. 174—175; G. L u g l i. La tecnica..., vol. I, p. 664 sq.

[12] B. C r o v a. Le terme romane nella Campagna. «Atti dello VIII convegno nazionale di Storia dell'architettura (Caserta, 1953)». Roma, 1956, p. 271—288. R. S a l i n a s. Le cupole nell'architettura della Campagna. Ibid., p. 289—291.

фика байских сооружений (заглубление в береговой откос) могла в некоторых случаях улучшать условия равновесия. Однако постройки в районе Байи могут давать представление и о целом веке интенсивного, но почти не известного нам развития столичной архитектуры, в частности архитектуры термальных зданий.

Среди сохранившихся и изученных купольных сооружений I в. до н. э. — I в. н. э. первым по времени постройки является ротонда байских терм, известная под названием «храм Меркурия»[13]; по технике исполнения бетонных частей она родственна расположенным поблизости подземным и полуподземным постройкам времени второго триумвирата и должна, вероятно, относиться приблизительно к 30-м годам до н. э. Байская ротонда — сооружение почти совершенно подземное; расположение ниш и отверстие в зените купола отдаленно напоминают круглый зал на сто лет более ранних Стабианских терм в Помпеях. Купол здесь гораздо больше (Д = 21,55 м); он представляет новшество по своей криволинейной, а не архаической конической форме. Профиль купола несколько повышен, но его плавная (не полуциркульная и не стрельчатая) кривая производит впечатление полукруга. Байский купол сложен из грубоколотых клиньев легкого местного камня. Очень большое количество пуццоланового раствора и вставленные между крупными блоками мелкие камни отличают этот купол от куполов из тесаного камня. Ранний купол храма Меркурия следует поэтому рассматривать как конструкцию, переходную к бетонной и подготовившую возможность осуществлять настоящие бетонные купола большого пролета.

Храмом Меркурия по крайней мере со второй половины I в. до н. э. начинается сознательное использование в римском сводостроении легких вулканических пород. Наиболее блестящим примером римского купольного сооружения явится во II в. н. э. Пантеон, диаметр которого вдвое больше, чем в храме Меркурия; храм Меркурия имеет много черт, свидетельствующих о его связях с Пантеоном: общие пропорции, наличие в зените большого круглого отверстия, расположение ниш по главным осям и по диагоналям. Но главное — это использование легких вулканических материалов. Некоторые из этих признаков будут характеризовать ротондальные и полигональные сооружения вплоть до раннехристианских баптистериев, до Константинопольского храма Сергия и Вакха и до равеннского Сан-Витале.

Точно датированной предшественницей Пантеона является ротонда терм на вилле Домициана в Альбано (Лаций, конец I в. н. э.)[14]. Хотя диаметр ее и невелик (15,60 м), но купол сложен со всеми предосторожностями, какие, по-видимому, признавались необходимыми для полной гарантии устойчивости. Нижняя часть купола сложена из довольно крупных кусков пеперина, а верхняя — из кусков вулканической туфообразной пемзы, залитых обильным раствором; постели не совсем горизонтальны, а имеют, очевидно, небольшой уклон к центру[15]. После кладки нижней части работа была приостановлена для полной ее осадки, и лишь

---

[13] A. M a i u r i. Il restauro di una sala termale a Baia. BA, Anno X, 1930, № 1, p. 241—253; особенно p. 248, 252 и рис. 7. «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. 2, 1948, стр. 105, рис. 64 (план) и табл. 39 (интерьер — по Паоли); «Всеобщая история архитектуры» (учебное пособие), т. I. М., 1958, стр. 206 и табл. 52 (рис. 4). Подробнее см. С. К а у ф м а н. Указ. соч., т. I, стр. 326—328; т. II, стр. 264—265; R. S a l i n a s. Op. cit., p. 289; G. L u g l i. La tecnica..., vol. II, табл. CXCVIII.

[14] G. G i o v a n n o n i. Volte romane e volte bizantini. «Atti dello V congresso internationale di Studi bizantini» (1936), vol. II. Roma, 1940, p. 134.

[15] G. L u g l i. La tecnica..., vol. I, p. 666, 670.

потом была возведена легчайшая верхняя часть [16]. Ротонда, ныне переделанная в церковь (Санта-Мария Ротонда), освещалась в зените купола круглым отверстием, кольцо которого сложено из кирпича [17]. Все эти признаки роднят ротонду Домициана с Пантеоном. Однако незначительность ее размеров даже по сравнению с более ранним (на полтораста лет) храмом Меркурия заставляет нас предполагать наличие других предшественников Пантеона, например, в районе Байского залива, в окрестностях городков Байи и Путеолы, где со времени второго триумвирата протекала активнейшая строительная деятельность.

В районе Байского залива и близлежащего Авернского озера, кроме храма Меркурия, сохранились остатки трех крупных ротонд. Мы условно сохраняем их традиционные наименования — храм Дианы и храм Венеры — для байских, храм Аполлона — для Авернской. В действительности же все они входили в состав бальнеологических комплексов, эксплуатировавших горячие целебные источники [18].

Храм Дианы сохранил примерно половину своего купола, которая как бы отрезана по меридиану, так что ротонда имеет в настоящее время вид гигантской экседры диаметром почти в 30 м.[19] Весьма поучительна стрельчатая кривая купола, которую Дурм считает двухцентровой. Этой кривой опровергается широко распространенное мнение об исключительности полукруглой формы римских арок и о будто бы точной полусферичности римских куполов. Конические купола помпейских терм, сомкнутые своды Табулярия, купола храма Меркурия и храма Дианы имеют более или менее повышенный профиль; эти формы более рациональны, особенно при осуществлении слоистых куполов и сводов из постепенно нависающих колец бутовой или бетонной кладки. С углублением исследовании и с уточнением обмеров становится все более ясным также и широкое применение у римлян «цепной кривой» [20].

Дурм не считает «настоящим» сводчатым покрытие храма Дианы (как и храма Венеры), так как «форма и слоистое (а не радиальное.— *С. К.*) положение камней не имеют ничего общего с клинчатой разрезкой, а их равновесие объясняется связующей силой раствора из пуццоланы» [21].

Действительно, они представляют бетонные или близкие к бетонным конструкции, которые скорее следует сопоставлять с микенскими или помпейскими «ложными куполами», чем с кирпичными или со сложенными из каменных блоков клинчатой формы. Однако если учесть, что Пантеон тоже построен по этой системе, о чем не подозревали ни Шуази, ни Дурм, то окажется, что именно эта система и лежит в основе большей части наиболее замечательных римских сводов и куполов.

В храме Венеры (Д = 26,30) и в храме Аполлона (Д = около 38 м) находим другую трактовку ротонды. У оснований их почти разрушенных куполов сохранился венец из больших проемов и следы крепления кольцевого балкона, с которого можно было любоваться окрестным пейзажем и наблюдать происходящее внутри ротонды и в ее бассейне. При различ-

---

[16] Ibid., p. 671, прим. 1.

[17] Ibid., p. 673, 674, 687, 690 и рис. 141 (верхний).

[18] A. M a i u r i. I campi Flegrei (Itinerari dei Musei e monumenti d'Italia, 32), II ed. Roma, 1949, p. 69, 71, 74, 148; B. C r o v a. Op. cit.

[19] 29, 50 м— по Дурму (G. D u r m. Op. cit., рис. 304); A. M a i u r i. Op. cit., p. 69; А. В. К у з н е ц о в. Тектоника и конструкция центрических зданий. М., 1951, стр. 35 и рис. 26/2.

[20] K. L e h m a n n - H a r t l e b e n, J. L i n d r o s. Il palazzo dei orti Sallustiani. «Opuscula Archaeologica», I, 1936, p. 209.

[21] J. D u r m. Op. cit., S. 281.

ной конфигурации полкупола храма Дианы и сохранившаяся часть «веерного свода» храма Венеры одинаково тщательно сложены из почти горизонтальных колец желтого туфа и пемзы [22].

Вопрос о датировке этих памятников остается открытым: Джованнони [23], Боэтиус [24], Салинас [25] считают их ранними, относя ко II или даже к первой половине I в. н. э. Майури, датировавший в первом издании все три ротонды I в. н. э.[26], перешел во втором издании своего путеводителя к датировке II в. н. э.[27] Лульи явно колеблется: храмы Венеры и Аполлона то рассматриваются как предшественники памятников II—IV вв.[28], то датируются II в. н. э.[29]

Если бы и удалось окончательно доказать, что большие ротонды байских и авернских терм одновременны Пантеону, то осталось бы, по нашему мнению, бесспорным, что аналогичные, но не дошедшие до нас памятники, должны были бы им предшествовать. Такие ротонды, несомненно, должны были существовать в исчезнувших термах самого Рима, например в термах Нерона, известных нам только по названию.

Пантеон является завершением продолжительного и сложного коллективного творческого процесса. Однако и в этих условиях создание памятника представило огромные как технические, так и художественные трудности. Перед создателем Пантеона возник целый ряд добавочных проблем, так как требовалось создать уже не зал в составе терм, а отдельно стоящий храм, в котором нужно было продумать не только усложненные условия равновесия, но также и наружный вид.

Как теперь установлено с полной ясностью и несомненностью, конструкция купола Пантеона отнюдь не отвечает фантастическим рисункам Пиранези, которые были приняты всеми авторами в течение почти 200 лет (кроме Канина, не показавшего меридианов). Мистификации Пиранези поддались, хотя и с некоторыми оговорками, даже Шуази [30] и Дурм [31].

---

[22] Отмечая кладку горизонтальными кольцами (рядами) из маленьких блоков туфа в сохранившейся нижней части купола храма Венеры, Дурм предполагал аналогичную конструкцию до самого верха. Аннотации Лульи («La tecnica...», vol. II, табл. CLVII, рис. 2; табл. CCVIII, рис. 1—2) дают ту же конструкцию.

[23] G. Giovannoni (Mete e metodi nella storia dell'architettura» («Atti dello I congresso nazionale di Storia dell'architettura» (1936). Firenze, 1938, p. 278 (время Флавиев).

[24] А. Боэтиус (A. Boethius. The Reception Halls. ABSA, vol. XLVI, 1951, p. 25) подчеркивает раннюю (относящуюся к Августу) дату куполов в Байях и других местах.

[25] Р. Салинас (R. Salinas. Op. cit., p. 290), отмечая сходство профиля храма Дианы с древнейшими южноиталийскими трулли и сардинскими нурага, считает храм Дианы «отдаленным по времени предшественником Пантеона».

[26] A. Maiuri. I campi Flegrei. Roma, 1934, p. 74 (храм Венеры восходит ко времени Нерона); 144 (храм Аполлона относится ко времени Нерона, а коридор — может быть, к эпохе Августа).

[27] A. Maiuri. I campi Flegrei, II ed. Roma, 1949, p. 75 (для храма Венеры, с глухой ссылкой на де Анджелис) и p. 150 (для храма Аполлона). Для храма Дианы (p. 69—71) не предлагается никакой определенной даты.

[28] G. Lugli. La tecnica..., vol. I, p. 521, 526 («между Домицианом и Андрианом»); p. 675 (предшественники Пизанских терм); vol. II, аннотация к табл. CLVII, рис. 2.

[29] Ibid., vol. I, 607, 687, 692; vol. II, аннотация к табл. CCVIII, рис. 2.

[30] О. Шуази. Строительное искусство..., стр. 69—70.

[31] J. Durm. Op. cit., S. 275—278 и рис. 299—300 (по Пиранези и Виолле ле-Дюку); стр. 550—572. На стр. 566, по Бельтрами, говорится о наклоне слоев бетона к центру: это указание опровергается новыми исследованиями (см. ниже).

При реставрации Пантеона, произведенной А. Теренцио (1930) под наблюдением группы специалистов, выяснилось [32], что купол Пантеона не имеет в своем составе ни настоящих конструктивных ребер, ни даже того кирпичного ячеистого каркаса, который отличает многие бетонные своды города Рима и его округи. Имеется только кольцо из разгрузных кирпичных арок в три переката в зоне между средним и верхним наружными карнизами; оно дублирует кольцо из арок в зоне между нижним и средним наружными карнизами.

«Новое», но фактически имеющее уже тридцатилетнюю давность археологическое исследование Теренцио до сих пор не опубликовано полностью. Однако отдельные статьи дают достаточно ясное представление о действительной конструкции Пантеона.

До уровня верхнего наружного карниза, т. е. примерно до шва перелома, кладка представляет собой прямое продолжение кольцевой стены, нависающей в виде огромной кольцевой же консоли, пронизанной вторым ярусом кирпичных арок; бетон имеет здесь нормальный состав. Самый купол начинается только на уровне верхнего карниза; он представляет в разрезе не половину, а примерно лишь треть круга. В нем чередуются слои бетона с заполнителем из кирпича и легкого туфа. Самая верхняя часть купола Пантеона состоит из чередующихся колец, сложенных то из небольших блоков туфа, то из легчайшей вулканической пемзы (scoria), удельный вес которой близок к единице [33]. Этот материал широко применялся и применяется до сих пор из-за необычайной легкости и прекрасного сцепления с известковым раствором.

Вся кладка собственно купола состоит, таким образом, из горизонтальных колец [34]; нижняя часть не отличается от кладки стен и ее консольного кольца, верхняя же часть сложена по системе, принятой в куполах Альбано и на берегах Байского залива. Остроумно сочетав оба способа, автор Пантеона создал легчайшую наверху и несколько утяжелявшуюся книзу конструкцию. Большое отверстие в зените (Д = 9 м) еще более улучшило условия равновесия.

Неизвестный автор Пантеона сохранил второй верхний венец арок. В термальных зданиях такой венец из больших арок обеспечивал как освещение бассейнов, так и выход с внутренней кольцевой галлереи на наружную. В Пантеоне он, по-видимому, стал излишним и может, скорее всего, рассматриваться как рудиментарный пережиток светового венца, рационального в термах.

---

[32] A. Gerkan. Das Pantheon. «Gnomon», Bd. 5, H. 4—5, 1929, S. 273—277. (общий обзор работ с Шеданна до Теренцио); Th. Ahby. JRS, XXIII, 1933, p. 4; A. Terenzio. Pantheon. «Enciclopedia Italiana», vol. XXVI. Roma, 1935, p. 212—214; «Enciclopedia Italiana», vol. XXVI. Roma, 1935, p. 212—214; G. Lugli. I monumenti de Roma, vol. III. Roma, 1938, p. 146—148; G. Giovannoni. «Volte...» p. 134—136; G. Lugli. La tecnica..., vol. I, p. 665—667 и т. д.

В советской литературе еще не было дано полного разреза и описания. Во «Всеобщей истории архитектуры» (т. II, кн. 2, 1948, стр. 225) и у А. В. Кузнецова (указ. соч., стр. 39) не подчеркнуто, что самая верхняя часть купола не бетонная и сложена горизонтальными кольцами из легчайшей вулканической пемзы. Рис. 28/2 у А. В. Кузнецова неверен: заштрихованная часть — не забутка, а опора плоского купола, который начинается на уровне верхнего карниза.

[33] G. Giovannoni. Volte..., p. 135; цитату из отчета см. G. Lugli. «La tecnica...», vol. I, p. 667; G. de Angelis d'Ossat. Nota sui materiali vulcanici..., «I scavi de Ostia. I. Topografia generale». Roma, 1953, p. 209—221, особенно p. 210.

[34] В отчете подчеркивается горизонтальность всех колец. Ф. Дейхманн (F. W. Deichmann. Studien zur Architektur Konstantinopels im 5—6 Jhrh. Baden — Baden, 1956, S 26) говорит о наклонных по радиусам слоях (radial geschichtetem leichten... Gestein).

Пантеон завершает не только многовековую италийскую традицию ложного купола с отверстием в зените, но и многотысячелетнюю традицию ложного купола, исполненного горизонтальными кольцами из тесаного камня [35]. Автор замечательного памятника, сумевший сочетать приемы, применявшиеся ранее в различных постройках, не решился отбросить ни одного из них. Поэтому мы, вероятно, и находим в конструкции Пантеона такие элементы, которые не только не отвечают кажущейся внутренней структуре Пантеона, но которые могли быть излишними даже и в конструктивном отношении.

Пантеон был первым храмом с огромным внутренним пространством, осуществленным при помощи бетонно-сводчатой конструкции. Проникновение в культовую архитектуру купольной ротонды не могло произойти без борьбы. Не приходится сомневаться, что создание обширного внутреннего пространства для храма было следствием изменений в традиционном культе Римской империи; купол стал символическим изображением купола небесного [36]. При этом было сделано все возможное, чтобы он не был похож на светские ротонды терм, расчлененные нишами для ванн внизу и большими окнами с распалубками у основания купола. Тем более стали считать необходимым скрыть плоскую форму конструктивного купола, вызывавшего неприемлемые в храме ассоциации с пониженными арками терм и других утилитарных и жилых сооружений.

Для этой цели как нельзя лучше пригодились кессоны, которыми издавна украшали балочные и стропильные конструкции с подвесным потолком. С введением бетонно-сводчатой системы в репрезентативные сооружения Римской империи на них переносились декоративные приемы, разработанные для архитравной системы. Арки, гладкие при республике, декорировались при империи архивольтами, изображавшими архитрав стоечно-балочной конструкции. Для украшения коробовых, а позднее даже и крестовых сводов стали все чаще применять кессоны различной формы. В ранних зданиях терм их избегали из-за нерациональности при обильном выделении пара; позднее же кессонировались и своды терм.

Инженеры и археологи, производившие исследование и реставрацию Пантеона, утверждают, что кессоны его купола не имели никакого конструктивного значения и что аморфный бетон в промежутках между ними был инертной массой, только утяжелявшей конструкцию. Позволительно все же предположить, что если кессоны и были введены только для сокрытия плоского купола, то образовавшиеся бетонные меридиональные ребра и горизонтальные кольца фактически могли все же усиливать нижнюю часть купола.

Пантеон завершает длительную эволюцию, основанную на конструировании монолитных куполов горизонтальными (или близкими к горизонтальным) кольцами, т. е. направление старое, идущее от древнейших

---

[35] Через Байские и Помпейские термы купол Пантеона, вероятно, связывается с так называемыми «ложными куполами» микенских и протогеометрических толосов Греции (XV—VIII вв. до н. э.), к которым так близки ложные купола Этрурии (VIII—III вв. до н. э.). На этрусские же купола в свою очередь, несомненно, похожа ротонда с коническим куполом в Кумах (Кампания, III в. до н. э.). Не следует забывать, что куманская ротонда близка к куполу Стабианских терм в Помпеях не только по своей конической форме, но также и по месту и по времени постройки; поэтому можно предположить непрерывное развитие от микенских толосов до римских куполов.

[36] K. Lehmann. The Dome of the Heaven. «The Art Bulletin», vol. XXVII, 1945, № 1, p. 1—27 (особенно p. 22—23) и рис. 6. Леманн считает, что зона выше кессонов была оставлена гладкой для каких-то изображений символического характера, исполненных живописью, мозаикой или стуками.

традиций и проверенное богатым строительным опытом. Пантеон был величайшим, но отнюдь не последним достижением на этом пути: своды и купола большого пролета еще долгое время конструировались из легкого материала. Таким был, например, купол кальдария (Д = 35 м) и другие большие своды терм Каракаллы, почти целиком сложенные из очень пористой черной пемзы вулканического происхождения [37]. Множество менее крупных куполов конструировалось все по той же системе «ложного купола», причем в них часто применяли легкие материалы.

А между тем, по крайней мере с середины I в. н. э., в архитектуре развивалось совсем новое направление. Первым точно датированным примером построек нового типа является октогональный зал пролетом в 13,48 м в сохранившемся корпусе Золотого Дома Нерона [38]. Зал перекрыт не обычным ранее куполом, а сомкнутым сводом, восемь лопастей которого сходятся к относительно большому верхнему отверстию (5.90 м в поперечнике), которое соответствует «глазкам» в залах терм. Этот зал имеет особое значение не только для античной архитектуры, но и для архитектуры Ренессанса: именно его видел Рафаэль и его товарищи, копировавшие «гроттески» в примыкающих помещениях.

В сводах Золотого Дома впервые (после 64 г. н. э.) были применены те легкие кирпичные арки [39], которых нет в верхней части купола Пантеона, но которые характерны для многих других памятников Рима и его ближайших окрестностей уже со второй половины I века н. э. Шуази не делал различия между ними и настоящими массивными ребрами, которые составляют скелет более поздних куполов. Он считал, что как те, так и другие позволяли ограничиваться очень легкой опалубкой, а в дальнейшем, при бетонировании, сами будто бы заменяли кружала и опалубку [40]. Однако эти положения Шуази не выдержали проверки [41]. Кирпичные сетчатые арки в сводах I—II вв. н. э. служили, по-видимому, для обеспечения равномерной осадки, а внутренняя облицовка из кирпичей, положенных плашмя,— для лучшего сцепления с тяжелым стуковым декором.

Не имея истинного статического значения [42], легкие ранние кирпичные арки внутри бетонных сводов могли, однако, подготовить более позднюю систему, и их следует, по нашему мнению, считать элементом прогрессивным.

---

[37] G. T. Rivoira. Roman architecture and its principles of construction. Oxford, 1925, p. 174, 175 (автор подчеркивает также отсутствие конструктивно работающих ребер во всех сводах терм Каракаллы). Джованнони (G. Giovannoni Volte..., p. 136 — 137) предполагает, что главной причиной того, что эти своды обрушились, было наличие очень пористого бетона, который распадался с просачиванием воды после исчезновения верхнего изолирующего покрытия.

[38] «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. 2, рис. 14, стр. 193 (помещение 84); план, разрез и аксонометрия; см. G. Giovannoni. La cupola della Domus Aurea, di Nerone. «Atti dello I congresso nazionale di Storia dell'architettura», p. 3—6; G. de Angelis d'Ossat. Sugli edifici ottagonali a. cupola. Ibid. p. 15; C. Roccatelli, Le cupole di Brunellesco. Ibid., p. 47; J. B. Ward-Perkins. Nero's Golden House. «Antiquity», vol. 120, 1956, p. 209—219. особенно p. 218—219.

[39] G. Lugli. I monumenti..., vol. I, p. 212; idem. La tecnica..., vol. I. p. 688 (со ссылкой на указ. соч., Н. Дурма —стр. 295, рис. 318).

[40] О. Шуази. Строительное искусство..., стр. 33 сл.; 42 сл.; его же. История архитектуры, т. I, стр. 506.

[41] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 175, 185; G. Cozzo. Ingegneria romana. Roma, 1928, p. 175—183; G. Giovannone. Volte..., p. 137.

[42] Кирпичные арки и настилы отсутствуют в одновременных конструкциях в других районах Римской империи: при аналогичных пролетах, нагрузках, формах все они прекрасно работали. Это отметил уже сам Шуази («История архитектуры», т. I, стр. 507), но он не сделал вывода о второстепенной роли большей части кирпичных арок.

Система расчлененных куполов и куполообразных сводов получила значительное развитие во II в. н. э. в ряде зданий на вилле Адриана, в главном зале одновременного[43] дворца Саллюстиевых садов в Риме, в термах в Отриколи и в Пизе, вероятно, тоже относящихся ко II в. н. э.[44]

В сводах Канопа и Роккабруна на вилле Адриана, октогона Саллюстиевых садов сферические доли чередуются с четырьмя выпуклыми,

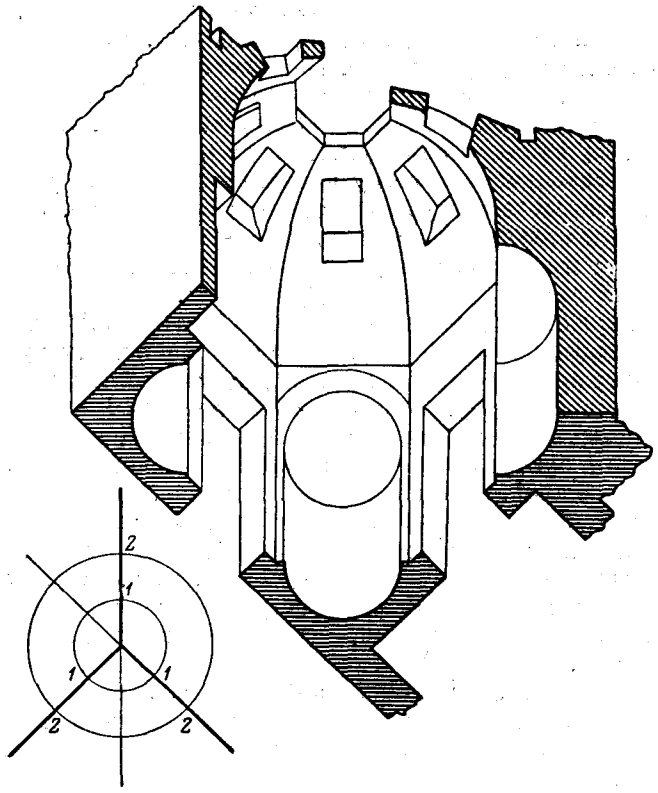


Рис. 1. Термы в Писах. Октогональный зал. II в. н. э. Аксонометрия (де Анджелис д'Осса)

образуя так называемый «зонтичный свод». В саллюстиевых садах установлено, что выпуклые доли имеют более легкую конструкцию по сравнению со сферическими, которые представляют собой как бы широкие несущие

---

[43] Г. Ривойра (Op. cit., p. 94) относил его ко времени Флавиев; при новом исследовании (K. Lehmann-Hartleben, J. Lindros. Op. cit., p. 216—217) штампами кирпичей установлена датировка временем Адриана; Ср. G. Lugli. La tecnica..., vol. I. p. 439, 523, 562.

[44] Роккателли (Op. cit., p. 47—48) считает его, возможно, одним из первых известных нам римских сомкнутых сводов на октогоне; он же («La sala ottagonale delle terme pisane». «Atti dello III convegno nazionale di Storia dell'architettura (1938)». Roma, 1941, p. 21, относит его к первой половине II в. н. э. и никак не позднее второй половины II в. н. э. (p. 20) Джованнони (in: «Atti dello I congresso nazionale di Storia dell' architettura», p. XVI) считает пизанский октогон вместе с октогонами Золотого Дома Нерона и храмом в Порто первыми примерами восьмилопастного сомкнутого свода. Лульи («La tecnica...», vol. I, p. 573, 688, 690, 691) относит его ко II в. Он упоминает этот свод в числе имеющих внутренний несущий каркас (ibid., p. 688).

полосы. Мы встретимся со сходной формой купола гораздо позднее (VI в.) в константинопольском храме Сергия и Вакха.

Покрытие пизанского зала (рис. 1) имеет пролет всего в 6,65 м. Оно интересно пониженным профилем восьмилопастного свода, а главное — большими прямоугольными отверстиями, нарушающими цельность его

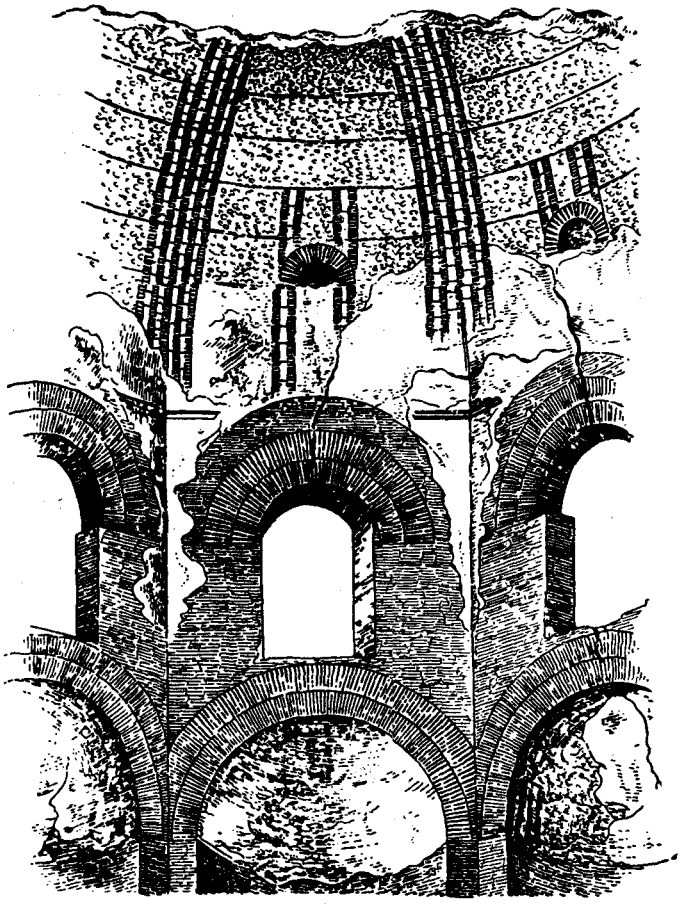


Рис. 2. Нимфей Лициниевых садов (так называемый храм Минервы Медика) в Риме. Центральный декагон. Конец III — начало IV в. Рисунок (Дурм)

лопастей. В этих условиях кирпичные ребра не могли не стать активной несущей частью всего покрытия — в отличие от обычных с середины I в. н. э. легких кирпичных арок. В пизанском октогоне ребра упираются в нижнее опорное кольцо и в верхнее кольцо опайона, образуя как бы настоящий скелет,— вероятно, самый ранний в римской архитектуре. Его лопасти близки к бетону с горизонтальными слоями очень легкого заполнителя, аккуратно уложенными от руки [45], как в термах Домициана. Для римской системы организации работ характерно то обстоятельство, что в пизанском здании применены пуццолана и пористый камень,

[45] C. Roccatelli. La sala..., p. 14.

привезенные из карьеров Лация или Кампаньи [46], хотя на месте были легкие материалы, способные их заменить.

Свод пизанского здания может рассматриваться как первый образец легкого свода с отверстиями в лопастях и с настоящим несущим каркасом. Им начинается *третий* период в развитии собственно римского куполостроения, процветавшего преимущественно на территории Италии. До исследования пизанского октогона первым случаем появления несущих меридиональных ребер считался кальдарий так называемых «терм Агриппы», построенных заново при Александре Севере (222—235)[47]. В так называемом «храме Портумна» (Д = 14,5 м), восходящем к III или к концу II в. н. э., ребра отвечали столбам ротонды; сильно выступая против поверхности покрытия, они сходились к кольцу опайона. Кроме опайона, интерьер освещался отверстием в лопастях, как и в пизанских термах.

Наиболее прославленными памятниками этого направления являются нимфей Лициниевых садов, термы Диоклетиана, а также мавзолеи Гордианов и Констанцы, относящиеся к периоду между концом III и серединой IV в. н. э.

Как показали исследования Джованнони, Венанци и Караффа [48], центральная десятигранная часть нимфея Лициниевых садов (рис. 2) (так называемый храм «Минерва Медика») построена одновременно с более низкими боковыми и притом, по-видимому, в самом конце III или начале IV в. н. э. При весьма значительном пролете в 24 м купол поднят на значительную высоту [49]. Венец больших экседр расширяет пространство внизу, венец больших окон облегчает и освещает высокий тамбур. Эти черты являются замечательным новшеством в развитии римской архитектуры внутреннего пространства. Они могли быть реализованы только при помощи массивных кирпичных ребер. Утопленным в массу купола главным ребрам отвечают наружные контрфорсы, усиливающие тонкие (1,70 м) простенки барабана между его окнами; главные ребра, состоящие из пяти рядов кирпича, сходятся к замку. О трудностях и колебаниях при осуществлении столь новой и смелой конструкции свидетельствуют второстепенные ребра и оконца [50].

Для нимфея Лициниевых садов [51] установлено также, что при кирпичных меридиональных ребрах остальная масса купола по старой традиции

---

[46] Ibid., p. 15.

[47] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 175, 185; Шуази ошибочно допускал, что дошедшие до нас руины восходят к первоначальной постройке («Строительное искусство...», стр. 67, табл. X).

[48] C. Cecchelli. Dalla basilica di Massentio a S. Sofia. «Atti dello V. convegno nazionale di Storia dell' architettura (1947)». Firenze, 1957, p. 65; C. Venanzi. Le cupole romane e le cortine di laterizio. «Industria italiana dei laterizi...», vol. VIII. 1956, № 6, p. 209—210. У Лульи («La tecnica...», vol. I, p. 689, 692) еще указана старая дата; но там же (p. 682) принимается новая датировка — начало IV в.

Полный план см. «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. 2, табл. 85, № 3 (но все части одновременны). У Шуази, Дурма, Кузнецова, а также во «Всеобщей истории архитектуры» (учебное пособие) (т. I, рис. 224) дана только центральная часть, так как боковые ошибочно сочтены поздними добавлениями.

[49] О. Шуази. Строительное искусство, т. XI [повторено у А. В. Кузнецова (указ. соч., рис. 42/3); более правильно — у Дурма (Op. cit., рис. 307); повторено во «Всеобщей истории архитектуры» (учебное пособие), т. I, рис. 224]. Согласно Чеккелли (C. Cecchelli. Op. cit., p. 65), при переходе к куполу нет правильных парусов, показанных Шуази.

[50] G. T. Rivoira. Op. cit., 185; Чекелли (Op. cit.) считает, что эти небольшие проемы были необходимы только в процессе производства работ, а потом были заделаны.

[51] G. Lugli. La tecnica..., vol. I, p. 670, 675 (на основании исследований Джованнони и Караффа); G. de Angelis d' Ossat. Op. cit., p. 210.

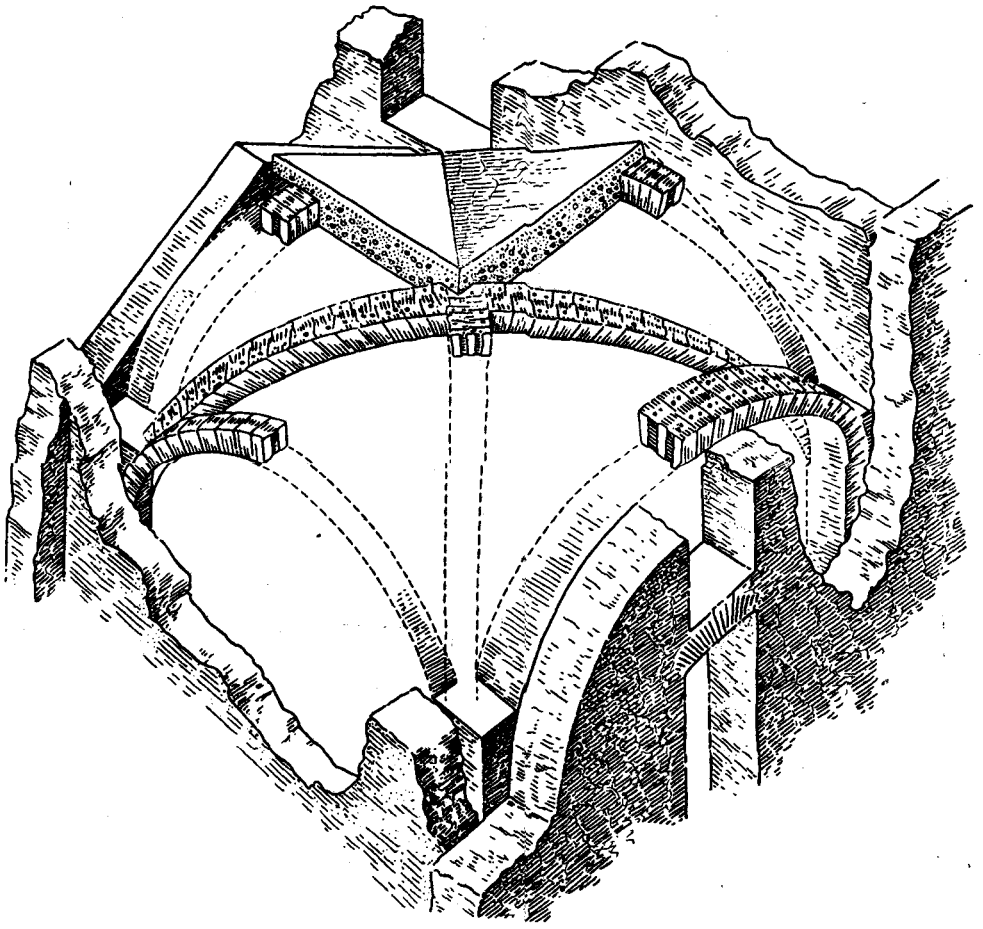


Рис. 3. Термы Диоклетиана в Риме. Конструкция крестового свода. Конец III в. н. э. Аксонометрия (Крема)

сложена из литоидных туфов и кирпича в нижней части и лишь из одного очень пористого туфа — в верхней. Как в безреберных куполах Пантеона, Альбанских, Авернских и Байских терм и в пизанском ребристом куполе, небольшие блоки туфа тщательно уложены рядами и имеют здесь несколько наклонные постели.

Новый способ конструирования сводов нашел применение и в залах терм Диоклетиана на рубеже III и IV вв. Таковы большие крестовые своды (тепидария) (рис. 3) с мощными кирпичными арками на щековых кривых и по диагоналям и с заполнением, насыщенным темной легчайшей пемзой [52]. Таков и восьмилопастный свод октогона (так называемый Планетарий) (рис. 4), 16 кирпичных ребер которого сходятся к кирпичному же восьмигранному кольцу опайона [53].

---

[52] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 206, рис. 256; проверено Крема (см. G. Lugli. La tecnica..., vol. I, p. 674, 676, рис. 148; здесь рис. 3).

[53] Изучено Джисмонди (см. C. Roccatelli. Le cupole..., p. 46, рис. 4, G. Giovannoni. Volte..., p. 137; G. Lugli. La tecnica.., p. 668, 673, 690; рис. 140 (по Джисмонди; здесь рис. 4).

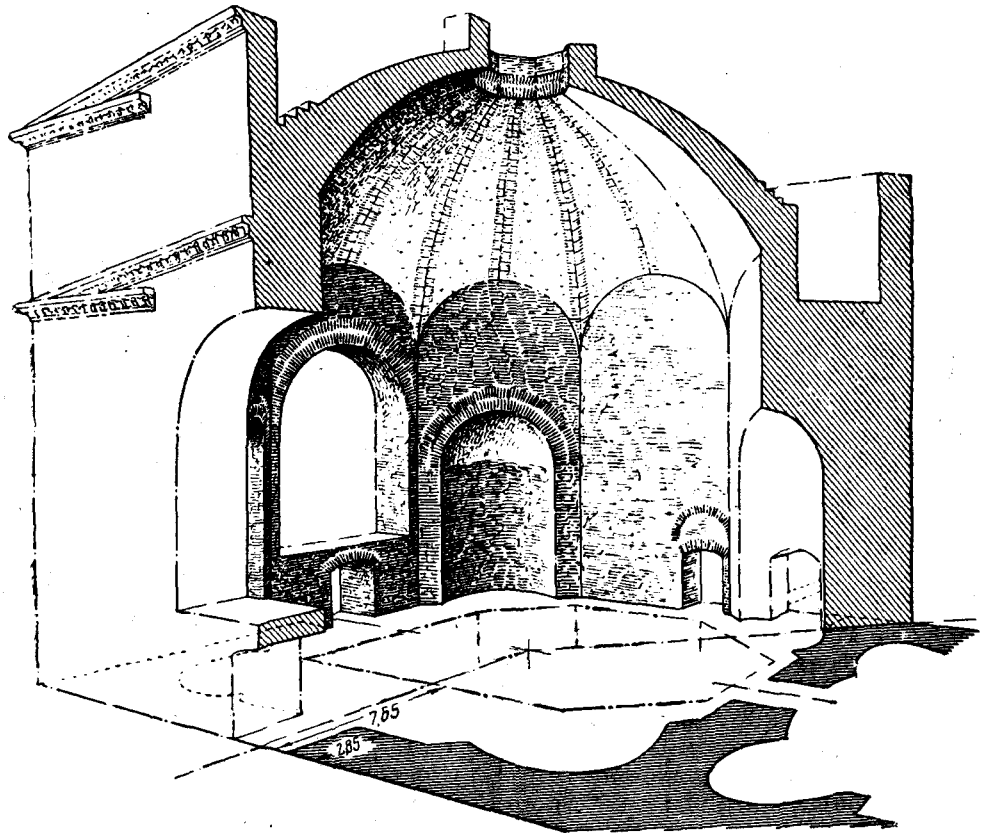


Рис. 4. Термы Диоклетиана в Риме. Октогональный зал с многолопастным сводом. Конец III в. Аксонометрия (Джисмонди)

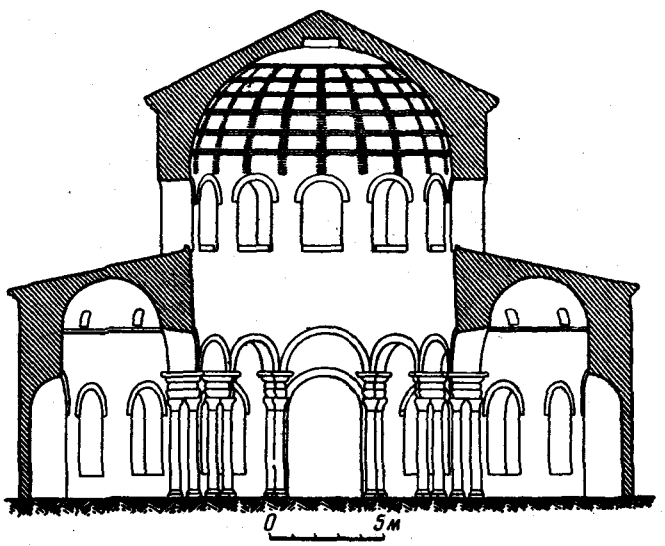


Рис. 5. Санта Констанца в Риме. Первая половина IV в. Разрез с показом конструкции купола (Джованнони)

Конструирование сводов и куполов из легкого материала, но с кирпичным каркасом имело также место в замечательном памятнике первой половины IV в.— Санта-Констанца [54] (рис. 5). Уже Ривойра [55] отмечал, что

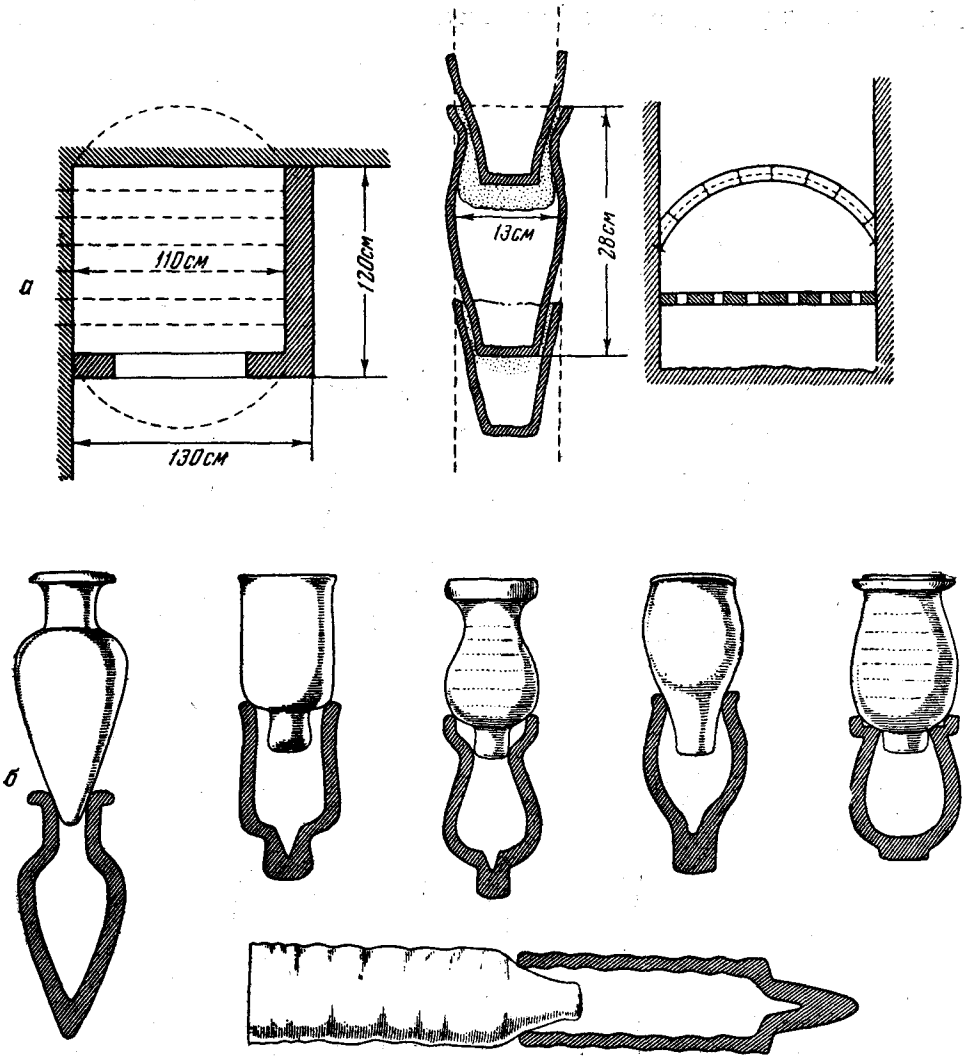


Рис. 6.

а —Горшечная печь в Помпеях. I в. н. э. План, деталь конструкции и разрез (Дурм, рис. 325, по Овербеку); *б* — Сопряжение бытовых сосудов и керамических трубок (Дурм, рис. 326, по Бергау)

---

[54] Спор о дате и первоначальном назначении см. K. L e h m a n n. Sancta Costanza. «The Art Bulletin», vol. XXXVII, 1955, p. 193—196 (автор считает его языческим памятником начала IV в. н. э); G. T. R i v o i r a. Op. cit., p. 245 (сходная датировка — не позже 327); F. W. D. (e i c h m a n n), in: BZ, XLIX, 1956, S. 225; (конец первой половины IV в.); G. L u g l i. La tecnica... vol. I, p. 653 (середина IV в.); p. 689 (при Константине).

[55] G. T. R i v o i r a. Op. cit., p. 239—244, рис. 282.

бетонный купол центральной части пронизан кирпичными ребрами, которые сходятся, к опайону, вскоре закрытому. Особое значение этого купола состоит не только в наличии сильных выступающих наружу меридиональных ребер, но и в легком бетоне с заполнителем из желтоватого

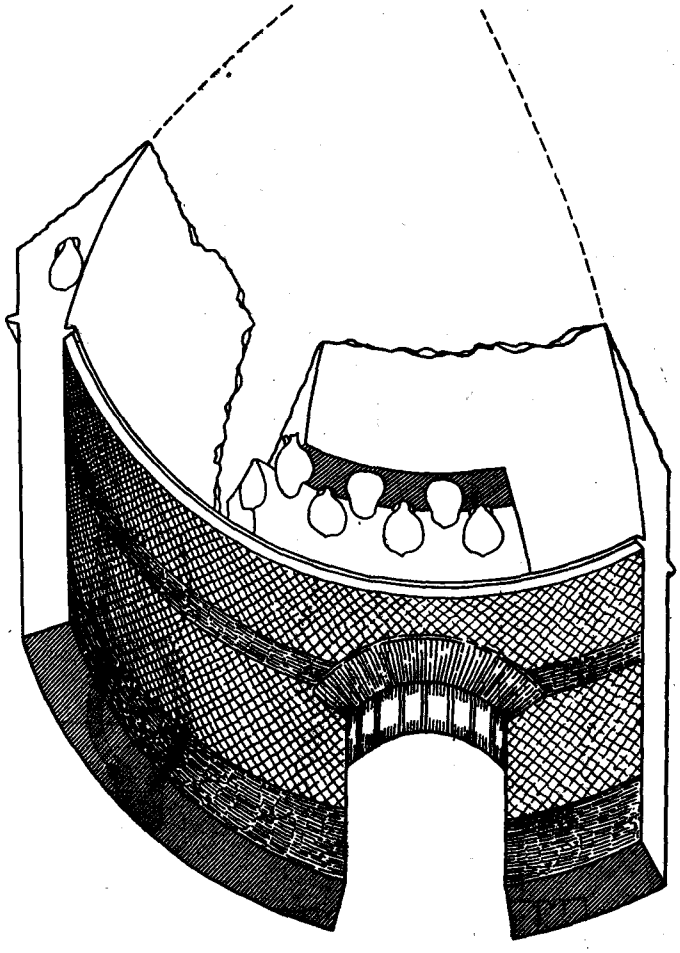


Рис. 7. Вилла на Виа Латина около Рима (так называемая Виньячча). II в. н. э. Аксонометрия (де Анджелис д'Осса)

туфа и пемзы. В отличие от более ранних примеров кладка здесь не аккуратно кольцевая, а бесформенная, аморфная [56]; вся несущая функция перешла к очень сильному каркасу. Структура ротонды с «базиликальным» разрезом ясно видна и снаружи, и внутри: интерьер построен именно на разнице в высоте и в освещении центральной части и кругового обхода с его почти глухой кольцевой стеной и сводчатым кольцевым покрытием, погашающими не очень значительный распор легкого ребристого купола.

Сложная конструкция куполов и сводов облегченного состава с кирпичными несущими ребрами применялась относительно редко. Конструк-

[56] G. Giovannoni. Volte..., p. 137; G. Lugli. La tecnica..., vol I. p. 669, 670, 674.

ция же легких слоистых куполов всегда оставалась более обычной из-за относительной простоты выполнения. Для облегчения сводов вводились не только пористые материалы, но и пустотелые элементы, преимущественно в виде амфор первоначально бытового назначения. Амфоры встречаются уже в помпейских сводиках (рис. 6). Их стали широко применять при Антонинах (так называемая Виньячча) (рис. 7) и Септимии Севере [57], а позднее в таких общеизвестных памятниках, как церковь Гереона в Кельне [58], октогон бани на вилле Гордианов около Рима [59], как описанный выше нимфей Лициниевых садов [60], цирк Максенция и базилика Максенция-Константина [61], гробница Елены, названная «Горшечной башней» из-за множества амфор в ее куполе [62]. Как видно из этого перечня, и в сводах с кирпичным несущим каркасом, и в сводах, лишенных их, одинаково встречается пустотелая керамика; но все это — бытовые сосуды, а не специально приготовленные трубки. Поэтому ошибочно думать, будто бы новая конструкция из одних только специально приготовленных пустотелых элементов могла возникнуть в Риме и его округе [63]. Уже Шуази упоминает о гораздо более ранних сводах такого рода в римской Северной Африке [64].

* *
*

Для того чтобы объяснить происхождение и сущность нового метода, необходимо вернуться ко временам, предшествующим образованию Римской империи.

На многих фресках, живописных рельефах и мозаиках позднеэллинистического и римского времени, изображающих ставший традиционным нильский пейзаж, видны небольшие прямоугольные в плане здания с полукруглыми щипцами на торцах и с покрытием, как бы сводчатым по своей форме. Дома пунийцев, основавших Карфагенское государство, совсем недавно открыты на мысе Бон; они оказались прямоугольными, с полукруглыми щипцами на торцах, с покрытием из сырца на тростниковом каркасе. В свете этого открытия дома на нильских пейзажах мыслятся тоже глино-тростниковыми, т. е. вариантом конструкции, издавна применявшейся, например, в Месопотамии [65].

Римляне застали эту глино-тростниковую конструкцию в покоренном Карфагене. Остроумная каркасная конструкция не могла не заинтересо-

---

[57] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 178; F. W. Deichmann. Studien..., S. 34 (la Vignaccia (между 125 и 130 гг., по де Анджелис д'Осса).

[58] A. Gerkan. Der Urbau der K. St. Gereon in Köln. «Studies presented to D. M. Robinson». St. Louis, 1951, p. 504, fig. 3.

[59] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 179.

[60] О. Шуази. Строительное искусство..., стр. 79; G. T. Rivoira. Op. cit., подпись к рис. 218; F. W. Deichmann. Studien.., S — 34.

[61] О. Шуази. Строительное искусство..., стр. 79, G. T. Rivoira. Op. cit., p. 214, 219, F. W. Deichmann. Studien..., S. 34.

[62] О. Шуази. Строительное искусство..., стр. 79; G. T. Rivoira. Op. cit., p. 234; F. W. Deichman. Studien..., S. 34.

[63] Ривойра (Op. cit., p. 263 и рис. 313) приводит крестовый свод капеллы около латеранского баптистерия как свидетельство в пользу того, что идея свода из трубок будто бы идет из Рима. Между тем эта капелла пристроена в период 432—440 гг., а полукупол Урсианы в Равенне — между 370 и 396 гг. (ibid., p. 261) Ф. Дейхман (Op. cit., S. 35, Anm. 101) делает аналогичный вывод из наличия в округе Рима множества сосудов (амфор), впущенных в бетон, хотя тут же признает, что конструкция из специальных трубок появляется в Риме и его окрестностях только с V в. н. э.

[64] О. Шуази. История архитектуры, т. I, стр. 507; т. II, стр. 13.

[65] С IV тыс. до н. э. См. «Всеобщая история архитектуры», т. I, стр. 97; «Всеобщая история архитектуры» (учебное пособие), т. I, стр. 15, рис. 8 и табл. 2 (рис. 1).

вать римских строителей и не могла не быть использована, когда им пришлось приспосабливать свои монументальные бетонные конструкции к местным условиям.

Техника бетона слагалась в Италии, чрезвычайно богатой всевозможными легкими породами вулканического происхождения (туфы, пемза и т. п.) и изобиловавшей лесом для кружал и опалубки. В африканских же провинциях не было ни легких изверженных пород, ни леса. Применение в бетоне местных тяжелых пород требовало для жесткой опалубки еще больше леса, чем в условиях Италии. Поэтому необходимо было всеми мерами облегчать бетонные своды и вместе с тем сооружать их по возможности без деревянных кружал и опалубки. В пунийских глино-тростниковых сводах одновременно осуществлялись оба требования: они не только были легкими из-за тростникового остова, но и могли сооружаться без опалубки, так как этот остов заменял опалубку при постройке, навечно придавал своду легкость и уменьшал его распор.

Оставалось только перенести принцип пунийской конструкции в более стойкие материалы. При этом был использован предшествующий опыт самих римских строителей. В Африке они стали сооружать каркас не из тростника, как делали пунийцы, и не из бытовых сосудов, как делали от случая к случаю сами римляне, а из специально изготовлявшихся керамических элементов в виде цилиндрических сосудов с носиком, но без дна —«трубок». В смонтированном виде такие трубки напоминают тростниковый каркас глинобитных и сырцовых хижин, роль которого они должны были выполнить для облегчения сводчатых покрытий в сооружениях бетонных.

Когда же началось производство специальных керамических трубок и их применение в строительстве? Беглые указания Шуази [66] о применении керамических трубок римскими строителями, работавшими в Африке, прошло мимо внимания более поздних исследователей. Так, Дурм [67] приводит для времени ранее V в. н. э. одни лишь бытовые сосуды.

Отдельные сведения о находке керамических трубок в руинах Алжира и Туниса стали появляться почти сто лет назад. В 1936 г. Джованнони [68] ссылался на их применение в постройках Типазы, Айн Тунга, Сбеитлы, Фериано, Сабраты. Новейшие исследования французских археологов [69] установили, что керамические трубки стали применяться в строительстве римской Африки, по-видимому, уже с начала II в. н. э.; эта дата примерно совпадает с началом там обширного строительства, тесно связанного с расцветом периферии, с общим ростом ее значения в жизни Римской империи и с такими достижениями в области создания легких куполов, какими являются в самой Италии Пантеон и октогон в Пизе.

На территории Алжира и Туниса со II в. н. э. создано множество зданий, бетонные своды которых облегчались керамическими трубками, смонтированными в каркас. Эта конструктивная система применялась и в городских постройках, и в виллах; не только в наземных, но и в подземных сооружениях, приспособленных для пребывания в них во время жары. При всем общем сходстве трубки из различных построек отличаются друг от друга и по величине и по деталям (рис. 8).

Сначала каркас из трубок вводился в простые цилиндрические своды, а затем и в не слишком большие своды с пересечениями. Пролет крестo-

---

[66] О. Шуази. История архитектуры, т. I, стр. 507; т. II, стр. 13.
[67] J. Durm. Op. cit., S. 299.
[68] G. Giovannoni. «Volte...», p. 136.
[69] В особенности A. Lezine. Les voûtes romaines a tubes emboités et les croisées d'ogives a Bulla-Regia. «Karthago», vol. V, 1954, p. 168—181, рис. I—XI.

вых сводов с керамическим каркасом ограничивался, по-видимому, 5,17 м и только цилиндрические своды изредка делались несколько бо́льшими [70]. Помещения большого пролета перекрывались обычными бетонными сводами (например, в термах Булла Региа).

Постройке свода с керамическими трубками предшествовал монтаж из трубок каркаса, производившийся без устройства кружал и опалубки

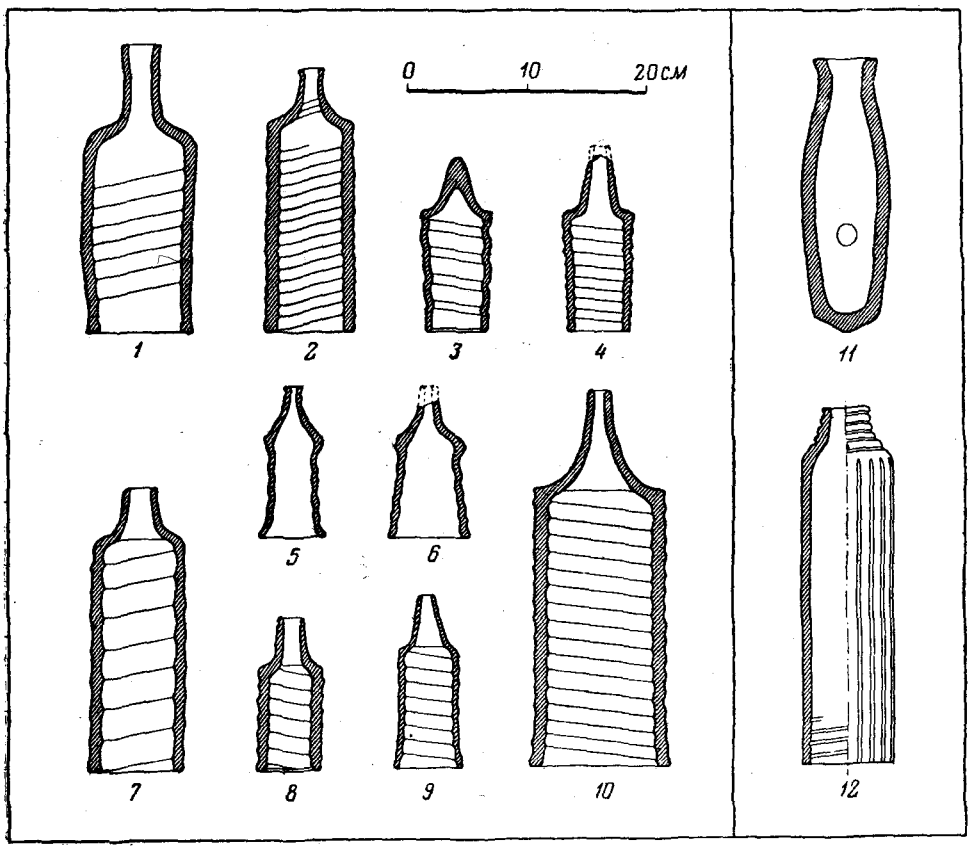


Рис. 8. Керамические трубки. *1—10* — трубки из римских зданий Северной Африки: *1* — из Бу Крама; *2* — из Утики; *3—4* — из Суссы; *5—6* — из Тины; *7—8* — с форума Булла Региа; *9* — из Карфагена; *10* — из Шершеля; *11* — трубка из арабских построек; *12* — трубка современного производства (по Лезину)

(рис. 9). Монтаж первой цепочки начинался с обоих опор одновременно [71], причем трубки ставились кверху своим узким носиком; на него надевалась следующая трубка, в заднюю (открытую) часть которой предварительно вкладывался небольшой комок раствора. Здесь применялся быстро твердеющий алебастровый раствор, замешанный на минимальном количестве воды; алебастровый раствор и позволял обходиться без кружал и опалубки. Когда две половины первой цепочки из трубок были доведены до замка, их смыкали трубкой, у которой предварительно отламывали носик. Затем к этой первой цепочке-арочке прислоняли, тоже на

[70] Ibid., p. 169, 173, 181.
[71] Ibid., p. 171 и рис. III.

алебастровом растворе, еще от трех до шести цепочек, пока не получалась достаточно жесткая арка. При сооружении крестовых и сомкнутых сводов вводились не только нормальные, но также и диагональные арки из трубок (рис. 10). Когда каркас из трубок был готов, самый свод выкладывался из бетона и штукатурился снизу известковым (а не алебастровым) раствором.

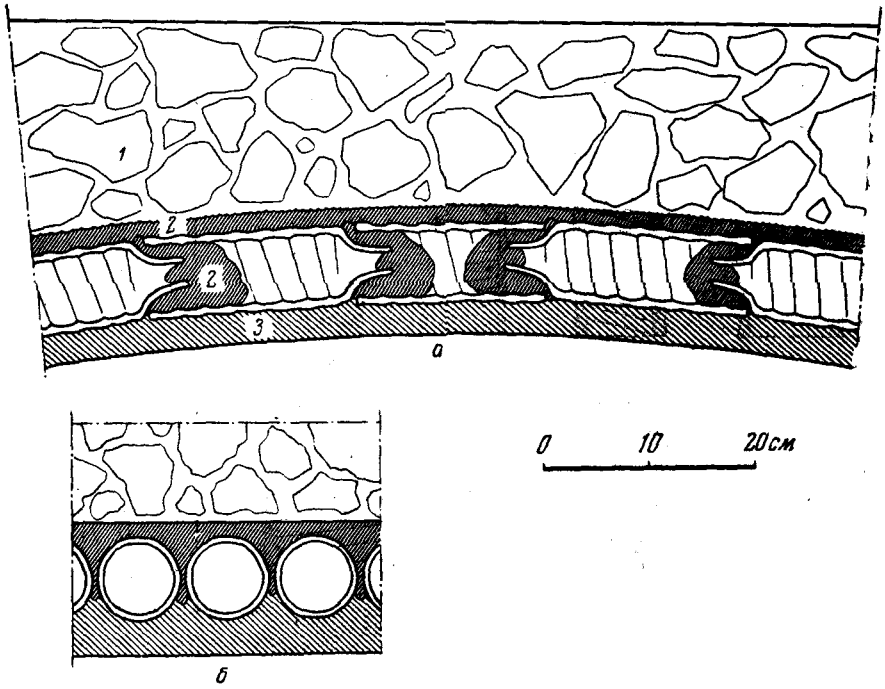


Рис. 9. Устройство бетонного свода с каркасом из трубок. Северная Африка. II—IV вв. н. э. (по Лезину):

а — разрез вдоль, по цепочке трубок; *б* — поперечный разрез; *1* — бетон; *2* — гипсовый раствор; *3* — штукатурка

В римских сводах II—III вв. н. э. из трубок монтировался неизменно только каркас, который заменял кружала при укладке бетонной массы [72]. Трубки играли подсобную техническую роль; их применение не влияло ни на конфигурацию, ни на декор сводов, ни на общую композицию здания, поскольку большие залы все же строились в обычной бетонной технике. Применение трубок не должно было затрагивать и основного способа производства работ, который по-прежнему базировался на применении избыточной еще тогда рабской силы.

Сами трубки изготовлялись вручную на гончарном круге [73]. Спиральные борозды, столь полезные для лучшего сцепления поверхности трубок с раствором, делались особым инструментом в то время, когда трубка вращалась на круге, а позднее — просто пальцем. Как правило, трубки II—III вв. обожжены хорошо; трубки же вандальских и византийских построек обожжены слабо и обычно имеют светлую окраску.

[72] Ibid., p. 168—169.
[73] Ibid., p. 169.

В христианских базиликах V—VI вв. на территории Туниса тоже применялись трубки, главным образом при конструировании полукуполов над их апсидами [74]. Если раньше трубки служили как бы постоянной опалубкой несущих бетонных сводов, то в апсидах, полукупол которых почти не загружен, способ их применения мог измениться. Хотя еще не доказано, что полукупола североафриканских базилик состояли из одних

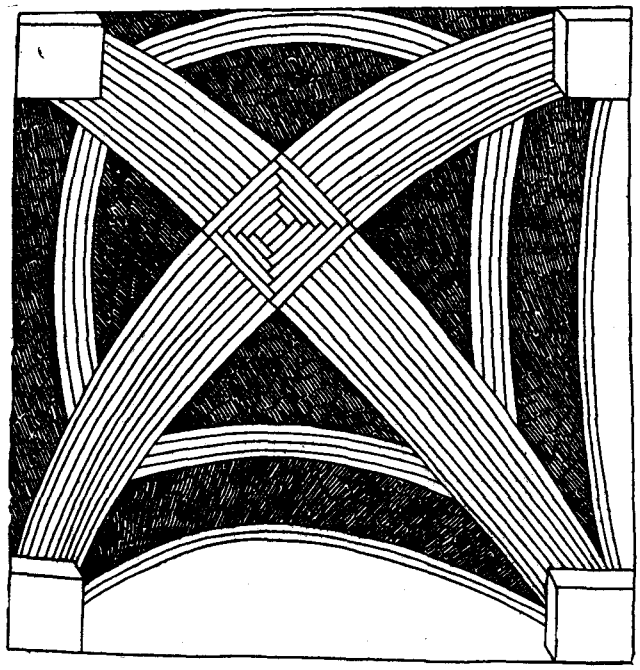


Рис. 10. Крестовый бетонный свод с каркасом из трубок (так называемый дворец Амфитриты). Северная Африка. II в. н. э. (по Лезину)

только трубок, но это весьма вероятно, особенно в тех случаях, когда они покрывали контрапсиду, добавленную после окончания первоначальной постройки: такой полукупол не нес даже и веса крыши.

В позднем периоде античной архитектуры, особенно в V в., создание большого свода или купола становится такой же проблемой, какой оно было на полтысячелетия раньше. Традиция бетонно-сводчатой конструкции постепенно забывалась, и применение ее к большим залам делалось в связи с этим все более и более затруднительным. С разложением рабовладельческих отношений все труднее становится осуществлять огромные и громоздкие, несмотря на все изощрения римских инженеров, здания бетонно-сводчатой конструкции. Все больше приходится думать о замене бетона какой-то иной, гораздо более легкой, но тоже несгораемой и сейсмостойкой конструкцией.

На помощь инженерам и архитекторам Западной империи приходит метод, разработанный в Северной Африке,— использование керамических трубок. Если в Северной Африке широкое и разработанное применение керамических трубок известно по крайней мере со II в. н. э., то в самой Италии применение специальных трубок (а не амфор, как обычно) начи-

[74] Ibid., p. 178, 181.

нается, по-видимому, с IV в. н. э. Наиболее ранние случаи известны в виллах около Марсала [75] и около Этны; позднее — в Милане и Равенне, последовательно становившихся столицами Западной части Империи, где в связи с этим шло интенсивнейшее строительство.

Как в гражданских, так и в церковных зданиях из трубок чаще всего конструировались полукупола апсид. Например, из керамических трубок сложены полукупола над экседрами недавно открытого около Этны большого виллового комплекса, вероятно, восходящего к тетрархии (Piazza Armerina)[76]. Из таких же трубок в конце IV в. (370—384), очевидно, была сложена апсида базилики Урсианы [77], а несколько позднее — сохранившаяся забутка парусного сводика так называемого мавзолея Галлы Плацидии [78] в Равенне. В Милане керамические трубки обнаружены в двух капеллах около Сан-Лоренцо [79], в куполе очень ранней капеллы у Сан-Амброджо и, может быть, в апсиде древнего дороманского Сан-Симпличано [80]. Менее известны подобные находки в Альбенга и Ницце-Шемье[81], в Верчелли и в сельских церквах Северной Италии (Сан-Микеле ин Ачерволи) [82].

Следует отметить, что в IV в., когда керамические трубки уже, несомненно, применялись по крайней мере в Милане и в Равенне, их, по-видимому, еще не знали в самом Риме [83]. Первыми известными памятниками этого рода являются здесь капелла Санта-Кроче около Латеранского баптистерия, покрытая сводиком из трубок, и, возможно, кольцевые обходы Сан-Стефано Ротондо; они относятся к V в.[84], а полукупола над апсидами Санта-Агата деи Готи и Косьмы-Дамиана — к VI в.[85] Со второй трети IV в. Рим уже становится городом застывшей традиции. Так, своды здесь все еще по старинке облегчали бытовыми амфорами, в то время как в новых культурных центрах Западной империи от них уже отказывались в пользу более рациональных конструкций, в частности конструкций со специальными керамическими трубками.

Трубки, применявшиеся в Италии, сходны не только между собою, но также и с трубками Северной Африки, а их размеры как раз отвечают наиболее распространенным там [86]. Размер корпуса около 14 см, по-ви-

---

[75] F. W. Deichmann. Studien..., S. 35.

[76] Дейхманн («Studien...») ставит сицилийскую виллу в один ряд с африканскими памятниками. Однако руководитель раскопок Джентиле говорит о «маленьких амфорах» (FA, V, 1952, № 6103— anforetti di cotto), а не о трубках. Зондажи 1954 г., по-видимому, подтверждают датировку временем тетрархии (FA, IX, 1956, № 4979).

[77] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 261; P. Verzone. Le cupole a tubi fittili nel V—VI sec. in Italia. «Atti dello I congresso nazionale di Storia dell'architetture, p. 8.

[78] Об относительно ранней дате см. C. Cecchelli. La basilica di S. Lorenzo Maggiore in Milano. Milano, 1951, p. 215.

[79] P. Verzone. Op. cit., p. 7, 9.

[80] Ibid., p. 8; о куполке капеллы Сан-Сатиро около Сан-Амброджо писал уже Ф. Дартейн (F. de Dartein. Etude sur l'architecture lombarde et sur les origines de l'architecture romano-byzantine. Paris, 1865—1882, I, p. 16.

[81] «Gallia», vol. XIV, № 2, 1956, p. 235.

[82] P. Verzone. Op. cit., p. 9, n. 4—5.

[83] Ф. Дейхман («Studien...», S. 35) приводит соответствующие даты, но делает вывод о происхождении трубок из Рима.

[84] F. de Dartein. Op. cit., I, p. 16; II, p. 127; J. Durm. Op. cit., S. 299. C. Cecchelli. Sguardo generale all'architettura bizantina in Italia. «Studi bizantini e neoellenici», vol. IV, 1935, p. 10, 20; P. Verzone. Op. cit., p. 9, n. 2—3.

[85] P. Verzone. Op. cit., p. 7, со ссылкой на работу U. Monneret de Villard. Sull' impiego di vasi e tubi fittili nella construzione delle volte (S. Agata dei Goti). Roma, 1924; F. W. Deichmann. Studien..., S. 35.

[86] Длина корпуса трубки колеблется в Северной Африке от 7 до 23 см, диаметр — соответственно от 5 до 11 см; длина носика близка к 5 см, а толщина стенок — от 6 до 10 см. Чаще всего встречаются трубки с длиной корпуса в 10—15 см при диаметре в 5—6 и при длине носика в 5 см.

димому, преобладает все больше и больше в памятниках Милана, Рима, Равенны. Лучше всего сохранившиеся равеннские купола сложены из трубок с одинаковой длиной корпуса в 14 см и одинаковой длиной носика в 6 см [87]. Таким образом, постепенно происходил отбор изделий, наиболее выгодных и удобных для изготовления и при укладке и наиболее устойчивых при эксплуатации.

При полной аналогии самих трубок способ их применения совершенно изменился. Уже куполок капеллы (Сан-Сатиро) около Сан-Амброджо, восходящий к рубежу IV—V вв., сложен из одних пустотелых трубок [88]. Не позднее середины V в. мы видим новую конструкцию в ее совершенно сложившейся форме в куполе баптистерия Неона («православного баптистерия») в Равенне [89]. Этот купол пролетом в 10,70 м целиком смонтирован из одних только керамических трубок, образующих уже не каркас, не «постоянные кружала» в массе бетонного свода, а весь купол пониженного профиля [90]. Купол сложен из двойных замкнутых колец, составленных из пустых керамических трубок диаметром в 7 см. Смонтированные на быстротвердеющем гипсовом растворе [91] отдельные сдвоенные кольца постепенно нависают одно по отношению к другому по принципу «ложного» купола, но облегченного до предела; наличие в каждом слое двух колец и применение гипсового раствора, по-видимому, делало возможным сооружение такого свода без кружал, поскольку каждое кольцо, будучи замкнуто, сразу включалось в работу [92]. По мнению Джованнони, купол из трубок совершенно не дает никакого распора [93]; против этого взгляда выступает Вердзоне, считающий, что купола из трубок «ведут себя, как эластическое тело двойной кривизны, примерно так, как если бы они были сложены из обычных, но пустотелых клиньев», и дают небольшой распор [94].

Переход от создания из трубок каркаса во II—III вв. н. э. к монтажу из них (по крайней мере с V в.) целых куполов мог, как нам кажется, быть связан с общими изменениями в хозяйственной жизни. Применение керамических трубок во II в. было вызвано специфическими местными условиями и ограничивалось, видимо, одной только Северной Африкой. С IV же века конструкции из керамических трубок стали применяться

---

[87] Трубки равеннских куполов различаются по диаметру. Дартейн дает 7 см для баптистерия (рисунок на стр. 15); его данные повторены Вердзоне (Op. cit., p. 8, n. 4), который для Сан-Витале указывает диаметр в 6 см (ibid., n. 3; J. D u r m. Op. cit., S. 299).

[88] Дартейн (Op. cit., I, p. 16; II, p. 127, n. 1) подчеркивает, что сохранившийся куполок состоит из одних только трубок. То же — Дурм (Op. cit., S. 299). Вердзоне (Op. cit., p. 8, n. 9) отмечает очень неправильную форму отдельных трубок (по Моннере де Виллару, который получил сведения и эскиз трубки от Бельтрами).

[89] Новое исследование К. Казалоне позволяет отнести постройку баптистерия и монтаж его купола ко времени епископа Урсия; с Неоном же (середина V в.) связывается, скорее всего, лишь его внутренняя отделка; см. заметку F. W. D(eichmann), in: B Z, LIII, H. I, 1960, S. 267 о работе: «Casalone, Ricerche sul battistero della cattedrale a Ravenna», «Rivista Ist. Naz. Arch. e Storia dell'Arte», 8, 1959, p. 202—268, то же: S. B(ettini), F. A. V, 1952, № 5662.

[90] Дартейн подробно описал купол баптистерия Неона при реставрации 1861 г. (op. cit., I, p. 14—15, с разрезом на p. 14 и с чертежом трубки на стр. 15). Дартейн правильно указал, что вставленные одна в другую трубки пусты. Однако он ошибся, считая, что каждая из «нитей» идет непрерывной спиралью от основания до вершины купола. Толщина купола составляет, по Дартейну, всего 19 см.

[91] P. V e r z o n e. Op. cit.,со ссылкой на Джерола, подтвердившего в 1916—1917 гг. указание Дартейна о том, что трубки уложены не на известковом, а на гипсовом растворе.

[92] P. V e r z o n e. Op. cit., p. 10—11.

[93] G. G i o v a n n o n e. Volte..., p. 136.

[94] P. V e r z o n e. Op. cit., p. 10.

гораздо шире. Вместе с тем и цель их применения стала иной — не только облегчить традиционную конструкцию из бетона, но и создать принципиально новую конструкцию, возведение которой не требовало бы такого громадного количества рабской силы, как монолитный бетон. Это изменение произошло в период упадка и кризиса рабовладельческого способа производства, когда не стало избыточного рабского труда и когда труд, даже рабский, начали ценить и экономить.

Fig. 322.

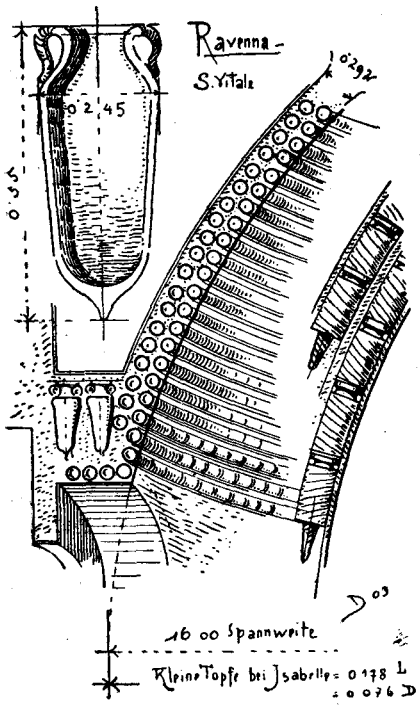


Fig. 323.

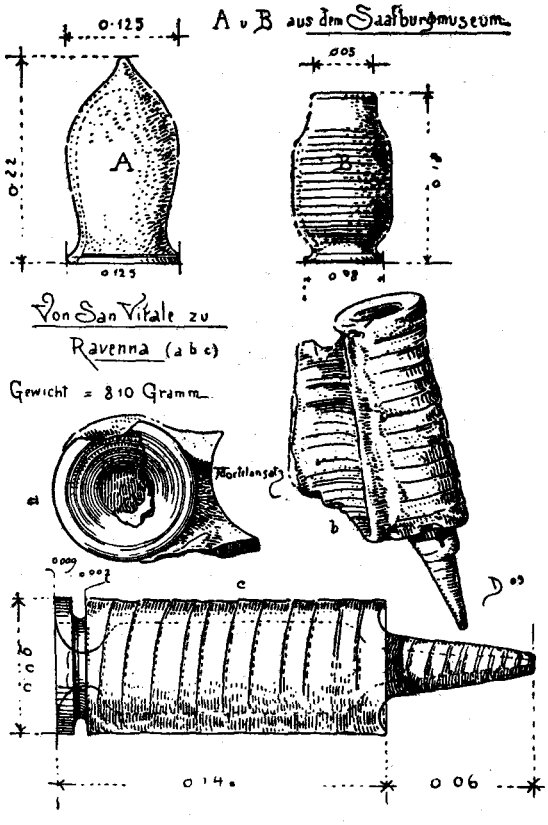


Рис. 11. Сан-Витале в Равенне. Первая половина VI в.:
слева—конструкция купола по Изабель (рис. 322 у Дурма); справа—керамика в сводах (рис. 323 у Дурма): вверху — сосуды из музея в Заальбурге, внизу— трубка из Сан-Витале в Равенне

Новая конструкция вряд ли могла появиться вдруг под влиянием внешних факторов, как думали раньше; она должна была развиваться постепенно и получить широкое применение в связи с изменением самого способа производства, когда не стало избыточного рабского труда. Поэтому замечательное изобретение, сделанное в Африке в результате соприкосновения финикийской и римской традиций, могло стать всеобщим методом в строительстве общественных зданий позднеантичной Италии.

Наиболее замечательным покрытием из керамических трубок является купол Сан-Витале (первая половина VI в.) (рис. 11). В Сан-Витале пролет достигает 16 м, т. е. он втрое больше, чем в памятниках римской Северной Африки, и в полтора раза больше, чем в баптистерии Неона.

Как показало исследование Коррадо Риччи при реставрации Сан-Витале в начале XX в., купол Сан-Витале образован, как и купол баптистерия Неона, двойными концентрическими кольцами, а не непрерывной спиралью, как думали Изабель, Дартейн и Шуази [95]. Дурм базируется на работе Риччи [96] и на собственном обмере трубки (см. рис. 11) [97].

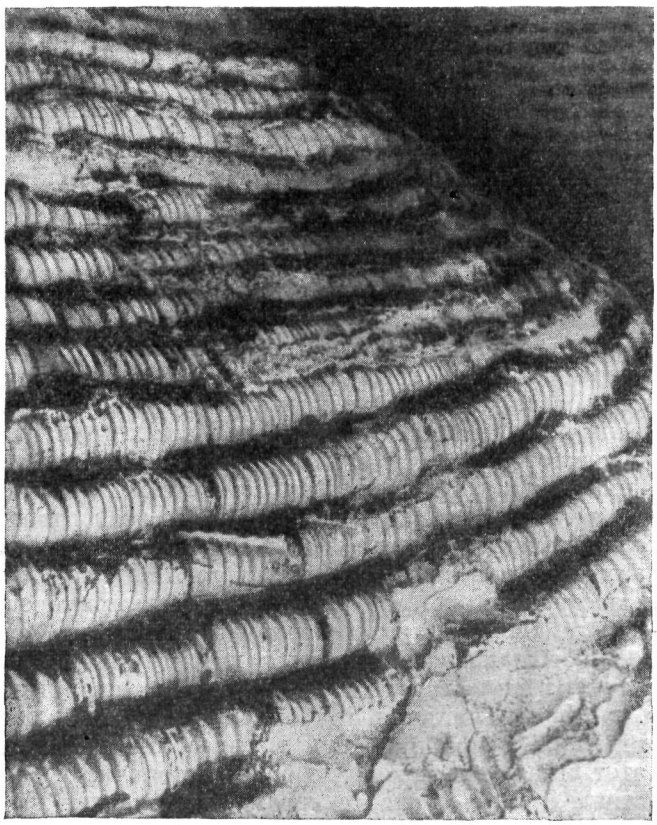


Рис. 12. Сан-Витале в Равенне. Первая половина VI в. Купол из керамических трубок. Вид снаружи (фото Бовини)

---

[95] Эта ошибка Шуази часто повторяется до наших дней: см., например, F. Wachtsmuth. Der Raum, II. Marburg, 1935, S. 121; J. G. Davies. The origin and development of early-christian church architecture. N. Y., 1953, p. 61.

[96] J. Durm. Op. cit., 5, с цитатой из письма Риччи, которым опровергается указание Шуази («История архитектуры», т. II, стр. 13) и твердо устанавливается, что: а) купол Сан-Витале сложен из специальных трубок, а не из амфор; б) трубки уложены не непрерывной спиралью, а двойными замкнутыми кольцами. Небезынтересно отметить, что Вердзоне ссылается не непосредственно на реставрацию Риччи в начале века и не на реставрацию Барточчини в 1930 г., а на Дурма, т. е. на того же Риччи, но косвенно (P. Verzone. Op. cit., p. 8, n. 3).

[97] Желая показать историю вопроса, Дурм поместил не только свой обмер (рис. 323), но и неверный рисунок Изабеля (рис. 322 у Дурма), показавшего не трубку, а амфору. Отсюда ошибки у всех тех авторов, которые недостаточно внимательно читали подписи под иллюстрациями; виноваты также оговорки Дурма, который (S. 296, 297) называл трубки то горшками, то амфорами, хотя в другом месте (S. 299) он подчеркнул, что «это не горшки, а специально приготовленные трубки».

Замечательна конструктивная форма купола: он представляет собой фактически не полусферу, а усеченный конус (рис. 12), т. е. форму, наиболее рациональную при конструировании нависающими кольцами. В последнем замечательном памятнике позднеантичной Италии вернулись, таким образом, к ранней форме гробницы около Кум (III в. до н. э.) и бетонного купола в Стабианских термах Помпей (II в. до н. э.).

Промежуточное положение Сан-Витале в смысле времени — на грани между поздней античностью и ранним средневековьем — и по месту — в Равенне, входившей то в состав Византийской империи, то в состав варварских королевств, а затем, с середины VIII в., в состав папской области заставляет рассматривать и оценивать его с особым вниманием.

Вопрос о времени постройки Сан-Витале вызывал и вызывает до сих пор страстные дискуссии. Не говоря уже об итальянских авторах, мы находим сторонников отнесения Сан-Витале к остготскому периоду и среди германских, и среди скандинавских авторов [98]. Вместе с тем такие ученые, как Дейхманн [99], Симпсон [100] и другие, относят к остготам только закладку Сан-Витале, а всю или почти всю постройку — к периоду византийского владычества[101].

То обстоятельство, что отделка (а, возможно, и постройка?) Сан-Витале была закончена в годы, когда Равенна оказалась в прямом подчинении у Византии, заставило Шуази усомниться в том, что местные зодчие сами стали делать своды при помощи вставленных друг в друга сосудов; «но весьма вероятно, что они не взяли у римлян эту замечательную идею; более вероятно, что способ постройки Сан-Витале попал в Италию тем же путем, что и самое решение этого храма. По этой гипотезе честь первого сознательного применения в сводах керамики должна быть целиком отнесена к архитекторам византийской школы. Но если обратиться к чисто римским постройкам, то следует признать, что применение пустотелой керамики — всего только второстепенная деталь в их истории»[102].

Позднее, в обобщающей «Истории архитектуры», Шуази утверждал, что в своем стремлении строить перекрытия без вспомогательных лесов, в частности из полых глиняных трубок, византийский метод резко расходится с римским и приближается к азиатским традициям Ирана [103].

Вопрос этот был освещен гораздо более исторично и объективно Дурмом: «Известный пример сводов с керамикой оставлен восточными римлянами в Сан-Витале. Несмотря на «византийские» детали, по системе и конструкции это — почти совсем римское здание» [104].

Точка зрения Шуази все же бытует в учебной и популярной литературе до наших дней, хотя концепция Дартейна и Дурма получает все боль-

---

[98] Л. Рингбом (L. H. Ringbom. Graltempel und Paradies. Stockholm, 1951, S. 148—162) принимает датировку довизантийским периодом и считает, что первоначально в Сан-Витале совмещались приемный зал и церковь.

[99] F. W. Deichmann. Gründung und Datierung von S.Vitale (по изложению автора в BZ, Bd. XLVIII, 1955, S. 263).

[100] O. G. Simpson. Sacred Fortress. Chicago, 1948, p. 23—24.

[101] Р. Дейхманн [F. W. D(eichmann). Delvoge. Sur la date... de Serge et Bacchus et de S. Vital. BZ. Bd. LIII, 1960, S. 481] признает, что письменные источники свидетельствуют о том, что по крайней мере часть С. Витале была закончена ранее 530 г., но указывает, что сама постройка не подтверждает этого обстоятельства.

[102] A. Choisy. L'art de bâtir chez les romains, p. 97—98. Неточность перевода, вроде «заделка в кладку глиняных горшков» (стр. 79 русского издания) вместо «при помощи вставленных друг в друга сосудов», или «применение глиняных горшков» (стр. 80) вместо «применение керамики» (р. 98 оригинала) еще усугубили неточность в тексте Шуази.

[103] О. Шуази. История архитектуры, т. II, стр. 12, 13.

[104] I. Durm. Op. cit., S. 296—297.

шее подтверждение в новых и новейших исследованиях. Если обратиться еще раз к приведенным выше конкретным данным, то оказывается, что вне Северной Африки и Италии до сих пор не обнаружено ни одного памятника, который по времени постройки мог бы считаться предшественником сооружений Равенны в смысле конструирования покрытий из керамических трубок [105].

В Италии же повсеместно можно найти ряд примеров. Как уже указывалось, эта система была здесь широко известна и не ограничивалась ни Равенной, ни VI в. Археологи постоянно обнаруживают новые примеры, которые прямо свидетельствуют о развитии в Италии IV—VI вв. н. э. принципа, вероятно, перенесенного из Северной Африки, и о широчайшем применении керамических трубок в Равенне [106].

В силу всех этих обстоятельств Сан-Витале следует, по нашему мнению, считать не византийским, но и не римским памятником, а сложным. Построенное в первой половине VI в. здание имеет некоторые черты, сходные с ранневизантийскими памятниками, в которых в свою очередь уже получили значительное развитие идеи как римской архитектуры в узком смысле слова, так и идеи восточных провинций.

Применение колонн, капителей, пульвинов и других частей из проконесского мрамора, совершенно аналогичных в постройках V—VI вв. от Равенны до Херсонеса Таврического и до Кавказского побережья, было отмечено уже Бертье-Делагардом [107]. В настоящее время установлено, что применение совершенно сходных мраморов объясняется не отвлеченным «византийским влиянием», а развитой тогда торговлей готовыми стандартными изделиями проконесских каменотесных мастерских, что полностью относится и к Сан-Витале. Вместе с тем конструкция легчайшего купола Сан-Витале из двойных колец керамических трубок характеризует его как явно западный вариант. В этой конструкции проявилось отрицание относительно нового в римской архитектуре принципа скелетной ребристой конструкции. Как мы видим, скелетная конструкция сочеталась со всеми способами облегчения тела сводов, в том числе и с введением в него амфор в очень большом числе, но не связанных друг с другом, не вставленных одна в другую. Те авторы, которые не придают конструкциям из трубок особого значения, обычно не усматривают принципиальной разницы между двумя способами применения в строительстве пустотелой керамики. Однако эта разница принципиальна [108]; при значительных пролетах отдельные сопоставленные амфоры или другие пустотелые элементы могли служить только заполнением. Из вставленных

---

[105] Дурм (Op. cit., S. 299 и рис. 324) и Вердзоне (Op. cit., p. 9, n. 6) приводят *одну* трубку в музее Градо; Дейхманн («Studien...», S. 37) пренебрегает этим единственным сомнительным примером. Новые раскопки не дали в Градо никаких указаний относительно их применения (F. Franeo. La basilica di Grado. «Atti dello V convegno nationale di Storia dell'architettura», p. 597—612; P. L. Zovatto. II Battistero di Grado. RAC, Anni XXIII—XXIV, № 1—4, 1947—1948, p. 230—251).

[106] Кроме баптистерия и Сан-Витале, сводом из трубок покрыта капелла VI в. в архиепископском дворце (P. Verzone. Op. cit., p. 8 и прим. по Джерола), а также должны были быть покрыты апсиды многих базилик: Агаты, Франческо (ibid., n. 7—8), Сан-Аполлинаре Нуово (FA, V, 1952, № 5656, 6111 — по раскопкам Бовини).

[107] А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, № 12, 1893, стр. 24—30; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес М. — Л., 1959, стр. 136, 138.

[108] A. Lézine. Op. cit., p. 180—181: «Не следует усматривать никакой связи между керамикой... мусульман и римскими трубками. Арабская керамика не вставляется одна в другую; это просто кирпичи, укладываемые горизонтальными рядами (рис. I, II)». Римский метод вставленных друг в друга трубок широко применяется в современных конструкциях (ibid., рис. I, 12).

же друг в друга трубок можно создавать каркас бетонного свода или целое покрытие; однако они непригодны в сочетании со сплошными ребрами каркаса, прерывающими непрерывность «нитей» из керамических трубок.

Составленные из колец трубок равеннские купола баптистерия Неона и Сан-Витале близки в принципе к древнейшим слоистым «ложным» куполам из горизонтальных колец, хотя они и исполнены на совсем ином этапе развития строительной техники.

При сопоставлении нельзя забывать и о принципиальной разнице в размерах: если купол Байских терм I в. до н. э. имел пролет около 21 м, а диаметр куполов I—II вв. мог превышать 40 м, то диаметр Сан-Витале не достигает 16 м; по сравнению с куполами Пантеона и Софии Константинопольской купол Сан-Витале невелик. Вместе с тем такой пролет является большим достижением для конструкции из керамических трубок. Он близок к примерно одновременному покрытию церкви Сергия и Вакха в Константинополе (15,5 м в Сан-Витале; 15,55—в церкви Сергия и Вакха) [109]; поэтому сопоставление церкви Сан-Витале и Сергия и Вакха как представителей двух традиций особенно поучительно.

Церковь Сергия и Вакха до сих пор функционирует в качестве мечети; подробное изучение памятника представляло значительные трудности [110], чем и следует объяснить расхождения в описании формы и конструкции его покрытия. Так, по Зальценбергу[111], который дал первое серьезное описание (хотя быть может и не совсем точное в частностях) нижняя зона купола образует на уровне его окон нечто вроде тамбура. У Шуази, у Эберсольта и Тьера[112] окна показаны в вертикальных стенах октогона, которые идут выше этих окон; судя по фотографии у Эберсольта и Тьера, вторая трактовка правильнее. В вопросе о внутреннем виде самого шестнадцатилопастного купола, авторы расходятся еще больше. Шуази считал все лопасти одинаково выпуклыми, и изображал купол в виде половины дыни[113]. Между тем, уже Зальценберг отметил разницу в трактовке, чередование плоских и вспарушенных долей; он считал плоскими в плане те глухие доли купола, которые отвечают восьми пилонам, а выпуклыми — лежащие над большими арками, т. е. прорезанные окнами; у него получился внутренний венец, распалубок, которому отвечает описываемый в тексте наружный шестнадцатиарочный тамбур. В наиболее детальных чертежах в поздней работе Эберсольта и Тьера плоские доли тоже чередуются с выпуклыми, но плоскими показаны те восемь долей, которые прорезаны окнами, а выпуклыми — глухие. В виду отсутствия подтверждающей фотографии, мы лишены возможности окончательно судить о действительной форме купола

---

[109] F. W. Deichmann. Studien..., S. 101.

[110] Работы по реставрации памятника констатируются Р. Жаненом (R. Janin. Chronique archéologique, REB, XIV, 1956, p. 215). Но результаты сопутствующего исследования нам пока не стали известны.

[111] W. Salzenberg. Altchristliche Baudenkmale von Konstantinopel im V—XII Jh. Berlin, 1954, S. 13, 14, Taf. V. Дартейн (op. cit., p. 42) повторяет в сокращенном виде описание Зальценберга.

[112] I. Ebersolt, A. Thiers. Les églises de Constantinople. Paris, 1913), vol I, p. 31—51, fig. 6—26; vol. II, pl. V—XI. Ортогонами повторены в кн.: Н. Брунов Очерки архитектуры, II. М.—Л., 1935, рис. 286; «Всеобщая История архитектуры» (учебное пособие), т. I, рис.

[113] О. Шуази («L'art de bâtir chez les byzantins», p. 68) по аналогии с часовней монастыря Хора (гораздо более поздней), которую он наблюдал при ремонте, считает выпуклыми все 16 долей, что будто бы «позволило поставить купол прямо на октогональное основание» (tab. XX/1); ср. О. Шуази. История архитектуры, т. II, рис. 38 и стр. 40: «...без посредства парусов на верхнем ряду кладки барабана». В соответствии с этим Вахтсмут называет покрытие церкви Сергия и Вакха «монастырским» (op. cit., S. 86) и «настоящим сомкнутым сводом» (ibid., S. 121).

Сергия и Вакха. Независимо от того, которые из долей выпуклы, купол этот в принципе сходен с римскими зонтичными сводами Канопа на вилле Адриана, павильона Саллюстиевых садов в Риме, так называемого «храма Венеры» около Байи. Однако ребра и лопасти церкви Сергия и Вакха не смягчаются и не исчезают постепенно по мере приближения к замку, как в римских зонтичных сводах; в зените купола они сходятся, как в настоящем сомкнутом своде.

Независимо от некоторых небольших неясностей можно считать, что многолопастный купол Сергия и Вакха и гладкий — Сан Витале продолжают два противоположных течения, две совершенно различные школы в позднеантичном сводостроении. Еще принципиальнее разница в их исполнении. Кирпичные стены Сергия и Вакха имеют на больших расстояниях друг от друга каменные прослойки [114]; но все его арки и своды сложены целиком из кирпича [115]. Эти конструкции Сергия и Вакха предвещают технику стен и сводов Софии Константинопольской, которая, вероятно, моложе на несколько лет.

Сходная конструкция сводов, сложенных из одного только кирпича на растворе, встречается в Константинополе и раньше, по крайней мере с V, а возможно, и с IV в. Таковы своды в комплексе вновь открытого к западу от ипподрома раннего дворца [116], главный гексагональный павильон которого, восходящий к началу V в., был позднее переделан в церковь Евфимии [117]. В группе императорского дворца, объединяемой перистилем с замечательными мозаиками, сохранились только своды различных стоков и субструкций. Здесь сохранились цилиндрические своды, исполненные радиально или наклонными отрезками, а также нижняя часть небольшого парусного свода, т. е. формы, ставшие на много веков наиболее характерными для византийских сводов не слишком большого пролета. К сожалению, эта часть дворца все еще датируется весьма приблизительно, в пределах V—VI вв.[118]

Более точно датируемыми ранними памятниками с кирпичными сводами являются субструкции мартирия Карпа и Папила [119] и наземная стена Константинополя, начатая при Феодосии II — в 412 г.

Возможно, что традиция кирпичного сводостроения восходит к доконстантиновскому Византию [120] и была представлена уже древней цистер-

---

[114] A. M. Schneider. Ephesos, 4.3. BZ, XLVI, 1953, S. 182. Дейхманн («Studien...», S. 21 и рис. 3) замену бетона в кирпичной одежде кирпичной кладкой объясняет увеличением производства кирпича при Юстиниане (ibid., S. 31).

[115] М. Обер ошибочно указывал, будто бы купол церкви Сергия и Вакха построен из «легких материалов» (см. R. de Lasteyrie. L'architecture religieuse en France à l'époque romane. Paris, 1929, p. 751).

[116] A. M. Mansel. FA, V, 1952, № 5953; VI, 1952, № 5659; VIII, 1956, № 5275 и № 5277, по новым турецким раскопкам; F. W. Deichmann. Studien..., S. 21—22.

[117] A. M. Schneider. Das Martyrion der h. Euphemia beim Hippodrom. BZ, Bd. XLII, 1942, S. 179—180; «The Great Palace of the byzantine Emperors», II. Report. Edinburgh, 1958, p. 68—69.

[118] «The Great Palace...», p. 17: из найденного под его портиком предшествующего здания видно, что перистиль не старше V в. (ibid., VII, особенно p. 166—167): «зал и его субструкции могли быть созданы при любом императоре до Юстиниана или до его ближайших преемников». Повторено в рецензии: H. L. Thomas. The Splendor of Byzantium. «Archaeology», vol. 12, № 4, 1959, p. 278. В. Н. Лазарев («Фрески Кастельсеприо». ВВ, VII, 1953, стр. 373 и прим. 3) уже раньше предлагал для мозаик дату *не ранее, чем начало V в., «или, что вероятнее, середина VI в.»*. Новая публикация не уточнила этого вопроса, дебатировавшегося в течение последних лет.

[119] А. Шнейдер (A. M. Schneider. Byzanz. Berlin, 1936, S. 2, 4 — разрез на табл. 2) предлагает IV или V в., во всяком случае до постройки стены Феодосия. Дейхманн («Studien...», S. 21) выбирает более раннюю дату (вероятно, IV в.).

[120] F. W. Deichmann. Studien..., S. 22.

ной около Бодрум Джами [121]. Эта традиция принципиально отличается от традиции бетонного сводостроения с легким заполнителем, развивавшейся преимущественно в Италии и в западных провинциях и приведшей к созданию легчайших сводов и куполов из одних лишь керамических трубок. Истоки строительных традиций Византия-Константинополя следует, таким образом, искать отнюдь не в Италии и не у римских мастеров, которых будто бы перевез из Италии Константин.

Новейшие исследования устанавливают все с большей очевидностью родство Балкан с Малой Азией в области строительной техники, как и в других отношениях. Отдельные полевые исследования Вердзоне, Фазоло, Гауга, Форсайта, обобщающие работы Дейхманна и Уорд-Перкинса постепенно уточняют первоначальные фазы становления в Малой Азии той техники кирпичных арок и сводов, которая слагалась здесь на основе восточной традиции исполнения сырцовых сводов наклонными отрезками, но применительно к новому материалу — римскому кирпичу. Первоначально кирпичному своду или куполу поручалась обычно только роль «постоянной опалубки»; основная бетонная масса выкладывалась по этой кирпичной скорлупе, что позволяло избегать или сводить к минимуму опалубку [122].

Следует также добавить, что система исполнения купола отдельными «веерами» из кирпича, примененная в общеизвестном куполе Диоклетианова мавзолея в Салоне, встречается позднее в старой апсиде и в баптистерии соборной базилики Марии в Эфесе. Кирпичная скорлупа представляла в Эфесском баптистерии лишь внутреннюю оболочку бетонного массива [123]. Монументальные сооружения конца III в. с кирпичными сводами сохранились в Салониках. Эта арка Галерия и особенно его мавзолей, позднее ставший церковью Георгия. Из кирпича здесь сложен главный купол и покрытия обходов [124]. Как и малоазийские ранние своды, купол мавзолея одет толстым покровом бетона.

Таким образом, в III—IV вв. формы, переходные к кирпичным сводам, устанавливаются и в Малой Азии, и на Балканах; они предвещают кирпичные конструкции, характерные для византийского сводостроения.

В настоящее время за рубежом господствует тенденция искать не только истоки, но и примеры ранневизантийской архитектуры и строительной техники в Малой Азии. Откладывая более подробное рассмотрение этого вопроса до следующей статьи, мы хотели бы подчеркнуть раннее и широкое распространение кирпичного сводостроения на Балканах, в частности на территории Болгарии и Македонии, т. е. в самом сердце Византийской империи.

В этих районах, примыкавших к Константинопольскому и прямо связанных с новой столицей, частично сохранились, частично только зафиксированы замечательные ранние памятники, которые с большим основанием рассматриваются Ивановой и Мавродиновым как предшественники столичных, наиболее близкие к последним по общей концепции и чисто

---

[121] D. Talbot. Rice. Excavations at Bodrum Camii. Byz., VIII, 1933, p. 162—171 и план *b* (датировка, вероятно, между второй половиной II в. и Диоклетианом); idem. New light on the domed circular building plan. «Atti dello VIII congresso internazionale di Studi bizantini» (1951), II. Roma, 1953, p. 237 (конечно, старше IV в.). То же — F. W. Deichmann. Studien..., S. 22, 26.

[122] J. B. Ward-Perkins. Notes on the structure and building methodes of early byzantine architecture (in: «The Great Palace...», p. 89).

[123] Ф. Фазоло (F. Fasolo. La basilica del Concilio di Efeso. «Palladio», Anno V, 1956, I—II, табл. IA и рис. 9), изображая комбинированный свод, аннотирует его как будто бы целиком кирпичный, а на стр. 6 — как «кирпичный внутренний слой».

[124] J. B. Ward-Perkins. Notes..., p. 89—90.

кирпичной конструкции сводов. Такие ранние сводчатые памятники, как базилика в Белово (вероятно, V в.) (рис. 13), София в Софии [125], София в Адрианополе [126] и особенно Красная церковь в Перучице (начало VI в.) [127] (рис. 14), имеют чисто кирпичные своды, исполнение которых совершенно аналогично, но несколько более архаично, чем кладка константинопольских памятников, воздвигнутых при Юстиниане. Мавродинов высоко ценит вклад Фракийской школы в развитие византийской архитектуры и склонен считать эту школу не провинциальной, а единой со столичной;

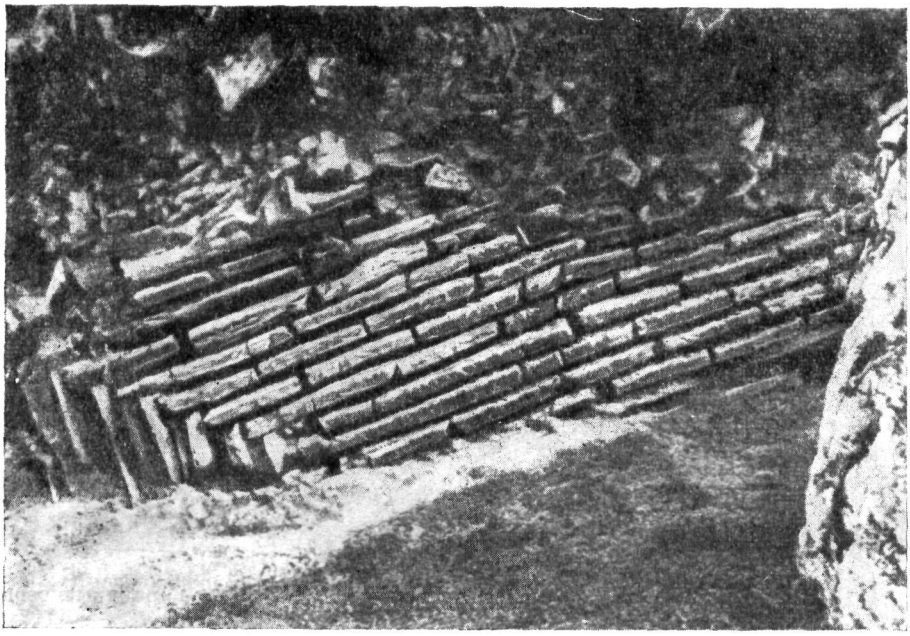


Рис. 13. Базилика в Белово. V в. Часть свода из северного нефа. Фото (по Грабарь-Эмерсон)

в создателях Софии Адрианопольской и Красной церкви в Перучице он видел прямых предшественников и даже учителей Анфемия и Исидора [128].

---

[125] В. Иванова (V. I v a n o v a. Les anciennes basiliques de Bulgarie. «Actes du IV congrès des études byzantines (1934)», II. Sofia, 1936, p. 212) относит базилику в Белово по конструктивным признакам, скорее, к V, чем к VI в., а несколько более позднюю Софию Софийскую тоже считает предшественницей Софии Константинопольской Н. Мавродинов (N. M a v r o d i n o v. L'apparition et l'évolution de l'église cruciforme «Atti dello V Congresso di Studi bizantini», p. 245) относит Софию Софийскую к началу VI в. Ср. A. G r a b a r — W. E m e r s o n. The basilica of Belovo. «Bulletin of the Byzantine Institute», vol. I, 1946, p. 59 — авторы отказываются от датировки по археологическим признакам; признавая общеисторические основы для ранней датировки базилики в Белово по аналогии с Красной церковью в Перучице, они все же считают ее провинциальной архаической постройкой.

[126] Н. Мавродинов [N. M a v r o d i n o v. L'origine de la construction et du plan de S. Sophie de Constantinople. «Actes du VI congrès international d'études byzantines (1948)», t. II. P. 1951, p. 286—290] относит Софию Адрианопольскую ко 2-й пол. V в.

[127] Значение Красной церкви в Перучице давно отмечалось в русской литературе (см. Ф. Ш м и д т. Новые веяния в археологической науке на Балканском полуострове. ЖМНП, т. 34, 1911, № 7, стр. 28—29). Н. М а в р о д и н о в («L' origine....», p. 292— 296) считает ее близкой по чисто кирпичной конструкции сводов и по дате к Софии Адрианопольской и относит к началу VI в.

[128] N. M a v r o d i n o v. L'origine..., p. 298.

Своды Софии Адрианопольской, известной только по двум схемам Шуази и старому фото [129], не могут быть подробно исследованы. Зато полуобвалившиеся своды, вероятно, одновременной базилики в Белово и Красной церкви в Перучице могли быть изучены полнее, чем лучше сохранившиеся скрытые декором своды Софии и церкви Сергия и Вакха в Константинополе.

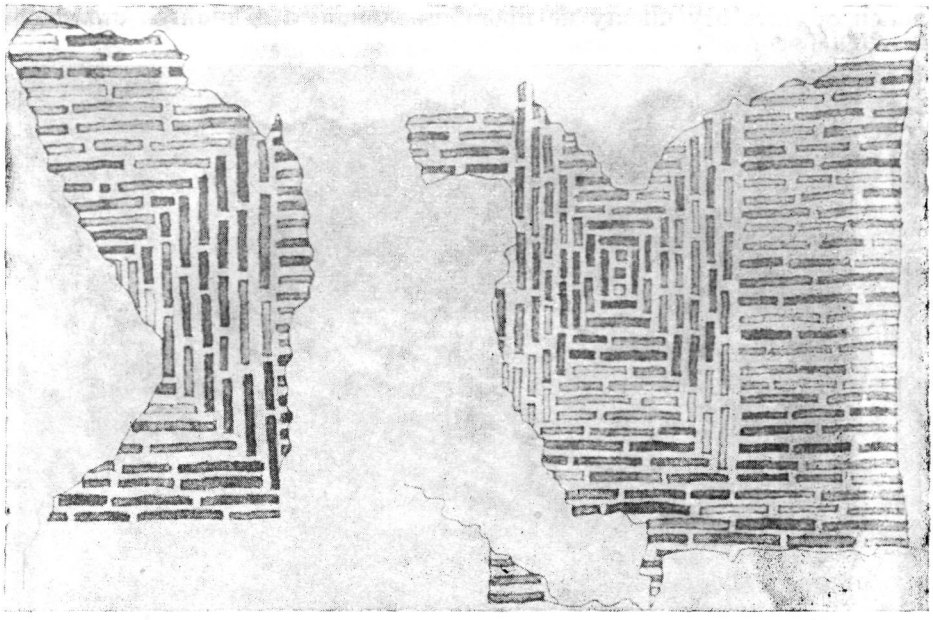


Рис. 14. Красная церковь в Перучице. Начало VI в. (?). Кладка кирпичных сводов: *а* — в протезисе; *б* — в переходе (по Фролову)

Кирпичная кладка всех их сводов и особенно сопряжение в «елку» на диагоналях настолько сходны в обоих памятниках — базилике и четырехлистнике, что они кажутся относящимися к одному и тому же объекту. Это не может не свидетельствовать об уже вполне сложившейся в V в. технике сводов из одного только кирпича и о значительном опыте в исполнении таких сводов на Балканах [130].

В кладке сводов в нартексе Красной церкви (рис. 15) отмечаются некоторые частности, характерные только для памятников на территории Болгарии. Особенно следует отметить исполнение цилиндрических сводов над квадратными помещениями [131] с выкладкой в «елку» по диагонали как в сводах крестовых. Отмечая ту же особенность и в крестовых сводах базилики в Белово, авторы вынуждены признать вместе с Ивановой, что именно такая кладка встречается на территории Болгарии уже в римских зданиях [132], т. е. что это очень ранняя и притом местная традиция кирпич-

[129] Ibid., p. 286—290.

[130] Грабар и Эмерсон (Op. cit., p. 56—59) считают базилику Белово, как и другие памятники Фракии, провинциально-архаизирующими и потому не допускают их ранней датировки.

[131] A. F r o l o w. L'église Rouge de Perustica. «Bulletin of the Byzantine Institute», vol. I, 1946, p. 24.

[132] A. G r a b a r — W. E m e r s o n. Op. cit., p. 56, 57.

ных сводов. К сожалению, вопрос об античных кирпичных сводах на Балканах не получил еще достаточного освещения[133].

Центральный купол Красной Церкви диаметром всего в 8,5 м не сохранился. Но руины свидетельствуют, что он был поднят на высоту 27 м и покоился на парусах во входящих углах. Фрагменты позволяют предполагать, что в основании купола было кольцо из чередующихся окон и глухих проемов, создававших снаружи впечатление ложного тамбура [134].

Рис. 15. Красная церковь в Перучице. Начало VI в. (?). Остатки кирпичных сводов в нартексе. Фото (по Фролову)

Цилиндрический свод главного нефа базилики Белово тоже типичен для византийских: нижняя его часть сложена напуском горизонтальных рядов; в верхней же части ряды кирпича слегка наклонены, что приводит авторов к предположению, что их выкладывали без опалубки, как будто бы выкладывались и другие византийские своды [135].

Проблема кирпичного купола с венцом проемов у основания, как и проблема исполнения кирпичных сводов без опалубки, освещены Лемерлем в тщательно проведенном исследовании базилики *B* (Диреклер) в Филиппах. Базилика эта построена несколько позднее Софии Константинопольской, но, вероятно, еще в VI в.[136], т. е. позднее Красной церкви и базилики в Белово, так как Фракия была обращена аварами в пустыню уже в конце правления Юстиниана [137]. Но технические приемы исполнения кирпичных сводов и купола на парусах почти не изменились, как не изменялись они и в самом Константинополе.

Покрытие средокрестия обвалилось уже в процессе постройки базилики в Филиппах, но тщательно зафиксированные фрагменты позволи-

---

[133] Ср. D. Boskovic. L'architectecture byzantine en Jougoslavie «Actes du X congrès des études byzantines». Istanbul, 1957, p. 87.

[134] A. Frolow. Op. cit., p. 23 и рис. 3.

[135] A. Grabar — W. Emerson. Op. cit., p. 51.

[136] P. Lemerle. Philippes et la Macédoine orientale. Paris, 1945, p. 495.

[137] A. Frolow. Op. cit., «Bulletin of the Byzantine Institute», vol. II, 1950, p. 476.

ли установить, что это был купол с выступавшими внутрь меридиональными ребрами и с венцом арочных проемов. Нижняя часть, по крайней мере в зоне окон, была осуществлена вместе с ребрами напуском горизонтальных колец кирпича [138].

Оказалось также, что кладка сводов наклонными отрезками и с сопряжениями «в елку» сама по себе еще вовсе не свидетельствует об отсутствии опалубки: при пролете порядка 7,5 м они выкладывались по опалубке, отпечаток которой ясно виден на сохранившихся частях сводов в нартексе, подпружных арок, полукупола апсиды базилики в Филиппах [139].

Тем самым ставится под вопрос общепринятый тезис Шуази о выполнении типичных византийских сводов без опалубки [140]. Этот способ ограничивался, по-видимому, пролетом порядка 3—4 м и допускался только в субструкциях. Бо́льшие же и ответственные кирпичные своды должны были возводиться на жесткой опалубке, как и бетонные римские. Дальнейшую проверку этих выводов следует произвести обследованием ряда объектов по методу Лемерля.

Кирпичные сводчатые покрытия на территории Балкан невелики: диаметр бо́льших куполов в Софии Адрианопольской и базилике в Филиппах не превышал 14—15 м. Тем не менее оба они скоро обвалились, как и купол Софии Константинопольской. Это свидетельствует о коренных недочетах ранневизантийской системы кирпичных сводов.

Современное состояние исследований еще не позволяет уточнить происхождение юстиниановских куполов из кирпича, так как такие купола одинаково характерны для позднеантичного и ранневизантийского строительства в Малой Азии, Константинополе, Фракии, Македонии. Но во всяком случае ясно, что эти своды и купола были тяжелыми кирпичными конструкциями, относящимися к своеобразной местной традиции. Эта традиция не оправдала себя при значительных пролетах и при не вполне центрических планах; купола Софии Константинопольской, базилики В (Дирекляр) в Филиппах, а также почти все малоазиатские купола не выдержали испытания практикой, римская же традиция уже была забыта. Поэтому византийские зодчие следующего, средневизантийского периода были вынуждены искать новых способов уравновешивания сводчатых систем при помощи поясов из черепицы, открытых связей, а главное, отказываясь от куполов значительного пролета и переходя к крестово-купольной системе.

Автсрам конца XIX и первой трети XX в. купол Пантеона представлялся тяжелым куполом с мощными кирпичными каркасами, а купол Софии Константинопольской — очень легким. Первое является результатом ложного утверждения Пиранези о том, что он будто бы видел при реставрационных работах и зарисовал ребра в куполе Пантеона в процессе его реставрации [141]. Второе могло случиться только по недоразумению, под гипнозом литературной традиции поздних анонимов [142]. Эта традиция так властно влияла на создание исследователей и популяризаторов, что почти все они упустили из виду результаты реставрационных работ в Софии, опубликованные в 1852 г. Фоссати, а в 1854 г. Зальценбергом, который документально засвидетельствовал, что главный купол

---

[138] P. L e m e r l e. Op. cit., p. 448—451, рис. 40—41, табл. LXVI—LXVII, LXXVII—LXXVIII; p. 492.

[139] Ibid., p. 455—458, рис. 42—43, табл. IV—V; p. 492—493.

[140] A. C h o i s y. L'art de bâtir chez les byzantins, p. 31, 66, n. 1.

[141] О. Ш а у з и. Строительное искусство..., стр. 69—70, и прим. I на стр. 70.

[142] Подробнее см. С. А. К а у ф м а н. Из истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, стр. 206 и прим. 22—23.

Софии сложен из обыкновенного кирпича [143], как и все другие ее своды.

Уже Дурм в свое время «поправил» Овербека, считавшего, что купол Софии сложен из керамических трубок, и указал, что он будто бы состоит «из пористых блоков с Родоса» [144]. Как это ни удивительно, но Дурм, постоянно ссылающийся на исследования Шуази, видимо не нашел у него данных по этому важнейшему для истории строительной техники вопросу.

А между тем сам Шуази прекрасно знал, что купол Софии сложен не из легких блоков, а из обыкновенного кирпича. Достаточно взять его исследование о строительном искусстве византийцев, чтобы убедиться в этом. В тексте (стр. 66) говорится только о способе возведения купола, причем Шуази оспаривает указание поздних текстов на раскружаливание, о котором нет речи у авторов ранних. В примечании же [145], ссылаясь на Зальценберга, он вынужден отвергнуть и указания этих поздних авторов на применении «родосских кирпичей, в пять раз более легких, чем обычные». Это примечание Шуази, как и работа Зальценберга, не было учтено почти всеми известными нам авторами, не исключая и самого Шуази (в последующих работах), который тем самым первый внес путаницу в рассматриваемый вопрос.

Утверждая, что византийцы развивали легкие сводчатые конструкции, он в своей «Истории архитектуры» попросту обошел молчанием вопрос о конструкции купола Софии [146]. Однако из этого умолчания у читателя должно неизбежно сложиться мнение, что конструкция купола Софии была столь же легкой, как и конструкция других построек, вроде баптистерия Неона, Сан-Витале или монастыря Хора, конструкция которых описывается [147] как якобы типично византийская. Тем самым Шуази как бы поддержал своим авторитетом ложное указание византийских анонимов; в течение еще многих десятилетий мы неизменно читаем у зарубежных, русских и даже советских авторов о выполнении купола Софии или из легких блоков (по анонимам и по Дурму), или из керамических трубок (т. е. по Овербеку). Даже современные исследования, полностью подтвердившие указание Зальценберга и уже имеющие значительную давность [148], еще не внесли решающего изменения в положение вещей; основываясь на популяризирующих трудах, рядовой читатель все еще вправе считать, что купол Софии, как и другие византийские купола, будто бы сложен из каких-то мифических легких материалов.

А между тем наука уже четверть века назад установила обратное: купол Софии был хотя и довольно тонким, но тяжелым, а купол Пантеона — безреберным (слоистым), сложенным из колец легчайшей пемзы.

Из сказанного видно, что примерно одновременные равеннский Сан-Витале и константинопольский Сергий и Вакх при некотором сходстве в плане и значительном сходстве в деталях являются представителями двух не только различных, но даже противоположных строительных традиций

---

[143] W. Salzeberg. Op. cit., S. 19: «...в главном куполе... никаких легких кирпичей не обнаружено, все они из обычной глины».

[144] J. Durm. Studien..., S. 298.

[145] A. Choisy. *L'art de bâtir chez les byzantins, p. 66, n. 1.*

[146] О. Шауэи. История архитектуры, т. II, стр. 42—45.

[147] Там же, стр. 12. Работа Зальценберга упоминается, в прим. 50 на стр. 80 советского издания, но что именно он установил «с точки зрения строительной», неизвестно. Книга Зальценберга (как и «L'art de bâtir chez les byzantins») давно стала редкостью, и такая ссылка не дополняет и не исправляет русского текста Шуази.

[148] О них см. С. А. Кауфман. Из истории Софии Константинопольской, стр. 201 сл.

в сводостроении. Сан-Витале завершает искания зодчих Италии, базировавшихся на местных легчайших изверженных породах, а затем — на изумительных конструктивных достоинствах пустотелых керамических трубок, но неизменно стремившихся к созданию легких и легчайших конструкций, иногда пронизанных кирпичным каркасом, но чаще совершенно его лишенных (купола Пантеона и Сан-Витале) [149].

Церковь же Сергия и Вакха, как и церковь Софии, стоит в ряду балканских и малоазийских памятников с тяжелыми кирпичными сводами и куполами. Шестнадцатилопастный купол Сергия и Вакха формально воспроизводит римскую схему зонтичных сводов, а купол Софии несколько напоминает римскую схему купола с меридиональными ребрами. Но в отличие от позднеримских куполов константинопольские памятники характеризуются одинаковым материалом. Видимые изнутри ребра в куполе Софии сложены из того же обыкновенного кирпича, что и несколько более тонкое его тело. Восемь несущих глухих лопастей в куполе церкви Сергия и Вакха аналогичны промежуточным вспарушенным долям по материалу; его зонтичный купол является тяжелым покрытием, предопределившим приземистые пропорции всего памятника.

Когда-то Шуази сопоставил Сан-Витале с Сергием и Вакхом на общем аксонометрическом чертеже (рис. 16) [150]. Однако тщетно было бы искать даже у него объяснения причины, почему именно купол центрального октогона Сан-Витале мог быть вознесен так высоко, а ребристый купол Сергия и Вакха должен был быть поставлен так низко.

Легкость купола Сан-Витале учтена у Дартейна, но он объяснял ее только незначительную толщину стен, а не высоту пилонов и тамбура [151]. В дальнейшем мы находим преимущественно формалистические объяснения огромной высоты Сан-Витале по сравнению с Сергием и Вакхом или общие рассуждения. Говорят об отсутствии впечатления тяжести, о пробитости экседр Сан-Витале[152]. Говорят о тяжелом куполе без тамбура, лежащем прямо на арках полукуполов, о массивных столбах, о впечатлении блокообразной тяжелой массы, о тяжелом замкнутом пространстве церкви Сергия и Вакха [153]. Сохранение антаблемента в нижнем ярусе его экседр объясняют «властью греческого архитравного строительства» [154] и т. д.

О том, как далеко находились ученые в 30-х годах от понимания реальной конструкции тех памятников, о происхождении и стиле которых спорили, свидетельствуют лучше всего работы Зедлмайра [155]. Чего стоит, например, утверждение, будто при Юстиниане система еще старая, что

[149] Сан-Витале все еще не опубликован как памятник архитектуры и строительной техники. Дейхманн («Studien...», S. 36, Anm. 107) указывает, что своды нартекса и вимы имеют «характерную форму восточного крестового свода с сопряжением «в елку» на диагоналях, а куполки ротонд по бокам пресбитерия сложены радиально. Эти данные могут свидетельствовать о сочетании двух традиций, но ничего не изменяют в том факте, что главный купол Сан-Витале не восходит к римской традиции».

[150] См. О. Шуази. История архитектуры, т. II, рис. 38.

[151] F. de. Dartein. Op. cit., p. 45.

[152] W. R. Zaloziecky. Die Sophienkirche zu Konstantinopel. Roma (1933), 1936, особенно стр. 94—95. Только на стр. 100 по поводу первоначального отсутствия сводов в обходах делается примечание (1) о «необходимости учитывать малый вес сложенного из сосудов купола».

[153] W. R. Zaloziecky. Ein stilgeschichtlicher Vergleich der Sergius-Bacchus Kirche... und San-Vitale. «Atti dello V congresso di Studi byzantini», p. 453, 455.

[154] A. M. Schneider. Das Architektursystem der H. Sophia. «Oriens Christianus», vol. 36, № 1, 1939, p. 13.

[155] H. Sedlmayr. Das erste mittelalterliche Architektursystem. «Kunstwissenschaftliche Forschungen», II, 1933, S. 25—62; idem. Zur Geschichte des Justinianischen Architektursystems. BZ, Bd. XXXV, 1935, S. 38—69.

это — «искусственный монолит» Шуази [156]. Делая «скромную» оговорку, что техническую сторону он-де не изучает [157], Зедлмайр брал на себя смелость утверждать, будто юстиниановская «техническая система явно идет от изучения средне- и позднеримской инженерной архитектуры» [158], причем «система изобретателя-инженера только переросла в художественную» [159]. В этих условиях Сан-Витале и церковь Сергия и Вакха могли показаться вариантами не только художественной системы, но и инженерной.

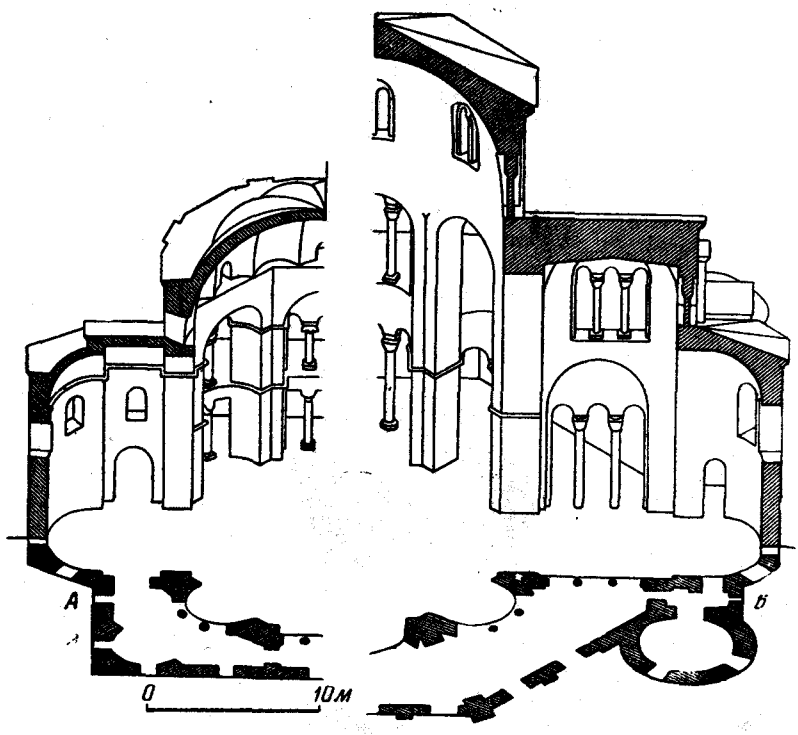


Рис. 16. Церковь Сергия и Вакха в Константинополе (А) и Сан-Витале в Равенне (Б). Совмещенный аксонометрический разрез Шуази

При обсуждении работ Зедлмайра Вейганд напомнил, наконец, о решающей роли достижений римского сводостроения в создании позднеримских памятников с их преобладающими вертикалями [160] и подчеркнул в Сан-Витале «строительное творение и преобладающие в нем архитектонические и декоративные основные идеи», а также — «старую глубоко идущую противоположность между Сан-Витале и Софией» [161]. К сожалению, Вейганд не раскрыл, не конкретизировал своей идеи, и вопрос о

---

[156] H. Sedlmayr. Zur Geschichte..., S. 43.
[157] Ibid., S. 65.
[158] Ibid., s. 64.
[159] Ibid., S. 44, 57.
[160] E. Weigand. Ist das Justinianische Architektursystem mittelalterlich oder antik? «Actes du IV congrès international d'études byzantines, (1934)», vol. II. Sofia, 1936, p. 147.
[161] Ibid., p. 152, 154.

принципиальной противоположности равеннской и константинопольской строительной техники остался открытым. Правильно указав разницу между конструкцией купола церкви Сергия и Вакха и конструкцией равеннского Сан-Витале, Вахтсмут тоже не сумел подчеркнуть решающего значения этой разницы при оценке полученных в Сан-Витале результатов [162].

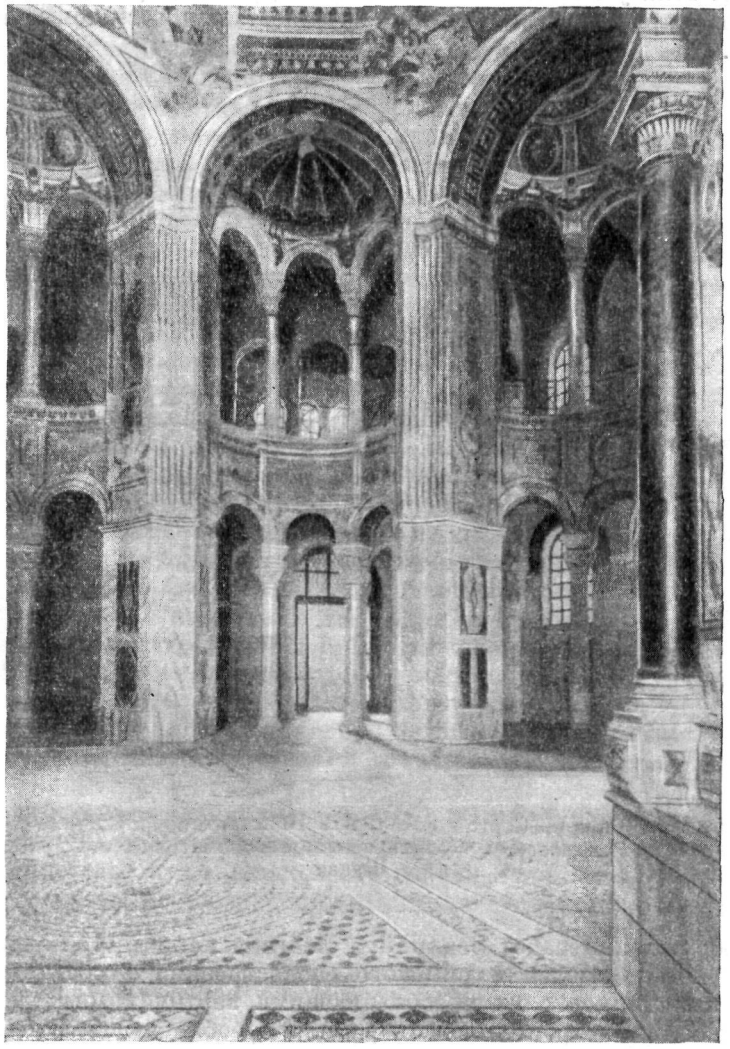


Рис. 17. Сан-Витале в Равенне. Первая пол. VI в. н. э. Интерьер. Фото (Бовини)

Примеры можно умножить. Даже при отсутствии прямых ошибок, вроде допущенных Зедлмайром, встречаются и в нашей литературе умолчания и неточности, позволяющие читателю делать произвольные заключения о причинах технического порядка, которые сделали возможными те или иные достижения и художественные особенности памятников.

[162] F. Wachtsmuth. Op. cit., S. 121.

А между тем многие особенности Сан-Витале, его отличия от примерно одновременной церкви Сергия и Вакха являются прямым следствием необычайной легкости его купола. Строители церкви Сергия и Вакха были связаны требованием минимальной высоты, которым раньше всего должны объясняться и наличие архитравов вместо арок в нижнем ярусе внутри экседр, и отсутствие барабана. Все эти особенности не могли содействовать улучшению интерьера и должны были неизбежно лишить его стройности; все это было сделано для того, чтобы «заработать» те 6 м, на которые высота церкви Сергия и Вакха меньше высоты Сан-Витале. Впечатление придавленности, загроможденности, которым обычно характеризуется интерьер Сергия и Вакха, является прямым следствием тяжести его купола не в каком-либо переносном, художественном смысле, а в прямом смысле этого слова — следствием кирпичной его конструкции, передающей на опоры также и вес свинцовой кровли.

В Сан-Витале же, центральный октогон которого почти не отличается от октогона церкви Сергия и Вакха по размерам поперечника и сходен с последним в отношении наличия восьми охватывающих арок, впечатление от подкупольного пространства могло быть неизмеримо расширено целым рядом архитектурных приемов (рис. 17). Купол высоко поднят над октогоном, причем переход от октогона к кругу осуществлен при помощи арок, срезающих углы октогона в зоне между арками больших экседр и кажущимися основанием купола [163].

Скрытые штукатуркой, эти арки не мешают созданию округлого невысокого барабана. Нижняя зона купола прорезана восемью большими двойными окнами, создающими впечатление светового венца и придающими верхней части октогона необыкновенную легкость.

Раскрытие стены колоннами несущими, а не декоративными, представляет собой достижение позднеримской архитектуры. Начиная с раннехристианских базилик и ротонды Санта-Костанца, колонны стали нести стену главного нефа, а потом также и полукупола экседр. В ряд таких памятников встает, вероятно, уже в конце IV в. миланский Сан-Лоренцо, а в VI в. равеннский Сан-Витале, константинопольские храмы Сергия и Вакха и Софии.

Отвечая обоим ярусам обходов, колонные экседры Сан-Витале воспринимали лишь незначительную часть нагрузки от купола, так как большая ее часть падает на мощные пилоны, производящие впечатление стройных из-за своеобразного планового начертания. Поэтому прозрачность заполнения экседр не ухудшила условий равновесия, а их колонны могли сохранить свою вертикальность. Эти благоприятные условия равновесия обеспечивались и обеспечиваются легкой конструкцией купола, почти или вовсе не дающего распора. Центральный октогон кажется нереальным, призрачным даже при отсутствии мозаичного декора.

По своему внешнему виду Сан-Витале продолжает позднеримскую традицию. Не только общие объемы, но еще и контрфорсы на углах, и более слабые пилястры в пространствах позволяют читать внутреннюю структуру здания. Большие кирпичные арки октогона, обрамляющие его двойные окна и придающие верхней части здания большую легкость, вошли в архитектуру общественных зданий на рубеже III—IV вв. Многоскатная крыша отличает Сан-Витале, как и соседний «мавзолей Плацидии», от зданий Римской империи и от византийских памятников, купол которых выявлялся во внешнем объеме здания: ни купола баптистерия Неона

---

[163] G. T. Rivoira. Op. cit., p. 267 и рис. 324

и Сан-Витале, сложенные из керамических трубок, ни легкий кирпичный куполок так называемого «мавзолея Плацидии» не могли бы существовать сколько-нибудь продолжительное время в открытом виде.

* *
*

Сопоставляя описанные памятники, мы видим в римском строительстве на протяжении многих веков борьбу различных технических течений. Господствующее направление — строить своды и особенно купола горизонтальными слоями и кольцами — не было единственным. В период наибольшего расцвета римского строительства появляется ряд конструкций, в основе которых лежит принцип несущего каркаса. Чрезвычайно интересные каркасные конструкции стали играть довольно значительную роль в том же IV в., когда начали сооружать целые конструкции из одних только керамических трубок.

Со временем в Италии победил принцип легких слоистых куполов, но на новом уровне техники: ведущей, по-видимому, стала конструкция из керамических трубок в горизонтальных кольцах, базирующаяся на традиционном принципе «ложного» купола в сочетании с североафриканскими конструкциями из трубок [164]. Представителями принципа «ложного» купола из нависающих колец являются как купол Пантеона, так и равеннский купол Сан-Витале.

В византийских памятниках VI в. воскресают некоторые формы римских покрытий: зонтичного купола (церковь Сергия и Вакха) и купола с несущими меридиональными ребрами (София), но не утопленными в массу купола, как раньше, а выступающими. Однако в отличие от древних легких куполов ранневизантийские памятники столицы следуют традиции тяжелых кирпичных куполов, общей для Малой Азии и Балкан. Поэтому церковь Сергия и Вакха оказалась приземистее Сан-Витале настолько, что самый их образ совершенно различен, несмотря на многие аналогичные и даже тождественные элементы. Легкий купол, следующий древнейшей традиции, но сконструированный из североафриканских трубок, позволил создать единственное в своем роде устремленное ввысь здание Сан-Витале, купол которого кажется парящим над ажурным венцом высоких экседр. Воспроизводимая аксонометрия Шуази наглядно свидетельствует о том, сколь принципиально различные памятники возникали из-за применения тех или иных местных материалов, тех или иных методов конструирования — даже в том случае, когда плановые размеры их одинаковы, а архитектоническая схема сходна.

---

[164] Сходные выводы сделаны, видимо, Бовини (G. B o v i n i. L'impiego dei bubi fittili nelle volte degli antichi edifici di culto ravennati. «Corsi de cultura sull'arte ravennate e bizant», 1959, vol. I, p. 27—43 (известно нам по заметке: F. W. D(e i c h m a n n), in: BZ, Bd. LII, 1959, S. 220).

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ И АРХИТЕКТУРЕ АПСАРСКОЙ КРЕПОСТИ

Апсар — одна из крупнейших римско-византийских военных баз в Восточном Причерноморье — часто упоминается в позднеантичных и раннесредневековых письменных источниках. Об Апсаре неоднократно идет речь в современной специальной литературе, где, однако, почти не сообщается никаких подробностей. Между тем хорошая сохранность апсарской крепости делает вполне возможной предварительную публикацию материалов по ее истории и архитектуре.

Прежде всего необходимо привести сведения древних письменных источников, которые могут помочь восстановить историю крепости. Из древних авторов об Апсаре больше всего говорится у византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. «За Афинами, — сообщает Прокопий, — лежит Архабис и старинный город Апсарус, который отстоит от Ризея приблизительно на три дня пути. В древности он назывался Апсиртом, получив название, одинаковое с именем человека, которого тут постигла кончина. Местные жители рассказывают, что по злому умыслу Медеи и Ясона погиб здесь Апсирт и что вследствие этого данное место получило такое название. Он в этом месте скончался, оно же в память о нем стало так называться. Но слишком много времени протекло от этого события до наших времен, бесчисленны были тут смены народов; время дало возможность явиться новому названию, укрепиться ему и стереть память о тех событиях, из-за которых получилось это имя, благодаря чему имя этого места могло начать звучать по-новому. И могила этого Апсирта была в восточной части этого города. В древности этот город был многолюдным, его окружала могучая стена, украшен он был театром и гипподромом и всем остальным, что обычно указывает на обширность и значение города. Теперь же от всего этого не осталось ничего, если не считать фундаментов зданий»[1]. В приведенных словах Прокопия наиболее полно отразилась распространенная в античной и раннесредневековой историографии версия о «старинном городе Апсирте»[2]. Однако самый факт популярности этой версии, возникшей, по-видимому, исключительно под влиянием знаменитого мифа об аргонавтах, еще не доказывает, что на месте Апсара существовал большой раннеантичный греческий город-колония типа Трапезунта, Фазиса, Диоскурии или Питиунта. Против

[1] Прокопий из Кесарии. Война с готами, кн. VIII. 2.11—14. Перевод с греческого С. П. Кондратьева. М., 1950.

[2] Древнейшим известным отголоском этой версии является, по-видимому, упоминание города Апсирта Артемидором Эфесским, жившим во II—I вв. до н. э. (SC. ВДИ, 1948, № 3, стр. 316).

этого говорят следующие соображения: а) такие осведомленные в топонимике и географии Восточного Причерноморья авторы, как Скилак Кариадский (IV в. до н. э.) и Страбон (I в. до н. э. — I, в. н. э.), называя все перечисленные выше города, совершенно не упоминают Апсирта или Апсара (Скилак называет только реку Апсар) [3]; б) у заслуживающего доверие Арриана (автор II в. н. э.) об Апсаре говорится как о «местечке», а не городе [4].

Древнейшим достоверным указанием на существование Апсара можно считать сообщение Гая Плиния Секунда, упомянувшего о крепости Апсар в своем законченном в 77 г. н. э. произведении [5]. Ф. И. Успенский полагал, что эта крепость была основана еще в I в. до н. э. римским полководцем Помпеем [6]. Однако римляне, по-видимому, не имели своих военных баз в Юго-Восточном и Восточном Причерноморье, вплоть до середины I в. н. э., иначе у них не было бы необходимости передавать непосредственную власть над завоеванной Колхидой своим вассалам — царям Полемоновского Понта, правившим здесь вплоть до 64 г. н. э. К указанному же времени так называемый Полемоновский Понт окончательно был аннексирован римлянами, и Колхида стала подчиняться им непосредственно [7], с чем и надо, вероятно, связывать основание римлянами первых крепостей в указанном районе. Таким образом, упоминание Плинием крепости в Апсаре (а также и в Себастополисе) было, вероятно, довольно свежей информацией об основании здесь римской военной базы и о постройке соответствующих оборонительных сооружений. Однако характер последних остается для нас неясным. В I в. н. э. здесь могло быть сооружено такое же временное первоначальное укрепление с земляными валами, рвом и деревянными башнями, о котором упоминает, например, Арриан при описании первоначальной римской крепости в Фазисе [8]; могла быть выстроена и крепость с каменными или кирпичными стенами.

После Плиния Апсар упоминается у Флавия Арриана, посетившего названный пункт в 134 г. н. э. и оставившего сообщение о том, что гарнизон крепости состоял из пяти когорт [9], т. е. из отряда в 1800—3000 воинов. Наличие такого большого числа солдат говорит о важном значении этой базы (в Фазисе, например, в это же время, по сообщениям того же Арриана, находилось только 400 воинов), а также о значительных размерах самой крепости. Прекрасной иллюстрацией к сведениям Арриана об Апсаре является найденная в Италии надпись, где говорится о Н. Марции Плетории Целлере — современнике императора Траяна (98—117 гг.), одно время исполнявшего обязанности командующего сторожевыми отрядами вспомогательных римских войск, расквартированных в Апсаре [10].

Апсар упоминается также и на древней карте, автором которой являлся римский географ IV в. н. э. Касторий, использовавший при ее составлении источники I—II вв. н. э. (карты Агриппы, Арриана, Птолемея). Характерно, что и здесь важное значение и большие размеры Апсара подчеркиваются его изображением в виде схематического рисунка крепости, в то время, как все остальные пункты на побережье Черного моря, распо-

[3] SC. ВДИ, 1947, № 2, стр. 242.
[4] SC. ВДИ, 1948, № 1, стр. 287.
[5] SC. ВДИ, 1949, № 2, стр. 288.
[6] Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха. «Известия имп. Академии наук», VI серия. Пг., 1917, стр. 166.
[7] М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 308—309; SC. ВДИ, 1947, № 4, стр. 217.
[8] SC. ВДИ, 1948, № 1, стр. 269.
[9] Там же, стр. 267.
[10] Л. А. Ельницкий. Из исторической географии древней Колхиды. ВДИ, 1938, № 2, стр. 310—311.

ложенные между Трапезунтом и Себастополисом, отмечены лишь надписями с их названиями [11].

Весьма интересно упоминание Апсара в греческом синаксаре, где рассказывается о мученике-христианине Орентии и о шести его братьях, присужденных к изгнанию за отказ отречься от христианства. Два брата Орентия по пути к месту ссылки скончались в Апсаре. Значение данного упоминания Апсара среди стоянок римских гарнизонов заключается в том, что описываемые события относятся ко времени правления императоров Диоклектиана и Максимиана, т. е. к рубежу III—IV вв.[12]

Для истории Апсара весьма важен еще один документ, в котором, в отличие от приведенных сообщений, интересующий нас пункт совсем не упоминается. Мы имеем в виду так называемую «Notitia dignitatum», составленную не позднее начала V в. В этом документе, содержащем список гражданских и военных должностей Римской империи, в числе других назван дука Армении, являвшийся начальником всех военных подразделений и гарнизонов, расквартированных как во внутренней Армении, так и в Полемоновском Понте, в состав которого по традиции входили в военно-административном отношении все военные базы империи, расположенные на Черноморском побережье Западной Грузии. Эти базы перечисляются в Notitia (Питиунт, Себастополис, Зиганей, Мохора, Трапезунт и т. д.), однако среди них, как сказано, не упоминаются Апсар и Фазис [13], и это обстоятельство косвенно указывает, по-видимому, на то, что к началу V в. в обоих названных пунктах уже не было римских гарнизонов.

Сообщения письменных источников VI в., имеющие отношение к истории Апсара, весьма противоречивы: с одной стороны, создается впечатление, что в указанном пункте вплоть до конца VI в. не существовало римской, (т. е. уже византийской) военной базы. По Прокопию, к тому времени в Апсаре «не осталось ничего, если не считать фундаментов зданий». С этим указанием вполне согласуется и следующее место у Прокопия, где он, перечисляя византийские военные базы в Восточном Причерноморье, не упоминает среди них Апсара: «... они (римляне. — *В. Л.*) выстроили два приморских укрепления, Севастополь и Питиунт, ... и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время... легионы римских войск занимали все местечки по побережью от Трапезунта до страны сагинов; теперь же у них оставались только эти два укрепления»[14]. Апсар не упоминается и в новелле Юстиниана [novella XXXI (XXVIII)], опубликованной между 534 и 565 гг., где перечисляются города и крепости Лазики и Полемоновского Понта, в состав которого, как уже говорилось, входили византийские военные базы Восточного Причерноморья [15]. Содержание интересующего нас места в указанной новелле таково: «В Полемоновский Понт входят пять следующих городов: Неокесария, Комана, Трапезунд, Керасунт и Полемонион (Питиунт же и Себастополис должны быть причислены скорее к крепостям, чем к городам)» [16].

---

[11] K. Miller. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916, стр. 636—638.

[12] Acta Sanctorum. Mens Jun., IV, p. 809. (цит. по И. Д. Мансветову — см. «Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета». М., 1882, стр. 65).

[13] С. Г. Каухчишвили. Георгика (сведения византийских писателей о Грузии), т. IV, вып. 2. Тбилиси, 1952, стр. 190—192 (на груз. яз.).

[14] Прокопий. Указ. соч., кн. VIII, 4. 4—5.

[15] Из византийских военных баз Восточного Причерноморья в «состав» Полемоновского Понта не входила только недавно основанная Петра, упоминаемая в этой же новелле в «составе» Лазики.

[16] С. Г. Каухчишвили. Указ. соч., т. II, 1934, стр. 198.

Данным источников, говорящих в пользу того, что в середине VI в. в Апсаре еще не было византийской военной базы, противоречит рассказ Агафия о заключении в апсарскую тюрьму Рустика и Иоанна —убийц лазского царя Губаза [17]. Наличие тюрьмы в Апсаре должно свидетельствовать по меньшей мере о том, что здесь уже имелась крепость. В своем рассказе Агафий называет Апсар городом, однако в действительности речь здесь может идти лишь о крепости, что подтверждается не только рассмотренными сведениями, но также и более поздним упоминанием интересующего нас пункта в так называемой «Пасхальной хронике» (написанной в 630—640-х годах), где он определяется, как ὅπου ἐστιν ἡ παρεμβολή [18], что означает всего-навсего пограничную крепость [19]. Значение упоминания Апсара в «Пасхальной хронике» заключается не только в точном его определении, не встречающемся со времен Плиния и Арриана, но так же и в том, что здесь вновь засвидетельствован факт существования в начале VII в. Апсара как византийской военной базы.

Существовала ли византийская военная база в Апсаре в середине VI в.? Можно было бы, казалось, предположить, что эта база была восстановлена византийцами после 554 г., до которого Прокопий Кесарийский доводит описание событий в «Войне с готами». Такому предположению, однако, противоречит следующее обстоятельство: если бы указанная база была восстановлена в 554—558 гг. (период, описанный Агафием), то об этом факте, несомненно, должен был сообщить Прокопий в другом своем произведении — «О постройках», написанном в 560 г. и специально посвященном строительной деятельности византийцев при Юстиниане [20]. Однако и здесь Прокопий ничего не говорит ни о сооружении, ни о восстановлении Апсарской крепости византийцами [21].

Приведенные здесь противоречащие друг другу данные об Апсаре не должны исключать высказанного предположения, что названный пункт был на какое-то время оставлен римлянами. И если даже в середине VI в. крепость в Апсаре была уже занята византийцами, то и тогда молчание Прокопия о ней, по-видимому, объясняется временным отсутствием здесь римлян (или византийцев). Только в этом случае надо будет уже говорить о том, что Прокопий, касаясь Апсара, исходил не из современных ему фактов, а из прошлой действительности.

Изложенные обстоятельства не позволяют точно определить, на какое время римско-византийская военная база в Апсаре была ликвидирована, однако отсутствие здесь римского гарнизона приходится приблизительно на период между IV и VI вв.

Источники ничего не говорят о причинах ликвидации военной базы в Апсаре. Можно предположить, что она была разгромлена северопричерноморскими племенами, опустошившими Восточное и Юго-Восточное

---

[17] А г а ф и й. О царствовании Юстиниана, кн. III, 14. Перевод М. В. Левченко. М.— Л., 1953.

[18] С. Г. К а у х ч и ш в и л и. Указ. соч., т. IV, вып. 1, 1941, стр. 10.

[19] Ф. И. У с п е н с к и й. Указ. соч., стр. 167.

[20] П р о к о п и й К е с а р и й с к и й. О постройках. Перевод С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4.

[21] В связи с изложенным, следует отметить, что Ф. И. Успенский отождествлял Апсар с крепостью Лосорион, о которой у Прокопия («О постройках», кн. III, 7) говорится, что она была выстроена Юстинианом в Лазике. При этом Ф. И. Успенский исходил из того, что название Λοσόριον должно представлять собой рукописное искажение настоящего Ἀψάριον (указ. соч., стр. 166). Однако с таким предположением нельзя согласиться, так как крепость Лосорион следует отождествлять скорее с крепостью Лисири ((Λύσιρις), упоминаемой в цитированной выше новелле Юстиниана.

Причерноморье на рубеже III и IV вв.[22] Не менее вероятно и то, что римская военная база в Апсаре была разгромлена и захвачена лазами или аннами, весьма активизировавшими свои действия против римлян в IV и V вв.[23]

Источники не сообщают и о том, что представлял собою Апсар в тот период, когда римляне здесь отсутствовали. Надо полагать, что овладевшее этим пунктом коренное грузинское население не занималось восстановлением расположенной на берегу моря крепости, которой вновь могли овладеть римляне или византийцы. В пользу такого предположения говорят данные о другом аналогичном пункте — Фазисе, находившемся уже в V в. в руках лазов. Судя по сообщениям Агафия, римская крепость в Фазисе не была восстановлена ими: в середине VI в. здесь были только деревянные оборонительные стены, находившиеся в весьма плачевном состоянии[24]. Несоответствие между важным экономическим значением Фазиса и состоянием его оборонительных сооружений особенно бросается в глаза, так как в то время у лазов имелись сильные каменные укрепления во внутренних районах страны[25].

О дальнейшей истории Апсара (в эпоху развитого и позднего феодализма) имеются сведения у древних грузинских авторов[26]. Так, например, писатель конца VIII в. Иоаннэ Сабанисдзе сообщает, что «местность Апсарея» является владением византийского императора[27]. О том, что Апсаром владели византийцы в X в., мы находим подтверждение у Константина Багрянородного, сообщающего нам о существовании в составе Византийской империи турмы Акампсис[28], наименование которой, несомненно, происходило от древнего названия протекающей здесь реки Чорох. На территории этой турмы и должен был находиться Апсар[29].

Апсар, расположенный в области, коренное население которой по своему происхождению было грузинским, оставался в составе Византийской, а затем Трапезундской империи вплоть до XIV в. Только с XII в., как полагает Ф. И. Успенский, у него появляется новое, существующее и ныне название Гонио или Гония[30]. С XIV в. Гонио принадлежал уже Грузии[31]. В XVI в. он был захвачен усилившимися к этому времени тур-

---

[22] Об этом нашествии нам сообщает Константин Багрянородный («Об управлении государством», гл. 53); см. С. Г. Каухчишвили. Указ. соч., т. IV, вып. 2, стр. 287—288.

[23] Об этом сообщают Приск Панийский в «Готской истории» (SC. ВДИ, 1948, № 4, стр. 262) и Иоанн Малала в «Хронографии» (С. Г. Каухчишвили. Указ. соч., т. III, стр. 262).

[24] Агафий. Указ. соч., кн. III, I, 21.

[25] См. A. M. Schneider. Archaeopolis (Nokalakewi). «Forschungen und Fortschritte», Bd. VIII, № 27. Berlin, 1931, (S. 354—355). Г. Каухчишвили. Указ. соч., т. III, стр. 301—320; В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви. СА, № 3, 1959, стр. 144—158; его же. Материалы по монументальному строительству в Лазике. «Вестник Гос. Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа», т. XXII, Б (печатается).

[26] История Апсара в эпоху развитого и позднего феодализма здесь подробно не рассматривается, так как сохранившаяся крепость почти не имеет отношения к указанным периодам.

[27] К. Кекелидзе. Раннефеодальная литература Грузии. Тбилиси, 1935, стр. 65—66 (на груз. яз.).

[28] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 46.

[29] Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 167.

[30] Там же.

[31] И. Джавахишвили. История грузинского народа, т. III. Тбилиси, 1941, стр. 179 (на груз. яз.).

ками и лишь в 1878 г. в результате русско-турецкой войны был передан Российской империи, в состав которой в это время входила Грузия [32].

Апсарская крепость находится в с. Гонио (Батумский район Аджарской АССР); она удалена от Батуми по берегу моря на 6—7 км. В 1 $^1/_2$ — 2 км к северу от нее находится дельта р. Чорохи, один из бывших рукавов которой, в настоящее время сильно заболоченный, впадал раньше в море возле самой крепости [33].

Выбор места для сооружения римской военной базы в Апсаре был обусловлен следующими обстоятельствами: во-первых, Апсар, как и все остальные римские базы в Западной Грузии, был расположен на берегу моря, что не позволяло боровшемуся против римского господства местному населению прервать связь крепости с центрами Римской империи; во-вторых, возле Апсара находилось устье р. Чорохи, представлявшее собой удобную стоянку для римских кораблей; в-третьих, возле Апсара к берегу моря вплотную подходили горы, и, таким образом, единственный удобный сухопутный путь из Западной Грузии в Полемоновский Понт контролировался крепостью. Апсар, кроме того, сторожил выходы к морю из двух ущелий — Чорохского и Аджарисцкальского, по которым, несомненно, так же как и сегодня, проходили в древности важнейшие пути, связывающие внутренние районы Юго-Западной Грузии с побережьем Черного моря. Высказывалось предположение, что наличие большого гарнизона в Апсаре во II в. н. э. было вызвано близостью границ владений Иберийского царства, отношения которого с Римской империей были в то время весьма натянутыми [34].

Перечисленные преимущества в местоположении Апсара как нельзя лучше способствовали выполнению последним основной функции римско-византийской военной базы — быть опорой и проводником римской, а затем византийской экспансии в Западном Закавказье [35].

Как уже говорилось, древняя крепость в с. Гонио сохранилась до наших дней. Она представляет собой в плане почти точный огромный прямоугольник размером 195×245 *м*, вытянутый с запада на восток, с восемнадцатью башнями и четырьмя воротами, из которых трое теперь заложены (рис. 1, 2). В настоящем виде крепость, заплывшая землею и возвышающаяся на 1—2 м, не является одновременным сооружением — в нем уже сейчас намечаются три строительных слоя (не считая разновременных ремонтов), причем отличить основные слои — первый и второй — друг от друга очень трудно, так как в обоих случаях приходится иметь дело с кладкой почти одного и того же типа. Границу между обоими указанными слоями памятника можно хорошо проследить лишь в куртинах, да и то только изнутри крепости. Прослеживаемая сегодня древнейшая ограда памятника (1-й строительный период) видна лишь местами в северной, восточной и особенно южной частях крепости (эти прослеживаемые участки древнейшей ограды отмечены на общем плане крепости). Толщина стен

---

[32] Впервые Апсар был локализован Фредериком Дюбуа де Монпере (F. D u b o i s d e M o n t p e r e u x. Voyage au Caucase. Atlas au I-e serie. Paris, 1843, табл. XIII).

[33] В. Д. Я ш в и л и. К истории Гонийской крепости. «Памятники грузинской материальной культуры в Аджарии». Батуми, 1955, стр. 5—27 (на груз. яз.).

[34] Г. А. М е л и к и ш в и л и. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 383.

[35] В связи с изложенным весьма характерно высказывание Прокопия Кесарийского о назначении римских военных баз в Восточном Причерноморье. Прокопий прямо говорит, что эти базы предназначались для «устрашения» коренного населения («Война с готами», кн. VIII, 4.4).

колебалась в пределах 2,3—3,1 м. Сохранившаяся высота стен достигает двух метров, иногда они исчезают под сегодняшним уровнем земли.

На описанной древнейшей стене надстроены части куртин 2-го строительного периода, которым главным образом и представлена сохранившаяся ограда крепости. Толщина стен этих частей равна 1,6 м. «Утоньшение» ограды крепости произошло только изнутри, благодаря чему внешняя плоскость стен 1-го и 2-го строительных периодов совпала, что затрудняет четко проследить границу между обоими периодами снаружи крепости, несмотря на то, что уровень почвы здесь гораздо ниже.

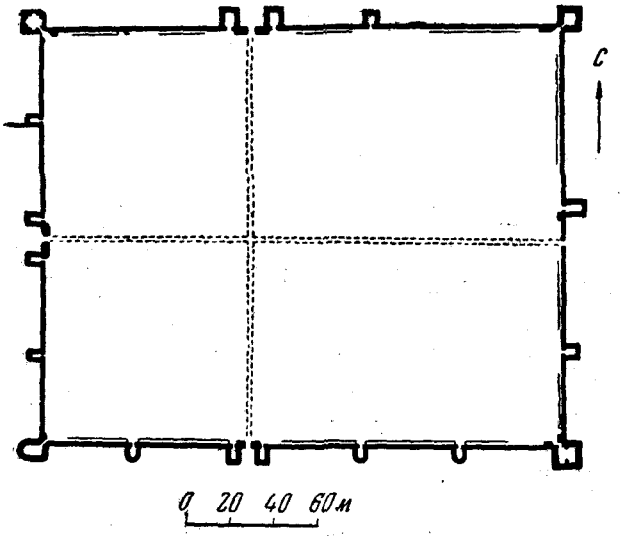


Рис. 1. Общий план Апсарской крепости

Кладка древнейших стен Апсарской крепости (1-й строительный период) представляет собой две внешние конструктивные облицовки, сложенные из ровных рядов квадров высотою в среднем в 0,7 м. Промежуток между этими облицовками заполнен бутовым камнем на известковом растворе. Большинство облицовочных квадров имеет хорошую обработку и правильные очертания только в наружной части, внутренние же части этих квадров бесформенно суживаются, благодаря чему строителями достигалась не только экономия труда, но также и более прочная связь облицовки с забутовкой [36].

Кладка стен 2-го строительного периода в основном мало отличается от описанной конструкции древнейших стен. Это объясняется исключительно тем, что мы имеем здесь дело со вторичным использованием квадров, оставшихся после разрушения первоначальной крепости. Лишь изредка 2-й строительный слой характеризуется неровностью рядов квадров вторичного использования, а также кладкой совершенно иного рода, представленной мелкими (15—20 × 15—30 см), весьма грубо обработанными квадрами, вставленными между рядами крупных блоков. Такая кладка наиболее широко применена в южных куртинах и башнях крепости.

[36] Кладка описанного типа встречается как в позднеантичных, так и в раннесредневековых сооружениях (см. О. Шуази. Строительное искусство древних римлян. М., 1938, стр. 16—23; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.— Л., 1959, стр. 67—124.

Апсарская крепость имеет восемнадцать вынесенных целиком наружу за ограду башен квадратной, прямоугольной и закругленной формы. Кладка этих башен перевязана с кладкой куртин, что говорит об одновременном сооружении (или восстановлении) тех и других. Большинство башен имеет два этажа. Деревянные несохранившиеся перекрытия между этажами держались на выступающих из стен внутрь башен каменных блоках-консолях (см. рис. 3, 6 и 8). Деревянное перекрытие верхнего этажа, опирающееся прямо на стены башен, являлось в то же время боевой площадкой, защищенной парапетом с зубцами. В парапете, кроме того, на уровне площадки имелось с каждой стороны по одному или по два отверстия для стока дождевой воды. Возможно, что в эти отверстия в древности были вставлены специальные сливы, отводящие стекающую воду от стен. Только две восточные угловые башни незначительно (на 1 м) возвышались над крепостной оградой; высота же всех остальных башен (до их надстройки стенами, относящимися к 3-му, позднесредневековому строительному периоду) совпадала с высотой ограды. Верхние этажи башен, отличающиеся небольшой высотой, световых и дверных проемов не имели, так что сообщение между этажами осуществлялось через люки. Входы и световые проемы имелись только в нижних этажах башен, причем подоконники у окон были сильно скошены внутрь; это указывает на то, что световые проемы не играли никакой боевой роли.

Самыми большими и интересными в Апсарской крепости являются угловые башни, разнообразный характер которых представляет собой, пожалуй, наиболее бросающуюся в глаза особенность памятника. Северо-восточная угловая башня (рис. 4), имеющая в плане квадратную форму, изнутри сильно переделана (превращена, например, в одноэтажную), но направленный по диагонали вход в нее целиком относится к 1-му строительному периоду, что подтверждается прослеживающейся здесь изнутри крепости древнейшей куртиной, примыкающей с одной стороны к дверному проему (рис. 5). Вход в эту башню состоит как бы из двух частей: его наружная высокая и широкая часть, перекрытая аркой, состоящей из семи клиньев, напоминает собой большую нишу, в центр которой входит внутренняя узкая и низкая часть входа, перекрытая маленькой аркой, сложенной из пяти клиньев [37]. У большой арки описываемого входа не сохранилось внешней части, в результате чего видимые снаружи клинья не совпадают с вертикальной плоскостью и образуют облом соответственно меньшей толщине восстановленной ограде Апсара. Несохранившиеся клинья этой арки могли выпасть при первом разрушении крепости или же их удалили сознательно, так как глубина древней арки не совпадала с более тонкой оградой второго строительного периода.

Северо-западная угловая башня (рис. 6) неправильной квадратной формы почти целиком относится к 1-му строительному периоду, за исключением переделанного входа. В каждой стене этой башни изнутри устроено по одной большой неперекрытой нише с окном посредине [38]. Вход в эту башню, ориентированный по диагонали, состоит как бы из трех частей. Наружная широкая и средняя расширяющиеся части входа перекрыты одной первоначальной аркой, состоящей из семи клиньев. Внешние клинья этой арки здесь также отсутствуют по указанным причинам.

[37] Аналогичное устройство входов имелось, по-видимому, и у всех угловых башен ранневизантийской африканской крепости в Тимгаде (см. S. G s e l l. Les monuments antiques de l'Algerie, t. II. Paris, 1901, рис. 162).

[38] Башни с аналогичными нишами известны нам только в эллинистических укреплениях Дура Эвропос. См. F. C u m o n t. Les fortifications de Doura Europos. «Syria», t. V (1). Paris, 1924, табл. X, рис. 2.

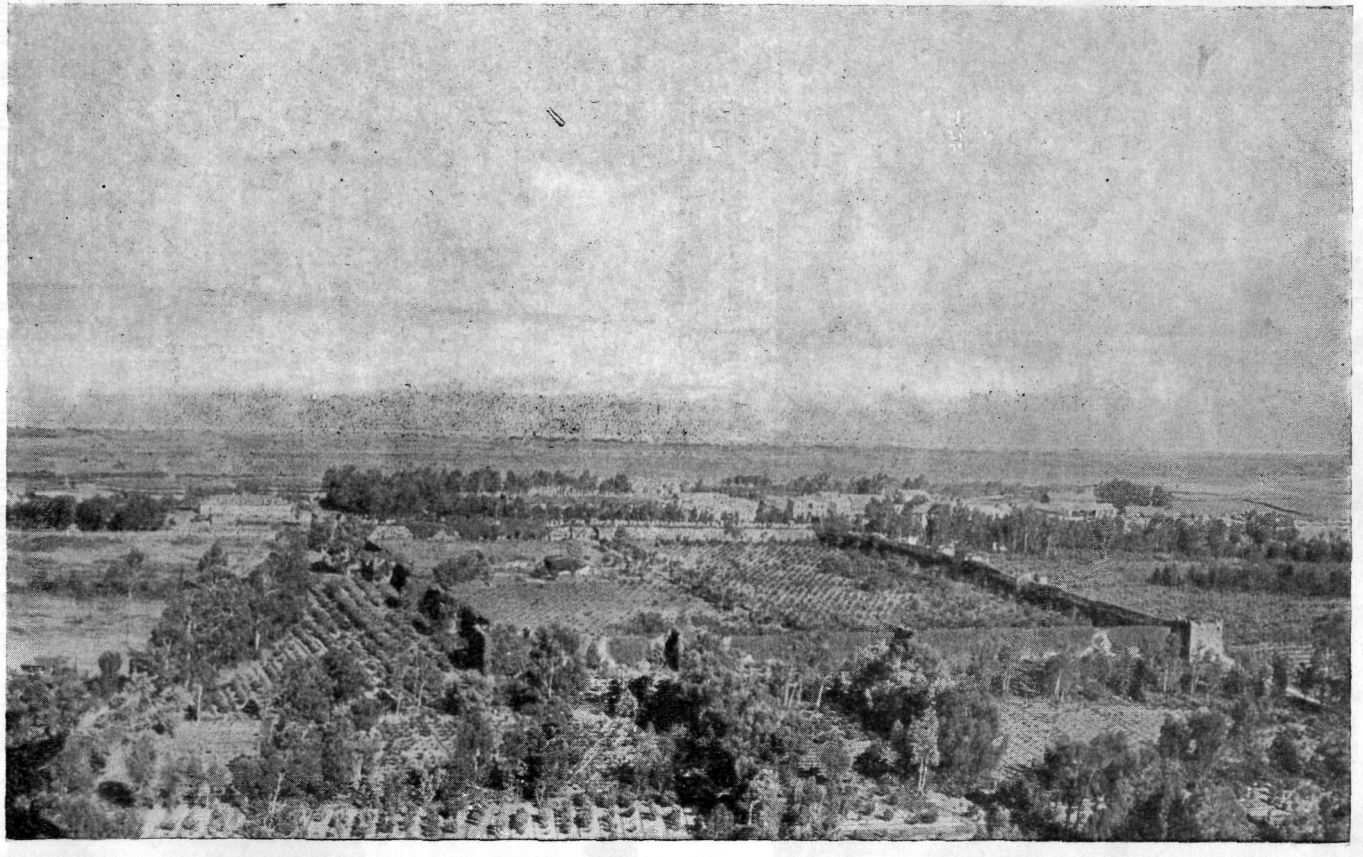


Рис. 2. Общий вид Апсарской крепости с юго-востока

Рис. 3. Вход и интерьер полукруглой башни

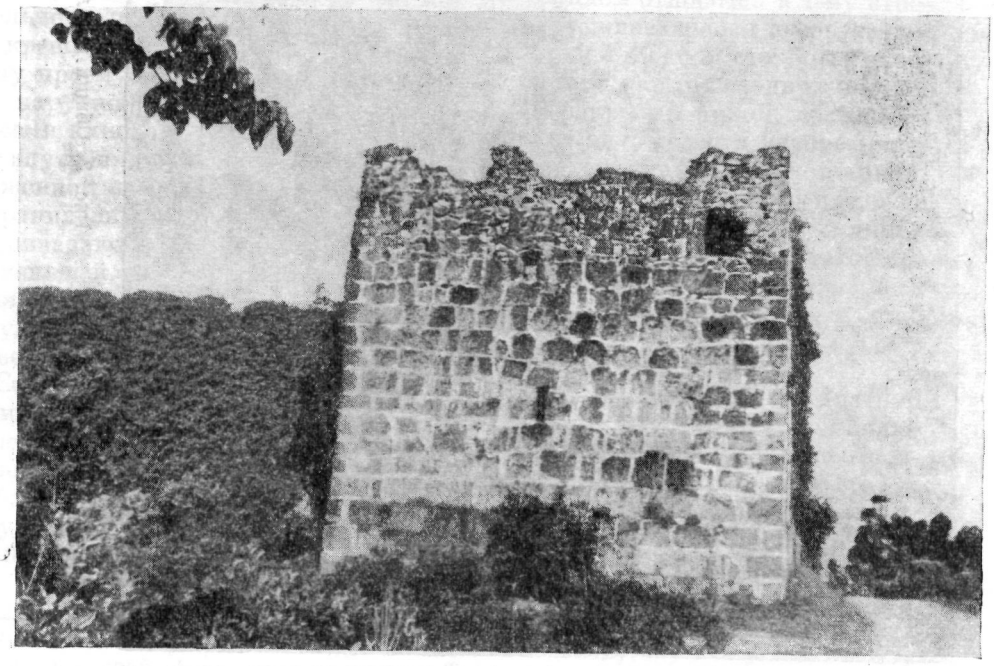


Рис. 4. Северо-восточная угловая башня

Во внутренней узкой части входа первоначальное перекрытие не сохранилось, но здесь, несомненно раньше была арка, также состоявшая из пяти клиньев. Возможно, что весь вход в эту башню первоначально был таким же, как и у северо-восточной башни, т. е. состоял только из двух частей.

Юго-западная закругленная двухэтажная угловая башня Апсара полностью сооружена во 2-м строительном периоде (рис. 7, слева). Она

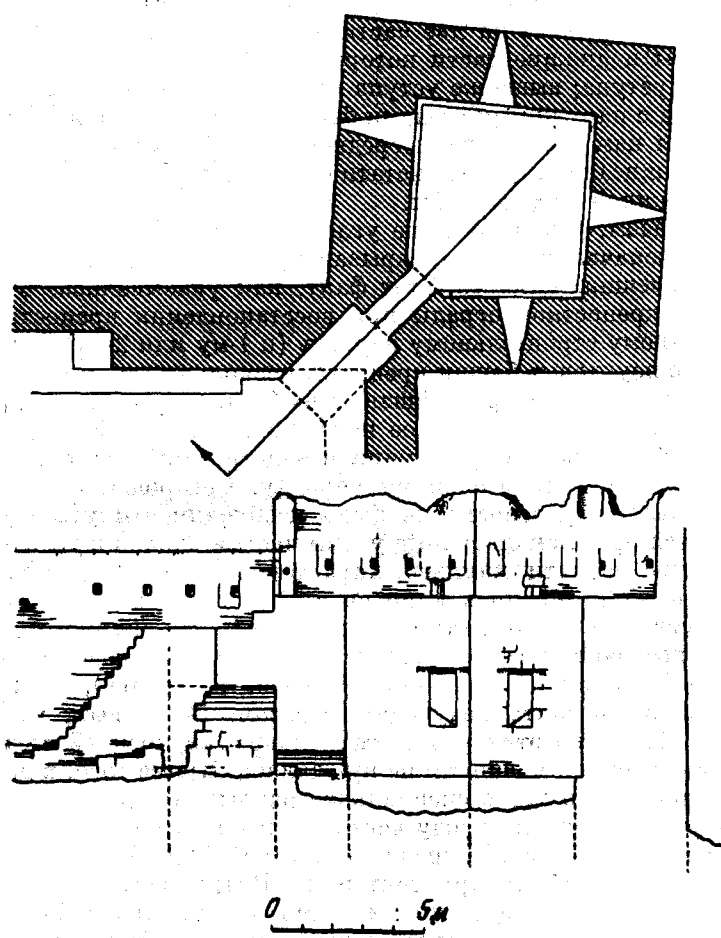


Рис. 5. План и разрез северо-восточной угловой башни

является единственной башней крепости, вход в которую перекрыт аркой, сложенной из плоского квадратного кирпича размером 33 × 3,5 см. Возле этой башни, так же, как и возле всех угловых башен крепости, в имеющемся здесь утолщении куртины устроена лестница, ведущая наверх.

Юго-восточная неправильная прямоугольная угловая башня крепости в отличие от других башен примыкает не к самому углу крепости, а как бы к одной из ее сторон (рис. 8). Благодаря этому вход в башню расположен не по диагонали, а параллельно одной из ее сторон. Вход этот, по-видимому, первоначальный; он также состоит из двух частей — широкой внешней, над которой расположена лестница, и узкой внутренней. Обе части перекрыты арками различной величины, однако в отличие от описанных башен, строители вынуждены были здесь расположить узкую часть

входа не в центре ниши, а на самом ее краю. Прямо против узкой части входа, перекрытой аркой из обычных пяти клиньев, снаружи к нише примыкает мощный выступ, связанный с 1-м строительным слоем. В трех метрах от него возле восточной куртины прерывается прослеживаемая здесь древнейшая стена, образующая, возможно, у угловой башни специальное размыкание, о котором подробнее мы скажем несколько ниже.

Весьма интересно внутреннее устройство описываемой башни: посредине она разделялась на две части почти обрушившейся большой аркой, пилястры и нижние части которой пристроены до уровня имеющегося в башне уступа; выше же уступа кладка арки и связанной с ней стены перевязана с наружными стенами башни. Угловые башни с такими арками известны нам лишь в раннесредневековых византийских крепостях Сирии [39], где описанная деталь, кстати сказать, весьма характерна и для церковной и жилой архитектуры.

Таким образом, у входов в две угловые башни Апсара явно устанавливается первоначальность перекрывавших их арок, что доказывается отсутствием внешних клиньев. Этот факт, как указывалось, был вызван утоньшением крепостной ограды при восстановлении крепости. Установить же, к какому строительному периоду (к 1-му или 2-му) относятся арки у входов в неугловые башни крепости, несколько труднее, так как возле каждой из этих башен древнейшая стена (там, конечно, где она прослеживается) резко утоньшается и ее первоначальная толщина здесь почти совпадает с одинаковой везде толщиной надстроенных частей ограды, относящихся ко 2-му строительному периоду. Совершенно очевидно, что при восстановлении крепости не было необходимости утоньшать здесь сохранившиеся арки, аналогичные узким частям входов в угловые башни, т. е. состоящие из пяти клиньев, характерных для 1-го строительного периода. Однако те же пять клиньев имеются и у явно перестроенных входов в неугловые башни, так что здесь имело, по-видимому, место вторичное использование клиньев. Что же касается утоньшения древнейшей стены возле башен в пределах 3—4 м [40] (рис. 7, справа), то это обстоятельство можно объяснить следующим образом. Во-первых, утоньшенная древнейшая ограда на этих участках являлась внутренней стеной башни и поэтому в особенной мощности не нуждалась. Кроме того, в данном случае, возможно, имело место специальное размыкание древнейшей ограды с целью нарушения связи между частями крепости в случае захвата противником отдельных частей укрепления. Такой фортификационный прием ярко описан римским архитектором Витрувием, рекомендующим строителям крепостей следующее: «Прямо против низов башен следует производить размыкание стены на интервалы такой величины, какой будут башни, так, чтобы при этом переходы... делались дощатые и не скрепленные железными скрепами. Это на тот случай, чтобы, если враг займет какую-нибудь часть стены, защитники могли разрушить сообщение по стене, и если они справятся с этим делом быстро, то они не допустят, чтобы враг проник в остальные части... укрепления, разве только он захочет стремглав полететь вниз головой» [41].

---

[39] H. C. Butler. Ancient architecture in Syria. Div. II, sect. A, part. 2. Leiden, 1909, рис. 55, 61.

[40] Утоньшение оборонительных стен возле башен особенно хорошо прослеживается в римских (однослойных) крепостях (см. R. E. Brünnow und A. v. Domaszewski. Die Provincia Arabia. Bd. I—III. Strassburg, 1904—1909. Bd. I., табл. XXII, рис. 509, 511, 513, 514—517; Bd. II, табл. XLXI, рис. 589; Bd. III., табл. LIII.

[41] Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, книга первая, V. 4.

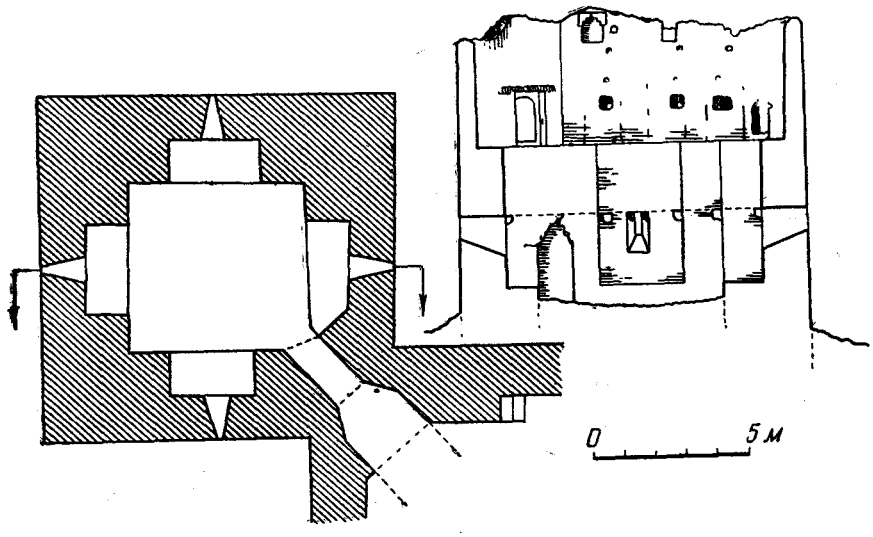


Рис. 6. План и разрез северо-западной угловой башни

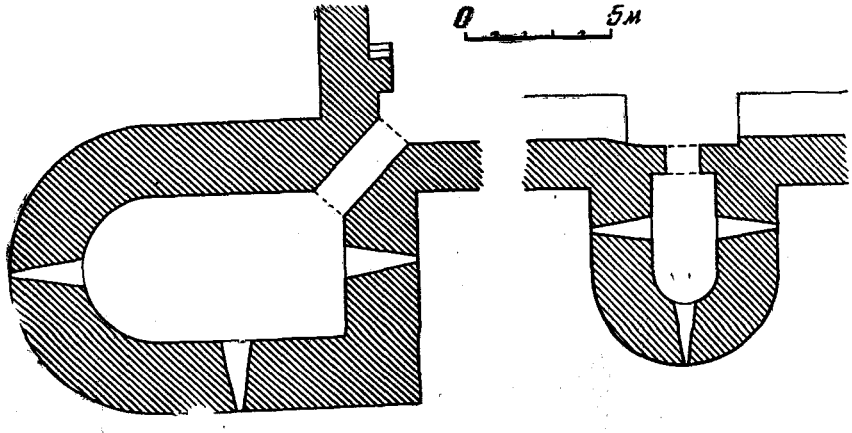


Рис. 7. Планы закругленных башен Ансара

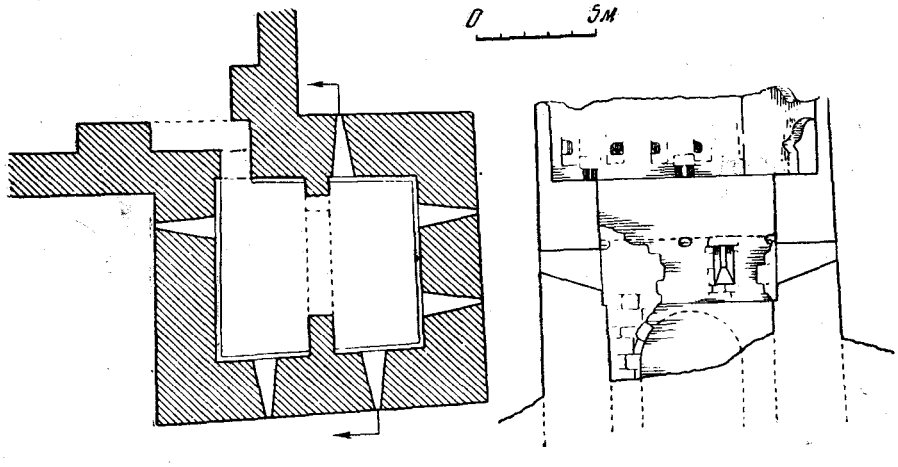


Рис. 8. План и разрез юго-восточной угловой башни

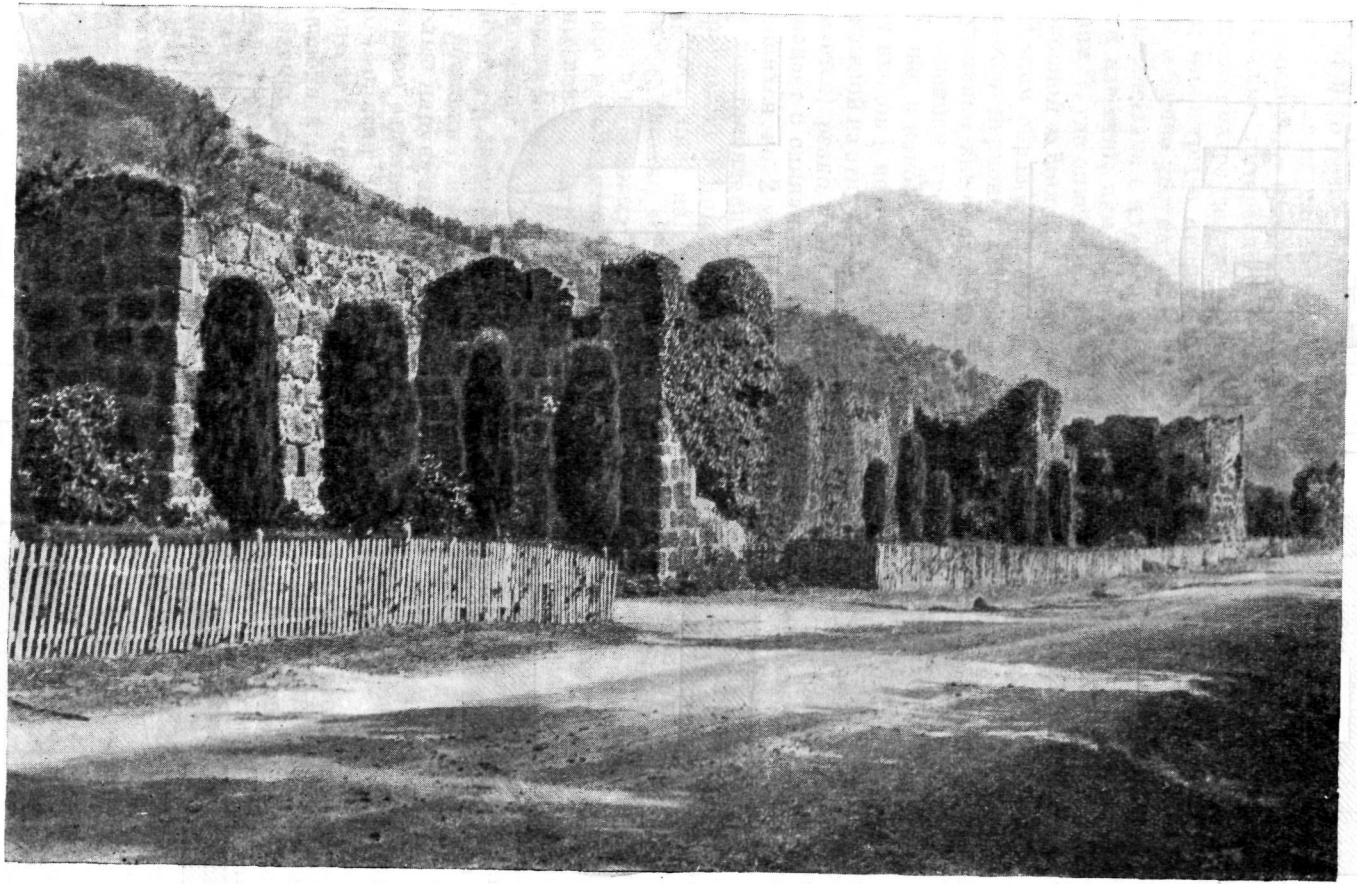


Рис. 9. Четыре западные башни Апсарской крепости

Рис. 10. Западные ворота крепости (вид изнутри)

Ограда 2-го строительного периода не имеет размыканий возле башен; она лишь незначительно утоньшается изнутри или снаружи, что нисколько не препятствует движению по боевой тропе, так как внутренние стены восстановленных башен, одинаковые по высоте с куртинами, были лишены парапета с зубцами.

Как говорилось, в крепости было четверо ворот — соответственно сторонам крепости. Прием расположения этих ворот является характерным лишь для прямоугольных в плане римских крепостей — кастелл [42], которые устраивались по типу римских походных военных лагерей, подробно описанных Плинием и Гигином. Ворота эти, расположенные друг против друга, намечали в кастеллах (и в лагерях) две основные взаимно пересекающиеся улицы, одна из которых — поперечная, главная (via principalis) — должна была делить (по Гигину) укрепление на две неравные части. Вторая же, продольная улица — via praetoria — делила укрепления на равные части.

Фронт крепости, определяемый на основании расположения главной улицы и большего числа башен, был обращен к западу, т. е. к морю [43], являвшемуся в данном случае тылом, куда можно было отступать в случае опасности и откуда могла подойти подмога. Однако указанная ориентировка Апсарской крепости, возможно, обусловлена тем, что крепость должна была сторожить проходящую и ныне к западу от нее дорогу (рис. 9).

Единственные незаложенные западные ворота Апсара (porta praetoria) устроены следующим образом: снаружи они фланкировались с обеих сторон двумя прямоугольными в плане башнями (рис. 11). Изнутри расположенный между этими башнями участок стены с устроенным посредине проемом ворот имеет прямоугольное утолщение, с одной стороны которого устроена лестница, ведущая на верх стены (рис. 10). Утолщение это, судя по кладке, несомненно, относится ко 2-му строительному периоду и может быть датировано на основании наличия такого утолщения, которое вместе с фланкирующими башнями у крепостных ворот является, кажется, характерным только для укреплений раннесредневекового времени [44]. Само же перекрытие описываемых ворот, явно носящее следы ремонта, состоит как бы из трех частей. Наружная часть ворот, прикрывавшая щели между стеной и краями створок ворот, перекрыта аркой. Затем следует часть проема, перекрытая архитравом, поддерживаемым несохранившейся деревянной балкой, для которой по бокам в стенах были сделаны сохранившиеся и сейчас отверстия. Под этой частью перекрытия были расположены створки ворот (в закрытом состоянии). Основная внутренняя наиболее высокая часть ворот также была перекрыта аркой. Сразу за полотнищами створок по бокам в стенах ворот имеются два расположенных друг против друга отверстия различной глубины. В глубокое отверстие вдвигался обычный засов, запиравший ворота, неглубокое же отверстие являлось только упором засова [45]. Снаружи в кладке, прямо над во-

---

[42] S. G s e l l. Op. cit., t. I, рис. 22; G. M a c d o n a l d. Forschungen im römischen Britannien 1914—1928. «Römisch-germanische Kommission. 19. Bericht, 1929». Frankfurt am M., 1930, рис. 4, 6, 48; S. T o y. A history of fortification from 3000 B. C. to A. D. 1700. London, 1955, p. 47.

[43] Апсарская крепость в настоящее время удалена от моря на 200—300 м.

[44] См. R. E. B r ü n n o w und A. v. D o m a s z e w s k i. Op. cit., Bd. II, рис. 695; Д. Ц о н ч е в. Хисарските бани. «Годишник на пловдивската народна библиотека и музей 1935—1936». София, 1937, рис. 12; «Historia», vol. I. Bucureşti, 1954, табл. XXXI.

[45] Древнейший засов подобного типа был зафиксирован, по-видимому, еще в оборонительных сооружениях конца II тысячелетия до н. э. в Тиринфе (см. J. D u r m. Die Baukunst der Griechen. Leipzig, 1910, рис. 21).

ротами, видно гнездо от извлеченной некогда отсюда плиты, содержавшей, вероятно, надпись и, возможно, изображение креста или какого-либо святого. Остальные ворота Апсарской крепости были в основном аналогичны описанным воротам, отличаясь от последних лишь следующими деталями: над северными воротами сохранились остатки машикули [46], а восточные ворота фланкировались только одной башней, расположенной, согласно фортификационным правилам, по правую сторону от ворот (правая сторона у нападающих не была защищена щитом).

Кроме описанных ворот, северная стена крепости имела также два ныне замурованных входа (шириною в 1,4 м), неясного для нас назначения — они расположены в 5 м друг от друга. Эти два входа интересны тем, что в отличие от всех других входов Апсарской крепости они перекрыты сквозными люнетами, весьма часто встречающимися в крепостном строительстве — как позднеантичного, так и раннесредневекового времени [47]. Следует отметить также, что прослеживающаяся возле этих входов древнейшая стена имеет здесь описанные «размыкания».

Стены апсарской крепости имели зубцы (рис. 12), сохранившиеся в некоторых местах у башен и у куртин благодаря тому, что над ними были сооружены позднее надстроенные стены 3-го (позднесредневекового), строительного периода, характеризуемого ружейными бойницами, а также каминами и нишами стрельчатых очертаний. Зубцы эти относятся ко 2-му строительному периоду.

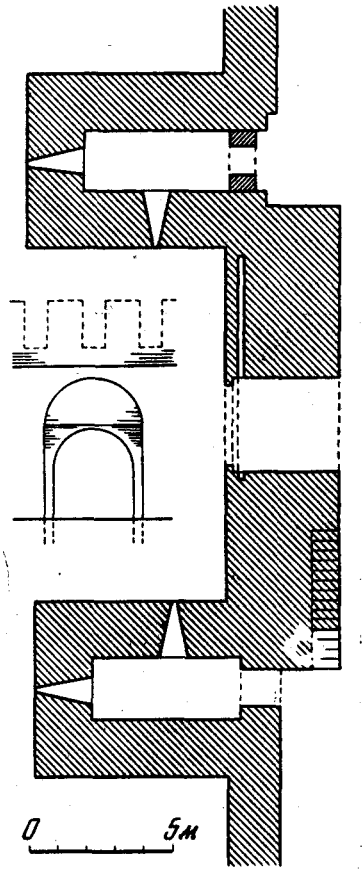


Рис. 11. Устройство западных ворот Апсарской крепости (план и вид изнутри)

Датировка крепости осложняется следующими обстоятельствами: во-первых, крепость пока не подвергалась археологическим раскопкам, которые могли бы дать наиболее обстоятельные данные о времени ее сооружения и восстановления; во-вторых, позднеантичные римские кастеллы бывают очень похожи на раннесредневековые византийские крепости; в-третьих, Апсарская крепость представляет собой в основном двухслойный строительный памятник, в котором трудно отличить 1-й строительный ярус кладки от 2-го.

Уже говорилось, что римская крепость с каменными или кирпичными стенами могла быть сооружена в Апсаре в I или во II в. н. э., однако мы не нашли ничего, относящегося к указанному времени в сохранившихся стенах Апсара.

Время сооружения тех частей крепости, которые были отнесены здесь к 1-му строительному периоду, приходится, по-видимому, на III—V вв.

[46] Аналогичная машикуль известна над раннесредневековыми воротами Константинополя (см. H. L i e t z m a n. Die Landmauer von Konstantinopel. «Abhandl. der preuss. Akad. der. Wiss. Phil.-hist. Klasse», 1929, рис. 12).

[47] R. E. B r ü n n o w und A. v. D o m a s z e w s k i. Op. cit., Bd. I, рис. 45; Bd. II, рис. 623, 636, 680; Ch. D i e h l. L'Afrique byzantine. Paris, 1896, рис. 15, 18.

Предположение это основывается главным образом на сходстве кладки этого периода с кладкой древнейших оборонительных сооружений другого западногрузинского укрепления — Археополиса-Нокалакеви, датируемого примерно этим же периодом на основании проведенных там раскопок [48], а также на основании точного описания Прокопием Кесарийским в начале VI в. хорошо сохранившихся нокалакеевских оборонительных стен 2-го строительного периода, сооруженных местами над упомянутыми древнейшими сооружениями [49]. Сходство последних с 1-м строительным периодом Апсара заключается в близости конструкции стен, а также главным образом в совершенно одинаковом характере арок, перекрывавших входы в башни и калитки. Арки эти в Нокалакеви, так же как в Апсарской крепости, состоят, как правило, из пяти клиньев [50].

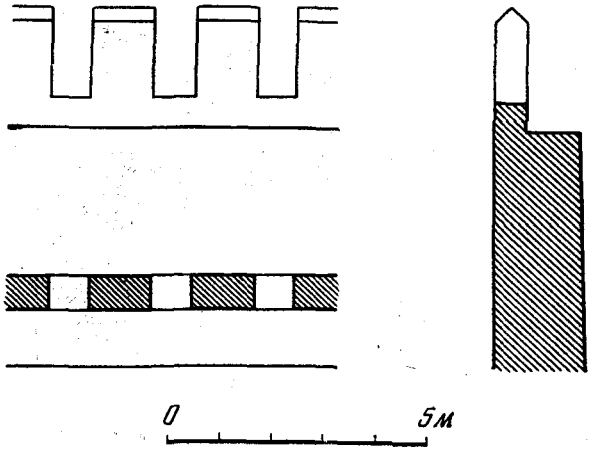


Рис. 12. Зубцы Апсарской крепости

Разрушение первоначальной крепости в 1-й строительный период связано, вероятно, с ликвидацией здесь римской военной базы.

В VI или начале VII в. Апсаром, как говорилось, овладели византийцы; они восстановили здесь разрушенную крепость, развалины которой были, возможно, приняты Прокопием Кесарийским за остатки «старинного города Апсирта». Восстановленные части памятника составили 2-й строительный ярус, которым и представлена в основном существующая ныне крепость. Крупные квадры кладки и клинья арок 2-го строительного периода послужили материалом вторичного использования, из которого нельзя исходить при определении времени восстановления крепости. При датировке 2-го строительного периода крепости особенно важны мелкие грубо обработанные квадры, а также кирпичи, из которых сложена арка входа в юго-западную угловую башню. Этот строительный материал весьма близок к квадрам и кирпичам в лазских постройках, упоминаемых Прокопием Кесарийским: оборонительные сооружения Археополиса-Нокалакеви (2-й строительный слой), Сарапаниса-Шоропани и Сканды [51].

---

[48] A. M. Schneider. Op. cit., S. 354—355.

[49] Прокопий. Война с готами, кн. VIII, 14.3; В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике.

[50] В. А. Леквинадзе. О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Нокалакеви, рис. 2, 3.

[51] В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике.

Т. А. ИЗМАЙЛОВА

АРМЯНСКАЯ РУКОПИСЬ, НАПИСАННАЯ В ГЕНУЕ В 1325 г., И ЕЕ СЕРЕБРЯНЫЙ ОКЛАД 1347 г.

Рукопись Государственного Эрмитажа УЗ-834 принесена в дар Эрмитажу в 1940 г. Армянской ССР, где она хранилась в Картинной галерее Армении под № 94.

Рукопись представляет собой четвероевангелие (размер — 26 ×18 см), написанное на пергамене в Генуе в 1325 г. Писец Аствацатур. Текст исполнен угловатым болорогиром (что, по словам Гарегина Овсепяна, указывает, возможно, на латинское влияние [1]), в два столбца, темно-коричневыми чернилами. 27 тетрадей, из которых состоит рукопись, сшиты по шесть листов (секстион), в соответствии с западноевропейской традицией. Нумерация по тетрадям — армянскими буквами в их цифровом значении. Евангелие имеет серебряный позолоченный оклад чеканной работы (размер — 26 × 19 см), обе доски которого прикреплены к кожаному переплету [2]. Кожаный клапан закрывает обрез. Сохранность рукописи в целом очень хорошая, на окладе же края местами отломаны. Евангелие иллюстрировано; оно имеет десять хоранов, четыре заглавных листа, маргиналы и буквы. В рукописи два хишатакарана: один (от 1325 г.) принадлежит писцу, второй — лицу, купившему евангелие в 1384 г. На досках оклада помещена дарственная надпись и надпись мастера, сделавшего его в 1347 г.

Хишатакараны. На листах 93б, 94а и б находится первоначальная, весьма распространенная запись писца. В ней говорится о некоем блаженном старце Антонии, происходившем из Новой Кесарии (Малая Азия) и отличавшемся святой жизнью. Этот Антоний пошел в Иерусалим поклониться святыням, а оттуда, как сказано в тексте, в страну франков — в Великий Рим, главу страны, к святым апостолам Петру и Павлу (*եկն ի յաշխարհս ֆռանկաց ի մեծն հռոմի գլուխաշխարհաց առ սր առաքեալսն պետրոս եւ պաւղոս*). «Там, — говорит писец, —увидел он нас,

[1] Г. Овсепян. Страницы из истории армянского искусства и ремесла. Алеппо, 1930, стр. 37 (на арм. яз.).

[2] Там же, стр. 36—46, рис. 12—13. Работа Г. Овсепяна представляет собой небольшую брошюру, в которой опубликованы армянские (главным образом серебряные) оклады, в том числе и оклад интересующей нас рукописи. Автором изданы надписи этого оклада и основные данные хишатакарана рукописи, подробно описаны изображения, помещенные на окладе. Ценные указания на иконографические особенности последних отмечены в нашем тексте ссылками. Оклад упомянут также в кн.: В. Абрамян. Ремесла в Армении IV—XVIII вв. Ереван, 1956, стр. 108 (на арм. яз.).

занятых делом (очевидно, переписыванием священных книг), возжелал быть соучастником воздаяния за него и принял нас с братской любовью. Он приготовил все материалы, и мы с божией милостью закончили (имеется в виду рукопись)» (*եւ տեսեալ զմեզ արկել ձեռի սերկեան գործս. եւ սա ցանկացաւ հաղորդիլ վարձուց սորին եւ մեր եղբարական* (sic!) *սիրոյ կապակցութիւք ընկալեալ. իսկ սա պատրաստել զամենայն նիւթս եւ մեր ի յանկհանել ան ողորմութիւք կատարեցաք*). Далее следует поминовение многочисленных родных и близких, заканчивающееся просьбой помянуть также святого старца Тороса и священника Мартироса, которые много потрудились в предоставлении дома (?) и в переплетении, и вообще всех, кто потрудился (*որ բազում աշխատեցաւ ի տունսատն եւ ի կապելն եւ որ աշխատելոցս*). Затем следуют слова: «Итак дал это в ... (*արդ կուտամ զսա ի....*), после чего три с половиной строки, где указывалось место, куда было вложено евангелие, уничтожены, может быть, для того, чтобы отвратить от себя кару, так как этот абзац хишатакарана заканчивается словами: «Кто вздумает отнять, или украсть, или продать святое евангелие, тому судьей будет оно само» (*իսկ որ խորել չանա կամ գողանայ եւ կամ ձեռն տալ ծախելոյ նա նոյն ինքնս այս սրբ աւետարանս իր դատախազ լինի*).

В конце хишатакаран содержит сведения о месте написания евангелия. «Опять — говорит писец, склонив лицо к земле, умоляю вас я, Аствацатур, который эту книгу написал, ибо много потрудился при писании и расцвечивании, так как не был умел в искусстве и старался столько, сколько было сил, но знайте, что в те дни писал, в которые совершал обедню. Итак, написал это в стране франков, в городе Генуе, под покровом святого апостола Варфоломея, в году армянском 774(774 + 551 = 1325) и в году Иисуса Христа нашего 13 и 24, и ему слава. Аминь»

(*Յարձեալ երեսի գեփին եղեալ աղաչեմ զձեզ ես ածատուրս որ զգիրքս գրեցի զի բազում աշխատեցայ ի գրելն եւ ի ծաղկելն զի չեի հմուտ արհեստի եւ չանիւ այսչափ ինչ եղեւ բայց գիտասջիք որ ի յայն աւրն եմ գրել որ պատարագ եմ երել.*

Արդ գրեցաւ սա ի յաշխարհս ֆռանկաց ի քաղաքս ճէն ընդ հովանեաւ սրբ առաքելոյն Բարդողիմէոսի ի թվ հայոց չ̃ղ եւ ի ժամս քի այ մերոյ ոյ եւ ի իդ եւ նմա փառք. ամէն).

Где-то у писца в датировку вкралась ошибка, что привело к расхождению даты по армянскому и христианскому летоисчислению. Возможно, что в первом случае последняя буква должна была быть с числовым значением 2, а не 3, но это существенно не меняет дела.

Второй получатель генуэзского евангелия — священник Саргис — купил его в 1384 г. на собственные средства (за 500 дахеканов) в память о многочисленных родственниках, живых и умерших, которые тут же упоминаются. Эта покупка засвидетельствована Мангасаром, Ванканом, Джанджаном и всеми малыми и великими священниками Тмока и всеми танутерами. Происходит это в царствование грузинского царя Баграта V (1360—1396) и его сына Георгия VII (1393—1407), в княжение парона Акбуги. Отсюда ясно, что в то время евангелие находилось в восточных областях самой Армении, куда оно попало значительно раньше, на что указывает дарственная надпись на окладе.

Надпись на верхней доске оклада расположена по его краям. Верхняя полоса надписи и часть полосы слева отсутствуют, так как здесь недостает кусков оклада. В сохранившейся дефектной надписи читаем: «.....ама(быть может, сын Вахрама.—*Т. И.*), сына Манкасара и Асланхатуны,

я, Джаджур, и сын мой Амир Смбат дали евангелие святому причту Хоромос, кто прочтет, помяните» [3].

На нижней доске оклада надписи расположены не только по краям, но частично и на его поверхности. Надпись, помещенная по краю, дефектна, так как не достает куска оклада с правой стороны. Сохранился следующий текст: наверху, между евангелистами Матфеем и Марком,— «Степанос»; внизу, между евангелистами Лукой и Иоанном,— «.... гис» (быть может, Саргис); следующее слово, с переходом его на левый край, возможно, следует прочесть как «монах» [4], и далее, по левому краю,— «помяните в молитвах, умоляем». Внизу, на поверхности оклада,— «грешного позолотчика Григора помяните», и наверху дата — 796 (796 + 551 = 1347).

Трудно сказать, кому принадлежат имена Степаноса и Саргиса, из надписи на нижней доске оклада. Вероятнее всего, на верхней доске были поименованы вкладчики, здесь же духовные лица, имевшие в то время отношение к знаменитому монастырю Хоромос, расположенному в Шираке, недалеко от Ани. Монастырь этот был основан уже в X в. при Аббасе Багратиде армянскими монахами, изгнанными из Византии императором Романом за нежелание принять халкедонитское вероисповедание.

Оклад следует считать работой мастера Григора, который просит помянуть себя в надписи, помещенной внизу на нижней доске. Остальные надписи оклада имеют пояснительный характер. На верхней доске, над фигурой богоматери — «Мариам»; над вторым предстоящим — «Иоанн». На нижней крышке слева — «Мариам, святая богородица»; справа — «Иисус Христос, сын господа бога». Около евангелистов — «Матеос», «Мар(к)о(с)», «Лукас», «Оханнес».

Художественное оформление рукописи. Итальянское происхождение армянской рукописи — явление, исторически легко объяснимое. Итальянские города были тесно связаны с Киликийским государством торговыми отношениями. Уже в XIII в. киликийские армяне селились в Италии, что подтверждается наличием армянских храмов в Риме, Флоренции, Перуджии, Орвието, Милане. Строительство армянских церквей усиливается в XIV в., известны церкви в Ливорно, Лукке, Пизе и других городах Италии [5]. Не удивительно, если при этих церквах существовали и скриптории. Написанная в Генуе на армянском языке писцом-армянином по заказу духовного лица, выходца из Кесарии, вероятнее всего, также армянина, рукопись сохраняет армянскую традицию и в художественном оформлении.

Истоки орнаментации генуэзской рукописи следует искать в киликийской школе миниатюры. Речь идет не о прямом копировании, учитывая обычную для армянского мастера свободу интерпретации образца, а о том значении, которое достижения киликийской живописи имели для армянской миниатюры в целом с XIV по XVII в.

В генуэзской рукописи нашли свое продолжение и развитие приемы графического убранства рукописей, которые уже с середины XIII в. начинают занимать все большее место в творчестве киликийских мастеров. В XIV в. они широко применяются не только в киликийской, но и в тесно связанной с ней Гладзорской школе (Восточная Армения), с которой интересующая нас рукопись в своей орнаментации имеет также определенные точки соприкосновения.

---

[3] Г. Овсепян. Указ. соч., стр. 37—42. От последнего слова надписи на верхней доске оклада в настоящее время сохранилась лишь первая буква.

[4] ԴրՆ(ուչ)որ.

[5] А. Н. Свирин. Миниатюра древней Армении. М.—Л., 1939, стр. 101.

Остановимся в первую очередь на своеобразных по своему типу, скромно украшенных хоранах генуэзского евангелия. Верхняя прямоугольная полочка покоится, как правило, на трех тонких колонках; в хоранах с письмом Евсевия к Карпиану — на двух, во второй паре хоранов — на одной (в центре листа). Парные хораны имеют одинаковое убранство. Узкая полочка в венчании хоранов не характерна для армянских рукописей, так же как не типична и использованная здесь красочная гамма, в которой сочетаются коричневый, желтый, зеленый цвет и белый фон пергамена. Довольно близкую аналогию представляют лишь прямоугольные полочки, встречающиеся с XIII в. в киликийских и гладзорских рукописях, преимущественно библиях, в начале глав. Возможно, что с ними следует связывать формирование типа хоранов, характерного для генуэзского евангелия, еще и потому, что они не имеют по верху столь традиционных для армянской миниатюрной живописи украшений как птицы, животные, растения, вазы и т. п.

Приведем в качестве примера довольно близкую ко второй паре хоранов (л. 2б, 3а) (рис. 2) Генуэзской рукописи не только по форме, но отчасти и по типу орнаментального заполнения полочку-заставку библии, написанной в Гладзоре в 1314 г. и украшенной в 1358 г. (Научно-исследовательский институт древних рукописей — Матенадаран — Арм. ССР[6], № 6230, л. 115а) (рис. 3), т. е. уже несколько позже нашей рукописи. Думаю, что этот прием был типичен и для XIV в. в целом. Существенным является не идентичность, а общность характера и стиля этих заставок. Близость орнаментальных мотивов, использованных в хоранах генуэзского евангелия, к убранству киликийских и гладзорских рукописей легко подтверждается рядом аналогий. Так, в четвертой паре хоранов (л. 4б, 5а) (рис. 4) встречаются те же элементы, которые можно видеть, например, в заставке Гладзорской библии 1319 г. (Венеция, № 1508, л. 313)[7] или заглавного листа евангелия от Луки (л. 215а) (рис. 5) Киликийской рукописи 1307 г. (Матенадаран, № 15/90).

В пятой паре хоранов (рис. 6) декоративные мотивы близки к заполнению заставки заглавного листа (рис. 7) евангелия от Луки Гладзорской библии 1317 г. (Матенадаран, № 181/353, л. 528а). Вариант круга, часто встречающийся в заставках армянских евангелий (см. приведенные выше аналогии) повторен в третьей паре хоранов (л. 3б, 4а) (рис. 1) изучаемой нами рукописи. В убранстве этих хоранов мастер пытался, очевидно, проявить свою самостоятельность, но не достиг в этом положительных результатов.

Зависимость убранства хоранов Генуэзской рукописи от художественных традиций Киликийской и Гладзорской школы обнаруживается и при изучении заглавных листов Генуэзского евангелия, характер оформления которых вполне совпадает с уже окончательно сложившейся еще в предшествующие столетия композицией, широко представленной в рукописях Армении; верхняя заставка сочетается здесь с боковой и с символами-инициалами.

В качестве аналогии к заглавным листам Генуэзского евангелия (рис. 8, 9, 10, 11) приведем заглавный лист евангелия от Марка (л. 99а) в киликийской рукописи 1290 г. (Матенадаран, № 5736) (рис. 12), подчеркнув не только общность композиции, но и значительное сходство орнаменталь-

---

[6] Далее — Матенадаран.

[7] Sirarpie der Nersessian. Manuscrits arméniens illustrés des XII, XIII et XIV siècles. Paris, 1937, табл. C II, рис. 228.

ного заполнения верхней и оформления боковой заставки, а также почти полное совпадение инициала символа (буква ս — «с») с заглавным листом евангелия от Марка в изучаемой нами рукописи. При всей традиционности заглавных листов Генуэзского евангелия следует, однако, отметить трансформацию венчающего боковую заставку креста, как бы утрачивающего свое первоначальное значение.

В орнаментальном заполнении заставок заглавных листов использованы примерно те же мотивы, что и в хоранах. В боковых заставках варьируются декоративные элементы, известные в маргиналах киликийских рукописей (рис. 15), например в евангелии 1249 г. (Матенадаран, № 9/ 84). Это крупные мясистые, недетализированные пальметки, наряду с которыми широкое распространение получили и длинные листья с зазубренными краями. Они появляются и в маргиналах нашей рукописи (рис. 14), инициалы которой в виде птиц, помещенные в тексте, трактуются так же, как в многочисленных рукописях, написанных в Киликии [8].

В результате наших наблюдений мы вправе сказать, что в убранстве Генуэзской рукописи нет ни одного мотива, истоки которого мы не могли бы обнаружить в киликийских или гладзорских рукописях. Отличия сказываются в общем почерке мастера, трансформирующего элементы орнамента за счет их обобщения меньшей детализации, более крупных размеров. Графичность и некоторая суммарность растительных элементов, особенно цветка, придающего своеобразие орнаментальному убранству рукописи, достигнута за счет опущения внутренней его характеристики при помощи штриха и цвета. Своеобразна и красочная гамма рукописи, выдержанная в темных, нечистых тонах. Мастер, украшавший Генуэзское евангелие, не обладал, по-видимому, большим талантом, что он и сам подчеркивает в своем хишатакаране. Средней руки художник, он являлся в то же время прекрасным писцом. Шрифт рукописи отличается ясностью, точностью, а оформление страниц текста стройно и органично. Слабые стороны Аствацатура как живописца сказываются в недостаточно правильном рисунке, особенно маргиналов, в довольно однообразном наборе растительных элементов, в отклонении от симметрии, столь обязательной для киликийской миниатюры, в малоинтересной красочной гамме, небрежно или неумело нанесенных красках.

Некоторое своеобразие в трактовку заглавных листов вносит перевес левого столбца, заполненного инициалом-символом и фигурными буквами (сочетание рыб и птиц); может быть, задача заключалась в том, чтобы уравновесить этим боковую заставку.

Неуверенность руки писца Аствацатура плохо согласуется с тонко исполненными инициалами-символами, отличающимися более высоким художественным совершенством, что заставляет приписать их исполнение другому мастеру (хотя имя его и не упоминается в хишатакаране) [9]. Об этом говорит тонкая линия рисунка, разнообразие мягких по тону красок, светотеневая характеристика. Особенно хороша фигура человека в заглавном листе евангелия от Матфея. Правильность пропорций сочетается с умело переданным ракурсом; лицо трактовано реалистично. Слияние инициала с символом происходит окончательно в киликийских руко-

---

[8] См., например, Sirarpie der Nersessian, указ. соч., табл. LXXXV, рис. 165; табл. XCIII, рис. 212. Евангелие 1331 г. (Венеция, № 16).

[9] По словам Г. Овсепяна (указ. соч., стр. 37), живопись этой рукописи, так же как и шрифт, несет на себе следы западного влияния. Думаю, что это замечание, скорее всего, следует отнести к символам.

писях второй половины XIII в., в затем варьируется в различных школах армянской миниатюры, что мы видим и на примере Генуэзского евангелия.

Выше уже отмечалось сходство заглавного листа евангелия от Марка Генуэзской рукописи и Киликийского евангелия 1290 г. Отличия наблюдаются в трактовке символа; тонкий рисунок, которым переданы фигурки львов, легкая манера нанесения красок, тенденция передать светотеневой эффект, контрастируют с помещенной рядом буквой Կ — «к», исполненной в виде птицы, держащей в клюве рыбу. Схематизм изображения, крупные размеры, толстый коричневый контур рисунка, мрачноватая красочная гамма (зеленый с коричневым) заставляют видеть в оформлении этой буквы руку мастера Аствацатура. Бык и орел (символы Луки и Иоанна) не представляют собой прямого повторения аналогичных образов в киликийских евангелиях, но дают некоторую перефразировку их — как по содержанию, так и по стилю [10] (см., например, упомянутый выше заглавный лист Гладзорской библии 1317 г. рис. 6). Особенно хорошо это видно на символе Иоанна — орле, где при всей близости к киликийским образцам (см. заглавный лист евангелия от Иоанна в киликийской рукописи 1307 г. — Матенадаран, № 15/90, л. 245а рис. 13), трактованным условно, но отличающимся изяществом исполнения, наблюдаются существенные отличия. Несколько тяжеловесный орел Генуэзской рукописи представлен скорее в виде человека в монашеской одежде светло-коричневого цвета, руки которого свисают вдоль тела, на ноги надеты красные чулки и черные туфли. Лишь прикрепленные к его спине крылья и голова орла говорят о том, что перед нами — символ евангелиста Иоанна. При всей неправдоподобности такой фигуры, неизвестной в коренных армянских рукописях, она трактуется достаточно реалистично.

Приведенный анализ художественного убранства рукописи едва ли позволяет говорить о какой-либо определенной итало-армянской школе. Скорее речь может идти об отдельных скрипториях, где более или менее талантливые армянские мастера переписывали и украшали рукописи, руководствуясь традицией, и в меру своих способностей привносили элементы собственного творчества.

Нельзя не отметить что мастер Аствацатур при всех отклонениях, которые отличают убранство этого евангелия от киликийских и гладзорских рукописей, мало поддался воздействию окружавшей его среды. Этого нельзя сказать о художнике, исполнившем символы, которые явно несут на себе отпечаток влияния западноевропейского искусства.

* *
*

Особый интерес представляет чеканный оклад Генуэзского евангелия. Как известно, армянские средневековые изделия из драгоценного металла, предназначавшиеся для церковных нужд, сохранились в крайне незначительном количестве. Лишь письменные источники дают возможность судить о том, какими богатствами на протяжении всего средневековья располагала церковь, получавшая в качестве пожертвований художественно оформленные сосуды, кресты, мощехранительницы, складни и т. п.

---

[10] См. также: Sirarpie der Nersessian, указ. соч., табл. LXXVII, рис. 157; табл. LXXIX, рис. 159; табл. LXXXI, рис. 161; табл. LXXXIII, рис. 163. Евангелие 1331 г. (Венеция, № 16).

Наиболее полный перечень сохранившихся до наших дней окладов, а также других изделий армянских золотых дел мастеров содержит работа В. Абрамян «Ремесла Армении IV—XVIII вв.». Автор указывает, что помимо ремесленников, сосредоточенных в городах, существовали мастерские, связанные с монастырями. Несомненно, что в таких мастерских удовлетворялись и потребности в изготовлении церковной утвари, которая в качестве вклада или дара постоянно упоминается различными историками, повествующими о сооружении новых церквей.

Письменные сведения об окладах, сделанных из благородных металлов или дорогостоящих материалов (слоновой кости, красной кожи), встречаются уже в VII в. Число этих сведений увеличивается на протяжении последующих веков. Евангелия, имевшие серебряные и золотые оклады, упоминаются в исторических текстах, надписях на камне и хишатакаранах рукописей. Последние также содержат зачастую имена не только писцов и художников, но и золотых дел мастеров.

Небольшое число окладов, сделанных из драгоценных металлов, дошло и до нашего времени. Это оклад Киликийской рукописи 1249 г., исполненный в 1255 г. (хранится в Матенадаране), серебряный оклад 1334 г. Киликийской рукописи (хранится в Библиотеке Армянского патриархата в Иерусалиме) [11], золотой оклад XIV в. (хранится в Эчмиадзине) [12]. Образцами замечательной работы киликийских сребродолов являются складень царя Гетума II 1293 г. (хранится в Гос. Эрмитаже) [13] и не менее великолепный складень 1300 г., владельцем которого был сын Амир Хасана Эачи из рода Прошянов (хранится в музее Эчмиадзина) [14].

Приведенные примеры далеко не исчерпывают всех письменных данных и не содержат полного перечня дошедших до нас вещей. Они имеют лишь целью показать, что изделия армянских сребродолов, которые в большинстве своем не только не исследованы, но и не выявлены, создавались в Армении на протяжении всего средневековья и занимали почетное место в ремесленной продукции страны [15]. В связи с этим оклад Генуэзского евангелия заслуживает особого внимания, хотя он и не представляет собой исключительного явления в армянской металлопластике.

На верхней доске оклада Генуэзской рукописи (рис. 16) изображено распятие в обычной иконографической схеме: в центре Христос с двумя предстоящими — богоматерью слева и Иоанном справа; наверху, по сторонам верхней части креста, два ангела. Рядом с ними — солнце и луна; внизу Голгофа с изображенной на ней головой Адама. Дополнительные фигуры и обстановочные моменты отсутствуют.

Слегка изогнутое тело Христа представлено несколько провисшим, что особенно подчеркнуто положением рук. Ступни ног, прибитые к ниж-

---

[11] Эти два оклада изданы Г. Овсепяном (указ. соч., рис. 8, 9, стр. 23—29, и рис. 10, 11, стр. 30—36). См. также А. Н. Свирин. Указ. соч., стр. 13 (оклад 1255 г.).

[12] Этот оклад, упомянутый В. Абрамян (указ. соч. стр. 109), к сожалению, остался мне недоступен. На верхней доске оклада, по словам автора, изображено распятие, на нижней — во весь рост фигура Иоанна Воротнеци и Григора Татеваци. Этот оклад был увезен из Татева в Персию и в 1948 г. возвращен в качестве дара в Эчмиадзин.

[13] A. Garrière. Inscription d'un reliquaire arménien de la collection Basilewski. «Mélanges Orientaux», Paris, 1883, p. 169—213.

[14] Г. Овсепян. Хахбакяны или Прошяны в армянской истории, т. I. Вагаршапат, 1928, стр. 190—199, рис. 79, 81—89 (на арм. яз.).

[15] Доказательством этого могут служить также богатые коллекции церковной утвари более позднего времени, собранные в музее Эчмиадзина.

нему перекрестию, не опираются на него. Голова склонена вправо, глаза закрыты, но лик не выражает страдания. Из правого бока льется струя крови, стекающая в потир.

Для сцены распятия, отличающейся композиционным единством, характерна ясность и простота общего построения, немногочисленные фигуры условны, но по-своему глубоко выразительны. Значение линии подчеркнуто характером рельефа, стороны которого как бы перпендикулярны плоскости оклада, сам же рельеф, лишь несколько выступающий над его поверхностью, решен совершенно плоскостно [16]. Перед нами несколько консервативный памятник, которому чужды, однако, схематизм и сухость. В нем ярко выражены все особенности средневекового искусства, не выходящего за пределы, условно говоря, «романского» стиля.

В армянском чекане XIII—XIV вв. мне известны лишь два изображения распятия — на упомянутых серебряных изделиях киликийских мастеров (складне царя Гетума II, 1293 г. и оклад 1334 г.). Расхождение в иконографии этих двух памятников может быть в значительной мере обусловлено различным их назначением (в одном случае крест, в другом — оклад). Нельзя вместе с тем не отметить известного иконографического и стилистического сходства в изображении распятого Христа. При сравнении же изделий киликийских мастеров-сребродолов с окладом Генуэзской рукописи в сцене распятия обнаруживаются существенные расхождения — как в иконографии, так и в стиле. Эти расхождения выражают присущие киликийской школе особенности, распространяющиеся и на миниатюрную живопись, где уже в XIII в. найден был новый глубоко эмоциональный и динамичный тип распятия. В XIV в. в Киликии наряду с этим иконографическим вариантом, связанным с периодом расцвета киликийского искусства, наблюдается переход к статичной композиции распятия, восходящей к архаическим восточнохристианским образцам. Ярким представителем нового направления был Саргис Пицак. Тенденция к архаизации прослеживается, пожалуй, во всех школах армянской миниатюры XIV в. Ее мы видим и в творчестве Тороса Торонаци, представителя гладзорской школы, украсившего в числе других своих работ и Библию Есайи Нщеци 1318 г. Помещенная здесь сцена распятия, существенно отличающаяся от киликийского варианта XIII в., в основе своей имеет также образец, восходящий к ранней восточнохристианской иконографии.

При несомненных чертах общности распятия нашего оклада с миниатюрами Саргиса Пицака и Тороса Торонаци полного тождества между ними не наблюдается. Многофигурная композиция Саргиса Пицака, где отсутствуют ангелы, отличается известной сухостью и схематизмом, свидетельствующими о наступающем в Киликии упадке [17]. Работам Тороса Торонаци присущ некоторый эклектизм; древний иконографический извод распятия сочетается у него с фигурами рыдающих ангелов; выражение страдания лежит на лицах предстоящих и Христа, ноги которого, положенные одна на другую, свидетельствуют о проникновении в гладзорскую школу западноевропейского влияния [18].

Однако и работам Тороса Торонаци присуща своеобразная выразительность, свидетельствующая о том, что в Восточной Армении, где сохранились еще самостоятельные политические очаги, художественная

---

[16] А. В. Банк обратила мое внимание на двойной контур, окаймляющий рельефы, что, по ее мнению, заставляет вспомнить о технике перегородчатой эмали.

[17] См., например, Sirarpie der Nersessian, табл. LXXXIV, рис. 164.

[18] См. там же, табл. L, рис. 111.

жизнь не замирала. Развитие ее шло на основе широкого использования культурного наследия далекого прошлого [19].

Г. Овсепян, публикуя оклад, отмечает, что хотя он и датирован серединой XIV в., но образец, с которого сделано помещенное на нем распятие, относится к значительно более древнему периоду. Доказательством этому служит отсутствие выражения печали, столь обычной для иконографии распятия в XIII в., изображение богородицы в типе заступницы, а не рыдающей матери. Для Иоанна, погруженного в размышления, необычно то, что он держит в левой руке платок или край одежды взамен свитка, что может свидетельствовать, по мнению автора, о неправильной передаче первоначального образца. Типы Марии и Иоанна, фигуры ангелов, положение тела распятого все указывает на образцы, принятые в армянской миниатюрной живописи XI в., которые могут восходить к IX—X вв.[20]

Действительно, иконографически и стилистически сцена распятия нашего оклада близка к миниатюре того же сюжета в Могнинском евангелии XI в. (Матенадаран, № 7736, стр. 9а) (рис. 17). Сходство наблюдается в композиционном построении, монументальности довольно объемно трактованных фигур, статичных, несколько приземистых, с крупными головами; в характеристике тела Христа, в положении рук, особенно богоматери; в отсутствии эмоциональности. Фигуры ангелов в сцене распятия Могнинского евангелия, свидетельствующие о проникновении византийского влияния в армянскую миниатюру XI в., в той же трактовке встречаются и на окладе. Сохраняя здесь в значительной чистоте этот ранний иконографический тип, они существенно отличаются от стремительно летящих, плачущих, закрывающих лица руками ангелов киликийских рукописей XIII в. О влиянии Византии в миниатюре Могнинского евангелия свидетельствует и горный пейзаж, который в сцене распятия на окладе отсутствует.

Отсутствуют на распятии оклада и два воина по сторонам креста — один с копьем, другой с губкой, не опущенные еще в Могнинском евангелии и вновь появляющиеся в иконографическом варианте, использованном Торосом Торонаци. Эти персонажи хорошо известны в иконографии распятия группы армянских рукописей XI в., которые наиболее чисто сохраняют восточнохристианскую традицию, не тронутую еще византийским влиянием. В качестве примера можно привести миниатюру со сценой распятия из евангелия 1038 г. (Матенадаран, № 6201 [20а]). Значительно отличаясь от этих рукописей по стилю, Могнинское евангелие имеет с ними ряд общих черт в иконографии.

Еще более близкий иконографический вариант, к которому, по-видимому, восходит распятие генуэзского оклада, дают памятники смежного с Арменией культурного круга. В первую очередь следует упомянуть

---

[19] Сцена распятия в армянских каменных рельефах XIII—XIV вв. не имеет ни иконографического, ни стилистического сходства с распятием изучаемого нами оклада. См. хачкары в кн.: Г. Овсепян. Спаситель Хавуц Тара и одноименные памятники в армянском искусстве. Иерусалим, 1937, рис. 36, 37, 37б, 41, 42 (на арм. яз.). С различными по своим вариантам памятниками этой группы следует, по-видимому, связать и весьма своеобразную по своей трактовке сцену распятия на тимпане окна второго этажа в гавите Нораванка. См. МАК, т. XIII, табл. XXXVI, рис. 80. В армянских памятниках доиконоборческого периода сцена распятия была неизвестна, в Армении получило признание почитание креста без изображения на нем распятого. См. Г. Овсепян. Спаситель Хавуц Тара..., стр. 44 (со ссылкой на Мхитара Гоша).

[20] Г. Овсепян. Страницы из истории армянского искусства и ремесла, стр. 39.

[20а] L. Durnovo. Miniatures arméniennes. Paris, 1961, p. 47.

мозаику храма Хозиос Лукас в Фокиде (XI в.) с изображением сцены распятия [21]. Иконографическая и стилистическая близость ее к миниатюре Могнинского евангелия и в еще большей мере к распятию на окладе не подлежит сомнению. Не останавливаясь на общем описании этой сцены, обратим лишь внимание на сходство в трактовке тела Христа, особенности в передаче фигуры богоматери, ее одежды, в известной мере складок, положения рук, в характеристике лика. Именно здесь мы встречаем необычную, по словам Г. Овсепяна, иконографическую черту в изображении Иоанна, повторенную на окладе,— отсутствие свитка в левой руке, которой он держит конец плаща. Сходны также положение правой руки и трактовка лика. Воины по сторонам креста отсутствуют.

Некоторые отклонения и дополнения не могут вместе с тем заслонить общности, существующей между тремя упомянутыми выше памятниками — окладом Генуэзской рукописи, Могнинским евангелием и мозаикой Хозиос Лукас. Характеризуя последнюю, В. Н. Лазарев пишет: «Среди греческих мозаик мозаики Хозиос Лукас являются, без сомнения, наиболее архаическими. Они лежат в стороне от линии развития константинопольского искусства, будучи тесно связанными со старыми, чисто восточными традициями» [22].

С теми же традициями по преимуществу было связано и искусство Армении, самобытный путь развития которого также лежал в стороне от византийской столицы. Однако, как известно, в XI в. армянское искусство, а в еще большей мере искусство балканских стран испытало на себе влияние Византии.

Сходство приведенных памятников, быть может, указывает вместе с тем и на какие-то контакты, существовавшие между Арменией и Балканами как в XI, так и в XIV в.

Редкой для армянского искусства иконографической деталью распятия нашего оклада является изображение потира, в который стекает кровь, льющаяся из прободенного ребра Христа. Однако и эта деталь существовала, по-видимому, в каком-то раннем изводе распятия, возможно, также связанном с восточнохристианской иконографией. Подобного назначения сосуд, правда, иной формы, изображен, например, на Мюнхенском, византийском по происхождению, эмалевом окладе X в.[23] и на серебряной чеканной пластинке первой четверти XI в. из Зарзмы (Грузия) [24]. В обоих случаях иконографически и стилистически сцена распятия в целом не совпадает с изображенной на окладе.

Наличие потира в армянской миниатюре с изображением распятия мне удалось отметить только один раз, а именно в рукописи XI в. (Библиотека армянского Патриархата. Иерусалим, № 3624, л. 9а). Из правого бо-

---

[21] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1947, табл. 107. Г. Овсепян («Спаситель Хавуц Тара...», стр. 52) сопоставляет сцену распятия в Могнинском евангелии с распятием в Дафни. По моему мнению, оно менее сходно с ним, чем с распятием Хозиос Лукас.

[22] В. Н. Лазарев. Указ. соч., т. I, стр. 91, 92.

[23] Н. П. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии. СПб., 1892, стр. 341, рис. 174. В многочисленных сценах распятия, упоминаемых Н. П. Покровским, сосуд, куда стекает кровь Христа, обычно держит в руках женщина, олицетворяющая церковь. Чаще всего эта иконографическая особенность встречается в западноевропейских и поздних русских памятниках. В Missal of San Silvestro Spoleto XI—XII вв. сосуд, куда стекает кровь, держит богоматерь. Авторы отмечают, что здесь имеет место редкий иконографический тип. См. «Italian Manuscripts in the Pierpont Morgan Library». Catalogue compiled by Meta Harsen and George K. Boyce. New York, 1953, p. 5, табл. 12.

[24] Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство в VIII—XVIII вв. Тбилиси, 1957, табл. 37.

на Христа льется струя крови, под ней кружок, напоминающий верхнюю часть потира. Мне кажется вероятным видеть здесь изображение сосуда.

Дошедшие до нас памятники армянской металлопластики не дают промежуточных звеньев, которые могли бы связать наш оклад с серебряными изделиями XI в. С этой точки зрения интерес мог бы представить грузинский оклад мастера Бека Опизари (1159 г.) [25] с изображением сцены распятия, несколько сходной с окладом Генуэзской рукописи. Однако значительные расхождения в иконографии и стиле позволяют говорить лишь о некотором родстве этих памятников, но не о влиянии работы Бека Опизари на армянского мастера Григора.

По-видимому, грузинское церковное искусство этого времени, развивавшееся в известной мере под воздействием Константинополя, не оказывало существенного влияния на Армению.

Возможно, что на формирование того иконографического типа, который представлен на нашем окладе, воздействовала другая, также близкая Армении, халкедонитская среда, которую, по-видимому, следует искать на Балканах, *о чем мы ниже скажем несколько подробнее.*

На нижней доске оклада (рис. 18) изображена богоматерь в иконном типе сидящей Одигитрии. На левой руке она держит Христа, правой, прижатой к груди, указывает на него. Голова матери склонена к младенцу. Христос изображен сидящим в трехчетвертном повороте, лицо его повернуто почти в фас, взгляд устремлен прямо перед собой. Поднятой кверху правой рукой он благословляет, в левой держит свиток. По углам помещены поясные изображения евангелистов.

Вопрос об иконографическом типе сидящей Одигитрии был специально разработан В. Н. Лазаревым [26]. По его словам, тип сидящей Одигитрии, не признанный византийским столичным искусством и встречающийся в нем крайне редко, был широко известен на христианском Востоке, в частности на Кавказе. Объяснение этому В. Н. Лазарев находит в постоянных связях Армении и Грузии с Сирией, где первоначально и распространился этот тип, имевший, очевидно, египетское происхождение. На Кавказе, в противоположность искусству других стран, как отмечает В. Н. Лазарев, образ сидящей Одигитрии прошел через века, не подвергаясь существенным изменениям.

Материалы, собранные в работах В. Н. Лазарева [27], Г. Овсепяна [28] и Б. Н. Аракеляна [29], дают возможность говорить о достаточно многочисленных иконных типах богоматери, существовавших в Армении до иконоборческого периода и порой разительно сходных иконографически с сирийскими и египетскими прототипами. Поскольку этот вопрос разработан в трудах указанных авторов, я считаю возможным, не останавливаясь на нем, лишь подчеркнуть традиционность и древность образа сидящей Одигитрии для Армении.

Основной иконографической чертой, отличающей сидящую Одигитрию оклада Генуэзской рукописи от раннего армянского типа, является склонение ее головы к Христу; характерное и для поясных изображений византийской Одигитрии, оно находит свои прототипы опять-таки в восточных образцах, например на сирийском кресте VIII—IX вв.[30] или на

[25] Там же, табл. 156.

[26] V. Lasareff. Studies in the iconographie of the virgin. «Art Bulletin», March 1938, p. 54.

[27] Ibid., p. 49, 50, 53.

[28] Г. Овсепян. Хахбакяны или Прошяны..., т. I, стр. 214—225.

[29] Б. Н. Аракелян. Сюжетные рельефы Армении IV—VIII вв. Ереван, 1949 (на арм. яз.).

[30] Н. П. Кондаков. Иконография богоматери, т. II, стр. 166.

образке из складня монастыря Сайданая в Сирии, близ Дамаска [31]. Следует обратить внимание также на то, что лик Христа в обоих случаях лишь приближается к фронтальному изображению, как и на изучаемом нами окладе. По-видимому, тип Одигитрии со склоненной головой и младенцем, глядящим прямо перед собой и лишь слегка повернувшим голову к матери, сложился в восточнохристианском мире в VIII—IX вв., хотя прообразы его известны и раньше, например на коптских тканях.

При наличии армянских памятников с изображением сидящей Одигитрии VII—VIII вв., хотя и несколько отличных от образа богоматери на окладе, надо полагать, что в XIII—XIV вв. последний мог сформироваться на территории самой Армении. Этому должно было способствовать возрождение в данный период интереса к иконным изображениям, появление которых мы связываем с усилением халкедонитских тенденций.

Особенно много рельефов иконного типа, в том числе и с изображением сидящей Одигитрии, в XIV в. засвидетельствовано в Сюнике, одном из немногочисленных очагов политической и культурной жизни Армении, сохранившихся после монгольского завоевания. По словам Н. Я. Марра, в XIV в. именно в Сюнике «давали себя знать переживания халкедонитского вероисповедания в литературных памятниках или, быть может, в самой жизни. Иначе трудно объяснить появление у Стефана Орбелиана ряда греческих церковных терминов («эгомнос», «кон» вместо «икон», «псалт», «мартирон», «трапез» и др.), для которых на армянском языке существовали древние родные эквиваленты» [32].

Не ставя в данной статье задачи изучить эту интересную группу рельефов, отметим лишь крайнюю традиционность представленного в них иконографического типа богоматери, который В. Н. Лазарев считает сиро-египетским [33]. Хорошо известный в Армении еще до VII в., он подчинен здесь новому стилю, сложившемуся, по-видимому, именно в XIV в.

Редким, но не случайным исключением среди этой группы рельефов является рельеф с изображением богоматери в тимпане входа церкви Аствацацин Спитакавор, сооружение которой было закончено в 1321 г.[34] представителями крупного феодального рода Сюника Эачи и Амир Хасаном II Прошянами. Совершенство и тонкость исполнения этого образа, проникнутого реализмом и отличающегося гуманистическими чертами, заставляет вспомнить мадонн итальянского Возрождения. Однако Г. Овсепян, посвятивший обстоятельный экскурс данному вопросу, склонен объяснить это сходство тем, что в основу иконографии итальянских мадонн XIV—XV вв. был положен византийский тип Одигитрии, который мог оказать воздействие и на создание рельефа богоматери церкви Аствацацин Спитакавор [35]. Вместе с тем Г. Овсепян находит существенные отличия между типом византийской Одигитрии и Одигитрии на армянском рельефе. Особенного внимания, по его мнению, заслуживает то, что младенец стоит, из чего следует, что в первоначальном оригинале богоматерь была изображена сидящей. Эта черта, как уже говорилось вы-

---

[31] Там же, т. II, стр. 252. Христос, в соответствии с очень ранней традицией, изображен спеленутым и полусидящим. В настоящее время складень хранится в Византийском отделении Государственного Эрмитажа.

[32] Н. Я. Марр. Аркаун — монгольское название христиан. ВВ, XII, 1905, стр. 8.

[33] V. Lasareff. Op. cit., p. 50.

[34] МАК, т. XIII, табл. XXXI, рис. 65.

[35] Г. Овсепян. Хахбакяны или Прошяны..., т. I, стр. 214—220. Непосредственное влияние Италии Г. Овсепян отрицает в связи с тем, что храм был закончен в 1321 г., а начало униатского движения в Восточной Армении относится лишь к 30-м годам XIV в.

ше, являлась характерной для Кавказа в целом и, в частности, для Армении. Отличает наш образ также относительно большее склонение головы матери к ребенку, приближающее этот тип к типу «умиления», хотя щека младенца и не касается щеки богоматери. Отлично и положение левой руки, показанной лицевой стороной и протянутой в горизонтальном положении. Характерно, что из многочисленных примеров Одигитрии, приводимых Н. П. Лихачевым и Н. П. Кондаковым, ни один полностью не совпадает с типом богоматери церкви Аствацацин Спитакавор.

Возможно вместе с тем, что мы здесь имеем дело с проявлением грекофильского направления, которое приводило к созданию в национальных школах своеобразных иконных типов, один из которых на территории Армении и представлен вышеупомянутым рельефом [36].

Для образа же богоматери на окладе этот рельеф, при всех его стилистических отличиях, имеет значение близкой иконографической аналогии. В обоих случаях фигура богоматери утрачивает фронтальность, усиливается склонение ее головы к младенцу, хотя и повернутому в рельефе Аствацацин *Спитакавор больше к матери. Специфическая особенность* этого иконографического армянского типа, подмеченная Г. Овсепяном,— горизонтальное положение левой руки, повернутой лицевой стороной,— характерна и для изображения богоматери на изучаемом нами окладе.

Таким образом, эти два рельефа, один в камне, другой в металле, можно рассматривать как определенный иконографический вариант, имеющий связь как с исконным для Армении типом сидящей Одигитрии, так и византийской его параллелью. Возможно, что и здесь на формирование этого типа оказала воздействие родственная Армении культурная среда, в которой сильны были халкедонитские традиции. Однако эта халкедонитская струя, шла, по-видимому, не из соседней с Арменией Грузии. В образе богоматери, так же как и в сцене распятия, не наблюдается близкого родства между памятниками армянского и грузинского искусства. Получивший широкое распространение и в Грузии образ сидящей Одигитрии отличается от армянского не только по стилю, но и иконографически. Это сказывается в более сильном повороте фигуры Христа, особенно его лика, всегда обращенного к матери, меньшем склонении головы богородицы. Этот тип является очень стойким в Грузии и существует на протяжении веков. В качестве примера приведем образ богоматери из Текали (XI в.) или Алаверди (XII в.).[37] И в данном случае складывается впечатление, что проявление наиболее тесных контактов армян с халкедонитской средой, стимулировавшей создание новых иконных типов, следует искать не в Грузии, а на Балканах. В связи с этим нельзя не напомнить о существовании в Македонии явно халкедонитского монастыря, возобновленного и возглавленного в 1083 г. армянином-халкедонитом Григорием Бакурианом, где монахами могли быть как грузины, так и армяне [38]. В. Н. Лазарев отмечает, что «Македония, становящаяся в XIV в. одним из крупнейших художественных центров Византии, начинает играть видную роль уже в XIII столетии. Тяготея к Салоникам, она была, без сомнения,

[36] Не подтверждается ли это положение иконографическим, а в известной мере и стилистическим его сходством с греко-италийской иконой, написанной в Сицилии в XIII в. (что, понятно, не устраняет тех особенностей, которые отличают Одигитрию церкви Аствацацин Спитакавор как произведение армянского искусства)? Не предвосхищая выводов, которые могло бы дать изучение этого рельефа, подчеркнем лишь значение его для армянского искусства XIV в. См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 272. Икона из собрания Отто Кан в Нью-Йорке, вторая половина XIII в.

[37] Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., табл. 32 и 148.

[38] Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 20, 21.

главным передаточным пунктом в процессе проникновения византийского искусства в Болгарию, Сербию, Россию»,[39] а быть может, добавим мы, и в Армению.

Не случайно также и то, что наиболее близкую аналогию к образу богоматери на окладе Генуэзской рукописи мы находим на Афоне, являвшемся в XIV в. центром восточного христианства. Я имею в виду Иверскую икону божьей матери, известную под названием Вратарницы-Портаитиссы. Предание связывает этот образ с иконоборческим периодом; сама икона относится к концу XII—XIII в., оклад ее — к более позднему времени [40]. «Важнейшей чертой типа,— пишет Н. П. Кондаков,— является склонение головы божьей матери к младенцу при прямоличном положении его головы» [41]. Эта черта отличает и Одигитрию нашего оклада. Самый тип богоматери Портаитиссы напоминает, по словам Н. П. Кондакова, Иверскую икону, для которой характерен крайне удлиненный овал лица, преувеличенно длинный нос и сильное сужение подбородка, что перекликается с типом богоматери на окладе Генуэзской рукописи.

Нельзя не привести также в качестве аналогии принадлежащий к этому же типу образ божьей матери Одигитрии из бывшего собрания С. П. Рябушинского (начало XIV в.) «Икона,— пишет Н. П. Кондаков,— по письму относится к новгородской школе и представляет список с оригинала не греческого, но югославянского и притом, скорее всего, болгарского, а не сербского, так как представляет чрезвычайно характерный юный тип богоматери, который в XIV в. в греко-славянских иконах встречается как исключение. Наша икона придает, однако, юному типу некоторую строгость, благодаря типичным большим глазам и традициональному носу»[42]. Мне кажется, что в основном те же черты характерны и для образа богоматери на окладе.

Возвращаясь к упомянутой выше иконе Иверской божьей матери, отметим, что она, как и византийская Одигитрия, изображалась стоящей, что отличается от изучаемого нами изображения богоматери. При многочисленных отступлениях и самостоятельных вкладах в иконографический тип Одигитрии не следует ли предположить, что в основе образа богоматери, представленного на окладе, лежит исконный для Армении тип сидящей Одигитрии с привнесением в него черт прославленной на Афоне иконы.

Напомним слова Н. П. Кондакова, который отмечает широкое распространение образа Одигитрии в особенных типах и списках при свободной передаче этого типа: «Местные иконы Одигитрии,— пишет он,— лишь в редких случаях сохраняют даже главные черты основного типа, но дают взамен новый иконный характер»[43].

---

[39] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, стр.173.

[40] Н. П. Кондаков. Указ. соч., т. II, стр. 216. Как гласит грузинская надпись, оковал образ некто Амвросий в память о господине своем великом Кайхосрове Квар-Кварашвили.

[41] Там же.

[42] Там же, стр. 225.

[43] Там же, стр. 196. О распространенности и разнообразии иконных типов богоматери в армянском искусстве XIV в. свидетельствуют и миниатюры Гладзорской библии 1307 г., украшенной Торосом Торонаци (Сан-Ладзаро, Венеция, № 1917). На одной из них изображен сидящий на троне Христос, на другой — богоматерь в образе сидящей Одигитрии (см. Sirarpie der Nersessian, табл. LIV, рис. 119). По своему иконографическому типу богоматерь близка к богоматери рукописи XI в., написанной в Македонии (Сан-Ладзаро, Венеция, № 887). См. K. Weitzmann. Die armenische Buchmalerei des 10. und beginnenden 11. Jahrhunderts. Bamberg, 1933, табл. X, рис. 34. Быть может, не случайно, что образцом этой миниатюры автор считает богоматерь греческой рукописи Андреевского скита на Афоне. (см. bid., приложение 2, рис. 6).

Рис. 1. Генуэзское евангелие 1325 г. V$_3$834. Хоран, лист 3б

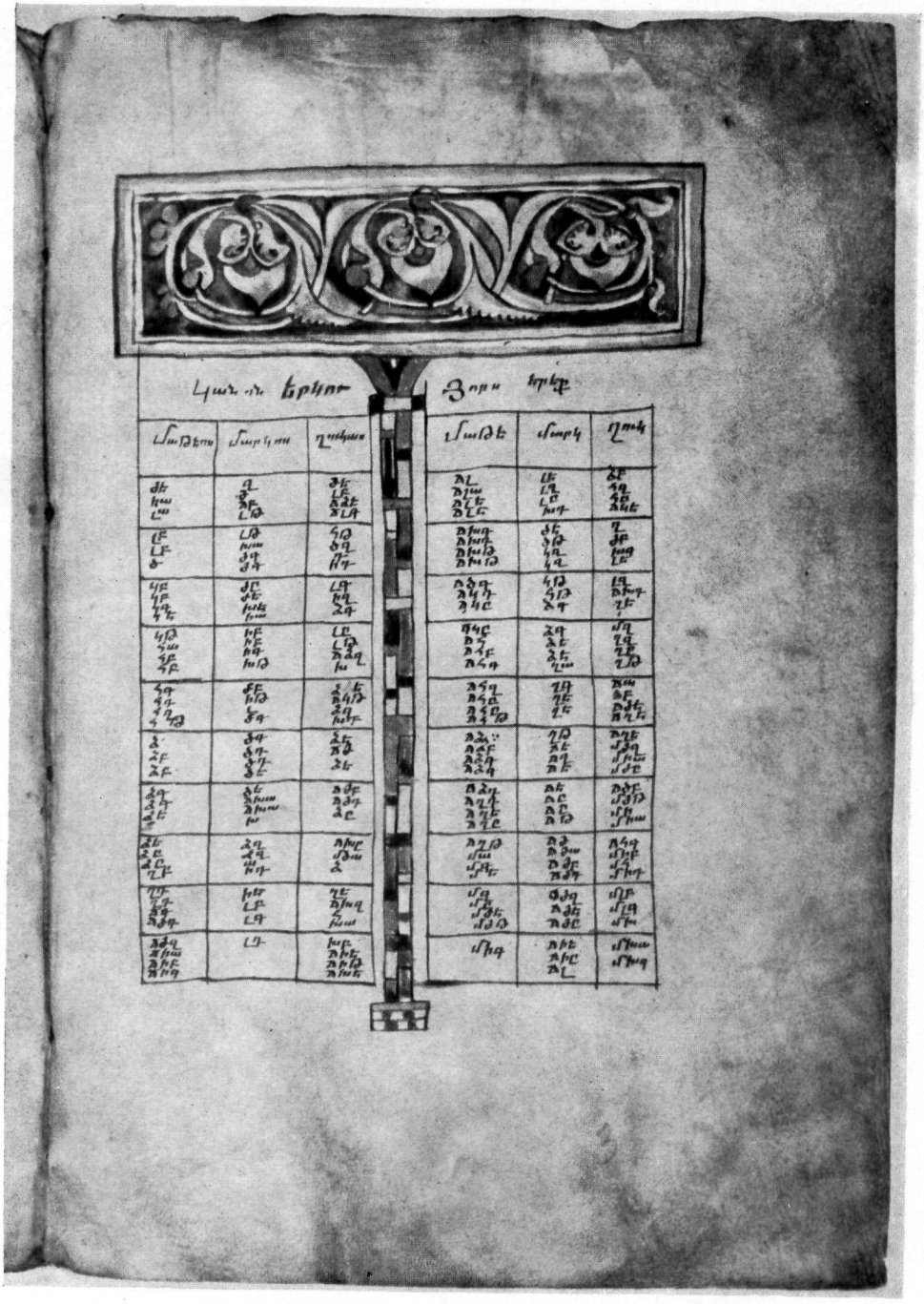


Рис. 2. Генуэзское евангелие 1325 г. V₃834. Хоран, лист 3а

Рис. 3. Гладзор. Библия 1314 г., украшенная в 1358 г. Матенадаран, № 6230, лист 115а

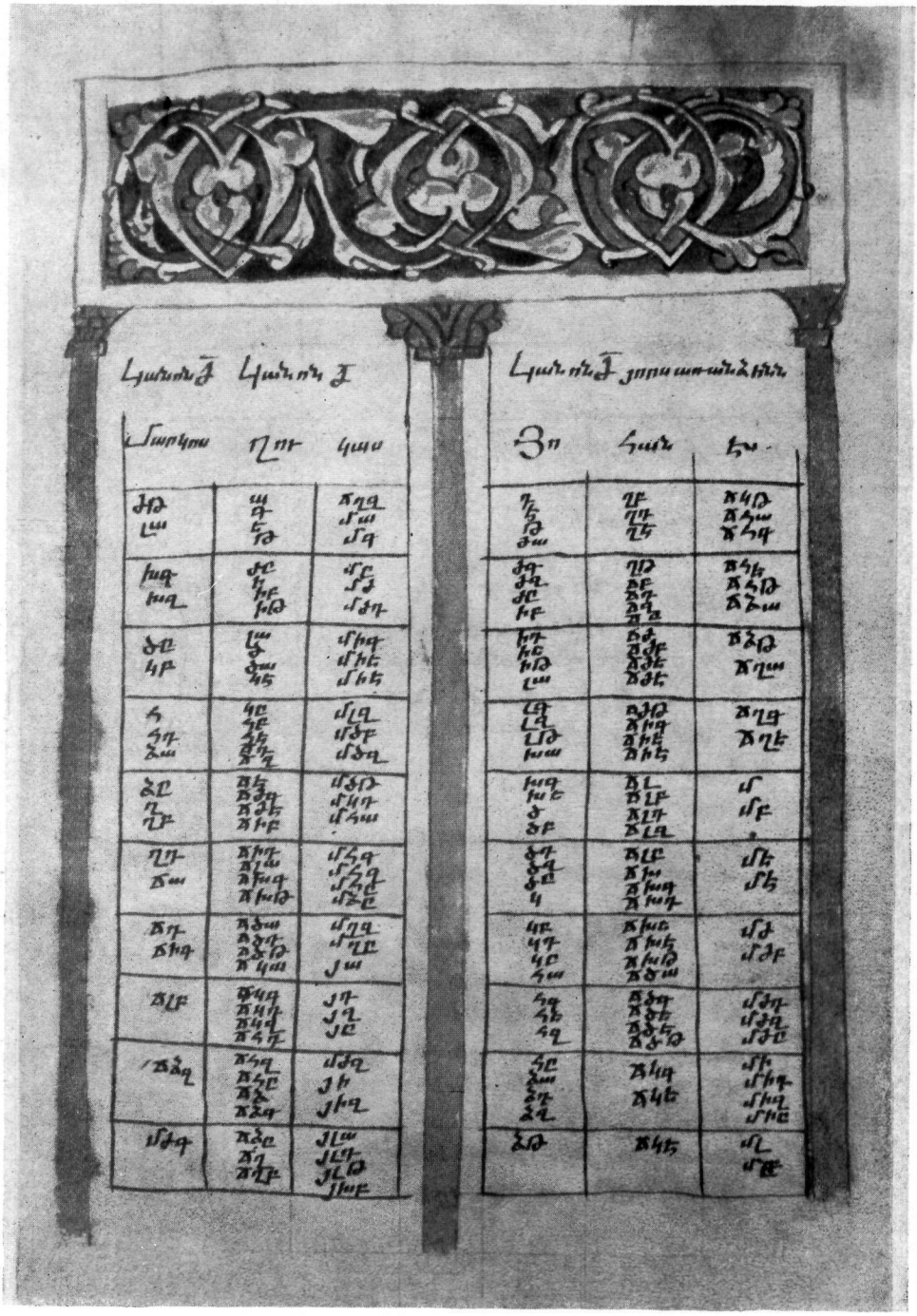


Рис. 4. Генуэзское евангелие 1325 г. V₃834. Хоран, лист 4б

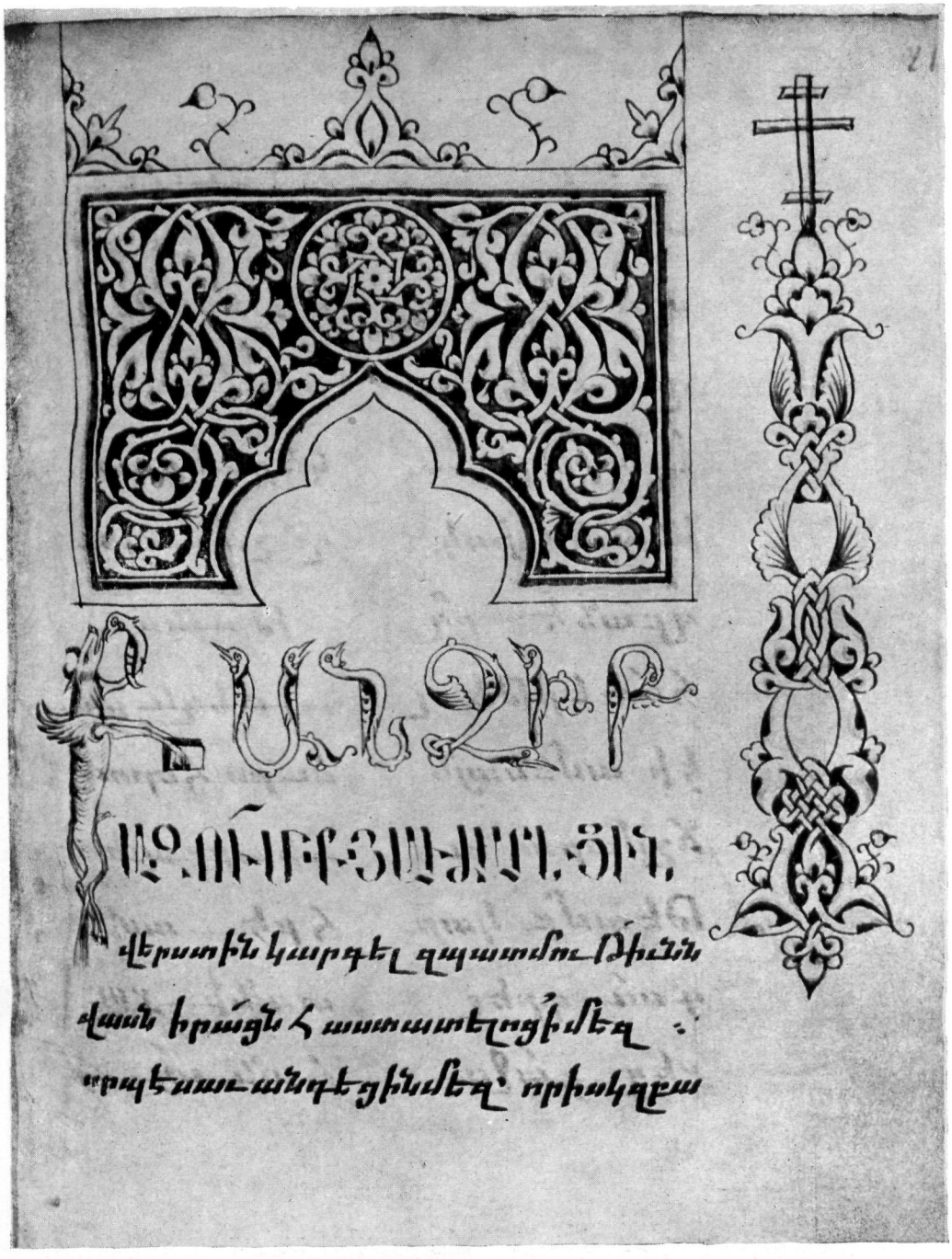


Рис. 5. Заглавный лист евангелия от Луки. Киликийское евангелие 1307 г. Матенадаран, № 15/90, лист 215а

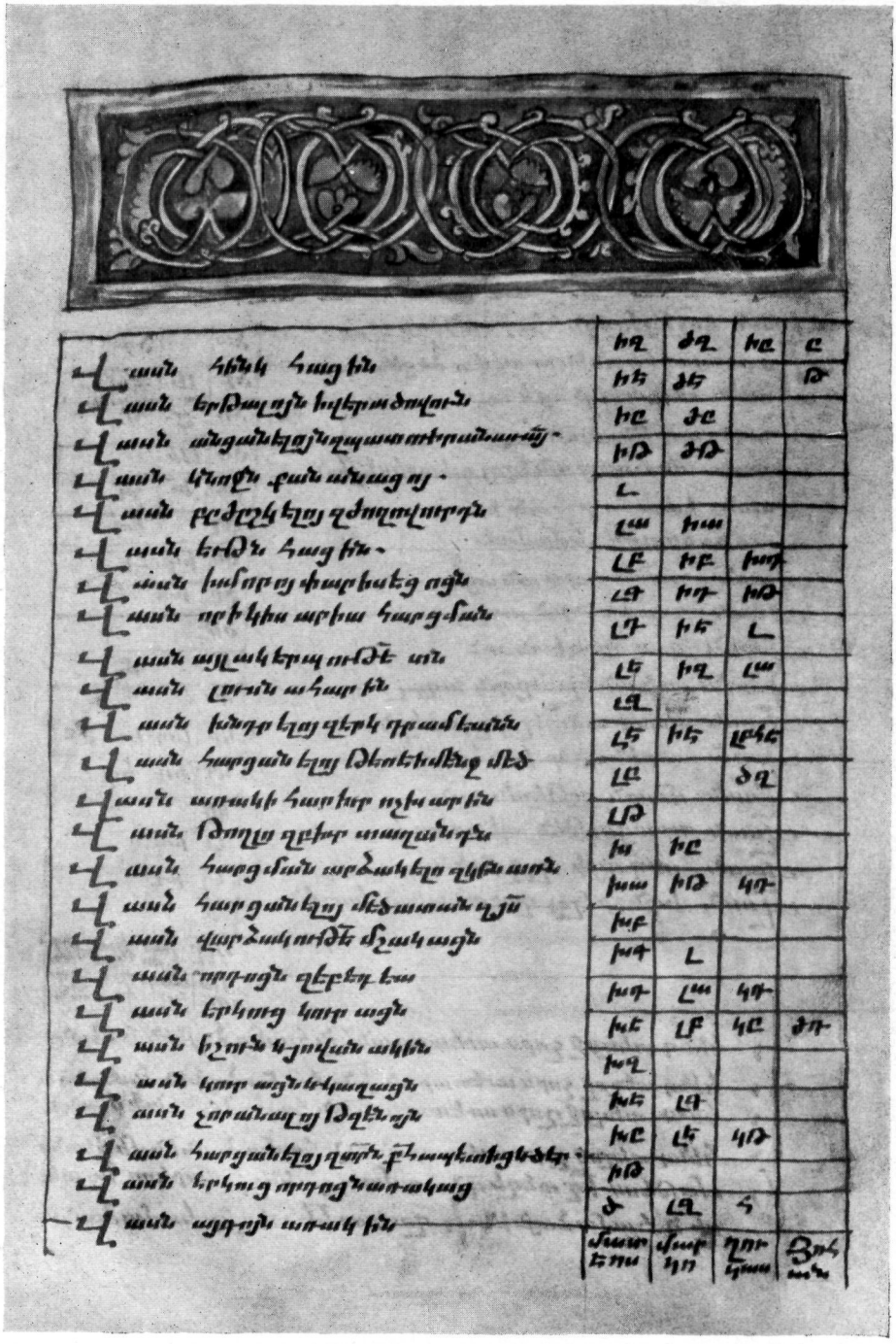


Рис. 6. Генуэзское евангелие 1325 г. V₃834. Хоран, лист 5б

Рис. 7. Гладзор. Библия 1317 г., заглавный лист евангелия от Луки Матенадаран, № 181/353, лист 528а

Рис. 8. Генуэзское евангелие 1325 г. V$_3$834. Заглавный лист евангелия от Матфея, лист 8а

Рис. 9. Генуэзское евангелие 1325 г. V$_3$834. Заглавный лист евангелия от Марка, лист 95а

Рис. 10. Генуэзское евангелие 1325 г. V₃834. Заглавный лист евангелия от Луки, лист 155а

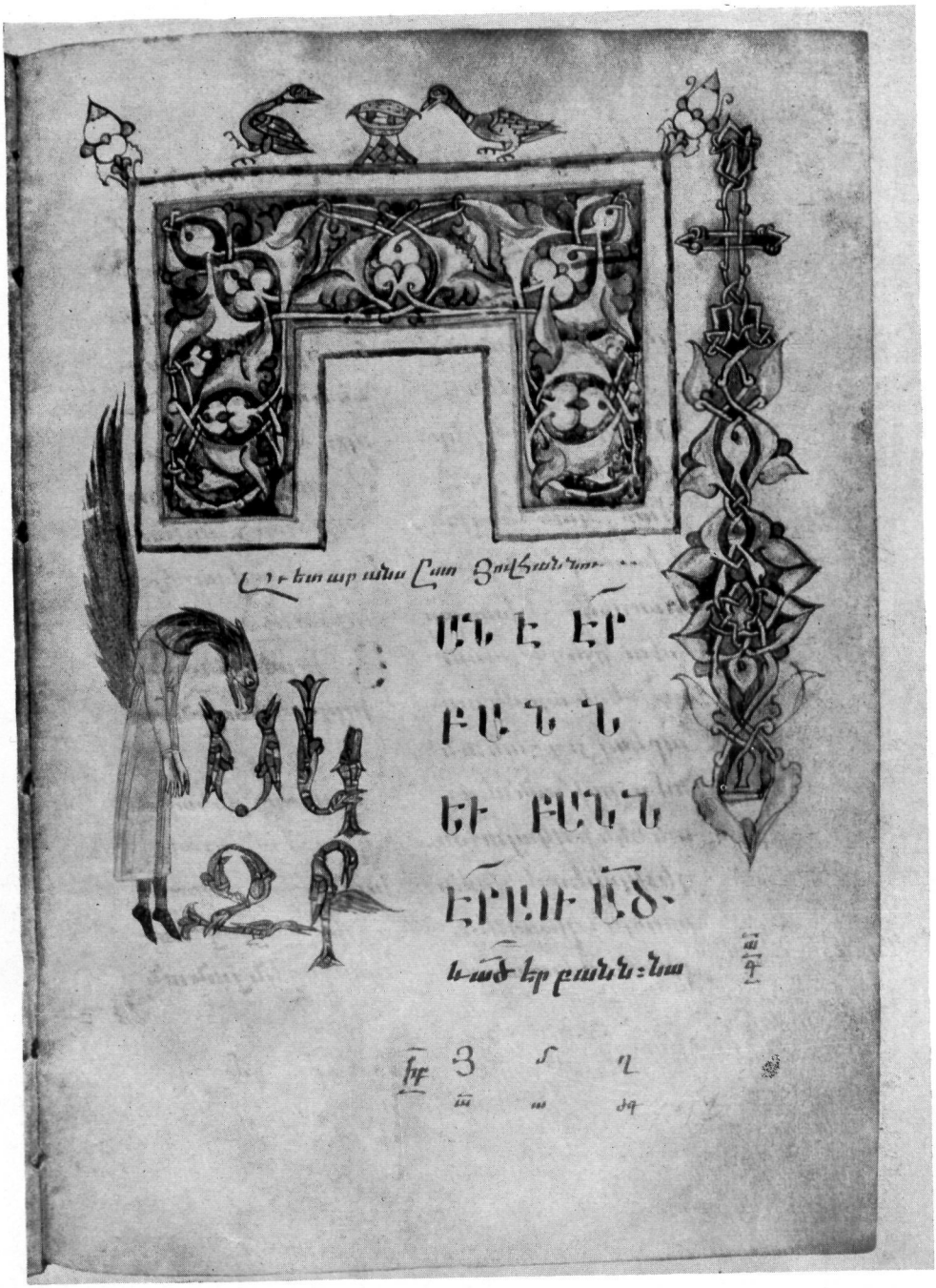


Рис. 11. Генуэзское евангелие 1325 г. V₃834. Заглавный лист евангелия от Иоанна, лист 247а

Рис. 12. Киликия. Евангелие 1290 г. Заглавный лист евангелия от Марка, Матенадаран, № 5376, лист 99а

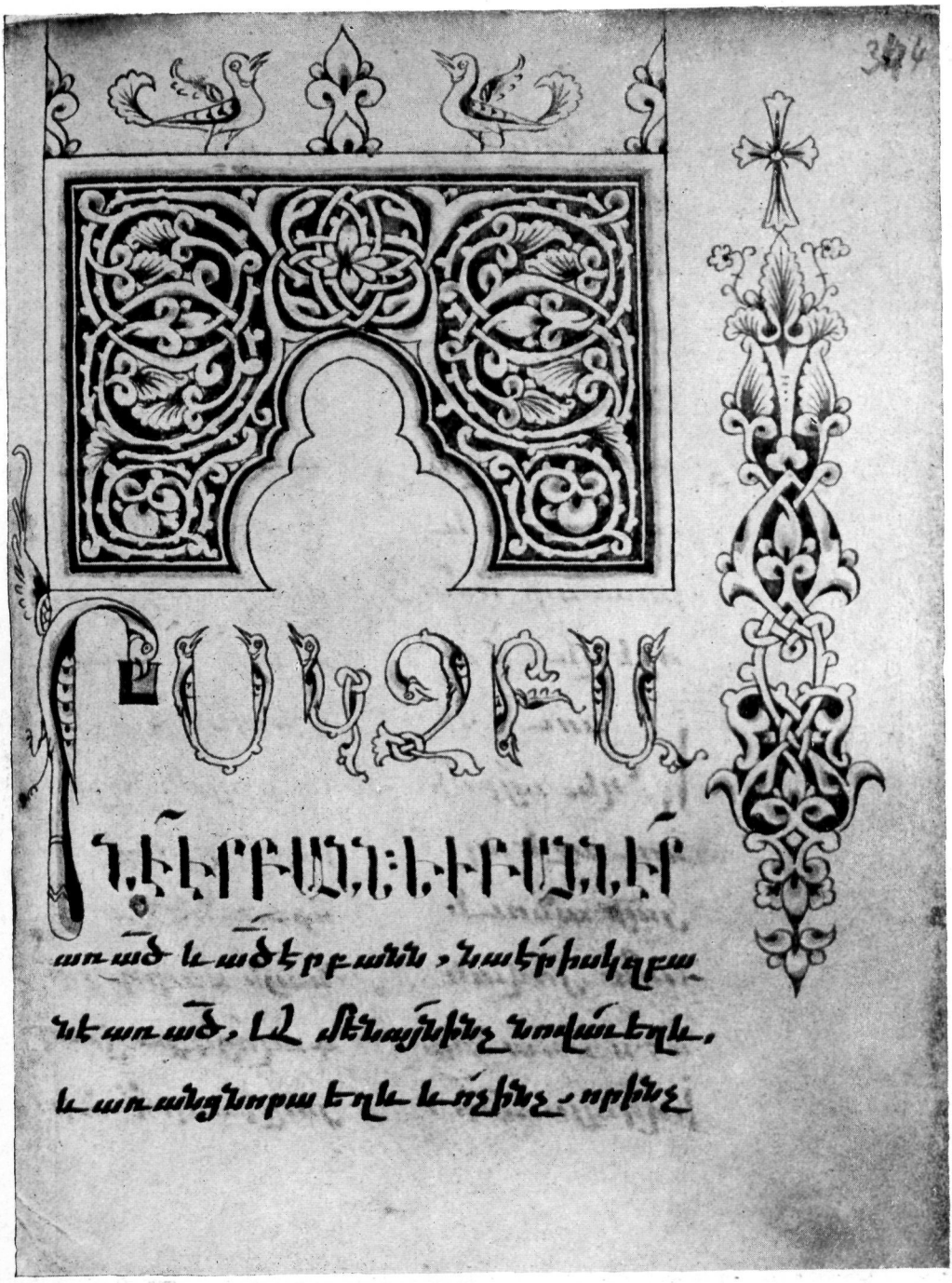


Рис. 13. Киликийское евангелие 1307 г. Заглавный лист евангелия от Иоанна. Матенадаран, № 15/90, лист 245а

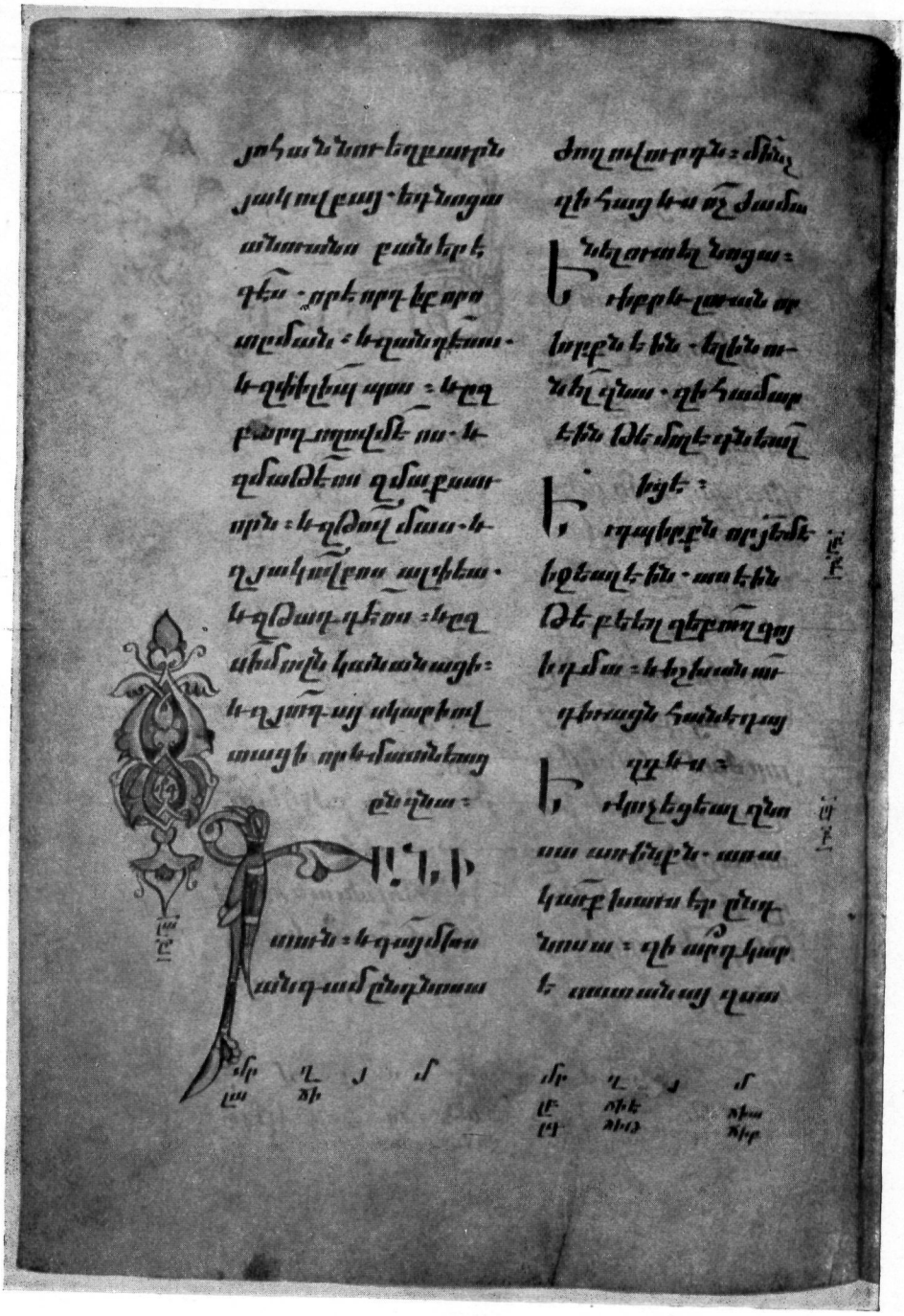


Рис. 14. Генуэзское евангелие 1325 г. V з834. Маргинал и инициал, лист 102б

Рис. 15. Киликия. Евангелие 1249 г. Маргинал. Матенадаран, № 9/84

Рис. 16. Оклад генуэзского евангелия 1347 г. Верхняя доска. Распятие

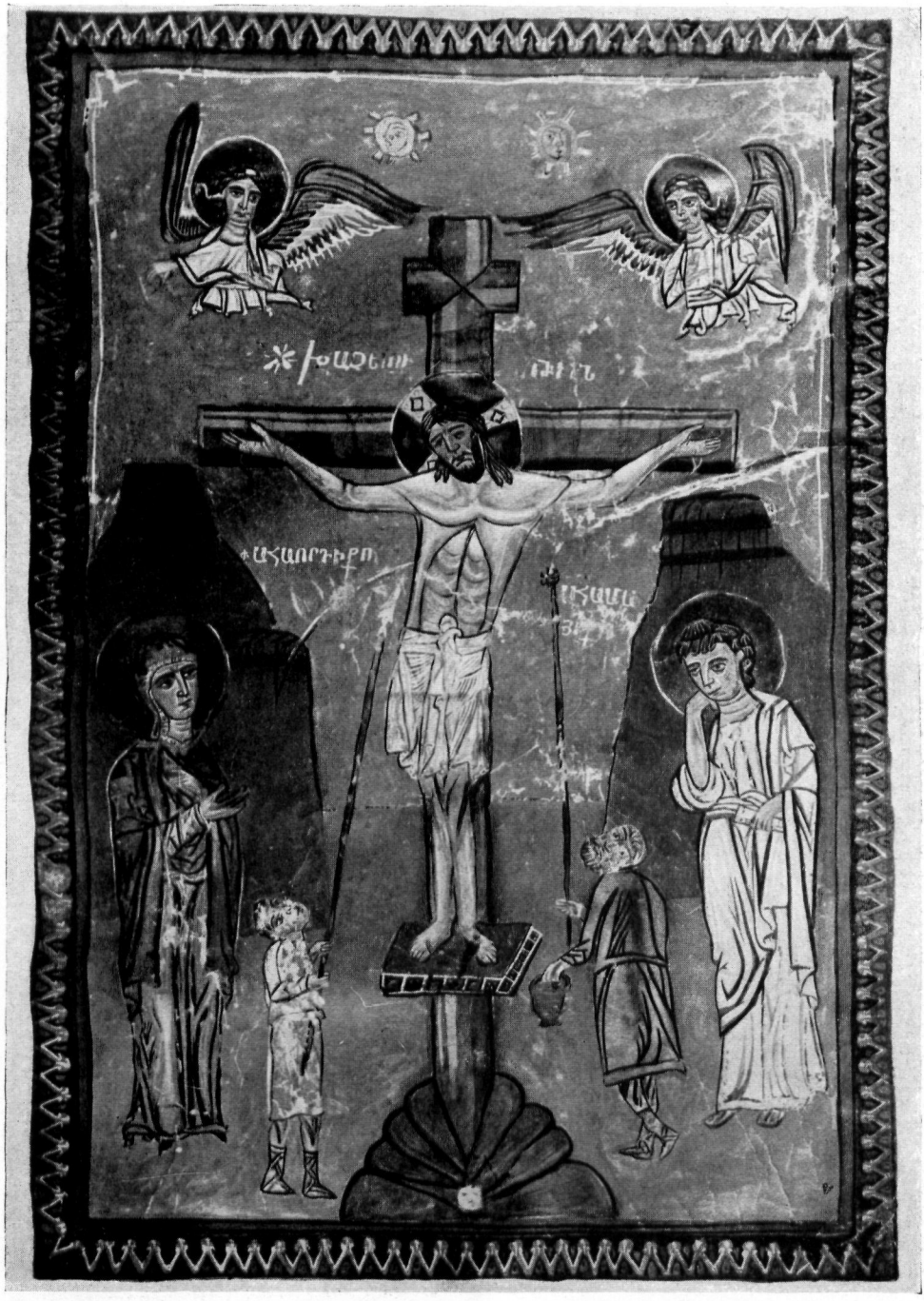


Рис. 17. Евангелие Могни XI в. Распятие. Матенадаран, № 7736, лист 9а

Рис. 18. Генуэзское евангелие 1325 г. Серебряный оклад 1347 г. Нижняя доска. Богоматерь

Рис. 19. Гладзор. Библия Есайи Нщеци 1318 г. Ереван, Матенадаран, № 182/206, лист 441б. Евангелист Матфей

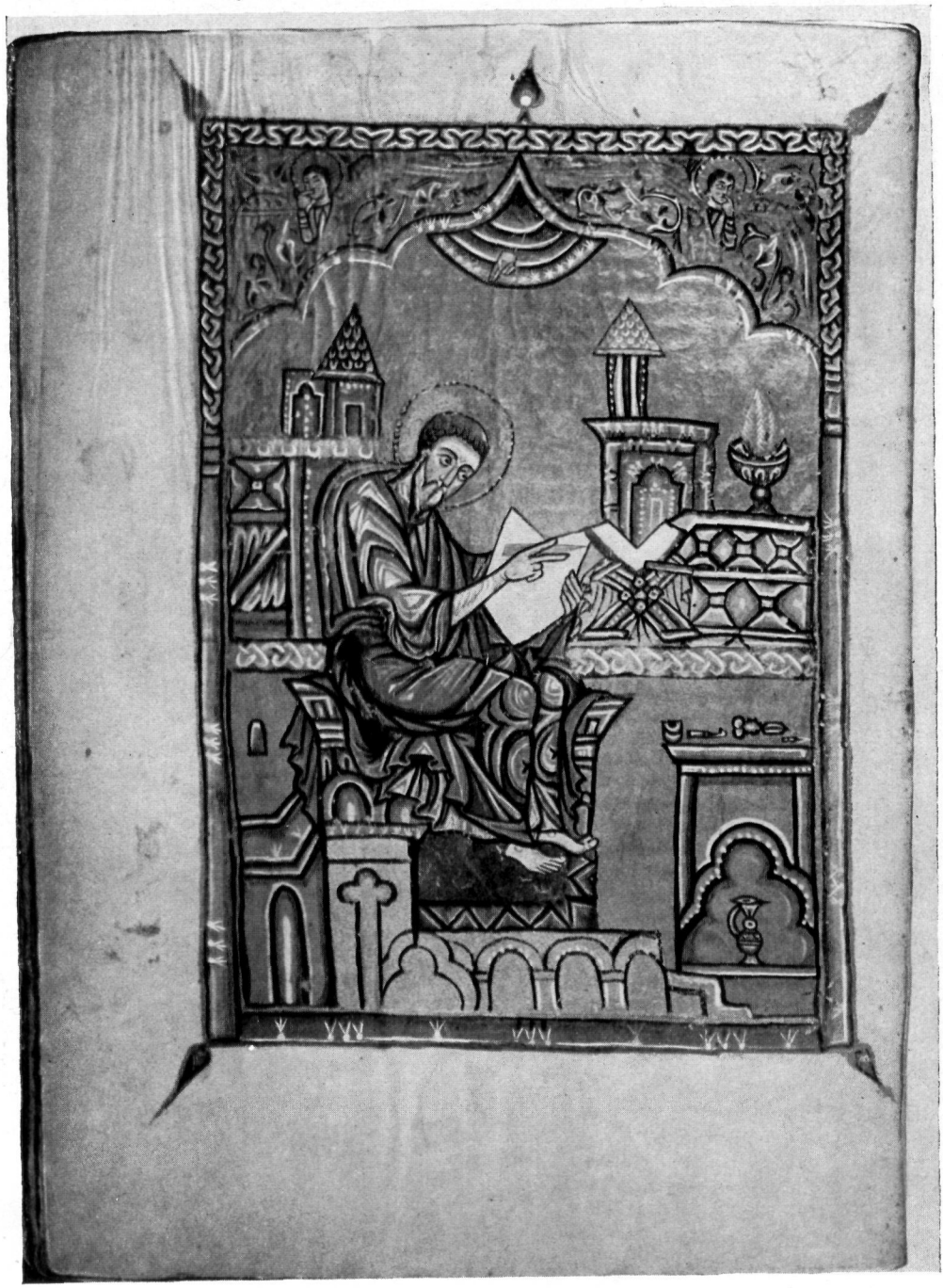


Рис. 20. Гладзор. Библия Есайи Нщеци 1318 г., Матенадаран, № 182/206, лист 473б. Евангелист Лука

Рис. 21. Гладзор. Библия Есайи Нщец 1318 г., Матенадаран, № 182/206, лист 460б Евангелист Марк

Изображение богоматери на окладе Генуэзской рукописи отличается не только своеобразием иконографии, но и стиля. Для него характерен монументализм лаконично переданной величавой, несколько приземистой фигуры с укороченными пропорциями, суммарная характеристика складок, обозначенных глубокими параллельными линиями, при помощи которых до некоторой степени моделируются отдельные части тела, например колени.

В целом рельеф решен плоскостно и условно. Здесь, как и в распятии, перед нами образ, связанный с определенным художественным направлением, далеким от копирования или эклектического подражания высоким достижениям мастеров Киликийской школы. Полноценный по своей художественной выразительности, но глубоко консервативный как по стилю, так и по иконографии, он не выходит за рамки зрелого средневекового искусства.

* *
*

В углах нижней доски оклада (в медальонах) изображены четыре евангелиста. Серия этих евангелистов иконографически, а в известной мере и стилистически, совпадает с той, которая была принята в Гладзорской школе, современной нашему окладу. Наиболее близки к ним евангелисты библии Есайи Нщеци, написанной в 1318 г. в Гладзоре (Матенадаран, № 182/206).

Зде сь, как и на окладе, Матфей (л. 441 б) (рис. 19) представлен сидящим в три четверти, с несколько склоненной головой. Левой рукой он поддерживает верхний край раскрытого кодекса, правой пишет в нем. Очень сходна трактовка лика с широко раскрытыми глазами под округлыми бровями, длинным носом и заостренной бородой. В обоих случаях волосы зачесаны назад, лишь у Матфея на окладе подчеркнуто выделена средняя прядь волос.

Образ Луки, сидящего в три четверти направо и пишущего в кодексе, близок к одноименному евангелисту библии 1318 г. (л. 473 б.) (рис. 20). Одинаково трактованы вьющиеся кольцами волосы, довольно длинная острая борода, стиль, зажатый между указательным и средним пальцами. Несколько варьируется положение кодекса. В соответствии с внутренним пространством медальона оно больше приближается к типу его у Луки Гладзорской библии 1317 г. (Матенадаран, № 181/353, л. 597 б).

Лик евангелиста Иоанна иконографически сходен с ликом того же евангелиста в Гладзорской рукописи 1318 г. (л. 495 б). Высокий с зализами лоб глубокого старца, с прядью волос посредине лба, длинная седая борода. Однако поза Иоанна иная. В Гладзорской библии он изображен стоящим рядом с сидящим Прохором — этот иконографический вариант прочно вошел в армянскую миниатюру еще с XI в. До появления же его, на рубеже X—XI вв., в одной из более ранних серий все четыре евангелиста изображались сидящими. Вместе с тем на окладе такая трактовка могла быть вызвана чисто композиционной необходимостью.

При сравнении евангелиста Марка на окладе и в Гладзорской библии 1318 г. (л. 460 б) (рис. 21) речь может идти только об известном иконографическом сходстве ликов, тогда как позы их совершенно различны. Марк в библии изображен в три четверти направо, пишущим в кодексе. У Марка же, представленного в соответствии с общей композицией оклада в три четверти влево, поза приближается к фронтальной. Правая рука его поднесена к подбородку в жесте, столь полюбившемся армянским миниатюристам и восходящем еще к изображению Матфея к евангелии Млке

(902 г.). Левой рукой он держит кодекс. Такое положение рук указывает на то, что евангелист представлен здесь в раннем иконографическом типе размышляющего философа, а не писца. Средняя прядь зачесанных назад волос у Марка на оклade выделена, так же как у помещенного напротив него Матфея. Мне кажется существенным указать на чрезвычайную близость иконографического типа евангелиста Марка библии Есайи Ншеци 1318 г. с одноименным евангелистом церкви Успения в Никее (XI в.)[44]. Вместе с тем положение рук и общее осмысление евангелиста как философа в византийском образце ближе к Марку нашего оклада, тогда как Марк Гладзорской библии переосмыслен как писец.

По-видимому, принятая в Гладзорской рукописи серия евангелистов, если не целиком совпадающая, то параллельная изображенной на нашем окладе, также восходит к ранним прототипам, хотя и менее чисто сохраняет их.

Отличительной чертой евангелистов на окладе Генуэзской рукописи является то, что они, хотя и пишут в кодексах, больше приближаются к типу размышляющих мудрецов, чем усердных писцов. Взор их устремлен вперед, что в Гладзорской школе мы видим лишь у евангелистов с поднятой к подбородку рукой, в то время как другие смотрят на писание, а головы их низко склоняются над ним.

Г. Овсепян обращает внимание также на разлиновку листов кодексов у евангелистов на окладе двойными линиями. Это указывает на то, что евангелист должен писать еркатагиром, что свидетельствует о более раннем иконографическом типе, так как в XIV в. уже начинает господствовать болорогир [45]. Эта особенность уже не сохраняется в Гладзорских рукописях.

Своеобразие типа евангелистов генуэзского оклада заключается в том, что они изображены сидящими на креслах с высокими спинками. Эта черта не типична для иконографии евангелистов армянских рукописей. Кресла, хотя и не вполне аналогичные, встречаются только в ранних армянских евангелиях, например в евангелии 1166 г. (Матенадаран, № 7347) в миниатюре с изображением Христа и в Могнинском евангелии в миниатюре с изображнием Марка. В последнем случае принципиально сходно и заполнение спинки. Кресло-трон встречается в XI—XIII вв. в Сванских иконах, но восседает на нем богоматерь [46]; сидящим на троне изображается также Христос.

Однако полные аналогии к евангелистам, сидящим на креслах с высокими спинками, мне остались неизвестны, что затрудняет сделать какой-либо вывод из этой иконографической черты.

Изложенные мною наблюдения дают возможность составить некоторое представление о памятнике, принадлежащем к малоизученной области армянского искусства. Они позволяют говорить об определенной если не школе, то мастерской, находившейся в районе монастыря Хоромос, где еще в XIV в. создавались серебряные изделия, отличавшиеся достаточно высоким техническим исполнением и своеобразием стиля.

Иконография лицевых изображений оклада, свидетельствуя о возникновении в это время иконных типов, позволяет в некоторых случаях наметить связь их с памятниками балканских стран при общей тенденции использовать глубоко уходящие в культурную почву Армении архаические образцы.

---

[44] В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 98.
[45] Г. Овсепян. Страницы из истории армянского искусства и ремесла, стр. 41.
[46] Г. Н. Чубинашвили. Указ. соч., табл. 31.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

I. KARAYANNOPULOS. DAS FINANZWESEN DES FRÜHBYZANTINISCHEN STAATES

München, 1958
(Südosteuropäische Arbeiten, № 52), XXXII+308 S.

Перед нами — солидное исследование греческого византиниста И. Караяннопулоса, ученика Ф. Дэльгера, представителя мюнхенской школы византиноведения, группирующейся вокруг журнала «Byzantinische Zeitschrift».

Имя Караяннопулоса хорошо знакомо византинистам по ряду статей и рецензий, появившихся в последнее десятилетие. И. Караяннопулос изучает внутреннюю историю ранней Византии, специализируясь по вопросам организации финансового дела, которому и посвящен данный труд.

Исследование начинается кратким предисловием, где правильно отмечено, что византинисты сравнительно мало обращали внимание на генезис Византии, концентрируя свое внимание лишь на особенностях ее развития. Однако цель автора — отнюдь не изучение генезиса Византии. И. Караяннопулос заявляет, что, работая над своей темой, он «переживал драму той эпохи», когда, несмотря на колоссальные трудности, «люди, которые делали историю», спасали государство от внешних врагов и «искренно и упорно прилагали усилия, чтобы их правление было ко благу их подданных».

Караяннопулос стремится опровергнуть установившееся мнение, что ранневизантийская империя (IV—VI вв.) являлась эпохой беспощадного угнетения подданных. Это была, по выражению автора, эпоха превращения города-государства в великую державу в современном значении этого понятия. Идеологическая установка И. Караяннопулоса ясна: реабилитация государственного строя ранней Византии. Столь же очевидна и методологическая основа его труда; по его мнению, исторический процесс зависит от правителей государства, причем государство — надклассовая организация, признанная управлять для блага подданных. Работа Караяннопулоса, написанная с позиций идеалистической историографии, носит боевой, наступательный характер. Она представляет тем больший интерес, что автор основывается на большом количестве источников, пересматривает конкретные положения исследователей финансовой системы ранней Византии, подвергает тщательному анализу всю терминологию, касающуюся налогового обложения.

Список использованной литературы внушителен (около 300 названий), однако исследования на русском языке автором почти не учтены. Понятно, что нет в списке и трудов Ф. Энгельса, посвященных общественному строю Позднеримской империи. Странно, что автор, ставящий

себе целью бороться с воззрениями эпохи Просвещения (стр. XI), не использовал ни Монтескье, ни Гиббона; очевидно, принцип audiatur et altera pars исследователем не признается.

Исходя из взгляда на государство как на орган защиты граждан, Караяннопулос начинает исследование податной системы Византии с характеристики внешней опасности. Он перечисляет расходы на защиту границ империи, на восстановление разрушенных варварами городов, выкуп пленных, вынужденный подкуп варварских вождей. Кроме военных расходов, автор отмечает затраты на помощь пострадавшему от стихийных бедствий (землетрясения, эпидемии, голод) населению, на борьбу против узурпаторов. Этим Караяннопулос пытается объяснить тяжесть налогов в IV — VI вв.

Разумеется, постоянные нападения варваров на Византию требовали громадных средств на оборону. Но следует напомнить, что современники видели главную причину тяжести налогов не в этом. Приведем свидетельство Приска (середина V в.): «Доходы и царская казна были истощены не на полезные дела, а на непристойные зрелища, на безрассудную пышность, на забавы и на другие издержки, от которых благоразумный человек и среди счастливейшего состояния государства должен удерживаться» (Priskos, fr. 5). Мысль о том, что налоги являются одной из форм эксплуатации трудящихся, совершенно чужда Караяннопулосу.

Кроме «внешнего врага», на состояние финансовой системы Византии, согласно Караяннопулосу, оказывал влияние и «внутренний враг». Кого же имеет в виду автор под «внутренним врагом»? Оказывается, это — крупные землевладельцы. Именно этот «враг» приводит в беспорядок всю государственную финансовую систему. Караяннопулос объясняет это так: Византия получила в наследство от Римской империи крупные латифундии, которые имели тенденцию к росту, так как покупка земли в то время была единственным способом выгодного вложения капиталов. Рост крупной земельной собственности за счет мелкого землевладения нарушал, однако, социальные порядки империи и приводил в расстройство финансовую систему. Население, попадая под патроциний крупного землевладельца, теряло всякую связь с государством.

Византийское правительство действительно вело борьбу против патрониния. Однако автор не пишет, что наряду с запрещениями дальнейшего распространения патрониния в законодательстве имелись и статьи, легализующие патроциний как институт.

Усиление частной власти крупных землевладельцев над населением, по Караяннопулосу, было подлинным бедствием. И если дело не дошло до полного развала империи, то только потому, что во главе Византии стояли «такие решительные лица», как Юстиниан, которые осознавали опасность и умели наносить тяжелые удары крупному землевладению. К сожалению, автор не аргументирует своего положения. В действительности же крупное землевладение не получило такого серьезного удара от мероприятий Юстиниана.

Караяннопулос считает, что мероприятия Юстиниана были правильно рассчитаны, но «трагедия» Юстиниана состояла будто бы в том, что он вел борьбу против крупного землевладения при помощи государственного аппарата, в недрах которого засел другой грозный «внутренний враг» — коррупция. И все же Караяннопулос приходит к выводу, что ранневизантийское государство сумело в основном, несмотря на тяжелые обстоятельства, справиться с трудностями, создало «жизнеспособную систему, которая была факелом цивилизации и представляла собой европейскую культуру».

Исследование самой системы налогового обложения начинается с выявления основных принципов финансовой системы империи. По Караяннопулосу, ранневизантийская «теория» налога вытекала из представления о сущности императорской власти. Император, ставленник бога, обязан думать об общественном благе и поэтому имеет право облагать население налогами, заботясь при этом, чтобы население было не слишком обременено. Разумеется, это демагогические фразы, однако исследователем они принимаются за действительную основу налоговой системы. Автору следовало бы привести и другую «теорию» налога, которая значительно чаще встречается в источниках как светских, так и церковных — теорию, сводящую взимание налогов к грабежу народа, к проявлению «алчности» императоров и их окружения. Люди IV—VI вв., очевидно, лучше понимали классовую сущность налоговой системы, чем ученый-византинист XX в.

Основным принципом налоговой политики в ранней Византии Караяннопулос считает *справедливость*, которая, по его мнению, заключалась в соблюдении начала всеобщности обложения. В качестве доводов приводятся факты, такие как запреты освобождать кого бы то ни было от налогов (даже императорские земли должны были платить налоги!). Автор цитирует громкие фразы кодексов вроде: «Привилегии немногим — гибель для многих!», принимает их за подлинную основу политики. Но тут же он должен признать, что, несмотря на такую политику, императоры часто освобождали отдельные категории лиц от внесения налогов.

Справедливость налогового обложения, по мнению исследователя, состояла и в том, что «каждый платил соразмерно своему состоянию». Караяннопулос восхищается, с какою точностью и последовательностью проводился этот принцип обложения. Для аргументации снова приводятся такие демагогические высказывания Константина I, как, например: «Интересы частных лиц мне дороже интересов фиска»! Ссылаясь на статьи конституций Константина из Кодекса Феодосия (Cod. Theod., 11, 16, 4 от 328 г.), Караяннопулос уверяет, что тяжесть налогового обложения в первую очередь падала на богатых. И в данном случае демагогические фразы принимаются исследователем всерьез. Правда, Караяннопулос делает некоторые оговорки: он приводит факты, свидетельствующие о том, как стремления к «справедливости» приводили к обратному результату.

Переходя к анализу capitatio-iugatio, Караяннопулос рассматривает историю вопроса, однако русская литература по-прежнему не используется: исследования Ю. Кулаковского, Б. Панченко, М. В. Левченко неизвестны Караяннопулосу. Точка зрения автора основана на его положении о «справедливости» как основном принципе обложения. Jugum, по Караяннопулосу, всегда обозначает оценку доходности земли. Термин caput употребляется как выражение оценки находящейся в собственности налогоплательщика рабочей силы (человека или животного), земли, а также запасов фуража и кормов. В определении capitatio-iugatio Караяннопулос примыкает к взглядам Ботта. Capitatio понимается им не столько как вид налога, сколько как наименование системы обложения, причем при capitatio terrena налог падал на землевладельца, при capitatio humana господин вносил налог за зависимое население, а capitatio plebeia — это обложение свободного населения, не владеющего земельными участками.

Характерна оценка Караяннопулосом Диоклетиановой системы обложения в целом. До сего времени считалось (особенно в свете исследования Зеека), что основная тяжесть системы, введенной Диоклетианом, ложилась на несостоятельные прослойки населения. Караяннопулос

считает это неправильным. По его мнению, система, построенная по принципу пропорционального обложения, для того времени была совершенно справедливой. Было бы нелепым, считает Караяннопулос, требовать от деятелей IV в. применения принципов прогрессивного обложения, созданного лишь в новейшее время. Но действительно ли на практике строго проводился принцип пропорционального обложения, не находились ли более бедные слои населения в более тяжелых условиях — автор не ставит этого вопроса. Тенденция Караяннопулоса ясна: он стремится отмежеваться от тех положений ученых XIX в., которые кажутся ему неприемлемыми для его концепции, оправдывающей гнет, существовавший в Позднеримской империи.

Некоторые частные наблюдения Караяннопулоса могут представлять известный интерес. Такова, например, попытка восстановить тип катастровой записи на основании сохранившихся остатков надписей. Караяннопулос делит катастры на два типа — первичные и вторичные, анализирует метод составления катастров, определяет терминологию и функции разных должностных лиц. Затем Караяннопулос переходит к анализу компетенции отдельных финансовых учреждений империи (основываясь на Notitia dignitatum и следуя за Зееком).

Говоря о comitiva sacrarum largitionum, Караяннопулос подробно перечисляет все источники дохода императорской казны. Направление расходов почти не интересует автора — упоминаются только затраты на содержание армии и новогодние подарки приближенным. Вопрос о целесообразности расходования государственных средств не подвергается анализу. Касаясь второго отдела императорской казны — comitiva rerum, privatarum, исследователь вовсе не выясняет целей выделения из императорской казны этого учреждения, ведавшего управлением императорскими поместьями, землями, конфискованными или оставшимися после смерти владельцев без завещаний, а также всеми жившими на этих землях колонами, инквилинами, рабами. Невыясненным остается и направление расходования средств, получаемых этим учреждением. Совершенно непонятно, что подразумевает автор, говоря вскользь, что особой функцией данного учреждения было «общее наблюдение за земельной собственностью». Имея в виду Cod. Just., 1, 55, 8, автор совсем не пытается раскрыть, в чем заключалась так называемая защита владельцев от дефенсоров, имевшая, несомненно, особый социальный и политический смысл.

Много места в книге занимает дискуссия о сущности организованной Анастасием I comitiva sacri patrimonii, а именно: являлось ли новое учреждение результатом выделения из казны частной собственности императора или же, наоборот (по Штейну), это было следствием включения в государственное управление тех земель, которые до этого времени были изъяты из его ведома. Караяннопулос присоединяется к первому мнению, полагая, что новое учреждение в сущности было не государственным, а дворцовым, что comes patrimonii был отнюдь не чиновником, а лицом придворного ведомства. Аргументацию Караяннопулоса можно считать убедительной — самостоятельное управление патримония сохранялось в течение всего VI в. Однако смысл выделения этого учреждения остается у автора невыясненным.

Явно поверхностно автор разбирает вопрос об arca praetoriana, о местных средствах, которыми распоряжался префект претория. Фактически автором не раскрывается характер доходов префектуры. Как известно, должность префекта претория в дальнейшем исчезла, что Караяннопулос объясняет «милитаризацией Византии», однако было бы правильнее связать это с упадком городов в провинции, начиная с VII в.

Совершенно необъяснимый пробел в работе Караяннопулоса — отсутствие раздела о городских финансах. Между тем этот вопрос для историка финансового управления Византии является одним из важнейших. Нам кажется, что и исчезновение должности префекта претория, и передача функций префекта претория городскому эпарху в Константинополе находится в связи с изменением положения городских финансов.

Спорный вопрос — была ли налоговая система основана на заранее определенной сумме налогов или же на сумме налоговых объектов обложения — разрешается автором недостаточно четко. Он полагает, что император назначал каждой префектуре определенную сумму, которая в дальнейшем распределялась по провинциям и городам в зависимости от объектов обложения. Тем не менее остается неясным, как при подобном распределении налогов отдельные местности могли распределять их в соответствии с общим числом объектов обложения.

Следующий раздел (стр. 92—183) посвящен выяснению характера отдельных видов налогов. Необходимо отметить тщательность изысканий автора в отношении терминологии. В основу прямых налогов автор помещает аннону, основанную на всеобщем поземельном налоге. Караяннопулос рекомендует считать capitatio—iugatio не поземельным, а подоходным налогом, поскольку в действительности учитывались все виды дохода налогоплательщика.

Ссылаясь на догадку Джонсона — Веста, Караяннопулос полагает, что часть обложения, падающая на iuga, выплачивалась натурой, обложение capita — золотом, поскольку встречается термин χρυσικά. Все налоги автор делит на 1) прямые всеобщие, 2) сословные, 3) процентные надбавки в пользу чиновников. К первой группе он относит аннону (натуральный налог) — основу снабжения армии, государственного аппарата и городов (annona militaris et civilis).

Автор с полным основанием считает, что при относительной хозяйственной стабилизации империи начиная с V в. развивается тенденция к коммутации, к переводу натуральных взносов на денежные. Подробно останавливаясь на характеристике синоны, Караяннопулос отмечает тяжесть этого вида повинностей для населения, однако смягчает этот вывод указанием на периодические ограничения синоны императорами, а также на факт передачи местному купечеству права доставлять продукты с помощью нормальной торговли. К числу натуральных поставок Караяннопулос присоединяет и обязательство поставлять обмундирование для армии (vestis collatio), поставку коней (equorum collatio); он оттеняет важность последнего в связи с ростом значения кавалерии. Этот налог делается в IV в. всеобщим, от него не освобождаются даже навикулярии. В V в. этот налог был полностью переведен на деньги. Автор подробно характеризует aurum tironicum, считая его денежным налогом, введенным вместо поставки рекрутов крупными землевладельцами. Наконец, в этом же разделе Караяннопулос повторяет положения, уже ранее опубликованные в статье относительно *хрисотелии* [1].

К сословным налогам Караяннопулос относит в первую очередь налог на сенаторов. Он отмечает, что первоначально этот налог взимался со всех сенаторов, но в V в. начинают освобождать отдельных сенаторов от этого налога, а в середине V в. налог был отменен. Никакого объяснения этим фактам автор не дает. Хрисаргир Караяннопулос характеризует как налог на любой вид предпринимательства, причем называет его незначительным, совершенно игнорируя те источники, которые объявляют этот

[1] См. I. Karayannopulos. Die Chrysoteleia der Juga. BZ, Bd. 49, 1956.

налог особенно разорительным для населения. Караяннопулос так пытается объяснить причину отмены хрисаргира Анастасием I: Константин I ввел его, чтобы иметь возможность давать армии donativa; когда же в V в. коммутация натуральных налогов приняла широкие размеры, потребность в этом налоге, который стеснял развитие торговли, отпала. Можно было бы согласиться с этим соображением, если учесть факт, который Караяннопулос вовсе не принимает в расчет, а именно, растущее сопротивление масс и размах народных движений при Анастасии. Отменой непопулярного налога Анастасий укрепил свое положение на троне.

Переходя к экстраординарным налогам, Караяннопулос признает их тяжесть для населения, но старается подчеркнуть, что правительство принимало все меры, чтобы мелкие люди не подвергались притеснениям со стороны potiores. Далее в труде перечисляются косвенные налоги, которые, по мнению Караяннопулоса, представляли собой основной доход государства. Он полагает даже, что именно освобождение иностранцев от этих налогов в конце XI в. и привело Византию к финансовому упадку.

Внутренние торговые пошлины за провоз товаров (vectigalia) сдавались в откуп с аукциона. Караяннопулос тщательно перечисляет мероприятия правительства против возможных злоупотреблений откупщиков. Затем автор останавливается на факте лишения городских общин их доходов от внутренних торговых пошлин, но тем не менее говорит о стремлении правительства оживить муниципальное хозяйство. Однако аргументация его сводится лишь к указанию на попытки императоров путем ограничения мобилизации земельной собственности куриалов задержать из фискальных соображений упадок этого отжившего сословия (стр. 158).

В число доходов государства Караяннопулос включает и взносы лиц, покупающих должность. Автор отмечает противоречивость политики императоров в отношении покупки должностей, но не объясняет причину этой противоречивости. По нашему мнению, этот вопрос заслуживает большего внимания, поскольку покупка должностей открывала горожанам доступ в ряды правящей знати. Sportula, незаконные поборы сборщиков налогов, Караяннопулос считает оплатой их расходов при выполнении обязанностей; эти поборы, по Караяннопулосу, никогда не запрещались, но только регулировались. Спор о том, были ли сборщики в это время чиновниками или горожанами, выполняющими общественные функции, не получает у Караяннопулоса однозначного решения. Он полагает, что одни из сборщиков были чиновниками, другие — куриалами (мы должны отметить, что возложение на частных лиц общественных обязанностей оставалось в практике Византии и в дальнейшем; именно таковы были функции трапезитов и вофров по «Книге эпарха»).

В разделе о судебных пошлинах Караяннопулос главным образом старается показать, что суд был доступен беднейшим слоям византийского общества, поскольку при мелких тяжбах никаких судебных пошлин не взыскивалось.

Очень кратко, словно мимоходом, останавливается Караяннопулос на повинностях населения, разделяя их на повинности, связанные с почетною должностью, и на повинности трудящихся низов; этот небольшой раздел не выходит за рамки обзора терминологии. Между тем munera sordida были тяжелыми неоплачиваемыми обязанностями, падавшими на беднейшие слои, и подробное исследование этих повинностей, освобождавших государство от многих затрат, шло бы вразрез с тенденцией Караяннопулоса идеализировать общественный строй в ранней Византии.

Вторая часть труда Караяннопулоса (стр. 183—273) посвящена основным принципам налоговой политики в ранней Византии. Как мы уже го-

ворили, основой налоговой политики, по Караяннопулосу, было стремление к справедливости и точности в определении объектов обложения. Но, как он утверждает, этот принцип вследствие усиления крупных землевладельцев центральные органы власти могли осуществлять лишь с большим трудом. При определении ставок налогов допускались всевозможные правонарушения. Караяннопулос старается привести все законодательные постановления, из которых можно было бы сделать вывод о заботе правительства о соблюдении справедливости и о мероприятиях по защите экономически слабых хозяйств. Он ссылается на запреты требовать доставки анноны на слишком далекое расстояние, чтобы эта доставка не нарушала сельскохозяйственных работ земледельцев, на запреты сборщикам налогов брать в залог рабов и рабочий скот, на постановления о возврате налогоплательщикам неправильно взысканных сумм. Автор всерьез принимает за действительность апологию Евсевия и панегирик Либания и подробно говорит о снятии налогов с опустошенных местностей, об отсрочках взносов налогов на два — четыре месяца, о разрешении вносить налоги в три срока, о снятии недоимок.

Все это, если верить Караяннопулосу, свидетельствует, что правительство в налоговой политике имело в виду не интересы фиска, а благосостояние населения и справедливость. Караяннопулос совершенно не желает понять, что подобные мероприятия проводились в основном в интересах крупного землевладения. Достаточно прочитать 163-ю новеллу Юстиниана, где прямо говорится, что причиной снятия недоимок с земледельцев было их обнищание, в результате которого они не могли ни вносить налоги, ни платить своим господам (крупным землевладельцам).

Много места в рецензируемой книге уделено вопросу об освобождении от налогов. Общим правилом, по Караяннопулосу, являлось требование *всеобщности обложения*. Отдельные факты освобождения от налогов вызывались политическими причинами: освобождались близкие к власти лица, а при победе противоположной группировки подобные освобождения аннулировались. Караяннопулос считает значение таких освобождений ничтожным. К другому разряду (освобождения по экономическим причинам) Караяннопулос относит льготы городам, пострадавшим от стихийных бедствий и набегов варваров. На особое место он помещает льготы семействам ветеранов; он говорит даже о создании «класса» ветеранов, имевших особые налоговые привилегии. Караяннопулос смешивает класс с сословной прослойкой мелких землевладельцев [2], которых действительно поддерживало ранневизантийское правительство в целях сохранения военной мощи государства.

Под социальными причинами освобождения от налогов автор понимает те льготы, которые даются таким прослойкам населения, от которых государство получает «особые выгоды»: семьям ветеранов, финансовым чиновникам, навикулярiям, отдельным профессиям, например грамматикам, врачам, профессорам философии. Налоговые льготы церкви и клирикам, по Караяннопулосу, объясняются тем, что церковь на свои средства выполняла важную государственную функцию социального обеспечения (организации домов призрения, госпиталей и т. п.). Нужно согласиться с Караяннопулосом: действительно, та задача подкармливания городской бедноты, которая выполнялась прежде государством и верхушкой куриалов, перешла частично к церкви.

---

[2] Можно признать правильным вывод Караяннопулоса о том, что в ранней Византии наряду с поглощением крупными магнатами мелкой земельной собственности наблюдается процесс укрепления свободного мелкого землевладения (стр. 199).

Для иллюстрации забот правительства о населении Караяннопулос приводит данные о снабжении городов продовольствием (cura annonae) и отмечает, что cura annonae не была фискальным мероприятием, поскольку продукты продавались по крайне низким ценам. Караяннопулос останавливается также на выдаче ἄρτοι πολιτικοί и считает, что хлеб по пониженным ценам продавался определенным группам столичного населения. Подлинной заботой о населении Караяннопулос считает и регулирование рыночных цен, которое будто бы имело целью поддержать предприятия частных ремесленников и защитить потребителя от притязаний купцов. Безусловно, подобные мероприятия имели место в Ранневизантийской империи, однако они вызывались к жизни только давлением масс, которые отвечали на голод и хозяйственные затруднения опасными для правительства выступлениями и восстаниями. Правительство стремилось найти социальную опору в городском населении, и этим-то объясняются некоторые вынужденные «заботы» о населении.

Доказывая, что политика Ранневизантийского государства проводилась в интересах простого народа, автор снова и снова говорит о мероприятиях против взяточников, против насилий со стороны чиновников и крупных землевладельцев. Но лишь улыбку вызывает утверждение Караяннопулоса, что запрет взыскивать по воскресеньям налоговую задолженность доказывает отсутствие фискальных интересов (стр. 230).

Очень поверхностно рассмотрены Караяннопулосом государственные монополии. Наиболее важной из них он признает соляную, но добавляет, что в отдельных случаях имелись и частные солеварни. Это — единственная монополия, которая приобрела фискальный характер. Остальные виды монополий либо определялись политическими задачами (изготовление пурпурных тканей), либо являлись мероприятиями против иностранной конкуренции (производство и торговля шелком).

Подробно останавливается Караяннопулос на вопросе об эпиболэ, коллективной ответственности при взносе налогов. Он признает наличие двух видов эпиболэ — с передачей и без передачи брошенной земли. Караяннопулос считает, что коллективная ответственность была в интересах мелкого землевладения, поскольку путем коллективной выплаты налогов можно было спасти от перехода в руки крупных землевладельцев те участки земли, которые временно не обрабатывались крестьянами. Но в целях обработки пустующих земель передавались земли и в собственность при условии уплаты налогов (часто с льготами), и этим пользовались крупные землевладельцы. Караяннопулос считает, что нужно полностью отказаться от тех положений об эпиболэ, которые стали традиционными в результате доверия к показаниям Прокопия в «Тайной истории», т. е. отказаться от представлений о тяжести для населения этого налога. Автор старается создать впечатление о благодетельности этого налога для византийской крестьянской общины. Противопоставление эпиболэ ὁμοκήνσων и ὁμοδούλων препятствовало, по мнению Караяннопулоса, проникновению знати в крестьянскую общину и захвату ее земель. Однако совершенно ясно, что не особая форма коллективной ответственности при уплате налогов, а обычное право и внутренняя сплоченность связывали общинников.

Труд Караяннопулоса заканчивается несколько неожиданной главой о морали налогоплательщиков. Оказывается, злоупотребления имели место не только со стороны сборщиков налогов — нечестными были и налогоплательщики, которые прибегали ко всякого рода обманам, чтобы не платить налогов. Константин I безуспешно боролся против обмана и хитрости налогоплательщиков. Строгость и беспощадное законодатель-

ство относительно сбора налогов являлись, по Караяннопулосу, естественным следствием моральных пороков налогоплательщиков.

Караяннопулос задает напрашивающийся вопрос: если действительно налоговая система в Византии была разумна, справедлива, то почему в источниках зафиксирована масса жалоб на ужасы этой системы? И Караяннопулос отвечает: человеческая натура гнусна; люди всегда критикуют существующее положение вещей; любое мероприятие можно очернить из политических соображений и т. д. Караяннопулосу не приходит в голову мысль о том, что между идеалом законодателя и реальной действительностью имеется большое расхождение, которое историк должен учитывать и раскрывать. Караяннопулос этого не сделал, и потому его труд превратился в сплошную апологию финансовой системы Византии.

Караяннопулос выступает против историков (в том числе Штейна и Ростовцева), которые говорили о разложении и упадке Византии в IV—VI вв. По его мнению, это был период политического и культурного подъема, который, однако, требовал тяжелых жертв от населения.

В заключение Караяннопулос приводит фразу Хейхельгейма о том, что только государство с сильной властью, регулирующее всю жизнь страны, могло спасти для будущего сокровища античной культуры. Всякое более свободное государство погибло бы. В этих словах восхваление тоталитарного государства проглядывает явственно.

Общая тенденция книги Караяннопулоса политически реакционна. Однако книга имеет и ценную сторону — детальный анализ терминологии финансового дела, критический разбор различных теорий западной историографии, касающихся финансовой системы ранней Византии. Можно найти много полезных справок у Караяннопулоса, но следует полностью отбросить его попытки убедить читателей во внеклассовой сущности Ранневизантийского государства и в благодетельности для населения Византии налоговой системы V—VI вв.

М. Я. Сюзюмов

A. J. FESTUGIÈRE. ANTIOCHE PAÏENNE ET CHRETIENNE. LIBANIUS, CHRYSOSTOME ET LES MOINES DE SYRIE

Avec un commentaire archéologique sur l'Antiochos par Rol. Martin. Paris, 1959

(обзор глав археологического содержания)

Новая работа видного представителя официозной французской науки сопровождается переводом писем и девяти речей Либания, жития Симеона Столпника из Historia Religiosa Феодорита Киррского, подробным изложением других жизнеописаний Симеона (сирийского и греческого, составленного монахом Антонием), а также высказываний Иоанна Златоуста, относящихся к сирийским монастырям; монография в основном базируется на этих материалах. Таким образом, книга относится к истории идеологии IV—V вв., в частности, к истории христианского культа.

Автор использует лишь очень немногие современные труды, оправдываясь тем, что «человек, посвятивший себя глубокому изучению древних авторов, из-за краткости жизни не может всего прочесть» (стр. 17). Но проводится этот принцип односторонне. Так, уделяя большое внимание родственным связям учеников Либания и видных деятелей сирийского монашества, автор широко использует (и вместе с тем дополняет) просопографический труд Пети об учениках Либания, появившийся в 1957 г. Вместе

с тем Фестюжьер оставляет без внимания эпохальные мозаики, как не отражающие будто бы внутреннего мира антиохийцев; при этом создается впечатление, что роль мозаик умаляется потому, что они рисуют этот духовный мир не так, как хотелось бы автору. Из ведущих работ об этих мозаиках упоминается только монография Леви 1948 г. (стр. 12 и прим. 2), как будто не существовало более ранней монографии Морея[1]. Не желая, однако, совсем пренебрегать данными материальной культуры, автор привлек результаты некоторых из археологических исследований, проводившихся в Антиохии и на Сирийском нагорье в годы французского мандата. Разбор этих обращений к современной археологической науке и составляет содержание настоящей рецензии.

Первая часть книги Фестюжьера, посвященная Антиохии и антиохийцам, предваряется последней частью [2] знаменитой одиннадцатой речи Либания, произнесенной на Олимпийских играх в Дафне (в 358—359 гг. по указанию автора, — стр. 10 и прим. 1)[3] вскоре после возвращения на родину и опубликованной в дополненном виде в 360 г., когда еще правил Констанций II. Целиком приводится вся описательная часть (стр. 196—271), рисующая Антиохию середины IV в. Автор книги считает возможным отнести это описание и к более позднему времени (V в.). Фактически в правление Феодосия I город не только не был уничтожен (этим угрожал император восставшим антиохийцам), но напротив, так вырос, что пришлось расширить его стену [4]. Малала сообщает также о постройке при Феодосии II (408—450) большой базилики Анатолия и о золочении створ Дафнийских ворот. Позднее, при Анастасии, была построена гражданская базилика Руфина[5].

Упадок наступает только в VI в., из-за страшного пожара (незадолго до 520 г.), который Малала (p. 417. 5 sq.) связывает с запрещением Олимпийских игр. От большого землетрясения 525 г. пострадал весь город, в том числе Большая церковь; в 540 же году город был взят и сожжен Хосроем II. Следует напомнить, что сообщение Прокопия о полном восстановлении Антиохии Юстинианом не соответствует действительности.

С некоторыми оговорками можно согласиться, что рисуемая Либанием картина в достаточной мере отвечает состоянию общественных сооружений Антиохии и в середине V в. Однако именно за истекшее со времени Либания столетие должно было значительно возрасти число тех памятников христианского культа, которыми Либаний явно пренебрег в середине IV в., но которые имеют особое значение в контексте данной книги.

Уже во введении автор под разными предлогами отклоняет свидетельство о распространенности язычества в Антиохии. Тот факт, что антиохийцы, по сообщению Иоанна Златоуста, увлекались цирком и иппо-

---

[1] C. R. M o r e y. The mosaics of Antioch. London, 1938.

[2] Начиная перевод с § 196, Фестюжьер опускает не только риторическое восхваление Антиохии, но и всю историю города и его языческих культов, а также очень интересные данные о финансировании антиохийского строительства (§ 194—195) и любопытное свидетельство о местной традиции, согласно которой суд Париса имел место в Дафне (§ 241),— сообщение, получающее особое значение в связи с изображением этой сцены на одной из мозаик (G. D o w n e y, in: AJA, vol. 64, № 3, 1960, p. 303). Имеется прокомментированный английский перевод всей речи: G. D o w n e y. Libanius oration in praise of Antioch (Oratio XI). «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 103, № 5, 1959, p. 652—686. Г. Доуни знает о существовании русского перевода С. Шестакова по отзыву, но думает, что он включает только 16 речей (op. cit., p. 655).

[3] Г. Доуни относит игры и произнесенные речи к 360 г. (op. cit., p. 653; n. 4).

[4] I o a n n i s M a l a l a e Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, p. 346. 5—347.5.

[5] Рец. соч., стр. 10: M a l a l., p. 398. 9 sq.

дромом, что в замечательных мозаиках Дафни и Антиохии совершенно отсутствуют христианские эмблемы, ничуть не смущает автора. Он переносит формальное и безразличное принятие религии современной французской буржуазией в ту эпоху, когда классовые противоречия ярко проявлялись в религиозных разногласиях; он обходит все то, что породило языческий характер антиохийского искусства. Такая модернизация «облегчает» решение сложных проблем прошлого, ход исторического развития в трактовке автора предстает совершенно произвольным (стр. 13). Область же вещественных памятников, обнаруженных за последнее десятилетие, затрагивается в книге довольно оригинальным образом.

Первая глава книги состоит из перевода XI речи Либания Antiochikos (Or. XI. 196 sq.— Libanii opera, rec. R. Foerster, vol. I. Lipsia, 1903, p. 504. 5 sq.) и из комментария к ней. Автору книги принадлежит французский перевод (стр. 23—37), оценка которого не входит в задачи настоящей рецензии. Обширный комментарий (стр. 38—61) составил специалист по античному градостроительству Р. Мартен. Две его монографии — о греческой агоре и о градостроительстве в античной Греции [6] — представляют значительный вклад в науку. Содержание второй далеко выходит за рамки ее заглавия; целая глава в ней («Расширение и преобразование эллинистического наследия») рисует общую картину римского градостроительства в восточных провинциях. Впервые после появления труда А. Геркана [7] здесь вновь подтверждается римское, а не эллинистическое происхождение и соответствующая датировка всех колонных улиц, известных археологии и эпиграфике. Понятно, что участие Р. Мартена увеличило удельный вес археологии в рецензируемой книге. Но совершенно непонятно, как мог Фестюжьер остаться в стороне не только от детального комментария Р. Мартена, но и от самой XI речи Либания. В итоге двойная «рамка» — Либания и Мартена — имеет мало отношения к обрамляемой картине; она существует самостоятельно и безотносительно к тексту.

По ряду вопросов комментарий Мартена перерастает в небольшие экскурсы. Так, он оспаривает не совсем ясное указание Либания, будто бы Антиохия была крупнейшим из городов того времени. В IV в. площадь ее была гораздо меньше, чем площадь Рима; это должно относиться и к числу жителей: около половины миллиона в Антиохии и более миллиона в Риме.

Особое значение имеют замечания о колонных улицах Антиохии. Как известно, выражение «δίδυμον στοῶν ὕφος ἐκτείνουσα» расшифровывалось ранее, как свидетельство о двух рядах колонн по каждой стороне проезда на главных улицах Антиохии (Lib., 504. 9). Поэтому на старых планах Антиохии, реконструированных у Мюллера и Ферстера [8], улицы показаны чрезмерно широкими.

Однако ни в Антиохии, ни при раскопках какого-либо другого античного города не обнаружено таких двойных, т. е. двухнефных, колоннад вдоль улиц. Двухнефные колоннады или стои оставались, по указанию Мартена, особенностью греческой и эллинистической агоры и не перешли в колонные улицы римского времени. Как показал Мартен [9], во многих

---

[6] R. Martin. Recherches sur l'agora grecque. Paris, 1951; idem. L'Urbanisme dans la Grèce antique. Paris, 1956.

[7] A. Gerkan. Griechische Städteanlagen. Berlin u. Leipzig, 1924.

[8] K. O. Müller. Antiquitates Antiochenae. Gottingae, 1839, tab. A; R. Förster. Antiochia am Oronthes. «Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts», Bd. XII, 1897, S. 103.

[9] R. Martin. L'Urbanisme..., p. 217, особенно p. 219.

случаях, в частности в Антиохии, главные, но все же относительно узкие (10—12 м) улицы эллинистического времени могли быть обращены в широкие колонные проспекты только за счет примыкающих домов, т. е. с отчуждением части их участков (стр. 40; Lib. 504. 10). Поэтому старая ширина улиц обычно увеличивалась не более, чем на ширину тротуаров, т. е. на ширину однорядных портиков; для двухнефных же портиков недоставало места. Выражение следует считать равнозначным διπλῆ στοά, обычному для обозначения двухъярусных колонных сооружений на площадях. В переводе Фестюжьера (стр. 23) тоже употреблено выражение «portique à deux étages» (без обоснования) [10].

Применение двухэтажных портиков вдоль улиц представляется Мартену необычным — быть может, из-за недостаточно углубленного изучения руин (стр. 39; Lib. 504. 9). Мартен отмечает склонность антиохийских строителей к многоярусным галереям и частую замену в этих галереях колонн столбами. Галереи со столбами известны на делосской агоре италиков и распространены в жилой и культовой архитектуре нагорного района к востоку от Антиохии, который Мартен вместе с Чаленко [11] условно называет «массивом Белуса». Нельзя не отметить, что при всех заслугах Чаленко распространенность двух- и трехъярусных портиков в горах Северной Сирии отнюдь не является его открытием; начиная с общеизвестных публикаций Вогюэ и Батлера, мы имеем ряд изображений этих многоярусных портиков. Они характерны не только для жилой и культовой архитектуры, но и для таких общественных зданий, как, например, андроны, базарные здания, гражданская базилика в Деир Семане (Джебель Семан) или так называемое «кафе» в Серджилла (Джебель Завие), т. е. для всей архитектуры района между Антиохией и Алеппо, между Апамеей и Кирром.

Мартен удачно сослался на двухъярусность портиков в антиохийском районе. Указание же на замену колонн столбами не имеет прямого отношения к делу. Для аналогии с колонными улицами важнее было бы привлечь не портики со столбами, появившиеся в некоторых районах Северной Сирии относительно поздно, а двухъярусные портики, еще долго сохранившие классические колоннады в обоих этажах [12]. Ведь улицы Антиохии обрамлялись колоннадами, а не рядами столбов; именно мотив двухъярусной колоннады дома или андрона мог лечь в основу грандиозных тоже двухъярусных, колонных улиц Антиохии. Не совсем удачная аналогия с портиками делосской агоры италиков, по-видимому, проистекает из недостаточно четкой трактовки основного вопроса — о дате антиохийских колоннад.

Используя данные древних и византийских авторов, Мартен считает, что археологические свидетельства будто бы отвечают указаниям Иосифа Флавия и Малалы, которые относят замощение и украшение проспектов ко времени Ирода и Тиберия (Ios. Flavius. Bell. Jud., I, 21, 11; Ant. Jud.,

---

[10] С. Шестаков («Речи Либания», т. II. Казань, 1916, стр. 383) переводил: «двойной ряд высоких портиков». Без уточнения и без комментария Г. Доуни («Libanius...», p. 673) переводит: «a double line of stoas». Следует отметить, что участник раскопок Лассю все же считает колоннады четырехрядными J. Lassus. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Paris, 1944 (1947), p. 303]. Таким образом, этот вопрос не решен окончательно, хотя на новых планах (у Морея, Пети, Фестюжьера) показываются неизменно только два ряда колонн, по одному с каждой стороны.

[11] G. Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif de Bélus à l'époque romaine, vol. I—III, Paris, 1953—1958.

[12] H. C. Butler. Ancient architecture in Syria. Section B. Northern Syria, part 1 (Leyden, 1908, p. 108; part 3. Leyden, 1909, p. 124—131 (Серджилла); p. 133—135 (Даллоза).

XVI, 5,3; Malal., p. 232. 15 sq.). Если при Ироде улицы замощались, а при Тиберии украсились статуями, то значительная часть работ, по мнению Мартена, была уже выполнена; исследователь видит здесь «удачное совпадение археологических и литературных данных, позволяющее уточнить дату этих преобразований, которые глубоко изменят архитектуру городов империи» (ср. освещение им этого вопроса в кн: «L. Urbanisme...», p. 217—218). Сопоставляя эти указания (стр. 40) с описанием двухъярусных портиков у Либания (504. 9) и с комментариями к ним Мартена (стр. 39), читатель получает совершенно ложное представление, будто бы колонные проспекты, описываемые Либанием, это и были πλατεία Ирода.

Между тем археология подтверждает лишь относительно малую ширину эллинистических улиц и отсутствие на них колоннад. Недоразумение, скорее всего, объясняется тем, что в работах о градостроительстве античной Греции Мартена занимал вопрос о разграничении вклада греков и римлян [13]. Как известно, Мартен доказывал, что даже самые ранние, не дошедшие до нас, но известные по эпиграфическим или археологическим данным колонные улицы относятся к эпохе Римской империи (ко второй половине I в. н. э. — в Коринфе; быть может, даже к первой половине I в. н. э. — в Атталейе в Киликии). Вот этот-то тезис Геркана—Мартена и подтверждают раскопки Антиохии; и здесь тоже на эллинистических уровнях отсутствуют следы колонных улиц. Но это отнюдь не дает права ставить знак равенства между созданиями Ирода—Тиберия и описанными Либанием колонными проспектами гораздо более позднего города.

Ни окончательный отчет о раскопках в Антиохии, ни последний том предварительной публикации, насколько нам известно, еще не появились. Но достаточно внимательно изучить вышедшие тома [14], чтобы ясно представить себе, как далеки друг от друга — не только во времени, но и в пространстве — улица, описанная Иосифом Флавием, и колонные улицы, описанные Либанием. Между остатками базальтового замощения, отвечающего римскому колонному проспекту, и уровнем эллинистической улицы обнаружено одно над другим по крайней мере два замощения с разницей более метра между каждыми двумя смежными уровнями [15]. Таким образом, ни улица Ирода, ни улица, украшенная статуями при Тиберии [16], это отнюдь не тот колонный проспект, которым гордилась Антиохия при Либании. На уровнях, промежуточных между эллинистической улицей из гравия и монументальными римскими улицами, колоннад, относящихся к ранней империи, обнаружить не удалось [17].

В I—III томах предварительной публикации грандиозный колонный проспект Антиохии не датируется. В заметке Ф. Вааже портики датируются концом II в. н. э. [18]; Лассю же относит наиболее блестящее состоя-

---

[13] R. M a r t e n. Urbanisme..., p. 217—218, а также p. 176—177, 219.

[14] «Antioch on the Orontes», I—IV. Princeton 1934—1952.

[15] Ibid., III (1941), p. 14—15 и 16—17. Ф. Вааже (F. O. W a a g é. Antioch on the Orontes; season of 1937. AJA, 1938, № 1, p. 126—127.— Заметка о докладе на 33-й сессии Американского археологического института) насчитывал три промежуточных периода, так как он ошибочно считал базальтовое замощение не римским, а византийским.

[16] Уже раньше Ч. Морей указывал: «Еще не ясна связь между колонными улицами Тиберия и теми, о которых Иосиф и Малала сообщают, что их во времена Августа замостил и украсил портиками Ирод» (Ch. R. M o r e y. Excavations on Antioch on the Orontes. «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 76, 1936, p. 642—643).

[17] F. O. W a a g é. Op. cit., p. 126—127

[18] Ibidem.

ние колонных проспектов в III в. н. э. [19] Позднее архитекторы Юстиниана лишь слегка приспособили римский монументальный проспект к новым требованиям [20]. Значит, Либаний мог описывать только эти относительно поздние римские проспекты, проезжая часть которых была замощена базальтом.

Датировка III веком позволяет сопоставить антиохийские колонные улицы с близкими по времени — тоже колонными, и тоже двухъярусными — проспектами самого Константинополя.

Известно, что константинопольские проспекты были так загромождены лавками, что пешеходное движение фактически осуществлялось по второму этажу колоннад [21]. Двухъярусность антиохийских портиков может быть объяснена аналогичным образом; и прием этот был осуществлен в столице, вероятно, по сходным причинам — из-за несоответствия возросшего движения ширине портиков.

Мы позволили себе подробно рассмотреть вопрос о колонных улицах, так как он является ключевым в истории античного градостроительства вообще, а в истории Антиохии в особенности. Из сказанного ясно, что Мартен не дифференцирует многовекового развития городов в эпоху Римской империи, а противопоставляет все, созданное римлянами, всему греческому. Ни Мартена, ни — как естественно было бы предположить — Фестюжьера не смутило смещение на десяток метров по вертикали, говорящее о трех веках, на протяжении которых город должен был измениться сильнее, чем в промежутке между поздним эллинизмом и эпохой Августа — Ирода.

Комментарии на стр. 50—51 посвящены интересным данным Либания о многоэтажности домов богачей, о наличии сильно выступающих балконов, о тесной связи домов с примыкающими портиками (510, 10; 510. 13 sq.; 512. 7. 515. 5—7). Следовало бы добавить, что это не было общим правилом и в поздней античности; иногда (например в Босре) портики почти не сообщались с домами, которые сохраняли свою традиционную замкнутость. Распределение лавок и мастерских вдоль главных улиц (Lib., 510.9; 510.13 sq.; 526.7) подчеркивается Мартеном как отличие от греческих и эллинистических городов, где ремесла специализировались обычно по районам, а торговля концентрировалась на рынке (агора). Однако все эти указания Либания (и комментатора) относятся, конечно, к совсем другой эпохе, к иному образу жизни, к иному облику города по сравнению с концом I в. до н. э. Они-то и роднят п о з д н ю ю Антиохию с древними городами Италии (Помпея, Рим, Остия), с преображенными под римским влиянием городами Сирии и Малой Азии, например с Милетом III—IV вв. н. э. (можно добавить сюда и Константинополь). В дальнейшем, в VI—IX вв. загромождение и застройка портиков и даже проезжей части лавками привели к полному изменению облика городов, к появлению системы улиц-базаров (суков), как верно отмечает Мартен (стр. 56—57). Но это не имеет никакого отношения к портикам Ирода.

Комментарий Мартена полон и убедителен в отношении тех факторов, которые мало изменились от эпохи эллинизма до времени Либания; удоб-

---

[19] J. L a s s u s. Op. cit., p. 303. «В III в.— расцвет Антиохии, устройство вместо портиков Ирода большой колоннады в четыре ряда огромных колонн; длина этой колоннады отныне превышает четыре километра».

[20] «Antioch...», III, p. 16.

[21] R. G u i l l a n d. Autor du Livre des cérémonies de Constantin VII Prophyrogénète. La Mésè ou Regia. «Actes du VI-e Congrès International d'études byzantines (1948)», t. II. Paris, 1951, p. 171; R. J a n i n. La région occidentale de Constantinople. REB. XV, 1957, p. 91; C. M a n g o. The brazen house. København, 1959, p. 89.

ный для градостроительства рельеф местности, роль в этом рельефе и в городском пейзаже горы Сильпий, климатические условия, общее начертание городского плана, наличие «нового» города на острове и т. д. (Lib. 504. 15; 505. 7; 505. 11; 506.18; 507. 6—8; 509. 8; 511. 17; 514. 21 и т. д.).

Интересны соображения комментатора о тетрапилонах на пересечениях колонных проспектов Старого города (507.9—10) и об «омфалосе» на острове, перед дворцом (507. 14,17, 19). Вопрос о самом дворце, занимавшем значительную часть острова и еще нераскопанном, очень сложен. Мартен сопоставляет в связи с этим тексты Феодорита и Либания с изображениями городского пейзажа на общеизвестном мозаичном бордюре из Дафни (507.9 — 10 и 17; 508. 14; 509. 3).

Подробно исследуя соотношения понятий «дворец» и «регия», Мартен склонен считать «регию» тоже дворцовым, но более ранним сооружением. Однако если учесть, что в Константинополе «регией» (а также «агорой», «месé») назывались главные проспекты с двухъярусными портиками [22], то аналогичное объяснение напрашивается и для Антиохии: «регией», скорее всего, должны называться колонные улицы, по крайней мере те, которые до землетрясения 458 г. перекрещивались на острове, перед дворцом.

Комментируя текст о зрелищных сооружениях (Lib., 512. 15), Мартен говорит почему-то в предположительной форме (стр. 49) о возможности постройки второго ипподрома в позднеримское или византийское время. Между тем совершенно реальный ранневизантийский стадий несколько облегченной конструкции обнаружен раскопками в южной части острова, к западу от ведшей ко дворцу колонной улицы [23]; он показан даже на плане перед комментарием Мартена. Следует отметить, что реконструкция эта восходит в конечном счете к Ч. Морею [24]. Реконструируемая согласно описанию Либания поперечная колонная улица острова перерезана на плане этим ранневизантийским стадием. Морей напоминает [25] свидетельство Евагрия (II, 12) о том, что землетрясением 458 г. был разрушен тетрапилон острова вместе с колоннадой, проходившей перед дворцом. Тем самым освободилось место для стадия. Лассю узнает его на мозаичном бордюре из Дафни (отрезки 43—44) и ставит его в связь с баней С [26]. Сведения о постройке византийского стадия желательно было бы связать с коментарием к 512. 15 и 533. 15—18 (стр. 49, и 60—61), где речь идет о соревнованиях цирковых партий и соперничестве религиозных сект в Антиохии V в. Для основной темы книги — борьбы язычества и христианства — указание на постройку нового стадия было бы весьма полезно. Отсутствие его еще раз свидетельствует, как нам кажется, о недостаточной взаимосвязи в работе двух авторов. При некоторых уточнениях комментарий Мартена полезен сам по себе, но в нем недостаточно учтена специфика книги Фестюжьера.

I глава обрывается на комментарии Мартена. Следующая, II глава посвящена антиохийцам и Юлиану; к Либанию как воспитателю юношества

---

[22] R. Guilland. Op. cit., p. 171, 175—177, 182, со ссылкой на Эберзольта: регия, месé, платейя, агора — все это синонимы для главной магистрали Константинополя.

[23] W. A. Campbell. A byzantine stadium (in: «Antioch...», I), p. 32—33, табл. II и рис. 32.

[24] Ch. R. Morey. Op. cit., генеральный план. Планы у П. Пети (P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche au IV-e siècle après J. C. Paris, 1955, p. 127) и у Фестюжьера в основном повторяют реконструкцию Морея в отношении нового города (острова).

[25] Ch. R. Morey. Op. cit., p. 640.

[26] «Antioch...», I, p. 146—147; ср. W. A. Campbell. Op. cit., p. 33.

и представителю риторической школы автор возвращается только в III и IV главах. Таким образом, описание Антиохии оторвано от разбора деятельности в ней Либания, притом не только композиционно, но и в смысле содержания. «Рамка», которой является I глава, мало что дает для конкретизации первой части, посвященной деятельности Либания, Юлиана и Златоуста в Антиохии.

Очень мало внимания уделено и тому, правда немногому, что нам известно о церковных зданиях Антиохии. Только во второй части книги по поводу упоминания Феодорита о возвращении в правление Иовиана верующим церквей, по-видимому, закрытых Юлианом, в том числе и «недавно построенной» (стр. 271), автор, ссылаясь на Девресса, идентифицирует ее с Большой церковью, освященной в 341 г.; она стала «νεοδότητος» по отношению к Старой церкви, т. е. к той, которая была выстроена сразу после больших гонений (стр. 271, прим. 1). Но каково соотношение «Старой» церкви с «Золотой» церковью Константина [27], остается невыясненным. О Большой церкви упоминается еще раз в связи с указанием Феодорита о том, что тело старшего Симеона Стилита пролежало 30 дней в церкви Кассиана (стр. 386, прим. 2).

Церкви в пригороде Каусье, за мостом через Оронт, посвящено полстраницы (заметка Д, стр. 414—415); здесь ничего не сообщается о характере памятника, о крестообразности плана здания — самого раннего из датируемых крестообразных зданий (между 378 и 387 гг. и во всяком случае ранее 404 г.) — факте, казалось бы, значительном с точки зрения связи Антиохии с монастырями [28].

Ни слова не говорится о другой, тоже ранней, но базиличной церкви в пригороде Антиохии — Ма'шукка. Правда, подробные материалы о ней не опубликованы, но Лассю сообщает о ней как о первой и пока единственной базилике, раскопанной в Антиохии [29]; он дает общий вид раскопок и деталь мозаики [30]. Небезынтересно, что и в Каусье, и в Ма'шукка, несмотря на их относительно раннюю дату, уже налицо множество захоронений под мозаичными полами [31].

Нельзя совершенно отрицать возможность такого описания христианской Антиохии, которое было бы лишено конкретных археологических материалов. Но наличие в той же книге подробного комментария о гражданских сооружениях и языческих храмах обязывает автора дать конкретные указания о памятниках христианских, поскольку о них все же кое-что известно. Общая тенденция книги — подчеркнуть роль христианского элемента за счет языческого — не подтверждается, а скорее, напротив, опровергается всей суммой приводимых археологических данных: лишь языческая Антиохия ярко обрисована в тексте Либания и комментарии Мартена. Памятники же христианской Антиохии отсутствуют почти полностью.

---

[27] Л а с с ю (op. cit., p. 109) предполагает, что Золотая церковь была собором наравне со Старой церковью. Г. Чаленко (op. cit. vol. I, p. 227, 258) связывает октогон Константина с более старым языческим сооружением (см. след. прим.).

[28] Морей (op. cit., p. 637) подчеркивает, что эта церковь — 384 г.— уже типа Калат Семана, но на 50 лет раньше; а на стр. 645 — 387 года, по мозаичной надписи; Г. Чаленко (op. cit., vol. I, p. 258—259) считает, что в составе дворца на острове должен был быть октогональный памятник, сходный с Салонским мавзолеем; в этом октогоне он склонен видеть прямого предшественника Золотой церкви Константина и косвенного — октогона Григория Нисского и мартирия в Каусье, построенных почти одновременно в конце IV в.

[29] J. L a s s u s. Op. cit., p. 229—230.

[30] Ibid., tab. XLI (2) и XLIX (2).

[31] Ibid., p. 193, n. 4 p. 230.

Мы опускаем в нашем обзоре главы III—IX, не содержащие каких-либо данных об археологических памятниках. В основу X главы «Монастыри Северной Сирии» положены данные Феодорита Киррского, сгруппированные здесь в географическом порядке (стр. 311—316). Полностью обходя вопрос об экономической основе сирийских монастырей, Фестюжьер переходит к монастырским постройкам (стр. 319). На какие средства воздвигались эти великолепные комплексы V—VI вв.? Какова экономическая основа существования сирийского монашества? Какова роль «еретических» течений, в частности несторианства, а затем монофизитства, в изменении монастырского быта? Все эти сложные проблемы, играющие столь большую роль в понимании экономической, политической и идеологической истории Северной Сирии (и Северной Месопотамии) совсем не интересуют Фестюжьера. В силу этого для него остается неразрешенной только одна проблема — образ жизни и жилье самих монахов.

Как известно, эта же проблема, но в гораздо более широком смысле, стояла перед церковными деятелями и в принципе, и на практике. Египетское монашество с IV в. было склонно к отшельничеству, а Василий Великий осуждал его [32]. В IV в. Иоанн Зукнинский стоял на точке зрения Василия, а Иоанн Эфесский столкнулся в монофизитской Амиде с обеими тенденциями [33]: «Эти два течения, как и в египетских монастырях IV—V вв., уживались иногда мирно рядом, особенно в монастырях смешанного типа, где подле «братии» жили затворники и столпники...» [34] Сам Иоанн Эфесский колебался между двумя несовместимыми в принципе решениями [35]. Практически же только Иоанн и его просвещенные спутники жили в отдельных кельях амидского монастыря, тогда как другие занимали общее помещение [36].

В *северносирийских монастырях* V—VI вв. *отдельные кельи* археологически заверены только в виде редкого исключения; нигде нет корпусов, состоящих из келий. Зато в состав всех сколько-нибудь значительных монастырей входят многоэтажные здания с огромными помещениями и окружающими их портиками из столбов. Хижин отдельных *отшельников до сих пор* не удалось обнаружить ни внутри, ни около монастырей [37].

Однако Фестюжьеру обязательно хочется истолковать собранные им тексты в том смысле, что и в V в. жила или по крайней мере ночевала в отдельных помещениях (т. е. в хижинах) вся братия. Для решения вопроса Фестюжьер вынужден привлекать двух наиболеее авторитетных из современных авторов — Лассю и Чаленко.

Описывая в многократно упомянутой нами монографии типичные для Северной Сирии монастырские здания, окруженные не менее чем двухъярусными портиками с трех или четырех сторон, Лассю категорически называет монастырские корпуса — жилыми (de logis»)[38]. Келья, как правило, здесь нигде не встречается: бóльшая часть монахов жила в больших залах, предваряемых портиками [39], которые служили также спальнями [40].

---

[32] А. Дьяконов. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 391.
[33] Там же, стр. 17 и прим. 75.
[34] Там же, стр. 391.
[35] Там же, стр. 392—393.
[36] Там же, стр. 43 («только мы жили в кельях»).
[37] J. Lassus. Op. cit., p. 166—167; G. Tchalenko. Op. cit., vol. I, p. 19, 125, 139, 145—173.
[38] J. Lassus. Op. cit., p. 272. (цитируется у Фестюжьера на стр. 319).
[39] Ibid., p. 267. (цитируется у Фестюжьера на стр. 320).
[40] Ibid., p. 275 (цитируется там же).

По мнению Лассю, эта схема здания потому и применялась как в монастырях, так и в гостиницах, что она позволяла разместить множество людей на минимальной площади [41]. Признавая, что эти здания м а л о п о д х о д я т для жилья, Лассю все же считает, что монахи жили сообща «dans une promiscuite totale», зимой — в больших залах, летом — под портиками [42].

Не найдя у Лассю никаких подтверждений своей точки зрения, Фестюжьер переходит к работе Чаленко, «очищая» его высказывания следующим оригинальным образом.

Вся картина монашеского быта рассматривается Чаленко на фоне экономического процветания монастырей: «Если мы плохо разбираемся в жизни рядовых монахов внутри монастыря, то зато мы можем быть уверены, что каждый монастырь представлял самостоятельное сельскохозяйственное предприятие, очень обширное, и очень хорошо организованное»... «Кажущийся конфликт между текстами и памятниками можно попробовать объяснить таким изменением монастырских уставов, которое шло параллельно с организацией крупных сельскохозяйственных предприятий» [43]. Эта идея получает обоснование в описании руин ряда монастырей (особенно Каср аль Банат — V в. и Деир Турманин — VI в.) [44] и обобщается в особом § 23, названном «Монастырь как земледельческое предприятие» [45], а также в заключительной главе [46].

Аэрофотосъемка и внимательное исследование территории дали возможность обнаружить стены, ограждавшие обширные владения таких монастырей, как Каср аль Банат, Турманин, три монастыря Деир-Семана (Теланиссоса), в том числе и тот, который восходит к V в., и многие другие[47]. Расположение охранных башен и других служебных построек, неизменно обращенных к полям, не оставляет сомнения в сельскохозяйственной материальной базе монастырей — как упомянутых больших, так и малых, вроде Каср ад-Деир на Джебель аль-Ала. Поля давали братии хлеб, а обширные оливковые плантации делали монастырь независимым предприятием.

Руины сирийского монастыря обычно связаны с руинами определенного поселения. Они свидетельствуют, что в Зитт ар-Рум монастырь вклинивался в деревню; чаще же связанное с монастырем селение стояло несколько обособленно. Таково было соотношение селения Турманин с Деир Турманином; селения Телль Аде с монастырями Деир Телль Аде и Бурдж ас-Саб; деревушки Кефер Киле с Каср ад-Деир. Предполагая, что монастыри должны были использовать труд соседей для сбора и обработки урожая, Чаленко допускает и прямую зависимость от монастырей целых селений, особенно принадлежавших ранее языческим храмам [48].

Огромное число монастырей и большая плотность заселения исключали для известнякового массива истинное отшельничество. Уже в V в. оно могло быть здесь только условным, в непосредственной близости от монастыря, даже внутри его стен. Чаленко объясняет исчезновение скитов IV в. территориальным ростом монастырей, которые их поглотили» [49].

---

[41] Ibid., p. 276.
[42] J. L a s s u s. Syrie (C a b r o l - L e c i e r c. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, XV/2, 1908); по Фестюжьеру — стр. 320.
[43] G. T c h a l e n k o. Op. cit., vol. I, p. 20.
[44] Ibid., p. 157 sq.
[45] Ibid., p. 173—178.
[46] Ibid., p. 397—398.
[47] Ibid., vol. II, pl. XVI, XLVIII—XLIX, LI, LII, CCIV, CCVIII etc.
[48] Ibid., vol. 1, p. 176—177, 198.
[49] Ibid., p. 149, 178.

Эта ценная сторона исследования Чаленко не оспаривается, но и не учитывается Фестюжьером. Он вырывает из работы Чаленко отдельные цитаты, пропуская те указания, которые говорят не в пользу его собственной концепции. Это ясно видно, если сравнить отношение обоих авторов к самому раннему из дошедших до нас монастырей — Каср аль Банат (первая четверть V в). В описании этого комплекса [50] Чаленко высказывает интересное предположение о том, что портиковое здание в Каср аль Банат представляет собой переходную ступень от жилых корпусов к монастырским зданиям следующего (т. е. VI) века; по мнению Чаленко, относительно меньшая величина этих зданий еще раз подтверждает раннюю дату Каср аль Банат; в начале V в. состав монастырей уже установлен, но свою окончательную форму монастырский комплекс получил только в VI в. [51]; в состав монастыря Брейдж во второй половине VI в. все еще входило многоэтажное здание для общего жилья монахов [52].

Обратимся к соответствующим высказываниям Фестюжьера. По поводу ранней даты Каср аль Банат он вынужден признать (стр. 321, прим. 4); «Одна надпись (IGLS 531) сообщает, что церковь (Каср аль Банат) построена по обету архитектором Кирисом, который похоронен в ней. Кирис работал до 418 г., и надпись была сделана не намного позже его смерти» [53]. Но это не мешает Фестюжьеру заявить по поводу допускаемого Чаленко изменения монастырских уставов к концу V в: «Действительно, *все сохранившиеся руины монастырей принадлежат к более позднему времени, чем V в.*, и датируются, вообще говоря, шестым» (стр. 322, прим. 1; курсив наш — *С. К.*).

Продолжая пространно цитировать главу о монастырях долины Дана, Фестюжьер (стр. 322), пропускает целую страницу, на которой особенно интересен следующий абзац: «Напротив, большая четырехэтажная постройка, расположенная в Каср аль Банат у алтарной части церкви, явно кажется жильем монахов, а добавленная позднее башня могла служить им убежищем в случае опасности. Башнеобразное здание в Брейдж, тоже на восток от двора, было одновременно и жильем, и убежищем общины. В Калат Семане крыло, отданное монахам, также находилось на восточной стороне двора против здания, окруженного портиком» [54].

Фестюжьер (стр. 322) излагает этот абзац следующим образом. «Чаленко спрашивает, где же в этих условиях жили монахи? Он думает, что им можно приписать некоторые здания, например в Каср аль Банат». Так с необыкновенной легкостью убедительные выводы Чаленко о трех наилучшим образом изученных памятниках сводятся — и притом в вопросительной форме — к одному комплексу.

В контексте данной книги особенно важно, что именно Каср аль Банат (Мар Бица в монофизитских наставлениях VI в. ?) уже в V в. в период деятельности Феодорита и старшего Симеона Стилита, функционировал как монументальный комплекс зданий на базе огромного земледельческого предприятия; как раз в нем большое здание с портиками еще носило более жилой характер, чем во многих других.

Именно эти обстоятельства и обойдены или искажены Фестюжьером так, чтобы у читателя не могло получиться вывода, нежелательного с «православной» точки зрения.

---

[50] Ibid., p. 159—161.
[51] Ibid., p. 161, 163.
[52] Ibid., p. 159.
[53] Ibid., p. 160.
[54] Ibid., p. 166.

Фестюжьер пренебрегает также интереснейшим предостережением Чаленко: «Единство монастырской архитектуры не должно заслонять весьма вероятного различия в уставе и в образе жизни общин VI в. — различия, которое объяснило бы, что одни из них имели коллективное жилье, а другие не имели. Несомненно, существовало, например, различие между православными и монофизитскими монастырями; между монастырями для лиц, говоривших на греческом языке, и монастырями сирийцев; между обычными монастырями и монастырями паломническими, монастырями для затворников, столпников» [55]. Этот абзац не мог быть допущен в книгу Фестюжьера, вообще предпочитающего умалчивать о ересях.

Хочется добавить, что монастырские здания с портиками, как и аналогичные, хотя и меньшие, здания в составе поселений виллового комплексов, настолько мало дифференцированы в своем устройстве, что характер их эксплуатации мог легко быть изменен почти без переделок (такая перемена, в частности, могла быть связана с прокладкой новой дороги, повлиявшей на характер производства, на число паломников и т. д.).

При современном состоянии археологического изучения Северной Сирии, в частности изучения монастырских зданий и владений, категорически решать вопрос об образе жизни общин до сих пор еще затруднительно. Если же отвлекаться от наличия и конкретного характера их трудовой деятельности, от эксплуатации труда рабов и колонов, от размера владений и огромных монастырских богатств, и даже от культовой дифференциации, как это делает Фестюжьер, то научное решение вопроса станет вообще невозможным.

Судя по текстам, приводимым Дьяконовым[56] и Левченко[57], а также по ряду соображений Чаленко, в монастырях чаще всего должны были сочетаться или сменяться различные формы общежития. Никаким искажением точки зрения Чаленко нельзя поставить под сомнение правильность сведений, которые дают нам чертежи, литографии, фото и аэрофотосъемки, опубликованные в течение последних ста лет Вогюэ, Батлером, Маттерном, Лассю и Чаленко и создающие картину великолепных монастырских построек в благоустроенных огромных доменах. С этим совершенно конкретным фактом никак не вяжется та картина отшельнической, подвижнической жизни в с е х монахов, которую Фестюжьер хочет вычитать у Феодорита и в житиях Симеона. Даже подобранные самим Фестюжьером тексты говорят, скорее всего, об отшельничестве, подвижничестве отдельных лиц за счет совместной жизни (и работы?) остальной братии.

Вместе с Чаленко Фестюжьер вынужден признать, что большие здания с портиками служили одновременно и трапезной (стр. 322), и местом собраний, и местом трудовой деятельности братии (стр. 327). Весь вопрос сводится у него к тому, где и как монахи проводили ночь — в одиночестве или в общей спальне? Для решения этого частного вопроса не стоило прибегать к тенденциозному цитированию и искажению передовой концепции Чаленко. Подобное обращение с литературой представляет метод Фестюжьера в весьма невыгодном свете и ставит под вопрос точность использования письменных источников.

С. А. Кауфман

---

[55] G. T c h a l e n k o. Op. cit., vol. I, p. 166—167.

[56] См. прим. 32.

[57] М. В. Л е в ч е н к о. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-римской империи. ВВ, II. 1949, стр. 11 сл., особенно стр. 20.

ПО ПОВОДУ КНИГИ П. ЛЕМЕРЛЯ О «СОВЕТАХ И РАССКАЗАХ» КЕКАВМЕНА *

В Отделе рукописей Государственного исторического музея в Москве под № 298 (№ 436 — по каталогу Владимира) хранится уникальная рукопись XIV—XV вв., изданная в конце прошлого века русскими византинистами В. Г. Васильевским и В. К. Ернштедтом под названием Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regiis libellus [1]. Пятью годами ранее В. Г. Васильевский опубликовал перевод значительного числа параграфов этого памятника и обширный комментарий, во многом не утративший значения до настоящего времени [2].

Обилие сведений по византийской, болгарской и валашской истории X—XI вв. обусловило значительный интерес к сочинению Кекавмена болгарских и румынских историков, а затем и византинистов Запада [3]. В середине 30-х годов английская исследовательница Дж. Баклер приступила к подготовке нового издания. В связи с этим она опубликовала ряд статей, касавшихся главным образом проблемы авторства, соотношения обеих частей памятника и идентификации лиц, упоминаемых в нем [4]. Однако издание, подготовленное умершей несколько лет назад исследовательницей, до сих пор не увидело света [5].

Работы Баклер вызвали еще больший интерес к сочинению Кекавмена у западноевропейских ученых и историков Румынии, Венгрии и Болгарии. Особо следует отметить статьи Н. Бэнеску, [6] обстоятельную работу венгерского ученого М. Дьони [7], а затем статью болгарской исследовательницы Г. Цанковой-Петковой, впервые широко привлекшей наш памятник для изучения вопроса о социально-экономических отношениях в юго-западных болгарских землях в период византийского господства [8]. В 1956 г. западногерманский византинист Г. Г. Бек издал полный перевод сочинения Кекавмена с примечаниями и введением [9]. Книга П. Лемерля явилась, таким образом, закономерным итогом подготовительной работы, выполненной учеными многих стран. Она была написана, кстати говоря,

---

* P. L e m e r l e. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. «Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques. Mémoires», t. LIV. Bruxelles, 1960, 120 p.

[1] Записки Ист.-фил. фак-та СПб. ун-та, т. XXXVIII, 1896.

[2] В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Советы и рассказы византийского боярина XI в. ЖМНП, ч. 215, 1881, июнь; ч. 216, 1881, июль и август.

[3] См. библиографию: Gy. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 351—352; Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Югозападните български земи през XI в. според «Стратегикона» на Кекавмен. ИИБИ, 6, 1956, стр. 591, 617; И. Д у й ч е в. Няколко бележки към Кекавмен. ЗРВИ, кн. 5, 1958, стр. 59 слл.

[4] G. B u c k l e r. Autorship of the Strategicon of Cecaumenos. BZ, 36, 1936; e a d e m. Can Cecaumenus be the Author of the Strategicon? Byz., XIII (1), 1938.

[5] В 1958 г. на обложке II тома Corpus Bruxellense historiae Byzantinae появилось объявление, что издание Баклер с переводом и комментарием будет опубликовано в IV т.

[6] N. B ă n e s c u. A propos de Kékauménos. Byz., XIII (1), 1938; i d e m. Les duchés byzantins Bulgarie et Paristrion (Paradounavon). Bucarest, 1946.

[7] M. G y ó n i. L'oeuvre de Kékauménos source de l'histoire roumaine. «Revue d'histoire comparée», nouvelle série, t. III, № 1—4. Budapest, 1945.

[8] Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Указ. соч.

[9] *H.-G. B e c k. Vademecum des byzantinischen Aristokraten.* Das sogenannte Strategicon des Kekaumenos. Graz — Wien — Köln, 1956. В целом вполне квалифицированный перевод Бека содержит лишь незначительные погрешности и пропуски. Например, на стр. 93 пропущена фраза διὰ γὰρ ταύτης Θεοῦ χάριτι ταῦτα παιοῦμεν (C e c., p. 51.1), на стр. 99 отсутствует предложение θάρσει οὐδὲν ἀγαθὸν χωρὶς πόνου (C e c., p. 54.32), на стр. 145 пропущены слова τὸν γεγονότα πότε καίσαρα (C e c., p. 100.14). Странно, что П. Лемерль не упоминает о переводе Бека.

в результате работы специального семинара византинистов, которым руководил французский ученый.

П. Лемерль определяет свое исследование лишь как предварительные заметки к изданию текста; он не ставит задачи решить все те вопросы, которых касается, справедливо замечая, что эта цель в какой-то мере может быть достигнута лишь после нового издания памятника (p. 4). В действительности же книга Лемерля является первой попыткой всестороннего рассмотрения сочинения Кекавмена. Автор нередко поднимает широкие вопросы политической и экономической истории Византии, сопоставляя данные «Стратегикона» со сведениями других источников.

Книга состоит из краткого введения, 10 глав и трех приложений. П. Лемерль исследует вопросы об авторстве обеих частей памятника, о делении его на параграфы, о его композиции, о дате написания, о лицах, к которым адресуется автор памятника, о самом авторе и его родственниках, о государственных институтах — по данным исследуемого памятника; он останавливается на значении книги Кекавмена как источника для политической истории и для истории внутреннего строя и заканчивает работу главой, где дает ответ на вопрос, что представляет собой «средний византиец», каким, по мнению Лемерля, был Кекавмен.

Весьма важно первое приложение к книге, в котором дан список конъектур с кратким их обоснованием. Как нам представляется, за немногими исключениями, предложенные Лемерлем конъектуры вполне оправданы и улучшают чтение памятника. Другие два приложения написаны участниками упомянутого выше семинара: М. Матью (Заметка к § 78 «Стратегикона», в котором упоминается «Роберт Франк») и Ж. Гуйаром (Заметка о § 228—234, представляющих собою изложение раздела «Диалектики» Иоанна Дамаскина).

Сопоставляя текст «Стратегикона» и «Советов императору» (приписанных издателями двум разным авторам), Лемерль убедительно показал стилистическое единство обоих произведений (p. 6—8). К аналогичному выводу еще до Лемерля пришли Дж. Баклер, Н. Бэнеску и Г. Бек, но французский исследователь идет дальше. Тщательно анализируя существующее издание, П. Лемерль убедительно показывает его недостатки и ставит вопрос о том, не следует ли подозревать более глубокую путаницу в расположении отдельных параграфов [10], чем это предполагали сами издатели (p. 10). Сравнение находящегося в рукописи перечня заголовков параграфов с заголовками самих параграфов в тексте (они нередко противоречат содержанию озаглавленного отрывка) привело Лемерля, в частности, к выводу, что согласно старой рукописной традиции, «Советы императору» предшествовали тем параграфам «Стратегикона», в которых содержатся советы к топарху (p. 16) — иными словами, они входили составной частью в книгу Кекавмена.

По мнению Лемерля, название сочинения «Стратегикон», хотя и засвидетельствовано прологом, [который, по предположению французского ученого (p. 9, n. 1), принадлежал одному из потомков Кекавмена], не является подлинным наименованием (un titre impropre — p. 9) всего памятника, а может быть отнесено только к его части (p. 18). В связи с этим Лемерль рекомендует возвратиться к удачно предложенному еще В. Г. Васильевским наименованию «Советы и рассказы» (Conseils et Récits)[11].

[10] Странным представляется утверждение автора (p. 9, n. 2), что на фотографии, приложенной к изданию одной страницы рукописи, якобы отсутствует на полях номер § 184,— на фотографии ясно видно число ρπδ′, как это и воспроизвели издатели (C e c., p. 72, 28).

[11] Впрочем, в этой связи можно было бы обратить внимание на то обстоятельство,

Вполне убедителен вывод, что автор памятника обращается в первой его части не только к своим детям (и внукам, добавим мы. — см. p. 74.3), но к более широкой публике, собственно, ко всякому «честному человеку» (pour un honnête homme) (p. 19). Впрочем, к этому выводу приходил и М. Дьони [12].

Наибольшие по объему главы (VI и VII) работы Лемерля посвящены выяснению генеалогии автора памятника и его родственников из рода Никулиц (p. 20—56). Особый интерес представляет при этом хорошо аргументированный вывод, что дедом Кекавмена по отцовской линии был грузинский князь Григорий Кахадзе (прозванный после перехода на службу в Византию Кекавменом), сын правителя области Тайк. Автор опирается при этом на давно (с середины XIX в.) известную, но не привлекшую должного внимания копию греческой надписи из ныне несуществующей церкви в центре области Тайк (p. 29—35). При этом следует отметить, что П. Лемерль в целом весьма осторожен в идентификации описанных Кекавменом лиц с лицами, известными по другим источникам, и, как ему удается доказать, эта осторожность вполне оправдана. В частности, соображения автора о недопустимости идентификации Кекавмена — автора памятника с Катакалоном Кекавменом — византийским полководцем середины и второй половины XI в. (p. 37—40) еще более подкрепляют сходный вывод Н. Бэнеску [13] и Г. Цанковой-Петковой [14].

Весьма интересна IX глава, в которой автор рассматривает свидетельства Кекавмена о внутреннем строе Византии. Лемерль говорит преимущественно о военной, гражданской и фискальной администрации, делая при этом ряд ценных наблюдений. Интересен вывод, что авторитет и влияние в провинции основывались иногда не на исполнении высокой и ответственной должности представителя официальной власти, а на личном богатстве и могуществе местных, как правило, «крупных земельных собственников» (p. 79). В связи с этим существенны высказывания Лемерля об отношениях независимых или полузависимых от империи топархов с представителями византийских пограничных властей (p. 80—82). Затрагивая вопрос о провинциальной администрации, Лемерль подчеркивает, что стратиг, в отличие от фемного судьи, отправлял преимущественно военные функции (p. 85), причем нередко этим термином в XI в. обозначали не главу фемы, а коменданта крепости (p. 86); дуку же Лемерль рассматривает как военного коменданта, стоящего выше стратига (p. 88) [15].

что у авторов XI в. наречие στρατιωτικῶς употреблялось как синоним ἁπλῶς для обозначения простоты стиля (C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 434. 7; Michael Psellos. Scripta minora, II, p. 310. 3—4). Не следует ли в этой связи высказать предположение (разумеется, весьма гипотетическое), что название «Стратегикон» могло характеризовать не содержание, а авторскую манеру «по-солдатски просто» написанной книги?

[12] M. Gyóni. Op. cit., p. 101. Сходные взгляды высказывал уже С. Шестаков в оставшейся неизвестной Лемерлю работе «Византийский тип «Домостроя» и черты его сходства с Домостроем Сильвестра» (ВВ, VIII, 1901, стр. 63).

[13] См. N. Bănescu. A propos de Kékauménos, p. 130—136. Впрочем, небезынтересна деталь, не отмеченная Лемерлем. Согласно изданной Н. Бэнеску (N. Bănescu. Deux poètes byzantins inédits du XIII siècle. Bucarest, 1913) и по другому списку — Сп. Ламбросом (NE, 16, σελ. 53—59) поэме монаха Макария Калорита «К стратигу Катакалону», полководец Катакалон Кекавмен происходил из Фессалии (Τὸ Θεσσαλῶν φῶς — называет его Калорит), т. е. оттуда же, где и дед автора Кекавмен, и он сам несли свою службу и имели свои владения.

[14] Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 597—599.

[15] Идеи Лемерля об эволюции должности стратига от главы фемы до подчиненного дуке коменданта крепости были развиты его ученицей Э. Гликатци-Арвейлэ (H. Glykatzi-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'empire byzantin aux IX-e—XI-e siècles. Paris, 1960, p. 52). О градациях дук и стратигов см. также:

Разумеется, мы указали далеко не на все удачи и достоинства работы Лемерля; их немало. Но немало, на наш взгляд, в его труде и таких выводов, замечаний или утверждений, которые кажутся спорными, неточными, а то и вовсе неприемлемыми.

Прежде всего нам хотелось бы сделать одно возражение относительно методики исследования источника, свойственной П. Лемерлю. Не только в этой работе, но и в статьях, посвященных аграрной истории Византии [16], Лемерль придерживается метода комментирования источника — метода, развитого в свое время В. Г. Васильевским и получившего классическое завершение во второй части известной книги Б. А. Панченко [17]. Постепенное расширение круга источников, доступных византинистам, привело, однако, к тому, что достоинства метода комментирования, позволявшего детально характеризовать изучаемый памятник, стали перекрываться его недостатками — в первую очередь неминуемым в таком случае распылением проблемы, которую приходилось трактовать по нескольку раз в связи то с одним, то с другим текстом. Уже П. А. Яковенко, а за ним и Ф. Дэльгер (оба, надо отметить, первоклассные источниковеды) отказались от этого метода и перешли к группированию фактов по проблемам [18]. И на примере данной книги мы можем наблюдать, что действительно, как только Лемерль отходит от собственно источниковедческих проблем (датировка и состав памятника, авторство, биография Кекавмена и пр.), недостатки метода комментирования дают себя знать: именно там, где требуется широкое обобщение (вопрос о месте «Советов и рассказов» в византийской литературе XI в. или вопрос о сочинении Кекавмена как источнике для внутренней истории империи), выводы Лемерля вызывают больше всего возражений.

На стр. 95 автор высказывает свое суждение не только о литературных достоинствах произведения Кекавмена, но и о всей византийской литературе вообще. По словам Лемерля, это была литература без читающей публики, литература, лишенная проблем. Подобные взгляды весьма широко распространены и все же глубоко неверны. Византийская литература имела свои проблемы, в том числе проблемы политические и этические (не только богословские!), но они были, если так можно выразиться, закамуфлированы традиционными словосочетаниями, общепринятыми штампами, характерными, кстати сказать, и для западноевропейской средневековой литературы (противопоставлять Кекавмена Монтэню, как это делает Лемерль, разумеется, неправомерно, ибо Монтэнь жил и писал в условиях распада средневековой системы мировоззрения).

Весьма важно к тому же, что в противоположность античной литературе в византийской героизированный образ сверхчеловека-полубога уступил место образу человека сложного, противоречивого, сильного и слабого одновременно. Достаточно вспомнить в этой связи великолепные портреты Михаила Пселла и Никиты Хониата.

Понять место Кекавмена в литературе и идейной жизни его времени можно было бы, на наш взгляд, лишь сопоставив его высказывания с суж-

---

Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 187. Однако Скабаланович (там же, прим. 2) отождествлял судью и стратига.

[16] P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219—220, 1958; idem. Recherches sur le régime agraire à Byzance. «Cahiers de civilisation médiévale», II, 1959, № 3.

[17] Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX, 1904.

[18] П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927.

дениями современных ему авторов и прежде всего Иоанна Мавропода, Михаила Пселла и Атталиата. С Кекавменом роднит Мавропода и критическое отношение к сборщикам податей [19], и пессимистический взгляд на современность [20], и призыв довольствоваться малым [21]. Подобные суждения мы тщетно стали бы искать у Пселла. Различие между знаменитым оратором и автором «Советов и рассказов» отчетливее всего бросается в глаза, если сопоставить их отношение к проблеме дружбы: Пселл на все лады прославляет дружбу, Кекавмен советует остерегаться друга.

Можно обратить внимание и еще на одно обстоятельство: Пселл и Атталиат существенно различаются в оценке не только действующих лиц, но и общественных явлений. Достаточно сказать, что для Пселла нет худшего порока, чем растрата государственных средств — будь то на строительство храмов или на раздачи вельможам [22]. Атталиат, наоборот, видит в щедрости первое достоинство императора. [23]. Повторяем еще раз: если судить о византийской литературе не по отдельно взятому автору, а по совокупности памятников, то нельзя не увидеть пусть скрытой, но все же присущей ей борьбы мнений, группировок, борьбы политических и художественных направлений.

Однако даже отдельно взятое сочинение Кекавмена позволяло ставить вопрос о политических симпатиях этого автора — вопрос, почти совершенно не затронутый Лемерлем. Укажем на некоторые места нашего памятника, небезынтересные в этом отношении.

Осуждая практику раздачи знатным иностранцам, явившимся на службу в Византию, чинов и должностей, Кекавмен считает безукоризненной в этом вопросе политику императоров Македонской династии: Василия II, Романа II, Константина VII «и далее» (καὶ τοῖς ἐπέκεινα), а также Романа III Аргира (p. 95.24—96.2). С уважением и пиететом автор упоминает имя Василия II еще несколько раз (p. 18.9—29.5; 65.25—26; 96.22—24), хотя иной раз отмечает и его неудачи (p. 32.13—27). Любопытно, что Кекавмен с осуждением сообщает о совете: «держи войско в бедности» (πτώχευε λαόν), который будто бы был дан Василию II дурным советчиком (неясно, однако, последовал ли Василий II этому совету.). Далее Кекавмен пишет, что подобная политика по отношению к войску может вызвать его восстание против императора (p. 98.1—6). Если здесь и содержится намек на восстания Варды Склира [23a] и Варды Фоки, то непосредственно Василия II Кекавмен все-таки не осуждает — виноват дурной советчик.

С симпатией Кекавмен говорит о Романе IV Диогене (ἀνὴρ μνημονεύων φιλίας—p. 72.23—24, 26—27; ср. p. 73. 2), но в то же время хвалит свергшего и ослепившего Диогена Михаила Дуку, называя его «в высшей степени кротким, смирным» (p. 73. 18) и милостивым (p. 73.25—26). В связи с этим даже временщика Никифорицу, в отличие от Атталиата и Скилицы, Кекавмен называет «мужем превосходным во всем и в высшей степени разумным и опытнейшим как в военном, так и в гражданском деле, хотя

---

[19] Johannis Euchaitorum metropolitae quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, ed. P. de Lagarde. «Abh. der hist.-philol. Kl. der K. Gesell. der Wiss. zu Göttingen», *Bd. XXVIII, 1,1882, № 185, 19.* (ср. также № 134.2).

[20] Ср. ibid., № 36.51; 133. 1—2; 153. 1 et aliis.

[21] Ibid., № 89. 5—7; 90. 7—8; 91.7—11; 186.18 et aliis.

[22] Psellos. Chronographie, t. 1. Paris, 1926, p. 42.

[23] Attaleiota. Historia. Bonnae, 1853, p. 261. 13—15; 180. 5—8 et aliis. Различие во взглядах между этими авторами прослеживается и в ряде других существенных вопросов, но исследование воззрений Атталиата и Пселла должно быть предметом специальной работы.

[23a] Пселя пишет, что этот «коварный» (πανοῦργον) совет (μηδένα τῶν ἐν στρατείας ἄν πολλῶν εὐπορεῖν) дал Василию II Варда Склир (Psellos. I, p. 17. 12—17).

он и был евнухом, великодушным, очень резким, мыслящим и тотчас высказывающим свое мнение» (р. 73.12—15) [24].

Особенно большие похвалы Кекавмен расточает, однако, в адрес Михаила IV Пафлагонца (что отмечает и Лемерль — р. 76). Он не был знатного рода, пишет Кекавмен, вышел из низов (τῶν κάτω παντελῶς), «но имел великие доблести»; неправы те, кто говорит, что тот знатен, а этот худороден. «Я же говорю, что все люди — единого отца дети — Адама, цари и архонты и хлеб себе добывающие. Знал я великих хвастунов, погрязших в воровстве, гаданиях и магии. Таких я называю худородными. Ведь человек, будучи разумен, если захочет, оказывается милостью бога (сам) божественным. Таковым был блаженный царь кир Михаил; украшенный великими доблестями, он имел, однако, много бедных близких родственников, о которых некся Орфанотроф. Это был брат царя, который управлял и дворцом. Возжелал же он обогатить их и дал им позволение грабить чужое имущество, а царь ничего не знал об этом... Крайне ненавистным оказался удивительный и искренний тот человек из-за несправедливости его родственников, и поклялись все уничтожить его род» (р. 98.27—99. 16).

Напротив, открыто и резко Кекавмен осуждает Константина X Дуку (р. 67.16—23) и особенно Константина IX Мономаха, «который разорил и опустошил царство ромеев» (р. 99.21—22). Указывая на это, П. Лемерль предполагает, что антипатия к Константину IX объясняется неудачами в карьере Кекавмена во время правления этого императора (р. 76). Очевидно, в этом есть доля истины. Но не только в этом. Ведь именно при Мономахе, по сообщению Скилицы, вместо набора стратиотов взыскивались многочисленные налоги [25], а при Константине X, как говорит Аталиат, «поднялся ропот стратиотов», обязанных платить высокие налоги, и стратигов, которые должны были и обеспечить взыскание возросших податей, и оказать отпор «варварам» «при расстроенном деле набора стратиотов» [26].

Нам представляется, что весь тон памятника, открытое недоброжелательство и даже презрение автора к гражданской чиновной аристократии, восхваление императоров, проводивших политику, благоприятствующую военной знати, и порицание правителей, известных, напротив, симпатиями к чиновной бюрократии (Константин IX и Константин X), позволяют видеть в авторе нашего памятника одного из представителей той группировки провинциальной военной знати, которая как раз в это время (в 70-х годах XI в.) готовилась к решительной борьбе за власть и захватила ее через несколько лет, посадив на императорский престол Алексея I Комнина.

«Не позволяй, — обращается Кекавмен к императору,— обеднять и расстраивать твое войско, а если сделаешь его бедным, горько оплачешь самого себя, ибо войско — слава императора и сила его дворца. Без войска казны не составишь, и вообще любой желающий воспротивится тебе» (р. 101. 28—32).

Однако круги, из которых вышел Кекавмен, не принадлежали, по всей вероятности, к верхушке военной знати — это было ее среднее звено. Мы согласны с Лемерлем, что едва ли Кекавмена можно назвать homo novus (р. 40); его родственники, отец и деды — знатные и богатые люди, хотя и не ромейского происхождения.

---

[24] Впрочем, не следует забывать, что само сочинение было написано Кекавменом именно в правление Михаила VII Дуки.

[25] Cedrenus. Bonnae, 1838—1839, vol. II, p. 608.

[26] Attal., p. 77, 84—85.

Несмотря на проскальзывающее в сочинении недовольство и чувство обиды воина, которого недостаточно награждают, Кекавмен старается быть в стороне от острой политической борьбы, особенно от борьбы вокруг престола. «Если кто-либо поднимет мятеж,— пишет он,— и объявит себя царем, не вступай в заговор, но удались от него, а если можешь воевать и захватить мятежника, воюй за царя и общий мир». А если не можешь, продолжает он, укройся в крепости и донеси царю; нет крепости— беги, не можешь бежать — прикинься, что ты заодно с мятежниками, а при случае докажи, что был в мыслях всегда с царем, и т. д. (p. 64. 15—26 sq.).

Кекавмен поучает при этом не слушать совета друзей, как бы тяжелы обстоятельства ни были (p. 69. 21—26). «Ибо никогда не было так, чтобы тот, кто осмелился поднять возмущение против царя и пытался погубить мир в Романии, не был бы сам погублен. Поэтому заклинаю вас, дети мои дорогие, данные мне господом, быть всегда на стороне и на службе царя, ибо сидящий в Константинополе царь всегда побеждает» (p. 73. 26—74. 3).

Кекавмен принадлежал, скорее всего, к тому среднему слою военной знати, которая не играла сама непосредственно большой роли в политике, но была главной опорой для высшей военной аристократии в ее решительных столкновениях со столичным чиновничеством.

Глава IX рецензируемой работы рассматривает те сведения, которые может извлечь из «Советов и рассказов» историк внутреннего строя Византийской империи. Эти сведения привлекались сравнительно мало—лишь Г. Цанкова-Петкова указала на некоторые из них [27]. На наш взгляд, Лемерль извлек из сочинения Кекавмена далеко не все, что в нем содержится, и мы позволим себе сделать некоторые дополнения.

Интересен отказ Кекавмена (стр. 7. 4—5) от принципа коллективной ответственности за преступление. Этот принцип, восходящий, видимо, к «варварскому» праву, сохранялся еще в XII в., как свидетельствует устав монастыря Космосотиры [28]. Очень существенно изображение Кекавменом хозяйства крупного собственника [29]; любопытны данные о несвободных и свободных слугах крупного собственника [30].

Хотя Лемерль посвятил специальный параграф податному устройству империи (p. 90 — 92), и здесь можно было бы кое-что добавить. Специального внимания заслуживает рассказ Кекавмена (p. 40. 14 — 19) о том, как ἄνθρωπος βασιλικός является в провинцию и требует выполнения ангарии, а наместник освобождает от несения ангарий одного — как друга, другого — как родича, третьего — как «дината» [31] (!). Традиционному представлению об отсутствии в Византии городского самоуправления противоречит совет Кекавмена распределять повинности μετὰ τοῦ κοινοῦ. Некоторое подтверждение слов Кекавмена мы находим у Вриенния и Анны Комнины, рассказывающих о действиях Алексея Комнина, который в Амасии созывает городское собрание (ἐκκλησία), желая

---

[27] Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 600—614.

[28] L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. ИРАИК, XIII, 1908, стр. 66 сл.

[29] Cec., p. 36. 10—13 и далее. Отметим ошибочный перевод Бека (стр. 71): es gibt keine Einkommensquelle, die höher steht (?), als die Bearbeitung des Bodens. Ὑπὲρ τὸ ἐργάζεσθαι τὴν γῆν надо переводить: «помимо обработки земли».

[30] Cec., p. 44.28—31. Ср. p. 61.18. См. интересные параллели Psellos. Scripta minora, II, p. 49. 21—22; 255. 19.

[31] Cec., p. 42. 22—24. Ср. p. 42. 12—15. Это место указано Лемерлем на стр. 92, но не использовано.

получить с горожан деньги [32]. Не затронут Лемерлем и вопрос об экскуссии: (Сес., р. 42. 16: ἐκκουσεῦσαι надо исправить: ἐξκουσεῦσαι); по-видимому, значение термина экскуссия у Кекавмена противоречит традиционному представлению об экскуссии — налоговом иммунитете [33].

Наиболее существенные возражения в этой связи вызывает отрицание Лемерлем византийского феодализма. Справедливо отмечая, что в известиях Кекавмена «о классах общества» нет точности, что как низшие слои общества (οἱ ἄρτον ζητοῦντες или οἱ πτωχοί), так и высшие (ἄρχοντες) обозначаются в памятнике весьма неопределенно, Лемерль пишет: «Коротко говоря, без труда распознается общество, в котором различие условий значительно, но нельзя сказать о наличии четко разграниченных классов; в котором личное положение «экономически сильных» дает им подлинно великую роль и значение, хотя и без опоры на государственные институты, и не придает никакого феодального колорита режиму, при котором все исходит от императора» (р. 79 — 80).

Верно, что у Кекавмена классы общества разграничены нечетко. Но это характерно для большинства нарративных источников средневековья, что, кстати говоря, объясняется не только чисто субъективными, но и объективными причинами: в средневековом обществе, раздробленном на множество прослоек, категорий и сословий, действительно трудно провести четкие границы каждой социальной группы. Но неверно, что нельзя провести достаточно четкую грань между двумя основными классами, между теми «экономически сильными» крупными земельными собственниками, топархами, династами, повелителями, о которых пишет сам Лемерль, и «бедными», «земледельцами», «рабами», «элевтерами» и «людьми», которыми распоряжались династы, которых они судили, наказывали или награждали.

Как и большинство буржуазных исследователей, Лемерль видит в феодализме лишь надстроечное явление; отвергая византийский феодализм, он отрицает наличие в Византии XI в. специфически феодальной политической организации общества: системы вассалитета, иерархии и т. д. Однако в сочинении Кекавмена содержится немало фактов, которые свидетельствуют как раз о существовании в империи феодальных институтов (пусть еще не получивших окончательного завершения) [34]. Сам Лемерль отметил, что влияние Никулицы в Лариссе не было определено его местом в государственном аппарате; он также показал (р. 91), что обогащение само по себе не составляло принципа Кекавмена: оба эти положения в полной мере соответствовали устоям феодального общества. Но у Кекавмена встречаются и более определенные свидетельства.

«Если ты живешь как частное лицо,— пишет Кекавмен,— подчиняется тебе народ области» [35]. Как может быть понято это место вне категорий феодального общества? Как в иных условиях «частное лицо» могло подчинять себе население области? Как в иных условиях оно могло осуществлять суд над ними (см. Сес., 57. 9—11)? На все эти вопросы Лемерль не дает ответа.

---

[32] Bryennios. Commentarii. Bonnae, 1836, p. 87—21; Anna Comnena. Bonnae, 1884, vol. I, p. 18 sq.

[33] См. еще противопоставление κουφίσαι и ἐξκουσεύσεις (р. 42.19—21) и освобождение от службы за деньги (р. 102.3).

[34] О феодальной иерархии в Византии см. А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 117 слл.; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 238 слл.

[35] Сес., р. 56.31—32. Ср. ibid., р. 62—21 и перевод Г. Цанковой-Петковой (Указ. соч., стр. 602) и Бека (S. 110: mags du Privatmann sein).

С полным правом мы могли бы считать вассалами тех δοῦλοι καὶ ἐλεύθεροι (р. 65. 4), которые запираются вместе с их господином в акрополе («кула») и которые должны участвовать вместе с господином в вылазках [36]. Вассалитет имеет в виду Кекавмен и в другом месте. «Если противник,— пишет он,— просит, чтобы ты дал ему землю от страны твоей, не соглашайся, если он не поклянется, что будет твоим подданным и подвластным, но и это делай при крайней необходимости» (р. 17. 11—13). Далее Кекавмен говорит, правда, о печенегах, которым неосторожно поверили и дали места для поселения (р. 17. 16—20), но этот конкретный пример не исключает и личного оммажа одного собственника и топарха по отношению к другому.

Недаром у Кекавмена упоминается особый род службы — δουλεία ἰδιωτική (р. 19. 29). Недаром «экономически сильные», даже не занимая никакой официальной должности, имеют крепости, отряды воинов, способны выдержать длительную осаду восставших или даже разгромить их. Недаром Кекавмен допускает, что его сын может стать «повелителем» (ἐξουσιαστής), никому не подвластным (αὐτεξούσιον), даже императору (р.76. 16). Крупные собственники такого рода могут, по словам Кекавмена, нападать на соседних магнатов или сами подвергнуться нападению (р. 40. 32 — 41. 33).

В связи с проблемой феодальных институтов следовало поставить вопрос и о византийской пронии, упомянутой Кекавменом. Он рекомендует давать перебежчикам «добрую и обильную пронию» (τὴν πρόνοιαν... ἀγαθὴν καὶ δαψιλήν) (р. 11. 6 — 7), что Бек (стр. 35) переводит, не придавая этим словам технического значения, versorge sie reichlich.

Не менее интересные (также до сих пор не использованные) сведения о пронии XI в. имеются у Пселла. Так, Пселл пишет, что судья какой-то маленькой фемы намеревался явиться в Константинополь и просить, чтоб его перевели в большую фему или чтобы он «получил здесь (в Константинополе) пронию» [37]; прония в данном случае понимается как источник доходов. Пронию над какими-то имуществами (τῶν κτημάτων) осуществляли монахи монастыря Нарса в Опсикии [38].

Недостаточно внимательно отнесся Лемерль и к известиям Кекавмена о византийском ремесле и торговле.

Касаясь вопроса об отношении автора памятника к деятельности этого рода, П. Лемерль замечает, что мы не находим у Кекавмена об этом «почти ничего» (р. 33), что он надменно игнорирует ремесло и торговлю (р. 17). Необходимо, пожалуй, различать, что́ Кекавмен сообщает об этих видах деятельности и как он сам к ним относится. Что касается отношения Кекавмена к торговле, то вывод П. Лемерля справедлив. Однако это не мешает Кекавмену привести некоторые важные сведения на этот счет, которые не учтены Лемерлем.

Так, Кекавмен советует правителю иметь своих шпионов во всех цехах (τὰ συστήματα) (р. 5. 2—3), — свидетельство очень важное, так как о цехах XI в. мы почти ничего не знаем. В другом месте Кекавмен сообщает, что при торговле с иноземцами за рынком наблюдал местный правитель — в данном случае правитель (δυνάστης) Димитриады,— бдительно следивший, не будет ли продано или куплено что-либо такое, что он захотел бы

---

[36] Ср. о них же: μετὰ τῶν ἀνθρώπων σου (Cec., p. 64. 19—20). См. также рассказ о Никулице Дельфине, который имел своих людей (ἀνθρώπους γὰρ ἔχει καὶ λαὸν ἴδιον) (Cec., p. 68.7).

[37] Psellos. Scripta minora, II, p. 303. 8—9.

[38] Ibid., II, p. 150. 24—25.

приобрести сам. При этом рынок устраивался там, где этому династу было угодно (р. 33. 29—34. 25).

В другом месте Кекавмен сообщает, что некоторые яства для роскошной трапезы могли стоить больших денег (р. 49. 5—7). К числу приобретаемых по такому случаю яств принадлежали, например, зайцы, куропатки, рыба (р. 48. 7—8). Как об обычном и распространенном явлении говорит Кекавмен и о покупке состоятельным человеком драгоценностей (р. 61. 16—19). Говорит он и о торговле на рынке лекарственными травами (р. 53. 11). По словам Кекавмена, можно нести «военную службу» или «частную», быть писцом или заботиться о войске, «или выходить в поле, либо покупать то или другое» (р. 19. 29—20. 1).

Особенно интересно другое сообщение Кекавмена о торговле — как внутренней, так и внешней. «Если в подвластной тебе стране есть морское побережье и суда добровольно ли — ради торговли (διὰ πραγματείαν) — или недобровольно — по воле волн — приходят [к тебе], давай им приют и отдых. Если будешь так поступать, прославят тебя и соседи, и чужеземцы, окажутся все твоими истинными друзьями, страна же твоя будет избавлена от козней, и у тебя не будет забот. Если же ты станешь взыскивать поборы (εἰ δὲ γενήσῃ ἐπηρεαστής) ради постыдной прибыли, будут против тебя злоумышлять и на земле, и на море, и будут сопутствовать беды и тебе, и стране твоей» (р. 79. 3—10).

Конечно, следует учитывать, что житейская мудрость Кекавмена граничит с подозрительностью, тем не менее едва ли можно поставить под сомнение некоторые интересные факты, которые он сообщает в приведенном выше параграфе. Наиболее оживленные торговые связи осуществлялись в XI в. по морю, причем эта торговля имела, по всей вероятности, существенное значение для населения, ибо в случае благоприятного отношения правителя области к купцам, его имя приобретало популярность как в соседних с его областью землях, так и далеко за границей. Корыстное же отношение к купцам, взимание с них торговых пошлин [39] было способно возбудить против него негодование и купцов, и жителей, и дело могло окончиться гибелью или изгнанием корыстолюбивого правителя.

И в XI в. тип полупирата-полукупца был весьма распространенным; оказывая гостеприимство торговцам, правитель или господин области должен был проявлять крайнюю осторожность. Впрочем, торговля, по мнению Кекавмена,— не дело доблестных разумных мужей, а занятие, приравниваемое им к труду пастуха и земледельца. «Если у тебя,— говорит он, — кто-нибудь попросит в долг и если он хочет это [40] для выкупа пленных или по какой-либо другой настоятельной необходимости и благовидной причине, то дай ему, что можешь..., но чтобы не ради процентов или постыдной прибыли, или сатанинской любви. Если же ему нужно это для того, чтобы взять на себя налоговую службу или купить рабов, либо имение, или другое что-либо, или ради торговли, не давай ему». (р. 47. 28—48. 2). Кекавмен предупреждает, на какие ухищрения может пойти домогающийся получить в долг: «Затем он покажет тебе,— пишет наш автор,— достаточно золота, которое он занял у другого, и скажет тебе, что он предназначил все это для означенного товара, но не желают такого чекана, а хотят того, какой, он думает, у тебя есть. „И я знаю,— скажет,— что у тебя есть, и если ты меня любишь, дай мне, дабы я не потерял

[39] Ср. сообщение Никиты Хониата о том, что византийские вельможи — обладатели прибрежных районов — обычно подвергали разграблению торговые суда, потерпевшие бедствие близ берегов, принадлежавших этим феодалам (Nicetas Choniata. Historia. Bonnae, 1835, p. 427).

[40] Мы принимаем конъектуру П. Лемерля (р. 103) — αὐτὸ (δάνεισμα) вм. αὐτῷ (р. 47.29).

товар (πραγματείαν), ибо предполагаю извлечь большую выгоду, а завтра или в конце недели получишь свое вместе с большими дарами„» (р. 48. 10 — 16). После этого должник начнет избегать заимодавца и увиливать от уплаты долга: «Ведь я,— скажет,— товар свой не продал» (р. 49. 3).

Владение рабами у Кекавмена — явление обыденное и отнюдь не предосудительное, но покупку рабов он осуждает, как и торговлю ради прибыли, хотя ею могут заниматься и друзья столь добродетельного архонта. Ясно при этом, что лицемерный друг-должник берет в долг не ради покупки для себя, а ради перепродажи, которая обещает принести большую прибыль.

Следует, советует Кекавмен, избегать необходимости покупать, особенно продукты. Он рисует картину образцового хозяйства, рачительный господин которого позаботился о том, чтобы у него производилось все необходимое и для него, и для «его людей» (р. 36. 10—23). Бесхозяйственный окажется в тяжелое время в трудном положении. Ему придется «занять необходимое», а дающего нет, тот, у кого попросишь, скажет тебе: «Поверь, имел, но другие до тебя просили меня, и я отдал им...»Наконец, кто-нибудь даст в долг номисмы, но под проценты, да еще «владения твои попросит в залог,ты же добровольно сделаешь ему документ, положишь и срок. И вот срок придет, а у тебя нет ничего» (р. 36. 31—37. 24). В результате, говорит Кекавмен, «ты или лишишь себя унаследованного имущества (γονικόν), или то, что я приобрел с великим трудом и пóтом, ты, отдав за бесценок, уплатишь ему. А если не сделаешь этого, он второй залог получит от тебя, ты будешь вынужден пообещать удвоить проценты и проценты на проценты, и когда вырастет великая сумма, заплачешь жалобно и счастлив уж будешь, ныне влекомый в судилище» (р. 37. 24—29).

Иногда же, однако, можно и торговать. Кекавмен вовсе не исключает такого способа добывания денег «благородными мужами». Любопытно в этом отношении следующее его поучение: «Пока ты беден (πτωχός), не принимайся строить, иначе — запутаешься в долгах и откажешься от своих намерений, а лучше насаждай виноградники и возделывай землю, которая даст тебе плоды свои, и беспечально будешь довольствоваться. Когда же все это будет в избытке, начинай строить. Ведь деньги возведут домá и господь...» (р. 51. 16—20).

Согласно смыслу этого параграфа, когда у хозяина появляются излишки продуктов, появляются и деньги, и тогда он может строить. Кажется, оправданным был бы вывод, что эти деньги будут получены им от продажи произведенных в его хозяйстве продуктов. В связи с этим интересен и другой совет: «Старайся, возделывая землю, побольше произвести вина, а пей его поменьше» (р.50.1).Ведь и в приведенном выше отрывке говорится о насаждении виноградников, а затем о появлении возможности «строить». Не на продажу ли это вино предназначалось?

Одним из спорных вопросов, по которому П. Лемерль видвинул недавно новую точку зрения, является вопрос о στρατεία — стратиотском участке. По его мнению, в X в. владельцы этих участков не были воинами, а лишь уплачивали подати, идущие на военные расходы, что воин обозначался не термином στρατιώτης, а словом στρατευόμενος [41]. Из сочинения Кекавмена очевидно, что для XI в. эта теория неверна.

[41] P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 229, p. 71; t. 220, p. 43 sq., 49 sq., 67—68. Критические замечания см. А. П. К а ж д а н. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959 стр. 95—96. Даже ученица Лемерля Э. Гликатци-Арвейлэ считает термины στρατιώτης и στρατευόμενος тождественными (H. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. Op. cit., p. 10).

Во-первых, στρατώτης в памятнике означает только воина. Во-вторых, нельзя сказать с уверенностью, что термин στρατεία в памятнике употреблен именно в смысле «стратиотский участок». В самом деле, Кекавмен говорит: „Послушай, что делают архонты флота: ἐν πρώτοις μὲν στρατείας ἐῶσιν ἐξκουσεύεσθαι λαμβάνοντες ἐξ αὐτῶν νομίσματα οὐχ ὅσα ἤθελον δοῦναι εἰς τὴν ἐπήρειαν τοῦ στόλου, ἀλλ' ἐν διπλῇ ποσότητι, καὶ γίνεται χελάνδιον ἐλλιπές" (p. 102. 2—5). Лемерль переводит: «...ils acceptent que les strateiai fassent l'objet d'une exemption, en recevant d'elles de l'argent, non pas la somme qu' elles devaient verser pour les services de la flotte, mais le double», т. е. «они соглашаются, чтобы стратии стали объектами изъятия, получая с них деньги не в той сумме, в какой они должны платить для служб флота, но вдвойне» (p. 90). Лемерль заключает, что речь идет об обязательстве поставлять гребцов, но не воинов! (p. 90).

Действительно, в приведенном отрывке идет речь не об освобождении от уплаты эпирий, а от личной службы во флоте. Но от службы гребца ли только? Г. Бек переводит более осторожно: Flottendienst[42]. Στρατεία может означать здесь просто «войско», «военная служба», как это слово употреблено у современника Кекавмена Михаила Пселла, который пишет, что «стратиот подлежит воинской повинности» (στρατιώτης στρατιᾶς ὑποκείμενος βάρει) и поэтому не платит телоса[43].

Следовательно, отрывок можно перевести: «Во-пер-вых, [архонты флота] позволяют освобождаться от военной службы [во флоте], беря с них номисмы не в том размере, в каком они хотели давать на эпирии для флота, но в двойном количестве, и хеландия оказывается с недостатком». Иначе говоря, речь идет попросту о замене личной военной службы во флоте внесением эпирий, однако — из-за произвола архонтов флота — не в том размере, в каком эти эпирии взимались с получивших право не служить лично, а в двойном (тайно, без ведома официальных властей фиска).

Крайне мало, к сожалению, говорит Лемерль и о налоговой системе. Он обращает внимание на уже отмечавшееся в литературе[44] свидетельство Кекавмена об опасности чрезмерного отягчения налогами окраинных, пограничных земель империи, населенных «иноплеменниками»[45]. Но даже сообщения Кекавмена об откупщиках затронуты Лемерлем лишь мимоходом (p. 91), тогда как, насколько нам известно, это единственные в своем роде известия. Из них, кстати говоря, следует, что откупщик был обязан обеспечить не только поступление налоговых сумм в обусловленном размере, но и выполнение ангарий (p. 40. 15—27); иногда он оказывался и в тюрьме, как это следует из сообщения логофета геникона Алексею I о некоем Димитрии Каматире, откупившем налоги во Фракии и Македонии и обязавшемся внести их в двойном размере, но не сдержавшем обещания[46].

Не представляется нам убедительным и категоричный вывод Лемерля о πολῖται как о «высших гражданских чиновниках» (p. 79). Автор ссыла-

[42] H.-G. Beck. Op. cit., S. 147.

[43] Psellos. Scripta minora, II, p. 154. 28—155. 12. См. об этом: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 336 сл. Об этой взаимной замене военной службы уплатой телоса и уплаты телоса военной службой сообщает и Скилица (Cedr., II, p. 608).

[44] См. Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии (1018—1185 гг.). ВВ, X. 1956, стр. 88.

[45] Непонятно, впрочем, почему Лемерль считает такой пограничной областью и Элладу (как и Иверию) (p. 92). Эллада в XI в. не более «пограничена», чем Фракия с Константинополем.

[46] Jus, III, p. 393.

ется при этом на следующее место: «Пусть стратиотам,— говорит Кекавмен в советах императору,— не задерживается их руга, точно так же как и синклитикам и πολῖται,— каждому в соответствии с его делом, как было от начала установлено, и он будет служить тебе без ропота» (p. 98.7—10).

Собираясь взять откуп налогов, родственник Кекавмена стратиг Майос в разговоре с его отцом «указал ему на дома горожан (πολιτῶν), говоря, что все эти здания построены благодаря службе фиску» (p. 39. 16—19).

Лемерль, к сожалению, не говорит, кого он имеет в виду под «высшими гражданскими чиновниками»; ведь в их число входило немало и синклитиков, от которых Кекавмен определенно отличает πολῖται. Это слово он употребляет еще два раза, но оба раза в значении «горожане» вообще (а не только «горожане» столицы). «Был в Элладе,—пишет он,— некий многолюдный город. Поэтому тогдашний болгарский тиран Симеон очень хотел завладеть им. Но тщетным оказался его труд. А посему умыслил он примириться с жителями крепости» (μετὰ τῶν πολιτῶν κάστρου). Прикинувшись другом жителей города, Симеон тайно обрубил петли у городских ворот, «горожане» (τῶν πολιτῶν), растерялись, узнав о случившемся, «а люди тирана вошли через ворота и без крови овладели городом» (p. 32. 28—33. 17).

В отличие от этого в приведенном Лемерлем отрывке πολῖται — какие-то служители, чиновники, хотя, по нашему мнению, отнюдь не «высшие». Мы бы приравняли их в данном случае к неоднократно упоминаемым Кекавменом πολιτικοί (p. 6. 26—29; 8. 10—14; 8. 27—9 3; 20. 19—30; 94. 10—26) [47], под которыми разумеются то широко — просто гражданские лица (причем именно образованные люди),то конкретно (и гораздо чаще) — именно государственные служащие, может быть, только столичные, причем не «высшие гражданские чиновники», а рядовые: судьи финансового ведомства, нотарии, служащие секретов, писцы, придворные грамматики и философы.

Остановимся теперь на высказываниях французского ученого, касающихся некоторых политических событий, описываемых Кекавменом, прежде всего относительно фактов, связанных с историей Болгарии.

По мнению П. Лемерля, ни дед автора по матери—Димитрий Полемарх (p. 21—22), ни другой дед — Никулица, дука Лариссы в конце X в. (p. 42. 52, 56) (дед его жены, как склонен думать Лемерль), не были болгарами (или влахами). Текст источника не дает права на столь категоричное утверждение. П. Лемерлю известны работы болгарских и русских ученых, не сомневавшихся в славянском происхождении упомянутых лиц, и автору следовало бы остановиться на своей аргументации подробнее.

П. Лемерль приводит, в сущности, лишь два довода: 1) имена названных лиц, которые ему представляются греческими, и 2) рассказ Кекавмена о том, при каких обстоятельствах Василий II сместил Никулицу с поста доместика экскувитов Эллады.

Но первый довод Лемерля—вообще не аргумент: имена Димитрий и Никулица (Николица) характерны для грека X—XI вв. не более, чем для болгарина. «Полемарх» же, как уже отметила Г. Цанкова-Петкова в известной Лемерлю статье, можно истолковать как прямой перевод слова «воевода»[48]: Полемарх и в самом деле был воеводой Самуила

---

[47] О πολιτικοί Лемерль пишет лишь (p. 7), что этот термин употребляется иногда в похвальном, иногда — в уничижительном смысле. Традиционное понимание термина πολιτικός (невоенный) мы находим у Мавропода (I o h a n n i s ... quae supersunt, № 186.5 и 43).

[48] Г. Ц а н к о в а - П е т к о в а. Указ. соч., стр. 600, бел. 1.

(p.28. 32—29. 26). Не случайно и то обстоятельство, что во всем памятнике формула οὕτω καλούμενος употреблена лишь при именах Δημήτριος ὁ Πολεμάρχιος (p.29. 2—3) и ὁ Βότκος (p 32. 6), καλούμενος — при имени Ζεπέ (p. 28. 27), λεγόμενος—при имени Δεκάβολος (p. 74. 14), т. е. лишь при негреческих именах.

Важнее, однако, другой аргумент, на который ссылается Лемерль. Василий II, отнимая у дуки Эллады Никулицы неотъемлемо (пожизненно) дарованную ему Романом II должность доместика экскувитов Эллады, чтобы отдать ее некоему Петру, «племяннику короля германцев», отправил Никулице письмо, в котором писал: «Но поскольку он (Петр) — чужеземец, царство мое не может назначить его стратигом, чтобы не оскорбить ромеев...» (p. 96. 17—19). Поэтому должность доместика экскувитов (но не дуки) Эллады Василий II передал Петру, а Никулице в качестве компенсации — начальство над влахами Эллады. Следовательно, думает Лемерль, в отличие от Петра, чужеземца, Никулица был ромеем и поэтому мог занимать должности не только стратига, но и дуки, т. е. такие посты, которые, согласно смыслу письма Василия II, не могут замещаться иностранцами.

Но в другом месте сам же Лемерль совершенно справедливо заметил, что «иностранцами» Кекавмен называет главным образом людей Запада, варягов и арабов, т. е. представителей тех народов, которые находятся, «скорее, вне языковых и религиозных границ империи, *чем вне ее политических границ*». Таким образом, Никулица, даже если бы он был болгарином, не был в глазах Кекавмена чужеземцем. Кекавмен, говорит Лемерль, не считал иностранцами как представителей своей армяно-грузинской семьи, так и болгар и влахов (p. 80, n. 2). Нельзя сбросить со счета и то обстоятельство, что Димитрий Полемарх был воеводой Самуила, отличился в боях с греками и лишь после завоевания Болгарии оказался, как и другие болгарские вельможи, на службе у византийского императора, что один из военачальников из рода Никулиц, не раз убегавший во время войн Самуила и Василия II из византийского плена, неизменно возвращался в Болгарию, когда болгары уже терпели все более серьезные неудачи, и закончил жизнь в фессалоникской тюрьме.

Восставшие в 1066 г. болгары и влахи, принудили именно Никулицу Дельфина возглавить их восстание. Ближайший родственник и Полемарха, и Никулицы, автор «Стратегикона», знает болгарский язык и дважды толкует болгарские слова, сравнивая их с греческими (p. 3. 4; 28.14). Признает это и П. Лемерль (auteur... semble même connaître la lange bulgare — p. 21. n. 4).

Во всех рассказанных автором памятника эпизодах (как верно отметила Г. Цанкова-Петкова) [49], нет и тени враждебности к болгарам, а тем более презрения и высокомерия, свойственного обычно авторам других нарративных произведений византийской литературы того и последующего времени.

Другой сходный с предшествующим вопрос, в решении которого нельзя согласиться с Лемерлем,— это вопрос об этническом составе участников и характере восстания в Фессалии в 1066 г. Автор усматривает в этом восстании обычное для Византии того времени возмущение населения, вызванное повышением налогов (p. 75) [50]. Лемерль справедливо указывает на факт участия в восстании и греческого местного населения,

[49] Г. Цанкова-Петкова. Указ. соч., стр. 598.

[50] В этом месте Кекавмен употребляет выражение φανέρωσις (p. 70, 13, ср. p. 98.11), которое Лемерль (p. 92, n. 4) переводит как «официальное объявление» (declaration officielle) о высоте налогов. Сходное толкование было уже дано В. Г. Васильевским «Советы и рассказы...». ЖМНП, ч. 216, стр. 319).

что было уже отмечено М. Дьони [51]. Следует, однако, сказать, что это было восстание прежде всего болгар и влахов. С начала и до конца рассказа о восстании речь идет прежде всего о них. Наиболее часто при этом упоминаются влахи, затем болгары и, наконец, жители Лариссы и—один раз—жители Триккал.

«В Элладе,— рассказывает Кекавмен,— должен был случиться мятеж» (p. 66. 22); предводители мятежников (p. 67. 12) и «их товарищи» договорились с влахами и триккалитами (p. 67. 14—16), эти «архиги» — апопротоспафарий Иоанн Гримианит и Григорий Вамвака явились как посланцы мятежников к Никулице Дельфину (p. 68. 10), они собрались на совет в доме Веривоя Влаха (p. 68. 16) и сообщили влахам, что и протоспафарий Никулица Дельфин прибыл на их совет (p. 68. 16—18). Никулица говорил перед мятежниками, специально обратившись при этом к влахам (p. 68. 26—29. 5). После того как он убедил мятежников разойтись, они в полдень снова пришли к нему «все вместе», и влахи, и болгары, возвращенные лариссцами, «согражданами» Никулицы (p. 69.9—11) [52]. Выступив в поход, восставшие отправились к Фарсалу и реке Плирис, в долине которой по обоим берегам жили влахи (p. 69. 29—70. 3); здесь они пополнили свои ряды множеством влахов и «живших там по соседству болгар». (p. 70. 3—5). После взятия Сервии и получения письма императора о ликвидации налоговых надбавок, а также о наградах предводителям и прощении всех восставших Никулица арестовал некоторых предводителей влахов (архонта Славоту Кармалака) и лариссцев (Феодора Скривону Петаста) (p. 71. 30—72. 1); отправляясь к катепану Болгарии Андронику Филокали в Петериск, а от него в Константинополь, Никулица захватил с собой «предводителей» (προκρίτους) влахов и лариссцев (p. 72. 5—6.12).

Согласно перечисленным выше данным источника, следует признать, что было бы слишком смело объявить всех лариссцев греками (как, очевидно, и триккалитов). Как у влахов-скотоводов был один предводитель, так был свой глава и у земледельцев (болгар и греков вместе), т. е. в тех случаях, когда Кекавмен упоминает лариссцев, он имеет в виду и болгар, и греков одновременно.

Если опять-таки следовать приведенным выше данным источника, необходимо признать, что влахи и болгары составляли большинство восставших в 1066 г.; поход на юг (к Фарсалу и реке Плирис) был предпринят как раз с целью пополнить ряды восставших именно жившими там болгарами и влахами.

Упоминая о статье Г. Г. Литаврина (p. 75, n. 2) [53], *П. Лемерль считает* ошибочной оценку восстания как народно-освободительного движения влахов и болгар. В связи с этим он пытается представить Никулицу в роли претендента на императорский престол (узурпатора), а прямой целью похода восставших на север считает Константинополь. Это, однако, трудно доказать. Предположение о том, что восставшие хотели выдвинуть Никулицу на царство, подтверждается, по мнению П. Лемерля, (p. 21, n. 3), употреблением глагола πολυχρονίζω: посланцы к Никулице из Сервии выразили притворную готовность «провозгласить многие лета» Никулице, если бы он захотел приказать им это (καὶ εἰ κελεύῃς πολυχρονίζομεν σε νῦν—

[51] M. Gyóni. Op. cit., p. 143.

[52] συγκαστρῖται αὐτοῦ. П. Лемерль (p. 105) предлагает вместо αὐτοῦ — αὐτῶν, *что кажется* вполне вероятным и свидетельствует в пользу нашей точки зрения о характере восстания, а не П. Лемерля.

[53] Г. Г. Литаврин. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. ВВ, XI, 1956.

p. 70. 27—28). Но Никулица *не приказал, да и у посланцев не* было никакого желания это делать. Но если даже Лемерль прав и восставшие действительно провозгласили Никулицу царем (как некогда Деляна), то и в этом случае не исключено, что провозгласили они его «царем болгар и влахов», а не «императором ромеев».

Напротив, маршрут похода восставших свидетельствует скорее в пользу нашего предположения (они направлялись прежде всего в Болгарию, рассчитывая встретить там такой же прием, какой нашли у болгар и влахов в долине реки Плирис), чем в пользу вывода Лемерля о движении на Константинополь, чтобы посадить на престол нового императора. Поэтому после взятия Сервии они и оказались недалеко от Петериска, откуда с ним вел переговоры и где ожидал Никулицу катепан Болгарии Андроник Филокали. Сам Лемерль признает, что Петериск — не Петрич (Бачково) под Филиппополем и не Петрич к юго-западу от Мельника, и соглашается с локализацией Петериска В.Н.Златарским к юго-западу от озера Острово, на маленьком озере Петериск (ныне Петарско) (p. 22, n.). Но, принимая это, Лемерль вынужден заметить, что Никулица, непонятно почему, сделал «крюк» (crochet) к северу, хотя этот крюк, по мнению Лемерля, был очень невелик (insignifiant). Гипотеза о движении восставших на Константинополь столь неожиданной дорогой, которая скорее уводила в горы, в глубь Болгарии, чем к путям на восток, к Фессалонике и далее — к столице, весьма сомнительна.

Можно, кстати говоря, еще раз спросить автора разбираемой нами работы: почему Филокали был «очень испуган», как пишет Кекавмен (72. 6—9), коль скоро путь мятежников лежал в стороне от вверенной его управлению области; чего ради он «затаился» в Петериске (p. 72. 8), у границ своего катепаната, если собственно Болгарии восставшие не угрожали, двигаясь на столицу; почему, наконец, Филокали «искал убежища», как думает Лемерль (p. 22, n.), здесь, в сравнительной близости от собственно византийских городов, а не за могучими стенами своей резиденции в Болгарии — Скопле, если восстание не носило народно-освободительного характера?

Несомненно, эти действия Филокали были вызваны специальным распоряжением императора (ведь именно через Филокали Никулице было переслано письмо Константина X и его «клятвы» — p. 72. 6—7): правитель Болгарии, которая оказалась под угрозой, должен был добиться прекращения «мятежа» либо путем переговоров, либо применением силы, если бы в этом возникла необходимость.

Остановимся на нескольких более мелких замечаниях. Лемерль считает Никулицу Старого непосредственным преемником Кекавмена (деда автора) на посту стратига Лариссы в 983—986 гг. (p. 44) и говорит как о факте, что Никулица (дед) был в Лариссе и во время ее осады Самуилом, и при самом захвате города болгарами (p. 45). Однако в источнике об этом нет никаких сведений. Скорее, наоборот, некоторые данные говорят против допущения пребывания Никулицы в Лариссе в это время. Самуил, рассказывает Кекавмен, взял город, „поработив всех лариссцев, кроме рода Никулицы: ведь лишь их одних переселил, не причинив им ущерба, как свободных вместе с их имуществом, говоря [при этом]: «Весьма благодарен я порфирородному Василию за то, что он забрал свата вашего (συμπένθερόν σας) Кекавмена из Эллады и избавил меня от его хитрости»" (p. 66.5—11). Слово «σᾶς» (вашего) позволяет думать, что Самуил обращался к домочадцам Никулицы, а не к нему самому.

При установлении даты написания памятника следовало бы все-таки отметить, что terminus post quem (2 августа 1075 г. — упоминание о пат-

риархе Иоанне Ксифилине как об умершем — p. 72. 13—14) был впервые указан Дьони [54], а затем Ив. Дуйчевым [55]. Что касается terminus ante quem (7 января 1078 г. — дата свержения Михаила VII Дуки), то следует, по нашему мнению, обратить внимание на то, что Кекавмен говорит, кажется, о Никифорице, разделившем судьбу своего царственного брата, не только как уже о не стоящем у власти, а, может быть, как об умершем («он был евнухом», пишет Кекавмен — p. 73. 14). В связи с этим следует сказать и о конъектуре Лемерля ἐξ ἀγέλης (p. 63. 105). вместо ἐξ Ἀγγέλης издателей и ἐξαγγέλοις подлинника (p. 95. 7—8 et nota). Как известно, упоминание о появлении в Византии наемников, прибывших «из Англии», служило уже для В. Г. Васильевского основанием датировать составление памятника 1080—1081 гг., ибо Анна Комнина упоминает о прибытии английских воинов в Византию именно под 1081 г.[56] П. Лемерль справедливо подвергает сомнению конъектуру издателей. В самом деле, текст гласит: «Чужеземцев, если они не из царского рода (ἀπὸ τοῦ βασιλικοῦ γένους) своей страны, не возводи в большие чины (εἰς μεγάλας ἀξίας) и не вверяй им больших полномочий (μεγάλας ἀρχάς), ибо, поступая таким образом, конечно, унизишь и себя самого, и архонтов ромейских: ведь если почтишь прибывшего из Англии (ἐξ Ἀγγέλης) чужеземца примикерием или стратигом, ты сделаешь его [своим] врагом» (p. 95. 4—9).

Ἐξ Ἀγγέλης, кажется, действительно плохо увязывается с контекстом: как мы видели, «чужеземцы» у Какавмена—и «франки», и «германцы», и «варяги», а отнюдь не специально только «англичане». Но это и не «чужеземцы» ἐξ ἀγέλης («из толпы», «из низов», «из простонародья»). Непонятно, во-первых, почему иноземцу «царского рода» противопоставляется, по мнению Лемерля, иноземец-простолюдин к тому же, как следует из дальнейшего текста (p. 95. 9—15), простолюдин, известный в кругу знати той страны, откуда он прибыл. Во-вторых, если мы примем конъектуру Лемерля, можно заключить, что чужеземца из «царского рода» (в противоположность простолюдину) можно сделать стратигом, что противоречит другому высказыванию Кекавмена (p. 96. 5—20—мы его приводили выше). Кекавмен считает, что не следует давать высокие чины *всем* иностранцам, кроме представителей королевского рода, а не только простолюдинам; начальство же над крупными областями (должности дуки, катепана, стратига)—не давать *никому* из чужеземцев, даже племянникам западных венценосцев,

Мы думаем, что в указанном месте говорится о факте прибытия (ἐλυόντα) иностранца откуда-то или о способе его прибытия, а не о его низком социальном происхождении, о чем Кекавмен всюду говорит совсем в других выражениях.

Исследование Лемерля, подводящее итоги длительной работе различных ученых над «Советами и рассказами» Кекавмена [57], еще раз показало, какой обильный материал содержится в этом памятнике; оно свидетельствует, далее, насколько необходимо в настоящее время новое издание «Советов и рассказов». Вместе с тем многие проблемы, возникающие из изучения книги Кекавмена, пока еще остаются спорными и нуждаются в дополнительном рассмотрении.

---

[54] M. Gyóni. Op. cit., p. 124.
[55] Ив. Дуйчев. Указ. соч., стр. 60, бел. 5.
[56] Cec., Praefatio, p. 8—9.
[57] Нам кажется, что можно было ожидать больше ссылок на труды авторов, пришедших еще до Лемерля к тем же выводам, что и он, и особенно на работы В.Г. Васильевского, М. Дьони, Г. Цанковой-Петковой, Г. Бека и И. Дуйчева.

Отдельные главы работы Лемерля представляются нам неравноценными; ее наиболее удачные части — источниковедческие в узком смысле слова: конъектуры, определение состава памятника, выяснение биографии Кекавмена; рассмотрение же данных по политической истории, как мы старались показать, вызывает известные возражения, а использование свидетельств Кекавмена о внутреннем строе неполно и, помимо того, подчинено доказательству односторонней и ошибочной точки зрения — отсутствия в Византии феодальных общественных отношений. Наименее освещенным представляется нам вопрос о месте «Советов и рассказов» в литературе XI в.— вопрос о социальных взглядах автора и художественных особенностях произведения, который может быть решен только при условии рассмотрения нашего памятника в тесной связи с современными ему произведениями византийской литературы.

Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан

ОБЗОРЫ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ВЕНГРИИ (1946—1959)

После окончания второй мировой войны для византиноведения в нашей стране сложились более благоприятные условия, чем в предыдущие годы. Трудности первых послевоенных лет постепенно уменьшались, и хотя венгерская наука не была представлена на VIII, IX и X международных византиноведческих конгрессах, на XI конгрессе в Мюнхене в 1958 г. уже присутствовал венгерский ученый [1].

Наше византиноведение понесло в последние годы тяжелые утраты. Безвременно погиб М. Дьони — филолог-византинист выдающейся эрудиции [2]. Мы потеряли Г. Фехера — автора ценных работ в области болгаро-византийских отношений [3].

О достижениях венгерского византиноведения за последнее время дают представление библиографические отделы журналов Byzantinische Zeitschrift и Byzantinoslavica. Кроме этого, вышло несколько обзорных статей, которые, будучи посвящены достижениям венгерской классиче-

---

[1] Gy. Moravcsik. A XI nemzetközi bizantinológiai kongresszus (= XI международный конгресс византинистов). Magyar Tudomány, 1959, old. 100—101. Названия статей, опубликованных только по-венгерски, приводятся также в скобках в русском переводе. Названия трудов, снабженных резюме на русском языке, приводятся только по-русски; при этом указывается, на каком языке опубликован оригинальный текст. Соответствующим образом названия статей, опубликованных по-венгерски и снабженных резюме на каком-либо другом языке, приводятся только на языке резюме.

[2] J. Harmatta. Mathias Gyóni (1913—1955). BS, XVII, 1956, p. 374—375-AAnt, 3, 1956, p 335—337 = венг. AT, 3, 1956, old. 188—190; Gy. Moravcsik. Mátyás Gyón. BZ, XLVIII, 1955, S. 537—538 = венг. MTAI, 8, 1956, old. 299—303; idem: Gyóni Mátyás irodalmi munkássága (=Научно-литературная деятельность Матиаса Дьони). AT, 3, 1956, old. 190—192.

[3] J. Harmatta. Géza Fehér (4 août 1890—10 avril 1955). AArch, 5, 1955, p. 297—298= венг. AE, 82, 1955, old. 229—230; Gy. Moravcsik. Fehér Géza (1890. VIII. 4.— 1955. IV. 10.) AT, 2, 1955, p. 262.

ской филологии, касаются и византиноведческих работ [4], как и новые библиографии работ по классической филологии [5] и археологии [6]. К сожалению, специальная библиография венгерского византиноведения до сих пор отсутствует.

В дополнение к обзорам, посвященным венгерскому византиноведению в годы второй мировой войны [7], мы остановимся на работах венгерских ученых в этой области за последние 14 лет.

Своей важнейшей задачей венгерское византиноведение считает изучение венгерско-византийских отношений на материалах византийских источников и вещественных памятников. Кроме этого, перед нашими учеными встают и более общие проблемы византиноведения.

Два доклада Д. Моравчика посвящены принципиальным вопросам нашей науки. Автор обращает внимание на отдельные недостаточно исследованные вопросы византиноведения и ставит перед исследователями ряд важных задач [8]. Д. Моравчик уделил внимание вопросу о названии нашей науки и показал, что из встречающихся вариантов самым правильным является «византинология» (=византиноведение) [9]. На достижениях и методике советского византиноведения он останавливается в другой своей статье [10].

В последние годы вышли в свет четыре критических издания источников. Важнейшее из них — изданное Д. Моравчиком сочинение Константина Багрянородного De administrando imperio вместе с английским и венгерским переводами. Эта публикация — результат тщательной работы над текстом памятника, длившейся несколько десятилетий [11]. Кроме того, Д. Моравчик критически издал две главы так называемой Хроники Симеона Логофета вместе с венгерским переводом [12]. Отличный от прежних изданий текст патриарха Никифора опубликовал по лондонской

---

[4] Z. Kádár. Dix années de recherches relatives aux monuments byzantins de Hongrie (1945—1955). BS, XVIII, 1957, p. 275—291; Gy. Moravcsik. Stand und Aufgaben der klassischen Philologie in Ungarn. «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft», 4. Berlin, 1955, 74 S.=венг. MTAI,2, 1952, old. 453—477; idem: Десять лет венгерской классической филологии (1945—1954). AAnt, 3, 1955, p. 191—209 (фр.; резюме — рус.).

[5] I. Borzsák. Bibliographia philologiae classicae in Hungaria MCMXXVI—MCML. Collegit... Budapest, 1952, 424 p.

[6] J. Banner, I. Jakabffy. Археологическая библиография бассейна Среднего Дуная начиная с древнейших времен до XI в. Budapest, 1954, 582 p. (венг., нем., рус., фр.); D. Csallány. Archäologische Denkmäler der Avarenzeit in Mitteleuropa. Schrifttum und Fundorte. Budapest, 1956, 244 S.

[7] M. Gyóni. Les ètudes byzantines en Hongrie pendant la guerre 1939 à 1945. REB, 5, 1947, p. 240—256; Gy. Moravcsik. Byzantine studies in Hungary 1939—1945. BS, IX, 1948, p. 379—392.

[8] Gy. Moravcsik. Les tâches actuelles de la byzantinologie. BS, X, 1949, p. 1—10=«Actes du VI-e Congrès International d'Etudes Byzantines». I. Paris, 1950, p. 33—34; idem. L'état et les tâches de la byzantinologie, BS, XVI, 1955, p. 1—19. =«Současný stav a úkoly byzantologie. Listy Filologické», 77, 1954, str. 157—169. (резюме — нем., рус.).

[9] Idem. Byzantinologie, Byzantiologie oder Byzantologie? «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», 6, 1957, S. 1—4.

[10] Idem. A szovjet bizantinológia (=Советское византиноведение). MTAT, 1. c. I, 2, 1951, old. 73—96 = «Akadémiai Értesitö», 58, 1951, old. 282—283.

[11] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek text edited by Gy. Moravcsik. English translation by R. J. H. Jenkins (Magyar-Görög Tanulmányok — Οὐγγροελληνικαὶ Μελέται, 29). Budapest, 1949, 347 p.= венг. (греческий текст с венгерским переводом). Budapest, 1950, 347 old.

[12] Gy. Moravcsik. Bizánci krónikák a honfoglalás elötti magyarságról (=Византийские хроники о венграх эпохи, предшествующей завоеванию нашей страны). AT, 4, 1957, old. 275—288.

рукописи Л. Орос[13]. Состав и организацию войска султана Мехмета II описывает интересный текст 70-х годов XV в. на народном греческом языке — его издал Ш. Баштав [14]. Подробный каталог, составленный М. Кубини, познакомит исследователей с греческими рукописями, хранящимися в будапештских библиотеках [15]. Ее же статья посвящена материалам греческих рукописей Венгерского национального музея [16].

Наши византинисты придают большое значение тому, чтобы византийские источники стали доступны широкой публике в венгерских переводах. Кроме упомянутого венгерского перевода Константина Багрянородного, вышло в свет несколько хрестоматий, содержащих переводы образцов византийской художественной литературы [17], византийских исторических источников [18], ранневизантийской поэзии [19], а также источников по истории венгров в период, предшествовавший завоеванию страны [20]. Доступны в венгерском переводе и некоторые памятники византийской церковной литературы [21].

Ряд исследований посвящен филологическому анализу отдельных свидетельств византийских исторических источников. Так, Р. Бенедикти рассматривает одно из сообщений Приска (Exc. de Leg., 153_{25}—154_{32}) и показывает, что автор находился здесь под влиянием Геродота [22]. Анализируя сообщение Льва Диакона (ed. Bonnae, p. 151—152), Д. Моравчик обнаружил, что одно из верований, бытовавших среди турок и венгров, Лев Диакон приписывает русским [23]. В библиотеке г. Марошвашархей хранится рукопись отрывка из Никифора Ксанфопула, написанная Меланхтоном. Этому тексту посвящено другое исследование Моравчика [24]. Он же разбирает одно место из Аллегорий Иоанна Цеца, где го-

[13] L. Orosz. The London Manuscript of Nikephoros «Breviarium» (Magyar-Görög Tanulmányok — Οὐγγροελληνικαὶ Μελέται, 28). Budapest, 1948, 28 p. (резюме — венг.).

[14] Ş. Baştav. Ordo Portae Description grecque de la Porte et de l'armée du sultan Mehmed II (Magyar-Görög Tanulmányok — Οὐγγροελληνικαὶ Μελέται, 27). Budapest, 1947, 43 p. (фр.; резюме — венг.).

[15] M. Kubinyi. Libri manuscript Graeci in bibliothecis Budapestinensibus asservati. Budapestini, 1956, 91 p.

[16] M. Kubinyi. A Magyar Nemzeti Múzeum görög kéziratai (=Греческие рукописи Венгерского национального музея). AT, 1, 1954, old. 275—280.

[17] J. Horváth. T. Kardos. Világirodalmi Antológia II. Szerkesztette... (=Антология мировой литературы, II). Budapest, 1955 ², 957 old.

[18] N. P. Gracianszkij — Sz. D. Szkazkin. Középkori történeti chrestomathia (=Хрестоматия по истории средних веков), I—II. Budapest, 1952—1953, 376, 327 old.

[19] R. Falus. Görög költök antológiája. Válogatta, szerkesztette, az elöszót es a jegyzeteket írta... (=Антология греческих поэтов). Budapest, 1959, XVIII, 685 old.

[20] Gy. Györffy. A magyarok elödeiröl és a honfoglalásról kortársak és krónikások híradása). Sajtó alá rendezte... (= Известия современников и хронистов о предках венгров и о завоевании нашей страны). Budapest, 1958, 266 old.

[21] F. Berki. Kánonok könyve. I. Apostoli Kánonok és az egyetemes zsinatok kánonjai. Görög eredetiböl fordította és rövid kommentárokkal ellátta... (=Книга канонов. I. Апостольские каноны и каноны вселенских соборов). Budapest, 1946, 188 old.; idem. Aranyszájú Szent János, Nagy Szent Vazul és elöreszentelt adományok isteni liturgiája, összevont typikonnal. Görögböl forditotta... (=Божественная литургия святого Иоанна Златоуста и святого Василия Великого). Budapest, 1955, 294 old.; idem. Evchologion. Fordította és összeállitotta... (=Евхологий). Budapest, 1959, 576 old.

[22] R. Benedicty. Egy Priskos-hely történeti hiteléröl (=Об исторической достоверности одного места у Приска). AT, 5, 1958, old. 75—78.

[23] Gy. Moravcsik. Zum Bericht des Leon Diakonos über den Glauben an die Dienstleistung im Jenseits. «Studia Antiqua Antonio Salač septuagenario oblata». Pragae, 1955, S. 74—76.

[24] Idem. Un fragment de l'Histoire Ecclésiastique de Nicéphore Xanthopoulos copié par Philippe Melanchthon. Παγκάρπεια. «Mélanges H. Grégoire», 1 («Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», 9), 1949, p. 483—488.

ворится о борьбе душ, и сравнивает этого автора с Николаем Дамаскином [25]. Сопоставляя отрывок о завоевании Константинополя из народной греческой хроники XVI в. (Cod. Barberinus Gr. 111) с сочинением Леонарда Хиосского, Д. Моравчик приходит к предположению, что оба текста основываются на общем источнике [26].

Отдельные исследования затрагивают проблемы ранневизантийской истории. Данные нумизматики, как показала М. Альфёльди, проливают свет на обращение в христианство Константина Великого; характерны в этом отношении золотая монета, на которой под изображением Юпитера Консерватора вычеканен крест [27], и еще одна принадлежащая тому же императору золотая монета нового типа [28]. Другая статья М. Альфёльди посвящена вопросу об организации чеканки монет в поздней Римской империи [29]. Монетная находка в Эршекуйваре [30] и сарматская имитация серебряной монеты Константа II [31], как показано в статьях А. Керени, свидетельствуют о торговле Византии с ее северными соседями в IV в. н. э.

В исследовании народных движений в поздней Римской империи плодотворно применяется метод исторического материализма. Исследуя восстание Прокопия (365/6 г. н. э.), И. Хан привлек материал одной из речей Фемистия, остававшейся до сих пор без внимания (Themistii Euphradae orationes 16 graece et latine. Parisiis, 1613, or. 7, 86—92. Petavius), и показал, что восстание это было городским плебейско-крестьянским движением, которое добивалось раздачи земель и отмены задолженностей [32].

Другое исследование И. Хана посвящено социальной и религиозной политике императора Юлиана. По мнению ученого, эти аспекты политики Юлиана противоречили друг другу: в то время как его социальная политика вызывала недовольство языческой аристократии, религиозная политика императора восстанавливала против него крестьянские слои, положение которых он хотел улучшить [33]. Новая интерпретация исследователем XX речи Либания и некоторых других источников того времени приводит к выводу о том, что идеологические и политические споры между язычниками и христианами вокруг смерти Юлиана Отступника и сложившиеся вокруг этих событий легенды являются закономерными следствиями борьбы двух мировоззрений в римском обществе [34].

---

[25] I d e m. Zu den Allegorien des Johannes Tzetzes. BZ, XLIX, 1956, S. 33.

[26] I d e m. Bericht des Leonardus Chiensis über der Fall von Konstantinopel in einer vulgärgriechischen Quelle. BZ, XLIV, 1951, S. 428—436.

[27] M. A l f ö l d i. Jupiter Conservateur et le signe de la croix. Nouvelle contribution à l'histoire de la conversion de Constantin le Grand. «Numizmatikai Közlöny», 44—45, 1945—46, old. 12—16, 37. (венг.; резюме — фр.).

[28] M. A l f ö l d i. Constantius's gold coin of a new type. «Magyar Múzeum», 2, 1946. old. 16—19. (венг.; резюме — англ.).

[29] M. A l f ö l d i. Quelques observations sur le personel et le fonctionnement de l'atel er monétaire romain. «Numizmatikai Közlöny», 46—47, 1947—1948, old. 12—22, 63. (венг.; резюме — фр.).

[30] A. K e r é n y i. Une découverte à Érsekújvár. «Numizmatikai Közlöny», 44—45, 1945—1946, old. 16—20, 37 (венг.; резюме — фр.).

[31] I d e m. A barbarian silver coin of the fourth century. «Magyar Múzeum», 3, 1947, old. 12, 42. (венг.; резюме — англ.).

[32] И. Х а н. К вопросу о социальных основах узурпации Прокопия. AAnt, 6, 1958, стр. 199—211 (рус.; резюме — нем.).

[33] I d e m. Ideológiai és politikai harc Julianus apostata halála körül (=Идеологическая и политическая борьба вокруг смерти Юлиана Отступника). AT, 6, 1959, old. 253—265.

[34] Ibidem.

Распространенный в восточной церкви обычай почитания икон, как полагает П. Ваци, восходит, быть может, к языческому культу изображений императоров. Этому могло содействовать и представление о Христе как о «царе» (Χριστὸς βασιλεύς) [35]. На роли кочевых всадников в истории Византии останавливается в своей посмертной статье Э. Дарко[36]. И. Четени исследует юридическое положение евреев в Византии [37].

Внимание наших исследователей привлекают и византийско-румынские отношения. Отметим здесь работы покойного М. Дьони, планировавшего издание свода византийских источников по румынской истории. С этим замыслом связан ряд его статей. М. Дьони анализировал первое упоминание о влахах Анны Комнины в связи с событиями 1094 года[38], а также само наименование «Βλάχοι» [39]. Он показал, что убийцами Давида Комитопула (см. Skylitzes, ed. Bonn., 435. 13—15) были валашские кочевые пастухи и что Κιμβαλόγγος и Рупелин-Демир-Хисар идентичны между собой[40]. Приведем некоторые существенные выводы его работ. Достоверным источником по истории влахов, появившихся на Афоне около 1000 г. н. э., является лишь так называемая Διήγησις μερική[41]. Влахи, подчиненные императором Василием II в 1020 году н. э. болгарскому митрополиту Охриды, уже в 1087 г. имели своего епископа[42]. Более правильной формой названия валашского села упомянутого Анной Комниной, Ἐζερά является Ἑξερά[43]. Волохов, упомянутых в «Повести временных лет», можно отождествить с западными франками Карла Великого и Людовика Немецкого. Кроме свидетельств исторических источников, это подтверждается и следующим отождествлением: лат. volcae — древнегерм. * valχa — общеслав. * volχъ — др.-церковносл. vlachъ—романизированный франк[44]. Продукты, вывозимые от влахов,— сыр и шерсть, — пользовались большим спросом в Византии; производили сыр и древние дарданы, которых исследователь считает предками влахов[45]. Влахи — жители балканских фем играли роль в византийском войске[46]. В одной из последних статей покойный ученый писал о задуманном им трехтомном труде, посвященном византийским источникам по румынской истории[47].

[35] P. V á c z y. Culte impérial et adoration chrétienne des images. «Atti del VIII Congresso Internazionale di Studi Bizantini», I. («Studi Bizantini e Neoellenici», 7). 1953, p. 487.

[36] E. D a r k ó. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire Romain aux premiers siècles du Moyen Age. Byz., XVIII, 196—1948, p. 85—97.

[37] J. C s e t é n y i. La situation spéciale juridique des Juifs au Byzantium. «Etudes orientales à la mémoire de P. Hirschler». Budapest, 1950, p. 16—20.

[38] M. G y ó n i. Первое историческое упоминание о влахах Балканских гор. AAnt, I, 1951—52, p. 495—515 (фр.; резюме — рус.).

[39] I d e m. Le nom de Βλάχοι dans l'Alexiade d'Anne Comnène. BZ, XLIV, 1951, S. 241—252.

[40] I d e m. Skylitzès et les Vlaques. «Revue d'Histoire Comparée», 25, 1947, p. 155—173.

[41] I d e m. Les Vlaques du Mont Athos au début du XII-e siècle. «Etudes Slaves et Roumaines», 1, 1948, p. 30—42.

[42] I d e m. L'évêché vlaque de l'archévêche bulgare d'Achris aux XI-e — XII-e siècles. «Etudes Slaves et Roumaines», 1, 1948, p. 148—159, 224—233.

[43] I d e m. Un village vlaque de l'Alexiade. «Archivum Philologicum», 71, 1948, p. 22—30. (венг.; резюме — фр.).

[44] I d e m. Les Volochs des Annales primitives de Kiev. «Etudes Slaves et Roumaines», 2, 1949, p. 56—92.

[45] I d e m. La transhumance des Vlaques balcaniques au Moyen Age. BS, XII, 1951, p. 29—42.= венг. MTAI, I, 1951, old. 337—349.

[46] I d e m. Влахи Барийской Летописи. AAnt, 1, 1951—1952, стр. 235—245 (рус.; резюме — фр.).

[47] I d e m. Византийские источники по румынской истории. AAnt, 2, 1953—1954, p. 227—235 (фр.; резюме — рус.) =венг. MTAI, 5, 1954, old. 71—78.

Кроме исторических источников, серьезное внимание уделяется нашими учеными также византийской агиографии и поэзии. По сообщению отрывка из коптской рукописи будапештского Музея изящных искусств, исследованной В. Вессецким, Юлиан Отступник был убит святыми [48]. Эта легенда предшествует многочисленным сказаниям о святых-воинах, культ которых позже столь распространился в Византии. Интересно, что аналогичная легенда известна и в Исландии [49]. По мнению И. Тренчени-Вальдапфеля, общим источником легенды об Аврааме у Георгия Монаха и в лексиконе Свиды послужила хроника Иоанна Малалы. Легенда эта оказала влияние на легенду о Христофоре, бытовавшую в сирийской среде [50]. На комментированной псалтири патриарха Досифея останавливается Л. Галди [51]. Он же разбирает вопрос о влиянии византийской поэзии на итальянскую [52]. Как показал Л. Хадрович, средневековый южнославянский роман о Трое обнаруживает влияние не греческой, а латинской культуры [53].

Языковедческие исследования венгерских ученых посвящены не столько проблемам среднегреческого языка, сколько объяснениям отдельных сохранившихся в греческих источниках свидетельств языков соседних с Византией народов. На подобных исследованиях мы остановимся ниже, а здесь отметим лишь отдельные статьи, непосредственно связанные с греческим языком. Так, Ж. Ритоок исследует изменения значения глагола προσεύχομαι [54]. Д. Моравчик показывает, что выражения «dil almaq» (тюрк.), «nyelvet fogni» (венг.) и русское «взять языка» соответствуют греческому выражению «γλῶσσαν κρατεῖν» [55]. Он же останавливается на слове κόμεντον, упомянутом Львом Диаконом, которое является не русским и не печенежским, а латинским словом [56].

Обратимся к археологии и искусствоведению. Д. Чаллань исследует некоторые из памятников византийского металлообрабатывающего искусства и устанавливает, что коринфская находка — не аварского, а византийского происхождения. По мнению Д. Чалланя, следует собрать воедино и издать «Corpus» памятников византийского металлообрабатывающего искусства [57]. Работа А. Шомоди посвящена византийским серебряным чашам из венгерских собраний; греческие и славянские надписи на них свидетельствуют о том, что эти чаши употреблялись при богослужении [58]. Он же показал, что энколпионы из собраний Гранского и

[48] V. Wessetzky Коптский фрагмент легенды о Меркурии. AAnt, 5, 1957, S. 359—367 (нем.; резюме — рус.) = венг. AT, 4, 1957, old. 89—96.

[49] M. Gyóni. Варианты легенд византийского типа о «воинствующих святых» в древнеисландской литературе. AAnt, 4, 1956, p. 293 — 313 (фр.; резюме — рус.) = венг. AT, 2, 1955, 148—160.

[50] I. Trencsényi-Waldapfel. Áz Abrahám — legendától a Kristóf — legendáig (=От легенды об Аврааме до легенды о Христофоре). Jewish Studies in memory of Michael Guttmann, I. Budapest, 1946, old 297—310.

[51] L. Galdi. Le psautier commenté du métropolite Dosithée. BS, X, 1949, p. 219—228.

[52] Idem. L'idéal ascétique byzantin et l'ancienne poèsie italienne. «Actes du VI-e Congrès International d'Etudes Byzantines», I. Paris, 1948, p. 231—238.

[53] L. Hadrovics. Der südslavische Trojaroman und seine ungarischen Vorlagen. SS, I, 1955, S. 49—135 = венг. MTAI, 5, 1954, old. 79—175.

[54] Zs. Ritoók. EYXOMAI. AAnt, 3, 1955, S. 287—299 (нем.; резюме — рус.).

[55] Gy. Moravcsik. Nyelvet fogni.= венг. MNy, 53, 1957, old. 211—213.

[56] Idem. KOMENTON — печенежское или русское слово? AAnt, 1, 1951—1952, стр. 225—233 (рус.; резюме — фр.).

[57] D. Csallány. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. AAnt, 2, 1954, стр. 311—348; 4, 1956, стр. 261—291 (рус.; резюме фр.)=венг. AT, 1, 1954, old. 101—128; 4, 1957, old. 250—274 (резюме — рус., фр.).

[58] Á. Somogyi. Későbizánci balkáni ezüstcsézék (=Поздневизантийские балканские серебряные чаши). ME, 5, 1956, old. 285—289.

Будапештского музеев художественной промышленности относятся к XVI в. и изготовлялись по византийскому образцу эпохи Палеологов [59]. К. Чани рассматривает энколпион византийского происхождения, сохранившийся в Шиклоше [60]. Два труда З. Кадара популярно излагают историю древнехристианского и византийского искусства [61]. Упомянем также изданное Э. Б. Томас прекрасно оформленное собрание памятников византийского искусства, обнаруженных на территории Венгрии [62].

Важные исследования византийской церковной музыки принадлежат Г. Деваи. Исследователь знакомит нас с византийскими нотными рукописями будапештских библиотек — древнейшая из них относится к XII в. [63] В трех других его статьях впервые описываются важные для истории византийской музыки рукописи [64]. Вновь изданные им рукописи Иоанна Кукузелеса содержат по сравнению с предыдущими изданиями существенные поправки. Следует сказать, что указанный источник важен и для истории русской церковной музыки [65]. Употреблявшиеся в Византии названия интервалов — «πνεῦμα» и «σῶμα» — основываются, как показал Г. Деваи, на дуалистической философии Аристотеля, виднейшим представителем которой в Византии был Михаил Пселл [66].

* *
*

Тюркские народы и венгры играли большую роль в истории Византии, а Византия в свою очередь влияла на их культуру. Ряд византийских источников дает важные сведения об истории этих народов, некоторые из которых приняли от Византии христианство. Изучение таких источников является важнейшей задачей венгерского византиноведения. Относящиеся сюда памятники делятся на две группы — письменные и вещественные.

Описанию византийских источников по истории тюркских народов посвящен первый том труда Д. Моравчика «Byzantinoturcica» (недавно вышло второе исправленное и дополненное издание этой книги) [67]. Во

---

[59] I d e m. Paleologkori bizánci encolpion ószláv változatai (=Древнеславянские варианты византийского энколпиона эпохи Палеологов). ME, 7, 1958, old. 274—276.

[60] K. G s á n y i. Ismeretlen bizánci ütvösmü (=Неизвестное византийское ювелирное изделие). ME, 4,. 1955, old. 204—205.

[61] Z. K á d á r. Ökereszteny és kora-bizánci müvészet (=Раннехристианское и ранневизантийское искусство). («Müvészettörténet», 14) Budapest, 1959, 53 old.; i d e m. Bizánci müvészet (=Византийское искусство) («Müvészettörténet», 15). Budapest, 1959, 51 old.

[62] Archäologische Funde in Ungarn, herausgegeben von E. B. Thomas. Budapest, 1956, S. 393—423 (Kap. 4.).

[63] G. D é v a i. Рукописные ноты византийского происхождения в будапештских публичных библиотеках. AAnt, 1, 1951—1952, p. 247—260 (фр.; резюме — рус.).

[64] I d e m. Три рукописи с византийскими нотами. AAnt, 2, 1953—1954, p. 361—363 (фр.; резюме — рус.); i d e m. Наша пятнадцатая византийская рукопись с песнями. AAnt, 3, 1955, p. 283—286 (фр.; резюме — рус.); i d e m. Βίβλος μουσικῆς τέχνης. AAnt, 5, 1957, p. 379—383. (фр.; резюме — рус.).

[65] I d e m. Дидактическая поэма Кукузелеса о музыке в рукописи из г. Дебрецен. AAnt, 3, 1955, p. 151—179 (англ.; резюме — рус.); i d e m. Музыкальная дидактическая поэма Кукузелеса в одной рукописи XIV столетия. AAnt, 6, 1958, p. 213—235 (англ.; резюме — рус.).

[66] I d e m. Следы античной греческой теории в византийской музыке. AAnt, 2, 1953—1954, p. 237—241 (англ. резюме — рус.).

[67] G y. M o r a v c s i k. Byzantinoturcica. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker; II. Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Zweite durchgearb. Aufl. Berlin, 1958, XXVIII, 609; XXVI, 376 S. Подробную оценку этого труда см. в рецензии А. П. Каждана (ВВ, XVI, 1959, стр. 271—287).

введении автор дает обзор истории Византии и турецких народов, игравших роль в византийской истории; затем он подробно характеризует отдельные византийские источники, располагая их по авторам в алфавитном порядке. Эта характеристика связана с очерком истории изучения текста и обстоятельной библиографией. Поскольку автор описал очень широкий круг источников, труд его важен не только для изучения истории тюркских народов, но и для византиноведения в целом и во многом заменяет соответствующие части труда К. Крумбахера — это отметили уже Ф. Дэльгер и А. П. Каждан [68].

Из тюркских народов Византия познакомилась прежде всего с гуннами, которые, по мнению Ф. Альтхейма, участвовали уже в осаде Дура-Европоса на стороне персов [68a].

Одна из работ К. Цегледи посвящена до сих пор недостаточно исследованным сирийским источникам, сообщающим о гуннах в связи с событиями 395 г. [69] Он же уделил внимание сообщениям византийских источников о гуннах, эфталитах и аварах VI в. и показал, что эти сообщения дополняют мусульманские и армянские источники [70]. Работа Д. Ласло посвящена одной из инсигний наместников Аттилы — таким знаком служил золотой лук, обнаруженный в Венгрии в одной из гуннских могил [71]. Археологические материалы этих могильников свидетельствуют о распаде гуннской державы. В этом отношении характерны и отмеченные Я. Гарматтой германские имена гуннских вельмож [72]. По мнению того же исследователя, термины,применявшиеся Приском и Олимпиодором к гуннскому обществу, указывают на распад родового строя [73]. Находки в могильниках содержат, как показал М. Пардуц, важные данные по этническому составу и общественной структуре низших слоев гуннского общества [74]. Сообщение Иордана, по которому в походе Аттилы на Балканы в 447 г. участвовали как гепиды, так и остроготы, согласно исследованию Т. Надя, не является достоверным [75]. З. Такач обратил внимание на гуннские изображения зверей, найденные при раскопках на месте Каталаунского поля; эти изображения говорят о влиянии восточноазиатского искусства [76]. Могила гуннской эпохи в Кестхее, как считает К. Шаги, —

---

[68] F. Dölger — A. M. Schneider. Byzanz. Bern. 1952, S. 17; А. П. Каждан. Указ. рец., стр. 271.

[68a] F. Altheim. Первые следы появления гуннов. AArch, 2, 1952, 269—276 (нем.; резюме — рус.).

[69] K. Czeglédy. The Syriac Legend concerning Alexander the Great. AO, 7, 1957, p. 231—249 =венг., MTAI, 13, 1958, old. 3—20.

[70] Idem. Heftalita'k, hunok, avarok, onogurok (=Эфталиты, гунны, авары, ногуры). MNy, 50, 1954, old. 142—151 «A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai», 84, Budapest, 1954, old. 1—12; idem. Kaukázusi hunok, kaukázusi avarok (=Кавказские гунны, кавказские авары). AT, 2, 1955, old. 121—140; idem. The Syriac Legend..., p. 239 sq.

[71] Gy. László. Значение гуннских золотых луков. (Археологические сведения об организации империи гуннов-кочевников). AArch, 1, 1951, p. 91—106 (англ.; резюме — рус.) =венг. MTAT, 3. c. I, 1, 1951, old. 105—122.

[72] J. Harmatta. Гуннский золотой лук. AArch, 1, 1951, p. 107—151 (англ.; резюме — рус.) = венг. MTAT, 3. c. I, 1, 1951, old. 123—187).

[73] Idem. Распад гуннской державы. I. Гуннское общество. AArch, 2, 1952, p. 277—305 (англ.; резюме—рус.)=фр. «Recherches internationales à la lumière du marxisme», № 2, 1957, p. 179—238 = венг. MTAT, II, 2, 1952, old. 147—192.

[74] M. Párducz. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. AArch, 11, 1959, S. 309—398.

[75] T. Nagy. Походы Аттилы на Балканы и достоверность данных Иордана о германцах. AAnt, 4, 1958, p. 251—260 (фр.; резюме — рус.).

[76] Z. Takáts. Catalaunischer Hunnenfund und seine ostasiatischen Verbindungen. AO, 6, 1956, S. 65—90.

германского происхождения и относится к 433—453 гг. н. э. [77] Н. Феттих исследовал памятники позднегуннского металлообрабатывающего искусства [78], а также находку в княжеской могиле гуннской эпохи в Сегеде-Надьсэкшоше [79]. Статья Д. Моравчика, переведенная на турецкий язык, дает обзор гуннской проблемы [80]. Третья глава археологического труда Э. Б. Томас содержит образцы памятников гуннской эпохи в Венгрии [81]. Монеты эпохи переселения народов, найденные в Венгрии, свидетельствуют, по мнению Л. Хусара, об экономических связях между Византией и этими народами [82]. Работы И. Ковриг и Т. Надя показывают, что, согласно археологическим данным, в третьей четверти VI в. авары заняли восточные области Паннонии [83], перейдя через Дунай, Банат и Малую Влахию [84]. Согласно И. Бона, аварские и лангобардские находки отнюдь не свидетельствуют о сношениях между этими народами, так как лангобарды не оставались в Венгрии после 568 г. [85] Вместе с тем часть аварских находок, по мнению Д. Шимони, может считаться наследством паннонских болгар, которые, согласно источникам, заняли в 480 г. часть Паннонии [86]. Авары, как считает Э. Фюгеди, оказывали влияние и на организацию моравских славян [87]. Как явствует из денежных находок в аварских могильниках, аваро-византийские сношения продолжались до времени правления Константина IV Погоната (668—685 гг.). После же болгарского завоевания, как полагает Д. Чаллань, сношения между Византией и аварами прервались [88]; по мнению Г. Фехера, в более поздний период византийцы платили ежегодную дань не аварам, а болгарам [89]. Г. Фехер указал также на интересный пример влияния болгар на византийское войско — заимствование византийцами меховой шапки [90]. Д. Ласло принадлежит попытка реконструкции меча, найденного в аварском могильнике в Кунаготе [91]. Работа Л. Рашони посвящена объяснению авар-

---

[77] K. Sági. Могила гуннской эпохи в г. Кестхей. AÉ, 82, 1955, old. 185—189. (венг.; резюме — рус.).

[78] N. Fettich. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst («Archaeologia Hungarica», N. F., XXXX).Budapest, 1951, 206 S (венг.; нем.).

[79] Idem. La trouvaille de tombe pincière à Szeged-Nagyszèksós («Archaeologia Hungarica», N. F., XXXII). Budapest, 1953, 206 p. (венг.; фр.).

[80] Gy. Moravcsik. Hunlar meselesinin bugünkü hâli (=Современное состояние гуннского вопроса). «Tarih Dergisi». 2, 1952, 109—117.

[81] Archäologische Funde. Budapest, 1956, S. 287—393.

[82] L. Huszár. Монеты эпохи переселения народов в находках в бассейне Среднего Дуная. AArch, 5, 1954, S. 61—109 (нем.; резюме — рус.).

[83] I. Kovrig. К вопросу об оккупации аварами территории Венгрии. AArch, 6, 1955, p. 163—193 (фр.; резюме — рус.)=венг. AE, 82, 1955, old. 30—44.

[84] T. Nagy. Studia Avarica. I. Sur l'itinéraire de la conquête avare, II. La chronologie de la deuxième phase (567—582) des rapports avaro-byzantins. «Antiquitas Hungarica», 1, 1947, old. 56—63; 2, 1948, old. 131—149; AÉ, 3, c. 7—9, 1946—1948, old. 202, 207 (венг.; резюме — фр.).

[85] I. Bóna. Лангобарды в Венгрии. AArch. 7, 1956, S. 183—244 (нем.; резюме—рус.).

[86] D. Simonyi. Die Bulgaren des 5. Jahrhunderts im Karpathenbecken. AArch, 10, 1959, S. 227—250.

[87] E. Fügedi. Avares et Slaves Moraves. AÉ, III, c. 7—9, 1946—1948, old. 312—338. (венг.; резюме — фр.).

[88] D. Csallány. Византийские монеты в аварских находках. AArch, 2, 1952. стр. 235—250 (рус.; резюме — фр.).

[89] G. Fehér. Аваро-византийские сношения и основание болгарской державы. AArch, 5, 1954, стр. 55—59 (рус.; резюме —фр.)=венг. AÉ, 82, 1955, old. 45—47.

[90] Idem. Über die Trachten der Steppenvölker zur Zeit der Völkerwanderung. AÉ, 83, 1956, old. 152—165 (венг.; резюме — нем).

[91] Gy. László. The gold-mounted sword from the finds at Kunágota. AÉ, 77, 1950, old. 31—33 (венг.; резюме — англ.).

ского имени «Βουκολαβρᾶς» [92]. Доклад И. Дуйчева посвящен одной из проблем истории болгарского средневековья [92a].

Большое значение для истории паннонских славян имеют раскопки в Залаваре, описанные Г. Фехером [93]. К сожалению, после смерти Г. Фехера новых публикаций об этих раскопках пока не появлялось. Для средневековых представлений о конных кочевниках характерна, по мнению З. Кадара, эволюция в изображении кентавров на археологических памятниках [94].

Хазарское государство находилось в тесных отношениях с Византией. Сообщения византийских источников по раннехазарской истории дополняются, как показал К. Цегледи, восточными источниками [95]. По сообщениям византийских историков, император Ираклий заключил союз с хазарами против персов. Основываясь на восточных источниках, К. Цегледи пришел к выводу, что союзниками Ираклия были западные тюрки [96]. Две статьи того же автора [97], а также исследование Я. Гарматты [98] посвящены объяснению имени «Саркел». По мнению М. И. Артамонова, техника строительства крепости не отражает влияния византийской архитектуры [98a].

Название печенежских племен, упомянутое Константином Багрянородным («Κάγγαρ»), встречается уже в сирийских источниках VI в. в связи с событиями 541 г. По мнению К. Цегледи, печенежский союз объединял пять печенежских и два кангарских племени и управлялся кангарами [99]. *Исследование Я. Гарматты также посвящено названиям* печенежских племен, переданным Константином Багрянородным (De adm. imp., cap. 37), — они соответствуют названиям лошадиных мастей и связаны с бывшим в употреблении обозначением стран света с помощью названий цветов [100]. Заселенному печенегами месту, которое, по сообщению Скилицы, называлось окрестными жителями «Ἑκατὸν Βουνοί», посвящена другая статья того же исследователя [101]. Народ, названный в древнеисландской легенде о святом Олафе «blök(k)umen ~ blak(k)umen», отожествляется М. Дьони с половцами [102].

---

[92] L. Rásonyi. Bo-kolabur. Halil Edhem. Hátira Kitabi. Ankara, 1947, 243—248 (на турецком языке).

[92a] И. Дуйчев. Внешние и внутренние бояре болгарского средневековья. AO. 3, 1953, 167—178 [франц.; резюме — рус.].

[93] G. Fehér. Раскопки в Залаваре в 1951—1953 гг. Предварительный отчет. AArch, 4, 1954, p. 201—266 (фр.; резюме — рус.)=венг. AE, 80, 1953, old. 31—52.

[94] Z. Kádár. Отражение представлений о конных кочевниках в развитии изображений кентавров в средневековье. AArch, 2, 1952, p. 307—319 (фр.; резюме— рус.).

[95] K. Czeglédy. A korai kazár történelem forrásainak kritikájához (=Critique des sources de l'histoire ancienne des Khazars). MTAI, 15, 1959, old. 107—128.

[96] Idem. Herakleios török szövetségesei (=Тюркские союзники Ираклия). MNy, 49. 1953, old. 319—323.

[97] Idem. Šarkel. (= Шаркел). MNy, 48, 1952, old. 79—86; idem. A kazár kilkel eredete (= Происхождение хазарского «кил-кел»). MNy, 49. 1953, old. 175—178.

[98] J. Harmatta. A kazár kil szó magyarázatához (=К объяснению хазарского слова «kil»). MNy, 49, 1953, old. 178—183.

[98a] M. I. Artamonov. Хазарская крепость Саркел. AArch, 7, 1956, 321—341 (рус.; резюме — нем.).

[99] K. Czeglédy. A kangarok (besenyök) a VI. századi szir forrásokban [=Кангары (печенеги) в сирийских источниках VI в.]. MTAI, 5, 1954, old., 243—276= «A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai», 84. Budapest, 1954, old. 12—45.

[100] J. Harmatta. Szines lovú népek (=Народы, названные по мастям лошадей). MNy, 42, 1946, old. 26—34.

[101] Idem. Das Volk der Sadagaren. «Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Körös dedicata». Budapest, 1947, S. 17—28.

[102] M. Gyóni. *Варианты легенд..., p. 283 sq.*

Венгры рано пришли в соприкосновение с Византией, и для раннего периода их истории византийские тексты являются важнейшими источниками (например De administrando imperio, cap. 38. Тактика Льва Мудрого, две главы из так называемой Хроники Симеона Логофета). Некоторые исследователи, сравнивая труд Константина Багрянородного с арабскими источниками, склонны сомневаться в его достоверности; по мнению же И. Деера, греческие и арабские свидетельства не противоречат друг другу [103]. Достоверность сообщений Константина Багрянородного подтверждается и языковедческим исследованием Э. Моора [104]. Д. Дёрффи обратил внимание на то, что Продолжатель Георгия и арабские историки сообщают об одновременном правлении у венгров двух князей, тогда как Константину Багрянородному ничего об этом не известно. Исследователь объясняет это тем, что после смерти Курсана в 904 г. Арпад единолично захватил княжескую власть, а позже внук Арпада намеренно передал Константину искаженные сведения [105].

Д. Моравчик критически издал две главы так называемой Хроники Симеона Логофета [106]. Он же тщательно проанализировал сообщения «тактики» императора Льва Мудрого о венграх и показал, что ее автор дополнил новыми данными сообщения «тактики» Маврикия [107]. Д. Моравчик уделил также внимание вопросу о знакомстве древних венгров с христианством благодаря византийским миссионерам [108].

Название крепости «Ματζάρων», упомянутой Феофилактом Симокаттой, и имя монгольского народа в «Тайной истории» монголов, по мнению П. Пухи, связаны друг с другом [109]. Работы Т. Деметер и Т. Кардоша показали, что гуннское предание о чудесном олене вошло и в цикл венгерских преданий [110–111].

Одним из важнейших древневенгерских вещественных памятников является рог из слоновой кости, обнаруженный в Ясберени. Народное предание считает его рогом венгерского полководца Лехела. Согласно исследованию Д. Ласло[112], этот рог относится к XI в. и является знаком

---

[103] J. D e é r. Le problème du chapitre 38 du De Administrando imperio Παγκάρεια. «Mélanges H. Grégoire», 4 (=«Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves», 12), 1953, p. 93—121=венг. Sz., 79—80, 1945—46, old. 3—20, 318 (резюме — фр.).

[104] E. M o ó r. Очерки венгерской первобытной и ранней истории. «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», 2, 1951, S. 25—142 (нем.; резюме — рус.).

[105] Gy. Györffy. Kurzan und Kurzans Burg. Angaben zur Frage der Doppelkönigtums und zur Geschichte von Óbuda zur Zeit der Landnahme. «Budapest Régiségei», 16, 1955, old. 9—40 (венг.; резюме — нем.)=венг.— Tanulmányok a magyar állam eredetéről. Budapest, 1959, old. 127—160.

[106] Gy. M o r a v c s i k. Bizánci Krónikák..., old. 275—288.

[107] Gy. M o r a v c s i k. Тактика Льва Мудрого как венгерский исторический источник. «Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1, 1952, p. 161—184 (фр.; резюме—рус.)= венг. Sz., 85, 1951, old. 334—353, 582—583, 600—602 (рез.—рус. фр.).

[108] I d e m. Byzantine christianity and the Magyars in the period of their migration. «The American Slavic and East European Review», 5, 1946, p. 29—45.

[109] P. P o u c h a. Majar (at), Mag(a)sari, Μάτζαροι. Ein Beitrag zur Erklärung der Geheimen Geschichte der Mongolen. AO, 4, 1954, S. 171—175 (нем.; резюме — рус.).

[110–111] T. D ö m ö t ö r. Arpádházi Imre herceg és a csodaszarvas monda (=Принц Имре из семейства Ападов и легенда о чудесном олене). «Filológiai Közlöny», 4, 1958, old. 317—323; T. K a r d o s. Megjegyzés Árpádházi Imre herceg és a csodaszarvas mondája kérdéséhez (=Заметка к вопросу о принце Имре из семейства Арпадов и о чудесном олене). «Filológiai Közlony», 4, 1958, old. 323—324.

[112] Gy. L á s z l ó. Lehel kürtje (= Рог Лехела). Budapest, 1953. 17 old (2-е изд.— 1958); ср. J. C s a l o g. Hozzászólás László Gyula «Lehel kürtje» cimü tanulmányához. (=К статье Дьюлы Ласло «Рог Лехела»). «Jásznagykunság», 2, 1955, No. 6, old. 33—40; J. C s e m e g i. A Lehel kürtje kérdéséhez (= К вопросу о роге Лехела). AÉ, 83, 1956, old. 88—91.

власти, заимствованным у византийцев. Новое чтение надписей на двух чашах из клада, найденного в Надьсентмиклоше, предложил Г. Фехер [113]; правильность его чтения, впрочем, подвергают сомнению З. Кадар и Д. Ласло [114]. Г. Фехер пришел к заключению, что этим кладом владел крестившийся в Константинополе Дьюла-Στέφανος. По мнению же Д. Ласло, часть клада, содержащего два целых столовых прибора, — работа венгерского ювелира XI в., а другая часть с греческой надписью — кавказского происхождения [115].

Византия оказывала большое влияние на Венгрию в средние века. О знакомстве с греческой письменностью Венгрии свидетельствует учредительная грамота греческого женского монастыря в Веспремвёльди, переписанная в 1109 г. при короле Кальмане; подлинник же грамоты, по мнению А. Балога, составил не король Стефан I, а его отец князь Гейза, который был, таким образом, основателем монастыря [116]. Другое аналогичное свидетельство — дарственная грамота короля Бэлы III греческому монастырю в Севасентдеметере (Срмска Митровица). Д. Дёрффи считает ее латинским переводом греческого подлинника [117]. М. Комьяти полагает, что греческие буквы можно обнаружить в поддельном экземпляре учредительной грамоты бенедиктинского аббатства в Тихане [118].

По мнению Д. Дерффи, византийский венец, составлявший нижнюю часть венгерского королевского венца, был соединен при короле Кальмане с латинским венцом [119]. Статьи М. Барань-Обершалль и Е. Ковач содержат обзор работ о венгерском королевском венце [120].

Роли византийской церкви в жизни средневековой Венгрии посвящена статья Д. Моравчика [121]. Кроме Марошвара, другим важным центром восточной церкви в Венгрии, как показал М. Дьони, был и Темеш [122]. И. Чемеги пишет о «базилитах», обитавших в пещерах Тихани [123]; М. Комьяти предполагает, что король Андрей I переселил их из

---

[113] G. F e h é r. Тайна клада, найденного в с. Надьсентмиклош. Расшифровка греческих надписей. AÉ, 77, 1950, old. 34—49 (венг.; резюме — рус., фр.).

[114] Z. K á d á r. Remarques sur les coupes «Omphalos» du trésor de Nagyszentmiklós. «Folia Archaeologica», 11, 1959, old. 109—113 (венг.; резюме — фр.); Gy. L á s z l ó. Notes sur le trésor de Nagyszentmiklós. «Folia Archaeologica», 9, 1957, old. 141—152 (венг.; резюме — фр.).

[115] Gy. L á s z l ó. Notes sur le tresor..., ср. Gy. G y ö r f f y. От венгерского рода к комитату, от племени к стране. Sz, 92, 1958, old. 12—87, 542—544, 565—615, 942—944 (венг.; резюме — рус.)=венг. Tanulmányok a magyar állam eredetéröl. Budapest, 1959, old. 1—126.

[116] A. B a l o g h. A veszprémvölgyi görög monostor alapítása. A legrégibb magyarországi oklevél (=Основание греческого монастыря в Веспремвёлдь. Древнейшая грамота в Венгрии). «Regnum-Egyháztörténeti Evkönyv», 6, 1944—46, old. 21—30.

[117] Gy. G y ö r f f y. Das Güterverzeichnis des griechischen Klosters zu Szávaszentdemeter (Srmska Mitrovica). SS, 5, 1959, S. 9—74=венг.— MTAT, 2, 1952, old. 325—362; 3, 1953, old. 69—104.

[118] M. K o m j á t h y. Проблемы учредительной грамоты тиханьского аббатства. «Levéltári Közlemények», 26, 1955, old. 27—47, особенно 35—38. (венг.; резюме — рус., фр.).

[119] G. G y ö r f f y. От венгерского рода к комитату...

[120] M. B á r á n y - O b e r s c h a l l. Problémák a magyar szant korona körül (=Проблемы венгерского святого венца). «Antiquitas Hungarica», 1, 1947, old. 91—99; É. K o v á c s A magyar korona a legújabb kutatások türkreben (=Венгерский венец в свете новейших исследований). MÉ, 6, 1957, old. 128—130.

[121] Gy. M o r a v c s i k. The role of the byzantine church in medieval Hungary. «The American Slavic and East European Review», 6, 1947, p. 134—152.

[122] M. G y ó n i. L'Eglise orientale dans la Hongrie du XI-e siècle. «Revue d'histoire comparée», 25, 1947, p. 42—49 = венг.— MNy, 42, 1946, old. 43—49.

[123] J. C s e m e g i. The hermit caves of Tihany. AÉ, III, c. 7—9, 1946—1948, old. 396—406 (венг.; резюме — англ.).

Киева[124]. Восточные монахи, как показал Г. Папп, жили в Венгрии до самого конца владычества арпадов [125]. О большом влиянии восточного христианства свидетельствуют, по мнению М. Барань-Обершалль, и кресты, в большом количестве обнаруженные в Венгрии [126].

Немалое влияние оказывало на Венгрию при Арпадах и византийское искусство, главным образом, согласно исследованию К. Чани, архитектура [127]. Византийское влияние обнаруживает изученная З. Кадаром иконография гроба короля Стефана I в Секешфехерваре [128]; гроб этот, по мнению Э. Надя, вероятно, был высечен из римского саркофага византийским мастером[129]. Интересны в этом отношении работы Д. Дерчени о porta speciosa в Гране [130] и В. Менкла о церкви в Фельдебре [131]. Неф церкви в Тарнасентмарии, как полагает И. Чемеги, обнаруживает влияние эллинистического искусства [132].

Свидетельствам торговых связей между Венгрией и Византией посвящены исследования А. Керени. Это — денежная находка в Обуде, датируемая XI в. [133], и монеты, найденные в Шаркаде [134]. Свинцовая печать короля Петра, по мнению Л. Хусара, также говорит о византийском влиянии [135]. На основе одной из среднелатинских хроник Х. Декер-Хауф предположил, что первые свидетельства о брачных союзах между венграми и византийцами относятся не к 1105 г., а к 1070/1075 гг. [136], что, однако, было опровергнуто М. Дьони [137].

Огромная роль Гуниади в венгро-турецких войсках раскрыта в исследовании Л. Элекеша [138]. Д. Моравчик показал, что в период, непосредственно предшествующий завоеванию Константинополя, Гуниади вел

---

[124] M. Komjáthy. Op. cit., old. 41 сл.

[125] G. Papp. I monaci dell'ordine di San Basilio in Ungheria nel secolo XIII. «Analecta Ordinis S. Basilii Magni», Ser. II, sect. II, vol. I (VII), fasc. 1,1949, p. 39—56.

[126] M. Bárány-Oberschall. Byzantinische Pastoralkreuze aus ungarischen Funden. Forschungen zur Kunstgeschichte und christlichen Archäologie, II. Wandlungen christlicher Kunst im Mittelalter. Baden — Baden, 1953, S. 207—251.

[127] K. Csányi. Bizanci elemek az Arpád-kori magyar építészetben (=Византийские элементы в венгерской архитектуре эпохи Арпадов). MTAT, 3. c. II, 1, 1951, old. 24—40.

[128] Z. Kádár. A székesfehérvári István koporsó ikonográfiája (=Иконография гроба св. Стефана в Секешфехерваре). MÉ, 4, 1955, old. 201—204.

[129] E. Nagy. A székesfehérvári István — koporsó keletkezése (=Происхождение секешфехерварского гроба Иштвана). ME, 3, 1954, old. 101—106.

[130] O. Dercsényi. Az eaztergomi porta speciosa (= Порта Специоза в Гране). «Egyháztörténeti Évkönyv», 6, 1944, 46, old. 67—94; ср. Z. Kádár, Clara Maria de Ney. Un capitulo del folklore centroeuropeo. El culto de la madre de Dios en Hungria. «Anales de Arqueologia y Etnologia», 10, 1950, p. 233—260.

[131] V. Mencl. Két ösi építészeti emlék Magyarországon (=Два старинных архитектурных памятника в Венгрии). MÉ, 8, 1959, old. 217—220; ср. A. Kampis. A feldebröl altemplom (=Нижняя церковь в с. Фельдебрё), MÉ, 4, 1955, old. 178—194; J. Csemegi, D. Dercsényi. Hozzászólások Feldebrö kérdáséhez (=К вопросу о Фельдебрё). MÉ, 5, 1956, old. 54—59.

[132] J. Csemegi. Considérations critiques sur le style de l'eglise de Tarnaszentmária». «Antiquitas Hungarica», 3, 1949, old. 92—111. (венг.; резюме — фр.); ср. V. Mencl. Op. cit., old. 217 sq.

[133] A. Kerényi. Византийские монеты XII в., найденные в Обуде. «Budapest Regiségei», 15, 1950, old. 541—547 (венг.; резюме — рус.)

[134] Idem. Находка византийских монет около села Шаркад. «Numizmatikai Kőzlöny», 48—49, 1949—1950, old. 21—24, 62, 65 (венг.; резюме — рус., фр.).

[135] L. Huszár. Bulle de plomb du roi hongrois Péter. «Magyar Muzeum», 3, 1947, 13—16, old. 42. (венг.; резюме — фр.).

[136] H. Decker-Hauff. Les plus anciennes relations familiales byzantino — hongoises. Sz, 81, 1947, old. 95—108, 367 (венг.; резюме — фр.).

[137] M. Gyóni. Contributions au problème des plus anciennes relations familia les byzantino-hongroises. Sz, 81, 1947, old. 212—219, 371. (венг.; резюме — фр.).

[138] L. Flekes. Hunyadi (= Гуниади). Budapest, 1952, 512 old. (венг.).

дипломатические переговоры с византийским двором, желая оказать помощь Византии, но не успел осуществить своих намерений [139].

Авторы некоторых статей останавливаются на этимологии венгерских имен, сохраненных греческими историками. Объяснение древневенгерского собственного имени, известного из византийских источников, — «Βουλτζούς» — предложил Д. Паиш [140]. Д. Моравчик сопоставляет средневековое венгерское имя «Katapan» с греческим титулом византийских наместников (ср.: ὁ κατεπάνω) [141]; в то же время Э. Шютц видит здесь влияние армянского языка [142]. Имя «Γειτζᾶς», по мнению К. Цегледи, может быть хазарского происхождения [143]. Транскрипция названий, записанных в греческой учредительной грамоте монастыря в Веспремвёльди, — Padrag и Paloznak, как показал И. Книежа, в точности соответствует славянским подлинникам [144]. Ш. Садецки-Кардошш подробно исследует этимологию названия реки Тисы [145]. Весь материал венгерских и турецких личных имен и географических названий содержится во втором томе труда Д. Моравчика «Byzantinoturcica». Статья А. Паллы посвящена объяснению венгерского слова «τζέργε» [146].

Из приведенного краткого обзора видно, что венгерская наука добилась известных успехов как в области византиноведения, так и в смежных областях. Однако картина эта будет неполной, если мы не остановимся на некоторых стоящих перед нашими учеными задачах, отмеченных недавно Д. Моравчиком [147].

Важнейшей задачей венгерского византиноведения остается создание капитального труда по истории венгерско-византийских отношений. В этой связи можно назвать лишь популярный труд Д. Моравчика [148], останавливающийся и на результатах предыдущих работ; детальное же исследование этого вопроса до сих пор отсутствует. В качестве предварительной ступени для осуществления такого труда необходимо провести еще ряд исследований по отдельным частным вопросам. Что касается анализа письменных источников, то после «Byzantinoturcica» Д. Моравчика работа в этой области может считаться почти завершенной. Поскольку полное критическое издание византийских историков вряд ли появится

---

[139] Gy. Moravcsik. Венгерско-византийские отношения во время падения Византии. AAnt, 2, 1953—1954, S. 349—360 (нем.; резюме — рус.) = венг. AT, 2, 1955, Old. 161—169.

[140] D. Pais. Bulcsú. MNy, 51, 1955, old. 433—446. (венг.).

[141] Gy. Moravcsik. Katapán, bizánci eredetü Árpádkori személynév (=Катапан, собственное имя эпохи Арпадов византийского происхождения). Emlékkönnyv Pais Dezsö hetvenedik születésnapjara. Budapest, 1956, old. 431—435.

[142] O. Schütz. Katapán. MNy, 53, 1957. old. 221—223 (венг.).

[143] K. Czeglédy. Géza nevünk eredete (=Происхождение нашего имени Гейза). Mny, 52, 1956, old. 325—333.

[144] I. Kniezsa. Padrag, Paloznak. MNy, 43, 1947, old. 140—142. (венг.).

[145] S. Szádeczky-Kardoss. К вопросу о происхождении названия р. Тисы. AAnt, 2, 1953—1954, p. 77—115 (англ.; резюме —рус.)= венг. MNy, 50, 1954 old. 105—110.

[146] Á. Pálla. A «Szkita cserga» — ról. (= О «скифской Черге»). Az Országos Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. «Communicationes ex Bibliotheca historiae medicinae Hungarica», 8—9, 1953, old. 218—232. (венг.; резюме — англ., нем., рус.).

[147] Gy. Moravcsik. Die Problematik der byzantinisch-ungarischen Beziehungen. BS, XIX, 1958, S. 206—211.

[148] Idem. Bizánc és a magyarság (=Византия и венгры). Budapest, 1953, 118 old. Имеется резюме этого труда на немецком языке: Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn («Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften», 1955, Nr. 4). Berlin, 1955, 29 S. Ср. рец. Б. Т. Горянова — ВВ, XII, 1957, стр. 326—329.

в ближайшее время, следовало бы осуществить, наконец, план «Византийской хрестоматии» (Chrestomathia Byzantina), предложенный еще П. Гунфальви в 1859 г., и критически издать сборник отрывков из византийских источников, относящихся к венгерской истории (соответствующие сборники были изданы в последние годы в Болгарии и Югославии). Разумеется, исчерпывающее исследование проблемы венгерско-византийских отношений возможно лишь при сотрудничестве историков и языковедов. Кроме византийских источников, требуется и обстоятельное знание памятников венгерской истории. Важны в этой связи и топонимические исследования по названиям местностей, церквей и т. д. Большим вкладом в изучение этого вопроса явится труд Г. Дьерффи «Историческая география Венгрии в эпоху Арпадов» — выход в свет этого труда ожидается в скором времени.

Помимо исследования письменных источников, перед нами стоит задача изучения археологического материала. Археологической комиссией Венгерской Академии наук давно уже запланированы раскопки византийских церквей, находящихся на территории Венгрии [149]; к сожалению, план этот до сих пор не реализован.

Успешному решению стоящих перед нами задач весьма содействовало бы осуществление давнишнего желания венгерских византинистов — создание в Будапештском университете специальной кафедры по византиноведению. Дело в том, что в настоящее время наша наука представлена лишь Институтом греческой филологии при Будапештском университете; основной же тематикой этого института является не византиноведение, а классическая филология [150].

Р. Бенедикти

О РАБОТЕ СЕМИНАРА ПО ПРОБЛЕМАМ БОЛГАРСКОГО ФЕОДАЛИЗМА В XIII—XIV вв.

25 февраля 1960 г. в Институте истории Болгарской Академии наук открылся семинар по вопросам феодальных отношений в Болгарии в XIII—XIV вв., который закончил свою работу 26 мая. Основной вводный доклад в начале семинарских занятий сделал профессор Д. Ангелов. Он остановился на ряде проблем — концентрация земельной собственности, категории зависимого населения, феодальная рента, элементы разложения феодальных отношений и др.

В прениях по докладу выступили почти все болгарские специалисты. Они отметили серьезный вклад в изучение истории Болгарии, который внес Д. Ангелов, рассмотревший важнейшие явления социально-экономической жизни страны в их взаимосвязи и взаимозависимости (С. Лишев). Было подчеркнуто также, что доклад в целом отражает состояние современной болгарской медиевистики (Б. Примов).

Справедливо указав на то, что в истории болгарского феодализма еще немало спорных вопросов, разрешение которых может быть достигнуто лишь в результате длительного и глубокого их изучения многими специа-

---

[149] См. F. Fülep, in: AA, I, 1951, p. 8—9, 13—14.

[150] Пользуюсь случаем принести благодарность профессору Д. Моравчику за помощь, оказанную при составлении настоящего обзора.

листами, участники семинара сделали ряд критических замечаний и поделились своими сомнениями и соображениями по ряду вопросов, как нашедших, так и не нашедших отражения во вводном докладе проф. Ангелова.

Одним из наиболее спорных вопросов на семинаре был вопрос о характере источников, используемых для изучения внутренней истории Болгарии XIII—XIV вв. Докладчик основывался преимущественно на материалах, относящихся к Македонии и содержащих главным образом данные о монастырском землевладении, причем большинство использованных Д. Ангеловым документов имеет сербское или византийское происхождение.

Некоторые из выступавших (А. Бурмов, Н. Тодоров, В. Мутафчиева, В. Примов) сочли неправомерным широкое использование для характеристики болгарского феодализма сербских материалов и распространение выводов, сделанных на основе локальных источников, на всю Болгарию. Было отмечено, однако, что византийские источники заслуживают серьезного внимания, ибо Македония в течение долгого времени находилась под властью Византии (А. Бурмов). В связи с этим было высказано соображение о необходимости тщательного выяснения соотношения как болгарской и византийской (Ив. Дуйчев), так и сербской и болгарской феодальной терминологии (А. Бурмов). Было указано также на необходимость взаимной проверки письменных и археологических материалов (А. Бурмов).

Вместе с тем при обсуждении этого вопроса было высказано мнение, что подход к сербским материалам должен быть дифференцированным, а степень их использования должна определяться особо в каждом конкретном случае (Н. Ников). Подчеркивая общие черты в развитии болгарского, сербского и византийского феодализма, сторонники этой точки зрения считают в принципе допустимым использовать сербские документы, однако при условии внимательного и осторожного отношения к сообщаемым ими фактам (Х. Христов). Такое же мнение отстаивал и выступивший в конце работы семинара Д. Ангелов, указавший на то, что в большинстве привлеченных им сербских грамот, относящихся к Македонии, подтверждаются привилегии, дарованные монастырям болгарскими царями. Г. Тодоров обратил внимание специалистов на румынские средневековые документы, которые, по его мнению, могут дать некоторые дополнительные сведения о положении в Северной Болгарии.

Большое место в работе семинара занял вопрос о характере государственной собственности на землю. Было высказано мнение, что государство являлось верховным собственником всей земли, что, в частности, выражалось в передаче государством владений одного монастыря другому (Н. Тодоров); монастыри поэтому следует считать не собственниками подвластной им земли, а лишь ее держателями, чем и объяснялась защита монастырских владений со стороны центральной власти и предоставление монастырям временного иммунитета — явления, существенно отличающие монастырское землевладение от светского (Л. Йончев).

В связи с этим был поставлен вопрос о расщеплении собственности, имеющий непосредственное отношение к факту возникновения на Востоке государств раньше, чем оформлялись феодальные производственные отношения (Н. Тодоров, Б. Цветкова). Необходимо поэтому определить место и мелкой крестьянской собственности в системе феодализма, тем более, что борьба сельской общины с государством и феодальными собственниками составляет основу развития феодального способа производства (Н. Тодоров). В частности, нужно решить вопрос о том, были ли

феодально-зависимыми (крепостными) крестьяне, передаваемые феодалу государством, или они становились таковыми лишь после этой передачи (Б. Примов); неясно также, действительно ли, как принято думать, парики были наиболее многочисленной частью феодально-зависимого населения (А. Бурмов).

Непосредственно к этой проблеме примыкает и вопрос о характере государственных налогов в рассматриваемый период. По мнению Г. Цанковой-Петковой, их необходимо достаточно четко отличать от частновладельческой феодальной ренты.

Вопросы, связанные с государственной собственностью на землю, по мнению В. Мутафчиевой, являются очень сложными и требуют пристального изучения. Их решение помогло бы уяснить специфику болгарского феодализма, вскрыть его преемственные связи с феодализмом османским и византийским (В. Мутафчиева, Б. Цветкова), а также уточнить периодизацию болгарской средневековой истории и определить тенденцию развития болгарского феодализма в XIV в. (В. Мутафчиева).

Касаясь этой проблемы в своем заключительном выступлении, Д. Ангелов согласился с тем, что ее нельзя считать решенной. Он, однако, полагает, что монастыри были полными феодальными собственниками своих земель, а не просто ее держателями, хотя и бывали случаи, когда государство отнимало монастырские земли. Что же касается независимых от крупных феодалов крестьян, то их, по его мнению, нужно отличать от частновладельческих точно так же, как государственный налог от феодальной ренты. В этом отношении докладчик поддерживает взгляды, развиваемые М. Я. Сюзюмовым.

На семинаре обсуждался также затронутый докладчиком вопрос о пронии. Одни считают, что Д. Ангелов неправ, относя начало развития пронии в Болгарии лишь к XIII, а не к XI в. (Г. Цанкова-Петкова); по мнению других, выводы автора о пронии даже в XIII—XIV вв. основаны исключительно на сербских свидетельствах и не подкреплены болгарскими материалами (А. Бурмов). Большинство выступавших признало, что возникновение, развитие и содержание пронии является одним из невыясненных вопросов болгарского феодализма XI—XIV вв. (Ив. Дуйчев, Н. Тодоров и др.). Д. Ангелов, отвечая на высказанные возражения, повторил свои доводы в пользу существования в Болгарии пронии на протяжении всего рассматриваемого периода (XIII—XIV вв.).

К кругу проблем, связанных с пронией, примыкали также обсуждавшиеся участниками семинара вопросы о светском землевладении. Несмотря на недостаток источников для разработки этой темы, подчеркивали выступавшие, ограничение рамками монастырского землевладения не может привести к сколько-нибудь полному представлению о развитии феодальных отношений в Болгарии (А. Бурмов, Л. Йончев). Были затронуты также вопросы о прослойках внутри господствующего класса (в частности о великих и малых болярах) и об особенностях в их положении (В. Тыпкова-Заимова); о концентрации феодальной собственности (Б. Примов); о роли государства и надстроечных явлениях в развитии феодализма (В. Мутафчиева); об иммунитете феодальных владений, имевшем в Болгарии некоторые существенные особенности (например, в отличие от Сербии, болгарские монастыри располагали нередко полным иммунитетом) (Д. Ангелов, А. Бурмов).

Оживленный обмен мнениями вызвали выводы докладчика о роли общины в борьбе с феодалами. Было признано, однако, что судьбы болгарской общины в эпоху феодализма остаются еще во многом невыясненными (Ив. Дуйчев, Б. Примов, Н. Тодоров, А. Бурмов), как и вопрос о соот-

ношении села и поместья, домена и крестьянских держаний (Б. Примов). Нет полной ясности и в определении места рабства в системе феодальных производственных отношений (Ив. Дуйчев).

Интересным было обсуждение на семинаре и такого мало отраженного в докладе вопроса, как развитие производительных сил, рост городов в Болгарии XIII—XIV вв. и усиление роли товарно-денежных отношений (Г. Тодоров, В. Паскалева, С. Георгиева). Выступавшие подчеркнули важность широкого и систематического привлечения археологического материала, в частности новых находок и открытий, относящихся к Преславу, Патлейне, Несебыру, и результатов последних изысканий академика Миятева на Трапезице и Царевце в Тырнове и в средневековых ювелирных мастерских возле Враца (С. Георгиева).

Обсуждение этой проблемы привело к рассмотрению вызвавшего особенно горячие споры вопроса об уровне развития болгарского феодализма накануне турецкого завоевания (конец XIV в.). По мнению Д. Ангелова, в XIV в. феодализм в Болгарии достиг полной зрелости и вместе с тем вступил в полосу упадка, характеризовавшегося появлением известных элементов разложения, вызреванием ростков новых производственных отношений в недрах старого, феодального способа производства.

Этот тезис докладчика вызвал возражения. По мнению В. Божинова, Д. Ангелову не удалось показать, в чем заключались элементы разложения феодализма в это время. В. Паскалева усматривает противоречие в утверждении, что усиление товарно-денежных отношений, с одной стороны, способствовало возрастанию элементов новых производственных отношений и появлению нефеодальных форм эксплуатации (например ратайства — свободного наемного труда), а с другой стороны, вело к увеличению роли денежной ренты и, таким образом, к росту феодальных форм эксплуатации.

Не является, с точки зрения В. Мутафчиевой, признаком разложения феодализма и имущественная дифференциация среди крестьянства, ибо это явление наблюдалось в самые разные эпохи (например у славян еще в VII в.) и само по себе не может быть оценено вне связи с основными общественно-экономическими процессами каждого данного периода; вывод о том, что XIVв. является временем расцвета, полной зрелости и начала разложения феодальных отношений, остается, на ее взгляд,недоказанным.

Против вывода докладчика выступил и С. Лишев. Источники, по его мнению, свидетельствуют о том, что общей тенденцией развития в XIV в. было наделение безземельных крестьян участками земли, а не их экспроприация и отделение от средств производства. Что касается наличия в Болгарии этого времени наемных работников (в частности пастухов), то они были в Болгарии на протяжении всего средневековья; их следует, однако, считать не наемными рабочими нового времени, а временно нанимавшимися работниками, которые неизбежно попадали в феодальную зависимость от нанимателя. К тому же встречающийся в источниках термин «работники» означает иногда просто чиновников государства, боляр и царских людей, занимавшихся сбором государственных налогов (как это, например, следует из грамоты Рильского монастыря: «ѿ въсѣх болѣрь и рабо́тникь цр҃тва ми»).

С этим толкованием термина согласились Х. Христов и Ив. Дуйчев, сославшийся на болгарские грамоты, в которых указанный термин употребляется в значении «сборщик налогов».

С. Лишев отметил также, что ссылки на положение К. Маркса («Капитал», т. III, стр. 814) о капиталистических арендаторах, по его мнению, неправомерны. К. Маркс имел в виду эпоху, когда между крупным

землевладельцем и непосредственным производителем появилось третье лицо — арендатор, который не работал сам, а эксплуатировал труд свободных наемных рабочих. Об аренде такого рода в Болгарии XIV в. нет решительно никаких сведений.

Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных участниками семинара по поводу вводного доклада, они отметили значительные заслуги Д. Ангелова, который первым поставил широкие проблемы развития болгарского феодализма и способствовал развертыванию плодотворной дискуссии.

Семинар, несомненно, сыграл положительную роль для своевременной постановки и выявления малоизученных и спорных вопросов. Работа семинара протекала в обстановке дружеской критики и обмена знаниями, она характеризовалась высокой активностью специалистов и содействовала как уяснению некоторых дискуссионных вопросов, так и определению путей углубленного изучения проблем, еще не нашедших своего разрешения.

С. Лишев

ХРОНИКА

О РАБОТЕ СЕКЦИИ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ И СМЕЖНЫХ ДИСЦИПЛИН НА XXV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ВОСТОКОВЕДОВ

9—16 августа 1960 г. в Москве состоялся XXV Международный Конгресс востоковедов. Проблемы истории Византии, ее связи со странами Востока издавна занимают определенное место в программах работы международных съездов ориенталистов. Как и на предыдущих конгрессах, на XXV конгрессе работала секция «Византиноведение и смежные дисциплины». То обстоятельство, что конгресс 1960 г. проходил в нашей стране, еще в прошлом столетии занявшей одно из ведущих мест в изучении истории стран Востока и Византии, не могло не привлечь к участию в его работе крупнейших зарубежных исследователей, а к самому конгрессу — внимания широкого круга ориенталистов и византиноведов.

В работе секции византиноведения приняли участие многие видные ученые из зарубежных стран и большая группа советских византиноведов. Одной из существенных особенностей в работе секции было значительно большее, чем на предыдущих конгрессах, внимание к проблемам внутренней истории Византии и ее связей со странами Востока, что в значительной мере было обусловлено тем, что в конгрессе приняли участие ученые Советского Союза и стран народной демократии, специально посвятившие этим проблемам свои доклады.

Секционные заседания открылись 10 августа вступительным словом руководителя секции Н. В. Пигулевской. Первый доклад был сделан акад. Венгерской Академии наук Д. Моравчиком (Будапешт). В докладе «Византийско-мамлюкские отношения в XV в.» он показал, что в связи с экономическими, политическими и церковными интересами между Византией и Каиром в XV в. происходил частый обмен посольствами. Эти дипломатические отношения, начало которых следует отнести к XIII в., хорошо известны по данным арабских и византийских источников XIII и XIV вв. Что же касается XV в., то до настоящего времени исследователи располагали исключительно скудными данными по этому вопросу. Этот пробел ныне отчасти восполняется греческой грамотой (P. Graec. Par. 1170), посланной, как показывает ее изучение, мамлюкским султаном Барсбаем византийскому императору Иоанну VIII Палеологу между 1422 и 1438 гг. Из грамоты [1] видно, что Иоанн VIII обратился к султану с просьбой принять во внимание интересы живущих на территории мамлюкского государства христиан, в частности патриарха. Ответ султана, чрезвычайно вежливый и даже несколько льстивый, содержит обещание выполнить просьбу Иоанна VIII. Характер этих переговоров

[1] Ее текст издан Д. Моравчиком (см. ВВ, XVIII, 1961).

становится ясным в свете грамоты султана Малик Насир Хасана (1349 г.) императору Иоанну Кантакузину и грамоты Мануила II Палеолога (1411 г.) султану Фараджу. Обмен посольствами в данном случае был вызван не только заботой о положении христиан. Усилившаяся мощь турок-османов создавала угрозу для обоих государств. В 1432 г. султан Мурад II оказывал давление на Барсбая в интересах претендента на кипрский престол. Возможно, что общность интересов и породила в Константинополе и в Каире мысль о совместных действиях против общего врага. Во всяком случае грамота султана свидетельствует о том, что вплоть до своего падения Византия осуществляла своего рода моральный протекторат над христианами мамлюкской империи.

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская полностью присоединилась к выводам докладчика о проявлении Византией заинтересованности судьбами христианского населения Востока. Она считает, исходя из данных Михаила Сирийца, что корни этого интереса восходят еще к VII в.

Последующие доклады утреннего заседания проходили под председательством акад. Д. Моравчика.

Доклад С. Дер-Нерсессян (Вашингтон) «Фрески Кахриэ-Джами» ознакомил участников конгресса с результатами работ американских ученых, в частности в экклесионе, являвшемся первоначально усыпальницей. Докладчица подробно описала и проанализировала расчищенные фрески, останавливаясь как на тематике изображений, так и на их стилистических особенностях. Несмотря на кажущееся отсутствие тематической связи между содержанием фресок (сцены из Ветхого завета, богоматерь, святые, гимнографы, сцена страшного суда и т. д.), в действительности, как убедительно доказала С. Дер-Нерсессян, в оформлении чувствуется единый замысел, и все фрески связаны единой темой — темой богоматери. Хорошо продуманное оригинальное оформление, наличие общей темы и высокое мастерство придают фрескам большую ценность.

Выступавшие В. Н. Лазарев и Е. Э. Липшиц согласились с выводами докладчицы. В. Н. Лазарев отметил, что переход к более символической системе живописи характерен для XIV в., и указал на некоторые параллели на Руси. Е. Э. Липшиц обратила внимание С. Дер-Нерсессян на сходство с живописью некоторых памятников Мистры. Д. Моравчик поставил в заслугу докладчице использование литературного материала. Отвечая выступавшим, С. Дер-Нерсессян согласилась с высказанными ими соображениями, но, по ее мнению, самой близкой параллелью к фрескам Кахриэ-Джами все же остаются фрески церкви апостолов в Фессалонике.

В ряде докладов были подняты проблемы истории борьбы балканских народов против турецкого завоевания. Д. Ангелов (София) выступил с докладом «К вопросу о политике Византии и других балканских государств накануне турецкого завоевания». Докладчик сосредоточил свое внимание на рассмотрении некоторых вопросов политики балканских правительств и прежде всего византийского правительства по отношению к туркам-османам с конца XIII в. по 1352—1354 гг. По мнению Д. Ангелова, имеющиеся данные свидетельствуют о несомненной непоследовательности и противоречивости политики Андроника II в отношении турок. Андроник II не уделял должного внимания проблеме турецкой опасности и только с 1296 г. начал осуществлять политику более или менее активного противодействия туркам. Лишь в конце XIII — начале XIV в. были проведены отдельные мероприятия византийского правительства, показывающие, что византийские феодалы во главе с императором, правда, с некоторым опозданием, начали осознавать значение турецкой опасности и

предпринимать попытки изгнания турок из Малой Азии. Однако своекорыстные классовые интересы помешали им организовать активный отпор туркам. Д. Ангелов отметил, что крестьянское восстание 1262 г. в Византии и восстание Ивайла в Болгарии оказали сильное влияние на настроения господствующего класса Византии, который боялся опираться на народные массы в борьбе с турками. Отсюда несомненное стремление правительства не допустить образования крестьянско-плебейских ополчений. С самого начала борьбы с турками византийское правительство и феодалы всячески противодействовали стремлению народных масс подняться против завоевателей. Они предпочитали в борьбе с турками опираться не на народ, а на наемные отряды.

В правление Андроника III противодействие туркам стало более активным, но оно носило чрезвычайно непоследовательный характер. Андроник сосредоточил свои усилия на организации отпора наступлению турок-османов, но проводил явно близорукую, соглашательскую политику в отношении остальных турецких эмиратов; константинопольское правительство в борьбе против феодальных клик и против генуэзцев само прибегало к помощи отрядов турецких наемников.

Эта политика обусловила широкое привлечение турецких отрядов к участию во внутренней борьбе в Византии в период начавшихся усобиц 1341—1349 гг. Благодаря турецкой помощи самой реакционной группировке византийского феодального класса удалось одержать победу и подавить народное движение. Именно в этот период турки в качестве союзников хорошо ознакомились с положением в Византии и получили необходимую подготовку для вторжения на Балканы.

Насколько позволяют судить источники, в Болгарии и Сербии уже после 1326 г. становится все более популярной идея борьбы против турецкой опасности. Но враждебные отношения этих стран с Византией не способствовали возникновению единства действий в борьбе с турками, тем более что Византия, как и ее противники на Балканах, была не прочь использовать турок в качестве союзников в борьбе со своими соседями. Византия, которой более всего угрожали турки, долгое время, как отмечает докладчик, не могла объединиться против них со своими соседями. Лишь после 1341 г., когда турки стали проникать на сербские земли, местные феодалы стали проявлять беспокойство, и с 1350 г. начинаются усиленные переговоры о совместной борьбе. Но даже в условиях непосредственной опасности противоречия между балканскими странами продолжали оставаться не менее, если не более, сильными, чем их страх перед турками.

В выступлении З. В. Удальцовой по докладу было отмечено его значение для выяснения некоторых аспектов общей проблемы падения Византии, а также необходимость дальнейшей разработки поднятых в докладе проблем, которая должна привести к весьма плодотворным результатам. В частности, З. В. Удальцова подчеркнула важность выявления более четких различий в политике феодальных группировок Византии в 1341—1349 гг. в отношении турок.

Проблеме «Византия и арабы» было посвящено несколько докладов. На том же утреннем заседании Н. В. Пигулевская (Ленинград) выступила с докладом «Арабы у границ Византии в IV в.»[2] Доклад был посвящен исключительно важному вопросу, решение которого представляет большой интерес как для византинистов, так и для арабистов и иранистов.

---

[2] Расширенный текст доклада Н. В. Пигулевской опубликован в вып. 5 (68) «Палестинского сборника» (Л., 1960, стр. 45—65).

В основу доклада была положена написанная набатейскими буквами арабская надпись-эпитафия IV в. из Немары. Наряду с надписью, которая была подвергнута докладчиком тщательному историческому и филологическому анализу, Н. В. Пигулевская привлекла многочисленные данные, имеющиеся в сочинениях современных латинских, греческих и более поздних арабских писателей.

Как показала Н. В. Пигулевская, Немерская надпись — ценный и правдивый источник, данные которого (в частности дата смерти Амрулькайса) подтверждаются и другими сообщениями. После падения Петры и Пальмиры, в период значительного ослабления Ирана в последней четверти III в. н. э., арабские племена, кочевавшие вдоль границ Римской империи и Ирана, были объединены под властью Амрулькайса ибн Амра ибн Ади из рода Лахмидов из Хирты. Подчинив одни племена, разгромив и изгнав другие, он стал «царем всех арабов» и носил диадему. Сохраняя верховную власть за собой, он «разделил сыновьям племена» при поддержке Персии («Перас») и Рима («Руму»). Этот факт указывает на то, что, хотя Иран и стоит на первом месте, «герой эпитафии действовал, примиряя интересы обеих держав»; таким образом, уже в начале IV в. арабы играли роль своеобразного буфера между Римом и Ираном. В IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Византии и Ирана, как это имело место в последующие столетия, когда они служили в качестве auxilia то одной, то другой стороне. Это относится как к Лахмидам, так и к Гасанидам, которых Н. В. Пигулевская определенно идентифицирует с «ассанитскими сарацинами» Аммиана Марцеллина. Находившиеся постоянно в движении воинственные (bellatores) арабские племена представляли в это время силу, которой следовало опасаться. «Нам не следовало бы желать иметь арабов ни друзьями, ни врагами», — писал об арабах в IV в. Аммиан Марцеллин. Этим, по мнению В. Н. Пигулевской, и объясняются колебания в политике Рима в его отношениях с арабами. Дальнейшее развитие этих отношений прослеживается докладчицей на материале сведений о сарацинской царице Моавии (70-е годы IV в.). Вторая половина IV в., как показывают данные источников, использованных Н. В. Пигулевской, характеризуются началом христианизации арабов.

Общий вывод доклада таков: «Сближаясь с частью арабских племен, мощные государства Ближнего Востока получили возможность воздействовать на другие кочевые племена, воинственность которых постоянно угрожала их границам. В IV в. лишь намечаются основные линии политики Византийской и Персидской империй по отношению к арабам — политики, осуществленной в V и VI вв.».

По докладу выступил ряд французских ученых — М. Родэнсон, проф. Р. Блашер и др. Отметив стройность аргументации и ценность выводов, сделанных докладчиком, М. Родэнсон напомнил о высказанном в литературе мнении, что слово «фарес» можно переводить также «всадник». В ходе обсуждения было также предложено считать именем собственным слово «Malecus» у Аммиана Марцеллина, которое переведено докладчицей как «царь».

Взяв слово для ответа, Н. В. Пигулевская не согласилась с предложенными — и ей хорошо известными — вариантами переводов, так как эти варианты создают большие трудности в понимании текста: если их принять, придется внести изменения в текст самой надписи. Что же касается имени царя — Подозак, то оно дано у Аммиана. Р. Блашер, выступавший после ответа Н. В. Пигулевской, целиком согласился с поло-

жениями докладчицы и с ее толкованием этих терминов, отметив ценность новых выводов, сделанных на основании древнейшей арабской надписи.

Проблеме отношений между Западом и Востоком в их отражении в средневековой западной литературе был посвящен доклад Ж. Ришара (Дижон) «Мода на Восток в западной литературе средних веков». Как показал докладчик, по мере того как Запад все больше приходил в соприкосновение с Востоком, интерес к последнему углублялся, качественно изменялся и распространялся на новые страны и народы.

Как правило, в основе западных литературных произведений, посвященных Востоку, лежат исторические факты (например в «Песне о Роланде» и других поэмах), но они настолько преобразуются и дополняются фантазией их авторов, что перед нами возникают чисто приключенческие произведения с присущими подобного рода литературе чудесами, похищениями и т. д. Деятели Востока принимают в них черты западных рыцарей (например, в цикле о Саладине, которому даже приписывается западное происхождение). В некоторых случаях полностью вымышленные действия переносятся в страны Востока (например, поход Карла Великого в Палестину и т. д.). И Византия, воспринимавшаяся как страна чудес и автоматов, занимала свое место в этой литературе (роман об Александре и тематически связанное с ним письмо пресвитера Иоанна Мануилу Комнину).

Хотя приключенческая литература продолжала развиваться, рядом с ней, начиная с XIII в., появляется новый вид литературы — рассказы путешественников и миссионеров. Разнообразие литературных произведений, посвященных Востоку, большое количество дошедших до нас рукописей и переводов с них на другие языки, прекрасные иллюстрации которыми их украшали, — все это говорит об огромном интересе который вызывал в XI—XIV вв. Восток в самых различных кругах средневекового общества. По мнению докладчика, при тщательном научном анализе востоковеды смогли бы извлечь отдельные весьма ценные свидетельства из этой огромной литературы.

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская выразила пожелание, чтобы докладчик обратил внимание на интерес к Востоку не только среди высших слоев западноевропейского феодального общества, но и среди народных масс. По мнению Н. В. Пигулевской, было бы полезно проделать работу и в «обратном» направлении — выяснить, что знали и думали в это время на Востоке о Западе. В этой связи, в частности, как отметила Н. В. Пигулевская, заслуживают изучения материалы путешествия в XIII —начале XIV в. двух сирийцев (Мар Ябалахи I и Раббан Саумы) из Пекина в Багдад, а затем в Париж и Рим.

Вечернее заседание 10 августа, проходившее под председательством Ф. Фольбаха (Рим), было полностью посвящено проблемам византийского искусства. С докладом на тему «Новонайденные фрески в монастыре на Патмосе» выступил Анастасиос К. Орландос (Афины). После краткого описания монастыря, представляющего собой сооружение крепостного типа с церковью в форме однокупольной базилики с одним нефом, докладчик перешел к анализу вновь открытых фресок, относимых им к XII в. Перечислив обнаруженные фрески, указав их местонахождение и содержание, докладчик подробно остановился на разборе некоторых, особенно интересных по композиции и стилю, фресок: богоматери с младенцем и с архангелами Михаилом и Гавриилом, сретенья, ветхозаветной сцены трапезы Авраама с ангелами. Стиль их исполнения неоднородный: отдельные фигуры даны в сухой, схематичной и сильно стилизованной абстрактной манере, за которой чувствуется глубокий символический

смысл; другие — в пластической, весьма близкой к палеологовскому искусству, трактовке. На материале ряда фресок можно проследить влияние константинопольской школы и установить точки соприкосновения с мозаиками Дафни.

В прениях выступили В. Н. Лазарев и С. Дер-Нерсессян. В. Н. Лазарев предложил датировать фрески концом XII в.

С докладом «Мозаики Большой мечети в Дамаске и мозаики императорского дворца в Константинополе» выступил Д. Тальбот Райс (Эдинбург). Замечательные мозаики Большой мечети в Дамаске, созданные при халифе аль Валиде, издавна считались одним из наиболее ярких примеров сохранения мощных старых сирийских, палестинских и византийских декоративных традиций в арабском мозаичном искусстве VIII в. Однако в последнее время правильность этих выводов стала оспариваться рядом исследователей. В своем полном издании дамасских мозаик Ван-Берхем поставила под сомнение правильность положения старой научной традиции, что эти мозаики были созданы с помощью мастеров, приглашенных из византийской столицы. Сомнения Ван-Берхем основываются на том, что самые ранние тексты, в которых упоминается о деятельности византийских мастеров, относятся ко времени на полтора столетия позже, чем дата завершения мозаик Дамасской мечети (715 г.). На этом основании исследовательница выдвинула предположение, что все следы старых мозаичных традиций можно объяснить участием в создании мозаик одних только сирийских мастеров-христиан и что влияние Константинополя — миф.

Точка зрения Ван-Берхем была поддержана Ж. Лассю, который высказал мнение, что выражение «ремесленники из Рума», содержащееся в сообщении источника о создании мозаик в эту эпоху, могло быть применимо и ко всем ремесленникам-христианам вообще, а не только к мастерам Константинополя.

Эти взгляды в последнее время вызвали возражения Э. Гибба, который указал на существование нового, не учтенного Ван-Берхем и Лассю свидетельства — источника, относящегося к значительно более раннему периоду, близкому ко времени создания мозаик, и подчеркнул несомненно большое значение связей Омейадов с Византией. А. Фролов в обзоре публикации Э. Гибба, присоединился к точке зрения Ван-Берхем, что работа по созданию мозаик была выполнена сирийскими мастерами.

Изучение некоторых мозаичных полов, которые были открыты после публикации Ван-Берхем, дает возможность пролить новый свет на эту проблему.

Мозаичные полы Антиохии показывают постепенно усиливающийся в Сирии с IV до середины VI в. упадок стиля и техники. Мозаики же Большого дворца византийских императоров в Константинополе, которые датируются примерно 550 г., хороши и технически, и по стилю. Они указывают на развитие новой манеры и эстетического вкуса. В них проявляются черты нового византийского стиля.

Так же могут быть охарактеризованы и дамасские мозаики. По мнению докладчика, особенности художественной манеры говорят в пользу тезиса Гибба и предположения, что мастера прибыли из Византии. Сирия одна не была в состоянии обеспечить подобного рода работы в VIII в.

В. Фольбах в своем выступлении поставил вопрос о возможности наличия римских традиций в мозаиках мечети или влияния этих традиций.

С докладом «Приемы линейной стилизации в византийской живописи X—XII вв. и их истоки» выступил В. Н. Лазарев (Москва).

Докладчик убедительно показал, что с конца X — начала XI в. линейная стилизация светов становится господствующей в византийской

живописи, что лучше всего видно на материале миниатюр этого времени. Ее распространение автор объясняет тем, что линия гораздо лучше, чем красочная лепка, была приспособлена для воплощения византийских аскетических идеалов. Во фресковой живописи и мозаиках распространение линейной стилизации начинается в первой половине XI в., и она становится господствующей, как свидетельствуют, в частности, мозаики Чефару, в XII в. В мозаиках и фресках первой половины XI в., как показал докладчик, «еще преобладают укрупненные формы и плоскости, в них еще нет мелочной, графически тонкой разделки поверхности лиц и одеяний». Однако новая манера линейной стилизации начинает прокладывать себе путь по мере нарастания в византийской живописи отвлеченных тенденций. Этот процесс хорошо прослеживается на примере мозаик второй половины XI — первой половины XII в.

Наблюдения автора доклада позволили ему уточнить время исполнения мозаики Софии Константинопольской, украшающей люнетту южного вестибюля (автор, как и Уиттмор, считает, что это конец X в.).

Вместе с тем докладчик отмечает, что мастера Равенны, «как все художники периферии Византийской империи, опережали своих столичных собратьев в линейной стилизации лиц, поскольку они были меньше связаны античными живописными традициями. В Константинополе линейная стилизация лиц была сознательной, а на периферии — бессознательным упрощением красочной лепки, приводившим к замене мазка линией. Причем здесь к этой линейной стилизации присоединялась стихийная тяга к разукрашенной форме — влияние народных вкусов».

В Византии во второй половине XII в. линейная стилизация лиц достигает своего полного развития. Наиболее завершенное выражение она, по мнению докладчика, находит во фресках второй половины XII в., где она приобретает утрированный характер и где линия уже как бы отрывается от формы и превращается в часть орнамента. Это был тупик, за которым должен был последовать перелом. К такого рода памятникам относится фрагмент фрески из апсиды церкви Сан-Пьетро в Эболи, росписи Нерези, греческие росписи последней трети XII в.

Эта линейная трактовка светов наиболее широкое распространение получила на Руси (Мирожский монастырь в Пскове, храм в Аркажах и др.). Причины этого автор доклада видит в том, что подобная манера письма «отвечала русским вкусам, тяге русских людей к «узорочью», составляющему неотъемлемую часть всей древнерусской художественной культуры». «В этом, — заключает В. Н. Лазарев, — была своя глубокая внутренняя логика, отразившая своеобразие древнерусского художественного процесса, в котором далеко не все восходило к византийским источникам, а опиралось на старые традиции, сложившиеся еще в далекие языческие времена».

Доклад В. Н. Лазарева вызвал большой интерес и оживленный обмен мнениями.

Доклад Ф. С. Форлати (Венеция) «Новые данные о соборе Сан-Марко в Венеции» ознакомил участников конгресса с осуществлявшимися в течение последних лет реставрационными работами, в частности с реставрацией мозаичного убранства. В результате работ по укреплению и реставрации мозаик был уточнен процесс работы мозаичистов на основе обнаруженных фресковых наметок, служивших эскизами для нанесения мозаики. Доклад имеет большое значение для изучения истории техники мозаичистов.

Прения по докладу коснулись числа накладываемых на стену слоев. Этот на первый взгляд чисто технический вопрос имеет, как указал

В. Н. Лазарев, большое значение для определения принадлежности мастеров к западной или восточной школе, поскольку в отличие от мозаик Сан-Марко, где, по мнению Ф. Форлати, имеются только два слоя, в Византии и на Руси накладывались три слоя.

Утреннее заседание 11 августа проходило под председательством проф. Д. Ангелова (Болгария).

А. Курдян (Уйчита, США) выступил с докладом об армянских переводах и рукописях Антиохийских ассиз, латинские тексты которых не сохранились. Докладчик привел ряд соображений в пользу того, что в период господства крестоносцев Антиохия «получила новую юридическую систему», регулировавшую отношения между новыми хозяевами Антиохии и местным населением. По мнению Курдяна, в каждом из крестоносных государств были свои ассизы, отличия между которыми обусловливались спецификой местных условий каждого из крестоносных государств. К несчастью, Антиохийские ассизы в их первоначальным латинском оригинале не сохранились, и долгое время ничего не было известно об их существовании. Лишь в 1870 г. армянский ученый — монах Hovhaness M'krian из Константинополя опубликовал в одном из армянских журналов письмо, в котором сообщал, что открыл армянскую рукопись, содержащую различные кодексы. Как выяснилось, эта коллекция гражданских и религиозных законов была скопирована в 1331 г. для армянского царя Льва хорошо известным в то время писцом-иллюминатором Саркисом. В эту рукопись, помимо прочих законов, был включен также и армянский перевод Антиохийских ассиз с 12 статьями об отношениях господ и крепостных, их правах и обязанностях, и с 21 статьей о горожанах. Эта рукопись сохранилась в библиотеке мхитаристов в Венеции.

Другой текст, переведенный до 1261 г., был найден в Эчмиадзине. Оба текста были переведены на русский язык и опубликованы. Анализ этих текстов показывает, что Антиохийские ассизы были составлены в первой половине XIII в., когда была сделана и их первая армянская копия. Как сообщил докладчик, в приобретенной им рукописи 1622 г. он обнаружил другую копию Ассиз, которая является другим переводом с более краткого текста и менее литературно оформлена. По мнению Курдяна, этот перевод является переработкой первоначальных текстов Ассиз применительно к условиям жизни армян Киликии и Антиохийского королевства.

В выступлениях по докладу, в частности в выступлении Н. В. Пигулевской, было отмечено, что исследование Курдяна представляет большой интерес, поскольку изученные им рукописи имеют серьезное значение как для истории крестоносных государств, так и для истории местного населения. В то же время Н. В. Пигулевская подчеркнула необходимость более детального выяснения вопроса о том, какие же отношения отражают рассмотренные докладчиком Ассизы — принесенные с Запада или же главным образом местные.

Проблемам византийского феодализма были посвящены доклады Е. Э. Липшиц (Ленинград) и А. П. Каждана (Москва).

Е. Э. Липшиц прочитала доклад на тему «Византийское законодательство и право VI—VIII вв. и вопрос о восточном характере византийского феодализма».

Указав, что проблемы изучения законодательства и права VI—IX вв. стали предметом внимательного изучения в последние годы, Е. Э. Липшиц отметила, что, как правило, памятники византийского права (за исключением Земледельческого закона) рассматриваются исследовате-

лями с чисто юридической или, в лучшем случае, с историко-правовой точки зрения, а не как исторические источники в широком смысле этого слова — источники, восполняющие «некоторые крупные пробелы в наших знаниях о жизни византийского общества в период арабского завоевания восточных провинций и славянской колонизации». В этом отношении, по мнению Е. Э. Липшиц, важнейший материал содержит Эклога, анализ отдельных статей которой и лег в основу доклада.

Изучение законодательства VII—IX вв. показывает, что его основой оставались нормы Юстинианова права, отражавшего «своеобразие процессов развития феодальных отношений на этом раннем этапе» и носившего «отчетливо выступающий в юридических нормах восточный характер». Эти черты не только сохранились в Эклоге, но и получили в ней дальнейшее развитие. По мнению докладчика, П. Зепос уже достаточно убедительно показал, что Эклога представляет собой памятник, в котором значительно резче, чем в остальных, проявилось взаимодействие римского права с восточным. Как полагает Е. Э. Липшиц, в Эклоге имеются *положения, которые, «с одной стороны, свидетельствуют об углублении* и расширении процессов развития феодализма, с другой — о сохранении той специфики византийского феодализма, которая стала выявляться уже на самых начальных его этапах». Это положение докладчица доказывает на материале титула XII Эклоги об эмфитевсисе и статей о рабстве. XII титул, как полагает Е. Э. Липшиц, рисует картину роста новой военно-феодальной знати и вместе с тем свидетельствует о борьбе центральной власти против усиления этой знати — борьбе, во многом предвосхищавшей аграрную политику императоров Македонской династии. Следовательно, истоки этой политики можно обнаружить уже в начале VIII в. Что же касается законодательства о рабстве, то оно, по мнению докладчицы, убедительно говорит о том, что институт рабства продолжает признаваться нерушимым, как и в VI в., но в то же время оно свидетельствует, что практически рабский труд находил все меньшее применение как в сельском хозяйстве, так и в ремесле.

Сопоставление Эклоги с Земледельческим законом, как полагает Е. Э. Липшиц, показывает, что «и после VI столетия развитие византийского феодализма осуществлялось в формах, близких к феодализму стран Востока, с характерными для него тенденциями сохранения (наряду с частным крупным феодальным землевладением) форм централизованной эксплуатации крестьянства, номинально «свободного», и распространением как типичной для аграрных отношений формы общинного крестьянского землевладения».

Выступившая по докладу Н. В. Пигулевская подчеркнула важность изучения социально-экономической истории рассматриваемого периода и отметила, что в докладе Е. Э. Липшиц представила лишь часть тех новых выводов, к которым она пришла в результате своих исследований последних лет. Д. Ангелов в своем выступлении говорил о чрезвычайной сложности рассмотренного в докладе вопроса, в решении которого, несмотря на уже длительную его разработку, многое все еще остается неясным. Он также отметил, что тезис Е. Э. Липшиц о том, что в Эклоге ясно ощущается борьба центральной власти против ранней феодализации, может быть подкреплен и известными параллелями из истории Болгарии IX в.

Одному из наиболее сложных и спорных вопросов византийского феодализма был посвящен доклад А. П. Каждана (Москва) «Формы условной собственности в Византии X—XII вв.», где прослеживается существование некоторых форм феодальной собственности в Византии X—XII вв., т. е. еще до латинского завоевания. Автор сосредоточил свое внимание

на анализе четырех основных форм византийской условной земельной собственности этой эпохи: пожалование на срок жизни, харистикий, прония и арифмос. Отметив важнейшие черты, свидетельствующие об условном характере этих форм собственности, особенно пожалования на срок жизни и харистикия, А. П. Каждан особо остановился на спорном вопросе о значении термина «прония» в рассматриваемую эпоху.

Источники XI—XII вв. не дают достаточных данных для определения содержания пронии, ее специфики. Такой материал, как считает А. П. Каждан, дает только простагма Михаила VIII Палеолога от 1272 г. и ряд более поздних грамот. Эта грамота позволяет определить пронию как «право на строго ограниченное количество государственных налогов, взимаемых с определенной территории». Условный характер пронии в эту эпоху следует искать не столько в отсутствии наследования пронии, сколько «в установлении нормы ренты, переданной прониару».

Сходный с пронией характер, как полагает докладчик, имел и арифмос — пожалование строго ограниченного числа государственных париков.

По мнению докладчика, специфика условной собственности в Византии X—XII вв. заключалась в том, что она обычно проявлялась «в форме государственного пожалования определенной суммы ренты или определенного количества зависимых людей, причем государство пыталось строго контролировать условия передачи». Эта специфика византийской пронии и арифмоса роднит их с восточной мусульманской iqta.

Выступивший в прениях Д. Ангелов (Болгария) отметил, что доклад А. П. Каждана связан с его работами по зарождению феодальных отношений в Византии, и указал, что определение докладчиком содержания пронии расходится с определением Г. А. Острогорского. Д. Ангелов считает правильным более широкое толкование термина прония в эту эпоху, поскольку прония в XIII в. является условным землевладением, связанным с военными обязательствами.

С докладом «Империалистические элементы в крестовых походах» выступил Мухаммед Хусейн Ала (Каир). Автор рассматривал крестовые походы как организованное движение средневекового Запада на Восток в XI—XIII вв., имевшее совершенно определенные экономические, социальные, политические и религиозные причины, и ставил своей задачей вскрыть «материальные» интересы, которые во многом были определяющими в крестовых походах.

В связи с этим докладчик подверг внимательному рассмотрению сложившиеся в западноевропейской историографии точки зрения на причины и цели крестовых походов, особо остановившись на взглядах Тревора Ропера, Арнольда Тойнби, Рене Груссе и др. Автор выразил свое согласие с положением Груссе о том, что крестоносцы были «колонизаторами». Он подчеркнул, что изучение тенденций политики Запада по отношению к Востоку показывает, что захватнические цели, материальные интересы были главными факторами крестовых походов. Докладчик показал, что уже до крестовых походов итальянские торговые республики активизировали свою политику против арабов на суше и на море, развернули военные действия против них. Уже в 1087 г. объединенные силы итальянских городов атаковали Аль Махдиа. После этой блокады генуэзские купцы добились целого ряда торговых привилегий и льготных прав в гаванях Африки. Для итальянских торговых республик крестовые походы явились лишь закономерным продолжением и дальнейшим развитием их политики по отношению к арабам, сложившейся еще до крестовых походов.

Рассматривая интересы крестоносцев на Востоке, автор отметил их весьма заметное отличие от интересов Византии, сказавшееся на ее во-

сточной политике. По мнению докладчика, Византия перед Первым крестовым походом ждала от Запада отрядов наемников, а не полчищ крестоносцев. Автор считает, что в отличие от организаторов и участников крестового похода Византия не стремилась к отвоеванию Сирии, Палестины и Египта, к овладению Иерусалимом, а ограничивала свои внешнеполитические задачи освобождением Малой Азии. Планы же крестоносцев носили широкий захватнический характер. Отсюда и расхождения между крестоносцами и Византией, проводившей менее враждебную политику в отношении Фатимидов. Захватническая политика Запада, как показал уже Первый крестовый поход, угрожала и интересам самой Византии, о чем свидетельствует захват Константинополя в 1204 г.

Далее автор рассмотрел основные черты религиозной, политической и экономической экспансии крестоносцев на Востоке. После неудачного начала политической экспансии организаторы крестовых походов перешли к экономической войне против арабов. Это нашло свое выражение в торговой политике, в попытках добиться перемещения основных торговых путей на Востоке в другие, неарабские страны с целью подрыва арабской торговли.

В заключение автор выразил мнение, что современная империалистическая политика Запада в отношении Египта и арабских стран вообще в известной мере подобна той политике, которую Запад проводил в эпоху крестовых походов.

Выступивший в прениях по докладу А. П. Каждан отметил, что в работах некоторых советских исследователей также достаточно ярко раскрывается захватнический характер крестовых походов, но одновременно в этих работах подчеркивается и вопрос, на который автор доклада совершенно не обратил внимания, — различие целей и интересов народных масс Запада, принявших участие в некоторых походах, и господствующего феодального класса Западной Европы.

И. Ирмшер (Берлин, ГДР) в докладе «Феодор Газа как греческий патриот» ставил перед собой задачу положить начало изучению мировоззрения представителей греческой образованности в Италии эпохи Возрождения. В то время как некоторые греческие ученые считают представителей греческой образованности в Италии предателями православной веры, отождествляемой с понятием нации, западные исследователи явно переоценивают их влияние на Возрождение.

В основе доклада И. Ирмшера лежит изучение деятельности и литературного и научного творчества Федора Газы. Последний не предпринимал никаких практических шагов для возвращения на родину и, повидимому, придерживался свойственной гуманистам точки зрения: «Где ученый выбирает место для жительства, там и его родина». Газа не был последователен в своих политических взглядах. Он то ратовал за унию и призывал итальянских князей объединиться для борьбы против турок, то осуждал эмигрантов-греков за употребление латинского языка и посвящал свое произведение «Laudatio canis» султану Мехмеду II, оправдывая турецкое владычество.

Но он никогда не забывал своего отечества, и хотя его творчество принадлежит литературе гуманизма, оно является в то же время составной частью и византийской культуры, значение которой для Возрождения нельзя недооценивать.

В ходе обсуждения доклада А. П. Кажданом был поставлен вопрос об отношении Феодора Газы к византийским императорам. И. Ирмшер ответил, что ни в одном из его произведений он не нашел каких-либо оценок Газой императорской власти в Византии или отдельных императоров.

Вечернее заседание проходило под председательством А. Бёлига (Галле, ГДР).

Имре Тренчени-Вальдапфель (Будапешт) выступил с докладом «Миф о золотом веке и его восточные корни». Докладчик показал, что восточное учение о «веках» в истории человечества впервые появляется в греческой литературе у Гесиода, выразившего в этом мифе классовые идеи беотийского крестьянства, их чаяния и надежду на лучшее будущее, связанное с возвращением золотого века после крушения мира в конце железного. Элементы «золотого века» сохранились по Гесиоду, на отождествляемых им с Италией «блаженных островах» в период правления бога Кроноса, что помогает нам понять корни римских saturnia tellus.

Пророчества Бакида, которые можно восстановить по пародийной обработке Аристофана, и прорицания Сивиллы представляют другое, независимое от Гесиода предание о золотом веке. Уже Писистрат пользовался символом золотого века для идеологического обоснования своего правления. Злоупотребляли им также во время Пелопоннесской войны и сторонники военной партии.

Феокрит создал на основе фольклорных мотивов свою XVI идиллию, а в XIX идиллии при описании золотого века воспользовался мифом о Геракле, отразившим новые восточные влияния.

Выступивший в прениях А. Бёлиг, отметив большой интерес доклада, высказал пожелание, чтобы докладчик обратил внимание не только на основной литературно-философский мотив, но и на историческую обстановку, под влиянием которой изменялась трактовка золотого века. Кроме того, А. Бёлиг обратил внимание на несомненный интерес, который может представить проведение четкой грани между эсхатологией и системой развития миров, как она отразилась у Гесиода. В ответном слове И. Тренчени-Вальдапфель указал, что, по его мнению, в историческом развитии этой темы можно различить три этапа — «архаика, эллинизм и Римская империя».

Теме борьбы балканских народов против турецкого завоевания в начале XV в. был посвящен доклад болгарского исследователя П. Х. Петрова «Антитурецкая коалиция балканских стран в начале XV в.». В центре внимания докладчика — письмо венгерского короля Сигизмунда бургундскому герцогу Филиппу от 24 апреля 1404 г. Использовав полный текст письма, содержащийся в Хронике Жана Брандона, и данные болгарских, сербских, венгерских и валашских источников, автор восстановил историю возникновения и деятельности сложившейся в эти годы антитурецкой коалиции, о существовании которой почти не было известно в литературе.

В начале XV в., когда после битвы под Анкарой в Турции начались смуты и создалась благоприятная обстановка для свержения власти турок на Балканах, здесь в конце 1403 г. была организована коалиция из болгар, влахов, венгров, сербов и боснийцев, во главе которой стал Сигизмунд. Формирование этой коалиции, как показал Петров, несмотря на благоприятную общую политическую обстановку, проходило с большими трудностями при наличии острых противоречий, а Сигизмунд только стечением обстоятельств, помимо своей воли, оказался во главе коалиции. В конце 1403 г. на Балканах сложилось два враждебных лагеря. В первый вошли Сигизмунд, Стефан Лазаревич, Остоя — король Боснии и валашский воевода Мирчо. В другом лагере оказались турки, неаполитанский король и папская курия, Георгий Бранкович, а также бо́льшая часть боснийских феодалов.

Данные источников свидетельствуют о том, что уже в конце 1403 г. действия коалиции против турок и их балканских союзников развернулись на широком фронте от устья Дуная до Далмации. Насколько позволил скудный материал. Петров выявил сильные и слабые стороны коалиции. В частности, несомненно, что одной из сильных сторон коалиции была связь ее действий с движением в покоренных турками областях Балкан. Рассматривая развернувшиеся антитурецкие движения, докладчик приходит к выводу, что в начале XV в. борьба против турок на Балканском полуострове развертывалась в основном по двум линиям — во-первых, в форме гайдуцкого движения и, во-вторых, в виде восстаний, возглавлявшихся представителями старой местной феодальной знати.

Оценивая деятельность коалиции, П. Х. Петров считает, что опыт создания этой, хотя и быстро распавшейся, коалиции подсказывал руководителям балканских стран пути организации борьбы против турок. Однако, оказавшись не в состоянии подняться над своими личными и местными интересами, они не смогли в полной мере воспользоваться междоусобицей в Турции.

Г. Л. Курбатов (Ленинград) выступил с докладом «Термин δῆμος в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов». Докладчик отмечает, что в последнее время становится все более очевидным, что в научной литературе предшествующих лет явно переоценивались генетические связи византийских димов с античными, эллинистическими демами, преемственность в их развитии; иногда даже доходили до известного уподобления димов и демов. Истоки непосредственного происхождения византийских димов V—VII вв. следует прежде всего искать в эволюции важнейших явлений социальной и политической жизни восточноримского города в IV в. Поэтому докладчик считает, что изучение содержания терминов «δῆμος» — «δῆμοι» в источниках IV в. и выявление эволюции этого содержания — один из путей решения вопроса о происхождении византийских димов. Поскольку политическая жизнь восточноримского города IV в. наиболее глубоко раскрывается в произведениях Либания (на материале Антиохии, в дальнейшем одного из крупнейших центров борьбы партий), автор считает, что изучение содержания термина «демос» у Либания имеет особенно важное значение.

Отметив, что в условиях переходной эпохи, ломки общественных и политических отношений чрезвычайно трудно говорить о строго определенном содержании тех или иных терминов, докладчик, тем не менее, считает возможным выявить основное содержание этих терминов у Либания и известные тенденции их эволюции.

Продолжая работу, начатую М. Я. Сюзюмовым, и детально проанализировав содержание терминов «δῆμος» — «δῆμοι» в произведениях Либания, докладчик подтверждает мнение М. Я. Сюзюмова, что в IV в. эти термины не употреблялись в значении каких-либо политических или территориальных единиц внутри города. В пределах города «демос» выступает у Либания как единое целое. Либаний никогда не употреблял термин «δῆμοι» при характеристике политической жизни внутри одного города. Изучение употребления этого термина показывает, по мнению Г. Л. Курбатова, что у Либания он имеет значение «народы городов», но в пределах каждого города у Либания выступает лишь единый «демос». Анализ употребления Либанием формулы «курия и народ» и взаимоотношений между курией и демосом приводит автора к выводу, что в течение IV в. еще продолжало сохраняться известное политическое единство курии и демоса. Но обострение противоречий между курией и демосом во второй половине — конце IV в. привело к распаду этого единства,

заставило городское насление искать новые формы защиты своих интересов по мере упадка полисного строя. С этим и связаны образование группировок-партий и распад политически объединенного вокруг курии демоса на «δῆμος», а соответственно и появление термина «δῆμοι» в источниках при описании политических событий внутри одного города.

Выступив в прениях по докладу, З. В. Удальцова отметила, что автор, продолжая разработку проблемы византийских димов вслед за А. П. Дьяконовым, Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко и М. Я. Сюзюмовым, смог подойти к проблеме возникновения димов под новым и представляющим значительный интерес углом зрения. Постановка этого вопроса на материале данных одного автора, наиболее детально освещающего внутреннюю жизнь города на протяжении многих десятилетий, вполне обоснована и закономерна. Но хотелось бы, чтобы в дальнейшем были привлечены и данные других источников IV в. В то же время З. В. Удальцова обратила внимание на важность продолжения работы над уточнением социального состава складывающихся группировок-партий и классовых интересов входивших в них различных прослоек народных масс города.

Н. В. Пигулевская и С. Г. Каухчишвили отметили убедительность точки зрения автора. С. Г. Каухчишвили подчеркнул, однако, необходимость при дальнейшей разработке этой проблемы более четко выявить восточную специфику в процессе развития политической жизни восточноримского города и ее влияние на образование партий цирка в Византии.

Выступая с заключительным словом, Г. Л. Курбатов отметил, что рассмотренные в докладе данные свидетельствуют, по его мнению, о разложении рабовладельческого города, упадке его муниципального строя и самоуправления.

Важные вопросы внутренней истории, проблемы перехода от рабовладения к феодализму и развития феодальных отношений в Византии были подняты в ряде докладов.

З. В. Удальцова (Москва) посвятила свой доклад «Некоторые данные византийских папирусов VI—VII вв. о формах землевладения и положении рабов и колонов» важнейшим вопросам, связанным с переходом от рабовладения к феодализму. На материале латинских папирусов византийской Италии, еще недостаточно изученных с точки зрения выяснения эволюции социально-экономических отношений, докладчик четко обрисовал основные тенденции развития социальных отношений в Италии VI—VII вв. Центральное место в докладе заняли вопросы эволюции форм землевладения, изменения положения непосредственных производителей — рабов и колонов.

По данным равеннских папирусов, в VI—VII вв. в византийской Италии происходит интенсивный рост крупного землевладения, главным образом церковного. Изучение автором сведений о социальном положении дарителей земельных имуществ церкви показало, что крупное церковное землевладение росло не только за счет мелкого и среднего, но в значительной мере и за счет крупного светского землевладения. От роста церковного землевладения отставало светское крупное землевладение. Значительный интерес представляют и наблюдения автора над этническим составом дарителей, который, с одной стороны, свидетельствует об усилении землевладения византийской аристократии в Италии, а с другой — о сохранении в ней значительной прослойки крупных и средних землевладельцев варварского, главным образом остготского, происхождения.

Особый интерес представляют наблюдения З. В. Удальцовой относительно роли рабского труда и эволюции положения рабов. Данные равеннских папирусов содержат сведения о значительном числе рабов в крупных имениях. Рабы использовались на различных сельскохозяйственных работах.

Материалы, относящиеся к Италии после византийского завоевания, свидетельствуют о возрастании хозяйственной связи раба с пекулием, об увеличении числа рабов, посаженных на землю, о более широком использовании господских рабов в качестве подсобных работников в хозяйстве колонов, т. е. о явлениях, которые говорят об окончательном упадке латифундиального рабства.

Среди приведенных докладчиком данных о составе наделов колонов и их повинностях представляют интерес сведения о развитии барщины и о ее размерах (три дня в неделю). Рассмотренные докладчиком данные равеннских папирусов показывают, что, несмотря на значительную пестроту и изменчивость различных категорий зависимого сельского населения Италии после византийского завоевания, все явственнее вырисовывается основная тенденция социально-экономического развития этого времени, выразившаяся в сближении положения различных категорий крестьянства, в их нивелировке, связанной с установлением феодальной зависимости.

Выступивший в прениях проф. Д. Ангелов (Болгария) отметил значительный интерес выводов З. В. Удальцовой. Их ценность заключается, по его мнению, в том, что они основаны на конкретном материале договоров, позволивших автору доклада проследить конкретные проявления нивелировки положения непосредственных производителей в VI—VII вв. В связи с этим Д. Ангелов остановился на вопросе о положении в эту эпоху свободных колонов и адскриптициев, отметив, что вопрос о том, насколько стерлись в рассматриваемую эпоху грани между этими двумя важнейшими категориями сельского зависимого населения, имеет решающее значение. В связи с этим Д. Ангелов задал докладчице вопрос, позволяют ли рассмотренные ею папирусы засвидетельствовать стирание граней, сближение между этими группами. В ответном слове З. В. Удальцова отметила, что материалы равеннских папирусов не содержат точных данных, позволяющих говорить о полном исчезновении категории свободных колонов, но можно говорить о тенденции к их нивелировке с адскриптициями.

На устреннем заседании 12 августа, проходившем под председательством С. Г. Каухчишвили (Тбилиси), с докладом «Рукописные сокровища монастыря св. Екатерины на Синае» выступил Кеннет Уиллис Кларк (Дурхэм, США). Докладчик кратко изложил историю образования и развития библиотеки этого крупного хранилища византийских и восточных рукописей, характеристику состава рукописных фондов, историю их изучения и сообщил о состоянии библиотеки в настоящее время. Для советских историков большой интерес представила та часть доклада американского ученого, в которой он рассказал об истории разработки рукописных фондов монастыря русскими учеными, и данные о грузинских и армянских рукописях. Докладчику было задано много вопросов о составе рукописных фондов, об отдельных, в частности полиглотных, рукописях, их каталогах, организации хранения и т. д. Выступавшие по докладу отметили большой интерес сообщения Кларка и подняли вопрос об издании некоторых рукописей монастыря, представляющих особый научный интерес. Председательствовавший на заседании С. Г. Каухчишвили в своем выступлении говорил о необходимости контакта между учеными,

работающими над рукописными фондами, и, в частности, о значении обмена микрофильмами рукописей.

С докладом «О некоторых приемах оформления византийских рукописей» выступила на том же заседании Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Докладчица коснулась проблем и задач византийской кодикологии. Кодикология, как отметила Е. Э. Гранстрем, «видя в средневековой рукописи памятник средневековой культуры, изучает ее как единое целое», пытаясь установить не только взаимосвязь и взаимозависимость отдельных особенностей рукописи (материал, текст, письмо, оформление и т. д.), но и ее происхождение, принадлежность к определенной средневековой библиотеке. Такое всестороннее изучение «не только расширяет наши сведения по истории византийской образованности», но может дать и «известное представление о производстве книги в Византийской империи».

Е. Э. Гранстрем подвергла тщательному рассмотрению два основных момента оформления рукописей: письмо и специальные знаки и значки. Большой рукописный материал был проанализирован докладчиком в историческом аспекте и приведен в строгую систему. По существу, доклад Гранстрем явился своего рода сжатым руководством по изучению византийских рукописей. Докладчица пришла к выводу, что господствующий взгляд на византийские рукописи как на однообразные памятники не только ошибочен, но и вреден, поскольку он «нередко мешает видеть в них те присущие отдельным кодексам особенности, которыми они отличаются друг от друга», в частности, например, отличие между рукописной книгой, выполненной писцом-профессионалом на заказ, и сборником, составленным его владельцем для научных или учебных целей. Комплексный анализ рукописей, принимающий во внимание не только содержание и письмо, но и наличие схолий, глосс, значков, манеру разлиновки и т. д., не только помогает исследователям в классификации рукописей и изучении различных приемов их оформления писцами, учеными и учащимися, но и побуждает к пересмотру некоторых традиционных точек зрения, в частности общепринятого разделения истории минускульного письма на три четко разграниченных периода, а также широко распространенного представления, что книжный курсив встречается только с начала XIII в. Поскольку книжный курсив и смешанный минускул появляются и существуют почти одновременно с чистым минускулом, Е. Э. Гранстрем считает возможным рассматривать последний как «каллиграфический образец, а книжный курсив и смешанный минускул — как отклонения от этого образца, зависящие от содержания и назначения текста».

Выступившая по докладу Р. Шмерлинг (Тбилиси) указала, что выводы доклада имеют большое значение не только для византийской кодикологии, но и для родственных дисциплин, в частности для изучения грузинских рукописей.

В своем докладе «О работе над коптскими манихейскими текстами» А. Бёлиг (Галле, ГДР) доложил секции о состоянии рукописей ценнейшей манихейской библиотеки из Мединет Мади и о мерах, которые принимаются и должны быть приняты для их полного издания. В первой части своего доклада А. Бёлиг изложил историю находки в 1930 г. Карлом Шмидтом части этих рукописей в Каире, приобретения этой библиотеки Берлинским музеем, известным английским коллекционером Честером Битти и Австрийской национальной библиотекой, рассказал о работе по консервации рукописей и их частичному изданию (В Германии — Г. Я. Полоцким, затем А. Бёлигом, в Англии — К. Р. К. Оллберри) и сообщил о судьбе каждой из частей собрания в годы второй мировой войны. Вторая часть доклада А. Бёлига была посвящена характеристике

современного состояния собрания. Докладчик дал подробное раздельное (по месту хранения — Берлин, Геттинген, Англия) описание рукописей и перечислил те мероприятия, которые необходимо осуществить для обеспечения сохранности оставшихся рукописей и их быстрейшего издания. А. Бёлиг также сообщил, что Берлинской академией принято решение об издании берлинской части собрания.

В связи с этим А. Бёлиг остановился на научном значении публикации рукописей этой библиотеки, которая состоит из писем Мани, книги псалмов, Kephalaia, Проповедей, Исторической книги, Logoi и неидентифицированного текста. Эти рукописи, составлявшие, по мнению докладчика, библиотеку катехумена, можно разделить на канонические и полуканонические (с точки зрения Мани). Издание этих текстов наряду с публикацией обнаруженной в 1946 г. гностической библиотеки в Наг Хаммади дало бы возможность исследователям создать «опирающуюся на прочную источниковедческую базу историю гностицизма».

Доклад А. Бёлига вызвал оживленные прения. К. Кольпе рассказал о состоянии геттингенской части собрания. Р. Ибшер обратил внимание на печальный факт порчи папирусов, содержащих некоторые манихейские тексты, и необходимость принятия срочных мер для их консервации. В частности, Р. Ибшер сообщил об опасности, угрожающей английской части собрания, в котором некоторые рукописи подверглись только временной консервации. Он подчеркнул, что немедленная надежная консервация этих папирусов и быстрейшее их издание — неотложная задача.

В связи с выявившейся необходимостью принятия срочных мер для сохранения коллекции и издания текстов манихейских папирусов С. Г Каухчишвили внес предложение обратиться к Берлинской Академии наук с просьбой ускорить издание берлинской части коллекции. А. Бёлиг,И.Ирмшер, К. Кольпе предложили адресовать резолюцию Конгресса по этому вопросу ко всем организациям и лицам, в ведении которых находится вся коллекция, т. е. Берлинской Академии наук, уже приступившей к решению этой задачи, «Немецкому исследовательскому сообществу в Геттингене» и владельцам английской части собрания.

С докладом «О значении завещания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества (XI в.)» выступил Р. М. Бартикян (Ереван). Докладчик отметил, что до последнего времени завещание Воилы не привлекало внимания арменоведов и грузиноведов, поскольку в завещании не было конкретного указания на местонахождение имений Воилы, а исследователи локализовали их в Каппадокии, Антиохийской феме, районе Эдессы. Для локализации владений Воилы большое значение имела памятная записка монаха Феодула, писца завещания, содержащаяся в том же пергаменном кодексе Парижской национальной библиотеки. Однако неправильное чтение этой записи запутало вопрос о локализации. Изучая микрофильм записи, автор пришел к выводу, что упоминаемый в ней магистр Василий был дукой Иверии, а следовательно, и владения Воилы были расположены в этом районе, в области Тайк и Кларджия. К такому же выводу пришел и греческий византинист Сперос Врионис на основании изучения названия одного из принадлежавших Воиле селений. Автору доклада с помощью материалов грузинских надписей и жития св. Григория Хандзтийского удалось локализовать еще ряд селений Воилы, что еще раз подтверждает правильность вывода о расположении имений Евстафия в Тайке и Кларджии.

В связи с этим завещание приобретает особое значение для изучения истории Грузии и Армении в эпоху византийского владычества. Самый

факт получения Воилой одиннадцати селений в этих областях, по мнению докладчика, убедительно свидетельствует о том, что византийское правительство проводило политику переселения византийских феодалов на армянские и грузинские земли. Некоторые данные этого завещания говорят и о том, что эта политика византийского правительства встречала сопротивление со стороны местных феодалов. В еще большей мере византийской агрессии противостояли народные массы Армении и Грузии. В связи с этим автор отмечает, что С. Врионис слишком буквально понимает ряд сведений Воилы; в частности, он в прямом смысле воспринимает его упоминание о том, что местность, которую получил во владение Евстафий, была «обиталищем змей, скорпионов и диких зверей». Указания армянских и грузинских источников, по мнению автора, дают основания понимать это несколько иначе.

В армянских и грузинских источниках этого времени так нередко назывались еретики тондракцы, ересь которых «имела не только классовый характер, но и носила черты освободительной борьбы армянского народа против иноземных захватчиков вообще и против византийских в особенности». При таком понимании становится вполне понятным оставшееся совершенно не объясненным Врионисом сообщение Воилы о том, что он «огнем и мечом уничтожил этих змей, скорпионов и диких зверей, превратил в золу их обиталища».

Кроме того, завещание Воилы свидетельствует, что среди армян было распространено монофизитство.

Значительный интерес представил и анализ содержащихся в завещании данных о рабах и использовании рабского труда в хозяйстве Воилы. В заключение Р. М. Бартикян отмечает ряд проблем в области изучения языка, истории искусства, исторической географии, возникающих перед исследователями завещания Воилы, которое должно стать предметом внимательного изучения не только византинистов, но и арменоведов и грузиноведов.

Утреннее заседание 15 августа было посвящено истории и филологии Южной Аравии. Председательствовал А. Бёлиг (Галле, ГДР).

Проблеме датировки большой группы южноарабских надписей и анализу рисуемых в них социальных отношений в государстве мукаррибов Саба посвятил свой доклад А. Г. Лундин (Ленинград). Докладчик предложил свой метод изучения этих надписей путем группировки безусловно связанных между собой и относящихся явно к одной эпохе надписей. Используя этот метод, докладчик избрал предметом своего рассмотрения надписи Йада°ила Зариха сына Сумху'алай, наиболее известного из мукаррибов Саба, несомненно относящиеся именно к этому мукаррибу, поскольку не было мукаррибов другого времени с этим именем. Обосновав правильность своих выводов о единовременности группы надписей с его именем, установив палеографические и эпиграфические особенности, объединяющие их, докладчик рассмотрел содержание надписей, которые в своей совокупности дают некоторые представления о круге деятельности мукаррибов и их функциях. По мнению докладчика, все рассмотренные им данные надписей о деятельности мукаррибов Саба позволяют рассматривать их как институт, «основанный на родоплеменной организации» (во всяком случае генетически), который обладал, с одной стороны, хозяйственными функциями: постройка ирригационных сооружений, строительство зданий (в том числе храмов), а с другой стороны — функциями сакрального характера: ритуальные церемонии, посвященные 'Астару (жертвоприношения всех видов, ритуальная охота и т. п.).

Такой же характер носили и функции других мукаррибов. Но рассмотренная группа надписей не говорит ни о какой «политической деятельности» данного мукарриба. Надписи же, относящиеся к другим мукаррибам, иногда представляют собой их декреты и говорят об установлении поборов, податей; но отсутствие в них упоминания титула мукарриб свидетельствует, что эти функции, во всяком случае первоначально, находились вне обычного круга деятельности мукаррибов.

По докладу А. Г. Лундина среди присутствующих на заседании арабистов развернулись оживленные прения. А. Бистон (Оксфорд) отметил большой интерес поставленных автором доклада вопросов и положительно оценил методику его исследования. Фильби (Лондон) заявил, что предлагаемая Лундиным датировка этой группы надписей представляется ему весьма убедительной в плане палеографического изучения текстов надписей.

С докладом «О начале Химьяритской эры» выступил А. Кавар (Лос-Анжелос, США). Докладчик уточнял ряд датировок арабских надписей путем сопоставления содержащихся в них сведений с датированными данными в византийских источниках, прежде всего у Прокопия, сообщающего об обмене посольствами между Византией и арабами. Тщательно проанализировав сведения Прокопия об этих посольствах, докладчик попытался более точно датировать каждое из них. В частности, на основании анализа данных Прокопия Кавар уточнил характер отношений между Византией и Абрахой и отверг датировку Ж. Рикманса, относящего заключение военного союза между Абрахой и Византией к 547 г. По мнению Кавара, его следует датировать 549 г.

Вокруг доклада Кавара развернулись оживленные прения — главным образом по вопросу оценки характера посольств, поскольку в основном на этом базировались некоторые датировки докладчика. Справедливость ряда его критериев датировки была поставлена под сомнение некоторыми из выступавших.

Вопрос о неарабских топонимических названиях в центральной Южной Аравии был рассмотрен в докладе Ч. Д. Метьюза (Дахран, Саудовская Аравия). В связи с отстутствием автора доклад был зачитан Ч. Рендзом (Эдинбург). Автор подробно разбирает вопрос о живых диалектах древних южноарабских языков, продолжающих бытовать на юге Аравийского полуострова, и выделяет четыре таких диалекта: махри (и близкий ему сокотри), шахри (ранее неправильно называвшийся шҳаури), харсуси и батҳари, указывая географическое распространение каждого из них. Основное место в докладе занимает перечень топонимических названий Южной Аравии, восходящих к указанным диалектам и дающих интересный лингвистический и картографический материал.

Ввиду отстутствия автора прения по докладу не проводились.

Вечернее заседание 15 августа, проходившее под председательством В. Н. Лазарева (Москва), было посвящено проблемам византийского искусства. Первым был прочитан доклад А. В. Банк (Ленинград) «Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI—XII вв.». Доклад вновь привлек внимание участников конгресса к широко дебатирующемуся с начала нашего века вопросу о генезисе, традициях и специфике византийского искусства — к тому, что с момента появления в 1900 г. нашумевшей книги И. Стжиговского принято условно называть «Orient oder Rom». Усиленно занимавшийся в 20-х годах этой проблемой А. Грабар пришел к заключению, что несомненно существовавшая связь с мусульманским искусством проявляется, как и следовало ожидать, не в религиозном, а в светском искусстве, что свойственный периоду так

называемого «Македонского возрождения» процесс «ориентализации» был связан со вкусами константинопольских придворных кругов.

В докладе А. В. Банк поставила перед собой задачу показать на основе анализа двух опубликованных ею эрмитажных серебряных сосудов, что «связи с Востоком получили отражение во вкусах не только этих общественных кругов (т. е. придворных.— *Г. К. И. Ф.*), но и в искусстве, связанном с более широкими социальными слоями». Широко привлекая византийские и восточные материалы с родственными темами, техническими и стилистическими особенностями, докладчица доказала, что речь идет о «сосуществовании византийских и восточных элементов» и что рассмотренные ею предметы «соприкасаются и с другими памятниками, происхождение которых пока не установлено». Это и побудило А. В. Банк выдвинуть при первичной публикации гипотезу о производстве сосудов в Восточной Европе. В заключение А. В. Банк, ставя вопрос, «не имеем ли мы здесь дело с провинциальным искусством Византии», высказала предположение, что в результате перенесения ориентализации придворного искусства на предметы более массового распространения, а также, возможно, в силу непосредственного воздействия Востока на искусство византийских провинций, произошло органическое слияние восточных элементов с византийской основой, что и придало Византии то «восточное лицо», которое она «имела во всех явлениях своей социально-экономической, политической и культурной жизни».

Выступивший по докладу Д. Тальбот Райс отметил сложность вопроса, который, по его мнению, можно только поставить, но на который пока трудно ответить. На взгляд английского ученого, следует говорить не о связи, а о взаимосвязи и взаимодействии византийского и восточного искусства. В качестве подтверждения он провел параллель между фигурами воинов эрмитажного сосуда из Тарту и так называемой Моссульской группы фатимидского времени. Что же касается параллели с Венецией, которой коснулась докладчица, то в этом искусстве он видит влияние не константинопольского, а балканского, вероятнее всего, фессалоникского, искусства. С. Дер-Нерсессян привела в качестве параллели к изображенным на сосудах темам рукописи с Синая и фрагмент фигуры из Константинополя. А. В. Банк, поблагодарив Д. Тальбот Райса и С. Дер-Нерсессян за дополнения, не согласилась с первым в отношении Моссульской группы, которая, по ее мнению, отличается как по стилю, так и по технике от рассмотренного ею сосуда.

Краткое информационное сообщение «О фресках церкви Св. Софии в Константинополе» сделал Д. Тальбот Райс. Речь шла о начатой недавно расчистке фресок в находящейся почти за городом квадратной с куполом церкви Св. Софии, которой в свое время занимались русские исследователи Ф. И. Успенский, М. В. Алпатов, Н. И. Брунов. Твердый и толстый слой штукатурки, которой были покрыты фрески, чрезвычайно затруднил работу, и фрески сильно пострадали. Сюжеты их несколько необычны, но расположены по общепринятой схеме. Время построения церкви относится к середине XIII в., что же касается фресок, то вследствие их близости к сербским фрескам XIII в. и к фрескам Мистры они должны быть, по мнению докладчика, датированы концом XIII — началом XIV в. Взявший слово В. Н. Лазарев обратил внимание на некоторые особенности изображения апостолов на фресках. По его мнению, фрески относятся к XIII в. и представляют допалеологовское искусство.

После сообщения Д. Тальбот Райса секция приступила к обсуждению вопроса о международном сотрудничестве и принятию соответствующих резолюций.

И. Ирмшер внес на обсуждение проект резолюции по вопросу об издании коптских манихейских текстов. В этой резолюции секция выражает пожелание, чтобы Берлинская Академия наук довела до успешного конца возобновленное ею издание этих текстов, а сэр Честер Битти и «Немецкое исследовательское сообщество в Геттингене» завершили работу над консервацией остальной части текстов и приняли меры к их быстрейшему изданию.

Д. Моравчик предложил принять резолюцию, в которой отмечается, что, поскольку единственные имеющиеся в распоряжении византинистов словари Дюканжа и Софоклиса устарели, назрела потребность во всеобъемлющем научном словаре позднеантичного и средневекового греческого языка, который отразил бы не только язык литературных памятников, но и все богатство народного творчества, и социально-экономическую терминологию разнообразнейших исторических памятников. Принимая во внимание, что подобная задача не под силу отдельному лицу или даже научному коллективу, Конгресс обращается к международной научной общественности с просьбой принять участие в этой работе.

Н. В. Пигулевская горячо поддержала обе резолюции, которые были приняты единогласно, а затем, на следующий день, также единогласно утверждены на пленарном заседании Конгресса.

Закрывая последнее заседание секции, В. Н. Лазарев подвел краткие итоги ее работы и выразил благодарность всем докладчикам, организаторам, участникам — всем тем, кто помог своим трудом успешной работе секции.

Работа секции протекала в деловой дружественной обстановке. Обсуждение ряда важных проблем истории Византии и смежных с нею стран, несомненно, сыграет положительную роль в дальнейшей разработке этих проблем. Встреча византинистов разных стран в немалой степени способствовала заметному укреплению научных и дружественных связей.

Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийское обозрение
ВС — Византийский сборник

Гласник
СНД — Гласник Скопског научног друштва
ГСУ — Годишник на Софийския Университет
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРВИ — Зборник Радова. Византолошки институт
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИБАИ — Известия на Българския Археологически институт

Известия
ГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИБИ — Известия на Института за българска история
ИИД — Известия на Историческото дружество
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИП — Исторически преглед
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СпБАН — Списание на Българската Академия на науките
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
AB — Analecta Bollandiana
AHR — American Historical Review
AIPHOS — Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves
BCLSMP — Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie Royale de Belgique
BGU — Ägyptische Urkunden von den königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden.
BNJ — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
EO — Echos d'Orient
FA — Fasti Archaeologici
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
JRS — Journal of Roman Studies
Jus — Jus Graeco-Romanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856—1881.
ΚΕΦΣ — Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος
Λ — Λαογραφία
MAWL — Mededeelingen der K. Akademie van Weetenschappen, afdeeling Letter-Kunde
MGH — Monumenta Germaniae Historica
MM — Ed. F. Miklosich et J. Müller. Acta el diplomata Graeca medii aevi
PG — J. P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series Gracea
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REB — Revue des Etudes Byzantines
REG — Revue des Etudes Grecques
RES — Revue des Etudes Slaves
SAWW — Stizungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Klasse
SB — Studi Bizantini
SBAW — Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
VfSWG — Vierteljahrscharift für Social- und Wirtschaftsgeschichte
ZDMH — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. К. Кондов (София — Болгария). К вопросу о системе полеводства в болгарских и соседних с ними землях Балканского полуострова в средние века 3

Э. Франчес (Бухарест — Румыния). Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. 14

Р. Бенедикти (Будапешт — Венгрия). Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского) 23

З. В. Удальцова (Москва). Из истории русского буржуазного византиноведения XX века. (К. Н. Успенский) 32

Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси). Из истории армяно-византийских отношений («Маврикиевы легенды» в памятниках культуры древней Армении) 64

Л. Н. Гумилев (Ленинград). Великая распря в Первом Тюркском каганате в свете византийских источников 75

Н. Я. Половой (Таганрог). О маршруте похода русских на Бердаа и русско-хазарских отношениях в 943 г. 90

А. П. Каждан (Москва). Из истории византийской хронографии X в. Источники Льва Диакона и Скилицы для истории третьей четверти X столетия 106

А. Я. Сыркин (Москва). Социально-политические идеи эпоса о Дигенисе. 129

Ш. И. Нуцубидзе (Тбилиси). О начальных источниках «Книги о причинах» (Liber de causis) 156

М. М. Копыленко (Алма-Ата). О языке древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (глагольно-именные фразеологизмы) 164

С. А. Кауфман (Москва). О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими 184

В. А. Леквинадзе (Тбилиси). Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости 225

Т. А. Измайлова (Ленинград). Армянская рукопись, написанная в Генуе в 1325 г., и ее серебряный оклад 1347 г. 243

Критика и библиография

Рецензии

М. Я. Сюзюмов (Свердловск) I. Karayannopulos. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958 259

С. А. Кауфман (Москва). A. J. Festugière. Antioche païenne et chrétienne. Libanius, Chrysostome et les moines de Syrie. Paris, 1959. 267

А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин (Москва). По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена 279

Обзоры. (Византиноведение за рубежом)

Р. Бенедикти (Будапешт — Венгрия). Византиноведение в Венгрии (1946—1959) 296

С. Лишев (София — Болгария). О работе семинара по проблемам болгарского феодализма в XIII—XIV вв. 310

Хроника

Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман (Ленинград). О работе секции византиноведения и смежных дисциплин на XXV Международном конгрессе востоковедов 315

Список сокращений 336

Византийский временник, т. XX

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

**

Технический редактор *В. Г. Лаут*

**

РИСО АН СССР № 17-80В Сдано в набор 9/III 1961 г.
Подписано к печати 3/VI 1961 г. Формат 70×108¹/₁₆
печ. л. 21,25+21 вкл. (1,32 печ. л.) усл. печ. л. 29,97
уч.-издат. л. 31,2(29,6+1,6 вкл.)
Тираж 1600 экз. Т-07020 Изд. № 5505 Тип. зак. № 1660
Цена 2 руб.

**

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
7	23 сн.	«Сведения	Сведения
13	6 св.	равнозначны	равнозначны
91	25 св.	хазаро-аано-мусуль-манские	хазаро-алано-мусуль-манские
91	26 св.	л	в
91	27 св.	Истоврическая	Историческая
129	14 сн.	ниже	ниже.
134	23 св.	βασιλικέν	βασιλικὴν
144	10 сн.	Ф. К. Κουκουλές	Ф. Κουκουλές
145	9 сн.	00	110—111
147	24 сн.	cin	(in
154	7 св.	свойственность	двойственность
154	14 сн.	00	118
155	6 сн.	времен.	времен...»).
167	20 св.	деѣти	дѣяти
169	5 св.	παρεσκευάζεῖο	παρεσκευάζετο
173	26 сн.	ἔχυραν	ἔχθραν
248	17 св.	рис. 6	рис. 7
336	27—26 сн. (прав. кол.)	Ἑλλενικός	Ἑλληνικὸς